

УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ЭРМИТАЖЪ

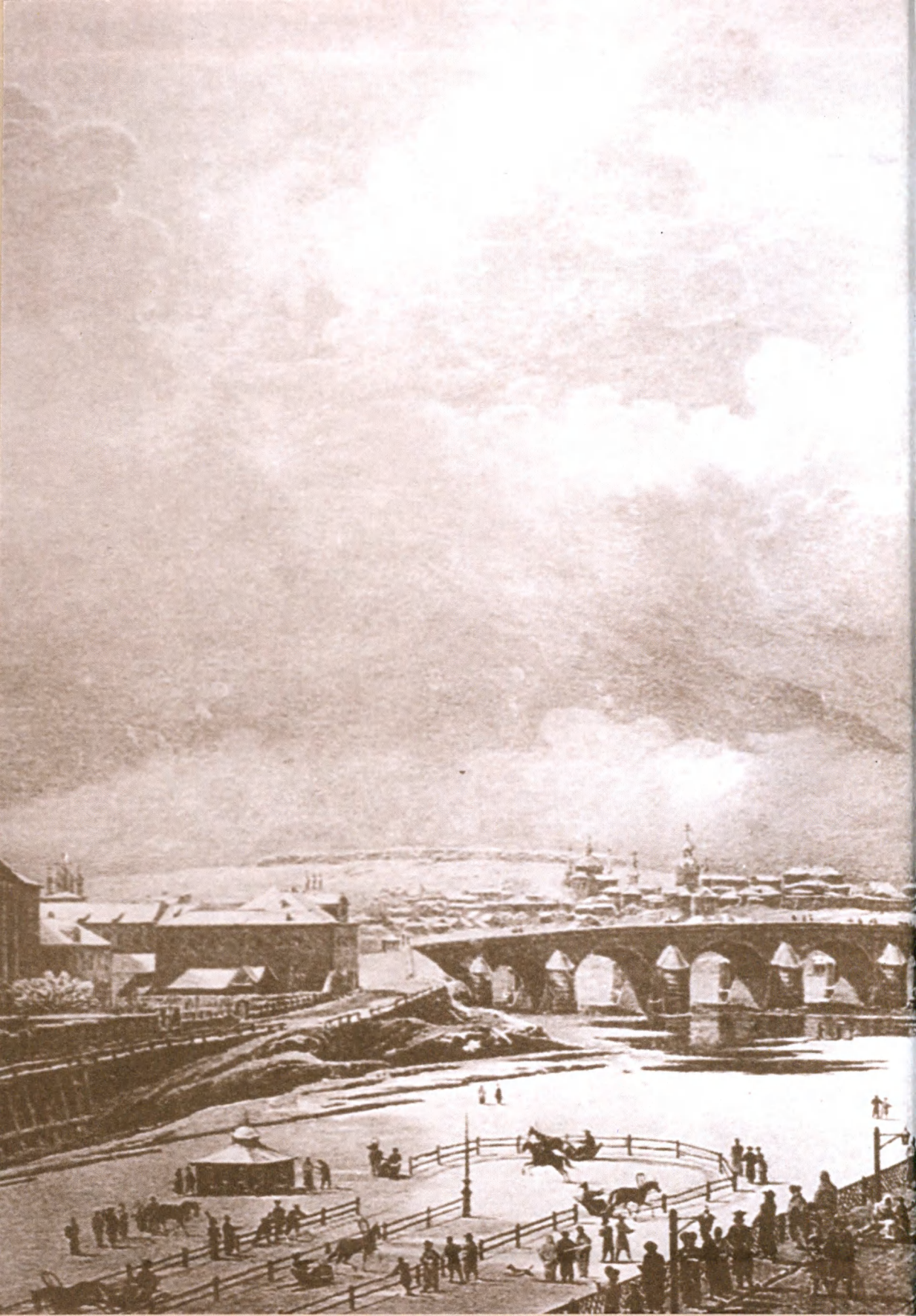

MMVII

РОССИЙСКИЙ
ЭРМИТАЖЪ

MMVII

Два чувства дивно близки нам—
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

А. С. Пушкин

РОССИЙСКИЙ АРХИВЪ

**История Отечества
в свидетельствах и документах
XVIII-XX вв.**

Новая серия

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
Студия
«ТРИТЭ»
НИКИТЫ МИХАЛКОВА
«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»
Москва
2008

УДК 94(47).05/.084(93.3)

ББК 63.3(2)52ю14+63.3(2)53ю14+63.3(2)6ю14

Р76

Федеральная программа книгоиздания России
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Редакционная коллегия

Г.И. Вздорнов

В.М. Гуминский

В.П. Казарин

Н.С. Михалков

А.Л. Налепин (главный редактор)

П.В. Палиевский

Т.В. Померанская

С.В. Ямщиков

Составление

М.Н. Силаева

В подготовке издания принимали участие

Е. Головнина и В. Налепин

Компьютерная верстка

М. Родионова

*Ответственность за археографическую подготовку текста
несут авторы публикаций*

ISBN 5-86566-059-4

ISSN 0869–2009

© Ю.Б. Шлиппе
© Российский Фонд Культуры, 2008
© «Российский Архив», 2008

**Мемуары
переписка
документы**

ВОСПОМИНАНИЯ Ф.В. ШЛИППЕ И Н.А. МЕЛЬНИКОВА

В этом томе публикуются воспоминания Федора Владимировича Шлиппе и Николая Александровича Мельникова — двух деятелей конца XIX и начала XX вв., жизненные пути которых, при очень разных стартовых условиях, обнаруживают немало параллелей и сходства. Оба они накопили богатейший опыт служения в земстве — в годы столыпинских реформ на ответственных постах. Живя и работая в разных губерниях, они знали и ценили друг друга, а позже, уже в эмиграции, породнились семьями.

Воспоминания охватывают полувековой период — от детства (начало 1870-х гг.) до первых лет эмиграции (начало 1920-х). Сведения, почерпнутые в основном из семейного архива, позволяют пишущему этот вводный текст — старшему внуку Ф.В. Шлиппе и Н.А. Мельникова — проследить их 30-летний жизненный путь в русском зарубежье. В приложении к мемуарам публикуется доклад, прочитанный Мельниковым в 1939 году в Женеве: «Предложения об устройстве местного самоуправления в христианско-национальной России».

Ф.В.Шлиппе — москвич, лютеранин немецких кровей, внук химика, приехавшего в Россию в самом начале царствования Николая I и получившего потомственное дворянство на русской службе.

Н.А.Мельников — русский дворянин, православный, родившийся в Казани в семье обедневшего помещика.

Служить в земстве оба начали в молодые годы: Шлиппе, получив высшее образование и отбыв воинскую повинность — в Верейском уезде Московской губернии; Мельников со второго курса медицинского факультета — в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии. Впоследствии они, каждый в «своей» губернии, возглавляли Губернские земские управы.

Оба применяли свои силы и знания также и на государственной службе: Шлиппе в качестве инспектора сельского хозяйства Московской губернии и неперемного члена Землеустроительной комиссии, позже в Министерстве земледелия на должности вице-директора Департамента земледелия. В том же Министерстве во время Первой мировой войны служил и Мельников, назначенный в 1916 году членом совета министра и главным уполномоченным по заготовкам продуктов для действующей армии. Оба они были убежденными сторонниками аграрных реформ П.А. Столыпина. Вместе с тем, прогрессивное, реформистское начало их деятельности сочеталось с мировоззренческим и политическим консерватизмом; оба до конца своих дней оставались приверженцами самодержавия.

Политиком не был ни тот, ни другой. Но и мимо них не прошла все нарастающая политизация общества в целом и земства в частности, особенно в годы до и после революции 1905 года. Ф.В. Шлиппе оставался при этом вне какой-либо партийной организации. Н.А. Мельников перед выборами в III Государственную думу вступил в партию октябристов, был в Думу избран, входил в несколько думских комиссий, но уже год спустя сложил с себя депутатский мандат и вернулся от разочаровавшей его парламентской деятельности к земской работе в Казани.

В Гражданскую войну Мельников вошел в правительство адмирала Колчака, выполняя задачи, к которым был уже подготовлен своим опытом в Министерстве земледелия. Шлиппе, предупрежденный об аресте, подался в Киев и из оккупированной немцами Украины предпринял неудавшуюся попытку пробраться на юг к генералу Деникину.

После поражения белых в Гражданской войне они оба оказались в эмиграции — Шлиппе с 1920 года в Германии, Мельников с весны 1923 года во Франции. В 1928 году они породнились: дочь Мельникова Ксения Николаевна (Ася) вышла замуж за старшего сына Федора Владимировича — Бориса. За границей почти не встречались, но до конца своих дней состояли в переписке.

Обоим пришлось пережить еще одну, небывалую по масштабам и потерям войну — Вторую мировую; ее исход вынудил 72-летнего Федора Владимировича Шлиппе вторично в жизни покинуть насиженное место и стать беженцем. Он и члены его семьи — жена, сестра, глухонемой младший брат и нянюшка Вера, причисленные как лица без подданства к категории «перемещенных лиц» («Displaced persons»), — последние свои годы прожили в провинциальных местечках на юге Германии: сначала на попечении Международных организаций помощи беженцам (UNRRA, IRA), а под конец в приюте, устроенном совместными усилиями православной и лютеранской церквей. Там Федор Владимирович и скончался 31 октября 1951 года. Похоронен в Гейдельберге, в могиле своего деда Карла Ивановича — основателя российской ветви семьи Шлиппе. Свояка своего Мельникова он пережил всего на семь месяцев. Николай Александрович скончался 13 марта 1951 года в городе Леман; покоится он на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа на окраине Парижа. Посвященный ему некролог, напечатанный в парижской газете «Русская мысль», подписан инициалами: «Ф.В.».

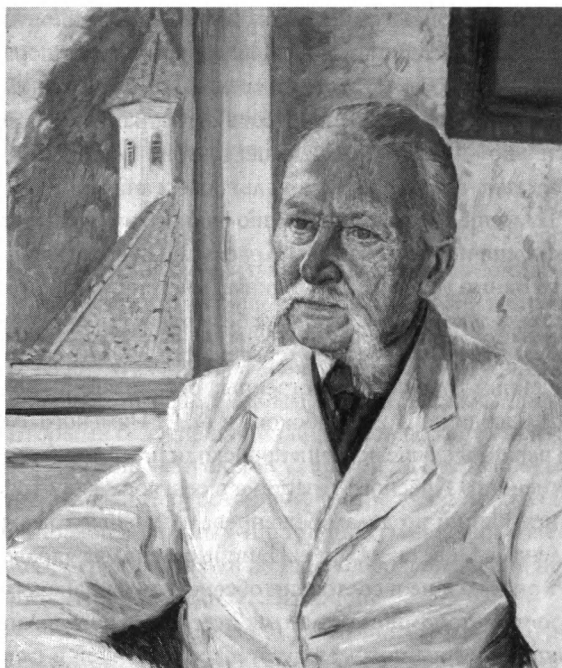
* * *

Первые проблемы, с которыми столкнулся Ф.В. Шлиппе, приехав в начале 1921 года в Берлин, носили весьма специфический характер, связанный с наплывом многих десятков тысяч беженцев из России.

Сам еще не устроенный (семья до поры до времени оставалась в Дрездене), Федор Владимирович немедленно включился в общественную работу. Возглавил берлинские отделения Земгора и Красного Креста.

Эти известные в дореволюционной России организации были восстановлены за рубежом под несколько другими названиями и приспособленные к новым нуждам.

Земгор, сформированный в 1915 году Земским и Городским союзами и ликвидированный в октябре 1917 года, в 1921 году в Париже возродился в новой ипостаси как «Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей». Первым его председателем стал прежний глава Земгора — князь Г.Е. Львов. В Берлине, как и в Париже, эта организация помогала беженцам находить работу

Портрет Ф.В. Шлиппе. Худ. А.Ф. Шлиппе.

и жилье, содействовала организации школ для детей, основала некоторые стипендии для студентов, приюты для престарелых и инвалидов, снабжала бедствующих продуктами питания и одеждой, помогала ремесленникам и художникам находить покупателей, и не в последнюю очередь — оказывала соотечественникам юридическую помощь. При этом тесно сотрудничали с «Русской делегацией» С.Д. Боткина и рядом других эмигрантских организаций, поддерживали деловые контакты с немецкими властями — городскими и правительственными. Несколько лет Боткин даже имел право выдавать паспорта. Денежные средства поступали из фондов американской ИМКА в Берлине, от германского правительства, а также от частных фондов и лиц из предпринимательских кругов российского зарубежья. Вскоре, однако, финансовая база берлинского Земгора резко сузилась, и уже к 1924 году работе отделения РГЭК в Берлине пришел конец.

Общественная деятельность Шлиппе на этом не прекратилась. По его инициативе в Берлине был основан Совет Красного Креста в составе свыше 30 человек, почти всех уже причастных к этой работе. «Таким образом создался отдел старой организации Российского Красного Креста в Германии, признанный как Главным управлением Русского Красного Креста в Париже, так и центром Международного Красного Креста в Женеве»¹. Сразу же выяснилось, что для эффективной и рациональной работы по

¹ Ф.В. Шлиппе, совместный с генералом А.А. Лампе «Меморандум» от 21/22.02.1946 г.

оказанию гуманитарной помощи нужны были данные о численности, месте проживания, возрастном составе и имущественном положении русской диаспоры в Германии, и прежде всего в Берлине; без соответствующих сведений было трудно организовать также и службу поиска родных и друзей. Но провести регистрацию соотечественников оказалось задачей непосильной для отдела Шлиппе. В июне 1921 года делегаты свыше тридцати различных гражданских и профессиональных организаций обсуждали под председательством Ф.В. Шлиппе планы по созданию единого эмигрантского совета, которому надлежало бы, в сотрудничестве с Русским Красным Крестом, защищать общие для всех интересы и говорить одним голосом с немецкими инстанциями. Договориться о деталях сразу не могли, и лишь в декабре 1921 года, не без содействия представителя Лиги наций и Комиссара по делам русских беженцев германского МИД, состоялось первое собрание Совета объединенных русских общественных организаций «под председательством Ф.В. Шлиппе, С.Д. Боткина, В.Д. Набокова и А.А. Римского-Корсакова»¹.

Дальнейшие периодические встречи происходили в германском МИДе с участием представителей Немецкого Красного Креста, а в сентябре 1922 года и Фритьофа Нансена, комиссара Лиги Наций по делам беженцев. Основные сферы деятельности были поделены между членами Совета; и Ф.В. Шлиппе отвечал за здравоохранение и школы. На практике Совет оказался не в состоянии обеспечить финансирование всех дел; ими, кто как мог, стали опять автономно заниматься отдельные организации, а Совет в основном выполнял функцию посредника между русской колонией в Берлине и германскими властями и организациями.

В апреле 1922 года Ф.В. Шлиппе смог наладить и свои домашние обстоятельства. В поселке Далевиц он купил за 250 тысяч марок большой дом и сорок соток земли. Деньги нашлись потому, что дед сберег для своего старого друга графа Игнатьева немалый капитал в фунтах стерлингов, и тот отблагодарил его некоторой долей; после обмена на дешевые послевоенные марки получилась сумма, достаточная для приобретения и элементарного обустройства усадьбы. Дом был трехэтажный, с электричеством и газом, но в остальном, даже по тогдашним стандартам, лишь с минимумом удобств. Центральное отопление было только в нижнем этаже, который сдавался под аптекарский и продуктовый магазины. Верхние этажи отапливались дровами и прессованным углем. Хозяйство вела жена Федора Владимировича, Елизавета Петровна; на кухне ей посильно помогала ее мать, Мария Андреевна Шванебах — вдова министра и управляющего делами великокняжеского дома Мекленбургов. Основную работу по дому вела няня Вера. Братья Федора Владимировича — Борис и глухонемой Альберт, трудились в основном в просторном саду с огородом. Они же ведали курятником и содержали в порядке двор и хозяйственные помещения. Часть двора была отведена под питомник, в котором сестра Ф.В. Шлиппе Маргарита Владимировна (Марга) разводила породистых кокерспаниелей; от продажи щенков у нее были какие-то доходы, которые она могла тратить на свои скромные личные нужды. Кормильцем семьи был Федор Владимирович. Бывали периоды, когда он оставался без работы, и тогда едва сводили концы с концами.

¹ Роберт Уильямс «Культура в изгнании. Русские эмигранты в Германии 1881-1941» (Robert C. Williams, «Culture in Exile. Russian emigrants in Exile 1881-1941», Cornell University Press, U.K., 1972).

Позже, когда он стал управлять доходными домами и занимался маклерством по купле и продаже недвижимого имущества, материальное положение семьи заметно поправилось. Далевидский дом (его ласково называли «Далевкой») всегда славился своим русским гостеприимством, постоянно привлекал гостей, которые знали цену не только летним чаепитиям в саду под яблоней, но и царившей у «Шлиппов» сердечной, душевной атмосфере.

* * *

В начале 1930-х годов менялась ситуация и в самой Германии. Победа на выборах национал-социалистической партии во главе с Гитлером была встречена многими с надеждой на чаемую стабильность в деморализованном государстве, которое сотрясали не прекращающиеся политические и социально-экономическими кризисы. Новый рейхсканцлер представлялся политиком, решительным, хотя и жестким, способным справиться с проблемами, над которыми безуспешно бились слабые, часто менявшиеся коалиционные правительства Веймарской республики. Таким он виделся миллионам немцев. Таким его хотела видеть и немалая часть русской эмиграции, связывавшая с его политикой надежды на обретение «прежней России» и помощь в изменении советского строя и восстановлении монархии и церкви»¹. Эти надежды и воодушевления не были чужды и по-прежнему настроенному монархически Ф.В.Шлиппе.

Племянник Федора Владимировича из Латвии Николай Бурсиан, разделявший восторги многих немцев, навещая семью Шлиппе в 1937 году так описывал атмосферу у «таширевцев»: «...Совершенно иначе <...> были настроены мой дядюшка (двоюродный брат моей матери) Федор Владимирович Шлиппе и вся его семья. Ф.В. был консерватором и все еще, два десятка лет после Октябрьской революции, верен царю. В гостиной у него висели портреты царских особ и двуглавый орел. Дома говорили больше по-русски, чем по-немецки, и дядя Федя даже утверждал, что все мы давно не немцы. Убедить его в обратном было невозможно. По всему этому испортились и фактически прекратились его взаимоотношения с дядей Виктором. Тот в глазах «ташировцев» (так мы называли семью дяди Феде) был только «яростный наци»... Борис (сын Ф.В.) заявил, что нацизм является угрозой для христианства, а теща дяди Феде, старушка Мария Андреевна Шванебах, внезапно выпалила: «Терпеть не могу этого Геббельса!»².

То, что национал-социалисты постепенно ликвидировали парламентскую демократию, «прижали» коммунистов, боролись с «еврейским засильем», сворачивали все существовавшие «свободы слова, печати, собрания», нещадно идеологизировали сферу литературы и искусства, вынуждая покидать страну виднейших представителей немецкой научной и творческой интеллигенции — все это словно не виделось и особенно не беспокоило среднего немца, обремененного насущными проблемами и стремлениями к возрождению могущества Германии.

Для большинства представителей русской эмиграции важнейшей была декларация новой власти о непримиримости «борьбы с большевизмом», хотя некоторые из них, познавшие на себе потрясения и ужасы революций, установившегося в России режима, не могли не проводить некоторых исторических параллелей. Так, после встречи Ф.В.Шлиппе

¹ цит. архиепископа Волоколамского Феодора (Поздеевского)

² Неопубликованные мемуары, части 1-3, на немецком языке.

и Н.А.Мельникова в 1937 году в Далевице, Николай Александрович в своих «Записках мечтателя» вспоминал одну примечательную беседу. Поделившись некоторыми своими наблюдениями о Германии (возможно, и какими-то материалами из французской прессы?), отмечал, что воцарившийся здесь режим похож на тот же большевизм. Федор Владимирович согласился: «Да, большевизм, но все-таки, к счастью, не сталинизм».

Дистанцированность и внутренняя критичность к установившемуся режиму проявлялась не только дома, но и сказывалась на общественном поприще Ф.В.Шлиппе: «бесподданного» русского эмигранта власти, при всей его внешней лояльности, считали далеко не «своим».

В 1930-х годах власти, наблюдавшие за общественной деятельностью иностранцев, дали понять «бесподданному Ф.В. фон-Шлиппе», что его поведением недовольны. В 1934 году ему, особоуполномоченному Российского Красного Креста в Германии, предъявлено было ультимативное требование прекратить всякую связь с Главным управлением РКК в Париже, «как находящимся вне Германии /.../ и придать Русскому Красному Кресту в Германии иной вид. В случае несогласия [ему] угрожало полное прекращение его деятельности и закрытие»¹.

Единственно возможным выходом из положения деятеля РКК в Берлине и Париже сочли «иметь независимого от Главного Управления президента, избранного на собрании членов местного Российского Красного Креста». С соблюдением всех формальностей, предписанных немецким законом, в марте 1934 года было учреждено новое Общество под названием «Общество бывших деятелей Императорского Российского Красного Креста в Германии». Президентом его был избран Ф.В. Шлиппе. Внешняя перемена декораций удовлетворяла немецким требованиям, по сути ничего не меняя: связь с Главным Управлением в Париже оставалась в силе. Однако, «в феврале 1938 года германская Государственная тайная полиция, без объяснения причин, потребовала от Федора Владимировича фон-Шлиппе, чтобы он покинул свой пост».

Помедлив, весной 1938-го года очередное собрание приняло вынужденную отставку Шлиппе, но «в знак протеста против такого распоряжения властей, избрало [его] почетным членом Общества. Президентом Общества на следующее пятилетие просило быть Ея Высочество Княжну Веру Константиновну и вновь избрало на пост вице-президента генерала Алексея Александровича фон-Лампе»².

В июне 1933 года выходящая в Париже газета «Возрождение» в редакционной передовице писала: «И вот впервые в Европе поднимается знамя борьбы с коммунистическим злом; его поднимает Хитлер. Мы не были бы русскими людьми, если бы не приветствовали это знамя. /.../ Планы Хитлера о будущей колонизации России? О будущем мы будем говорить впоследствии. Россия же погибает сейчас. <...> прежде всех задач, стоящих перед народами земного шара, должна быть поставлена задача истребления коммунизма на всем свете»³.

¹ Совместный с ген. А.А. Лампе «Меморандум» от 21.02.1946, о деятельности Русского Красного Креста в Германии 1921-1938».

² «Меморандум».

³ «Возрождение» № 2929, 8 июня 1933.

Николай Александрович Мельников

Так думали многие, и немало их продолжали так думать, когда в июне 1941 года Гитлер напал на Советский Союз. Сердце других было на стороне обороняющейся от агрессора Родины; им в этот момент Сталин представлялся меньшим злом. Патриотами считали себя и те и другие. В Берлине появились молодые люди, приехавшие преимущественно из Югославии, которые были членами политической организации НТСНП — Национально-Трудового Союза Нового Поколения¹. У них была идеология, которую они называли «солидаризм», и политическая программа, в которой излагались цели и методы борьбы против сталинского режима вне и на территории СССР. Методы включали наряду с организационными, пропагандистскими, публицистическими и подпольные. Первой и главной целью было освобождение России от власти Сталина и ВКП(б). Достижение этой цели было предпосылкой всего остального. НТСовцы не хотели ни реставрации старой России, ни социализма, ни буржуазной парламентской демократии.

В германскую столицу «солидаристы» устремились с намерением использовать в своих целях возможности, которые открывались ходом войны на советской территории. Знакомились, конечно, и с живущими здесь эмигрантами первой волны. Некоторые НТСовцы, в их числе А.С. Казанцев², вошли в круг друзей и знакомых Федора

¹ Основан в середине 1930-х гг. в Югославии.

² Александр Степанович Казанцев, один из идеологов и ведущих публицистов НТСНП. Автор книги «Третья сила» (изд. «Посев», 1955 г.)

Владимировича Шлиппе. От них в 1942 году впервые узнали и про генерала Власова, готового возглавить антисталинское русское освободительное движение — то, что впоследствии привело к созданию Русской освободительной армии (РОА) и Комитета освобождения народов России (КОНР). Вера в осуществимость такого сценария подкреплялась сочувствием ряда высших офицеров вермахта и даже отдельных министерских работников. Возникла иллюзия, что спасаясь от поражения, Гитлер вынужден будет отказаться от своей жестокой, колонизаторской политики на оккупированных территориях, а впоследствии и от захватнических планов, и признать Россию свободной, самостоятельной страной, состоящей с Германией в тесном союзе.

Ф.В. Шлиппе оказал этому движению посильную поддержку. В его далевицком доме в 1944 году произошла встреча генералов А.А. Власова и П.Н. Краснова, в результате которой казачий атаман не без труда дал согласие на переподчинение казачьего войска Верховному командующему РОА А.А. Власову. В КОНР Шлиппе вступил в качестве заместителя финансового отдела. Поставил свою подпись под Манифестом, в котором излагались цели борьбы Русской Освободительной Армии. Этот программный документ, в который вошли, среди прочих, идеи «солидаристов», был оглашен на открытии Комитета в Праге в ноябре 1944 года. Но исход войны был уже предрешен. В начале 1945 году Советская армия с боем приближалась к Берлину. Остаться в Далевице семье Шлиппе было нельзя и в конце февраля, взяв лишь самое необходимое, они эвакуировались в составе всего КОНРа на юг Германии.

О возвращении после войны не могло быть речи: Далевиц оказался в советской зоне оккупации (с 1949 года в ГДР), дом был экспроприрован. Своего жилища у старшего поколения уже не было. Межзональная граница отделила их и от семьи старшего сына Бориса Федоровича.

В 1941 году, работая над семейной хроникой, Ф.В. Шлиппе отметил: «Я пишу эти строки по-русски, хотя и считаюсь уже с тем, что может быть для подрастающего поколения богатый, красивый и столь мне дорогой русский язык будет недоступен.»

Тогда невозможно было даже вообразить, что всего пять лет спустя, осенью 1946 года, среди многих сотен немецких специалистов, вывезенных вместе с семьями из советской зоны оккупации на работу в СССР, окажется и инженер-конструктор Борис Федорович фон-Шлиппе, а сыновья его — внуки Федора Владимировича — после семи лет на берегу Волги¹ вернуться в Германию с любовью не только к русскому языку, но и к России, и с глубоким чувством своей русскости.

Увидеться с ними Федору Владимировичу суждено уже не было.

В мае 1951 года, незадолго до его смерти, в небольшом кругу жильцов йорданбадского беженского приюта и при участии православного батюшки, Федор Владимирович и Елизавета Петровна отпраздновали свою Золотую свадьбу. Он преподнес жене стихотворение. Последние две из шести строф гласят:

За жизни семейный уют и уклад,
Полвека любви и участия
Люблю неизменно, и к Богу летят

¹ Поселке Ивановково, ныне часть левобережной Дубны, Московской области; последний год — Куйбышев (Самара).

Хвалы за мне данное счастье.
Взгляни же, как отсветы зорь горячи,
Как солнце на склоне сияет,
Так нашей любви золотые лучи
Закатные дни озаряют.

Несколько дней спустя Ф.В. получил стихотворный ответ. Он кончался строками:

Мы счастливы. И в том твоя заслуга.
Встречаем вместе мы вечернюю зарю.
Как хорошо, что мы нашли друг друга.
Благодарю тебя, за все благодарю.
Твой Лилёк. 15 мая 1951 г.

Елизавета Петровна пережила мужа на 7 лет. Ей еще выпало счастье увидеться со старшим сыном и его семьей, возвратившимися из Советского Союза в 1954 году.

* * *

В 1922 году, едва поселившись в Далевице, Ф.В. Шлиппе написал «под свежим еще впечатлением ... около двухсот страниц воспоминаний, охватывавших революционный период»¹.

Эти воспоминания, как практически весь личный архив Ф.В. Шлиппе, при эвакуации из Далевица пришлось оставить. Почти 30 лет спустя, оказавшись в 1947 году в Брюсселе для свидания с сыном, автор восстановил их по памяти, хотя и в гораздо меньшем объеме. Этот текст — описание событий и переживаний 1918-1921 гг. — печатается здесь как последняя часть его автобиографических записок. К этому же периоду относится чудом сохранившаяся стопка писем, которые Шлиппе во время своих скитаний на Украине и по нескольким губерниям центральной России посылал своей жене — в Ригу (!). Обширная частная переписка Ф.В. Шлиппе довоенных и военных лет сопровождала его по всем приютам; но перед последним переездом, недели за две перед смертью, он эти письма сжег. Оставил только около пятисот страниц послевоенных писем Н.А. Мельникова. Их, а также свои письма, которые хранились у дочерей Мельникова, Шлиппе предлагал переслать для хранения в архиве Г.А. Алексееву, одному из организаторов «Дома Свободной России» в Нью-Йорке². Судьба этой переписки не известна. Сохранились лишь 70 послевоенных писем (270 страниц) Мельникова к Шлиппе.

В конце 1930-х гг. Ф.В. Шлиппе начал работу под названием «Семья Шлиппе (1824—1923). Жизнь, быт и деятельность членов семьи». Для этого он провел некоторые генеалогические исследования, которые весной 1938 года привели его в селение Эйсдорф неподалеку от Лейпцига.

¹ Из частного письма Ф.В. Шлиппе от 30.9.1944 г. Евгении Ивановне [..?]

² Алексеев Григорий Александрович (26 октября 1883 — ?). Выпускник Московского университета. С 1906 служил в Государственной канцелярии, одновременно в думском аппарате. В 1911 исполнял обязанности секретаря при председателе Государственной Думы М.В. Родзянко. Надворный советник (1914). В июле 1914 - уполномоченный и секретарь Главного комитета Всероссийского земского союза; в 1917 избран членом Комитета.

Именно здесь в начале XVI века при императоре Карле V некий Ганс Шлиппе был наделен, с правами потомственного «вольного земледельца», крестьянской усадьбой. Ею владели беспрерывно десять поколений. Члены семьи мужского рода, которым по разделу не доставалась земля или не удавалось жениться на наследнице крестьянского двора, обычно занимались ремеслами. В конце XVIII века мастер-игольщик Йоган Август Шлиппе приобрел в городке Пегау, близ Эйсдорфа, права горожанина. Умер он в 1813 году, оставив круглым сиротой сына от первого брака, 15-летнего Карла. Этому мальчику было суждено стать выдающимся ученым и родоначальником российской ветви семьи Шлиппе.

Его карьера началась с ученичества в местной аптеке и продолжилась в Берлине, где ему в аптечной лаборатории удалось получить соль, первичная форма которой, тетраэдр, — в кристаллографии была известна лишь предположительно. Новое соединение нашло себе и практическое применение: в медицине, при вулканизации каучука, а позже, в нефтеобрабатывающей промышленности. Работу 22-летнего аптекаря-фармаколога высоко оценил профессор химии Берлинского университета Митчерлих, который дал новому соединению название «Schlippesches Salz» («Шлипповская соль»). Митчерлих, взяв Карла Шлиппе ассистентом в свою лабораторию, проложил ему путь в университет. Совершенствуя свои знания по химии и другим естественным наукам, К.И.Шлиппе прошел также курс по ботанике, знакомился с корифеями наук того времени, включая Александра фон Гумбольдта.

В 1824 году К.И.Шлиппе принял работу на химическом заводе Киевского в Варшаве, а два года спустя переселился в Москву. Недолго проработав в местном химическом производстве, он основал собственный завод, который в 1833 году перевел в первое свое имение — Плесенское, Верейского уезда Московской губернии. Шлиппе становится старшим письмоводителем Московского общества овцеводства, членом, впоследствии и ученым-химиком Императорского Московского Общества Сельского Хозяйства (ИМОСХ).

С 1837 году он и члены его семьи стали российскими подданными. В 1839 году К.И.Шлиппе был награжден орденом Св. Станислава 3 ст. «за особенное усердие к общественной пользе и труды к улучшению мануфактурной промышленности», а в 1844 году — удостоен потомственного дворянства.

Тогда же он обнаружил в Калужской губернии значительные залежи серного колчедана и разработал способ добычи из него серы. Докладывая об этом в ИМОСХ, он отметил: «Серный колчедан, обработанный надлежащим образом, может со временем освободить Россию от дани, которую она до сих пор платит Сицилии за серу». 10 лет спустя Крымская война отрезала Россию от импортной серы, и Плесенская фабрика увеличила производство серы по методу Шлиппе до уровня, в немалой степени способствовавшего обеспечению русской армии порохом.

По заданию ИМОСХ Карл Иванович объездил многие губернии страны с целью исследования российских почв и стал автором первого научного их анализа¹. В 1852 году он стал членом Московского отделения Мануфактурного Совета. На выставках — российских,

¹ См. В.В. Докучаев, Собр. соч., АН СССР, М., ЛГ. 1949, т.3, сс.202, 311-12. 341. Также: А.Т.Меленевский, В.Б. фон Шлиппе, Материалы по изучению русских почв, вып.4/31, изд. СПб унив., 2003.)

а в 1867 году и на Всемирной в Париже — его экспонаты удостоивались высших наград. Парижскому успеху он мог еще порадоваться, находясь за границей на лечении. В июле того же 1867 года К.И. Шлиппе скончался в Бад Содене, похоронен в Гейдельберге на кладбище «Bergfriedhof».

Его жена — Агнеса Федоровна Андре (Andrée), родом из саксонского города Тарандт, из семьи онемеченных французских гугенотов. Ее отец Фридрих Аугуст Андре был королевскими финансовым секретарем, внуком зубного лейб-хирурга курфюрста Саксонского и короля Польского Августа «Сильного». Мать Агнессы — Марианна, принадлежала к родовитому семейству Зенфт-фон-Пильзах. Из 16 детей, родившихся у супругов Карла и Агнесы Шлиппе, восьмеро дожили до взрослого возраста: 4 сына и 4 дочери. Старшим из сыновей был Владимир Карлович — отец автора воспоминаний.

В.К.Шлиппе довольно долго жил в родительском доме в Плесенском, был полезным помощником отца. Оба они горячо приветствовали отмену крепостной зависимости, и Владимир с благословения отца пошел по пути общественного, земского, а далее и государственного служения. Стал в Верейском уезде мировым посредником 1-го призыва, а в 1864 году, сразу после введения института местного самоуправления, был избран гласным земских собраний — Верейского уездного и Московского губернского. Избирался и переизбирался на место предводителя дворянства Верейского уезда. Первое широкое признание получил, когда ему удалось раскрыть и энергичными действиями пресечь чудовищные злоупотребления Воспитательного дома, относившегося к учреждениям Ведомства Императрицы Марии Федоровны. Подробное описание этих преступлений в «Докладе гласного В.К. Шлиппе», опубликованном в Русских Ведомостях от 9 сентября 1867 года, привело к реорганизации Воспитательного дома и создало его автору репутацию эффективного и многообещающего общественного деятеля. Эти ожидания В.К.Шлиппе сумел оправдать на всех этапах своей дальнейшей карьеры, приведшей его на пост губернатора в Екатеринославе и Туле, а затем и в Государственный Совет Российской империи. Заботами В.К.Шлиппе в 1911 году был утвержден фамильный герб, в нижней части которого изображены три золотого цвета кристалла «шлипповской соли» и полное оформление фамилии Шлиппе, соответственно их дворянской принадлежности: фон Шлиппе (von Schlippe)¹.

* * *

Публикуемые здесь автобиографические записки Ф.В. фон-Шлиппе, в какой-то мере являясь продолжением семейной хроники, выходят далеко за пределы этого жанра. В них описаны, глазами непосредственного участника, земское дело и государственная служба, проходившая в исключительно динамичный, но вместе с тем и трагический момент развития России. Шлиппе работал над своими мемуарами с перерывами между 1942 и 1944 гг. Они делятся на десять глав. Десятая внезапно обрывается на рассказе, относящемся, скорее всего, к 1916 году.

Еще в 1944 году Федор Владимирович в частном письме сетовал, что «с работой по составлению моих собственных воспоминаний, которые я начал в прошлом году в Ниндорфе, дело не идет с места. Я даже не смог переработать и переписать все то, что

¹ РГИА. Д. 4 ед. хр. 10 л. 2481 (прошение в Депутатскую Герольдию Правительствующего Сената об утверждении герба на предмет утверждения фамильного герба).

было написано. Всё приходится перетаскивать в бункер¹, да и сам-то я так занят и отвлечен, что не до писания».

В условиях, в которых Федор Владимирович оказался после войны, он не был в состоянии закончить свои записки и внести правку в ранее сделанное. Не обработанными остались и несколько десятков страниц, помеченных уже рукой вдовы как «Другое продолжение», но являющиеся по сути тематическим вариантом частей основного текста, с включением новых фактов и суждений. Машинописный текст содержит немало авторских рукописных вставок и пометок на полях и между строками. Все они были вставлены в основной авторский текст, подверглись бережной редакции, с сохранением непривычных или ныне устаревших, но характерных в свое время слов и оборотов. Так что, наряду с фразой «текст публикуется на основе современной орфографии и пунктуации», следовало бы добавить — в авторской редакции Ф.В. и Ю.Б. Шлиппе — деда и внука.

* * *

Для Н.А. Мельникова его девятнадцать лет земской службы пришли к концу весной 1917 года, еще при Временном правительстве. В своих мемуарах он описывает последнее заседание Казанской Губернской земской управы, сорванное поведением группы депутатов местного совета. Это произошло в один из редких приездов Мельникова из Петрограда, где он с 1916 года ведал заготовкой продуктов для армии. Теперь, в апреле 1917 года, он «окончательно выбрался» из столицы и вернулся домой.

Революцию воспринял как катастрофу для России. Когда началась гражданская война, оба его сына вступили в сформированный в Казани драгунский эскадрон, впоследствии влившийся в армию адмирала Колчака. Не остался в стороне и Николай Александрович. В конце 1918 года он в Омске участвовал в деятельности учрежденного здесь «Совета объединения несоциалистических деятелей земской и городской России». Под контролем Колчака, провозглашенного 18 ноября 1918 года Верховным правителем России, находились тогда Сибирь, Урал и Дальний Восток.

В 1919 году. Н.А. Мельников занял в его правительстве место товарища министра продовольствия. О нем упоминал в своих мемуарных записках И.И. Сукин, бывший министр иностранных дел Омского правительства: «...я был не прав, забыв выделить фигуру одного из Товарищей Министра, а именно известного Казанского земского деятеля Мельникова, который вложил в свое дело редкую энергию, знание и высокую добросовестность»².

Военные неудачи и крупномасштабное наступление Красной армии заставили правительство Колчака 10 ноября 1919 года покинуть Омск, а в начале января и Иркутск — последнее место дислокации «временного российского правительства». Николай Александрович вскоре переехал в Харбин — город, ставший центром русских беженцев на Дальнем Востоке. Оттуда перебрался в Европу — пароходом в Марсель, затем дальше в Берлин. Весь этот долгий путь проделала с ним вместе его старшая дочь Прасковья. Так для них начались годы эмиграции.

В начале 1920-х гг. в Берлине образовалась самая многочисленная русская колония. Этому способствовали географические, политические и, не в последнюю

¹ Самодельное бомбоубежище, вырытое в Далевицком саду.

² Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // Квакин А.В. За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 449.

*Борис Федорович и Ксения Николаевна Шлиппе с сыновьями
Справа налево: Владимир, Александр и Георгий (Юрий).
Подберезье (ныне — левобережная Дубна). 1950–1951 гг.*

очередь, экономические факторы, в частности, дешевизна немецкой марки. Для Мельникова это было важно вдвойне. В России оставались близкие, которых надо было «выкупать»: жена и две младшие дочери. Для получения выездной визы предусматривался крупный денежный залог. По воспоминаниям сестер Ксении и Наталии Мельниковых, за них, как и за мать, с каждой требовалось две тысячи золотых рублей¹. При невозвращении эти деньги оставались за казной. Сыновья ничем помочь не могли: 20-летний Митя, перебравшийся с Дальнего Востока в Калифорнию, совмещал работу с учебой на инженера; старший, Григорий, наряду с другими белыми офицерами находился в заключении; его жена с маленькой дочерью оставались в Казани.

Николаю Александровичу и дочери Паше жить было дешевле за городом, и выбор пал на Вюнсдорф: недалеко от Далевица, тихое, зеленое местечко, рядом с которым находился лагерь беженцев, преимущественно русских, ставшее к тому же излюбленным местом прогулок и отдыха для наиболее благополучных жителей «русского Берлина». В Вюнсдорфе отец и дочь поселились квартирантами в доме местной семьи. Сюда в ноябре 1922 года приехала из России Ася. Воссоединение с женой, летом 1927 года, а еще через год с младшей дочерью Наташей произошло уже во Франции.

¹ Это было в 1920-х годах. По воспоминаниям Андрея Романовича Редлиха, в первой половине 1930-х с их семьи потребовалось уже значительно больше.

Не единственной, но главной причиной переезда туда было резкое ухудшение экономического положения в Германии: катастрофических масштабов инфляция, нарастающая безработица. Эмигранты целым потоком устремились во Францию. В апреле 1923 года двинулись и Мельниковы, сначала — в Париж. Там, по словам Николая Александровича, «всё свидетельствовало о полном благополучии», только было трудно найти доступную по цене квартиру: «Париж был переполнен, и многим вновь приезжающим приходилось ютиться в отвратительных, грязных и часто даже неотапливаемых меблированных комнатах».

Через год новый переезд, на сей раз в деревню: Шанжэ (Changet), близ города Ле-Ман (Les Mans), где было арендовано для «прокорма» крестьянское хозяйство. Когда в 1928 году Ася выходила замуж за Бориса Шлиппе, то в личном удостоверении она числилась как «cultivatrice» — крестьянка. В начале 1930-х гг. ее сестры стали служить в страховом обществе, и семья переехала в Ле-Ман. На окраине города Николай Александрович, с детства любивший землю, обзавелся огородом. Пашенька и Наташа остались незамужними, отдавая свои силы и любовь стареющим родителям, особенно матери, Марии Александровне, страдавшей с конца 30-х гг. неизлечимой болезнью.

Мемуары Николай Александрович стал писать еще в 1920-е гг.; об этом свидетельствует пометы на титульной странице тетради, где значится: «Мои воспоминания. Париж, 1924 г.». В кратком вступлении начерчен план работы и названы те, кому они предназначались: «Пишу это... для вас, мои дорогие дети. Мне хотелось, во-первых, передать вам все, что я помню о наших родных, ознакомить вас с их главными свойствами и характерами. Во-вторых, рассказать о себе, начиная с детства /.../. В-третьих, охарактеризовать то время, в которое жило, работало мое поколение...». (В этих словах уже узнается стремление противодействовать разрыву «связи времен», желание сберечь для потомства то, что иначе может быть искажено, оболгано, вовсе предано забвению, — словом то, что станет одной из главных задач и удач русской диаспоры.) Наконец, автору хотелось разобраться «в причинах резкого перелома в государственной и народной жизни России, который произошел при большевиках». Вступление заканчивалось словами, неожиданными для человека, только что изгнанного из своей страны в результате кровавой междоусобной войны: «Был бы счастлив, если бы мои воспоминания укрепили в вас [чувство] любви к России и к талантливому, чуткому, предприимчивому и духовно высококультурному русскому народу».

Воспоминания остались тогда недописанными, намеченную программу Николай Александрович выполнил лишь много лет спустя, написав две отдельные работы. Одна из них представляет собой портретную галерею предков и сродников — тех, кого он знал лично, и тех, образы которых удалось воссоздать на основании писем и рассказов. Эту «галерею» автор назвал не семейной хроникой, а скромно: «Кое-что из моих воспоминаний» — возможно из-за скудности сведений о дальних предках.

О своем пращуре автор мог только поведать, что Иван Михайлович Мельников «жил и служил во время царствований Императрицы Екатерины II и императоров Павла I и Александра I», был «офицером-топографом и при Екатерине откомандирован в г. Уфу для работ по установлению границ между губерниями». Но уже своему деду, Михаилу Ивановичу, которого он хорошо помнил, автор мог посвятить много насыщенных фактами страниц. Осиротевшим мальчиком привезенный сестрой из Уфы в Симбирск, этот незаурядный человек, блестяще окончив гимназию, поступил в Казанский университет,

стал учеником и другом знаменитого Лобачевского, получил в своем же университете место адъюнкт-профессора чистой математики. Но оставил кафедру, когда было введено земское самоуправление, и посвятил себя общественной работе. Он поселился в своем имении и занялся его устройством. Внушительный список его хозяйственных достижений дают хорошее представление о его «расчетливости и умении устроить все с наибольшим удобством для пользования» - и не только для барина, но и для простого мужика.

Жена Михаила Мельникова, Мария, была дочерью Алексея Афанасьевича Скрыпина — отставного гвардии полковника, ветерана Отечественной войны 1812 года, владевшего большими имениями близ Чебоксар, а также в Нижегородской и Симбирской губерниях. Скрыпины были связаны родственными узами со Свечиными и Орловыми; Николай Александрович еще видел у своего деда старого, но все еще прекрасного рысака Орловского конезавода.

Из трех сыновей М.И. Мельникова самым ярким был, пожалуй, второй, Николай: ученый-зоолог, профессор Казанского университета, который к тому же «с не меньшим рвением занимался и делами общеуниверситетскими, общественными и земскими»¹. Когда у его брата Александра дела пошли плохо, причиной чему были его хозяйственные увлечения и просчеты, а затем и болезнь, и наиболее доходную часть имения пришлось продавать, то Николай Михайлович купил эту часть, переписав на себя все долговые обязательства. Занявшись сельским хозяйством, он справлялся с этим столь умело, что хозяйство его стало считаться образцовым.

Что же до его племянника, Н.А. Мельникова, то он после ранней смерти отца остался без унаследованного хозяйства и должен был пробиваться собственными силами. Не без юмора он вспоминает реакцию женщины, которую он попросил быть посаженной матерью на своей свадьбе: «...она удивленно взглянула на меня и отчетливо, несколько повышенным тоном спросила: «Да какая же дура за Вас пойдет?» А затем, несколько смутившись от своего столь искренне вырвавшегося вопроса, задумчиво произнесла: «Разве Мария Александровна»... Я засмеялся и подтвердил ее предположение, а затем молниеносно пробежала мысль, что родители М.А. были, в сущности говоря, правы, находя, что я плохая партия для нее. Она была старше меня почти на семь лет, я был недоучившийся двадцатилетний юноша без всяких средств и положения, из разорившейся и растерявшей связи семьи. Что мог обещать такой брак?»

Ответ на этот вопрос дала их дальнейшая жизнь, омраченная лишь под конец многолетней болезнью Марии Александровны. Она была из рода Козаковых. Отец ее, Александр Васильевич, происходил, говорили, от запорожских казаков (поэтому писали фамилию на украинский лад через 'о'). Он был умный и дельный, но суровый и замкнутый, служил в земстве, однако хозяин был никудышный. Но в отличие от своей жены, отказавшей дочери в приданом, он на свадьбу подарил Марии Александровне именице Сергеевку в Козьмодемьянском уезде. Владение оказалось весьма ценным подарком: этих 176 десятин как раз хватило, чтобы Мельников, по имущественному цензу жены, мог баллотироваться на выборах уездных гласных и, таким образом, начать свою земскую карьеру.

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. Казань. 1964. С. 433.

Бабушка Марии Александровны, Надежда Васильевна Лазарева, была урожденная Бестужева. В хронике упомянуто только, что у этих Бестужевых были «огромные землевладения в Симбирской губернии». О Лазаревых почти ничего не писалось, только то, что дед жены владел именьями в Казанской губернии, и «кто-то из Лазаревых, военный, служил на Кавказе».

* * *

Другие воспоминания, представленные также в этом издании, — автобиографические записки под названием «19 лет на земской службе», потребовала более длительной и обстоятельной была работы.

Машинописный экземпляр воспоминаний сохранился не только в семейном архиве Шлиппе, но и в Библиотеке Колумбийского университета, в так называемом «Бахметевском собрании». Первая часть записок датируется 1936–1937 гг. Продолжение же было создано автором уже в годы Второй мировой войны. Хронологически мемуары охватывают период жизни Н.А. Мельникова от его рождения до последнего участия в земском собрании летом 1917 года. Описанию своей деятельности и работы Казанского земства на рубеже столетий посвящено основное содержание текста. Учитывая, как немногочисленны воспоминания провинциальных общественных деятелей, ценность такого исторического источника трудно переоценить.

В приложении к запискам публикуется один из докладов Н.А. Мельникова «Предложения об устройстве местного самоуправления в христианско-национальной России», написанный в 1939 года. Предыстория его создания и содержание заслуживает особого внимания.

Насколько позволяли семейные обстоятельства и образ жизни, Мельников не упускал возможности публичного обсуждения не только прошлого России, но и, что примечательно, вариантов развития ее будущего. В январе 1933 года в Париже на заседании «Кружка к познанию России», организованного в эмигрантской среде, Николай Александрович прочитал доклад «Русское земство в прошлом и некоторые мысли об его будущем». Через несколько лет в 1937 году уже в Женеве он познакомил заинтересованную публику «Женевского совещания» с положениями более актуального доклада «Основные черты устройства местного самоуправления в возрожденной христианско-национальной России». Кто был организатором совещания, не указано; но возможно, что «Конфедерация Русских Трудящихся Христиан» (бюро в Женеве). Из контекста только явствует, что проходило оно при активном участии главы Русской православной церкви за границей, митрополита Анастасия (Грибановского), который уже в эти годы, как большинство представителей политической эмиграции, выражал надежды на возможное освобождение России посредством германской внешней экспансии¹. Надеждами на этот проект, весьма вероятно, и была вызвана активизация русской общественно-политической мысли в конце 1930-х гг. относительно возможного переустройства России после предполагавшегося падения Советской власти.

На Женевском собрании 1937 года доклад Мельникова подвергся серьезной критике. Это побудило его еще раз продумать свои аргументы и представить собранию

¹ Русская Зарубежная Церковь и эмиграция в годы войны // Родина. Москва. 1997. № 11.

1939 года переработанный и дополненный вариант доклада, с несколько измененным названием: «Предложения об устройстве местного самоуправления в христианско-национальной России».

Готовясь к докладу, Мельников разослал нескольким десяткам лиц опросный лист, с просьбой высказаться в письменной форме по пунктам, тематически с ним связанным. Свои вопросы и полученные ответы он приложил к новому тексту. Одни приветствовали его инициативу, другие сочли ее несвоевременной или вовсе ненужной. Один из критиков писал: «<...> Я вообще ни в какой мере не сочувствую мысли о возможности теперь, после 20 лет полной оторванности от России, разрабатывать вопросы об устройстве ея. Если вообще Господь Бог даст нам радость возвратиться в Россию, мы должны приехать туда, оглядеться очень внимательно, ознакомиться с новыми людьми, могущим строить новую Россию, и тогда принести остаток наших сил и знаний на алтарь отечества. Всё же то, что мы выдумаем отсюда, будет совершенно книжно и, во всяком случае, неприменимо к жизни».

Слова эти могли напомнить Н.А. Мельникову письма, которые ему присылал в конце 1920-х гг. из Осло Михаил Александрович Козаков, брат его жены, дважды приезжавший туда как представитель Наркомата пищевой промышленности. Письмо от 27 декабря 1927 года: «... я совершенно иначе подхожу к вопросу о нашем будущем... Прежде всего, я совершенно не верю в переворот, и считаю, что положение будет изменяться постепенно, и советская власть будет неуклонно эволюционировать ... в нормальную демократическую власть под влиянием, прежде всего, экономических причин. Громадное значение при этом я придаю тому колоссальному грузу, который давит в определенную сторону. Этот груз крестьянство. /.../ Я сочувствую меньшевикам, когда они говорят, что нужно поладить с капиталистами, что нельзя зажимать интеллигенцию и т.д., но ... не вижу, почему меньшевики или эсеры будут лучше, как правители. Большевики за это время научились технике управления, а эти и этого не умеют [Она], мне кажется, может принести смягчения режима, несмотря на свои левые фразы. Из России приходят слухи, что партия начинает раскалываться на непримиримых в отношении оппозиции и на более умеренных. Это правдоподобно, и пожалуй, они кончат компромиссом, увидав, что действительно невозможно «изолировать» несколько десятков политических деятелей... Останется ли диктатура ВКП? Думаю, что нет. Она доживает, как мне кажется, последние месяцы. Сначала легализируют оппозицию, а потом и меньшевиков. М.б., будут рецидивы сажания этих последних, но, надо думать, ненадолго... Остался один твой вопрос — духовенство. Не слежу и мало знаю. В религиозность русских людей мало верю. В том построении предположений о нашем будущем, которое я предложил, для религиозного движения что-то нет места. М.б., я ошибаюсь...»¹

Мельникова оценки зятя глубоко взволновали и огорчили, но изменить его собственных взглядов не могли. Так и в 1939 году, когда критические замечания, полученные от некоторых опрошенных лиц, помогли ему отточить свою аргументацию, но не поколебали его видения будущей христианско-национальной России. Новый вариант его

¹ В последнем своем письме из Осло, 14 ноября 1929 г., М.А. Козаков сообщал о предстоящем возвращении в Москву. В сентябре 1930 г. он оказался одним из 48 расстрелянных по «Делу о контрреволюционной организации в области снабжения населения продуктами питания».

доклада на Женевском совещании 1939 года был «принят единодушно и получил полное одобрение Владыки Митрополита».

Этот доклад, насыщенный выписками из эмигрантских книг и статей тех лет, при всей его утопичности читается и ныне с интересом. В поисках эффективных методов и форм «народного самоуправления» может пригодиться опыт прошлого, поскольку немало тех препятствий, проблем и трудностей, которые приходилось разрешать предкам, возникают и в современных условиях, наряду с совершенно новыми проблемами.

Кроме названных докладов, воспоминаний о семье и публикуемой в этом томе книги «19 лет на земской службе», письменное наследие Н.А. Мельникова включает еще 4 крупноформатные тетради с размышлениями о социально-политическом и духовном состоянии современного мира и о будущем России, под общим названием «Записки мечтателя», а также очерки «По селам Казанской губернии» и «К вопросу о происхождении дворянства и его значении в государственной и общественной жизни в России». Очерки печатались с продолжениями в ежемесячных брошюрах, выпускаемых Союзом Дворян в Париже под названием «Союзъ Дворянъ». В семейном архиве сохранились, к сожалению, лишь 14 из 24-х номеров 1950—1951 гг.

* * *

В заключение хотелось бы выразить особую признательность Анатолию Викторовичу Гутерцу, Марине Сергеевне Солюс, Ксении Эммануиловне и Владимиру Борисовичу фон-Шлиппе за неоценимую помощь в подготовке к изданию воспоминаний Ф.В.Шлиппе и Н.А.Мельникова, представленных в этом томе.

ЮРИЙ (ГЕОРГИЙ) БОРИСОВИЧ ФОН-ШЛИППЕ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ 1941–1946

ГЛАВА I

Далевиц¹. Май 1942 года. Хочу попытаться набросать для моих дорогих сыновей и внуков воспоминания из моей жизни. Может быть, кое-что из пережитого мною представит интерес, будет поучительным. Начну с того момента, когда меня еще не было на свете, что мне известно из рассказов родителей и моей крестной матери, тети Елены Карловны Галяшкиной².

Мама³, когда ожидала меня, жила временно в Москве. Отец⁴ служил предводителем дворянства в Верейском уезде⁵ и часто бывал в разъездах. В отсутствие отца мама с его сестрою была в Большом театре. Выходя из театра, она испугалась взбесившихся лошадей, спрыгнула с довольно высокой ступени и, очевидно, получила какое-то внутреннее повреждение. Врачи настаивали на удалении плода. По приезде отца был приглашен на консультацию Станислав Онуфриевич Мальдзиневич, бывший фельдшер и акушер в Нара-Фоминском⁶ которому отец доверял. Он убедил родителей не подвергать мать операции. Это предложение было очень поддержано тетей Еленой Карловной. Третьего апреля по старому стилю 1873-го года мать благополучно разрешилась от бремени. Свет я увидел в Москве в Сытинском переулке в доме Мальдзиневича, где он со своей дочерью имел родовспомогательную клинику. Родители так были благодарны Станиславу Онуфриевичу и тете Леле, что просили их быть моими крестными родителями. Третьим был дядя Виктор Карлович Шлиппе⁷. Дано мне было три имени: Федор, Виктор и Станислав⁸.

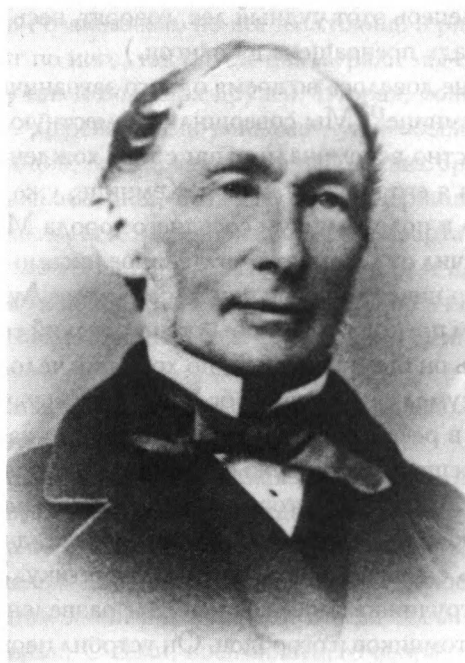
Ребенком я был невероятно толст, так что маме как-то за границей в поезде посоветовали показывать меня за деньги. Был поэтому я и не очень подвижен. Моя старушка няня Матрена Петровна мне рассказывала, что во время прогулок я то и дело останавливался и говорил ей: «Няня, ты устала, посиди». Няня была тем человеком, к которому я в детстве испытывал чувство наибольшей привязанности. К ней я шел со всеми моими радостями и горестями и встречал всегда полное понимание и сердечный отклик. Доверчивые и нежные отношения к родителям

стали развиваться позднее. Очень я любил и свою кормилицу Александру, крестьянку из села Таширова, которая в молодости, вероятно, была очень красива и до старости сохранила хорошие благородные черты лица, несмотря на то, что она под конец ослепла. Она была развитая умная женщина, с которой по житейским вопросам можно было по душам поговорить, так что я и взрослым охотно с ней беседовал.

Когда нам с братом Карлушей⁹ было 5 и 6 лет, к нам поступила бонна-немка фрейлейн Лина, очень милая девушка, которая нас скоро обучила немецкому языку. Она прожила у нас до нашего переезда из деревни в Москву для поступления в гимназию. До этого мы почти безвыездно жили в отцовском имении Таширово. Через два или три года была приглашена для изучения французского языка швейцарка мадмуазель Луиз Отье, тоже прекрасный человек. Она перед самым нашим переездом в Екатеринослав, куда отец в 1888-м году был назначен губернатором, вышла замуж за Роберта Васильевича Гельцига, служившего в Таширове бухгалтером и ключником, и уехала с ним на его родину в Саксонию.

Помню появление этого Гельцига. Было Светлое Христово Воскресенье, ясный, теплый день. Мы с братом Карлушей стояли на крыльце дома и были очень удивлены появлению бородатого господина в пальто заграничного покроя, с пером на шляпе и рюкзаком за спиной. Он быстро подошел к нам и спросил на непривычном для нас немецком диалекте, живет ли здесь Fräulein Lina¹⁰. Мы только поняли имя «Лина» и побежали сообщить о пришельце. Оказалось, что Гельциг был земляк нашей Лины и приехал в Россию после предварительной переписки с ней. Родители его пригласили к столу. Мы стали прислушиваться и постепенно его понимать. Его рассказ вызвал у нас много веселья и смеха. Он говорил о том впечатлении, которое на него произвели любезность и гостеприимство русского народа. По всей дороге к нему подходили люди и, снявши шапки, его приветствовали поцелуями. Ничего подобного он нигде не видал и сразу стал испытывать к русским большую симпатию. Ему, конечно, не был известен обычай христосования на пасхальной неделе. Отец предложил Гельцигу временно, до изучения русского языка, поступить в нашу экономию в качестве бухгалтера. Предложение было принято, и вскоре Роберт Васильевич стал одним из наиболее любимых домочадцев.

Он оказался талантливым карикатуристом и рисовальщиком, ловким по различным рукоделиям, весьма музыкальным, обладал исключительной любовью к красотам природы и недюжинными познаниями естественной истории. Фантазия у него была богатейшая. Перед Рождеством он всех нас, детей, привлекал к изготовлению транспарантов и сложных сцен с движущимися фигурами. Каждая фигурка имела свою особую физиономию, и нередко он брал типы из нашего окружения. В ташировском парке стояла довольно большая тесовая беседка, крытая гонтом, которую Гельциг себе облюбовал как летнюю резиденцию. Все стены были покрыты рисунками, юмористическими стихами и афоризмами. Окружавший беседку парк, запах зелени, пение птиц доставляли ему большое

Карл Иванович Шлиппе

наслаждение. Переселение в эту летнюю дачу сопровождалось всегда большим торжеством. Собирались все дети дворни, человек пятнадцать, кто нес подушку, кто одеяло, кто ночной горшок и т.д., даже собаке Томке давалась в зубы какая-нибудь вещь. Впереди шел оркестр с самодельными инструментами, кастрюлями, свистульками и т.п. Дирижировал и направлял шествие радостный Роберт Васильевич, а на плечах у него сидела и жестикулировала его любимица, наша сестра Алиса¹¹. После переселения в парке устраивались игры.

Особенно я любил сопровождать Гельцига в летних прогулках по лесам и полям. Ему я в значительной степени обязан моим интересом к естественно-историческим явлениям. В воскресные дни мы обычно вдвоем (брат Карлуша редко присоединялся) с утра, забрав запас хлеба и другой провизии, уходили на целый день в лес. Он был очень наблюдателен, ничего не ускользало от его внимания, все он старался мне показать и объяснить. К деревьям он относился любовно, как к живым существам, давал им имена, если они чем-то особенно выделялись. Так, например, громадную сосну, пережившую, вероятно, пять или шесть периодических лесосек¹² толщиной в два метра в диаметре, он прозвал «Иваном Великим», курчавую большую сосну около речки Любеньки — «Бабушкой» и т.д. Эти названия даже вошли в обиход у крестьян, и по этим маякам давались указа-

ния направлений. (Теперь этот чудный лес, говорят, весь уничтожен, так как вся эта громадная площадь превращена в полигон.)

В 1899 году мне довелось во время одного заграничного путешествия навестить Гельцига в Хемнице¹³. Мы совершили совместную поездку в Саксонскую Швейцарию и радостно вспоминали наши с ним хождения по дебрям ташировских лесов. Еще раз я его видел, также в Хемнице, уже в 1922 году, когда мой сын Борис поступил в политехникум соседнего города Митвейда¹⁴. После смерти моего отца я получил от Гельцига трогательное письмо с выражением соболезнования, но с тех пор ничего больше о нем и его жене Луиз не слышал.

Первым нашим преподавателем был ташировский сельский учитель Сергей Федорович. Учитель он был неважный, но хороший человек, завянутый рыболов. К этому спорту он сумел мне привить больше интереса, чем к учению. Увлекался я рыбной ловлей в реке Наре и ее многочисленных заводях до того момента, когда мне было разрешено иметь ружье. Сергея Федоровича вскоре сменил Павел Александрович Лисицын, которому я действительно обязан своими познаниями русского языка и правописания. У него был метод преподавания, который оживлял даже столь скучный предмет, как грамматику. Этот Лисицын оказался очень ценным сотрудником моего отца в деле разведения по сельским школам уезда фруктовых питомников и огородов. Он устроил церковный хор, был его регентом. Мы с братом в нем участвовали. Спевки бывали в школах, куда мы очень любили ходить, ибо там встречались с нашими друзьями-сверстниками из деревни. На клиросе мы пели в несколько голосов. Брат Карлуша обладал хорошим слухом и пел правильно своим тонким дискантом, я же совершенно не музыкален и брал только громким глубоким альтом, но так фальшивил, что регент меня частенько отставлял и, наконец, совсем прогнал из хора.

В гимназию мы поступили, когда мне было тринадцать, а брату четырнадцать лет. До этого мы учились в Таширове у домашних учителей. Их сменилось довольно много. Среди них был один молодой студент из Дерпта, любитель выпить, но такой талантливый педагог, что его период — к сожалению, сравнительно короткий — был самым плодотворным. Помню весьма строгого и неприятного латыша Рекстинга, которого мы очень боялись и у которого ничему не научились. Последним учителем был Леонгардт Антонович Трейман, прекрасный и педагог и человек. Он впоследствии жил с нами в Москве, а по окончании нами школы отец назначил его управляющим в Таширово, а затем и по всем остальным имениям.

В свободное от учебных занятий время, которого было довольно много, мы занимались, смотря по сезону, разнообразными деревенскими играми. С наибольшим удовольствием я вспоминаю игру в бабки. Это, кажется, исключительно русская национальная игра. Требуется некоторая ловкость и меткость, но не исключены и азарт, и возможность выигрыша. Выигрыш уплачивали бабками. Играли с большим увлечением, внимательно следили, как ложатся бабки, я помню название отдельных положений: плоцкая, жох и ничка. Битки иногда заливались

свинцом, что считалось незаконным, но все же сплошь и рядом делалось. Бывало, такая битка попадет по ноге, так ой-ой-ой! Играли мы с деревенскими мальчишками и имели между ними больших друзей. Вторая, тоже национальная игра называлась «городки». Деревянными палками нужно было с порядочного расстояния разрушить городок, составленный из небольших брусев. Правила игры были тоже подробно выработаны, и их строго придерживались. Здесь, кроме ловкости, требовалась сила, но отсутствовал элемент азарта и материального выигрыша. Лаун-теннис мы тогда еще не знали, а крокет и другие, более цивилизованные игры, которыми наши преподаватели старались нас отвлечь от плебейских деревенских игр, были нам невероятно скучны и неинтересны. То ли дело бабки или городок:

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
 Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
 Вот уж прицелился... Прочь! раздайся, народ любопытный,
 Врозь расступись; не мешай русской удалой игре¹⁵.

Зимой мы увлекались катаньем на лыжах и салазках, а с гор скатывались на лукошках с обледенелым дном, которым еще придавалось вращательное движение. Самым же нашим любимым спортом всегда была верховая езда. Отец был сам прекрасный ездок. С семи, восьмилетнего возраста он приучил нас сидеть на лошади. Сперва мы ездили без седел, на одних пополах, а когда приучились держаться на спине лошади, нам дали седла со стремянами, что доставило нам большую радость. С отцом мы совершали длинные поездки по лесам, часами не сходили с лошадей. К 14-15 годам у нас уже была и посадка кавалерийская, и лошадьми умели управлять, знали все аллюры, даже выезжали жеребят. Так этот спорт и остался у меня любимым до того момента, когда пришлось покинуть имение и бежать за границу. Сколько перебивало у меня прекрасных лошадей! С особой любовью вспоминаю Видную, серую кобылицу с исключительно резвой рысью; Красу, рыжую кобылу, дрессированную до кавалерийской школы и, наконец, ее внука, вороного жеребчика Стрелка, который отличался всеми достоинствами — красотой, сильным ходом и прекрасным характером. Это был мой последний верховой конь, после него я ни на одну лошадь в жизни больше не садился. Красу мне отец купил, когда я по окончании Сельскохозяйственного института в Туле отбывал воинскую повинность. Она была хороших кровей с очень благородной головой, крепкого сложения и сильно развитым крупом. Ей было неполных три года. Там же, в Туле, мы ее отдали берейтору наездить, и он за несколько месяцев из нее выработал отличную верховую лошадь: мягкую на поводу, послушную, быстро реагирующую на все движения повода и ног. Во время моих ночных поездок из Таширова в Быкасово через лес я всецело на нее полагался, она осторожно шла шагом там, где дорога была плоха, а в соответственном месте сама переходила на рысь. Во время моих работ в лесу я разнуздывал ее, привязывал повод к стремяни и отпускал пастись на волю. Она всегда внимательно следила за мной и, если приходилось отойти от нее подальше, сейчас же прибегала,

чтобы быть на виду. Когда же я по окончании работы (обмер ли площадей, счет дров или копен и т.п.) свистел ей определенным образом, она с радостным ржанием подбегала и становилась левой стороной ко мне, чтобы прямо можно было бы садиться. В особенности с Красой я чувствовал себя слитым в единый организм, а потому езда на ней доставляла исключительное удовольствие. Впоследствии, когда мне приходилось нести большую ответственную работу по землеустройству и по земству, я неоднократно специально приезжал в Быкасово, чтобы верхом на добром коне и вдали от суеты людской успокоиться, разобраться в самом себе, обдумать и разработать задачи, которые передо мной возникали.

С детства у меня был характер прескверный. На моего брата, который обладал прирожденными рыцарскими качествами, я смотрел с уважением, но и не без зависти. Он служил мне примером, и я стремился к достижению его моральной чистоты, но моя натура меня все опять сбивала с этого пути. Я был заносчив, упрям, раздражителен, злопамятен, всегда вступал в споры, был отчаянный эгоист, недоброжелателен и неправдив. Я рано это понял и сознательно боролся против мерзких черт моего характера. Борьба эта была трудная, тем более что я никогда никого в эти мои тайны не посвящал. Мне казалось, что во мне действуют две силы — одна добрая, а другая дьявольская, и к этой последней я сам находился в сознательной оппозиции. Я задавал себе урок закончить день без ссоры и без лжи, никого не обижать, не озорничать, и бывал очень удовлетворен, когда мне это удавалось, хотя и редко: слишком часто брал верх злой дух. Типичный случай произошел со мной в Дрездене, куда мы поехали с родителями, когда нам было лет восемь или девять. Родители ушли вечером в театр, мы с братом остались в гостинице. Вместо того, чтобы лечь спать, как было приказано, я стал задирать Карлушу и, в конце концов, разъярившись, вылил на уже лежавшего в постели целый кувшин холодной воды. Карлуша разревелся, пришла горничная, а я запер дверь и ее не впускал. Так в спорах, криках и плаче время прошло до возвращения родителей. Отец, разобравшись, в чем дело, снял помочи, разложил меня на кровати и слегка выдрал. Я спокойно лежал, а когда отец кончил, заявил ему: «Этого, папа, для него мало, ты ему еще поддай, чтобы он помнил». Как будто я говорил о посторонней злой силе, которую нужно наказать. Отец после этого вздул меня уже основательно. Сперва я еще приговаривал «еще ему поддай, еще», а потом сам взмолился и заявил, что «хватит с него». Это были последние «розги», которых я удостоился. Но все же улучшение моего характера шло весьма медленно и для меня болезненно, иногда я переживал большие нравственные страдания. Мне уже было 13 лет, когда я поступил в школу. Ученики нашего класса меня сразу невзлюбили. Однажды, прекрасный юноша Карлуша (Карл Карлович) Вильзар, который был у нас первым учеником и мне импонировал, прямо мне сказал: «Разве ты не чувствуешь, Федя, что тебя весь класс возненавидел. Если ты не переменишься, твоя жизнь в классе будет тяжкая». Под впечатлением этих слов я с особой энергией стал работать над собой. Через некоторое время я почувствовал, что товарищи лучше ко мне относятся, и принял это за признак

того, что мое поведение стало для них более приемлемым. Но работа над собой не прекращалась, продолжается и по сей день. Вероятно, всем приходится обзывать свои скверные порывы, но одним это дается легче, а другим труднее.

Несмотря на мой неприятный характер, мы с братьями и сестрами жили, в общем, очень гармонично. С Карлушей мы были погодки, с малых лет делили все радости и горести, частенько дрались, но быстро мирились. К нашей компании стали в известных промежутках примыкать сестра Маргарита¹⁶, брат Борис¹⁷ и Алиса. (Младший наш брат, Альберт¹⁸, родился уже в том году, когда мы были отданы в гимназию и уехали из Таширова.) Пятерка наша была дружная и очень веселая. Лучшие мои воспоминания связаны именно с этим, ташировским периодом нашей жизни, когда вся семья зимой и летом жила безвыездно в деревне, и мы наслаждались деревенскими просторами, свободой, прелестями природы, радостями сельского труда, увлекались жеребятами, телятами, щенятами и имели среди них своих любимцев. Прошел этот период, как красивый сон, быстро и безвозвратно.

В 1886 году, когда мы поступили в гимназию, вся наша семья переехала в Москву, в наемную квартиру в Сытинском переулке. Держали там лошадей, и кучер Ларион Кузьмич нас ежедневно отвозил в школу на Покровку. На следующий год нас, двух братьев, вместе с нашим учителем Леонгардом Антоновичем Трейманом радушно приняли в Колпачном переулке дядя Александр Карлович и тетя Елизавета Ивановна Шлиппе¹⁹. В нижнем этаже дома, в котором они жили, родители сняли для нас две комнаты, а обедать мы ходили наверх. Очень скоро установились дружеские взаимоотношения с двоюродными сестрами и братьями. Карлуша через два года перешел в реальное училище Фидлера, я остался в «Петропавловке» до седьмого класса, а на восьмой перешел в Екатеринославскую гимназию.

Из двоюродных сестер старшая Маша вскоре вышла замуж за Сергея Балтазаровича Скадовского²⁰. Остальные сестры: Оля, Соня и Лиля²¹, наши сверстницы, учились в девичьем отделении той же Петропавловской гимназии. Позднее в ту же школу в приготовительный класс поступили двоюродные братья Саша и Сережа²², которые были моложе нас. Квартира дяди и тети в Колпачном переулке была громадная, с большой залой, целой анфиладой приемных комнат. Жили они широко, богато и гостеприимно. Часто устраивали обеды и вечера с музыкой и танцами. Но мы, молодежь, жили своей особой жизнью, и нас как будто водворот окружавшей нас светской жизни не касался. Учились мы усиленно и добросовестно. Соня была первой ученицей и пользовалась нашим особым уважением. Вскоре это уважение с моей стороны сменилось обожанием, которое с годами перешло в мое первое юношеское увлечение. Наши дружеские отношения с двоюродными сестрами имели, несомненно, хорошее влияние на наш образ мыслей и духовное развитие. В особенности Соня была очень умная, добрая и милая девушка, которая изучала много душевной теплоты. Она много читала и давала мне указания, в какой последовательности знакомиться с русской и иностранной

литературой. Читал я с увлечением. Мои любимые авторы тогда были Тургенев, Гончаров, Гоголь и Толстой. Предпочитал я прозу. С каждой прочтенной книгой я ощущал расширение моего умственного горизонта и жаждал дальнейшего развития. Книги бытовые меня особенно интересовали, между тем как к книгам более философского характера я относился равнодушно. Достоевского я не любил и только в более зрелом возрасте стал его ценить.

Петропавловка была замечательная школа с двумя отделениями, гимназическим и реальным. В ней был отличный состав преподавателей. Это мне стало особенно ясно, когда имел возможность сравнить его с Екатеринославским. В провинцию, очевидно, труднее было завлечь первоклассные силы. Там древние языки часто преподавали чехи, которые говорили и по-русски и по-немецки на ломаном языке. Директором нашей Петропавловской гимназии был Константин Романович Вернандер, большой барин, очень добрый и доброжелательный. К нему шли со всякими нуждами и запросами. Он терпеливо всех выслушивал, и всех успокаивал одним и тем же призывом: «Wart's ab!» (т.е. «обожди»), за что его и прозвали «Вартсапом». Инспекторами были знающие и строгие Кох и Пак. Грозой школы был учитель математики Валицкий, строгий и требовательный, но исключительно талантливый педагог. Именно такие и остаются в памяти, все же остальные со временем забываются. Состав учеников был смешанный; были дети преимущественно из немецких семейств, но не менее четверти и чисто русских мальчиков из московского купечества, которое стремилось к тому, чтобы сыновья знали немецкий и вообще иностранные языки. Были и евреи, но мало. Гимназической формы в Петропавловке, в отличие от других казенных гимназий, не носили, а потому уже по одежде можно было видеть, к какому слою общества ученик принадлежит, но никакой классовой розни не чувствовалось.

В небольшом Космодамианском переулке вблизи лютеранской церкви Петра и Павла²³ стояло мощное здание в стиле ампир с колоннами. Впереди был большой палисадник с громадными тополями и липами. Сзади дома находился обширный сад и двор, где во время рекреации собирались и резвились ученики. Школа была создана по типу старинных петербургских Анненшуле и Петришуле, существовавших со времен Петра Великого и императрицы Анны Иоанновны. Русский и немецкий языки преподавались наравне как главные предметы. Хорошо преподавались также французский и английский языки. С раннего возраста, совместно учась и проводя время в этих гимназиях, дети из немецких и коренных русских семейств знакомились друг с другом и дружили между собой, что не оставалось без влияния и на межэтнические взаимоотношения среди взрослых, а это, в конечном итоге, благоприятствовало русско-немецким отношениям и в международном, межгосударственном плане.

Во время пребывания в Петропавловке, летом 1888 г. мне суждено было совершить свое первое путешествие на юг России. Дядя Александр Карлович взял меня с собой к Скадовским²⁵, которых он хотел навестить по случаю рождения их первого сына Шуры²⁶. С несказанной радостью я принял это предложение.

Сыновья К.И. Шлиппе

Слева направо: Густав, Владимир, Виктор, Александр. 1870-е гг.

Меня в детстве несколько раз возили за границу, кое-что сохранилось в памяти, но это было чисто детское восприятие. По России же я поехал уже в 15-летнем возрасте, после ознакомления с русской географией и, по крайней мере, классической литературой. Особенно меня интересовала Малороссия, которой Гоголь посвятил столько дивных сочинений. Когда за Курском появились типичные хохлы с длинными усами, в малороссийских свитках и барашковых шапках, красивые дивчины в типичных нарядах и с венком цветов на голове, меня охватила нервная дрожь. Я не мог наглядеться ни на людей, ни на бесконечные степные пространства, усеянные хуторами с вишневыми садами. На больших станциях бывали базары, напоминавшие мне красочные описания Сорочинской ярмарки. Серые волы с длинными рогами лениво лежали около своих арб и придавали картине стильный характер.

До Александровска мы ехали по железной дороге, затем пароходом по Днепру до Каховки, а оттуда верст 50 на лошадях до Балтазаровки. Поездка по реке была тоже для меня первая. Сильное впечатление произвели на меня большие днепровские пароходы с прекрасными каютами и столовыми, где, между прочим, отлично кормили. Я часами сидел на палубе и любовался рекой, ее берегами, бесконечным количеством разноцветных пароходов, баржей и парусных лодок, нагруженных преимущественно арбузами и дынями.

Их Каховки мы на лошадях направились в Балтазаровку, имение Скадовского Таврической губернии. Впервые я увидел гладкую как стол степь, взор уходил в бесконечную даль и останавливался изредка на далеких селах с белыми хатами, колокольнями и ветряными мельницами. Только вокруг этих селений были видны деревья, а то на всем безграничном пространстве степи не было ни куста. Иногда попадались стада овец с типичными чабанами и злыми кудлатыми овчарками. Впервые я тут увидел миражи и сначала не мог поверить, что это только обман зрения, настолько ясно вырисовывались на горизонте деревни, озера и лесные оазисы. Было жарко и пыльно.

Пребывание у Скадовских было интересно и поучительно. Сергей Балтазарович меня брал с собой при поездках по экономии. Рано утром ему подавался экипаж парой в дышло и начинался объезд работ на полях, по кошарам к табунам лошадей. У него было сравнительно большое коневодство, шла поставка лошадей в ремонт. Лошадей называли ежегодно с единой начальной буквой. В том году был трехлетний жеребчик Бурнус, очевидно, родившийся во вторую годовщину после устройства правильного коневодства. На этом Бурнусе я совершал большие поездки. Заблудиться было невозможно. Иногда присоединялась сестра Сережи София Балтазаровна, очень милая и веселая барышня. С ней было особенно весело. Совершили мы, между прочим, поездку к берегу моря, к тому имению, которое Сергей тогда предполагал приобрести. Потом он там основал порт и целый город, названный «Скадовск»²⁷. Тогда же на всем большом пространстве имения стояли только рыбацкие и сторожевые хаты-мазанки.

От Скадовских мы после четырехнедельного пребывания поехали в Асканию Нову²⁸, которая тогда еще называлась Чапли²⁹. Принадлежало это имение Софии Богдановне Фальц-Фейн³⁰, вдове Эдуарда Ивановича, вышедшей замуж за второго брата своего покойного мужа Густава Ивановича. В то время в ее другом имении Преображенке строился в стиле «мирамаре»³¹ дворец, названный впоследствии «Белым замком у Черного моря». Сын ее Фридрих³² тогда делал первые шаги по созданию зоологического заповедника, который получил потом всемирную известность. А в то время он увлекался преимущественно птицами разнообразнейших пород. Когда он с малого начинал свое дело, то, вероятно, и не предполагал, какую роль эта его любительская затея сыграет в истории семьи Фальц-Фейн. Спустя 30 лет заповедник приобрел такую славу, что Государь император Николай Второй его посетил, был гостем в доме Фридриха Эдуардовича и даровал всей семье дворянское достоинство.

Из Чапли мы поехали в Черноморье, имение Александра Ивановича Фальц-Фейна³³. Чудная экономия, богато обстроенная, недалеко от моря, куда ежедневно совершались поездки для купания. Александр Иванович был заядлый охотник и стал меня натаскивать на охоту. Стрелять я уже умел, ходил с монтекристо по ташировским лесам и бил ястребов, но настоящей охоты за дичью я еще не знал, и этому было положено начало в Черноморье. У Александра Ивановича был специальный экипаж для охоты, довольно высокий, на два места и с устройством

для установки ружей. Он сам всегда сидел слева, чтобы удобнее стрелять. Помню нашу первую охоту на дроф. Это большая птица, больше крупного индюка. Дрофы боятся людей, но почему-то не боятся экипажей, так что их объезжают на лошадях, а охотники незаметно для них на ходу спрыгивают с экипажа и бросаются в траву. Когда все охотники размещены по местам, лошадьми делается заезд, поднимают и нагоняют дроф на стрелков. Стрелять их приходится полулежа, или же надо вскакивать на ноги в самый последний момент, когда дрофы уже над головами. Спустя много лет Александр Иванович мне, как свадебный подарок, подарил прекрасную безкурковую двустолку 12-го калибра в память моих первых охот в Черноморье.

В 1891 году я после сдачи экзамена и перевода в восьмой класс объявил дирекции, что покидаю школу, чтобы перейти в Екатеринославскую казенную гимназию по месту служения моего отца³⁴. Начальство было этим очень недовольно, но должно было меня отпустить. Я отлично понимал, что переход в другую гимназию, да еще в последнем классе, весьма рискован, тем более что в Петропавловке древние языки преподавались с немецкого. В худшем случае мне пришлось бы пробыть лишний год в средней школе. Но, кроме желания провести последний год в семье родителей, меня еще тянуло повидать что-то новое, хотелось познакомиться с новыми людьми, произвести в своей однообразной жизни какую-нибудь крутую перемену.

Пребывание в Екатеринославе я вспоминаю с особенным удовольствием. В этом же году и брат Карлуша переехал туда после завершения среднего образования и поступил вольноопределяющимся в Феодосийский полк, где командиром был граф Павел Петрович Шувалов, женатый на княжне Барятинской. Но из-за какого-то повреждения ноги Карлуша вскоре должен был покинуть военную службу. Лечение продолжалось долго, и врачи довели его до такого состояния, что как единственный выход было ими же предложено ампутировать ногу. Отец воспротивился. Тут подвернулся один менонит, некто Герман Абрамович Бергман, который посоветовал обратиться к костоправу, тоже из менонитов³⁵. Привезли этого костоправа, он осмотрел ногу и вправил сместившееся сухожилие. Месяцами до этого лежавший, Карлуша тут же мог встать и пройтись по комнате. Дальнейшее выздоровление пошло без всяких лекарств, своим чередом, и вскоре действие ноги полностью восстановилось.

Меня не так занимала гимназия, которой я посвящал лишь минимум необходимого времени, сколько общественная жизнь в провинциальном, но все же крупном городе. В доме отца приходилось встречать много интересных людей, много слышать и видеть. В Москве мы жили более замкнутой жизнью, между тем как в Екатеринославе мы попали в самый центр общественной и административной жизни. Вспоминаю поездки, которые мне довелось совершать вместе с отцом по губернии в свободное от учебных занятий время. Ехали экстренным поездом, в губернаторском салон-вагоне. Бывали в уездных городах, в богатых имениях, в соляных залежах, каменноугольных копях, на морском берегу и у днепровских

порогов. Все было захватывающе интересно. Год пребывания в Екатеринославе в возрасте наиболее восприимчивом, естественно, способствовал расширению нашего кругозора. Со многими сверстниками мы установили добрые отношения, в их числе Володя Малама, Миша Трипольский, Зак и многие другие, которые, вероятно, остались в России и которых, возможно, уже нет в живых. А с некоторыми связь сохранилась, как, например, с братьями Татищевыми, Борей и Никой; с последним я и поныне состою в переписке.

По окончании гимназии в 1892-м году я намеревался поступить в профессиональную высшую школу и колебался между горной и сельскохозяйственной специальностью. Интерес к сельскому хозяйству и природоведению оказался сильнее, и я мысль о Горном институте оставил. Сельскохозяйственная же академия в Петровско-Разумовском, как на грех, в 1892 году после студенческих беспорядков была временно закрыта и лишь через несколько лет возродилась под названием Московского сельскохозяйственного института. В результате некоторых исканий и колебаний я поступил в Московский университет на естественно-историческое отделение физико-математического факультета.

Отец мой поступил ровно сорок лет до меня в тот же университет, и я получил его шпагу, на ручке которой были выгравированы наши имена и годы поступления. Традиционно сохранилась студенческая форма: синий двубортный сюртук, длиннополый, затем парадный однобортный мундир и, для домашнего употребления, серая тужурка. В мое время в университет на лекции полагалось являться в сюртуке и обязательно при шпаге. Только впоследствии разрешалось посещать лекции в тужурках. Несмотря на эти правила и строгости, студенты-политиканы являлись демонстративно в истасканных сюртуках и кепках, а щеголи-богатеи носили сюртуки на белых подкладках и презрительно назывались белоподкладочниками. В университете в то время было около пяти тысяч студентов, но естественно-историческое отделение было самым скромным на нашем факультете, на всех четырех курсах при мне было не более 200 студентов. Интерес к этим наукам в то время стал только проявляться. Талантливые статьи Писарева привлекали внимание молодежи к явлениям природы, но все же большинство шло на юридический и медицинский факультеты. Наш факультет отличался выдающимися учеными и преподавательскими силами. Несколько имен хотелось бы здесь упомянуть.

Ботанику преподавал Клементий Аркадьевич Тимирязев³⁶ — всемирно известный исследователь физиологии растений, Он, несмотря на маленький дефект речи, так увлекательно читал, что мы кроме его лекций в университете посещали еще его популярные лекции в Политехническом музее. Зоологию преподавал профессор Мензбир. Он так умел привлекать внимание слушателей, что казалось, будто его лекции невероятно быстро протекали. Зоологию читали еще профессора Тихомиров, который впоследствии был попечителем Московского учебного округа и зоограф. Анатомию мы проходили у профессора Зернова, химию у Зелинского и Каблукова. Геологию читал тоже крупный ученый, Алексей Петрович

Павлов³⁷, физику — гроза нашего факультета профессор Столетов. Меня, собственно, интересовали все предметы одинаково, но больше всего я любил работу в лабораториях, преимущественно в химической. Может быть, тут сказалась наследственность. Если я, в конце концов, выбрал как главный предмет геологию, то это в значительной степени благодаря особой симпатии к профессору Павлову.

Ректором университета при мне был профессор Боголепов, читавший римское право. Впоследствии он стал министром народного просвещения (после графа Делянова) и был убит террористом³⁸. На юридическом факультете в то время гремели имена историка Ключевского и политико-эконома Чупрова.

В первом году я только втягивался, слушал внимательно лекции, редко их пропускал, посещал лаборатории и музеи, но дома занимался мало. Студенческая жизнь с ее свободой и новизной меня увлекала, я стал возвращаться в обществе, а зимой частенько ездил в Таширово на охоты. К студенческой внутренней жизни я слегка прикоснулся через екатеринославское землячество. Перед экзаменом бессистемно поработал, даже сдал несколько экзаменов, но на физике у Столетова срезался. Столетов был известен тем, что задавал всякие мудреные вопросы, затем безучастно с каменным лицом глядел на экзаменующегося и безжалостно одного за другим проваливал. Впоследствии был назначен второй экзаменатор, который ставил свою отметку, и среднее пропорциональное двух баллов было действительно. Я не хочу сказать, что виной моего провала был только профессор. Вероятно, и познания мои были соответственные. Год пришлось потерять. Это была моя первая, но чувствительная неудача. Помню, как мне стыдно было показываться отцу на глаза.

Последующие годы я уже работал более систематично. Так как повторение уже прослушанных лекций мне было неинтересно, то я пользовался свободными часами и слушал Ключевского и Чупрова, но, правда, к сожалению, не полный их курс, но все же, как по истории России, так и по политической экономии получил некоторые познания. Особенно усиленно я занялся работой в химической лаборатории, проводил там целые дни, мечтал об устройстве собственной лаборатории. С начала Великого поста я, готовясь к экзаменам, приступил к систематическому чтению курсов. Намечал на каждый день количество страниц, делал конспекты, красным карандашом отмечал наиболее важные места. От Масленицы до Пасхи я от всяких развлечений отказывался. Когда можно было без ущерба пропустить лекции, уезжал в Таширово или Любаново (тоже имение отца) и зубрил там. Для отдыха позволял себе только по вечерам ходить на тягу вальдшнепов. В течение этих семи недель напряженной работы обострялась восприимчивость и, действительно, за такой сравнительно короткий срок превозмогались все те предметы, которые в течение года были прослушаны. Все экзамены я сдал на «весьма удовлетворительно», что являлось высшей отметкой. Окончил я университет в 1897 году с дипломом первой степени.

Вне подготовительного к экзаменам периода студенческая жизнь была полна интересов и развлечений. Большое удовлетворение я находил в общении

с товарищами. Часто мы собирались, устраивали экскурсии, читали доклады на разные темы, тренировались в произнесении лекций и речей. Большинство нашего кружка мечтало о научной и преподавательской деятельности, и для сего устраивали пробные полеты. Но, насколько мне известно, из моих сотоварищей только двое — Сергей Андреевич Котляревский и Алексей Григорьевич Дояренко — действительно стали профессорами. Первый в Московском университете, а второй в Сельскохозяйственной академии. Александр Валентинович Средин³⁹ сделался выдающимся художником, картины которого пользовались большой славой и висели в лучших музеях и галереях России. Он особенно увлекался интерьерами дворцов и помещичьих домов. Его картины будут иметь когда-нибудь большое историческое значение, так как усадьбы почти все разрушены революцией. Мои товарищи Халютин, Синельников, Балаклиец и Вырубный вместе со мной после университета перешли в Сельскохозяйственный институт⁴⁰.

Москва того времени в общественном смысле была чрезвычайно интересна. Назначение Великого князя Сергея Александровича генерал-губернатором⁴¹ очень способствовало объединению общества. Малый Двор с очаровательной хозяйкой Великой княгиней Елизаветой Федоровной сделался центром общественной жизни. Придворные балы в генерал-губернаторском доме на Тверской и более интимные вечера в Нескучном дворце были, несмотря на роскошь и великолепие, чрезвычайно уютны и веселы. Там встречалось все московское общество, весь чиновный и военный мир, представители городского и земского самоуправления, именитое московское купечество, люди науки и искусства. С первого же года моего студенчества меня стали приглашать на эти балы и я там увлечением танцевал почти без пропусков все семь лет моего студенчества. Очевидно, я был неплохой танцор, ибо и впоследствии, когда я отбывал воинскую повинность в Тульском Великолуцком полку, меня телеграммами вызывали в Москву на балы, что очень смущало командира полка.

Театральная жизнь в Москве в те года была на высоте своего расцвета. Шаляпин, ракетой поднявшийся до высоты мировой славы, был гордостью москвичей. Малый театр (драматический) с Южиным, Правдиным, Музилом, с Ермоловой, Федотовой, Ляшковской и другими знаменитостями был бесподобен. Наконец, Художественный театр Станиславского очень быстро стал центром внимания. Лекции, выставки, спортивные состязания, конные бега — все это разнообразило жизнь древней столицы. Только не надо было дремать, а широко пользоваться всем тем, что в таком обилии предлагалось и было так доступно.

Это была внешняя, красивая сторона жизни студенческой молодежи. Но рядом с этим почти все студенчество, так или иначе, соприкасалось с полуподпольной политической деятельностью. Выше было упомянуто об екатеринославском землячестве, членом которого я состоял. Общественно-политическая жизнь студентов развивалась именно в этих первичных ячейках, в объединениях земляков, которые друг друга знали уже с гимназических времен. Вовне эти объединения имели только благотворительные цели, и большинство членов во все остальные,

Владимир Карлович Шлиппе. 1895 г.

нелегальные задачи и не посвящались. «Союз всех землячеств»⁴² было уже законом преследуемое объединение, правление которого собиралось тайно, и имена участвовавших не были известны правлениям землячеств. Все забастовки и беспорядки происходили по указанию этого союза союзов. Деньги, которые собирались якобы на благотворительные цели, фактически шли на пропаганду, политическую агитацию и на поддержку тех, кто преследовался за антиправительственную активность. В течение первых двух лет я принимал деятельное участие в землячестве, но, прикоснувшись к нелегальной части работы, я очень быстро от нее отошел. Мне претила секретность и нелегальность работы. Я не мог примириться с вечным и, по-моему, необоснованным протестом студентов против профессоров, в особенности, университетского начальства, с их предъявлять свои требования в демонстративно грубой форме. Помню случай, когда представители нескольких факультетов были приглашены к ректору Боголепову, чтобы объяснить по поводу какого-то недоразумения. Ректор в вежливом спокойном тоне высказал свои соображения, а получил ответ от какого-то студента из «сознательных» в такой возмутительно грубой форме, что Боголепов побледнел, повернулся и вышел. Совестно было за студенчество в этот момент. И государство, и богатая Москва щедро предоставляли студентам все, что было нужно. Для неимущих давались в огромном количестве стипендии, устраивались общежития, в которых,

однако, к сожалению, и гнезвился преимущественно недовольный элемент. Нет сомнения, что все эти студенческие организации инспирировались извне разными революционными центрами, которые имели место жительства где-то за границей. Немалую роль в этом деле играли евреи. Те немногие, которые получали право быть студентами столичных университетов, были обычно самые яркие революционеры. У них накалилась злоба против правительства и российских порядков уже и потому, что они не пользовались равноправием с другими гражданами Империи⁴³.

В эту среду довольно крепко был втянут мой двоюродный брат Дмитрий Гончаров⁴⁴. Поступил он в университет годом позднее меня, и мы первый год жили вместе в одной комнате. Я с ним очень подружился, так как он был чрезвычайно добрый, умный, чистый и честный человек, и в первое время мы во взглядах и интересах вполне сходились. В землячестве, (Дмитрий был в калужском) он попал под влияние левых товарищей, в особенности братьев Савинковых⁴⁵, и все глубже и глубже уходил в активную работу. В 1905 году во время первой революции он, несмотря на то, что уже был владельцем майората Полотняного завода, принимал деятельное в ней участие. Но не только этим он здесь будь помянут. Митя был человек очень любвеобильный, действительно идейный, стремившийся к достижению социальной справедливости. Он, будучи студентом, в каникулярное время работал наравне с рабочими во всех отделениях гончаровской бумажной фабрики, чтобы проверить, посильна ли работа рабочим, в особенности малолетним, и получают ли они справедливую по их труду оплату. Погиб он в молодых годах, простудившись во время весеннего наводнения, при спасении утопающих.

В 1897 году я окончил университет, но остался неудовлетворенным. Я приобрел кучу теоретических познаний, но никакого практического опыта, который я мог бы применить на своем жизненном поприще. Карьера ученого меня не соблазняла, я стремился к живой жизни. Возник вопрос, пойти ли для завершения своего образования в Горный или Сельскохозяйственный институт. Особая симпатия к геологии, как будто направляла на Горный, но любовь к сельской жизни и сельскохозяйственному труду взяла верх, и на другой же день после окончания государственного экзамена мы вчетвером — Синельников, Халютин, Балаклиец и я — отправились в Петровско-Разумовское. Был прекрасный майский день, и мы пошли пешком, не воспользовавшись «Кукушкой» — узкоколейной железной дорогой, которая с Бутырской заставы вела к Сельскохозяйственному институту. Там мы явились к начальству и просили нас занести в качестве кандидатов. Московский сельскохозяйственный институт по новому уставу был преобразован в закрытое заведение, в общежитии которого студенты обязывались жить. Размеры общежития ограничивали число учащихся, их было не более 200. Для окончивших университеты были установлены стипендии, и время пребывания в институте зачислялось как действительная государственная служба. За этим стояло стремление подготовить достаточно специалистов по сельскому хозяй-

ству. Особые преимущества при конкурсе в институт предоставлялись сыновьям землевладельцев — и помещиков, и крестьян.

Подавши прошения, мы со спокойной душой разъехались восвояси. Но в Таширове мне не долго было суждено отдыхать. В середине июня я получил телеграмму от профессора Павлова с приглашением приехать в Москву и помочь ему при приеме членов Международного геологического конгресса, который каждые три года собирался, и на этот год должен был состояться в России⁴⁶. По приезду мне было поручено регистрировать гостей, распределять их по гостиницам и группам из них показывать достопримечательности Москвы. Всего съехалось от 600 до 700 гостей из разных стран.

Конгресс, после краткого пребывания в Москве, должен был по расписанию совершить ряд экскурсий по России под руководством разных профессоров. В частности, одна из групп направлялась по Волге на Урал, в Донецкий бассейн и на Кавказ. Поездка по Волге до Жигулей и оттуда на Урал была назначена на ближайшие дни. Весь сопровождающий персонал был, конечно, заранее предусмотрен, но кто-то не явился, и в последний день профессор Павлов предложил мне включиться в эту группу в качестве его помощника по хозяйственной части. Это было для меня совершенно неожиданно. Приехал я налегке, у меня при себе не было ни денег, ни белья, ни одежды. Ехать в Таширово за этим было уже некогда. Я обратился к тете Леле Галяшкиной, моей крестной, она меня снабдила деньгами, что мне дало возможность кое-что закупить, и благословила меня в далекий путь.

До Нижнего Новгорода мы доехали по железной дороге, а оттуда на прекрасном волжском пароходе шли с заездами в Казань, Симбирск и остановками в геологически наиболее интересных местах (в частности, у Жигулевской косы) — и до Сызрани. Там нас ожидало два экстренных поезда, один пассажирский, сплошь из вагонов 1-го класса и с одним салон-вагоном, в котором поместился штаб управления экскурсией. Второй поезд состоял из вагонов товарных, покрашенных снаружи и внутри в белый цвет и оборудованных для столовых и кухонь. В каждом вагоне к полу был привинчен стол на 12 персон, с люстрами, прекрасной посудой, серебром и бельем. Каждому экскурсанту было предоставлено удобное спальное место и нумерованное место за обеденным столом. Столовый поезд становился рядом с пассажирским на запасный путь, и места были так распределены, чтобы столовый вагон стоял против соответственного спального. Столовый поезд посылался вперед, на ходу готовился обед, и когда прибывал поезд с экскурсантами, то столы были накрыты, лестницы для входа поставлены, и в каждом вагоне два лакея быстро подавали еду. Кормили первоклассно. Буфетчик скупал по пути местные деликатесы, как-то: стерлядки кольчиком, рябчики и т. п. В этой экскурсии принимало участие человек триста — почти все иностранцы с разных концов мира. Председателем съезда был академик Александр Петрович Карпинский, а главой нашей экскурсии сильный и волевой профессор Феодосий Николаевич Чернышев⁴⁷. Ниже среднего ростом, худощавый,

с пронзительным взглядом и решительным громким голосом, Чернышев производил впечатление настоящего вождя-руководителя. Он в свое время картографировал Урал и знал его лучше кого-либо. Памятью он обладал колоссальной, знал наизусть все деревни, речки и тропинки. Его лекции на местах были исключительно интересны и поучительны. Но более всего меня поражало, как Чернышев руководил всей сложной многоголовой экскурсией. Общий план и расписание по дням были, конечно, заранее выработаны и распечатаны в объемистой книге на четырех языках, содержащей также подробное, отвечающее научным стандартам описание интереснейших мест. Но детальное распределение, на какой станции должна быть остановка для обеда, где должны быть приготовлены подводы для поездок в глубь страны и т. п. — все это делалось Чернышевым по мере приближения сроков за один или два дня. Он приглашал моих товарищей и меня в салон-вагон и, несмотря на утомление после маршей и чтения лекций в горах, диктовал нам свои распоряжения с поразительной ясностью и определенностью. Я не помню, чтобы когда-нибудь отменялся установленный им план действий. Диктовал он все без всяких карт и записок, точно, когда и куда экскурсанты должны прибыть, куда и сколько следует подать подвод, когда назначается лекция, когда обед, время перехода т. д.

Сделанные им распоряжения сейчас же приводились в исполнение: рассылались телеграммы и печатались программы для сведения иностранных гостей. Мне всегда приходило на ум сравнение с Наполеоном, который, вероятно, с такой же определенностью, быстротой и знанием ситуации издавал свои стратегические распоряжения. Люди одного типа, только разных масштабов.

В мою задачу входило, между прочим, обслуживание экскурсантов, прием всяких заявлений, забота об их удобствах и продовольственном обеспечении. Российское правительство со свойственной русской натуре широтой, ни перед какими расходами не останавливалось, чтобы создать впечатление сердечного и богатого гостеприимства для иностранных гостей. Члены конгресса должны были, как это делалось повсюду, внести какую-то сумму денег для права участия на съезде вообще. А все поездки совершались за счет государства. С момента вступления иностранцев на территорию России они могли спрятать свои кошельки в чемоданы, так как их возили, кормили и обильно поили за казенный счет.

Впервые, я имел возможность ехать по Волге-матушке, по великой реке земли русской, впервые в жизни увидал горы. Уральский хребет, весь в зелени и лесах, красив неясностью своих форм и яркостью своих красок. Памятна мне речка Юрюзань, чистая, быстротечная. Мы там купались. В нее с высоких гор впадает быстрый приток холодной воды, и две струи воды — теплой и холодной — долго идут параллельно. Переплывать из теплой в холодную — доставляло нам большое наслаждение. Побывали мы в Златоусте, в Челябинске, в Миясах, Тагиле и в Екатеринбурге. Повсюду осматривали, кроме геологических формаций, залежей руд и ценных камней, горную промышленность Урала, весьма своеобраз-

ную и широко развитую. Повсюду нас принимали с распростертыми объятиями и обильно угощали.

Большое впечатление произвела на меня Магнитная гора⁴⁸. Это, вероятно, единственные в мире залежи железа в виде острого утеса на поверхности земли. Город Екатеринбург нам всем очень понравился. В нем все дышало каким-то изобилием, богатые дома и общественные здания, церкви и музеи. Показывали нам золотые копи, струйки золотой руды в светло-сером граните и все сложное производство. В 1918 году Екатеринбург стал местом преступного убийства Царской семьи.

Оттуда экскурсия направилась на лодках вниз по красивейшей реке Чусовой. Меловое дно, крутые белые берега, из которых стройные как свечи подымались темно-зеленые сибирские пихты. Изумрудного цвета вода была совершенно прозрачна. Быстрота течения была такова, что мы, при опытном рулевом, стремительно передвигались без весел только силою течения. Близ впадения Чусовой в Каму мы пересели на пароход и доехали до Перми, а оттуда через Москву в Петербург, где состоялся самый съезд с чтением докладов. Исключительную по красоте и величию столицу я тоже тогда увидел в первый раз. Потом мне в жизни довелось переvidать почти все столицы Европы, но равных Петербургу с его величавой Невой и великолепнейшей набережной я не нашел.

Путешествие по Уралу продолжалось примерно месяц. Из наиболее интересных участников этой экскурсии могу назвать профессора Берлинского университета барона Рихтгофена, на Мюнхенского профессора Кайзера и на Иоганнеса Вальтера — крупного ученого, которому принадлежал основополагающий труд «Литогенезис»⁴⁹. Об этой книге я в университете написал работу и теперь был рад познакомиться с ее автором. Профессор Вальтер, в свою очередь, немало удивился встретить на Урале человека, который знал и увлекался его сочинением. Из Южной Америки приехал один красавец индеец красно-бурого цвета кожи, высокого роста, с орлиным носом. Рядом с ним, два японских ученых производили впечатление карликов. Были и менее приятные люди, в их числе две американки, научные заслуги которых были весьма сомнительны. На одном из банкетов, которые нам давал, кажется, Тагильский завод, они напились и заснули в саду под скамейкой. До станции, где стоял наш поезд, было верст пять по узкоколейке. Когда мы вернулись, и при переключке этих американок не оказалось, профессор Чернышев меня послал обратно их искать и задержал отход поезда. Я нашел их, как уже сказано, под скамейкой, при помощи местного персонала взвалил их в вагончик узкоколейки и довез до места. На следующей крупной станции Чернышев приказал им покинуть экскурсию.

Съезд в Петербурге продолжался дней десять, а затем мы в еще большем составе, вероятно, человек около 600, через Москву опять отправились в Нижний, а оттуда — на чудном волжском пароходе до Царицына, с причаливанием к наиболее интересным, с научной точки зрения, берегам. Из Царицына поездом доехали до Владикавказа, куда прибыли вечером в дождливый день и сейчас же

улеглись спать. А утром я проснулся рано и в окно увидел поразительной, торжественной красоты вид: макушка Казбека сияла как накалившее железо на тёмно-синем фоне небес. Это было исключительной яркости «Afpenglühen»⁵⁰. По Военно-Грузинской дороге нужно было переправить через горный хребет на лошадях всю большую экскурсию до Тифлиса. Ее разбили на шесть групп, и ежедневно по сто человек в 25 экипажах по четыре человека в каждом выезжали и пребывали в пути до Тифлиса шесть дней, ночевали в палатках, совершали походы в глубь гор по узким тропинкам, пешком и верхом. Каждый транспорт сопровождался конным отрядом казаков. Это дало мне возможность почти всю дорогу проехать верхом на сменных лошадях, а казак занимал мое место в экипаже. Компаньонкой моей была очаровательная дочь одного профессора-француза, фамилию которого я, к сожалению, забыл. Она, как и я, увлекалась верховой ездой, и мы с ней наслаждались. Профессор Левинсон Лессинг, который руководил кавказской экспедицией, распорядился, на одном утесе написать разноцветными красками и большими буквами имя этой барышни, что у всех участников съезда вызвало неимоверный восторг. Экипажи останавливались, кричали «ура», произносились речи. Барышня была, конечно, восхищена. Ее мать, которая тоже участвовала, потом написала книгу о своих впечатлениях, в которой упоминает и этот эпизод и меня как «любезного провожатого» ее дочери.

Наша очередь была одна из первых, так что мы, в ожидании других партий, имели возможность хорошо осмотреть Тифлис и его окрестности. Когда подъехали остальные, мы двинулись на Батуми, отличающийся богатейшей, почти тропической, растительностью. Ботанический сад⁵¹ там представляет, вероятно, уникум в Европе по разнообразию и пышности растений. Там, между прочим, делались опыты с плантацией чая, которые дали блестящий результат. Много лет спустя, мне пришлось по службе в Министерстве земледелия иметь отношение к этому саду и его директору профессору Краснову, брату генерала писателя Петра Николаевича⁵², ныне проживающего в нашем соседстве близ Берлина. В Батуми мы сели на пароход, который был специально оборудован для глубоководных исследований, чтобы по пути дать возможность экскурсантам ознакомиться с флорой и фауной Черного моря. Когда мы отчаливали от Батуми, перед нами открылась такая панорама, описать которую я, конечно, не сумею. Под нами бурное море с пенистыми большими волнами, затем ярко-зеленая береговая полоса с сочной растительностью, над нею террасами подымающиеся горы с разноцветной зеленью, а в завершение картины — снеговые высоты Эльбруса на фоне темно-синего неба. Думаю, что такое сочетание моря, тропической растительности, и гор до снеговых вершин включительно встречается весьма редко.

По морю, мы шли с неделю и после заездов в Севастополь и Ялту прибыли в Одессу, прозванную «Южной красавицей». И действительно, это был город роскошный. В особенности на меня произвела впечатление ведущая к морю грандиозная лестница. В Одессе, после примерно трех месяцев путешествия конгресс был объявлен закрытым. Многие по морю уехали домой, и я был освобожден от

Ф.В.Шлиппе и Е.П.Шванебах после помолвки. Март 1901 год. С.-Пб.

моих обязанностей. Решил съездить в Киев, где тогда проходила осенняя сельскохозяйственная выставка. Там я полюбовался богатыми продуктами малороссийского чернозема, южным скотоводством и овцеводством, и вернулся домой. В пути познакомился с одним студентом Московского сельскохозяйственного института, Владимиром Николаевичем Штейном, с которым потом меня связывала долгиелетняя дружба.

Итак, я все лето 1897 года пропутешествовал по наиболее живописным и богатым местностям великой матушки России, притом в исключительно интересном обществе, да еще и бесплатно. Воспоминания об этом путешествии ярко сохранились в моей памяти до сих пор. Впоследствии я вел обширную переписку с членами конгресса, чем смог укрепить связь с заграничным ученым миром. Два года спустя, снова совершая поездку по Германии, мне представилась возможность навестить некоторых из моих знакомых.

С глубокой благодарностью я вспоминаю о добрейшем профессоре Алексее Петровиче Павлове, которому я обязан всем этим благополучием. Ознакомление с разнообразием, богатством и красотой природы России, ее творческими силами и мирным сожительством разноплеменного населения усилили во мне сознание величия и могущества нашей родины. Чтобы родину ценить и любить, нужно ее хорошо знать. К сожалению, ни государство, ни общественность не принимали мер,

чтобы сделать заманчивыми и удобными путешествия по самой России, а потому большинство людей, которые могли себе позволить разъезжать, устремлялись за границу, а родные красоты оставались неизведанными. Только Крым представлял исключение, туда была проторена дорога.

Осенью 1897-го года я поступил в Сельскохозяйственный институт. Мне отвели одиночную комнату в общежитии, которую я сохранил до конца. Одно окно, стол, шкафчик, кровать и два стула — вся обстановка. Питались мы в общей столовой. Общежитием было новое, специально для этого выстроенное здание со всеми удобствами. Лекции происходили в главном здании — стильном дворце начала XIX века с прекрасными залами. Дворец стоял посреди громадного парка с вековыми деревьями и большим прудом. Парк заканчивался дендрологическим садом с невероятным разнообразием деревьев. Все породы, которые могли уживаться в нашем московском климате, были тут представлены. Десятки лет этим садом ведал старый профессор-садовод — немец, который даже коряво говорил по-русски, но пользовался всеобщим уважением как исключительный знаток своего дела. В других отдельных зданиях располагались многочисленные лаборатории и лекционные залы. Посредине стояла прекрасная церковь петровских времен. Все имение Петровско-Разумовское, с хорошим лесом, пашней и лугами, было, вероятно, величиной в 1000 десятин. Большая часть пахотной земли была отведена под опытные станции. Конюшни, скотный двор и хозяйственные постройки были тут же, по ту сторону большой дороги. На меня вся обстановка сразу произвела хорошее впечатление, показалась и уютной и отвечающей всем требованиям для спокойного, глубокого изучения наук. Очень скоро я ужился, почувствовал себя вполне счастливым и сердечно полюбил институт.

Директором был в то время К.А.Рачинский, умный и добрый старик, не ученый, а известный помещик Смоленской губернии. Он умел подходить к студентам и пользовался всеобщей симпатией и доверием. Надо сказать, что состав студенчества в институте отличался от университетского. Меньше было пролетариата, а потому студенты были не столь революционно настроены. Конечно, молодежь всегда очень чутко реагировала на все явления общественной и политической жизни, но той предвзятой оппозиции против профессуры и институтского начальства здесь не чувствовалось. Профессорский состав был превосходный. К сожалению, я не помню всех имен, но ясно себе всех представляю. Один из наиболее выдающихся был профессор общего земледелия Д.Н.Прянишников⁵³. Почвоведение читал проф. Вильямс⁵⁴, широкого размаха человек американского склада, который блестяще организовал опытное поле и очень успешно работал по улучшению российского сельского хозяйства. Лесоводство читали Митрофан Кузьмич Турский и его сын. Оба были настоящие лесовики, бородатые, всегда в высоких смазных сапогах, любители выпить, но отлично знали свое дело были пользовались у студентов большим уважением и симпатией. Сын Турского жил в самом лесу в деревянной сторожке, и мы частенько к нему заглядывали, приносили с собой водочки и уютно ее распивали. Сельскохозяйственную экономию читал талантливейший

профессор Вернер, который вводил нас в технику и методику организации сельского хозяйства и сумел привить нам интерес к лежащим в ее основе идеям и философии. От слушания общих естественно-исторических предметов мы, естествоиспытатели с университетским образованием, были освобождены. Таким образом, наш курс продолжался только два года. Универсанты имели еще и то преимущество, что они учились и содержались бесплатно и даже получали стипендию — сто рублей наличными в год. Кроме того, им время пребывания в институте зачитывалось в действительную государственную службу, так что при поступлении на государственную службу они получали двухлетнее старшинство⁵⁵.

Преподавание было так организовано, что лекции чередовались с практическими работами в лабораториях, конюшнях, скотных дворах, на полях, в лесу и огородах. Тем не менее, оставалось достаточно свободного времени, которым мы пользовались для прогулок по чудному парку, для катания на лодках и поездок в Москву. Одна из любимейших прогулок за пределы имения была по замечательной аллее, засаженной стройными высокими лиственницами, которая вела к станции Николаевской железной дороги.

С профессорами вскоре установились близкие, можно сказать дружеские взаимоотношения. Мы их посещали дома, приглашались на чашку чая и проводили очень интересно и поучительно время. Лично я установил довольно тесную связь с профессором Вернером. Его предмет, организация хозяйства, меня особенно увлекал. Мы совершали студенческие экскурсии в образцовые хозяйства и затем разрабатывали под руководством Вернера доклады с критическим разбором их организации. Несколько моих докладов были приняты в сельскохозяйственные журналы. Впоследствии, когда мне было суждено руководить большим количеством разнообразнейших имений в различных полосах России, уроки Вернера мне чрезвычайно пригодились, и я именно в организационной работе находил наибольшее удовлетворение. Выработка организационного плана является наиболее ответственной первоначальной работой. В нее входит, в частности, распределение угодий, севооборота, расчет живого и мертвого инвентаря и подбор пород, и все это с учетом местных условий — природных, климатических и экономических. От компетентности и добросовестности, с которой составлен основной организационный план, зависит продуктивность хозяйства. Технические несовершенства хозяйства легче исправимы, а изменение ошибочного плана большой затраты и времени, и средств.

Очень я также любил старика Турского, ему тогда было, вероятно, за 70. Истый лесничий, он обожал лес, всю его флору и фауну, и заражал своими чувствами нас, студентов. В 1860-х годах Турский по приглашению моего отца организовал лесное хозяйство в Таширове и сделал большие еловые посадки на так называемом Пахиревом поле в семи-восьми верстах от усадьбы. Эти еловые насаждения были впоследствии заглушены самосадочной березой. Когда березы достигли сорокалетнего возраста и были вырублены, тогда только ель сильно двинулась в рост. Когда я по окончании института совершил поездку за границу, то

по указанию Турского осмотрел некоторые леса в Германии, в Шварцвальде. По возвращении в Таширово я собрался навестить старика. Ночью перед выездом мне приснилось, что Турский умер. Приезжаю в Москву и узнаю, что он действительно в эту ночь скончался. На его похоронах я взял с венка института пальмовую ветку и поместил ее в раму с портретом покойного, который висел у меня в кабинете. В память дорогого учителя я посадил в Таширове около конторы дубок, который к моменту нашего окончательного выезда уже сильно развился.

С профессором Вильямсом меня впоследствии тоже неоднократно судьба сводила. В помощники он взял себе моего большого друга и товарища по институту Алексея Григорьевича Дояренко⁵⁶, который вел ему его опытное поле. Сам Вильямс увлекался всякими широкими планами и с успехом их проводил. Им создано было большое луговое хозяйство по линии Николаевской железной дороги, в задачу которого входило изучать способы превращения замшелых и заболоченных лугов с кислой растительностью в луга со здоровыми съедобными травами. Результаты были грандиозные. Созданная мною впоследствии опытная станция по культуре семян кормовых растений в Быкасове рука об руку работала с «Луговым Хозяйством». Вильямс принял и быкасовское опытное поле под свое покровительство, часто к нам приезжал и присылал студентов института группами по несколько десятков для обучения и практической работы. Когда мне в 1919 году пришлось вторично бежать из Москвы, я несколько дней скрывался в «Луговом Хозяйстве» у одного из заведовавших, Дмитриева. Это был мой последний этап в Московской губернии.

В Институте университетская группа студентов в первое время держалась несколько обособленно от остальных товарищей, что в первую голову объясняется возрастными причинами. Но вскоре и из состава остальных подобрались симпатичные и интересные люди, с которыми установились приятные товарищеские отношения. Была среди неуниверсантов группа богатой, кутящей молодежи, с которой у нас, «стариков», соприкосновения были редки, но все же иногда приходилось устраивать совместные вечеринки в институте. К этой группе примкнул молодой, талантливый и очень задорный Владимир Пименович Крымов⁵⁷, из старообрядческой семьи, предки которого из-за веры своей годами живали как эмигранты в Восточной Пруссии. Мое первое знакомство с ним произошло во время общестуденческого судбища, созданного в институте по случаю какого-то скандала, устроенного Крымовым в выше упомянутой узкоколеяке между Институтом и Москвой («Кукушка»). Помню, как Крымов, после довольно резкого обвинения со стороны студенческого прокурора, смело и пренебрежительным тоном давал объяснения собравшейся многочисленной коллегии студентов. После разносторонней деятельности в качестве руководителя крупным строительным обществом и редактора Петербургской газеты «Новое время», Крымов приобрел состояние и совершил ряд кругосветных путешествий. В эмиграции он посвятил себя главным образом литературному труду и написал ряд интересных и увлекательных книг. Одно время он жил в Берлине, построил себе домик в Целендорфе

(богатый жилой район) домик с красивой верандой, на которой гостеприимно угощал своих старых сотоварищей. В 1933 г. он переехал в Париж, где на берегу Сены купил себе прехорошенькую виллу.

Особенно близок был мне Владимир Николаевич Штейн, тот самый, с которым я познакомился в поезде при возвращении из Киева после геологического конгресса. По окончании Института он поступил в Департамент земледелия, в котором я впоследствии занял место вице-директора. Штейн был там моим верным, хорошим сотрудником. Ему я обязан приемом в ведение Министерства земледелия быкасовской опытной станции по разведению семян кормовых трав. В эмиграции он попал в Прагу, где получил профессуру в сельскохозяйственном высшем учебном заведении. Часто он навещался в Берлин, и мы с ним и Крымовым, как старые однокашники, вспоминали годы юности.

Хотелось бы вспомнить еще моего большого друга Афанасенко, с которым я в институте знался сравнительно мало, но по службе в Министерстве по землеустройству и по Департаменту земледелия очень близко сошелся. Он был женат на дочери писателя Боборыкина. Это был чрезвычайно умный и тонкий человек, который имел больше опыта по министерской службе, чем я, и надавал мне много полезных советов. После моего ухода он был назначен на мое место, вице-директором департамента. В Киеве в 1918 году во время гетманства я его видел в последний раз. Он служил в украинском Министерстве земледелия, но вскоре скончался.

Самый природно одаренный из моих товарищей был Петя Халютин, сын управляющего Казенной палатой в Туле, приятеля и единомысленника моего отца. Петя был очень музыкален, отлично рисовал и писал масляными красками. Он, обладая превосходной памятью и быстрым соображением. В институте мы частенько готовились к экзамену вместе. Он ложился на мою кровать, а я, сидя за столом, вслух читал курс. В книги он так и не заглядывал, а находил, что слушать, когда ему читают, — это наиболее удобный и легкий способ фильтрации наук в мозги. При нем состоял как верный адъютант наш товарищ Балаклиец, маленький, щупленький человечек, но чрезвычайно милый и веселый. Мы его называли «месяцем», поскольку он отражал только тот свет мысли и знания, который излучал, подобно солнцу, Петя Халютин, Синельников, Балаклиец и я выработали в зимние месяцы план поездки в Сибирь, целью которой было изучить с исторической и аграрной точек зрения места, предназначенные для крестьян — переселенцев из Украины. Были заготовлены все необходимые приборы и инструменты для исследований. Весной Петя поехал в Петербург, чтобы там получить разрешение и средства. Одели мы его в статское платье, кто дал брюки, кто пиджак, кто шляпу, снабдили его сборными деньгами, и я как сейчас вижу его, отъезжающего, с папироской во рту (притом, что он был некурящий) в окне вагона Николаевской железной дороги. В министерстве он нашумел, прочел ряд докладов о предстоящей добровольной экспедиции студентов, воодушевил чиновников и самого министра Ермолова⁵⁸ и получил все разрешения и необходимые средства. К

большому моему сожалению, я был лишен возможности принять участие в этой чрезвычайно интересной экспедиции. Мои товарищи же целое лето проработали в степях Семиречья и вернулись с очень ценным материалом. Эта экспедиция предопределила дальнейший служебный путь Халютин и Синельников, оба они пошли по Переселенческому управлению. Ну а Балаклиец выбрал себе скромную карьеру учителя по естествознанию в Мозыре, провинциальном городке юго-западного края. Синельников добился хорошего положения в центральном управлении в Петербурге после продолжительной деятельности в Сибири. Халютин же, несмотря на его способности и энергию, после нескольких лет работы на месте покинул службу и даже остался без должности. В 1904 году, когда я ехал на Дальний Восток, я с ним виделся около Иркутска, тогда он жаловался и был недоволен службой. В 1912 году уже, будучи на посту вице-директора Департамента земледелия, мне удалось ему опять устроить хорошую должность, но он вскоре скончался во цвете лет. У меня была книга по организации сельского хозяйства, подарок Пети, на обложке которой он поместил очень удачную свою фотографию под стеклом и надпись: «Закадычному Феде от беспокойного Пети».

В 1899 году я окончил Сельскохозяйственный институт. Государственные экзамены прошли отлично. Председателем экзаменационной комиссии был назначен известный химик профессор Меншуткин. Он же потом сказал нам прощальное слово, которое закончил так: «Верьте вы, вместе с нашим простодушным народом, что мир на трех китах стоит. А эти киты суть Истина, Любовь и Красота». Нам выдали временные свидетельства; дипломы мы могли получить лишь через год после сдачи диссертаций.

После завершения всех формальностей в Институте и до начала предстоявшей мне воинской повинности я вместе с двоюродным братом Сережей Шлиппе поехал за границу. Путь мы наметили на Берлин, Дрезден, Шварцвальд и Мюнхен, а затем предполагали проехать через Швейцарию во Францию и, если бы хватило времени и денег, закончить Англией. Сережа был прекрасный собеседник и хороший товарищ, лучшего спутника было бы трудно себе представить. Поехали мы налегке с пустыми двумя небольшими чемоданами, намереваясь экипироваться в Берлине. В одном из больших магазинов нас действительно с головы до ног обули и одели, и мы во всем новеньком двинулись в путь. Прибыв в Саксонию, мы в первую голову нанесли визит в Хемниц моему старому приятелю Гельдигу, и с ним вместе совершили пешком прогулку по Саксонской Швейцарии. Красивые места, прелестная погода и веселая компания — мы наслаждались. Очень нам понравился также Шварцвальд, где мы совершали дневные пешие походы, а чемоданы посылали вперед по железной дороге. Нас поражала точность доставки вещей, к чему мы в России не привыкли. В Баварии мы осмотрели дворцы короля Людвига II и закончили объезд Мюнхеном. Там я получил известие, что мой брат Карлуша помолвился с Марией Эдуардовной Беренс⁹⁹, и свадьба должна была состояться уже 8-го августа. Разыгралась внутренняя борьба, но любовь к брату взяла верх, и я прервал свое путешествие, оставил Сережу одного,

Петр Христианович Шванебах. С.-Пб.

а сам, накупив чемоданчики с несессерами для молодых, вернулся домой. Потом я очень сожалел, что не закончил путешествия, так как только спустя двенадцать лет мне суждено было вновь побывать за границей. Но мое решение возымело и одно весьма значительное для моей дальнейшей жизни последствие. На свадьбе брата я познакомился с двоюродной сестрой невесты, Елизаветой Петровной Шванебах⁶⁰ — моей будущей женой.

С октября 1899 года по октябрь следующего года я отбывал воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося в пехотном Великолуцком полку в Туле. Я выбрал Тулу, чтобы еще пожить в родительской семье, к которой был сердечно привязан. Служба была нетрудная. Я попал сразу в учебную команду к хорошему фельдфебелю Ивану Фомичу, которого я впоследствии устроил в Нара-Фоминском на службу в полиции. Вставал я в 6 часов утра и на отцовских лошадях доезжал до казарм, расположенных на другом конце города, а назад возвращался пешком. Трогательно было, что мой отец всегда вставал тоже в 6 утра, чтобы со мной вместе выпить кофе и благословить меня в путь. С глубокой благодарностью я всегда вспоминаю эти незабвенные минуты общения. Тем для разговоров у нас всегда было много, и отвлеченных, и практических.

В свободное время, а его было много, я писал свою диссертацию, читал и довольно много вращался в обществе, ходил в театр и танцевал на балах. На святках

меня часто вызывали на великокняжеские балы в Москву. Когда я в первый раз в солдатской форме появился на балу командующего войсками Московского военного округа, мне как-то было жутко, тем более что я был единственный солдат. Во время танцев я за кадрили садиться не имел права, сидеть мог только за ужином. Но Великий князь меня принял очень милостиво, и со временем на балах стали появляться и другие вольноопределяющиеся из Московского гарнизона, среди них Северцев, граф Михаил Львович Толстой и другие.

Помню, какую сенсацию произвела первая телеграмма от заведующего Двором Великого князя, в которой он по поручению Великого князя и Великой княгини приглашал меня на вечер. Я должен был эту телеграмму вручить своему ротному командиру, с просьбой исходатайствовать у командира полка двухдневный отпуск. На другой же день я был вызван к командиру полка полковнику Луганину, которого за его длинную бороду называли «Черномором». Луганина очень встревожила телеграмма, и он от себя телеграфировал, что вольноопределяющийся Шлиппе явится в назначенный день и час. Мне он сказал, что мне предоставляется право еще прибавить два-три дня отпуска, чтобы съездить в деревню отдохнуть. По возвращении я должен был сделать доклад о моих впечатлениях. После этого командир полка разрешил приглашать меня и на офицерские балы, на которые прежде не пускали.

На Рождество в Тулу приехали брат со своей молодой женой и привезли с собой Елизавету Петровну Шванебах. Мы весело провели праздники, много танцевали. Елизавета Петровна всех очаровывала своим бархатным контральто и была центром всеобщего внимания.

За время отбывания воинской повинности я написал свою диссертацию, которая мне дала право на получение диплома первой степени со званием ученого агронома. Темой я выбрал организацию хозяйства в Таширове — уже с видом на практическое применение этой работы. Уже вскоре она пригодилась на деле. Осенью 1900 года, сдав в Москве экзамен на прапорщика запаса, я был уволен с военной службы. Мне исполнилось уже 27 лет, пора было приниматься за работу. Обсудив со мной все вопросы, отец решил мне вверить бразды правления по ташировскому хозяйству.

Именем управлял Леонгардт Антонович Трейман, прекрасный, честный человек, но он односторонне уделял все внимание лесоводству и мало интересовался хлебопашеством и скотоводством. В 1894 году сгорел большой скотный двор, в котором помещалось до 300 коров. Отец, очень взволнованный, принял поспешное решение и телеграфировал Трейману, чтобы распродал коров, что тот и исполнил. После этого трудно было восстановить стадо, и сельское хозяйство влачило сравнительно жалкое существование. В таком состоянии мне пришлось его принять. Треймана я нежно любил и вполне признавал его заслуги в течение многих лет управления, но все же у нас были разные взгляды на вещи, и мы, проработав с полгода совместно, решили полюбовно разойтись, тем более, что Трейману было предложено хорошее место по управлению именьями моего

дяди Александра Карловича, т.е. Вышегородом, Крымским, Ефимовым, Спасским и Загряжским. Это был сравнительно большой комплекс и преимущественно лесное хозяйство. Мой брат Карлуша после свадьбы был выделен; ему отец по дарственной передал обе части Любанова, около тысячи десятин с двумя усадьбами по реке Наре⁶¹. Карлуша уже до женитьбы отделился от Треймана и получил эти имения в управление, а потом и в собственность. Холостяком он жил в так называемом «Соколином гнезде». Это был небольшой домик на крутом берегу Нары там, где в нее впадает Таруса, и образовался большой водоем с островом. Вид из этого гнезда был очаровательный. В нем было очень уютно, я любил туда ездить, и мы с товарищами весело проводили время. В Таширове я до окончательного переселения поместился в конторе, в которой мог занять две хорошие комнаты; кухня была у нас с Трейманом общая. Рождество я по обычаю провел в Туле и сейчас же после Нового года вернулся в Таширово, куда был отцом командирован Николай Владимирович Ильинский для заключения годового отчета по имениям. Мы втроем — Трейман, Ильинский и я — углубились в отчеты и целыми днями до поздней ночи сидели за выяснением доходности или убыточности различных хозяйственных отраслей.

В это время приехала погостить в Любанове Елизавета Петровна Шванебах. Она задалась целью заняться сельским хозяйством, преимущественно молочным, и мечтала по соседству с Любановым арендовать какое-нибудь имение. В Петербурге она прошла курсы молочного хозяйства у Калантара, большого специалиста этого дела. В день ее приезда, в холодный зимний день я поехал ей навстречу. Сани наши повстречались на шоссе, на самой ташировской границе перед щербатовским лесом. Помню, как Карлушина тройка серых гусем мчалась мне навстречу. Я приостановил свою лошадь и еле успел их приветствовать, так как тройка полным ходом продолжала путь. Нагонять их не стал, а через день-другой побывал в Любанове. Когда работа по отчетности стала подходить к концу, мои поездки стали чаще, а в конце двадцатых чисел ежедневны. Мы много с Елизаветой Петровной рассуждали о сельском хозяйстве, читали вместе книги, в том числе биографию Бисмарка, который увлекался хозяйством и, между прочим, говорил, что быть хорошим сельским хозяином труднее, чем быть тайным советником. По вечерам мы слушали и увлекались прекрасным ее пением под гитару и рояль. 31-го января мы помолвились, и через день оба поехали докладывать родителям, она в Петербург, я в Тулу. После моего доклада мама расплакалась. Я стал ее утешать, но она меня успокоила, что это слезы радости. Отец и мать благословили мой выбор.

Сейчас же после помолвки отец стал обдумывать, как организовать для моей будущей семьи самостоятельную хозяйственную жизнь и решил приобрести прилегавшее к ташировской земле небольшое имение Быкасово, которое случайно продавалось с торгов как выморочное имущество. Мне было поручено произвести покупку. Этим делом я был чрезвычайно интенсивно занят, поэтому сравнительно редко навещался в Петербург и слыл там мифическим женихом. Первая

поездка к родителям невесты состоялась сейчас же по возвращении моем из Тулы. Родителей я почти что не знал, познакомился с ними мельком во время Карлушиной свадьбы. Никогда не забуду, как я был сердечно и мило принят Петром Христиановичем и Марией Андреевной⁶². Они жили тогда на Загородном близ Пяти углов и занимали большую квартиру с просторной залой. Между окнами красовалась громадного размера прекрасная ваза работы Императорского фарфорового завода, подарок Великой княгини Екатерины Михайловны⁶³. Про Марию Андреевну он мне сказал: «Будет ли Лиля тебе хорошей женой, я не берусь судить, но что ты в лице Марии Андреевны получаешь прекрасную тещу, это я могу сказать с уверенностью». И он был прав. Вот прошло с тех пор свыше сорока лет, из коих тридцать пять мы с Марией Андреевной живем в одном доме, общей жизнью, и за все это время наши отношения ни разу не были омрачены. В текущем (1942) году мы праздновали ее 90-ый день рождения.

Мне не было известно, что мой будущий тесть занимал видный пост на государственной службе и славился своими большими познаниями и способностями. По образованию он был политико-эконом, окончил Училище правоведения и пополнил свои познания в Париже и Лейпциге, где, между прочим, слушал знаменитого Рошера⁶⁴. Служба Петра Христиановича главным образом протекала по Министерству финансов, где он занимал пост директора Государственного банка. По назначении С.Ю.Витте министром финансов вскоре возникли разногласия по вопросу о введении золотой валюты⁶⁵, и Петр Христианович предпочел отойти от активной работы, приняв должность члена Совета министра финансов. Одновременно он был назначен гофмейстером при Дворе Великой княгини Екатерины Михайловны и должен был переехать в Михайловский дворец. После смерти Великой княгини Петр Христианович продолжал заведовать большим имуществом ее сыновей, герцогов Мекленбургских, и дочери, принцессы Альтенбургской⁶⁶. Он был назначен почетным опекуном и ведал Еленинским женским институтом⁶⁷. Свободного времени у него было сравнительно много, так что мы с ним подолгу беседовали. Он обладал совершенной памятью, удивлялся, что вообще что-нибудь можно забыть, приписывал это невниманию. Суждения его были глубоко продуманны и метки. В нем чувствовался подлинно государственный ум, широта кругозора, всесторонние познания, и все это на основах высоко нравственных и честных общечеловеческих взглядов. Ни карьера, ни большой заработок его не интересовали. Лично он был чрезвычайно скромнен. Но в борьбе за идеи и политические взгляды он был непреклонен, смело отстаивал свои убеждения, даже рискуя своим положением и средствами.

Столичное общество я знал мало, бывал там редко и на короткие сроки. Несколько раз я, студентом Сельскохозяйственного института, вместе с отцом бывал в Петербурге. Тогда мы останавливались во дворце графа Сергея Дмитриевича Шереметева на Фонтанке, в так называемой «шлипповской половине»⁶⁸. Это были три уютные комнаты в партере с винтовой лестницей в кабинет графа. Как-то раз мы попали на Пасху в Петербург. Впервые я видел великосветское

разговение. Отстояв заутреню в прекрасной домово́й церкви дворца, мы перешли в парадную столовую, где за богато убранным столом с яствами всю ночь принимали гостей. Перебывали Великие князья, министры, товарищи министров, много военных и представители аристократического общества. Великосветскому обществу я был чужд, а потому в кругах, где мы с невестой должны были визитировать, я себя чувствовал не в своей тарелке. В один из приездов, в большом зале Кредитного общества моя невеста выступала на концерте вместе с певицей Жеребцовой-Евреиновой. Успех был большой, и я был горд за Лилю.

Свадьбу мы назначили быстро, через 3 месяца. Венчание состоялось 24-го апреля 1901 года в лютеранской церкви Св. Екатерины на Васильевском острове. Свадьба была многолюдная, красивая и веселая. Меня только огорчало, что ни отец, ни мать не могли присутствовать. У отца вспыхнули в губернии беспорядки, а мама оставалась в Таширове, так как жена брата Маша ожидала к этому времени прибавления семейства. Шаферами у нас были брат Боря, Н.Н.Флиге, Н.Татищев, П.Ф.Еленев, Костя Шлиппе, Ивашкин и Красовский, друзьями Лилина сестра Аня и мои родные и двоюродные сестры — Маргарита, Алиса, Соня, Вера, Дагмара и Валя. Когда я вошел в церковь, она мне показалась уже полной. Запестрили в глазах гвардейские и обшитые золотом придворные мундиры, фраки с лентами и звездами среди большого количества светлых дамских туалетов. Совсем впереди, около алтаря, выделялась высокая фигура герцога Г.Г.Мекленбургского со светло-голубой Андреевской лентой через плечо. Наступила тишина, когда Петр Христианович провел под руку свою высокую, стройную и очаровательную дочь. После венчания мы уехали на квартиру Шванебахов на Загородный проспект, где нас поставили в зале на специально убранном цветами месте между окнами. Там мы с бокалами шампанского в руках принимали поздравления многочисленных гостей. Перед нами прошел блестящий пестрый калейдоскоп сотен поздравителей. Вечером, уже в тесном семейном кругу, состоялся обильный и веселый обед с речами и тостами, а затем мы сразу отправились в Москву. В Петербурге в день свадьбы была отвратительная погода: холод и мокрый снег. В Москве же нас встретила дивная, солнечная погода. Весна была ранняя, и деревья уже начинали зеленеть. Радостно мы восприняли эту перемену погоды, как добрый признак предстоящего безоблачного семейного счастья. В Москве сделали короткую остановку. Там нас встретил приехавший из Тулы папаша. Тетя Лиза и дядя Саша Шлиппе⁶⁹ устроили в Колпачном переулке в честь приезда молодых роскошный завтрак с приглашенными родственниками. Из Москвы до станции Нара мы доехали, по Московско-Киевско-Воронежской железной дороге, вместе с моим отцом и Лилиным крестным, Эдуардом Андреевичем Беренс. На вокзале нас ждал Ларион Кузьмич с парой серых в дышло. Быстро докатили до Таширова. В тот момент, когда наш экипаж вкатывал в усадьбу, с другой стороны во двор въехал верховой и подал нам письмо. Это было поздравление от Маши и Карлуши и радостное уведомление о рождении их первой дочки Лили⁷⁰. Мамаша и дядя Виктор нас встретили у подъезда.

Двор был полон наряженными крестьянами и крестьянками, которые подносили деревенские гостинцы и приветствовали нас с законным браком. Нам отвели комнаты в мезонине главного дома: просторная спальня с перегородкой, за которым стояли умывальники, и несколько меньшая гостиная с балконом. Стены были обтянуты цветным ситцем. Под этот рисунок Лиля подобрала обивку своей мебели. Приданое жены уже успело прийти из Петербурга, так что комнаты были со вкусом и уютно меблированы. С этого 26-го апреля 1901 года началась наша семейная жизнь — и моя ответственная работа.

ГЛАВА II

Быкасово

В середине мая 1901 года я должен был отбывать учебный сбор в качестве прапорщика запаса. Прикомандирован я был к Псковскому полку, так что пришлось наш медовый месяц провести в Туле. Жили мы, конечно, у отца в губернаторском доме, где нам отвели две уютные комнаты. Служба была нетяжелая, времени свободного много. Наше юное семейное счастье омрачалось лишь тем, что каждую вторую неделю я должен был вместе со всеми пешим строем отправляться на расположенное в 80 верстах стрельбище, где занимались стрельбой и полевым учением. Однажды, уставший, вернувшись домой, я тут же был назначен караульным начальником при гауптвахте, что значило 24 часа не раздеваться и не спать. В караульном помещении сидел под арестом один сумбурной жизни капитан. Ночью он от меня удрал, но обещал вернуться. К счастью, проверка произошла, когда он только что успел прийти и залечь. Он же меня научил отправить по окончании дежурства караул под начальство унтер-офицера, а барабанщика отдельно, чтобы не было подозрения, что идет офицерский караул без офицера, самому же пойти домой отдохнуть. Мне это улыбнулось; я вообразил, что офицеры обычно себе разрешают эту вольность, а маршировать через весь город и дальше версты две до лагеря, а оттуда обратно к себе домой мне очень не хотелось. Я предпочел поступить так, как мне посоветовал опытный капитан. Дома была радостная встреча с женой, и мы засели на балконе пить кофе. Но вскоре появился швейцар Алексей и доложил, что батальонный командир меня срочно требует к телефону. Получил я грозную распеканцию и приказ немедленно явиться в лагерь, чтобы в наказание вне очереди походным порядком отправиться опять на стрельбище. Пока заложили лошадей, я привел себя в порядок и с Лилей поехал в лагерь. Там весь полк уже был выстроен для похода и только дожидался появления своего командира. Я подкатил к своей роте, на ходу соскочил и встал в строй, а Лиля в экипаже отъехала и встала неподалеку. Кто-то обратил внимание батальонного командира на мою жену, с которой он был знаком. Он поднял свою верховую лошадь на довольно неуклюжий курц-галоп, подъехал к Лиле и объяснил ей, что более снисходительного наказания он за допущенное мною грубое нарушение военной дисциплины наложить не мог. Лиля все-таки попросила его

Усадьба в Таширово

сменить гнев на милость и отпустить меня до окончания недельного срока. Действительно, через несколько дней он меня послал обратно.

По окончании учебного сбора мы с Лилей поехали в Орловскую губернию для ознакомления с образцовым семенным хозяйством Федора Эмильевича Ромера. Он был известный хозяин и одновременно редактировал «Земледельческую газету», выпускаемую Министерством земледелия; в то время это было лучшее в этой области периодическое издание. Поскольку у меня уже назревал план организации семенного хозяйства в своих имениях, этот осмотр был для меня чрезвычайно важен. Мы с большим вниманием прослушали объяснения Федора Эмильевича и убедились в целесообразности создания подобного же хозяйства у себя.

Окончательно мы вернулись в Таширово в начале июля и с этого времени могли заняться реорганизацией нашего хозяйства, которое после пожара и продажи скота было в полном упадке. Лесное хозяйство я застал в финансовой зависимости от единственного заказчика — Нара-Фоминской фабрики, у которой мы оказались сильно в долгу. Передо мной встал целый ряд проблем, из коих главными я считал восстановление земледельческого хозяйства при посредстве молочного скотоводства и освобождении от денежных обязательств по отношению к фабрике — хотя бы и ценой нарушения лесорубочного плана. Наряду с этим, надо было срочно отвести для губернского земства полосу земли для постройки

дополнительной ветви шоссейной дороги от Нара-Фоминско-Кубинского тракта до Ташировской усадьбы и дальше до села, с мостом через реку Нару. И еще нужно было свить гнездышко для собственной семьи.

Этому предшествовали длительные обсуждения. Отец предложил нам на выбор два имения: Головинки и Быкасово. Первое размером в 600 десятин было расположено на шоссе между Нарой и Кубинкой с небольшим, но очень хорошим деревянным домом в прекрасном липовом парке. Название имения уже показывает, что оно расположено на сравнительно высоком, а потому и сухом месте. Около парка протекала небольшая речка Иневка с прелестным прудом и купальней на берегу. Единственным недостатком была непосредственная близость самой деревни, которая тянулась в одну слободу по другую сторону шоссе. Головинки были куплены моим отцом в 1880-ых годах у княгини Волконской, роду которой оно в течение многих поколений принадлежало. Лес, преимущественно хвойный, был почти одновозрастной, лет сорока. Пахотной земли было около ста десятин со сравнительно легкой почвой. Быкасово находилось в пяти верстах от Нара-Фоминского по глинистой, колеистой, ухабистой дороге, которая временами становилась совершенно непроезжей. Земли при имении было всего 125 десятин, из коих около 80 весьма тяжелой глинистой пашни, а остальное лес. Небольшой деревянный дом выстроился в результате повторных пристроек дополнительных стен к основному легкому сруб, служившему, вероятно, когда-то сторожкой. Этот дом был расположен в небольшом саду со старыми деревьями, окруженном металлической изгородью. Имение находилось свыше десяти лет под опекой и было крайне запущено. Сторожем там служил латыш, очень порядочный человек, который охранял имущество от разграбления, но сам, кроме небольшого огорода, никакой сельскохозяйственной работы не вел. Чтобы Быкасово уравнивать по размерам с Головинками, нужно было прирезать из прилегавшей Ташировской земли свыше 400 десятин.

Для созерцательной жизни и спокойного труда Головинки были более привлекательны. Но Быкасово, расположенное около самой вновь построенной Московско-Киево-Воронежской железной дороги, нас обоих притягивало своими перспективами. Мы остановились на нем — и никогда об этом не жалели. Наоборот, я был глубоко благодарен отцу, что он подарил нам, со своим родительским благословением, этот прекрасный уголок земли, с которым остались связанными лучшие воспоминания нашей жизни. Таширово граничило с Быкасовым вдоль речки Гвоздни, которая текла в глубоком живописном овраге. По выходе из густого ташировского леса открывалась большая Мешаева поляна с видом на высокие берега широкого оврага. Слева подымался вековой лес с исполинскими елями и соснами, а справа — ряд могучих дубов с нависшими над оврагом ветвями. Завершалась картина полем. Во всем этом виделось сочетание красоты дикой природы и культурного труда человека. Впоследствии, когда был выстроен наш большой дом над оврагом, вид обогатился белокаменным домом с красной крышей среди зелени леса. Сколько мне ни приходилось по этой дороге въезжать в Быкасово,

каждый раз он снова меня радовал. По окончании формальностей по дарственной мы принялись за ремонт быкасовского дома и служб. Переехать на постоянное жительство в Быкасово пришлось лишь весной следующего года.

С расширением лесной рубки в Таширове удалось сравнительно легко справиться, так что долги фабрики были быстро оплачены. Много труднее давалось восстановление молочного хозяйства. В первую голову нужно было увеличить хозяйственные постройки. Параллельно со старым скотным двором пришлось построить также кирпичный корпус, куда были переведены все конюшни, каретный сарай и кладовые, чтобы старое здание полностью использовать для молочного стада на 60-70 голов. Нелегко было подобрать необходимое количество доброкачественного скота, и особенно было сложно наладить регулярное кормление и дойку коров. Но когда работники втянулись, на что потребовалось несколько месяцев упорного труда, то они и сами были рады порядку и его результатам.

Одно из тяжелых наследий, доставшихся мне от прежнего управления, было большое число (свыше тридцати) судебных дел. Не желая начинать свою работу с тяжб, я созвал к себе обвиняемых и почти со всеми заключил мировые соглашения, что для меня и для крестьян было большим облегчением и сразу наладило наши с ними отношения. В качестве помощника по сельскохозяйственной части я пригласил выпускника средней Сельскохозяйственной школы Савельева, а объездчиком по лесам — одного из унтер-офицеров Великолудского полка Николая Нарядчикова, очень толкового малого. Я сам на первоначальном этапе весь ушел в организационную работу, но по мере того как дело налаживалось и в него стала втягиваться Лиля, я начал понемногу отвлекаться другими задачами.

По предложению Вогау⁷¹ я принял управление по именьям Ферзиково в Калужской губернии, принадлежавшим одному акционерному обществу. Управляющим был у них хороший, добросовестный лесничий Вазем, так что после удачной реорганизации лесорубочного плана, которая и там значительно увеличила доходность, нагрузка моя была небольшая. Приходилось один раз в месяц дня на два выезжать для работ и составлять в конце года отчет для общего собрания.

Часто я сожалел, что до принятия управления Ташировыма я не поработал в качестве практиканта в каком-нибудь образцовом хозяйстве. Знания у меня, конечно, были, и энергии хоть отбавляй, а вот практическое применение своих познаний к жизни мне давалось с большим трудом. Много было допущено ошибок, которые, вероятно, и недешево обошлись.

В земской работе я участия еще не принимал, так как, лишь став владельцем Быкасова, обрел имущественный ценз⁷². Но неофициально я к общественной работе стал мало-помалу прикасаться. В Ташировской волости я основал общество сельского хозяйства, сперва на очень скромных началах. Деятельность сводилась к проведению собраний членов общества, преимущественно из крестьян, которым чаще всего я и сам читал доклады. Впоследствии общество развилось, построило на отведенном моим отцом участке прекрасный дом для заседаний, в нем же помещался и склад сельскохозяйственных орудий. На одном из

собраний я прочел доклад о необходимости перехода от общин к хуторскому хозяйству. Помню, как после бурных прений, закончившихся чуть не единогласным принятием моих тезисов, Николай Михайлович Андреев, бывший тогда председателем уездной земской управы и наш сосед-помещик, долго и молча жал мою руку, выказывая тем самым свое большое удовлетворение.

На тему о хуторском хозяйстве я написал небольшую работу, которая была напечатана в 1902 году под названием: *Очерк крестьянского хозяйства Верейского уезда*.⁷³ В нем я на основании личного обследования большого количества крестьянских хозяйств и собранных статистических данных доказывал, что общинное землевладение ограничивает возможность улучшения и развития сельского хозяйства. Я предлагал раскрепощение крестьян «от «мира» и создание индивидуальных хозяйств, а тем самым возможность личной инициативы. Брошюрка эта не вызвала заметного интереса. Когда же, спустя четыре года после первой революции, аграрная реформа была поставлена в голову угла, этот мой скромный труд привлек внимание, что позже сыграло роль в один решающий момент моей служебной карьеры. Об этом будет сказано ниже.

В 1902 или 1903 году, когда я еще не состоял уездным гласным⁷⁴, председатель управы Н.М. Андреев попросил меня написать для него критический разбор проекта губернского земства о переоценке земельных и городских имуществ для земского обложения⁷⁵. Проект, изложенный в двух объемистых книжках с большим количеством цифрового материала, был разослан уездным земствам, которым надлежало дать свои заключения.

Чтобы подготовить заключение на столь солидный труд специалистов по вопросу земского обложения, нужно было основательно войти в эту материю. С большим трудом мне удалось справиться с этой задачей, хотя, по моему собственному мнению, довольно поверхностно. Я даже смущался Андрееву показывать сделанное и был очень удивлен, когда он, прослушав мою записку, ее одобрил и меня горячо за нее поблагодарил. Он добавил, что целиком внесет ее от имени управы в губернское собрание. Меня несколько смутило, что я как автор этой записки останусь даже не упомянутым. Но Николай Михайлович определенно мне заявил, чтобы я об этом и не мечтал. Однако, как я выше уже упомянул, впоследствии эта работа оказалась для меня неожиданно очень полезной. Вообще, редко когда какая-нибудь работа проходит бесследно, в особенности, когда ею не преследуется личная выгода.

В эти же годы в Таширове мне удалось создать вторую сельскую школу. Земское училище уже не вмещало всех желающих учиться. После неудачных попыток добиться у земства расширения его и назначения второго преподавателя, я обратился с письмом к Владимиру Карловичу Саблеру, который был тогда обер-прокурором Святейшего Синода⁷⁶, с просьбой об ассигновании средств для церковно-приходской школы. Отец был с ним дружен, а жена моя знала семью Саблеров по Петербургу. Очень скоро я получил довольно крупную ассигновку и поручение составить под моим председательством строительную комиссию для

постройки школьного здания по предписанному плану. В состав комиссии были назначены отец благочинный, местный священник и церковный староста. Мой отец безвозмездно предоставил участок земли недалеко от церкви и, в виде дара, некоторое количество кирпича и извести с Ташировских заводов. Несколько раз я созывал строительную комиссию, но ни одно из моих предложений не проходило. Я настаивал на том, чтобы работа была сдана в одни руки добросовестному подрядчику, а члены комиссии высказывались за работу хозяйственным способом, т.е. сдачей отдельных работ, мотивируя, что это обойдется дешевле. По совету отца я обратился к одному крупному подрядчику в Туле, известному как строитель церквей и общественных зданий, который согласился взяться за такую небольшую работу не из желания на этом заработать, а чтобы угодить своему губернатору. Он мне даже предложил, за ассигнованные Святейшим Синодом средства выстроить здание больше того, что было предусмотрено по плану, и сверх того еще квартиру для учителя. Подрядчик приехал из Тулы, присутствовал на заседании, и его предложение было единогласно принято. Благочинный согласился подписать договор, но только пожелал сделать некоторые несущественные поправки. Не имея времени дожидаться переписки договора, он попросил прислать его для подписи в Нару, а сам уехал. Раскланялся и наш Ташировский священник, заявив, что ему до благочинного подписывать не подобает. Подрядчик счел, что вопрос решен, сам подписал договор и уехал в Тулу. Велико было мое удивление, когда на другой день я вместо подписанного благочинным договора получил короткую от него записку, что он по-прежнему настаивает на хозяйственном производстве постройки. Поехал с ним объясняться, но мои доводы не помогли. Пришлось телеграфировать подрядчику и сообщить об отказе. Когда же и повторные мои попытки сдвинуть дело ни к чему не привели, я, окончательно убедившись в злом саботаже, в письменной форме на имя строительной комиссии сложил с себя обязанности председателя и одновременно сообщил об этом обер-прокурору Святейшего Синода. Но не прошло и двух дней, как мне было сообщено, что без меня состоялось заседание комиссии, все работы уже сданы в разные руки и уже начали подвозить кирпич из расположенного в четырех верстах кирпичного завода Соничева. Даже отказались от дареного кирпича с ближайшего Ташировского завода! Ко мне явился печник из Новой деревни и заявил, что священник с ним договаривается о достройке печей в школе, но ставит условием, чтобы за эти деньги были бы частью перестроены, частью исправлены печи в доме причта. Ясно было, что представители духовенства только и мечтали выкурить меня из состава комиссии, чтобы без моего контроля наладить дело по-своему. Но они в своих расчетах жестоко ошиблись. Когда Саблер получил мое мотивированное письмо о выходе из состава комиссии, он сейчас же распорядился ликвидировать строительную комиссию, признал все предпринятые после моего ухода шаги недействительными и возложил на меня единоличное осуществление строительного проекта с правом подобрать сотрудников по моему усмотрению.

Было аннулировано все, что священниками было содеяно. Чтобы не вызвать нареканий, я пригласил в комиссию ташировского священника и нескольких крестьян, которые пользовались общественным доверием. К сожалению, мой тульский подрядчик, обиженный, отказался взять на себя постройку. Пришлось пригласить другого, менее надежного, но все же дом был выстроен солидный и больше, чем предполагался по проекту; возможно, стоит там и поныне. После этого неудачного опыта с представителями духовенства я раз и навсегда зарекся с ними иметь деловые отношения. Школа же процветала, дети учились, и благая цель была, пусть не без трудностей и разочарований, достигнута.

Быкасовский старый дом мы чистенько отремонтировали, пристроив еще одну комнату и кухню. Из столовой открывалась дверь на террасу, выходящую в сад. Сад был простой, но со старыми деревьями, а около самого дома росли тун и чудные пионы. После рождения Бориса⁷⁷ в 1903 году мы еще раз пристроили дополнительные помещения и переделали внутреннее распределение комнат. Но, сколько мы не пристраивали и перестраивали, мысль о создании нового дома по нашему вкусу и потребностям все больше и больше нас занимала. Однако, предварительно необходимо было разрешить несколько первоочередных задач.

Быкасово граничит с Екатерининским большаком, который тянется от Москвы через Калугу на юг. Шириной он около 100 метров. Это и есть та непролазная дорога, которую я выше уже упоминал. Прежде это был скотопрогонный тракт, по которому с юга гоняли скот на московские скотобойни. Говорили, что название Быкасово происходит от слова бык; что в этих местах была одна из последних станций, где скот подкармливался на отведенных для этого казенных пастбищах. Говорили, будто бы мужики прилегающих селений занимались разбоем и загоняли волов в дремучие ташировские леса. Есть такая народная песня: «По старой Калужской дороге, на сорок девятой версте», — именно там, дескать, происходил разбой. Быкасово, правда, находится на 59-ой версте этой дороги. Параллельно с большаком, на расстоянии примерно 150 метров от него было проведено полотно Московско-Киево-Воронежской железной дороги. Наш план заключался в том, чтобы приобрести соседнюю землю, через которую проходила железная дорога, и построить на ней пассажирскую платформу. Небольшой участок лесной пустоши, так называемая Алымовка, по наследству досталась некоему Бахметеву, человеку из хорошей семьи, писателю, который по какому-то политическому, а может быть, и уголовному делу отбывал десятилетнюю ссылку невесть где в Сибири. Крестьяне соседней деревушки, Алымовки тож, судом хотели оттягать эту землю, неосновательно доказывая, что она всегда им принадлежала. До возвращения Бахметева, единственного ее законного владельца, опекунство над этим выморочным имуществом было вверено Леонгардту Антоновичу Трейману. Он, со свойственной ему выдержкой, не поддавался крестьянам, и был счастлив передать его, хотя и находящееся под судом, в руки внезапно появившегося наследника. Он же, Трейман, спосредничал нам покупку этой земли. Всего было 28 десятин, мы приобрели их, с риском проигрыша процесса, по 150 рублей за

Александр Александрович и Ада Гуговна Шлиппе. 27.06.1900 г.

десятину. Через хорошего юриста, Тесленко, я убедился в правоте Бахметевских прав на землю, и решили рискнуть этими деньгами. В судебной палате дело получило неблагоприятный оборот, но зато Сенат его решил в нашу пользу. Алымовка была куплена на Лилины деньги и на ее имя. Вслед за этим, чтобы удовлетворить алымовских крестьян в действительной их потребности в земле, я из состава Быкасовского имения продал им через посредство Крестьянского банка около 30 десятин хорошей пашни, вдоль большака и прилегающей к их надельным владениям.

По вступлении во владение бахметевским участком мы при содействии министра путей сообщений князя Хилкова выхлопотали у Правления железной дороги разрешение на постройку полустанка. Нужно было внести на постройку платформы и домика для сторожа около 3000 рублей. Но еще до постройки была получена от железнодорожного управления телеграмма с разрешением останавливать пассажирские поезда для посадки. Прислали нам и красный флажок, которым нужно было махать. Вскоре я хотел испытать действие красного флажка и, к моему удивлению, поезд действительно остановился. Я влез в вагон. Как только тронулся поезд, явился возмущенный обер-кондуктор и грубо потребовал от меня объяснения моего незаконного действия, грозил жалобами, штрафами и строгими наказаниями. Его тон мне не понравился, и решив его подразнить,

я говорил, что мне удобнее было сесть здесь, рядом с моей усадьбой, вместо того, чтобы ехать в Нару по плохой дороге и т.д. Когда я его довел до каления, и он стал призывать других пассажиров в качестве свидетелей, я вынул из кармана телеграмму железнодорожного управления и этим, к его большому смущению, решил все вопросы. Кондуктор извинился за грубый тон, ну а я его успокоил хорошим «начаем».

Платформу мы называли по имени соседнего женского монастыря «Зосимова Пустынь». Для получения согласия игуменьи мы были у нее, и по объяснении выгод для монастыря такого названия получили разрешение.

Несколько лет спустя, на этой платформе у меня был другой случай, характерный для тогдашних нравов. Возвращаясь дождливой осенью из Таширова, я решил до Быкасова доехать по железной дороге и по телефону вызвал к платформе лошадей. На станции Нара я в присутствии начальника станции попросил оберкондуктора назначить в «Зосимовой Пустыни» остановку. Кондуктор, очевидно, забыл дать распоряжение, и поезд полным ходом промчался мимо платформы. Я начал дергать тормоз, и смог остановить поезд верстах в трех от платформы в лесу. Забегали кондуктора, извинялись, а я потребовал возвращения поезда. После длительных разговоров оберкондуктора с машинистом поезд задним ходом был доставлен к платформе. Кучер Ефим, выехавший меня встречать, шагом вернулся в усадьбу и начал распрягать лошадей. Услыхав в лесу свистки паровоза, он сообразил, что «не иначе барин поезд возвращает», и с одним коренником успел вернуться как раз к тому моменту, когда я вылезал из вагона.

Кстати про этого сообразительного Ефима. Он еще мальчиком Юшкой служил помощником конюха при ташировской господской конюшне. Когда мы переселялись в Быкасово, я вместе с предоставленным нам живым инвентарем подобрал себе некоторый персонал из Ташировского старого, испытанного состава. Юшку я очень любил за хороший нрав и радение к работе. Мы с Лилей решили его взять к себе, теперь уже в роли кучера к подаренной нам отцом парой гнедых — Абдулы и Гаида — и к верховой Красе. Юшка, конечно, был чрезвычайно доволен повышением, вскоре женился и зажил семейной жизнью. Спустя пять лет он, уже как Ефим Егорович, надзирал за строительством нашего нового дома, а затем был моей правой рукой по всему быкасовскому хозяйству. На всех этих поприщах он оказался на высоте положения. Он стал отцом многочисленного семейства, пошли Саньки, Маньки, Паньки и т.д. Во время войны он был призван и заведовал приемом фуража для кавалерии.

Сельское хозяйство в Быкасове налаживалось слабо. Тяжелая глина, в течение многих лет не паханная и не унавоженная, с трудом поддавалась обработке. Она быстро высыхала, появлялись трещины, и урожай был в первые годы из рук вон плохой. Только клевер радовал могучим ростом и богатыми укусами. Это укрепило нас в решении перейти на луговое хозяйство. Но путь к достижению этого был долгий и страдный. Была поставлена цель: разведение семян кормовых трав. Для этого надо было после долгодетних испытаний остановиться на

таким виде растений, который соответствовал бы местным почвенным и климатическим условиям и пользовался бы достаточным спросом по стоящим ценам. Чтобы очистить почву от сорных растений, ее нужно было годами готовить путем культуры с междурядной обработкой. К практическому осуществлению нашего плана мы могли приступить только, когда через организованную в Быкасове опытную семенную станцию был получен первоклассный семенной материал и были выработаны все технические методы разведения травяных семян. Но когда эти нелегкие многолетние подготовительные работы были завершены, то культура семян пошла очень удачно. Вскоре наше хозяйство стало пользоваться весьма хорошей славой и давало блестящий денежный результат.

Должен отметить, что главная заслуга по проведению семенного хозяйства принадлежит жене. Я в это время уже сильно стал отвлекаться общественной и служебной деятельностью и часто отсутствовал. Лиля вообще обладала гораздо большими хозяйственными наклонностями и способностями, чем я. Мне удалось недурно организовать дело, а вот ежедневное, кропотливое его исполнение блестяще проводила жена. Она вставала в 5 часов утра, распределяла и следила за работами, держала все хозяйство в образцовом порядке. Такая согласованная и взаимно восполняющая работа служила нам большим удовлетворением. Ей, бедняге, подолгу приходилось оставаться одной, но скучать она в деревне не умела. Хотя Лиля и была окружена весьма преданным и верным домашним и дворцовым персоналом, все же она временами не была достаточно защищена от бродяг по большой Калужской дороге, тем более что двери дома днем никогда не запирались. В таких случаях помогала ее личная храбрость и быстрота соображения. Был случай, когда бродяга незаметно подкрался в столовую старого дома, где жена играла на рояле. Его присутствие она заметила, лишь когда он был уже совсем близко. Она не растерялась, вскочила и стала на него наступать, грозным голосом требуя немедленного удаления. Громадный и страшный на вид бродяга стал пятиться и выскочил из дома.

Опытная станция, под которую я отвел старую усадьбу с постройками и парком и 20 десятин пахотной земли, была передана Министерству земледелия и находилась в ведении Департамента земледелия по отделению Владимира Николаевича Штейна. Научное руководство принадлежало профессору Вильямсу, на месте заведовал станцией агроном Петр Павлович Зворыкин, окончивший Московский сельскохозяйственный институт и дополнительно приобретший специальные знания за границей. Дело было поставлено хорошо. Студенты сельскохозяйственного института группами приезжали для практических работ в Быкасово. Параллельно с развитием станции развивалась и репродукция, которая велась на все расширяющейся площади нашего имения. Из запущенного захолустного имения Быкасово стало, благодаря железнодорожной платформе и опытной станции, неким центром, привлекающим внимание людей науки и практики. Вблизи усадьбы было выстроено и несколько дач, в которые летом приезжали родственники и добрые знакомые, что тоже оживляло это место. А незадолго до войны,

от Нары до Быкасова наконец-то была проведена губернским земством при участии местной фабрики шоссейная дорога, хотя, к сожалению, не сплошная.

На семейном секторе за эти годы произошли отрадные события: 31 мая 1903 года родился наш первенец Борис, а через год с небольшим, 14-го августа 1904, наш второй сын Петр⁷⁸. С расчетом времени появления Бориса мы с Лилей значительно ошиблись, а потому к его встрече ничего не было подготовлено. Акушерка еще не приехала, а приданое должна была привести Мария Андреевна из Петербурга 1-го июня. Меня тоже не было дома, я случайно остался ночевать в Таширове. При жене оказалась только гостившая у нас тетя Лиза, младшая сестра моей *Belle mère*⁷⁹. Это был премилый, добрый человек, но как старая дева в таких вопросах совершенно несведущая. В четыре часа утра меня вырвал из сна телефонный звонок. Сейчас же были посланы лошади в Нару за доктором Павлом Августовичем Солюсом⁸⁰, а я покотил на беговых дрожках через лес домой. За мной на экипаже выехала и моя мать. Вскоре после прибытия всех, Борис благополучно явился на Свет Божий. На пеленки были использованы мои носовые платки и старые рубашки. Только на другой день приехала моя *Belle mère* поездом из Петербурга в Нару и была одновременно удивлена и обрадована, когда я ее на вокзале поздравил с первым внуком. При рождении Пети меня тоже не было дома. Я очень торопился, но застал новорожденного уже мирно спящим в люльке, а Лилю здоровой и счастливой.

До октября 1904 года мы с женой почти безвыездно прожили в Быкасове и только на рождество выезжали в Тулу и Петербург. Впрочем, по поручению министра земледелия мне пришлось совершить поездку в Тамбовскую губернию для ревизии одного казенного имения, принадлежавшего прежде графу Киселеву. Воспользовавшись случаем, я осмотрел и большое, очень интересное хозяйство графа Федора Алексеевича Уварова⁸¹ в Чембарском уезде.

В Таширове, родительской усадьбе, где все мы выросли, взаимоотношения с крестьянами были хорошие, дружественные. Некоторая тень набежала только в результате одного судебного процесса из-за прогона⁸², на который крестьян науськал какой-то недоброжелатель и который несколько лет тянулся по всем инстанциям. Крестьяне в какой-то части процесс выиграла, но своим правом так и не воспользовались. При всем дружелюбном отношении отца и матери к местным крестьянам, все же чувствовалась еще большая дистанция между бариним и крестьянином — она лишь начинала изживаться. У моего поколения это было уже иначе, в особенности у жены и меня. В Быкасове мы попали в соседство с нам не знакомым населением. Слушок о нем ходил неважный, как о преимущественно фабричном, с якобы испорченными нравами. Первым моим шагом было назначение сельского старосты Алексея Румянцева на должность лесного объездчика. Благодаря этому сразу прекратились воровские порубки в лесах, а именно они и служили главным источником всяких недоразумений. Вероятно, под влиянием Алексея — прямого, правдивого, верного и исполнительного человека, с которым я дружески сошелся, — установились очень добрые отношения с местным

населением. У алымовцев неудачный для них исход процесса о бахметевской земле не оставил болезненного следа. А по мере того, как быкасовское хозяйство интенсифицировалось и становилось и более трудоемким, крестьянам открывались все большие возможности местного заработка, что нас с ними, естественно, сближало. Доверие и симпатии к нам росли и особенно ярко проявились во время большевистской революции, когда население стало на нашу защиту от революционных шаек и самой власти. Это служит мне доказательством того, что характер народа в корне своем добрый, и все те отрицательные черты, которые нашли себе преступное выражение во время революции, являются лишь внешним налетом, не проникнувшим вглубь. В этом залог возрождения России.

По мере того, как росла семья, нас все больше и больше стал занимать вопрос о постройке нового дома. Мы выбрали прелестное место в 400 саженьях от старой усадьбы над крутым, на дне которого течет речка Гвоздня. Рядом был красивый мешанный лес лет тридцати, который тянулся до живописного Татарского оврага. Дядя Борис Шванебах прислал нам замечательный план, составленный по его поручению Петербургским архитектором. Строить по этому плану оказалось нам не по средствам, и нам пришлось ограничиться самодельным строительным проектом, не столь красивым, но зато весьма целесообразным. Однако, осуществить нашу мечту о новом доме удалось лишь после грозных событий, которые потрясли нашу родину и отразились, так или иначе, и на нашей личной жизни. События эти — Японская война и первая революция.

ГЛАВА III

Японская война и первая революция

Живя в Быкасове и уделяя все свое внимание хозяйству в отцовских и своем имениях, мы все же не забывали следить за политической жизнью страны, тем более что она обнаруживала тревожные симптомы. Через тестя, который получил назначение товарища министра земледелия и государственных имуществ Ермолова, мы осведомлялись о настроениях в столице.

Один за другим были убиты два министра внутренних дел — Сипягин и Плеве⁸³. Эти террористические акты вызвали даже сочувствие общественных кругов. В Москве, центре общественной жизни, часто созывались съезды по разным вопросам земства и кооперации. Все они носили определенно оппозиционный характер. Партийность в этой среде еще не успела выкристаллизоваться, но уже намечались программы и течения. Одно было ясно, что вся земская передовая среда, и тем более представители вольных профессий, стараясь укрепить так называемое освободительное движение, из тактических соображений шли рука об руку с крайними, в том числе и террористическими группами, революционным программам которых они, вероятно, даже и не сочувствовали. Создалось впечатление неустойчивости. Правительство со своим административным аппаратом стояло изолированно от общества и населения. Как во времена декабристов, так теперь

в наши дни тон в оппозиции задавали лица из старой аристократии — Долгорукие, Волконские, Львовы и т.д., но заметное влияние приобрели также представители именитого купечества: Морозовы, Третьяковы и др. Однако, наряду с этими людьми, которым все-таки нельзя было отказать в идеализме, стали выдвигаться и типы иного склада, которые, прикрываясь знаменем патриотизма, преследовали своекорыстные цели. Так, группа приближенных ко Двору персон сумела привлечь Государя на свою сторону в вопросе о концессии на Ялу⁸⁴. Эта было одним из самых шумевших дел тех дней. Концессия послужила если не основной причиной, то все же поводом для русско-японской войны.

В январе 1904 года неожиданно, как гром в безоблачном небе, японский флот потопил несколько русских судов в бухте Порт-Артура. Закипела война. В феврале там же на японской mine взорвался броненосец Петропавловск, на котором погибли командующий тихоокеанской эскадрой адмирал Макаров, известный художник Верещагин и почти вся команда. Только немногим удалось спастись, в их числе Великому князю Кириллу Владимировичу⁸⁵ и моему двоюродному брату — мичману Николаю Шлиппе⁸⁶.

Как только была объявлена война, передо мной, разумеется, встал вопрос о форме моего в ней участия. Два мне близких полка, Великолуцкий и Псковский, были посланы на Дальний Восток, а я призван не был. Летом губернский предводитель дворянства князь Петр Николаевич Трубецкой предложил мне присоединиться к отряду Красного Креста всероссийского дворянства, посылавшемуся в район военных действий. Главными уполномоченными были назначены губернские предводители дворянства Орловской губернии М.А. Стахович и Таврической губернии С.Б. Скадовский. Моя очередь должна была подойти через несколько месяцев. Я с благодарностью принял предложение и с нетерпением ждал отправки. Неожиданно мне было предложено, через посредство тестя, взять на себя руководство транспортом лазаретного имущества для военного госпиталя в Гунджулине, организованного на средства лютеранских церквей и русских немцев. В Петербурге это дело вел пастор Гельерблом и некто Петерс, а на месте управлял госпиталем известный хирург Шиман. Эта миссия давала мне возможность раньше оказаться на театре военных действий и досрочно примкнуть к дворянскому отряду. Начали готовиться к отъезду. Весь материал для госпиталя собирался в Петербурге — туда неоднократно пришлось наезжать. К моему эшелону прибавилось несколько вагонов с подарками Императрицы для войск. Когда работа уже подходила к концу, меня вызвала Великая княгиня Мария Павловна (Старшая)⁸⁷ в свой Мраморный дворец и предложила мне взять на себя надзор над доставкой на Дальний Восток нескольких вагонов с врачебным персоналом и имуществом Германского отряда Красного Креста, посылаемых Императором Вильгельмом. Германия тогда, не в пример Англии, стояла на стороне России; посылка германского отряда должна была подчеркнуть эту солидарность. Я, конечно, охотно принял это предложение и установил связь с руководителем госпиталя профессором Брентано. Вскоре выяснилось, что для отряда требовались санитары,

Семья Г.К. и Р.И. Шлиппе. Рига, январь 1908 г.(?)

Стоят: Владимир, Виктор, Николай, Валерия, её муж Вильгельм Бурсиан;

Сидят: Константин, Ингеборг, жена Льва, Лев, Розалия Ивановна, Густав Карлович, Лидия.

говорящие по-немецки. Я телеграфировал знакомому мне еще по Екатеринославу землевладельцу, менониту Герману Абрамовичу Бергману, и через несколько недель к нам прибыло человек тридцать-сорок молодых менонитов, одетых в хорошо скроенную красно-крестную форму, в серых меховых полубухах и барашковых папахах. Юноши были культурные, некоторые даже с высшим образованием. Ими были чрезвычайно довольны, что меня конечно радовало. Помня этот удачный опыт с менонитами, я спустя десять лет, во время Великой войны⁸⁸, повторил его уже в крупнейшем масштабе.

В помощники я взял себе Анатолия Павловича Марченко, нашего соседа по Плесенскому, а в качестве денщика поехал мой камердинер Федор Михайлович Косов. Только в ноябре удалось выбраться. Жена с обоими мальчиками, младшему было всего три месяца, на время моего отсутствия переехала в Таширово, где былолюднее. Управление имениями принял на себя брат Борис, только что вернувшийся из Кенигсберга, где он изучал сельское хозяйство при университете.

В пути мы были шесть недель. Опять я проехал по уже знакомым местам Урала, увидел его теперь в зимнем, но не менее красивом наряде. В самом центре Сибири мы попали в невероятные морозы, свыше 50 градусов по Реомюру, от которых замерзали паровозы; мы днями стояли без движения и сами отчаянно

мерзли в слабо отапливаемых вагонах. Рождество и Новый год мы справили в пути. В вагоне устроили елку, в большом тазу приготовили крешен, который, к большому нашему огорчению, от неожиданного сильного толчка весь расплескался. Профессор Brentano поехал вперед курьерским поездом и встретил нас в Харбине, там германский отряд расположился.

Расставшись с германским госпиталем, мы поехали дальше в Гунджулин, где сдали имущество профессору Шиману. Отдохнувши несколько дней, мы с вагоном Императрицы продолжили путь в армию генерала барона Каульбарса⁸⁹. Генерал меня очень любезно принял, к завтраку пригласил в свой салон-вагон. Это было в день сдачи Сандепу. Помню, как офицеры, не стесняясь, ругали Куропаткина, давшего распоряжение об отступлении⁹⁰. Первое впечатление было неблагоприятное, чувствовались разногласия, которые к добру привести не могли. Каульбарс, снабдив меня необходимыми пропусками, направил меня в 17-й корпус, к которому принадлежали родные мне полки. Там я застал много знакомых офицеров, с которыми провел несколько приятных дней. После раздачи Высочайших подарков, которые были приняты с большой радостью, мы с Марченко и Федором вернулись в Харбин и поставили себя в распоряжение главноуполномоченного Скадовского, только что сменившего Стаховича. Толю Марченко назначили заведовать складом, меня госпиталями, а Федор был прикомандирован к служебному персоналу в доме уполномоченных, убирал комнаты и подавал к столу вместе с камердинером Скадовского. Уполномоченными были еще Бантыш, Нарышкин, Расторов и др. Застал я в Харбине Сережу Шлиппе, он был призван как прапорщик запаса и привел с собой отличную верховую лошадь. Так как его часть довольно долго стояла в Харбине, мы с ним частенько совершали поездки верхом в окрестностях города. Ездили также охотиться на водяную птицу у большого озера, где водилось неописуемое множество разнообразных пород лебедей, гусей, уток и прочих длинноносых съедобных птиц. Мы привозили их в огромном количестве. Видели мы с Сережей, между прочим, и китайское судище, китайские тюрьмы и даже китайскую казнь преступников.

Несколько раз меня посылали на фронт для постройки полевых кухонь и обеспечения первой помощи во время боев. Но большую часть времени пришлось сидеть между боями в Харбине. Один раз меня отпустили прокатиться в Николо-Уссурийск⁹¹ и Владивосток. Последний — прекрасный город. Здесь, 10 тысяч верст от Москвы, я впервые увидел Тихий океан. В Николо-Уссурийском на меня произвели впечатление дородность и рост местных казаков, по сравнению с которыми корейцы казались карликами. У казаков были большие земельные владения. Но они сами землей не занимались, а преимущественно сдавали в аренду корейцам, которые ее обрабатывали за весьма скромную долю в урожаях. Женщины работали по хозяйству и в огородах, а мужчины, которые выполняли роль пограничной стражи, жили вольготной жизнью и увлекались охотой.

Военные наши дела не радовали, в особенности после поражения в Мукденском бою. Настроение армии и ближайшего тыла стало заметно понижаться.

Главкомандующий генерал Куропаткин был смещен и на его место назначен генерал Линевиц⁹². С неделю Куропаткин в своем салон-вагоне стоял в Харбине, дожидаясь ответа на посланное на Высочайшее имя ходатайство о назначении его на любой второстепенный пост в армии. Получив отказ, он отбыл в Европу.

С местными китайскими властями мы поддерживали дружественные отношения, приглашали их к себе и бывали приглашаемы. Однажды были в гостях у генерал-губернатора (по-китайски «фудутун»). «Замок» Фудутуна представлял собой одноэтажное глинобитное здание, окруженное семью земляными валами, каждый из них с воротами в типично китайском стиле. Фудутун принимал своих гостей со всеми церемониями. Скадовского и Стаховича он встретил у самых первых ворот, а с остальными здоровался по старшинству наших чинов около других ворот. Мы с Марченко, как самые молодые, удостоились рукопожатия у последних ворот, перед самым входом в дом. Обед был грандиозный. Сперва, в аванзале нам подали по чашке чаю, свежего, еще зеленого. Чашка накрывалась блюдцем, и в щель между ними нужно было высасывать чай, чтобы лист не попадал в рот. Чай был без сахара, но вкусный. Затем нас пригласили к столу, за которым уселись человек сорок вперемежку — русский рядом с китайцем. Мой сосед оказался бывшим советником посольства в Берлине; он прилично говорил по-немецки, и мы с ним оживленно беседовали. Яств было не менее двадцати блюд со всеми тонкостями китайской кухни, с ласточкиными гнездами и так называемыми «тухлыми яйцами». Мне рассказали, как они приготавливаются. Это, конечно, вовсе не тухлятина, а вкусная и пряная вещь, продукт брожения, вызванного разными приправами. Есть пришлось палочками, к чему нам нелегко было приспособиться. После каждого двух-трех блюд вбегал лакей с дымящимся от пара полотенцем и каждому в отдельности обтирал рот и все лицо. Действительно, это горячее вытирание освежало. Угощали нас и вином, но так как они плохие знатоки вина, то это было нечто совершенно невкусное. Только шампанское, настоящее французское, подавалось на европейский манер. Произносились тосты и речи, которые переводились одним переводчиком туда и сюда. Но по возвращении домой мы, несмотря на двадцать с лишком блюд, почувствовали голод и сейчас же заказали повару, которого привез собой уполномоченный Бантыш, полный обед со щами и т.д.

В январе 1905 года на кремлевской площади Великий князь Сергей Александрович пал жертвой террористического акта. Убийца, Каляев, был схвачен. Великая княгиня Елизавета Федоровна нашла в себе мужество навестить злодея в тюрьме и поговорить с ним как истая христианка. После похорон Великого князя она ушла из общественной жизни. Она устроила женскую обитель, куда вступило много из ее приближенных и почитательниц. Сама Елизавета Федоровна тоже сменила туалеты светло-серым монашеским одеянием, поселилась в обители и полностью посвятила себя помощи ближним⁹³.

Покушение на Великого князя послужило как бы сигналом к дальнейшим революционным действиям, которые вспыхивали в разных местах, в том числе

и на Черноморском флоте, на оружейных и прочих военных заводах, в полках и в провинциальных городах.

В феврале 1905 года я в Харбине получил известие об избрании меня кандидатом в предводители дворянства по Верейскому уезду. (Еще раньше, осенью 1903 года, я был избран уездным земским гласным и почетным мировым судьей по Верейскому уезду.) 6-го мая мой отец получил Высочайшее назначение членом Государственного Совета, тогда еще дореформенного. К большому его удивлению, в тот же день к нему в Тулу пришла от меня поздравительная телеграмма из Харбина. Но то была давно мною высланная депеша — с поздравлением ко дню его рождения 22-го апреля. А о назначении его я узнал лишь в мае из газет, еще находясь в Харбине.

В середине мая, после шестимесячного пребывания на Дальнем востоке я воспользовался моим правом и поехал в отпуск домой. Обратный путь в шикарном экспрессе длился, с дневной остановкой в Иркутске, всего восемь дней. В Иркутске я встретился и провел время с Петей Халютиним, который неподалеку служил в Переселенческом управлении. Именно тогда разнеслась ужасная весть о гибели у острова Цусима нашего флота под командованием адмирала Рожественского⁹⁴.

Домой я возвращался с тяжелым чувством побежденности, как будто меня самого побили, а я не имел возможности отплатить тем же. К этому прибавлялась еще неудовлетворенность моей собственной ролью. Большая часть времени прошла в праздном пребывании в Харбине. Мой Федор как-то послал моей жене письмо, в котором, желая ее успокоить, сообщал, что барин, дескать, «живет весело, пьет шампанского больше, чем дома пивал, к тому же с сестрами забавляется». Очень ли он утешил этим «соломенную вдовицу», не знаю. Теперь же, в далекой перспективе, и этот отрезок времени вспоминается без горечи. За этим полугодом сравнительно беззаботного существования последовала полоса большой напряженности и ответственности.

ГЛАВА IV

Опять дома, предводительство и земство

В день рождения Бориса 31-го мая 1905 года я прибыл в Быкасово и был радостно встречен женой и детьми, которые успели основательно вырасти. Бориска уже болтал. В тот же день мы поехали в Таширово повидать родителей, сестер и братьев. Семья уже успела переселиться из Тулы на постоянное жительство в Таширово. Дом мне показался перегруженным мебелью, но чрезвычайно уютным. Особым убранством отличался кабинет отца. В нем были расставлены и развешаны грамоты, альбомы, портреты и всякие подношения, собравшиеся за 25 лет его губернаторской деятельности. В отдельной витрине хранились красивой работы бювары с золочеными надписями. Вместе с письмами, запися-

ми и т.п., все это вместе документировало не только четвертьвековое служение отца, но и четверть века русской истории. Это все погибло.

Расспросам и рассказам, конечно, не было конца. Я привез печальные сведения о настроениях в армии и ближайшем тылу, что отца чрезвычайно огорчило. Через несколько дней приехал Коля Шлиппе, который при гибели «Петропавловска» получил повреждение уха и черепной кости и должен был подвергнуться операции.

Судьбе было угодно, что мне по окончании отпуска возвращаться на фронт не пришлось. С лета 1905 г. в Портсмуте велись переговоры с японцами, которые в начале осени закончились подписанием мирного договора⁹⁵. Летом того же года Высочайшим распоряжением Министерство земледелия было переименовано в Главное управление землеустройства и земледелия. Ударение лежало на землеустройстве, т.е. на реорганизации крестьянского хозяйства. Ермолов был уволен, а главноуправляющим назначен Петр Христианович Шванебах. Недолго, к сожалению, ему пришлось пробыть на этом посту. Когда после 17 октября граф Витте был назначен председателем Совета министров⁹⁶, тесть не пожелал разделять ответственности со своим давнишним политическим противником и ушел в отставку. Государь милостиво его назначил членом Государственного Совета.

В августе заболел Александр Карлович Шлиппе — мой дядя Саша, который полгода назад был переизбран в шестой или седьмой раз предводителем дворянства Вереяского уезда. Теперь я, как его кандидат, должен был вступить в исполнение обязанностей предводителя. Революционные волны то усиливались, то утихали, чтобы с новой энергией вспыхнуть в другом месте. Судя по всему, все было отлично организовано. После удачного проведения разрозненных забастовок, в начале октября началась всеобщая забастовка фабрик и железных дорог⁹⁷. Бастовали решительно все: извозчики, булочники, центральные электрические станции, водопроводные хозяйства т.д. Замолкли шумы и звуки, движение остановилось в ожидании какого-то ужасающего разряда.

Князь П.Н.Трубецкой, губернский предводитель дворянства, вызвал всех уездных предводителей в депутатское собрание в Москву. Нужно было ехать на лошадях. В круглом зале депутатского собрания состоялся ряд тревожных заседаний. О чем говорили, я уже не помню. У меня осталось лишь впечатление невероятной растерянности и беспомощности. Но одно вынесенное решение мне запомнилось твердо: было постановлено любыми путями и средствами явиться к 15 октября, дню рекрутского набора, в уездные города и, не считаясь ни с какими забастовками и противодействиями, провести набор новобранцев.

13-го числа я на Дорогомиловской заставе с трудом нашел ямщика, с которым пустился в путь в Верею. Первую остановку я сделал верстах в тридцати от Москвы около станции Голицыно, на постоялом дворе в селе Вяземах. Лошадей распрягли, чтобы их покормить, я вошел в трактир выпить чаю. Как полагалось, на мне была форменная фуражка предводителя дворянства с красным околышем. Мое появление подействовало на публику, как красная тряпка на быков.

Стали раздаваться угрожающие замечания, так что хозяин поторопился вывести меня под каким-то предлогом в свою горницу, расположенную отдельно. Его старушка мать ласково меня приняла и угостила чаем с вареньем. В разговоре она осведомилась о моем имени и, узнав, что я Шлиппе, спросила, не внучек ли я покойной Анисьи Федоровны (бабушку Агнесу Федоровну⁹⁸ в простонародье называли Анисьей). Оказалось, что когда еще не было железных дорог, родители этой женщины держали в Вяземах почтовую станцию. Моя бабушка часто проезжала и останавливалась у них. Приласкала маленькую дочь станционного смотрителя и радовала ее подарками. А теперь, столько-то десятилетий спустя, тогдашняя девочка угощала меня чаем, и теплыми, полными благодарности словами поминала «Анисью Федоровну». Когда старушка благословила меня в далекий и небезопасный путь, то у меня было такое чувство, будто через ее милое посредство я получил благословение от моей дорогой бабушки. Я ее не знал, она умерла в год моего рождения. Но она мне была очень дорога по тем благоговейным чувствам, которые сохранял к ней мой отец. Он до глубокой старости перед сном снимал портрет своей матери и, как бы испрашивая ее благословения, прикладывал губами к ее изображению. Теперь, моя случайная встреча в горнице постоялого двора так сильно на меня подействовала, что я как-то ожил и бодро, без страхов и сомнений, продолжил свой путь.

В Верее меня ожидали неприятности. Из-за забастовки железных дорог все те новобранцы, которые не могли доехать до города на лошадях, на набор не явились. А явившиеся еще накануне набора разгромили казенную винную лавку и распили много вина. По улицам толпами ходили качающиеся молодые парни с гармошками, орали песни, но все же не бесчинствовали. Вся воинская команда при одном офицере состояла из семи солдат — недостаточно, конечно, для водворения порядка среди огромной толпы. Тем не менее, на другой день присутствие по рекрутскому набору началось в установленный час и при наличии всех по закону предусмотренных должностных лиц. Председательство принадлежало мне, по обязанности предводителя дворянства. Первый день прошел сравнительно благополучно. На второй и третий день оказалось, что слишком много новобранцев не прибыло, и надо было брать и тех, кто пользовался льготными правами первого и второго разряда. Против этого поднялся бунт, и я по неопытности своей растерялся, не зная, какими средствами его усмирить. К моему большому удивлению и успокоению, молодой поручик при помощи своих немногих солдат арестовал из толпы самых крикунов и на глазах у всех велел вести их в кордегардию. Наступила тишина, и набор спокойно продолжался.

Восемнадцатого октября распространился слух о манифесте: будто бы Царь даровал народу свободы⁹⁹. Вскоре мне принесли уже несколько истрепанный номер «Русского слова» с полным текстом манифеста. У всех чувствовался порыв отслужить в соборе благодарственный Господу Богу молебен. Кто-то сбежал за отцом благочинным, и через каких-нибудь полчаса народ валом повалил на церковную площадь. Загудели все городские колокола, и началась служба. Собор

не мог вместить и четверти собравшихся. Стоя на коленях, на всей площади молился народ, а священник торжественно провозгласил слова царского манифеста, читая его по газете, мною ему переданной. Сразу наступило какое-то облегчение. Напряженное революционное настроение сменилось молитвенным. Вскоре пошли и железные дороги, подъехали ранее не прибывшие новобранцы, подверглись осмотру, а забранные вместо них, льготные, были отпущены.

По возвращении в Таширово я узнал, что нигде молебна не служили, и что вообще служение молебна и провозглашение манифеста в церкви допустимо лишь с разрешения Святейшего Синода и по официальному тексту правительственных ведомостей. Я был чрезвычайно смущен, но, слава Богу, текст оказался верным, и никаких неприятностей не последовало.

До возвращения с фронта моя энергичная и деловитая жинка выстроила в Быкасове кирпичный завод и приступила к подготовке материала для предстоявшей постройки нового жилого дома. Этот «домострой» у нас был своего рода священнодействием. Не обладая достаточными наличными средствами для возведения дома в течение одного строительного периода, нам пришлось распределить работы на целых три года. В первом году были построены фундамент, подвальная часть и первый этаж, а также срублен строевой материал из прекрасной десятины векового леса, подаренного мне отцом. Были нарезаны балки и доски. В следующем году стены были закончены, покрыта крыша, сделаны потолки, полы и окна. В последний год закончили внутреннюю отделку и оштукатурили фасад. Одновременно готовились все необходимые службы, как то: ледник, конюшня, каретный сарай, жилые помещения для служащих; разбивались ягодный сад и огород, сажались зеленые изгороди из елок и пр.

В доме, состоявшем из 38 помещений, не было ни одного темного угла, а в летние месяцы почти во все комнаты могли проникать лучи солнца. Стиля настоящего у дома не было. Только часть переднего фасада был с некоторой претензией. Передняя открытая терраса, с главным входом, украшалась шестью массивными колоннами, а над окнами были кружочки и завитушки, напоминающие дома Александровских времен. Но дом имел весьма удачное распределение комнат, и они были хороших размеров. Стены столовой были отделаны красивым темным дубом, а передняя и лестница — светлым. Всю столовую-«буазери»¹⁰⁰ мне удалось купить из одного особняка, купленного доктором Шиманом у Рюхардта¹⁰¹. Дуб для передней был из собственного леса. Очень уютна была гостиная, где мы расставили мебель стиля «ампир», белую с золотом, обитую атласом с Лилиными изящными вышивками. Рисунки цветов жена сама компоновала и в течение трех зим вышивала их гладью. Люстры и бра из тяжелой бронзы были куплены родителями в каком-то дворце и нам подарены. Громадный балкон, застекленный, выходил на самое красивое место оврага, обрамленного вековыми дубами. На этом балконе летом всегда обедали и сидели по вечерам. Переселение в новый дом было целое событие. После этого вся наша жизнь приобрела совершен-

Инспекторская поездка П.А.Столыпина. 19 августа 1910 г.

но иной, менее скромный характер. Впрочем, в то время уже оформилось мое служебное положение, о котором я расскажу по порядку.

Революционный шквал после семнадцатого октября временно затих. Дядя Александр Карлович вновь вступил в исполнение своих обязанностей. Меня же пригласил управляющий московским отделением Дворянского и Крестьянского банка Филипп Николаевич Шипов¹⁰², старый друг моего отца, на должность члена-оценщика банка. Он сказал отцу: «Уступи мне своего Федю». С этого началось. Так как брат Борис за время войны успел втянуться в управление ташировским хозяйством, то мне отец дал благословение пойти в «отхожий промысел», но с условием, чтобы я продолжал руководить общим ходом дел в отцовских имениях. Я принял предложение Шипова и всю зиму готовился к предстоявшей работе.

То была беспокойная зима 1905-1906 года. Утихшая было революционная буря, вновь разбушевалась вооруженными восстаниями в Москве и Петербурге. С большими усилиями с ними справились, но брожение продолжалось, особенно в деревнях, где не прекращалось сжигание помещичьих усадеб, цинично называемое «иллюминацией». Податливость и отсутствие решимости графа Витте усугубляло положение, и лишь по вступлении на пост премьерера Петра Аркадьевича Столыпина революция была окончательно подавлена¹⁰³.

П.А. Столыпин беседует с крестьянином И.С. Лоценковым, рядом А.В. Кривошеин, В.Ф. Джунковский, Ф.В. Шлиппе и др. (фото из альбома В.Ф. Джунковского)

Весной я приступил к новой работе в Банке. Задача члена-оценщика состояла в производстве оценки имений для выдачи ипотечных ссуд и для продажи помещичьих земель Крестьянскому банку на предмет парцелляции и перепродажи крестьянам. Застал я в банке одного моего товарища по Сельскохозяйственному институту Каншина, очень славного человека. Вторым моим товарищем был Римский-Корсаков, брат композитора. Как только дороги стали проезжими, начались непрерывные объезды и исследования имений. Пришлось мне, между прочим, произвести оценку имения Ботово Волоколамского уезда, принадлежавшего Дмитрию Николаевичу Шипову, только что покинувшему пост председателя Московской губернской земской управы. Это имение, за исключением усадьбы, было продано Крестьянскому банку, и мне было поручено распределить его между целым рядом соседних деревень. Пришлось ехать с личным докладом в Петербург, в главное управление банком, так как Филипп Николаевич не мог участвовать в деле, касавшемся его брата.

Был я также командирован в одно большое имение Клинского уезда, принадлежавшего некоему купцу из разбогатевших крестьян. Осмотрев в первый день часть имения, я остался ночевать на усадьбе. Ночевка была жуткая. В комнате, где, очевидно, никогда не открывались окна, стоял тяжелый запах сырости и плесени. Белье было невероятно грязно. В углу лежала куча конской сбруи

с бубенцами. Выйти наружу нельзя было, так как там гуляли презлые овчарки. Я постелил на кровать свой плед, улегся и скоро заснул. Проснулся от звона бубенцов, зажег спичку и вздрогнул от ужаса, увидев на срубе большую стаю крыс. Я чем-то в них бросил, они разбежались, но вскоре опять зазвенели бубенцы. Ко всему этому меня стали заедать клопы. Я был счастлив, когда наступило утро, и я смог докричаться приказчика.

На другой день нужно было осмотреть лесную пустошь в десяти верстах от усадьбы. Пришлось ехать через деревни и по большим покосам заливных лугов. В разговорах с крестьянами я почувствовал, что все они настроены сумрачно и даже злобно по отношению к помещику. Местами слышал ругань по его адресу. Осмотр леса затянулся, и мне пришлось еще раз остаться на ночь. Устроился в лесной сторожке верстах в двух от ближайшего селения. Вместе с управляющим мы залегли на сеновал и быстро заснули. Глубокой ночью мы проснулись от гомона мужских голосов. Управляющий шепнул мне, что идут крестьяне, чтобы с ним расправиться, и он из сена не выйдет. Мужики громко требовали его появления и грозили поджечь сарай, если он немедленно не появится. Тогда я вышел из сарая, объявил, что управляющий уже уехал в усадьбу, и старался успокоить разъяренную толпу. Помог оригинальный случай. С мужиками пришли и некоторые бабы. Одна из них заголосила и пристала ко мне, чтобы я, как чиновник, взял ее под свою защиту по делу бани, которую изверг-управляющий велел ей снести, так как она углом стоит на господской земле. С бабой завязался диалог, который отвлек внимание толпы от основной цели прихода и дал мне возможность какой-то шуткой вызвать смех. Я сразу почувствовал, что позиция была завоевана, и действительно бунтовщики очень скоро с извинениями за беспокойство отправились восвояси. Но, как видно, по пути опомнились, что не доделали своего дела, и решили вернуться. Опять издали послышались приближающиеся голоса и ругань, но, по-видимому, благоразумные повоздействовали, толпа замешкалась, а потом уже окончательно удалась. Утром управляющий с большим объездом вернулся в усадьбу, а я доехал до станции и оттуда домой.

На одной из поездок по имениям я попал на одну мельницу, принадлежавшую помещику. Он меня познакомил со своим, как он его называл, «худосочным» мельником-арендатором. Худосочность его заключалась в том, что он был пудов двенадцать весом, великан и невероятно толст. Он мне показал производство. Водяная сила приводила в движение мукомольные жернова и одновременно машину для дробления старого суконного тряпья, изготовления из него так называемой кнопы, т.е. распыленного сукна. Перегородок между отделениями не было, так что кнопа покрывала муку темной пылью. Если принять во внимание, что отбросы сукна состояли из недезинфицированных и не промытых старых солдатских штанов, тряпья нищих и т.п., то можно себе представить, какая пакость смешивалась с мукой. Негигиеничность этого производства произвела на меня ужасающее впечатление, что я и высказал мельнику. Но он меня успокоил, что уже десятки лет дело идет, и население пока что не погибает. На вопрос,

для чего употребляется кнопка, он мне объяснил, что ее «вбивают» в новые сукна, для придания им большего веса, а там кнопка «вопиякнется и приживется». Ну, оказалось понятно.

Крупное имение в 7000 десятин мне пришлось оценить в Можайском уезде. Это имение когда-то принадлежало Бисмарку¹⁰⁴, а в последнее время Потемкиным. В своем прекрасном доме меня очень мило приняли хозяева, полковник Измайловского полка Воронов и его супруга Александра Владимировна (Потемкина). По завершении этой оценки я должен был поехать в Верею на заседание земского собрания.

По пути я встретил Можайского представителя уездной земской управы графа Федора Алексеевича Уварова, который мне напророчил, что я буду избран председателем в Верее. Я не придавал значения его словам, так как полагал, что Николай Михайлович Андреев намерен продолжать службу и вновь выдвинет свою кандидатуру. Эта уверенность меня не оставляла и в течение всей сессии земского собрания. Никаких не было признаков, чтобы Андреев решил отказаться от дальнейшего служения. Когда же по окончании всех дел нужно было провести выборы на новое трехлетие, Николай Михайлович наотрез отказался баллотироваться, мотивируя свое решение тем, что он восемнадцать лет проработал и чувствует себя утомленным. Председатель собрания, мой дядя Александр Карлович, в недоумении попросил Андреева, по крайней мере, указать подходящего для продолжения его многолетней работы кандидата. Николай Михайлович спокойно поднялся, окинул всех взглядом и заявил, что у него только один кандидат — Федор Владимирович Шлиппе. Для меня это было полной неожиданностью. Добрый старик отплатил мне сторичей за сделанную ему в свое время работу.

С быстротой молнии у меня промелькнули в голове все соображения за и против. Я только что начал втягиваться в работу по банку, чувствовал, что своим уходом очень огорчу Филиппа Николаевича Шипова. Кроме того, мы только что успели в Москве, в Нащекинском переулке, снять квартиру и перевести туда мебель. Жена с детьми сейчас же после моего возвращения из Вереи собиралась туда переехать на зиму. Оклад жалованья в банке был очень приличный, а председатель уездной земской управы получал только сто рублей в месяц, с поездками на собственный счет. Содержание тройки лошадей, кучера и экипажей уже стоило дороже ста рублей. Другими словами, должность была скорее почетная, сиречь — бесплатная. В то время Быкасово еще мало давало дохода и много требовало затрат, в особенности в связи с начатой постройкой дома. Тревожила мысль об ответственности перед семьей, маленькими еще детьми. Однако, в противовес всему этому я очень определенно почувствовал, что именно земство есть мой путь, и что от призыва земских избирателей в родном уезде я не вправе уклониться. После долгих уговоров я решил баллотироваться. И все-таки, когда я сидел в соседней комнате и прислушивался к счету голосов, снова возникали сомнения,

и моментами мне даже хотелось, чтобы меня провалили. Но прошел я, против моего ожидания, почти без черняков.

По избрании я поехал в Таширово, где застал жену с детьми. Отец и мать были очень обрадованы моему избранию, а Лиля мне показалась подавленной такой крутой переменой наших жизненных планов. Но тут уже делать было нечего. Предстояло еще неловкое объяснение с милейшим Филиппом Николаевичем Шиповым. Он поворчал, поворчал, а потом отчески обнял меня и от души и доброго сердца пожелал мне успеха на новом поприще.

Московским генерал-губернатором был в то время Владимир Федорович Джунковский, бывший адъютант Великого князя Сергея Александровича¹⁰⁵. Замечательный человек, умный, доброжелательный, невероятно работающий и очень любезный в обращении. Я его знал еще со времен великокняжеских балов, на которых Джунковский руководил танцами. Я ему представился и был утверждён в должности. Но судьбе не было угодно, чтобы я долго оставался на этом посту.

В январе 1907 года проходила сессия московского губернского земского собрания. По всей России после революции в земских кругах началось поправление, и крепла оппозиция против тех из руководящих земских деятелей, которые сочувствовали революции. Основание Государственной Думы способствовало образованию политических партий с различными программами. Старые земцы примкнули преимущественно к оппозиционной Конституционно—демократической, так называемой кадетской партии. Новое же, более умеренное движение земцев встало на платформу Манифеста 17 октября и решительно отмежевалось от революционных течений. Назывались они октябристами. Так и в Московском земстве консервативные деятели ополчились против либеральной старой управы, и началась ожесточенная борьба. Частные совещания по этим вопросам происходили в доме графа Сергея Дмитриевича Шереметева на Воздвиженке под председательством его сына Павла Сергеевича¹⁰⁶, который до революции увлекался крайними идеями, но, увидев ее разрушительное и преступное лицо, сильно поправел. Вождем нового движения был председатель Московской уездной управы Николай Федорович Рихтер¹⁰⁷, большой знаток земского дела, человек громадной трудоспособности и крайне волевой и властный. Правая группа ввела его в председатели губернской земской управы на место Ф.А.Головина¹⁰⁸, избранного председателем Государственной Думы. Рихтер подбирал себе состав управы. Его выбор пал на Александра Евграфовича Грузинова, на моего товарища по Университету и Сельскохозяйственному институту, Александра Владимировича Выборни, на Михаила Михайловича Людоговского, Михаила Александровича Нарожницкого, Сергея Константиновича Родионова и меня. При закрытой баллотировке в частных совещаниях мы все были признаны кандидатами в члены управы. Большинство голосов нам было бы обеспечено. Меня это снова ставило перед дилеммой. Уходить из родного уезда, не успев еще ни в чем проявить свою деятельность, не оставив никакого следа, мне казалось недостойным. Между тем, отказываться от выборов в члены управы было при создавшейся в земстве

ситуации невозможно. Мы должны были, как на войне, стоять против разлагающихся течений, отказ был бы равносильен дезертирству. Но выборы по каким-то причинам не состоялись. Спустя несколько месяцев Н.Ф.Рихтер был правительством демонстративно назначен председателем губернской земской управы. Он принял назначение и вновь созвал земское собрание для выборов членов управы. Собрание должно было состояться через месяц.

В этот промежуток времени я неожиданно был по телеграфу вызван в Петербург министром земледелия князем Борисом Александровичем Васильчиковым¹⁰⁹. Князя я знал по Дальнему Востоку, где он был главноуполномоченным Российского общества Красного Креста. Я явился к нему и получил от него предложение принять должность инспектора сельского хозяйства Московской губернии. Это место освобождалось в связи с назначением Крюкова директором Департамента земледелия. Предложенную мне должность инспектора предполагалось сочетать с обязанностями неперменного члена губернской землеустроительной комиссии, организация которой было предусмотрено землеустроительным законом 9-го ноября 1906 года¹¹⁰.

ГЛАВА V Землеустройство

Так передо мной неожиданно встала новая, крупная по своему значению задача. Инспектору сельского хозяйства поручалось создать уездные землеустроительные комиссии¹¹¹, подобрать персонал и наладить осуществление закона о ликвидации общины и создании единоличных крестьянских хозяйств. Эта перспектива меня, конечно, чрезвычайно привлекала. Я сознавал, что земельный вопрос для всей дальнейшей судьбы России есть вопрос самый главный и первоочередный. Идеи, которые я вынашивал в тиши своего быкасовского уединения, слабые мои попытки доказать необходимость землеустроительных мероприятий на наглядном примере крестьянского хозяйства Верейского уезда: все это спустя пять лет вдруг начало осуществляться и, больше того, меня самого призывают на весьма ответственный пост для организации и проведения этого дела в столичной губернии. У меня возникли сомнения, окажется ли мне по плечу эта задача, а потому задал министру вопрос, полагает ли он, что я, еще недостаточно опытный общественный работник, могу с ней справиться. Он ответил: «Я в этом уверен, я с удовольствием прочитал Вашу брошюру о крестьянском хозяйстве Верейского уезда».

Было, очевидно, что-то роковое в той моей работе. Все же я просил князя разрешения подумать и в ближайшие дни дать ответ. По его поручению я представился директору Департамента земледелия Крюкову. Он меня принял очень нелюбезно, даже грубо и заявил, что в Москву ему инспектора сельского хозяйства не нужно, и предложил мне Смоленск. От этого я наотрез отказался, объ-

яснив, что передо мной выбор или принять предложение министра, или пойти в члены губернской земской управы. Разошлись мы холодно.

Я доложил обо всем отцу и получил его благословение на принятие предложения. Поехал в Москву, чтобы известить об изменившихся обстоятельствах Николая Федоровича Рихтера, который на меня определенно рассчитывал. Не только он и его окружение были недовольны таким поворотом, но и вся земская группа, к которой я недавно только примкнул. В результате длительных бесед мне и здесь удалось наладить дело и получить освобождение от данного мною согласия баллотироваться в члены управы. Через несколько дней я вернулся в Петербург и был принят министром. Когда я ему сказал, что с благодарностью принимаю его предложение, он мне ответил: «Я так и знал и, не дожидаясь вашего возвращения, уже подписал приказ о вашем назначении, который на днях выйдет в Правительственном вестнике».

Я, конечно, предчувствовал, что и в уезде будут недовольны, но не предполагал, что меня столь строго будут судить. Упрекали в отсутствии чувства долга по отношению к обязанностям, принятым мною по общественному доверию. Называли карьеристом, воспользовавшимся должностью председателя уездной управы в качестве трамплина для дальнейшего продвижения и т.п. Но мог ли я поступить иначе, имел ли я право отказываться от более ответственного поста, зарываться в уезде, когда представлялась возможность расширить работу на всю губернию? Мне казалось, что я поступил правильно.

Нужно было созвать экстренное уездное земское собрание для выбора моего заместителя. Выбор пал на гласного Павла Александровича Тучкова, а меня избрали в губернские гласные. Это меня очень устраивало, ибо сохраняло мне контакт с земской жизнью вообще и постоянную деловую связь с группой земских деятелей, с которой меня спаяла совместная политическая борьба: залог будущего возврата на земскую ниву.

Старик Рихтер как будто предчувствовал это. Когда он вторично избирался в председатели губернской земской управы, он на своей записке писал мое имя. Он мне в этом сознался после следующего случая. Какой-то страховой агент растратил около 1000 рублей земских денег. Оппозиционная группа в губернском земском собрании, желая бросить тень на губернскую управу, приписала ей вину в происшедшем. Долго длились прения. Левые хотели затянуть дело, чтобы вести интригу на предстоящих выборах, и предлагали избрать специальную комиссию для расследования всех обстоятельств, а до заключения комиссии не высказывать управе доверия. Я выступал не часто и преимущественно в конце прений, стараясь, по возможности, резюмировать. Бывало с успехом. На этот раз, после продолжавшихся часами ожесточенных споров, я под конец попросил слово и сказал только несколько слов: «Протестую против назначения комиссии, так как дело совершенно ясно и без комиссии, а совести моей никакая комиссия ничего подсказать не сможет». Этот простой призыв к совести произвел впечатление. Прения кончились, и на баллотировке большинство голосов было подано в пользу

управы, при большом числе воздержавшихся оппозиционных голосов. Так как заседание представляло собой нечто вроде судбища, то прения и, тем более голосование происходили в отсутствии самой управы. Но сидя в соседней комнате, Рихтер и его товарищи, конечно, все слышали. После голосования Рихтер вернулся в зал, демонстративно подошел ко мне и без слов крепко пожал руку. Впоследствии каждый раз, когда он избирался, он неизменно ставил меня кандидатом в председатели губернской земской управы, и друзья острили, что Шлиппе традиционно «выбирается единогласно».

Земская деятельность мне стала очень близкой не только по тем созидательным задачам, которые перед ней стояли, но и по всему земскому укладу, методу работы и идеологии. Лишь впоследствии, пройдя нелегкую школу петербургского чиновника, мне стала ясна разница между чиновничьей психологией и земской. Нигде, как в земстве, я не встречал людей, которые по идейным соображениям столь бескорыстно и даже самоотверженно отдавались своей работе. У чиновничества преобладали вопросы карьеры и связанные с этим интриги. В земстве не только выборные, но и приглашенные на службу работники, так называемый третий элемент, имели право и считали своей обязанностью неподкупно отстаивать свои убеждения и взгляды в комиссиях и собраниях. У чиновничества господствовал принцип «как начальство изволит приказать». Чиновники до министра включительно чувствовали себя подчиненными, а земцы — самостоятельными работниками. Такие отрицательные пережитки дореформенного строя начала XIX века, как взяточничество и радение родному человеку, не нашли себе места в земстве, где работа велась гласно, открыто и протекала на глазах у избирателей. Приведу несколько наблюдений, которые я мог сделать в мое краткое время на посту председателя земской управы Вереяского уезда.

Застал я там такой, очень характерный, порядок. Служащие начинали работу с утра и с коротким обеденным перерывом продолжали ее до глубокой ночи. По моему расчету, они пребывали в канцелярии не менее 14—15 часов. Ни воскресных дней, ни праздников они не знали, так как именно по праздничным дням народ приезжал в город и являлся со своими нуждами в управу. Н.М.Андреев, невероятно скупой, не приобрел пишущих машин, ни аппарата для размножения. Все многократно переписывалось от руки. Люди совершенно не знали личной жизни, знали только свой непрерывный труд и, естественно, тупели. Я сейчас же завел машинки и ротаторы, но добиться ограничения трудового дня десятью часами, а тем более отменить праздничные работы было нелегко. Помню, я как-то неожиданно поздно вечером в праздник приехал в Верею и вижу полное освещение управы. Вылез из экипажа, пошел посмотреть. Парадная дверь оказалась запертой. Обошел со двора и застал всю канцелярию за счетными и письменными работами. Вид у них при моем появлении был очень виноватый, как будто они совершили большое преступление.

За шесть месяцев моей работы на должности председателя уездной управы, из коих почти два месяца пришлось отвлекаться на губернское земское собрание

*Крестьяне Колонецкого хутора встречают министерскую инспекцию
(из альбома В.Ф. Джунковского)*

и политическую борьбу, я не мог достаточно углубиться, оставить след своей деятельности. Единственное, что мне удалось в уезде провести, это выработка сети сельскохозяйственных школ с распределением сроков и способов ее осуществления. Помогал мне в том член управы Стрепихеев.

Еще не сдав должности председателя Уездной земской управы, я был вынужден вступить в исполнение моих новых обязанностей. Пришлось в один день участвовать в экстренном земском собрании, а после обеда экзаменовать в Можайской сельскохозяйственной школе.

Главное внимание я должен был обратить на организацию землеустроительных комиссий и выбор уездных непрременных членов. Это задание было срочное. По делу землеустройства я был подчинен директору департамента — талантливому и энергичному Александру Александровичу Риттиху¹¹². Из-под его пера вышла года два до моего назначения книга «Зависимость крестьян от общины и мира», замечательно глубоко и хорошо написанный труд. В нем он собрал и привел в систему все отдельные мнения, изложенные по сему вопросу в трудах местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности¹¹³, созданного по Высочайшему повелению под председательством Сергея Юльевича Витте. Риттих доказывал в своей книге, что срочный переход крестьянства к самостоятельному единоличному землевладению и землепользованию

Крестьянин Колонецкого хутора (фото из альбома В.Ф. Джунковского)

является государственной необходимостью. Одновременно вышла книга на ту же тему Андрея Андреевича Кофода¹¹⁴. Заслуга этого автора выше, и вот почему. Риттих блестяще выполнил задание, порученное ему всесильным тогда графом Витте. Кофод же произвел свою огромную работу лишь по собственной инициативе и на свои, достаточно скромные личные средства. Риттих служил по министерству, был одновременно преподавателем в Царскосельском лицее, имел связи и опыт чиновничьей службы. Кофод, который был родом из Дании, служил специалистом по молочному хозяйству и сыроварению в одной крупной фирме (кажется, Бландова¹¹⁵). Знакомясь с невероятно отсталым крестьянским хозяйством в России, он невольно сравнивал его с цветущим хозяйством датчан. Он пришел к выводу, что весь корень зла в общине. Чтобы проверить верность своих взглядов, он решил совершить более широкий объезд крестьянских хозяйств в разных губерниях. Фирма предоставила ему отпуск, но без сохранения оклада. Чтобы обеспечить содержание семьи и расходы по поездке, Кофод вынужден был залезть в долги, заложить все свои ценности. Как одержимый, он скитался по деревням и селам и, убедившись в правильности своих заключений, засел писать. И создал глубоко продуманный и убедительно изложенный труд исторического значения, легший в основание всего государственного землеустройства. Нелегко ему было добиться напечатания книги. Своих средств не было, казенных

не давали. Все же, его работа получила достойную оценку. Кофод сам был привлечен к землеустроительному делу в качестве главного инспектора по всем землеустроительным комиссиям России. Нередко он бывал и моим дорогим гостем в Москве и всегда воодушевлял нас, местных работников, своей любовью к делу и верой в его благо. Когда пишутся эти строки (1943 г.), Андрей Андреевич Кофод живет почтенным 85-летним старцем в Копенгагене и частенько радуется своим свежими письмами. А Александр Александрович Риттих лет пять тому назад скончался, еще сравнительно молодым, в Лондоне. Его последний пост в России был министр земледелия. В 1918 году нам пришлось с ним в одном поезде удирать из Москвы в Киев. Помню момент, когда поезд медленно переходил через границу, и с каким облегчением мы оба вздохнули, когда большевистский кошмар оказался за спиной.

Возвращаясь к моей работе инспектором сельского хозяйства. Новое для меня дело затруднялось тем, что от предшественника моего, Крюкова, назначенного директором департамента, я не получил абсолютно никакого наследия, ни архива, ни начатых дел. Он, очевидно, канцелярию вел у себя на дому, и все увез с собой. Вскоре я получил от него запрос, в чем собственно выражается моя деятельность по должности инспектора сельского хозяйства. Запрос был выдержан в довольно резкой форме (Крюков вообще был груб и невоспитан). Я ответил в приличном, но очень определенном тоне, что из-за не нахождения каких-либо дел от моего предшественника я занят изучением положения и о результатах в свое время доложу. Удар попал в точку, и он меня больше такими вопросами не беспокоил. Сознание известной материальной независимости и уверенность в своей трудоспособности давали мне возможность так парировать наскоки со стороны начальства.

С большим увлечением я принялся за организацию всего землеустроительного аппарата, как в губернском, так и в уездных масштабах. Эту работу вверил мне целиком губернатор В.Ф. Джунковский, облеченный массой разнообразных обязанностей, но не знакомый ни практически, ни теоретически с вопросами крестьянского права и хозяйства. Это дало мне свободу самому подобрать, по соглашению с уездными властями, состав неперменных членов и представить их губернатору на утверждение.

Работа требовала постоянного моего жительства в Москве. Мы наняли для себя большую квартиру в особняке на Спиридоновке, 12. В прекрасном, заросшем деревьями саду стояло три особняка постройки начала XIX столетия, из толстых сосновых брусьев на дубовых сваях, без каменного фундамента. Они были чрезвычайно теплы. Принадлежали они князьям Шаховским, но уже при нас были приобретены С.П. Тарарыкиным, владельцем ресторана «Прага» на Арбате. В одном из особняков жил князь Волконский, в другом присяжный поверенный Маттерн, а в двухэтажном среднем, в котором внизу жили старушки-княжны Оболенские, мы заняли верхний этаж. Вся Спиридоновка дышала своеобразной прелестью и у ютом. Это был типичный уголок старой Москвы. Коленом Спиридоновка

сворачивает по направлению к Садовой и Патриаршим прудам. Вилообразно от нее отделяется Гранатный переулок, тогда почти весь перекрытый могучими ветвями вековых лип и тополей, с домами Александровских времен. На углу бросался в глаза совершенно новый особняк Рябушинского с причудливым расписным фасадом¹¹⁶. Рядом с нашим 12-м номером был тоже утопавший в зелени дом Бойцова¹¹⁷, а за ним особняк Александра Дмитриевича Самарина. Дальше, справа и слева, тянулись особняки, один другого лучше: мрачный из темного гранита дворец Тарасова, дом княгини Долгорукой, прекрасный особняк Морозова, потолки и стены которого были расписаны Врубелем, и многие другие. На Садовой красовался великолепный особняк Сергея Тимофеевича Морозова, московского мецената, о котором еще будет сказано.

В нашей квартире рядом с кабинетом помещалась канцелярия, где работали мой секретарь и две стенографистки. Заседания губернской комиссии происходили в губернаторском доме на Тверской. В состав комиссии входили председателем губернатор, а членами губернский предводитель дворянства, прокурор судебной палаты, управляющий государственными имуществами, представители Министерства финансов и Государственного контроля, неперменный член губернского по крестьянским делам присутствия, председатель губернской земской управы и, как докладчик, неперменный член губернской землеустроительной комиссии.

Высочайший указ 9 ноября 1906 года был издан в самых общих чертах. Сама практика должна была научить способам его наиболее целесообразного и безболезненного осуществления. Из уездов десятками к нам поступали запросы, как надлежит поступать в тех или иных возможных случаях. Когда мы стали их передавать в Министерство, то получили от Риттиха четкое указание: «Никаких теоретических вопросов не возбуждать, а в случае возникновения сомнений на практике — запросить».

Более детальное изучение крестьянского землевладения в губернии обнаружило, что не только в пределах своего села крестьяне обрабатывали земли чересполосно, но что целые группы сел (иногда до тридцати) пользовались угодьями, преимущественно лесами и лугами, в нераздельном общем и притом чересполосном владении. Прежде чем приступить к разделу сельской земли, нужно было размежевать селения между собой, что весьма осложняло дело. В губернском землемерном архиве имелись карты государственного размежевания Екатерининских времен и отдельные грамоты и карты, составленные при освобождении крестьян 1861—1866 годов. Сводных карт не было. Чтобы оперировать ясными данными, нужно было увязать все отдельные планы крестьянских и частных владений, убедиться, что нет пропусков, и составить поволостные и поуездные карты с точным обозначением границ отдельных владений. Эта сложная работа заняла целую зиму, при участии не менее 50-ти землемеров.

Лично моя работа должна была развиваться в непосредственном сотрудничестве с губернным землемером Николаем Петровичем Рудиным. Это был человек еще молодой, очень способный, отличный оратор и публицист. На мне лежала

вся правая сторона дела, а на нем техническое осуществление. Мы друг друга поняли сразу и работали рука об руку, дружно и увлеченно.

Аппарат удалось наладить, теперь предстояло его пустить в ход. Но население с большой осторожностью, а быть может, и недоверием относилось к землеустройству и не проявляло инициативы. Сказывалась, вероятно, и пропаганда левых кругов. Вначале мы даже испытывали какое-то жуткое чувство. Манифест давал право вольного выхода из общины с отмежеванием причитающейся каждому земли в виде отдельных хуторских или отрубных участков. А народ интереса не проявлял и загадочно, как сфинкс, пребывал в пассивном состоянии. Пришлось самим учреждениям взять на себя инициативу, по крайней мере, при разделе самих селений между собой. С этого началось движение. Постепенно отдельные, наиболее предприимчивые крестьяне стали требовать выхода на хутора. Стали появляться наглядные примеры, по которым население могло судить о целесообразности перехода к единоличному владению. Так как всякое хозяйство в начале переживает ряд детских болезней, то в течение первых двух лет и примеры хуторских хозяйств не были очень заманчивы. Первый переход целого селения на хуторские участки произошел в Звенигородском уезде. К сожалению, я запомнил название села, но помню, что оно было расположено около большой Четвериковской фабрики¹¹⁸. Почти все население работало на фабрике и отошло от земли. Полевое хозяйство было до крайности запущено. В селе нашелся один энергичный крестьянин, который сумел убедить своих односельчан разделиться. На этот первый пример обратилось теперь все наше внимание. Лучшие землемерные силы были приставлены к этому делу. Мы с Рудиным неоднократно ездили на место, чтобы сообща изыскать наилучший способ разрешения задачи. Когда проект раздела был закончен и получил утверждение уездной и губернской комиссий, крестьяне по соглашению, а некоторые по жребию разобрали участки. Их отмечали пограничными столбами, крестьянам выданы грамоты на право вечного единоличного владения. Грамоты были с государственным гербом и выдавались за подписью представителя царской власти — губернатора. Кроме текста, каждая грамота содержала и план участка. Какое торжественное впечатление производили на крестьян эти грамоты, свидетельствовавшие о неотъемлемости их собственности! И как преступно над этими чувствами поглумились большевики!

Итак, первый раздел оказался удачным. Его проверил Кофод, и по его совету была составлена небольшая брошюра с планом размежевания и всеми актами и документами землеустройства. Эта брошюра во многих тысячах экземпляров пошла гулять по всей матушке России, сделалась настольной книгой землеустроительных комиссий и послужила наглядным информационным материалом для крестьян.

Спустя три или четыре года мне выпала честь показывать эти хуторские хозяйства председателю Совета министров Петру Аркадьевичу Столыпину и министру земледелия Александру Васильевичу Кривошеину¹¹⁹. Присутствовали, конечно, и губернатор Джунковский, и ряд министерских чиновников. Осмотренное

ими землеустройство дало следующий результат: трудоемкость хуторского хозяйства по сравнению с прежним общинным настолько увеличилась, что местные крестьяне почти перестали работать на фабрике. Хутора стали поставщиками молочных и огородных продуктов для фабричных рабочих, прибывавших из других мест. Урожай зерна увеличился в баснословной пропорции. Крестьяне были довольны и счастливы.

И так потом было повсюду: урожайность удваивалась, а поголовье скота утраивалось. Большое внимание обращалось и на огородные, и на садовые культуры. Уже на следующий год пришлось удвоить, а впоследствии и удесятить количество землемеров. Для их подготовки мы организовали специальные курсы, на которых, между прочим, и мы с Рудиным читали доклады. Одновременно появился спрос на агрономическую помощь¹²⁰. Земская агрономия его не удовлетворяла, а иногда даже саботировала. Пришлось создать кадры землеустроительных агрономов. При общинном хозяйстве земские агрономы с трудом навязывали крестьянам улучшенные способы производства. При единоличном владении они не успевали всех желающих обслуживать, так велик был запрос.

На наших глазах с удивительной быстротой развивались, улучшались и интенсифицировались крестьянские хозяйства. Причина этого крылась не только в технических удобствах и преимуществах единоличного землепользования, но, главным образом, в сознании работы на собственной ниве, в радости самостоятельного, вольного труда. В этом меня убедили частые беседы с хуторянами. Вопрос пресловутого малоземелья, которым левые круги махали как красной тряпкой, после разделов селений в большинстве случаев просто перестал существовать. Разбитая на отдельные узкие полосы, общинная пашня являла всегда впечатление недостатка, малоземелья. Но очень часто это был не что иное, как оптический обман. Когда все эти отдельные полосы собирались вместе, то получался участок, который всегда крестьянам казался многим больше, чем они ожидали. Характерны бывали возгласы после завершеного обмера: «Дивись, сколько у меня земли-то!»

Удачные примеры служили лучшей пропагандой, и года через три мы уже не справлялись со все нарастающими запросами. Московская губерния количественно и качественно шла в первых рядах. Конечно, и на нас местных работников сыпались всякие милости, благодарности, повышение в чинах «за выдающиеся заслуги» и т.д.

Если пресса в первое время замалчивало землеустройство, то по мере его успешного развития и положительной реакции самого крестьянства, оно уже не сходило со столбцов ежедневных газет, что, естественно, вызывало интерес и в широких общественных кругах. Завзятые противники единоличного хозяйства оплакивали разлагавшуюся общину по двум причинам. Левые круги, включая и Конституционно-демократическую партию (кадетов), видели в общине зародыши коммунизма, а правые, совершенно бесосновательно, усматривали в об-

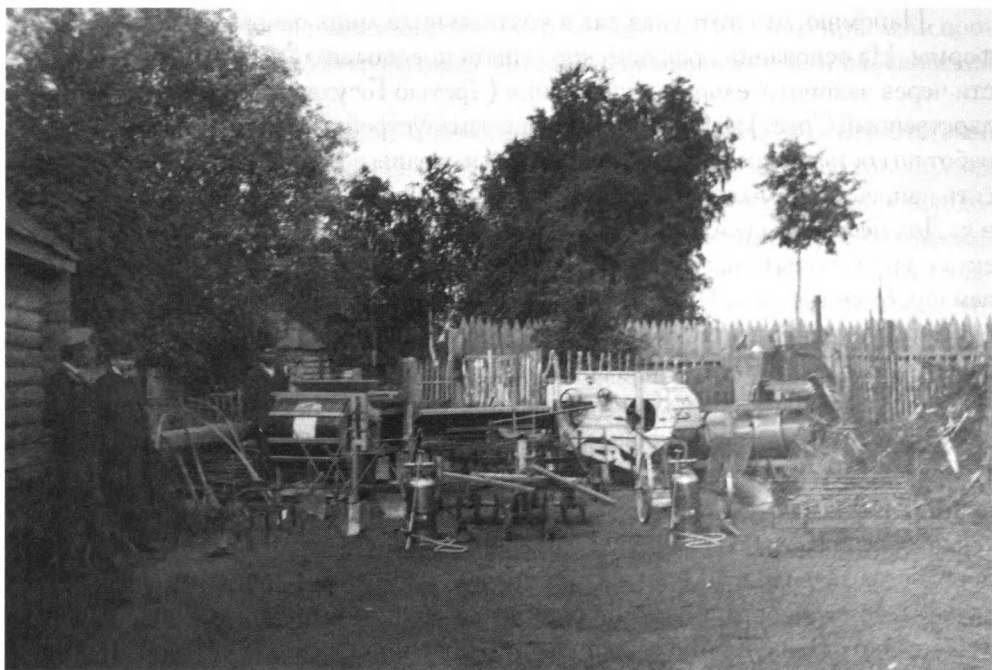
щине историческую бытовую форму русского крестьянства, ограждавшую его от пролетаризации.

Например, наш губернский предводитель дворянства, почтеннейший Александр Дмитриевич Самарин¹²¹, принадлежал к убежденным сторонникам общины и, несмотря на свою верноподданность и законопослушность, демонстративно не являлся на заседания губернской землеустроительной комиссии, членом которой он по уставу состоял.

Но не все занимались только пассивным сопротивлением, нередко встречались и случаи активного противодействия. Приведу один. На состоявшемся в Москве Областном съезде деятелей агрономической помощи населению¹²², на повестке стоял и доклад одного крайне левого агронома по вопросам землеустройства. Мой сотрудник, специалист по животноводству, Михаил Степанович Карпов убедил меня его послушать, чего я собственно не хотел. Я сговорился с Рудиным, и мы вместе отправились, чтобы осведомиться, какие аргументы этот докладчик мог противопоставить землеустройству. Доклад был прочитан с большим подъемом, иллюстрирован световыми картинками — в свидетельство якобы неблагоприятного, бедственного положения хуторских хозяйств. В заключение, агроном предложил съезду принять целый ряд тезисов, порицавших переход к единоличному хозяйству и призывавших к саботажу землеустройства. Доклад был встречен громом аплодисментов. Председатель резюмировал основные его положения и предложил собранию, ввиду бурно проявленного сочувствия, без прений признать тезисы принятыми.

Меня это лживое выступление с подтасованными фактами настолько взволновало, что я сорвался с места и попросил слова. В продолжительной, горячо произнесенной речи мне удалось разбить положения докладчика и дискредитировать представленный им ложный материал. Закончил я свою речь патетической фразой, что если съездом будут приняты тезисы, то земские агрономы, вместо того, чтобы идти в передовых рядах по улучшению крестьянского хозяйства, произнесут над собой смертный приговор. Последовало гробовое молчание. Президиум, пошушукавшись между собой, объявил перерыв и удалился в другую комнату. Через некоторое время один из членов президиума попросил меня в совещательную комнату. Там меня спросили, удовлетворит ли меня какая-то совершенно безобидная формула перехода к очередным делам. Я согласился, ибо сознавал, что доклад был моим выступлением сорван и достиг противоположного действия. Спустя год я познакомился в Петербурге с одним председателем губернской земской управы, который сказал, что он меня знает, что я своей речью на агрономическом съезде привел в «христианскую веру» его земского агронома, который был противником землеустройства, а вернулся из Москвы преображенным. «Мои увещевания не помогали, а Ваши слова вызвали в нем и многих других радикальную перемену их взглядов».

Были и другие способы борьбы. В газете «Копейка», которая благодаря думским законам о свободе слова распространялась в сотнях тысячах экземпляров,

*Прокатная станция сельскохозяйственной техники в с. Раменское
(из альбома В.Ф. Джунковского)*

появилась статья, обрушившаяся в весьма резких выражениях на мою деятельность. Были приведены примеры нарушения мною закона и министерских распоряжений; в частности, упоминалась одна разверстка в Бронницком уезде, якобы проведенная наперекор всем законным требованиям и в ущерб крестьянским интересам. Министерство поручило начальнику Московско-Тверского Управления земледелия и государственных имуществ Игнатию Ивановичу Акоронке произвести секретно от меня дознание на месте. Акоронко убедился, что все указания газеты ложны, а о произведенной работе, напротив, мог дать очень положительный отзыв. Газету крепко оштрафовали. Подобные действия противников землеустройства неоднократно повторялись, так что приходилось держать ухо востро.

Для создания вокруг нашего дела благоприятного общественного настроения мы с Рудиным организовали Общество содействия хуторскому хозяйству¹²³. В нем приняли участие все сочувствовавшие землеустройству общественные деятели Москвы и губернии. Общество было торжественно открыто в зале губернской земской управы. Председательствовал Н.Ф. Рихтер, он же произнес вступительную речь. Граф В.В. Мусин-Пушкин до того увлекся идеей, что при открытии пожертвовал два дома хуторского типа из своего имения в Рузском уезде. На заседаниях общества читали доклады лучшие думские ораторы из числа сторонников указа 9-го ноября 1906 года.

Напомню, что этот указ дал в кратком виде лишь основные положения реформы. На основании практического опыта предполагалось выработать и провести через законодательные учреждения (Третью Государственную Думу и Государственный Совет) подробный закон по землеустройству. Для подготовительных работ по составлению законопроекта были вызваны в Петербург восемь, а то и десять непременных членов губернской землеустроительной комиссии, в том числе и я. Два месяца мы усиленно занимались обработкой и исправлением законопроекта с учетом опыта на местах. Руководил этой работой директор Департамента землеустройства А.А.Риттих. Из моих сотоварищей я вспоминаю только Лаврентия Ивановича Пудина из Орла, Петра Алексеевича Голубниченко из Полтавы, Александра Филипповича Нарышкина, прославленного землеустроителя А.Ф. Бира из Саратова и Константина Ивановича Шашковского, который впоследствии был уполномоченным министерства по сельскохозяйственной части на Кавказе. К числу сотрудников самого Риттиха относились, в частности, деятельный А.А.Эноско-Боровский и умный и хитрый хохол Голубниченко, с мнением которого он особенно считался. В последнем заседании Риттих не без самодовольства заявил, что закон, кажется, предусмотрел все допустимые в практике случаи и возможности. Большинство к этому мнению присоединилось. Только Голубниченко сделал кислую физиономию. Риттих попросил объяснения. Тогда Голубниченко рассказал длинный и не совсем приличный анекдот, как один господин, на что-то уговаривая своего собеседника, предвосхищал всевозможные его возражения, но только не предусмотрел, что тот без всяких объяснений пошлет его к черту. Риттих задумался: «Неужели Вы, Петр Александрович, думаете, что Государственная Дума пошлет меня ко всем чертям?». «Все возможно», — ответил, ухмыляясь, Голубниченко. Но случилось не так. Государственная Дума приняла закон значительным большинством голосов. В Государственном Совете он тоже прошел, но лишь одним голосом¹²⁴. Перед рассмотрением закона в Государственном Совете меня спросил министр земледелия, как будет баллотировать мой отец. Зная отцовские взгляды по этому вопросу, я Кривошеина мог успокоить, что голос будет подан «за». Впоследствии мы с отцом шутили, что этот важнейший в жизни страны закон прошел его голосом.

В законодательных учреждениях упрекали Столыпина, что он еще до утверждения закона привел в действие землеустроительные организации и поставил законодателей перед совершившимся фактом. Да, прорыв общинной плотины был результатом смелого, может быть, и не отвечающего всем требованиям новых положений о Думе, но все же мудрого и дальновидного столыпинского решения.

В 1909 году в Петербурге состоялось Всероссийское совещание¹²⁵ непременных членов губернских присутствий и непременных членов землеустроительных комиссий. Открыл совещание сам Столыпин, руководил им затем Кривошеин. Совещание открыло перед нами грандиозную картину землеустроительного движения по всей европейской России, которое с большой быстротой и мощностью росло, как снежный ком. Реформа привлекла и за границей внимание людей

науки и практики. Чтобы ознакомиться с ней на месте, из Берлина приехали профессор Макс Зеринг и Отто Аугаген¹²⁶. Я им показывал хутора в Московской губернии.

В завершение совещания, Столыпин, очень довольный его результатами, устроил нам прием у Государя Императора. В большой зале Зимнего дворца мы были выстроены по губерниям в их алфавитном порядке. Государь в сопровождении Столыпина, Кривошеина, министра Двора графа Фредерикса и своих флигель-адъютантов обходил установленные покоем ряды и беседовал с представляемыми ему участниками совещания. Риттиху Государь, между прочим, сказал, что читал его книгу, на которую его внимание обратил покойный Петр Христианович Шванебах. Около меня стоял пожилой человек, непреходящий член крестьянского присутствия Курской губернии. Поздоровавшись с ним, Государь спросил: «Ведь мы, вероятно, с Вами уже виделись, когда я был в Курске?» Старик так смутился, что с трудом промолвил: «Да, Ваше Высокопревосходительство, припоминаю». Государь улыбнулся и подошел ко мне. Тут выдался вперед Кривошеин и сказал: «Позвольте представить вниманию Вашего Величества выдающегося деятеля нашего ведомства Шлиппе». Государь подал мне руку и милостиво осведомился о моем отце. Это было мое первое представление и первая краткая беседа с Царем. Я был глубоко тронут, что Александр Васильевич так доброжелательно использовал случай, чтобы отметить перед Государем мою работу.

Вскоре я был пожалован в камер-юнкеры Высочайшего Двора. Это потребовало, по сшитию придворного мундира, представления всем многочисленным придворным чинам Петербурга и Москвы, а также явки министру Высочайшего Двора графу Фредериксу. После этого я удостоился личной аудиенции у Государя Императора в Царскосельском дворце. До меня в кабинете Государя был принят член Государственного Совета, известный юрист и писатель Анатолий Федорович Кони. Помню, как он, прихрамывая, выходил от Государя, в вицмундире и с лентой Владимира первой степени через плечо. Флигель-адъютант Нарышкин сказал мне, чтобы я в ожидании Государя оставался в бильярдной комнате. Прошло несколько минут, открылась дверь кабинета, и Государь с ласковой улыбкой подошел ко мне и протянул мне руку. Беседа была короткая. После нескольких слов по делам землеустройства Государь милостиво задал мне вопросы о семье и затем меня отпустил.

Так как землеустроительная канцелярия помещалась в нашей квартире, то я всех своих сотрудников мог принимать не только официально, но и домашним, семейным образом. К завтраку всегда накрывалось по два запасных прибора, и деловые доклады заканчивались частной беседой за рюмкой водки и стаканом вина. Жена умела любезно принять и вкусно угостить. Наш Федор подавал под закуску четырехгранный с Екатерининскими вензелями штоф холодной водки. Вино у нас было всегда одной марки — рислинг князя Трубецкого, отличное, притом дешевое (1 четверть в пять бутылок стоило вместе с посудой 1 рубль 20 коп.) бессарабское легкое вино, к которому наши гости очень пристрастились. Это домашнее

общение немало способствовало установлению дружеских взаимоотношений с сотрудниками, что, в свою очередь, благоприятно отражалось на совместной работе. При моих землеустроительных поездках, которые летом совершались еженедельно, я обычно пользовался случаем, чтобы знакомиться с разными именьями, чаще всего по приглашению владельцев, но иногда и по собственной инициативе. Это дало мне возможность за пять лет службы на посту инспектора основательно узнать почти все, того стоящие именья Московской губернии. Процветали те из них, хозяева которых, пользуясь выгоднейшей конъюнктурой всеобъемлющего московского рынка, обзавелись хорошим молочным хозяйством и огородными культурами, не жалели оборотных средств и, вообще, правильно у себя организовывали дело. Но больше всего было средних хозяйств, в которых, не мудрствуя лукаво, дело вели упрощенно, довольствуясь весьма посредственными доходами и, соответственно, скромными жизненными потребностями. Некоторые же владельцы только высасывали из своих хозяйств, сколько было возможно, ничего им не возвращая; их земли неминуемо попадали на торги, скупались Крестьянским банком, парцелировались и переходили в руки хуторян.

Образцово организованные хозяйства можно было пересчитать по пальцам. Два из них, непохожие по типу, особенно выделялись. Первое — Поречье Можайского уезда — принадлежало графу Ф.А.Уварову. Там было, организованное известным лесоводом Тюрмером лесное хозяйство, вышедшее из-под многолетней, но затем видоизмененной лесопольной системы. Прекрасные были разнообразные хвойные насаждения: сосны, елки, пихты, веймутова сосна и лиственница. Полевая часть хозяйства была почти вся под семенными культурами, преимущественно огородными. Велась бойкая торговля семенами, которая обслуживалась, кроме Поречья, еще и большим имением Уварова в Чембарском уезде Пензенской губернии. Капустные и огуречные семена все шли из этого степного имения. Выше я уже вскользь упомянул, что во время одной из своих командировок я это имение посетил. Меня поразили размеры семенных культур. Капуста, которая выращивалась на просторнейших полях, на зиму убиралась в погреба и лишь на второй год давала семена. Горы огурцов обмолачивались паровыми молотилками. А в Поречье у графа был громадный барский дом дворцового типа, в нижнем этаже которого помещался музей — естественно-исторический, геологический и, главным образом, археологический. В экстренном флигеле принимались и угощались гости, которые, не будучи лично незнакомыми с хозяевами, приезжали кто для осмотра хозяйства, кто для закупки семян и т.п. Я часто бывал гостем Поречья, очень поддружился с графом, с большим уважением относился к его жене, урожденной графине Гудович, прекрасной помощнице мужу по всему обширному хозяйству. Сотрудники их были большей частью из простых людей, вышколенных в собственных имениях.

Иного типа было имение Лотошино князя Сергея Борисовича Мещерского в Волоколамском уезде, с обширным молочным хозяйством и сыроварней. Там изготовлялся, известный еще со времен Екатерины «мещерский сыр». Своим

высоким качествам он не в последнюю очередь был обязан подвалам, которые по температуре и степени влажности отвечали идеальным условиям для созревания сыров. У владельца был давний обычай оставлять ежегодно по одному кругу сыра для исследования всех, в течение долгих лет происшедших деформаций. Я видел сыры со времен освобождения крестьян, то есть сорока — пятидесятилетнего возраста. Коров имелось около четырехсот, они находились в четырех отдельных фольварках. Молоко доставлялось в центральную сыроварню с белыми изразцовыми плитами по стенам, потолку и полам, с электрическим освещением. Переработка молока в сыр происходила с невероятной быстротой, а затем вся сыроварня обмывалась из кишки горячей водой, так что чистота была замечательная. Сыры переносились в подвалы, которые представляли целые лабиринты. Сам князь был хороший хозяин и любезный, гостеприимный человек. Он в то время исполнял должность предводителя дворянства Волоколамского уезда, мы с ним были единомышленники. Хорошо я также знал обеих его сестер: Екатерину Борисовну, муж которой, Татищев, при моем отце был вице-губернатором в Екатеринославе, и Ольгу Борисовну Гончарову¹²⁷, вдову владельца имения Ярополец, в котором жилал Пушкин и о быте которого ходили легенды.

Совершенно новый тип хозяйств представляли имения Романа Антоновича Лемана близ станции Немчиновка по Александровской железной дороге¹²⁸, и Николая Федоровича Беляева возле станции Катуваровка по Московско-Киевско-Воронежской ж.д. И тот и другой были крупные промышленники, оба текстильщики, с большими средствами. Оба увлекались сельским производством, в особенности молочным, и создали, каждый в своем роде, великолепные хозяйства. В основу их организационного плана был положен, как в промышленности, точный расчет. Они не останавливались ни перед какими расходами, если калькуляция им сулила прибыль, но зато не было и никаких сентиментальностей и увлечений, чем так отличались владельцы дворянских имений. А эти два хозяйства велись как фабрики зерна и молока, которые должны были давать максимум производительности. Хозяйство Лемана было лучше, там были проведены дорогие мелиорационные работы, сплошной дренаж всех лугов и полей. Впрочем, оба хозяина достигли в короткий срок рекордных урожаев и удоев.

Имение Беляева было куплено Московским губернским земством для губернской опытной станции. А Ново-Ивановское Р.А.Лемана до большевиков оставалось в руках своего энергичного владельца. Он очень интересно описал историю своего хозяйства, с точными денежными расчетами основных и оборотных средств и со шкалой повышения доходности за все годы. Все эти данные свидетельствовали, что щедро вкладываемые деньги с большой пользой возвращались. Леман любил скупать пришедшие в упадок хозяйства и восстанавливать их. Ему принадлежали еще два крупных имения в Смоленской губернии, где, говорят, он тоже творил чудеса и показал природным землеробам, как при разумном хозяйстве можно достигать хороших результатов. Брошюра Р.А.Лемана «Мое хозяй-

ство в Ново-Ивановском» дала мне основание представить его к награждению Романовским знаком за заслуги по улучшению сельского хозяйства.

Образцовым порядком отличались также богатейшие имения графа Сергея Дмитриевича Шереметева в Московском и Подольском уездах — Кусково и Михайловское. Это были блестящие подмосковные усадьбы с чудными дворцами, но содержались они не только из доходов самих имений, но и большими средствами извне. Сам старик-граф, вельможа старого стиля, был другом детства Императора Александра III и затем его флигель-адъютантом. При Николае II он, пробыв несколько трехлетий Московским губернским предводителем дворянства, стал членом Государственного Совета. При нем мой отец был уездным предводителем и очень с Сергеем Дмитриевичем подружился. Эта дружба сохранилась до последних их дней. Через отца и я был вхож в дом графа, сблизился с его сыновьями. Имение Михайловское находилось от Таширова верстах в тридцати, ездили мы туда на лошадях. Граф во время моих посещений неоднократно беседовал со мной по вопросам сельского хозяйства и посвящал меня в некоторые свои заботы по хозяйствам в степной полосе. У него по всей России, включая балтийские провинции и Кавказ, было тридцать восемь имений в несколько сот тысяч десятин земли. В Прибалтике — имение Пибалг, пожалованное его предку, который при Петре Великом завоевал Ригу со всеми балтийскими землями. На Кавказе ему принадлежала большая часть горы Арарат, где будто бы сел на мель Ноев ковчег. Много лет спустя Сергей Дмитриевич привлек меня к соучастию по управлению его имениями в качестве члена совета по назначению. Об этом, если успею, будет сказано ниже.

К сожалению, я не в состоянии вспомнить имен каждого из моих ближайших сотрудников по землеустройству — неперенных членов уездных землеустроительных комиссий. Но вижу перед собой маститого бородача из Можайска, талантливого поэта из Клина, веселого кутилу, но хорошего работника из Вереи, вижу и остальных, всего двенадцать человек. Среди них выделялся широтой взглядов, быстротой и ясностью восприятия и умением тактично проводить наиболее сложные дела Григорий Григорьевич Языков из Волоколамска. Он впоследствии меня и заменил по моему представлению. Недоразумений у меня со всеми ними не было. Увлеченные идеей проведения одной из крупнейших государственных реформ, мы, как в свое время деятели по освобождению крестьян от крепостной зависимости, тесно сплотились в дружную семью, к которой примкнул при посредничестве Николая Петровича Рудина и весь кадр землемеров. Заседания губернской комиссии происходили в губернаторском доме по четвергам. На них слушались и утверждались решения уездных комиссий, спорные вопросы по жалобам отдельных крестьян и обществ, принципиальные вопросы и дела административного характера. Докладов было всегда много, но так как они в большинстве случаев были хорошо подготовлены, то решения принимались согласованно и быстро. Обязанности докладчика лежали на неперенном члене губернской землеустроительной комиссии.

Работы в хуторском хозяйстве (из альбома В.Ф.Джунковского)

Губернатор Владимир Федорович Джунковский, который по прежней своей должности в качестве адъютанта при генерал-губернаторе московском Великом князе Сергее Александровиче не имел случая ближе ознакомиться с крестьянским бытом и правопорядком, скромно прислушивался к специалистам по крестьянскому делу, но личное его мнение было всегда продиктовано чувством справедливости и заботливости о крестьянах. Его добрая душа отражалась во всех его решениях. При этом он мог быть строгим и требовательным. Особенно он отличался личной смелостью и гражданским мужеством. Вспоминаю случай, когда его экстренно вызвали из заседания. Он просил сделать перерыв, вернулся примерно через полтора часа и, как ни в чем не бывало, продолжил заседание. После он меня задержал и рассказал, что в Бутырской тюрьме был бунт арестантов. Они обезоружили несколько стражей, вооружились револьверами, открыли отобранными ключами камеры и массой хотели бежать из тюрьмы. Им это не удалось, но они заперлись в большой камере и оттуда грозили тюремному начальству оружием. Когда появился губернатор, то арестанты заявили, что они согласны вступить с ним в переговоры, если он один и невооруженный войдет к ним и останется с ними для переговоров в запертой изнутри камере. Джунковский, недолго думая, отдал свою шашку и револьвер и вошел к заключенным. После короткой беседы он был выпущен и принес с собой все оружие, которое арестанты отобрали

у сторожей. Он обещал им исходатайствовать для них по возможности милостивого наказания за бунт и сдержал свое слово. После революции этот случай спас ему жизнь, когда он был намечен к расстрелу, а какой-то бывший уголовник, игравший при большевиках видную роль, за него заступился.

Еженедельные доклады у него были для меня всегда радостью. Владимир Федорович любил откровенность, перед ним не нужно было политизировать, а можно было говорить прямо и откровенно. Он быстро расхаживал и невероятно быстро читал. Иногда казалось, что он подписывает мои бумаги, лишь поверхностно на них взглянув, а на самом деле оказывалось, что он и содержание и даже форму изложения тщательно проверял.

Весьма интересны и полезны были наши с губернатором поездки по землеустроительным работам. Ездили обычно по железной дороге в губернаторском салоне-вагоне, и к поезду был прицеплен товарный вагон для двух автомобилей, на которых совершались объезды вглубь уездов. Иногда отправлялись на автомобилях и прямо из Москвы. Я всегда должен был выработать программу поездки с точным обозначением времени выезда, переездов, остановок, обеда и т.д. Чтобы одолеть в течение одного дня намеченные в одном направлении осмотры, однажды пришлось назначить время выезда на 5 часов утра. Посланное губернатору расписание я получил обратно с отметкой: «Утверждаю, узнаю своего Федора Владимировича». Время выезда густо подчеркнуто красным карандашом. Обычно мы по пути заезжали обедать у кого-нибудь из многочисленных знакомых — помещиков, которые приезду губернатора всегда были рады и гостеприимно нас угощали. Из бесед с ними выяснялись местные настроения, интересы и нужды.

Во время одной из поездок по Бронницкому уезду произошло следующее: земский начальник обратил внимание губернатора на крестьянский двор, в котором нераздельно жили тридцать восемь членов семьи. Джунковский заинтересовался, и мы туда поехали. Встретил нас высокий, белый как лунь, с длинной окладистой бородой старик. Он с большим достоинством поздоровался с высокопоставленным гостем и осведомился о цели нашего посещения. С готовностью провел нас по дому и хозяйству. Длинный, вытянутый по фасаду дом состоял из ряда пристроек к основному срубам размером 12x12 аршин. В большой горнице стоял покромом длинный обеденный стол, покрытый домотканой холщовой скатертью. Красный угол был украшен большим количеством икон с лампадами, на стенах висели цветные лубочные картины. Из длинного проходного коридора вели двери в небольшие спальни отдельных семей. Оказалось, что у старика свыше тридцати лошадей, и члены семьи, кроме сельского хозяйства, занимались извозом. На расспросы губернатора он давал обстоятельные ответы. В частности, объяснил, каким это образом он удерживает в повиновении своих многочисленных сыновей, зятьев, внуков и правнуков, и почему они не разбегаются. «У меня, Ваше Превосходительство, средство простое. Я никого грамоте не учил, вот им от

меня и податься некуда». Оригинальный ответ всех нас поразил и немало смутил губернатора, который был большим ревнителем народного образования.

Был один, для меня особенно памятный выезд¹²⁹, когда мне довелось продемонстрировать нашу работу Петру Аркадьевичу Столыпину и сопровождавшему его министру земледелия А.В.Кривошеину. Это было 19 августа 1910 года, перед отъездом Столыпина в Сибирь. Кроме выше упомянутого села в Звенигородском уезде, мы могли им показать весьма интересный выдел на хутора целого селения в Бронницком уезде, недалеко от Быкова. Деревня эта была расположена на сравнительно низком берегу Москвы-реки, вероятно, она создавалась и развивалась из рыбацких поселений. Земельный полевой надел был отведен на более высокой части и отделялся от деревни речными заводьями. При обычном весеннем разливе реки селение неделями было отрезано от полей, и туда невозможно было доставлять навоз. При более сильном разливе затоплялось и само селение. Во время одного такого наводнения произошла беда: большая часть деревни сгорела. Воспользовавшись этим моментом, мы убедили крестьян переселиться на новый участок с разделом на хутора. Нашелся и здесь предприимчивый мужик, который увлекся этой мыслью и убедил остальных. Ко времени приезда Столыпина крестьяне на новом месте успели не только выстроиться, но и завести хорошие индивидуальные хозяйства. По дорогам, соединяющим хутора, были посажены аллеи. Вся местность, до этого пустынная, заброшенная и бесплодная, развивалась на радость населению исключительно быстрым темпом. До разверстки¹³⁰ один душевой надел в 3,5 десятины продавался на круг за сто рублей. После землеустройства каждая десятина ценилась минимум в триста рублей, но, конечно, никто земли и не думал продавать. История этого селения и проделанной в нем работе произвела на Столыпина сильное впечатление, и ему нужно было представить доклад с дополнительными подробностями.

Очень показательна была и одна случайно увиденная картина. Мы ехали по дороге, справа от которой простиралось общинное крестьянское паровое поле. Редкими кучками лежал вывезенный на поле навоз, и тощий сельский скот за недостатком травы жевал солому из навозных куч. А слева от дороги находились хутора с многопольным севооборотом, с участками отличного клевера. Сытый скот лениво лежал за загородкой усадьбы и пережевывал обильный зеленый корм. Одно внешнее впечатление было столь убедительно, что не требовалось комментариев. Впоследствии, вся эта поездка со Столыпиным получила яркое отражение в объемистом альбоме снимков, снятых в пути специалистом.

С тех пор прошло тридцать пять лет. Хутора были уничтожены революционным шквалом, начатое Столыпиным построение здоровой России на основах сильного индивидуального крестьянства, почина и трудолюбия лучших, сменилась противоположным течением, которое преследовало крепких крестьян как кулаков и стало строить новую Россию, опираясь на бедняцкие массы. Комитеты бедноты стали возглавлять и направлять крестьянский строй и крестьянское хозяйство. Вскоре и эта переходная стадия сменилась колхозной системой,

при которой крестьяне превратились в батраков, а руководство хозяйством оказалась в руках партийного чиновника. В хозяйственном отношении эта система имеет много преимуществ, ибо дает возможность работать новейшими техническими средствами на крупных площадях. Но зато, к сожалению, крестьянин совершенно утрачивает чувство и сознание хозяина, от которого требуется инициатива и забота. Молодежь, с которой мне приходилось на эту тему разговаривать, с этой системой примирилась и даже находит в ней преимущества: вместо работы от зари до зари — ограниченный /.../ часовой день, отсутствие личной ответственности и возможность посвящать сравнительно большую часть времени³ личной «созерцательной» жизни (лишь бы это созерцание не выражалось в пьянстве и разврате). Но вот новейшие газеты (июля 1946 года) приносят сведения, что на обширных площадях в Силезии, Восточной Пруссии и Померании на бывших помещичьих землях, реквизируемых сразу после войны, идет усиленное землеустройство и насаждение крестьянских хуторов. Сказалась ли забракованная в России система для немецкого хозяина приемлемой формой землепользования, или и это является лишь кратковременной переходной стадией, которую сменят коллективные хозяйства?¹³¹

По должности инспектора сельского хозяйства деятельность понемногу свелась к следующему. В качестве губернского и уездного земского гласного я уже имел доступ во все специальные сельскохозяйственные организации и комитеты, но одновременно участвовал там и как представитель министерства земледелия. Я вошел в состав всех губернских и уездных обществ по сельскому хозяйству, скотоводству, коневодству, садоводству, пчеловодству и т.п., посещал их заседания и оказывал им по мере сил содействие в развитии их задач. Из всех обществ выделялось по интенсивности и разнообразию своей работы Московское общество сельского хозяйства. Председателем его сначала был князь Александр Григорьевич Щербатов¹³², а затем Александр Иванович Угримов¹³³. Членом МОСХ я стал сейчас же по окончании Сельскохозяйственного института (1899), можно сказать, по традиции, поскольку и отец, и особенно мой дед Карл Иванович Шлиппе сыграли в нем заметную роль. Общество было создано в начале XIX столетия по инициативе бывшего генерал-губернатора князя Голицына¹³⁴; дед мой вступил в него в конце 1820-х годов и длительное время состоял в нем на должности ученого-химика. При Обществе имелась средняя сельскохозяйственная школа, директором которой был способный и энергичный Митрофан Митрофанович Щепкин. Общество устраивало ежегодные всероссийские сельскохозяйственные выставки, на которых мне приходилось выступать экспертом. На Смоленском бульваре Обществу принадлежал большой участок земли, где рядом со школой, выставочными зданиями, конюшнями и таттерзалом¹³⁵ лежали свободные площади, где происходили выводки скота и выставлялись сельскохозяйственные машины и орудия. По специальному распоряжению министерства я был введен в состав Комитета по льняной и хлопчатобумажной промышленности и Общества зоологического сада. Работы было много. Зимние вечера почти сплошь были заняты

разнообразными заседаниями. Мое участие в них не оставалось без пользы для обществ, и многие отмечали это, избирая меня в почетные члены.

Канцелярия инспектора помещалась в здании Московско-Тверского Управления земледелия и государственных имуществ, где мне были отведены две комнаты. В одной принимал я сам, а в другой сидели мой единственный помощник, специалист по животноводству, большой мой друг Михаил Степанович Карпов и наша общая стенографистка. Управляющим государственных имуществ был почтенный, очень тактичный Игнатий Иванович Акоронко — лицо, заслужившее всеобщее уважение. Только помощники его были дрянные — хамы и доносчики, с которыми и у меня бывали недоразумения.

Позабыл сказать, что под надзором инспектора сельского хозяйства находишь и все сельскохозяйственные школы губернии, а их было от десяти до пятнадцати, которые тоже приходилось посещать и присутствовать на экзаменах.

Мой недоброжелатель Крюков вскоре должен был покинуть пост директора Департамента. На его место был назначен бывший Киевский губернатор граф Павел Николаевич Игнатьев¹³⁶. При первом же знакомстве с ним я понял, что имею дело с прекрасным, чистым человеком. Вскоре выяснилась и полная наша солидарность, как в политических вопросах, так и в общем понимании задач Департамента земледелия. Во всем я встречал сочувствие и поддержку графа, так что и моя инспекторская работа стала для меня отрадной. Но, конечно, работы, по ее разнообразию, было слишком много. Столичная губерния давала в этом отношении гораздо больше задач, чем приходилось выполнять моим коллегам в провинции.

ГЛАВА VI

Путешествие за границу, назначение в министерство.

Смерть моего дорогого тестя Петра Христиановича Шванебаха последовала неожиданно 24 сентября 1908 года во время заграничного путешествия, в Магдебурге. Там же состоялось погребение, на котором мы с женой, конечно, присутствовали. Мария Андреевна, вдова покойного Петра Христиановича, к весне следующего года переехала на постоянное жительство в Москву. Туда же переехали сестра жены Анна Петровна с мужем Германом Васильевичем Бергом, который бросил малооплачиваемую государственную службу и поступил в Первое российское страховое общество в качестве помощника к директору Эдуарду Андреевичу фон Беренс¹³⁷ (дяде моей жены и тестю моего брата Карла Владимировича). Обе семьи поселились в нашем ближайшем соседстве, на Спиридоновке в домах Бойцова.

Отвлеченный усиленной работой, я как-то недоглядел, как подросли мои сыновья Борис и Петр, поступили в школу и стали выявлять приличные успехи. Все воспитание было в руках жены, которая — при содействии бонны Фрули — с необыкновенной последовательностью направляла ребят. Мальчики отлично

развивались физически и умственно, и доставляли нам много радости. Но бывали и неизбежные заботы, болезни, утомительные уходы за больными. В результате такой неудачной полосы заболела сама Лиля. Доктора после длительного безуспешного лечения посоветовали ей поехать в Швейцарию к одному известному профессору. Мне дали отпуск, и вот мы впятером — жена, я, сыновья и Фруля — отправились в первое наше совместное заграничное путешествие. По пути мы заехали поклониться могиле тестя в Магдебург, а оттуда отправились прямо в Цюрих. Уже в пути состояние здоровья жены стало заметно улучшаться, так что профессор признал её здоровой. Все же, по его совету мы отправились на побережье Средиземного моря, где на шесть недель поселились в прелестном местечке Жуан ле Пэн. Пребывание у моря, питание фруктами, главным образом виноградом, способствовало быстрому восстановлению Лилиного физического и душевного равновесия.

В первый раз за много лет я выпрягся из своей работы и остался лицом к лицу с семьей. Да простят мне мои дорогие сыновья. Я должен откровенно признаться, что их я, вплоть до этого путешествия, знал мало. Мы жили, по крайней мере, зимой в одном доме; я испытывал к ним самые нежные чувства; нередко, в свободное время сидя с ними на нашем широком диване в кабинете, я им рассказывал длинные сказки. Но все же я был настолько отвлечен другими мыслями и заботами, что вникнуть, по-настоящему понять мальчиков я не мог. Зато им доставалась вся полнота материнской любви и заботливости. Я это знал, и это меня успокаивало. Но вот в Жуане меня ожидало откровение: я увидел и познал своих сыновей. Я понял, что оба они уже личности, несмотря на их семи и восьмилетний возраст. В них вырисовывались яркие индивидуальные черты характера, различные наклонности и интересы. Борис сам себя охарактеризовал выражением, что «он любил живую жизнь». Петя был более философски настроен. Меня осенило, что одна из главных моих задач в жизни лежит именно здесь, в семье, и я задался целью так организовать свою работу, чтобы иметь возможность больше времени и внимания посвящать семье. Как будет видно из моей летописи, привести в исполнение это благое намерение мне не удалось.

* * *

В 1911 г., во время нашего пребывания за границей, в Киеве, в театре, в присутствии Государя был убит террористом-provokатором председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин — дальновидный и решительный преобразователь, которому удалось достигнуть успокоения в стране и начать крупные реформы, которые укрепляли государственный строй и бронировали его от повторений революции. Враги государственности понимали его значение. Вот почему он должен был умереть. Но и без него государственный корабль продолжал двигаться по намеченному курсу. Не будь войны, Россия через десяток лет в культурном и экономическом отношении стояла бы в первых рядах европейских государств.

* * *

Не успел я после отпуска втянуться в работу, как получил запрос, не согласился ли бы я принять должность уполномоченного по сельскому хозяйству на Кавказе. Эту должность можно было уподобить посту министра земледелия Кавказа. С центральным министерством в Петербурге существовала, конечно, постоянная деловая связь, но уполномоченный подчинялся не министру земледелия, а непосредственно наместнику Е.И.В. на Кавказе. Им в то время был граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков¹³⁸. Предложение было очень заманчивым. Привлекала уже сама страна — дивный Кавказ с его бесподобными красотами, разнообразие климата и видов сельскохозяйственного труда: от степного земледелия на севере и - через множество переходных зон — до самого юга, где в субтропическом климате вокруг Сочи разводят чай и прочие экзотические культуры. Привлекала, разумеется, интересная и ответственная работа, в которой можно было рассчитывать на большую степень самостоятельности, поскольку граф Воронцов-Дашков, уже пожилой, охотно предоставлял инициативу своим сотрудникам-специалистам. Но возникали и сомнения, и я попросил дать мне время, чтобы обдумать и посоветоваться с семьей. Дома взгляды диаметрально разошлись. Одни, в т.ч. отец, благословляли, моя мать и *Belle mère* были против, жена колебалась. Ее очень интересовал Кавказ, но смущало, как, впрочем, и меня, нарушение всех наших хозяйственных планов в Быкасове и длительная разлука с родителями и всеми остальными. Тем не менее, я был готов принять предложение и стал подыскивать литературу о Кавказе. К большому моему удивлению, никаких сколько-нибудь серьезных книг о Кавказе я не находил, пока немецкая книготорговая фирма Дейбнера на Кузнецком мосту не выписала для меня из Берлина многотомный труд на немецком языке по географии, этнографии, зоологии, ботанике, сельском хозяйстве и горной промышленности Кавказа. Вскоре книги пришли, и я углубился в чтение.

Ближе к Рождеству в Петербург ожидался наместник, которому я должен был представиться и дать окончательный ответ. А в середине декабря я получил одновременно письмо от А.А.Риттиха и телеграмму от графа Игнатъева с приглашением приехать в Петербург. От Игнатъева я узнал, что сам он назначается товарищем министра земледелия, а мне предлагается принять должность вице-директора департамента. Риттих мне поведал, что предстоит организовать четыре или пять землеустроительных управлений, которые должны охватить от десяти до пятнадцати губерний. Должность окружного уполномоченного Московского района, к которому должны были принадлежать все соседние губернии, он меня просил принять.

От этого изобилия предложений у меня закружилась голова. Посоветовавшись с графом Игнатъевым, я испросил себе аудиенцию у министра земледелия, доложил ему о всех трех предложениях и спросил, на котором из этих постов я был бы делу наиболее полезен. Он, немного подумав, спросил, захватил

ли я с собой придворный мундир, и, получив утвердительный ответ, велел: «Наденьте мундир, явитесь графу Воронцову-Дашкову и скажите, что вы не можете принять должность уполномоченного на Кавказе, потому что вы мне нужны в министерстве. А Риттиху я сам скажу. Сейчас же после нового года вступите в исполнение должности вице-директора департамента.»

Таким образом, узел разрубил сам министр, и мне пришлось примириться с его решением. Воронцов-Дашков, любезно меня принявший в своем прекрасном дворце на Английской набережной, был заметно огорчен моим отказом. Должен сознаться, что после знакомства с ним я не менее сожалел, что вопрос решился иначе. Наместник попросил меня рекомендовать ему подходящего человека, что мне и удалось сделать.

К Рождеству я вернулся к своим. Застал жену с детьми уже в Таширове, где мы обычно проводили праздники. Расспросам не было конца. Отец и мать с таким решением вопроса были согласны. Жене не очень хотелось уезжать из Москвы. Обсуждали вопрос переезда в Петербург, как там устроиться, как ликвидировать московскую квартиру и т.д. В результате Лиля определенно отказалась переезжать, утверждая, что это ненадолго, что я тамошней атмосферы не выдержу, и что она не хочет расставаться с милой Спиридоновкой. Пришлось оставить этот вопрос до следующей осени открытым. Меня же на первое время любезно приняли у себя Скадовские, которые жили в большом особняке на Каменно-островском проспекте (Сергей Балтазарович в это время был членом Государственного совета по избранию дворянства.)

7-го января 1912 года состоялось мое официальное назначение по Высочайшему Указу. Для сдачи моих служебных дел по землеустройству мне был предоставлен короткий срок. В это время в Москве происходили два собрания, в которых я принимал участие: губернское земское и дворянское. В этом месте я прошу извинить, что буду несколько нескромен. Но эпизод, о котором я хочу рассказать, оставил в моей душе столь глубокий след, что мне было бы жалко о нем умолчать.

Слух о моем назначении быстро пронесся по Москве и уездам еще до появления приказа в печати. Возникла мысль о чествовании меня перед отъездом в Петербург. Для устройства этого торжества был создан специальный комитет, пригласивший множество людей, с которыми мне приходилось по службе соприкасаться. Явились почти все близкие мне по убеждениям участники губернского земского собрания, все чины землеустройства из уездов, представительство землемеров и агрономов, почти все уездные предводители дворянства, представители многочисленных сельскохозяйственных и специальных обществ, членом которых я состоял. Присутствовали губернатор, высшие чины губернии, губернский предводитель дворянства А.Д. Самарин, всего человек триста. Пировали в большом зале ресторана «Прага». Произносились речи, вспоминали прошлое и желали мне успеха в будущем. Александр Дмитриевич в заключение своей блестящей речи предложил закрепить дружеские отношения переходом на «ты». От всех

обществ я получил на память изящно сработанные памятные брелоки. Закончив празднование в «Праге», продолжили, как всегда в таких случаях, у «Яра». Разъехались поздно ночью.

А через день я уже сидел в своем шикарном кабинете в здании Главного управления землеустройства и земледелия.

ГЛАВА VII

Петербургский период

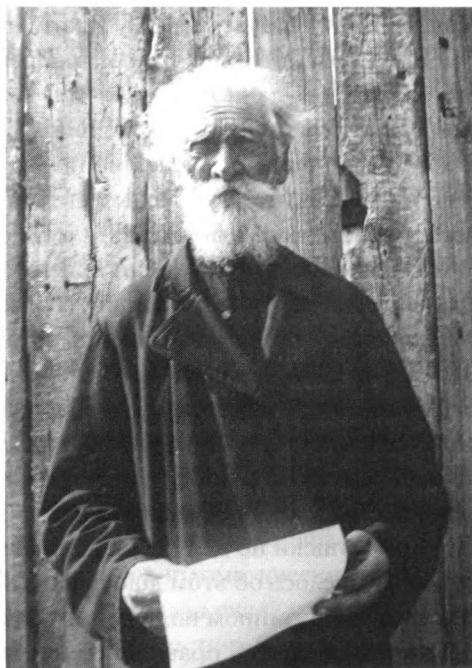
Итак, начался новый период моей жизни — петербургский. С Москвой, с моей многолетней там деятельностью и с людьми, с которыми меня дружно спаяла совместная работа, мне было трудно расставаться. Первый этап моей служебной деятельности был закончен. Что меня ожидало впереди? Провинциальный масштаб работы нужно было перековать по всероссийским размерам. В Москве я работал самостоятельно, привык к свободе передвижения, по своему усмотрению мог сочетать канцелярскую работу с полевой. А здесь нужно было обратиться в кабинетного чиновника. Мой великолепный кабинет в здании главного управления на Мариинской площади показался мне золотой клеткой, куда засадили вольного жителя лесов и полей. Это чувство, как и тоску по семье, по Быкасову, по природе и зелени не могла подавить даже та чрезвычайно интересная сфера деятельности, которая передо мною открылась.

Главное управление землеустройства и земледелия состояло из департаментов, управлений, комитетов и отделов. В частности, департамент земледелия подразделялся на несколько отделений, в ведении которых находились сельскохозяйственные учебные заведения, опытное дело, сельскохозяйственные культуры, луговодство, садоводство, огородничество и пчеловодство, животноводство молочное хозяйство, сельскохозяйственные машины и орудия, сельскохозяйственные общества, земские субсидии и пр. В департамент также входили комитеты: по коневодству, овцеводству, хлопчатобумажным культурам, рыбной промышленности, виноделия и др.

На департаменте лежала обязанность составлять и представлять в законодательные учреждения годовые сметы и отчеты, как денежные, так и по существу, по всем отделениям и комитетам. В его ведении находились также связи с земствами и сельскохозяйственными обществами. Широчайшее поле деятельности. С запада на восток — от культурных хозяйств Прибалтики и Привисленского края, через черноземные степи и кочевое скотоводство киргизов, до отдаленнейших первобытных хозяйств на Камчатке. А с севера на юг — от оленеводств самоедов у Белого и до чайных плантаций у Черного моря. Сидя в своем большом рабочем кабинете, убранном богатой мебелью красного дерева с бронзой, с коврами и картинами, я чувствовал себя песчинкой и терял надежду вообще разобратся во всех своих задачах и обязанностях. Зато сам директор департамента Дмитрий Яковлевич Слободчиков, мой начальник, никаких сомнений не имел

и смотрел на дело больше с точки зрения своей личной карьеры. Он полагал, что колесо, налаженное графом Игнатьевым, слава Богу, вертится, а потому надо его продолжать вертеть и только не огорчать начальство какими либо нововведениями или, Боже упаси — увеличением бюджета. Я сразу почувствовал коренное расхождение во взглядах. Начал я с усовершенствования канцелярского аппарата и на каждом шагу встречал противодействие Слободчикова. За отсутствием телефонной связи с отделениями, приходилось за каждой справкой и за каждым делом посылать курьера, который на проход по длинным коридорам министерства тратил массу времени. Я завел внутренний телефон, что чрезвычайно облегчало и ускоряло дело. Аппарат был поставлен, конечно, и в кабинете директора департамента, но Слободчиков демонстративно им не пользовался и продолжал гонять курьеров или вызывать начальников отделения к себе, отрывая их от работы, когда можно было обойтись одним телефонным разговором. По мере того как я сближался с Игнатьевым, мне с его разрешения больше и больше удавалось преодолевать препятствия, проводить мелкие реформы и меры по децентрализации.

По ознакомлению с работой я укрепился в убеждении, которое создалось уже в Москве, что сельское хозяйство страны идет само по себе, а министерство тоже само по себе. Не было той органической связи, посредством которой департамент земледелия мог бы содействовать земледелию со всеми его отраслями на местах. Инспектора сельского хозяйства висели в воздухе, дел у них было очевидно не много, если мне, например, годами удавалось совмещать эту должность с обязанностями неперменного члена губернской землеустроительной комиссии. департамент земледелия раздавал, согласно смете, около пяти миллионов рублей земствам и сельскохозяйственным обществам. Но делалось это бессистемно, да и что такое пять миллионов на такую огромную страну как Россия, вместе с Сибирью, Туркестаном, Кавказом. Раздача этих средств была привилегия директора департамента, он жаловал тех, кто настойчивее просил, кто умел подкреплять свои ходатайства через влиятельных сановников. Выдавались средства неровно, и никто не интересовался дальнейшей участью ассигнованных денег. После неоднократных бесед на эту тему со Слободчиковым и, в особенности, с графом Игнатьевым было решено созвать съезд земских деятелей и установить с ними более тесную связь. Со всей энергией я занялся подготовкой к съезду: выработкой программы, проведением её через санкцию министра и т.д. Все это осложнялось тем, что Слободчиков не улавливал цели съезда, даже был в слабой оппозиции, в то время как Игнатьев, наоборот, убежденно меня поддерживал. Помню выражение Кривошеина после доклада, на котором удалось получить утверждение программы и состава съезда. «Вы — сказал он, обращаясь к Игнатьеву, — вместе с Шлиппе такую еще мне земщину в министерстве заведете, что не дай Бог». Но нас это не смутило. Съезд получился чрезвычайно интересный и полезный. Составление протоколов я взял на себя, опираясь на помощь начальников отделений (их было семнадцать). Я также разрабатывал основные положения и постановления съезда. Недельный съезд дал возможность установить тесную личную

*Крестьянин Илларион Степанович Лощенков
(из альбома В.Ф.Джунковского)*

связь с большинством губернских председателей земских управ, и нам удалось разрешить много недоуменных вопросов и договориться об общем способе действий. В частности, были выработаны правила финансирования земских учреждений и сельскохозяйственных обществ; изданные в виде зеленой книжечки, они служили всем земствам как руководство. (Лет 6 тому назад, войны еще не было, я получил из Ревеля от бывшего моего сотрудника по отделу скотоводства Ивана Николаевича Бапста письмо, в котором он сообщал, что эта самая зеленая книжечка легла в основу сельскохозяйственного законодательства в Эстонии. Через несколько дней по почте пришла и сама эта книжечка, с любезной припиской мне как автору. К сожалению, книжку пришлось вернуть, так как это был его единственный экземпляр.)

Работы съезда, и в частности выработка совместной программы действий дали и тот конкретный результат, что по нашему представлению Государственная дума ассигновала по бюджету на оказание помощи земствам и обществам, вместо пяти миллионов — 35 миллионов рублей. Деятельность департамента могла, таким образом, значительно расширяться.

Как курьез, приведу один, очень характерный для чиновничьей департаментской службы случай. Слободчиков не очень сочувствовал постановлениям съезда, поскольку они до известной степени должны были обуздать его произвольные

порывы по раздаче средств. Но теперь ему самому захотелось пожать все лавры за съезд, к которому он имел сравнительно малое отношение. Кроме того, он, вероятно, опасался, что благодаря удачи возрастет мое влияние. Неоднократно я ему представлял проект выработанных положений для утверждения министром, но постоянно у него находились объяснения, почему это преждевременно. Наводить Игнатьева на мысль, что тут пахнет интригой, мне не хотелось. Прошло довольно много еженедельных докладов у министра без того, чтобы ему был представлен этот важнейший и спешный проект. Министру докладывал, всегда по средам, директор департамента в присутствии товарища министра и вице-директора департамента. В один прекрасный день Слободчиков мне необычайно любезно предложил съездить на несколько дней к семье и немного отдохнуть. Я этим с удовольствием воспользовался. По возвращении я, после первых бесед с моими сотрудниками понял, что в департаменте ведется какая-то крупная интрига. Мой друг Афанасенко, товарищ по Петровско-Разумовской академии, меня предупредил, что «Сало» (так он называл толстого Слободчикова) в моем отсутствии искал мои записки по делу финансирования для доклада министру. Вдруг ему без меня загорелось об этом докладывать! Не найдя материал, он на память, в общих чертах и в путанном виде сделал доклад по этому вопросу Кривошеину, который признал мысли правильными и велел ему немедленно представить проект положений для утверждения. Игнатьев указал, что Шлиппе скоро должен вернуться и что у него материал уже подработан. Но Слободчиков заявил, что он эту работу поручит одному из даровитейших чиновников особых поручений, Демчинскому¹³⁹, на что министр и согласился. Демчинский был, действительно, очень талантливый писака, который с тем же успехом мог написать проект и за и против. К счастью моему, он тоже не нашел моих, тщательно спрятанных материалов. Когда я вернулся, Демчинский обратился ко мне с просьбой выдать ему материалы, чтобы он мог, по распоряжению министра, составить записку. Это меня взорвало. Я ему ничего не дал, а пошел в соседний кабинет к Слободчикову и устроил ему форменную сцену. Мой начальник краснел и пыхтел, но продолжал настаивать на передаче работы Демчинскому, на том основании, что об этом уже известно министру, что поэтому будет оскорбительно для Демчинского лишиться этой работы и т.д. Только, когда я пригрозил развернуть всю картину этой интриги, он сдался. К ближайшему докладу, окончательно мною отредактированные положения были представлены министру и получили утверждение.

Осенью мне поручили объездить целый ряд губерний для исследования результатов агрономической помощи на хуторах. Первый этап был Нижний Новгород, дальше надо было захватить хутора вниз по Волге до Саратова, затем объездить Екатеринославскую и Таврическую губернии. Осмотр меня еще раз убедил, что не только под Москвой, но и по всему Поволжью и на черноземе богатого юга землеустройство дало замечательные результаты. Жаль, что и все собранные тогда материалы тоже погибли. На обратном пути мы с моим секретарем

заехали в Асканию Нову. Фридриха Фальц-Фейна мы, к сожалению, не застали, но воспользовались широким гостеприимством его дома и на его автомобиле продолжили путь в порт Скадовск, где провели несколько дней.

В Орловской губернии, по вопросу агрономической помощи разыгрались серьезные недоразумения между земством и землеустроительными организациями. Губернатор Андреевский не сумел урегулировать спор, который грозил, во вред делу, разразиться в крупный скандал. Слободчиков, не предупредив меня, доложил министру о желательности меня туда командировать, может быть в надежде, что я на этом кляузном деле сломаю себе шею. Командировку пришлось принять.

Председателем губернской земской управы был Сергей Николаевич Маслов, с которым я был дружен еще с японской кампании по совместной краснокрестной работе в Харбине. Непременным членом губернской землеустроительной комиссии был Лаврентий Иванович Пушин, с которым я по общей работе над Указом 9-го ноября тоже имел случай ближе сойтись. Инспектором сельского хозяйства был некто Тейтель, очень хороший и талантливый человек, крещеный еврей, отличавшийся особой дипломатической гибкостью. Это были хорошие предпосылки, но, тем не менее, задача оказалась более сложной, чем казалось на первый взгляд. С неделю пришлось поработать в ежедневных заседаниях. Так как старые дразги было трудно сгладить, я предложил поставить вопрос на совершенно новую платформу, исходя из вопроса: какими же в принципе должны быть, в интересах дела, взаимодействия этих двух учреждений. В результате объективного разбора этого вопроса мы пришли к приемлемому соглашению, которое было одобрено и губернатором, и земством. Протоколы были подписаны губернатором (Андреевским), Масловым, Пушиным, Тейтелем и мною. Разъехались мы друзьями, с сознанием, что общими усилиями сделали хорошее дело. Когда я, вернувшись в Петербург, доложил о результатах Слободчикову, то у меня создалось впечатление, что он этим успехом не очень доволен. Зато высшее начальство не только одобрило соглашение, но велело его размножить и по всем землеустроительным комиссиям и губернским и уездным земским управам разослать в качестве руководства. (Если мне удастся дописать мои воспоминания до момента моего бегства из России в 1919 году, то читатель увидит, что по случайному стечению обстоятельств этот Орловский протокол с моей подписью сыграл в моей судьбе немалую роль.)

В первое время моего пребывания в Петербурге я жил по приглашению Скадовских в свободной верхней части большого особняка на Каменоостровском проспекте, который они сняли, когда Сергей Балтазарович, по избрании в члены Государственного совета должен был переселиться в столицу. К осени приехал мой отец, и мы с ним сняли на Вознесенском проспекте близ Государственного Совета общую квартиру, которую сами обмобилировали. Жена во все время моей службы в министерстве оставалась в Москве, а летом в Быкасове, в Петербург же изредка приезжала меня навестить. Разлука с ней меня, конечно, томила, но Лиля,

может быть, в силу какого-то подсознательного предчувствия, ни в коем случае не хотела переселяться.

В работу я стал втягиваться и ее полюбил, но отсутствие свободы передвижения, которую я особенно ценил на прежней службе, мне было тяжело. Летом было мало воздуха, а зимой мало света. Иногда я ездил на парусной лодке яхт-клуба с моим товарищем и сослуживцем Владимиром Николаевичем Штейном, иногда охотился в министерском имении под Петербургом на зайцев и фазанов. Весьма полезной стороной моего пребывания в Главном управлении земледелия было то, что я изучил всю министерскую кухню, стал смотреть на петербургских чиновников уже не снизу вверх, а наоборот, сверху вниз; что мог познакомиться со многими государственными деятелями, членами Государственной думы и Совета. В Думе приходилось часто бывать при проведении бюджета. Симпатия, которой граф Игнатъев пользовался в думской среде, переносилась и на его ведомство и его представителей. Поэтому и я вспоминаю мою работу в думских комиссиях с удовлетворением. Впрочем, раз у меня случился скандал, который грозил развернуться в серьезные польско-русские недоразумения.

Мне каждый вечер приносили груды бумаг на подпись, и трафаретные бумаги, касавшиеся известных мне разрешенных ассигнований, подписывал я, не прочитывая до конца. Как-то один начальник отделения, насколько я помню, Страховский, к ассигновке на имя некоего сельскохозяйственного общества в царстве Польском прибавил по собственному усмотрению, что ассигнованные деньги могут быть использованы только русской частью населения. Я это добавление проглядел. Председатель Польского коло¹⁴⁰ в Государственной думе Грабский поднял бурю и грозил Игнатьеву сделать запрос в Госдуме. Поздно вечером граф вызвал меня по телефону и сообщил о случившемся. Мне, в свою очередь, пришлось вызвать начальника отделения с копиями бумаг и убедиться, что я ту самую действительно подписал. На другой день я поехал объясняться к Грабскому и с трудом наладил отношения. Пришлось сделать доклад и Кривошеину, который меня крепко пожурил. Оригинально, что с этого времени у меня с Грабским установились хорошие отношения. Он приезжал в Москву и был моим гостем. После восстановления Польши он занял пост министра-председателя¹⁴¹.

Вспоминаю случай, когда мне пришлось видеть Распутина в оригинальной обстановке. В Высочайшем присутствии шло молебствие в храме, построенном по случаю убиения Царя-освободителя¹⁴². Я вошел, когда храм уже был полон, оказался возле группы членов Государственной думы, в их числе председатель Думы Родзянко¹⁴³. Я с ним поздоровался, а он обратил мое внимание на стоявшего неподалеку Распутина¹⁴⁴. Он был в крестьянской черной поддевке. Я приблизился к нему, он стоял в первом ряду сельских старшин. Подошел земский начальник, который устанавливал крестьян, и спросил Распутина, где у него знак старшины. Тот ответил, что у него знака нет, он не старшина, а сам Распутин. Тогда земский начальник повелительным голосом заявил: «Отойди отсюда! Тебе тут не место!» Распутин с невероятно злобным, дьявольским выражением

лица согнулся и, что-то мыча, отошел на другое место. Сцена эта происходила от меня в трех шагах, но и Родзянко это видел и слышал. Когда я опять проходил около него, он мне довольно громко сказал: «Ну, этому земскому начальнику не посчастливится!»

Пока я находился в Петербурге, в Москве скоропостижно скончался еще бодрый и работоспособный председатель Московской губернской земской управы Николай Федорович Рихтер. Вскоре после его смерти приехал в Петербург его заместитель Александр Евграфович Грузинов, и мы с ним, Джунковским, назначенным тогда товарищем министра внутренних дел, и Самариным, избранным членом Государственного Совета, обедали вместе у Кюба. Беседа коснулась возможного заместителя Рихтера, и у нас не было сомнений, что на предстоявших в следующем 1913 году выборах будет избран именно Грузинов. Он, очевидно, тоже хотел прощупать почву, каково к нему будет отношение Министерства внутренних дел в случае его избрания, а может быть, хотел осведомиться, не претендую ли я на этот пост. Он мог уехать успокоенным.

В январе 1913-го в Москве шло губернское земское собрание. Отвлеченный срочными работами по бюджету, я в первое время не мог туда вырваться и собирался поехать к концу сессии и моменту выборов. Но неожиданно ко мне приехала из Москвы депутация в составе графа Павла Сергеевича Шереметева, председателя правой группы земства, губернского гласного Патрикеева, владельца одноименного трактира в Охотном ряду, и Федора Алексеевича Уварова, члена Государственного Совета по избранию от земств Московской губернии. Они привезли мне от правой группы земского собрания предложение выставить свою кандидатуру на пост председателя Московской губернской земской управы. Для меня это предложение явилось, после беседы с Грузиновым, большой неожиданностью, хотя я не скрою, что иногда мне приходила мысль вернуться в Москву и именно на этот пост. Сначала я отклонил предложение; очень уж неприятным казалось опять ломать свою службу, к которой стал привыкать. Но на меня крепко насели, и я решил доложить Кривошеину и испросить его совета. Кривошеин мне сперва открыл, что назначит меня в ближайшее время директором департамента, и намекнул на возможность поста товарища министра, когда гр. Игнатьев будет назначен министром народного просвещения. Я за год успел полюбить работу, а может быть и заразился карьеризмом; начертанная Кривошеиным перспектива мне понравилась. Я поблагодарил его за доверие и добрый совет, но попросил разрешения съездить в Москву, чтобы ориентироваться в общем настроении и поговорить с семьей. В Москве я встретил единодушное настроение в мою пользу. По каким-то соображениям Грузинова выбирать не захотели, а других кандидатов не было. Пришлось мне принять участие в нескольких частных совещаниях, на коих мои друзья усиленно интересовались моими взглядами по ряду политических и земско-деловых вопросов. Напоследок, в доме губернского предводителя дворянства П.А.Базилевского состоялся многолюдный обед, на котором он меня просил сделать официально декларацию моих взглядов. После краткого общего

доклада пришлось отвечать на ряд вопросов. Экзамен был серьезный, но, очевидно, мне удалось удовлетворить слушателей, так как городской голова, Николай Иванович Гучков¹⁴⁵ после прений сказал доброе заключительное слово, в котором указал на меня как на их кандидата в председатели и выразил уверенность в успехе на выборах.

Вернувшись в Петербург, я доложил обо всем министру. Кривошеин внимательно меня выслушал и сказал: «Мое предложение остается в силе, но так как Вас, очевидно, очень хотят, то от судьбы не уйти. Я несколько изменил свое мнение и думаю, что лично для Вас переход в Московское земство будет хорошим шагом. Даю Вам свое благословение, но лишь в том случае, если за вами будет значительное большинство, ну, как Царя Михаила Федоровича на царство московское просили. Если же увидите, что большинство слабое, то откажитесь и возвращайтесь». Нечего говорить, что мои родители и, в особенности, жена были рады такому обороту судьбы.

Недели через две я был избран значительным большинством и утвержден в должности. Департамент земледелия устроил мне проводы, на которых товарищ министра гр. Игнатьев сказал тронувшую меня речь с высокой оценкой моей деятельности и выразил сожаление по случаю моего ухода. В конце он предложил закрепить наши дружеские отношения переходом на «ты». Эта дружба сохранилась на все время нашего пребывания в России, когда он стал министром народного просвещения, и мы с ним встретились на поприще народного образования. Сохранил он мне дружбу и за границей, о чем еще будет случай рассказать. Слободчиков с того момента, как стали говорить о моем переходе в земство, стал ко мне ласков и предупредителен, так что я ему простил все его ошибки и даже сохранил о нем добрую память. В особенности вспоминаю с чувством благодарности моих сотрудников по департаменту, большинство которых были прекрасные работники. Оставалось сделать несколько прощальных визитов, собрать свои манатки и уехать из Петербурга, так же налегке, как год тому назад я туда приехал.

ГЛАВА VIII

Московское губернское земство

Хочу начать эту главу кратким обзором того, чем вообще было ЗЕМСТВО как общественное учреждение. В таком качестве оно просуществовало всего 53 года до того, как было упразднено сразу же после большевистской революции. За этот сравнительно короткий срок земство внесло значительнейший вклад в развитие всей хозяйственной и социальной жизни страны.

Идея земства была не чужда русскому народу и в прежние века. Бывали Земские соборы, Земское вече как органы законосовещательного и даже законодательного характера. Со словом земство было связано понятие о земле, это было представительство земли, служба родной земле, а в совокупности — служба ро-

дине, государству. С Петровских времен эти ранние формы земства перестали существовать.

После отмены крепостного права в 1861 году прежний приказный строй Екатерининских времен оказался полнейшим пережитком. Как естественное следствие этой реформы, должен был преобразоваться весь бюрократический аппарат по обслуживанию местных «польз и нужд». В этот процесс обязательно необходимо было вовлечь и освобожденное от крепостной зависимости крестьянство. Реформа в этой части привела к созданию местного самоуправления — ЗЕМСТВА, которому были вверены сферы народного образования, медицины, путей сообщения, сельского хозяйства, ветеринарии, страхования, благотворительности и др.

6-го января 1864 года Высочайшим указом Александра Второго были созданы губернские и уездные земские учреждения. Землевладельцы, крестьяне и горожане по земельному и городскому имущественному цензу принимали участие в выборах гласных в земские собрания. В этих собраниях коллективно обсуждались и решались вопросы местных польз и нужд. Исполнительными органами были губернские и уездные земские управы в составе председателя и нескольких членов управ, которые выбирались из гласных на три года. Земство имело право самообложения. Облагались земли, городские дома, фабрики, заводы и торговые помещения. Промышленные и торговые предприятия облагались не по размеру производства или по доходности, а исключительно по стоимости их недвижимости. Законом были установлены определенные лимиты, превышать которые было возможно лишь с особого разрешения власти.

Земство переняло от приказных учреждений лишь зачатки организационных предпосылок для выполнения выше указанных задач. За полвека оно мощно их развило. Особенно в сфере образования. Тут пришлось начинать практически от нуля, а под конец были близки к введению всеобщего обучения — не повсюду еще, но во многих губерниях, в Московской в том числе.

Много было сделано в области гигиены и медицины. Дорожная сеть, т.е. строительство шоссированных дорог, увеличилась в колоссальном размере. Значительно повысился уровень хозяйственного быта и благосостояния крестьянского населения. В течение двух поколений подневольное, а потому и отсталое крестьянство оказалось подготовленным для сознательного, деятельного соучастия в строительстве местной жизни на новых началах¹⁴⁶.

Законодательство о земских учреждениях дало земству свободу самоопределения и отграничило его от местного правительственного аппарата¹⁴⁷. На деле же оно все-таки подчинялось бюрократической власти.

В силу этого неизбежно возникали разногласия, которые порой обострялись до крупных конфликтов. Но земство приобретало все большее и большее значение и влияние. К нему потянулись передовые люди, перед которыми открывалось не только широкое поле деятельности, но и возможность публично высказываться, ибо собрания земства были открыты и гласны. Постепенно стали определяться

два полюса: правительственный — ретроградный и земский — прогрессивный. Оппозиционность земства многими порицалась, но зря, потому что здоровая оппозиция при добросовестном стремлении к общей цели может быть только полезной. Лишь когда оппозиция с пути эволюционного сворачивает на путь революционный, она оказывается опасной, как опыт впоследствии и показал. Из опасений таких перескоков правительство с осторожностью относилось к стремлению земства объединяться в центральную организацию для совместных обсуждений и разработки общеземских вопросов. Все же по некоторым отраслям такое сближение оказалось неизбежным, например, по созданию Перестраховочного союза земств, при совместной закупке сельскохозяйственных машин и орудий, кровельного железа и семян. Первый опыт создания общеземского объединения удался во время Японской кампании в 1904 году в связи с организацией помощи раненым и больным воинам. Это объединение возглавил бывший председатель Тульской губернской земской управы князь Георгий Евгеньевич Львов¹⁴⁸. В состав правления входил и председатель Московской губернской земской управы Дмитрий Николаевич Шипов.

Во время революции 1905 года в ряде земств, причем не только в среде их служащих (так называемого третьего элемента), но самих земских деятелей по избранию выявились определенные симпатии к революционным течениям. Земская среда определенно раскололась на про- и антиреволюционные группы. Но опыт первой революции многим открыл глаза, и все больше становилось правонастроенных. На выборах в начале 1906 года по всей России было заметно значительное поправение, и соответственно с этим произошла смена революционно настроенных земцев людьми более умеренных политических взглядов.

Ушли со сцены земства и Е.Г.Львов, и Д.Н.Шипов. Но первый решил не выпускать из рук бразды правления по общеземскому объединению, несмотря на то, что оно, потеряв поддержку избирательного состава, как бы повисло в воздухе. Земские учреждения перестали с этим объединением считаться, как с реальной величиной, а Львов медлил с расчетами с правительством по военным расходам и держал некоторую сбереженную сумму денег в руках, что давало объединению возможность еще полулегально тянуть свое существование и даже, устраивая общественные столовые в пострадавших от недорода местностях, выступать в роли помощника населения.

Потребность в обмене мнениями по общеземским вопросам все возрастала, тем более, что после манифеста 20 февраля 1906 года земство получило право избирать своих представителей в Государственный Совет, преобразованный в верхнюю палату первого русского парламента, и таким образом было втянуто в управление государством. Н.Ф.Рихтер, избранный в 1906 году на пост председателя Московской губернской земской управы, следуя неофициальному примеру своего предшественника Д.Н.Шипова, испросил разрешение правительства на периодический созыв съездов председателей губернских земских управ. Постепенно из этого образовалось постоянное бюро съездов, в котором место

председателя неизменно занимал председатель Московской губернской земской управы. Период с 1905 года до Великой войны отличался в России невероятным подъемом. Именно в это время особенно сильно развилась и деятельность земства, которое, не отвлекаясь политическими вопросами, всю энергию вкладывало в основные свои задачи.

Таково было в общих чертах положение, когда я вступил в исполнение обязанностей председателя Московской губернской земской управы. На этом посту у меня было всего четыре предшественника: Наумов, Д.Н.Шипов, Ф.А.Головин, вскоре ставший председателем Государственной думы, и Николай Федорович Рихтер. Все они были выдающимися личностями, сыгравшими крупную общественную и государственную роль в России. Это обязывало меня не опускать знамени Московского губернского земства с той высоты, на которую они его подняли. Наумов (с ним в 1864 году начал свою земскую службу мой отец) был исключительный организатор, но сравнительно слабый хозяин. Он жил только земством и скончался на своем посту. Более одаренный и многосторонний Д.Н.Шипов много лет с честью и достоинством направлял земский корабль и сделал, пожалуй, больше всех, что касается развития и расширения земского дела. Он был монархист, имел придворное звание камергера Высочайшего Двора, но по отношению к правительству Его Величества стоял постоянно в оппозиции. Какое-то неудачное столкновение привело к тому, что он после пятого или шестого избрания не удостоился утверждения и был заменен Головиным. Когда граф Витте, возглавив правительство, подбирал себе кабинет министров, то он в первую очередь предложил Шипову принять министерский пост, но Дмитрий Николаевич отказался. Он ушел в частную жизнь, написал воспоминания о земской деятельности, — ценнейший материал для будущих историков¹⁴⁹. Рихтер был человек исключительной воли и трудоспособности. Он, как и Наумов, посвящал все свое время исключительно земской работе. Я с ним познакомился в 1905 году, он, если читатель припомнит, меня звал к себе в сотрудники и затем на выборах демонстративно подавал записку на мое имя. У него я много чему насмотрелся, когда в качестве губернского гласного участвовал в работах земских комиссий.

Пресса встретила мое избрание в общих чертах благосклонно, за исключением более левых газет, которые, меня еще не критикуя, подчеркивали мое камерюнкерство. В первые дни я не мог оберечься от многочисленных корреспондентов, требовавших интервью. Во избежание каких-либо недоразумений я попросил составить список их интересующих вопросов и обещал им дать по ним свои объяснения перед всей коллегией прессы. Это состоялось, и весьма было интересно потом прочесть, как, в зависимости от направления газеты, некоторые вопросы выдвигались, другие умалчивались, а некоторые мои ответы получали разные толкования. В течение всей моей последующей земской службы я ежедневно четверть часа с небольшим посвящал приему всех корреспондентов сразу. Так

было заведено, и установившаяся таким образом связь с печатным словом себя оправдала.

В члены управы был избран весь бывший при Н.Ф. Рихтере состав: Александр Евграфович Грузинов — как заместитель председателя и заведующий путями сообщения; Михаил Александрович Нарожницкий по медицинской части и народному образованию; сельскохозяйственным отделом заведовал Владимир Александрович Выборни, мой товарищ по университету и Сельскохозяйственному институту, страховым делом Михаил Михайлович Людоговский, а Сергей Константинович Родионов, не очень толковый, но человек с весьма доброй душой, ведал благотворительным отделом и являлся представителем управы на всех молебнах и панихидах, которые требовали обязательного присутствия, но на которые у остальных, более занятых, обычно не хватало времени. Потом был доизбран еще член управы, который, однако, вскоре был призван на войну; помню только, что он пришел из Серпуховского уезда. Все мои сотрудники прошли серьезную и суровую школу у Н.Ф.Рихтера, что для меня было очень успокоительно, так как они были в курсе всех дел, а принципиальных разногласий у нас не было никаких.

Губернатором на смену Джунковскому был назначен незадолго до моего избрания граф Николай Леонидович Муравьев¹⁵⁰. О нем еще будет сказано.

Так называемый третий элемент был представлен чрезвычайно работоспособными и преданными делу людьми, которые, правда, по своим политическим убеждениям большей частью расходились с управой. Особенно ярким представителем левого течения был заведующий статистическим отделом, который после Февральской революции 1917 года был назначен товарищем министра земледелия при Чернове. Прекрасный был главный врач и заведующий народным образованием. Опытным делом заведовал мой однокашник по Сельскохозяйственному институту Александр Павлович Левицкий¹⁵¹, сын профессора того же института и помещика Тульской губернии. Должность губернского агронома была вакантна. Бывший губернский агроном, матерый революционер, был еще до моего избрания уволен губернатором, из-за чего место находилось под бойкотом. В общем, я вернулся в хорошо мне знакомую служебную общественную среду и атмосферу.

Здание губернской земской управы было выстроено Д.Н.Шиповым в девяностых годах 19-го столетия на Садовой, близ Тверской-Ямской. Там помещались все отделы со сравнительно большим составом служащих. Но хотя там был прекрасный зал, заседания губернских земских собраний традиционно происходили в Доме Московского дворянства в зале, рядом с Колонным, украшенном портретами губернских предводителей дворянства. Кабинет председателя находился во втором этаже, рядом с залом заседаний, где стоял мраморный бюст Царя-освободителя Александра II. Кабинет был обширный, с большим письменным столом на невысоком возвышении и длинным столом напротив, за которым проходили ежедневные заседания управы. Мягкая кожаная мебель по стенам, на стенах — портреты царствующего Государя и бывших председателей губернской

Федор Владимирович Шлиппе. Начало 1910-х гг.

земской управы. Из кабинета выходило много дверей: одна в канцелярию, другая на лестницу, две двери в зал и одна в дежурную комнату, где помещались курьеры. Этот кабинет мне был хорошо знаком по многократным посещениям моих предшественников и по совещаниям, в которых я принимал участие. Здесь уже два десятка лет вынашивались планы земских начинаний, подготавливались земские съезды, отсюда шли обращения к правительству и к Царю. Стены этого кабинета хранили тайну произносившихся там речей, иногда, вероятно, резко бичующих действия правительства, но всегда полных любви к родине и заботы о русском народе. Это была отличительная черта земских деятелей, что они не думали о себе или своем, чаще всего дворянском сословии, но направляли все средства и силы на пользу народа, и в первую очередь крестьянства. Трудноописуемое чувство меня охватило, когда я, впервые заняв в этом историческом кабинете кресло председателя, принял на себя всю ответственность, связанную с этой службой.

Менее всего мне пришлось заниматься медициной. Она находилась в надежных, опытных руках и нормально развивалась, а меня лично меньше интересовала. Впрочем, существовал один спорный вопрос — яблоко раздора между губернским и уездными земствами. Он касался передачи губернских больниц, расположенных в уездах, в ведение уездных земств. Этот вопрос поднимался в каждой избирательной кампании. В особенности в боевой 1906 год Рихтер сумел

привлечь много голосов на свою сторону обещанием передать больницы уездам. Однако, по избрании и не думал их передавать и откровенно сознавался, что это был лишь способ пропаганды...

Не требовало моего вмешательства и страховое дело. Особой сложностью оно само по себе не отличалось. Закон предусматривал обязательное страхование для крестьянских дворов, минимально в 150 рублей за дом со службами, а выше этого крестьяне, на столь же выгодных условиях, могли страховаться и добровольно. Принимались и частновладельческие страхования. Перестраховочный союз объединял все земства страны. Бюро его помещалось у нас, а председателем союза был большой знаток страхового дела, член Харьковской губернской земской управы барон Будберг¹⁵². Страховое дело давало большие прибыли, часть которых расходовалась на противопожарные мероприятия. Из этого же источника черпались средства для покупки кровельного железа, заменявшего соломенные крыши.

В моем сознании, на первом месте стояли вопросы народного образования и сельского хозяйства. Почти одновременно с моим избранием, граф П.Н.Игнатьев был назначен министром народного просвещения. Личные с ним дружеские отношения очень облегчали сношения с министерством по вопросам просвещения. Намеченные графом коренные реформы, о которых еще в Петербурге мы неоднократно беседовали, должны были привести к широкому количественному и качественному развитию грамотности и культуры сельского населения. Намечалось создание казенных учительских семинарий для подготовки более квалифицированного учительского персонала. Трехклассная школа должна была развиваться в 6-классную, которая, в свою очередь, являлась первой ступенью для перехода в средние учебные заведения, откуда открывался путь в университеты и другие высшие школы. Через 10 лет, т.е. примерно в середине 20-х годов в России существовало бы уже обязательное всеобщее обучение, и еще через несколько лет наиболее способные выпускники сельских школ уже кончали бы высшие. Сравнительно слабые бюджеты земств во многих губерниях не позволяли земству полностью принять на свои плечи осуществление этих реформ, поэтому в планах предусматривались крупные дополнительные кредиты из государственного казначейства, в том числе и для стипендий неимущего населения. До графа Игнатьева, Министерство народного просвещения ведало почти исключительно высшими и средними школами, начальное же образование в деревнях проводилось силами и средствами земства, и в незначительной степени церковными приходами, при содействии Святейшего Синода. В губерниях подвизались представители Министерства просвещения в лице директоров и поездных инспекторов по народному образованию, но их роль сводилась больше к надзору и мало служила делу.

В Московском земстве, часть представителей третьего элемента, но и некоторые крайние гласные придерживались мнения, что цели правительства не идентичны целям земства, а потому от казны пособий для развития народного образования принимать не следует, дабы не попасть в зависимость от государства.

Действительно, правительство, вероятно, не допускало бы, чтобы школа служила для распространения антирелигиозных и революционных взглядов, что в некоторых земствах и наблюдалось. К счастью, крайнее мнение относительно государственных дотаций у нас не стало доминировать. Правительство и земство должны были преследовать единую цель — благо народа, т.е. развитие его духовной, бытовой и хозяйственной культуры, при одновременном достижении возможной социальной справедливости и укреплении государственной мощи. Если между правительством и земством и происходили разногласия, то не в общем признании этих целей, а лишь в выборе методов их достижения. Я всегда твердо верил в необходимость сближения государственных и общественных органов и по мере сил этому содействовал.

То, что мне по традиции досталось председательство на постоянном бюро съездов председателей губернских земских управ, открывало в этом отношении большие возможности. Общественный голос из первопрестольной, из Москвы, звучал громким набатом и привлекал к себе внимание законодательных учреждений, правительства и Высочайшего Двора. Какие именно принимались меры для сближения правительства и земства, и что оказалось по тогдашней обстановке возможным и достигнутым, будет ясно из дальнейшего повествования. Но сперва еще о другом.

Нужно было создать полное взаимодействие по агрономической помощи с землеустроительными комиссиями. Казалось бы, что Орловское соглашение давало для этого хороший трафарет. На деле же и это оказалось непросто уже потому, что должность губернского земского агронома находилась, как уже было упомянуто, под бойкотом. Найти человека, который пошел бы на эту должность, понимая, что уездные агрономы не станут ему руки подавать, было невозможно. Некоторые мои попытки не увенчались успехом, и пришлось вопрос отложить, пока третий элемент не образумится и не снимет бойкота. Смерть уволенного агронома несколько разрядила атмосферу. Коллегией уездных агрономов был предложен некто Минин, окончивший высшую Сельскохозяйственную школу. Он произвел на нас хорошее впечатление, и мы его приняли. Лишь позднее мы узнали, что он еврей с некоторым политическим прошлым. Вел он себя отлично и не давал нам повода сожалеть о его назначении. Работа с землеустройством наладилась также и потому, что по мере развития единоличного хозяйства спрос на агрономическую помощь так возрос, что агрономам некогда было спорить о правах и прерогативах, ибо они еле успевали удовлетворять требования населения. Одновременно продолжались на общинных землях хорошо налаженные опыты по улучшению методов обработки, использования искусственных удобрений, культивирования семян и т.д.

В широком масштабе опыты проводились, главным образом, с искусственными удобрениями, которые в России только начинали входить в моду. Сотни опытных участков при различных почвенных условиях были разбросаны по уездам и подвергались тщательному подсчету урожайности. Из анализа собранных

материалов делались выводы для практического применения. Расскажу об одной, равно досадной и оригинальной ошибке, сделанной специалистами. На совещании агрономов были доложены результаты опытов по искусственному удобрению. К большому моему удивлению, удобрения, как правило, вовсе не давали увеличения урожая, либо такое минимальное, что по денежному подсчету оказывались нерентабельными. Это противоречило практике в более широком масштабе в имениях, где выгодность применения искусственных удобрений была уже годами доказана. Привлекли мы профессора Вильямса, как крупного специалиста по почвоведению, он объехал опытные делянки и вынес заключение, что искусственные удобрения не дали эффекта потому, что обработка почвы была сделана по-деревенски плохо. Дальнейшие опыты с более тщательной обработкой почвы дали совсем иные результаты. А ведь авторитетная коллегия агрономов чуть было не вынесла смертный приговор искусственному удобрению на крестьянских землях!

Александр Евграфович Грузинов (он сыграет политическую роль после Февральской революции 1917 года¹⁵³) вел свое дорожное дело первоклассно. Он был чрезвычайно подвижен, постоянно в разъездах по шоссе́йным дорогам, наблюдал и направлял работы дорожных инженеров. Сеть казенных и земских шоссе́йных дорог все расширялась. Одна американская фирма предложила Московскому губернскому земству целую коллекцию специальных машин для постройки дорог. Это были тракторы с разными назначениями — для рытья канав, удаления пней, распределения и утрамбовки земли, дробления камней и т.п. В совокупности машины стоили около 150 000 рублей. Не имея кредита, утвержденного земским собранием, мы предложили фирме предоставить нам машины на пробу в продолжение одного летнего сезона и, если они куплены не будут, заплатить за произведенную работу по тарифу ручного труда. Фирма согласилась и приступила к работе. Дело шло чрезвычайно быстро и давало прекрасное шоссе́йное полотно. Сведения об этой новинке проникли в газеты. Для осмотра заокеанских машин приезжало много лиц, в том числе бывший министр земледелия Ермолов, член Государственной думы Грабский и другие. Когда была окончена работа сезона, инженеры сделали подсчет, во сколько обошлась сажень дорог, и обнаружилось, что много дороже, чем при ручном труде. На совещании инженеров большинство высказалось за отказ от покупки. Управе же казалось, что была допущена ошибка при подсчете, а потому с решением вопроса решили обождать и поручили еще раз произвести проверку. По моим соображениям, стоило бы приобрести машины уже потому, что они могли выручать в случае недохвата рабочих, а в страдную пору это часто бывало, а также, чтобы не быть в полной зависимости от подрядчиков в деле установления цен, которые имели тенденцию медленно, но упорно расти. Когда было закончено заседание и инженеры вышли из кабинета, мне доложили, что главный наш подрядчик просит его принять. Входит крепкий мужичок-самородок и делает мне следующее предложение: узнав, что инженеры советуют отклонить покупку машин, он просит открыть ему в счет будущих работ кредит на 100 тыс. рублей, чтобы он мог купить для себя эти машины, и согласен ими

производить для земства работы на 10 % дешевле, чем ручным способом. Это предложение простого, почти безграмотного, но очень делового и коммерчески смышленного человека меня окончательно убедило, что машины необходимо приобрести. Но требовалось еще преодолеть главное препятствие — земское собрание: его нужно было убедить сделать крупную затрату, несмотря на доказанную коллегией инженеров невыгодность или, во всяком случае, преждевременность такого приобретения. Дело это происходило осенью 1914 года. Все мои сомнения были рассеяны запросом военного ведомства, пожелавшего эти машины иметь для копания окопов и достройки дорог. Экстренное земское собрание, которому весь вопрос в целом был доложен, вынесло постановление приобрести машины и пожертвовать их для военных нужд армии.

С какими препятствиями при проведении новых дел приходилось считать-ся, показывает и следующий случай, тоже по части дорожного отдела. Существовавшее в Петербурге, немецкое электрическое предприятие под названием «Общество 1886 года»¹⁵⁴, через своих представителей Ульмана и Кржижановского¹⁵⁵ обратилось к губернскому земству с таким предложением: оно приобрело в Богородском уезде большие торфяные болота и строило на них центральную электрическую станцию, которая должна была обслуживать московскую и подмосковную промышленность. Общество предполагало строить мачты с проводами высокого напряжения по обочинам земских шоссе и испрашивало на это разрешение управы. За предоставление такого права оно предлагало бесплатно освещать все те шоссе-ные дороги, по которым намечался провод, давать бесплатно освещение для школ и больниц, расположенных на расстоянии не свыше пяти верст от главного провода и снабжать по льготному тарифу местную крестьянскую кустарную промышленность. Вся управа, а в особенности Грузинов, были очень рады такому предложению и, выторговав еще право участия земства через своего представителя в правлении Общества, решили внести этот вопрос на утверждение земского собрания. Еще до собрания печать подхватила этот проект и стала его всячески дебатировать, в том числе и высказывать отрицательное к нему отношение. На собрании стали выдвигать такие против всего этого предложения аргументы, что его пришлось снять с повестки и вернуть в управу для тщательной переработки. На следующем собрании управа опять успеха не имела. Возражали главным образом представители города Москвы. Потом выяснилось почему: город не хотел, чтобы земство могло использовать часть тока для надобности земства и сельского населения. Прошло несколько недель, и вдруг мне докладывают, что «Общество 1886 года» скупил у владельцев и крестьян право на проведение кабеля и в одном месте без спроса его перекинуло через земское шоссе. Инженер, в ведении которого находился этот участок шоссе, был заподозрен в соучастии и уволен. К сожалению, только этим земство, до поры до времени, смогло проявить свой протест против самовольного действия общества. Так дело и осталось до войны, когда Общество, как немецкая собственность было конфисковано; с какого-то бока земство при этом участвовало. (С директором Общества, Э.Р.Ульманом,

мне пришлось в эмиграции встретиться и даже иметь с ним дело в Берлине. А его компаньон Кржижановский стал видным советским деятелем).

Вскоре после того, как я приступил к исполнению моих новых обязанностей, состоялся, намеченный еще до меня Съезд председателей губернских земских управ. Одним из вопросов было предстоявшее в том году празднование 300-летия Царствовавшего дома Романовых. По плану, всем земствам предполагалось съехаться в Москве для совместного принесения поздравления. На ходатайство о разрешении от министра внутренних дел долго не было ответа. За это время было заказано у Хлебникова прекрасное серебряное блюдо с изображением въезда Царя Михаила Федоровича в 1613 году в Кремль, работы Самокиш-Судковской¹⁵⁶. Блюдо было украшено гербами земств и сибирскими драгоценными камнями. Оно оказалось готово к сроку, а разрешение от министра не последовало. Так как Государь имел в виду посетить несколько губерний, в том числе Ярославль и Киев, было предложено в этих городах собираться группами из соседних губерний. В Москве сговорились собраться представителям около 10 губерний. От идеи поднесения серебряного блюда пришлось отказаться. Торжество состоялось летом 1913. Со времени коронации Николая II (1896) Москва не видала подобного по красоте празднования. Были Высочайшие приемы в Кремлевском дворце, трапеза в присутствии Царя для нескольких тысяч приглашенных в Кремле, гала-представление в Большом московском театре, иллюминация города и пр. Вместе с семьей Император посетил Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Настроение населения было восторженное и радостное, торжество производило впечатление всенародного праздника. Государь посетил целый ряд московских учреждений, внимательно осмотрел также земский кустарный музей в Леонтьевском переулке¹⁵⁷. Здесь Царю и Царице с их дочерьми был предложен от земства чай. Государь в первый раз провел некоторое время непринужденно в нашей земской среде, оживленно с нами разговаривал. Под впечатлением этой уютной встречи у нас возникла мысль об изготовлении для наследника-цесаревича подарка кустарного производства, о котором будет сказано ниже.

Официальный прием отдельных deputаций, в том числе и от земства, состоялся, точно не помню, где-то в середине торжеств. Прибыли представители соседних земств. Прием нашей депутации в несколько десятков лиц происходил в одном из малых залов Кремлевского дворца. Приветственную речь было поручено произнести мне, как председателю Московской губернской земской управы. Она была заранее составлена и одобрена. Мой друг Истомина, отличавшийся красотой слога, внес в эту речь несколько поэтических фраз. Помню только вступление: «Здесь, в стенах священного Кремля, где покоится прах Ваших царственных предков...». Действительно, Кремль для народов России представлял какой-то священный центр великой родины, какой-то Олимп, где восседал «Белый Царь». Благоговейно снимали шапку, проходя через Спасские ворота. В пределах кремлевских стен, кроме Царского дворца и окружавших его храмов, было только одно учреждение — храм правосудия: судебная палата и окружной

суд. Там же находился ныне снесенный Чудов монастырь, где монах Пимен писал свое «последнее сказанье». Все остальное, вся городская суета, торговая и промышленная жизнь, все места, где чинилась расправа: все это находилось за пределами Кремля...

Никаких политических вопросов речь, конечно, не касалась, это было только приветствие и желание дальнейшего благоденствия царскому роду на счастье родины.

Осенью 1913 года в Киеве состоялась сельскохозяйственная выставка Юга России. Председатель губернской земской управы Суковкин пригласил на выставку всех своих коллег из других губерний и предложил воспользоваться случаем, чтобы там же провести сессию Съезда. На повестке, между прочим, стояла обсуждение способов ознаменования в следующем (1914) году 50-летия земских учреждений. Решили провести юбилейное торжество в Петербурге — там, где Александр II подписал манифест об учреждении Земства. Оно должно было начаться представлением земцев Царю. Долго спорили, на кого возложить произнесение приветственной речи. Предлагали старшему по службе, затем старшему по возрасту, был указан также Яковлев как председатель Петербургской губернской земской управы. Наконец, председатель Орловской губернской управы С.Н.Маслов расписал историческое значение Москвы как центра общественной жизни, подчеркнул, что к голосу Москвы прислушиваются с особым вниманием, и предложил поручить произнесение речи председателю Московской губернской управы. Как самый молодой по возрасту, мне только что минуло 40 лет, я пытался отказаться, но безуспешно, и мне поручили, кроме приветственного слова, еще и выработку всего празднования, все переговоры и хлопоты. Было, между прочим, решено, на приеме (если он состоится) поднести Государю то самое блюдо, которое земствами было заказано для трехсотлетия Дома Романовых. Мне было ясно, какие меня ожидают трудности, но, в конце концов, должен был уступить упорным и единодушным настояниям моих коллег. Они в том были правы, что моя задача в какой-то мере облегчалась моими знакомствами и связями в министерствах и при Высочайшем Дворе, которых у них не было.

Из Киева мы возвращались в одном купе с Николаем Александровичем Мельниковым¹⁵⁸. Всю ночь проговорили и убедились, что мы с ним единомышленники, как по земскому, так и по общеполитическим вопросам. Не могли мы тогда предположить, что судьба нас опять сведет на общей красно-крестной деятельности в эмиграции, и у нас с ним даже окажутся общие внуки.

Всю осень и начало зимы длились подготовительные работы. Много усилий потребовалось, чтобы через всю толщу инстанций получить разрешение Его Величества принять представителей всех земств Империи. В.Ф.Джунковский, который тогда состоял товарищем министра внутренних дел и шефом жандармов, помог убедить министра внутренних дел Н.А.Маклакова¹⁵⁹ не чинить нам препятствий. Гладко это прошло по министерству Двора, где не сомневались по существу, а лишь затруднялись найти подходящую форму торжества. Особенную

трудность представляла выработка самой речи, которая на этот раз должна была затронуть и некоторые вопросы общественно-политического характера. Основная мысль была уже определена на киевском съезде. Она заключалась в том, что необходимо и возможно согласовать, на почве взаимного доверия, государственные и земские задачи на местах так, чтобы было достигнуто гармоничное взаимодействие. А возможно это потому, что в отличие от дореволюционного земства нынешнее стоит на почве закона и в решительной оппозиции к революционным течениям. Вечерне выработанную речь я дал прокорректировать малому составу председателей управ и заручился согласием самой влиятельной головки, куда входили петербургский Яковлев, киевский Суковкин, полтавский Лизогуб, казанский Мельников и таврический Харченко.

Церемониал приема земских делегатов и представления к Высочайшим пожалованиям был разработан в земском отделе министерства внутренних дел Михаилом Константиновичем Якимовым; в Министерстве Двора нам особенно помог камергер Евреинов.

В первых числах января 1914 года, после принятия проекта речи большинством прибывших на Московское предварительное совещание председателей управ, мы все двинулись в Петербург. Там нужно было перед всей делегацией выступить и получить одобрение текста речи. Многолюдное собрание состоялось в большой зале Петербургской Думы. Представители Петербургского земства, среди которых было довольно много левонастроенных, присутствовали почти в полном составе.

Я прочел свою речь не до слова, а ограничился реферативным ее изложением. Когда мой доклад с кафедры был закончен, с одной стороны раздались аплодисменты, а с другой выражение неудовольствия. Несколько человек попросили слово и подряд начали резко критиковать речь. Они настаивали на необходимости предъявления Государю целого ряда требований политического характера, в особенности по вопросу расширения прав земств. Особенно памятно мне выступление почтенного генерал-адъютанта, бывшего Московского генерал-губернатора Петра Павловича Дурново¹⁶⁰. Он под влиянием левых земцев убеждал воспользоваться этим случаем, чтобы Государю поставить ультимативное требование, восстановить те права земств, которые были дарованы Императором Александром II и отняты его сыном, Александром III. Оппозиционерам ответил блестящей речью председатель Полтавской губернской земской управы Федор Андреевич Лизогуб. Свое слово он закончил призывом полностью принять разработанную председателями губернских управ речь. Раздался гром аплодисментов, я счел, что этим выражается согласие на принятие речи, спустился с пьедестала и вскоре уехал домой. Вечером того же дня министр внутренних дел затребовал от меня текст речи для составления ответного слова Государя. Накануне торжественного дня, с вечера мы узнали по «Правительственному вестнику», кто из делегатов удостоился высочайшей награды. Мой отец, который был гласным первого призыва и участвовал в делегации Московского земства как старейший земский деятель,

получил звезду ордена св. Александра Невского. Я в «Правительственном вестнике» упомянут не был, что всех несколько смутило.

В громадном зале дворца делегаты земства были построены покоем по губерниям в алфавитном порядке. Награжденные явились уже с вновь пожалованными лентами и орденами. В приеме участвовали также члены Государственного Совета по избранию земства, земские гласные, входившие в состав Государственной Думы, а также все министры — в общей сложности не меньше пятисот, а возможно и до шестисот человек.

В середине зала на треножнике стояло блюдо с хлебом-солью. Вокруг него встала депутация в составе Яковлева, Лизогуба и меня. После нескольких минут ожидания, из соседней комнаты, малахитовой гостиной, вышли камер-фурьеры¹⁶¹ с цветными перьями на шляпах, затем обер-гофмейстер со стягом, лица Свиты и вслед за ними Государь, окруженный Великими князьями и генералитетом. Когда Государь, быстро к нам подойдя, выжидательно остановился, я начал свою речь. Все волнение сразу прекратилось. После короткого вступления о создании волею Царя-освободителя земских учреждений было обрисовано значение работы земства в деле хозяйственного и культурного развития страны. Работы, которой земство за пятьдесят лет заслужило себе доверие населения и смогло стать важной и неотъемлемой частью государственного организма, источником, из которого черпаются полезные культурные силы. С правительством бывали разногласия, преимущественно в методах проведения тех или иных мер, но отнюдь не в общем понимании задач и основных целей. Закончил я призывом к сотрудничеству земства с правительством на началах взаимного доверия и доброжелательства. Речь свою я, конечно, знал наизусть; произнося ее, я мог следить за выражением лица Государя. Видимо, он был доволен.

По окончании моей речи Государь принял хлеб-соль, произнес своим красивым звонким голосом слова благодарности и прочитал по записке политическую часть своего ответа, подготовленную Министерством внутренних дел. Он сказал, что верит в согласованное взаимодействие земства с правительством на благо родины. Затем мы разошлись по своим «губерниям», и Государь стал обходить делегатов. В группе Московской губернии стояли мой отец, А.Д.Самарин, Грузинов, Г.Г.Карпов и я. Государь сперва подошел к отцу и, подав ему руку, очень одобрительно отозвался о речи, произнесенной его сыном. Мне он тоже выразил свое удовлетворение.

После обхода я был вызван для демонстрации Царю нашего подарка наследнику-цесаревичу. Подарок был вот какой: на столешнице размером 6 на 2 аршина был натянута холст, на котором в красках были нарисованы луга, поля, речка и дороги. На этой площади были расставлены вырезанные из дерева дома, церковь, мосты, заборы, скот, а также человеческие фигуры в таком порядке, что получились деревня и отдельные хутора. Подарок был спроектирован художником Николаем Дмитриевичем Бартрамом¹⁶² и исполнен десятью лучшими резчиками по дереву. Государь, внимательно выслушав мой краткий доклад, выразил

желание, чтобы мы лично поднесли его Наследнику в Царском Селе, так как он по нездоровью не мог присутствовать на приеме. Государь удалился во внутренние покои, а нам был предложен в залах дворца великолепный завтрак. Тост за здоровье Государя, который по желанию князя В.М. Волконского, товарища председателя Государственной Думы, произнес я, был поддержан громовым «ура» и пением «Боже, Царя храни». За завтраком министр внутренних дел мне сообщил, что Государь благоволил принять наше приглашение на земский раут в залах Дворянского собрания. С радостным чувством мы разъехались по домам.

Вечером мы с женой были в театре. Возвращаясь домой, мы в подъезде встретились с курьером министерства Двора, который передал мне пакет. В нем оказалось сообщение, что Государь пожаловал меня в камергеры Высочайшего Двора. Радостью своей я поделился с отцом, а на другое утро за кофе на моем приборе уже лежал подарок от него: серебряный позолоченный камергерский ключ на Андреевской розетке.

Газеты не могли воздержаться, чтобы влить ложку дегтя в бочку с медом. Всякие колкости были отпущены и по моему адресу. Чтобы дискредитировать меня в глазах земской России, не писали, что речь на приеме была произнесена председателем Московской земской управы, а камер-юнкером Шлиппе. Зато правая пресса торжествовала, что наступило время солидарного взаимодействия земства с правительством. В Петербургском обществе мой курс поднялся невероятно. Мне пришлось делать визиты во многие великосветские дома, где меня встречали как какого-то героя-победителя, что меня очень смущало.

Подготовительные работы по приему Государя на земский раут успешно продвигались. В частности, было решено вызвать представителей земств из крестьянской курии¹⁶³, по несколько от каждой губернии, в том числе и Московской. За день до раута я получил телеграмму, что среди крестьянских делегатов имеется один политически неблагонадежный. Я доложил об этом Джунковскому, который особого значения этой телеграмме не придал. Я же, на всякий случай, решил поставить во время приема рядом с ним надежных людей. Согласно церемониалу, все земцы в алфавитном порядке были построены в Большом зале, Государь обошел все губернии и в каждой группе вел беседу, уделяя особое внимание представителям крестьянства. Обязанность представлять Государю делегатов лежала на мне. Обход продолжался около двух часов. Крестьяне по преимуществу явились в своих национальных костюмах, что Царю очень понравилось. Он сказал, что не любит нивелирующего всех «партикулярного» платья. Мой «неблагонадежный» удостоился довольно продолжительной беседы. Умелыми ответами он, по видимому, заинтересовал Государя, который ему в заключение Высочайше повелел передать в родном уезде царский привет. Результат этой беседы был тот, что «неблагонадежный» по возвращении домой созвал старшин уезда и на большой сходке торжественно заявил, что Царь ему лично наказал передать всем милостивое приветствие. Впоследствии я получил большую фотографию этой сходки,

Съезд землеустроительных комиссий для выработки Наказа по применению Положения о землеустройстве. С.-Петербург, май 1911 г.

Сидят (слева направо в 1-м ряду). А.Ф.Бир, А.А.Кофод, Ф.В.Шлиппе, П.Ф.Дурасов, В.Ф.Сафонов, А.А.Риттих, А.В.Кривошеин, Г.П.Гнедич, К.И.Шашковский, Б.Ф.Копылов, П.А.Голубниченко, М.Мунтян, Н.Н.Авчинников, К.Г.Доппельмайер

с надписью большими золотыми буквами: как, когда и при каких обстоятельствах он исполнил Высочайшее повеление.

По окончании длительного представления, которое Государь, впрочем, закончил с той же любезностью, как и начал, мы предложили Высокому гостю покурить и выпить стакан вина в приемных покоях Дворянского собрания. В гостиной Его окружили, кроме лиц Свиты и министров, около 20 земцев. Государь сел, вынул из кармана золотой портсигар и вежливо спросил: «Надеюсь, здесь курить можно?» В приемные комнаты нужно было идти довольно длинной портретной галереей. Сопровождая Государя, я воспользовался удобным моментом, чтобы поблагодарить за производство в камергеры. На это мне Государь дословно ответил: «Я приказал не печатать в «Правительственном вестнике» о Вашем назначении, так как намеревался Вас лично поздравить с этим назначением после Вашей речи, но я был так взволнован, что об этом забыл, что мне очень досадно».

По возвращении в большой зал наш Высокий гость был встречен Преображенским маршем. В ложе Ему поднесли серебряную чарку водки, и старейший земец провозгласил тост за державного вождя земли русской. Когда замолкло

«ура», Государь четким звонким голосом сказал, что он всегда относился с особым вниманием и признательностью к плодотворной деятельности земства, радуется впервые быть гостем всероссийского земства и желает ему успеха. Последовало пение «Боже, Царя храни», затем короткий концерт, а дальше закуска и вино. Государь, очевидно, хорошо себя чувствовал в нашей среде, ибо много с нами разговаривал и довольно поздно покинул собрание. Мы проводили Его до автомобиля, а потом еще долго продолжали нашу беседу за шампанским. Тогда еще не было сепаратизма, представители Украины и Белоруссии братались со своими столичными и подмосковными товарищами. Все были одинаково горды принадлежать к великому, нераздельному, единому русскому государству и быть верноподданными своего монарха.

Через несколько дней мы получили приглашение явиться в Царское Село для поднесения Наследнику подарка. Я вызвал в Петербург художника Бартрама и всех кустарей, изготавливавших этот подарок. Купил им новые поддевки и испросил разрешение министерства Двора привезти их с собой. Кустарям были пожалованы медали и серебряные часы с государственным орлом и длинной цепочкой.

Государь вошел вместе с наследником. Приступив к демонстрации подарка, я свою камергерскую шляпу с плюмажем положил на нарисованное поле. Государь беседовал с моими товарищами. Вдруг слышу смех и слова: «Шлиппе, а я в первый раз вижу, чтобы камергерская шляпа лежала на вспаханном поле». Я ответил, что это, конечно, редкий случай и вызван исключительной торжественностью переживаемого момента, но все же поторопился взять шляпу, как полагается, в руки. Наследник в ходе нашей довольно продолжительной беседы не соглашался с одним моим объяснением и настаивал, что такая-то фигура при лошадях не ветеринар, как я говорил, а просто кучер. Государь, беседуя с другими, в то же время следил за сыном, предупредил меня: «Вы, Шлиппе, его не убедите, он, как видно, твердо верит в правильность своего мнения».

Представлением в Царском Селе петербургские торжества закончились. Продолжение последовало через некоторое время в Москве. В большом зале Дворянского собрания состоялось торжественное заседание губернского и уездных земств в присутствии старейших земцев, свидетелей его зарождения. Среди них я вижу только своего отца, которому тогда был 81 год, и генерала Александра Александровича Пушкина, сына поэта, гласного по Бронницкому уезду. Молебен отслужил преосвященный Анастасий, епископ Московский, который в эмиграции стал главою Русской православной церкви¹⁶⁴. Читались доклады, но все это было довольно скучно и не празднично. Историю земства за 50 лет его существования по Московской губернии было поручено написать способному молодому ученому Николаю Николаевичу Авинову. Но события второй половины 1914 года сложились так неудачно, что начатая работа осталась незаконченной. Летом 1943 года, почти тридцать лет спустя, я в Берлине узнал от Марии Юрьевны Авиновой, урожденной Новосильцовой, что работа была фактически закончена, но выйти в свет не могла, поскольку ее автор уже много лет томится в ссылке.

Прошло месяца два или три, я после утомительных торжеств стал опять втягиваться в свою обыденную работу. Неожиданно получаю вызов по телефону из Петербурга, у телефона оказался министр внутренних дел Маклаков. Он попросил меня срочно выехать к нему в Петербург, а, узнав, что у меня как раз предстоит экстренное земское собрание, сказал, что он на следующей неделе будет проезжать через Москву и просит меня выехать на вокзал для свидания. Из разговора я почувствовал, что дело идет о каком-то служебном предложении. До его приезда я успел побывать в Таширове и посоветоваться с отцом. Взвесив все возможности, я порешил никаких предложений не принимать. Не хотелось идти по министерству внутренних дел, влезать в политику, тем более, что лучше своей службы во главе Московского губернского земства я себе ничего представить не мог: ни по существу работы, ни по относительной свободе и независимости, ни, наконец, по близости с Быкасовым. А если бы все же пришлось вернуться на государственную службу, то я предпочел бы пойти по своей специальности, т.е. в Министерство земледелия.

В назначенный день я выехал на вокзал, где на перроне собрались в ожидании министра все московские власти во главе с губернатором и градоначальником, а также жандармский генералитет. Министр по приезде поздоровался с прибывшими его встретить, взял меня под руку и, не обращая больше внимания на других, прошел со мной до царских комнат. Там, пригласив в отдельный кабинет, он мне предложил принять должность товарища министра внутренних дел по земскому отделу и местному хозяйству. Довольно долго длились его уговоры, но я, в любезной, разумеется, форме, но определенно отклонил его предложение, мотивируя это тем, что считаю себя обязанным еще несколько лет поработать на земской ниве, прежде чем возвращаться к государственной службе. Маклаков выразил большое сожаление, намекнул, что его выбор будет очень одобрен Государем, но все же он меня не переубедил.

ГЛАВА IX

Война

В июле 1914 года в Сараеве произошло убийство австрийского эрцгерцога¹⁶⁵. Последствия всем известны. Над Европой уже давно собиралась гроза; сараевское покушение явилось толчком для разряда все возраставшего напряжения. Мы в России, может быть, менее всего чувствовали это сгущение атмосферы. Наша пресса мало нас осведомляла о международных отношениях. Домашнего дела было достаточно. После успешного преодоления революции в 1905 году все внимание было сосредоточено на осуществлении ряда крупнейших реформ.

После ряда тревожных дней объявление войны со стороны Германии всех потрясло. Отношение к войне общественности и прессы было неодинаковое. Оппозиционные газеты зашумели против, а правые, наоборот, подстегали восторг и воодушевление. Чтобы объяснить народу, ради чего он должен будет проливать

свою кровь, выдумывались самые разнообразные причины и доводы. Запели давно забытую песню о Дарданеллах и Кресте на «Айе Софии»¹⁶⁶, о необходимости поддержать братьев-славян, о немецком засилии и крайне невыгодном торговом договоре с Германией, который Россия вынужденно заключила после поражения в японской войне 1904-05 гг., и срок которого близился к концу¹⁶⁷. В нашей земской среде тоже, конечно, выявились разногласия. Грузинов, бывший военный, и Выборни, чех по происхождению, разделяли воинственные настроения, а я был подавлен и не мог отделаться от тревожных предчувствий. В частности, было ясно, что война с Германией для русских подданных с немецкими именами ничего хорошего не сулит.

Но нужно было действовать, ибо война ставила перед земством большие задачи. Еще до объявления войны мы в частном совещании губернской управы и приглашенных председателей уездных управ проговорили вопросы о возможных задачах и обязанностях земства. Все сошлись во мнении, что неофициально теплившееся общеземское объединение во главе с князем Львовым не должно продолжать работу по оказанию помощи раненым и больным воинам, ибо ни сам князь, ни члены правления не состояли больше представителями по избранию земства, а некоторые даже перестали быть гласными. Было намечено создать новую организацию, опирающуюся на законно избранных земских деятелей, под названием «Всероссийский земский союз». Еще до объявления войны мы с А.Д.Самариным съездили в Петербург и доложили министру внутренних дел о нашем замысле. Министр изъявил свое полное согласие на учреждение «Всероссийского земского союза». В день объявления войны я телеграфно сообщил всем пятидесяти земским управам о наших намерениях и принципиальном согласии министерства, и попросил тем же путем сообщить о согласии вступить в Союз и указать, какую бы они ассигновали сумму. Большинство ответило быстро и в положительном смысле. Некоторым управам пришлось повторить запрос с указанием числа присоединившихся земств. В течение недели вся без исключения земская Россия выразила согласие объединиться в Земский союз. На 30-е июля был назначен съезд для основания Союза и утверждения его устава.

За несколько дней до съезда в управе появился князь Львов, который до того никогда меня не навещал. Со свойственной ему вкрадчивостью стал меня убеждать, что общеземское объединение располагает довольно крупными средствами, которые ему должна казна за якобы недополученные больничные койко-дни в японскую кампанию, что члены объединения обладают ценным опытом прошлой войны и пр. В силу этого он считал целесообразным, чтобы он, как представитель объединения, равноправно с другими принял бы участие в предстоящем съезде. Вслед за ним появились член Госдумы В.А.Маклаков и целый ряд земских деятелей, игравших видную роль в годы до и во время первой революции. Все они также настаивали на своем участии в съезде как представители земского объединения. Отрицательное отношение нашей управы к этим требованиям поколебалось, решение вопроса пришлось предоставить самому съезду. В день его открытия князь

Львов и некоторые его сотрудники по объединению явились и стали в кулуарах обрабатывать председателей управ в пользу своего предложения.

К моменту, когда пришлось открыть заседание, настроение уже было таково, что хотя и не значительным большинством, но все же решено было допустить князя Львова как полноправного члена съезда. Председателем съезда был традиционно избран председатель Московской губернской управы. Князь Львов занял место справа от меня. Участников было всего около девяноста членов. После моей вступительной речи Львов быстро попросил слово и в самых верноподданных выражениях предложил начать нашу работу посылкой приветственной телеграммы возлюбленному Монарху. Такая телеграмма и у нас уже была подготовлена, и я сам имел в виду внести это предложение, а Львов сумел, как говорится, вырвать его у меня. Предложенный им текст оказался ярче нашего и был принят.

Между тем, в нашей среде происходили безуспешные обсуждения кандидатуры на пост главноуполномоченного Всероссийского земского союза. Одна часть выдвигала графа Федора Алексеевича Уварова, другая — меня. Я отклонил предложение, полагая, что во главе всероссийского учреждения, которому во время войны с Германией предстояло, вероятно, сыграть немаловажную роль, лицо с немецкой фамилией не у места. Уваров по другим соображениям не соглашался, но все же было решено его ввести. Но когда после быстрого согласования всех остальных вопросов был сделан перерыв для частного обмена мнениями по поводу кандидатуры, Уваров почему-то окончательно закобенился и отказался. Тогда стали настаивать, чтобы я хотя бы временно принял пост главноуполномоченного, а я, по все тем же причинам, не решался. Пришлось решить вопрос подачей записок. По запискам кн. Львов получил на один голос больше меня. Но я себя самого не писал, а Львов написал, иначе у нас было бы поровну, и пришлось бы решать по жребию. Львов оказался избран. После этого он предложил избрать меня своим товарищем, и это предложение было принято при открытом голосовании единогласно¹⁶⁸.

Вслед за сим, была отослана телеграмма на Высочайшее имя следующего содержания:

«Объединившиеся сегодня ради святого дела помощи больным и раненым воинам представители земств России, повергают к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА воодушевляющие их чувства безграничной любви и преданности. Верьте, ГОСУДАРЬ, что в тяжелую годину войны земские люди сумеют исполнить лежащий на них долг. Твердо верят земские люди, что Россия под державным водительством ВАШИМ выйдет из ниспосланного ей испытания победительницей с обновленными силами на поприще славы и мирного труда.

Председатель съезда уполномоченных от губернских земств, председатель Московской губернской земской управы Федор Шлиппе,
Главноуполномоченный князь Евгений Львов.»

В ответ на эту телеграмму в тот же день, 30 июля 1914 года, воспоследовал на имя председателя съезда ответ:

«ИСКРЕННО БЛАГОДАРЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗЕМСТВ ЗА ВЫРАЖЕННЫЕ ЧУВСТВА ЛЮБВИ И ПРЕДАННОСТИ. НЕ СОМНЕВАЮСЬ В УСПЕШНОСТИ ЗЕМСКОЙ РАБОТЫ В ДЕЛЕ ОБЛЕГЧЕНИЯ УЧАСТИ РАНЕННЫХ ВОИНОВ.

НИКОЛАЙ.»

Съезду еще предшествовало экстренное губернское земское заседание, на котором управе было дано полномочие вступить во Всероссийский земский союз, и ассигнованы деньги. За день до собрания я застал у себя дома визитную карточку Сергея Тимофеевича Морозова¹⁶⁹, московского мецената и почетного покровителя земского кустарного музея. Он, не заставши меня дома, просил сообщить, когда он мог бы меня срочно повидать. Созвонившись по телефону, я сам пошел к нему на Садовую. Он попросил меня просмотреть и одобрить написанное им на мое имя письмо, в котором он предлагает вложить в земскую кассу 500 тысяч рублей для помощи раненым и больным воинам. Скромность, с которой этот богач преподнес свой крупнейший дар, тронула меня до слез. Чтобы преждевременно, до собрания, сведения о его пожертвовании не проникли в печать, я даже членам управы ничего не сказал, а лишь добился их согласия предложить губернскому собранию ассигновать полмиллиона вместо двухсот тысяч, которые мы до этого имели в виду испросить. На губернском собрании, после утверждения проекта устава Земского союза и планов наших действий, я огласил письмо Морозова. Охваченное восторгом собрание поднялось с мест и стоя постановило выразить Сергею Тимофеевичу глубочайшую благодарность земства. Воодушевление гласных перенеслось и на публику, аплодисментам не было конца. Понятно, что после этого наше предложение ассигновать 500 тысяч прошло совершенно гладко.

До вступления князя Львова в исполнение обязанностей главноуполномоченного Всероссийского земского союза мне пришлось продолжать организационную и текущую работу. Одно из сделанных мною в ту пору распоряжений хотелось бы особо упомянуть. Необходимо было в срочном порядке собрать кадры санитарного персонала и устроить курсы для их обучения. Памятуя удачный опыт с санитарями-менонитами во время японской кампании, я телеграфировал тому же старейшему представителю менонитов Герману Абрамовичу Бергману, который теперь был членом Государственной думы, и затребовал, сколько возможно добровольцев-санитаров. Мне было ясно, что прерогатива, предоставленная менонитам Екатериной Великой из уважения к их религиозным верованиям, т.е. освобождение от воинской повинности, во время нынешней войны с Германией будет нарушена. Привлечение же менонитов на санитарную службу освобождало их от призыва под ружье. Как мне впоследствии стало известно, моя телеграмма в сотнях копий была развешена в сборных избах колоний. Менонитская молодежь с большим воодушевлением откликнулась на мой призыв и тысячами записывалась

в ряды санитаров. Мои соратники по японской кампании приняли деятельное участие в организации соответственных кадров. За время войны мне, к сожалению, мало приходилось с ними непосредственно соприкасаться, но я слышал неоднократно от земцев, что менонитские санитарные команды были выше всякой похвалы. За мою инициативу в этом деле мне неоднократно высказывали благодарность как военные и земцы, так и сами менониты. (После революции менониты тысячами эмигрировали из России; специально созданный центр занимался их переселением и устройством на новых местах, преимущественно в Канаде. Во главе этой организации стоял профессор Венямин Генрихович Унру, который впоследствии был председателем менонитского объединения в Германии.)¹⁷⁰

После утверждения князя Львова и нахождения квартиры для бюро на Покровке, Всероссийский земский союз начал свою деятельность. Львов пригласил к себе в ближайших сотрудников Николая Николаевича Хмелева, Дмитрия Митрофановича Щепкина, Леонтьева, Георгия Александровича Алексева, Василия Васильевича Вырубова и других. Ими вскоре был издан первый бюллетень Союза, в котором в явном противоречии с действительными фактами говорилось, что ВЭС вырос из Общеземского объединения, под прежним председательством и лишь с переменной наименования. Когда я заявил свой протест и потребовал обратиться к протоколам собраний, по принадлежности, переданные Львову, то оказалось, что их нельзя было найти. Может быть, это мое краткое описание останется единственным источником, дающим верное представление о предыстории Всероссийского земского союза. Очевидцы в большинстве уже умерли, а документы уничтожены. Неправдивость того бюллетеня и замечание следов были причиной первого моего недоразумения с Г.Е.Львовым.

На первом совместном заседании ВЭС было решено исходатайствовать от правительства десять миллионов рублей, что примерно соответствовало той сумме, которая была собрана и ассигнована самими земствами. Князь Львов с этим постановлением уехал в Петербург, а по возвращении объявил мне, что он передумал и испросил не 10 миллионов, а 100 миллионов рублей, что ему и было обещано. Практической необходимости так разворачиваться в то время не было, работа Союза таких денег еще никак не оправдывала. У меня возникло подозрение, что Львов старается искусственно раздуть свой престиж. Так или иначе, самовольство главноуполномоченного и в этом, и в ряде других случаях вызывало мой протест и давало основание к новым недоразумениям.

Вскоре мне пришлось приняться за новую и очень нелегкую задачу. Министерству земледелия было Высочайше поручено снабжение армии в контакте с интендантским ведомством. Вся скупка продовольственных и кормовых продуктов была возложена на Министерство, которое, в свою очередь, привлекало к сотрудничеству местные земства. На председателя Московской губернской земской управы легла обязанность обеспечивать снабжение всей Западной армии из тех, примерно десяти губерний, которые входили в пределы Московского военного округа. Об этой работе еще будет сказано ниже.

По старой традиции, русские цари войну объявляли из Москвы. На поле брани, правда, уже шли бои, в Восточной Пруссии наши войска продвигались вперед. Но обычай должно было соблюсти. Государь прибыл в Москву в начале августа. Состоялся большой прием в Георгиевском зале Кремлевского дворца. Присутствовали представители войск, администрация, дворянство, земство, городское самоуправление, купечество, мещанство и крестьянство. Были произнесены четыре приветственные речи. Самарин говорил от дворянства, В.Д.Брянский, исполнявший должность Городского головы от города Москвы, кто-то от имени купечества и я — от земства. Государь ответил всем сразу общей краткой речью. Чувствовалось, что беззаботное радостное настроение, которое всех наполняло при праздновании трехсотлетия царствующего дома, сменилось озабоченностью. Молодежь воодушевленно шла на войну, старшее же поколение было полно тревоги за своих близких и за судьбу родины.

Несколько дней Государь пробыл в Москве. В соборах Кремля Царь молился о ниспослании победы. Это было всенародное моление, во время которого вся громадная толпа народа, запрудившая площади Кремля, коленопреклоненно приобщалась в молитве к своему Царю. Посетил Государь, между прочим, и дом князей Гагариных на Смоленском бульваре, в манеже которого был устроен первый, еще скромный склад земского союза. Мы с князем Львовым показывали Государю, что было нами собрано, главным образом, в виде пожертвований богатой и торовавшей Москвы: первоклассный холст от Третьякова, мадаполам и ситец от Морозова, большое количество отличных полушубков от меховщика Михайлова и т.д. Осматривая эти запасы, Государь сказал: «Хорошо, что вы уже запасаетесь полушубками. Война, надеюсь, кончится до зимы, но может затянуться и после Рождества». Как просто это ему тогда представлялось!

В прекрасном Гагаринском особняке, выстроенном в Александровском стиле, одном из немногих барских домов, уцелевших во время Московского пожара в 1812 году, был сервирован чай. Мне запомнились два разговора с лицами, сопровождавшими Государя. Флигель-адъютант князь Долгоруков¹⁷¹, впоследствии разделивший участь Царской семьи в Екатеринбурге, спросил меня: «Почему у вас в Москве общественная жизнь так кипит, почему нет земского центра в Петербурге?» На это я ответил, что в Петербурге общественное движение не могло бы свободно развернуться, его неминуемо придавил бы более сильный правительственный центр, а из Москвы голос общественности всегда звучит громче, а потому он и действеннее. Второй разговор, с министром внутренних дел, был менее приятен. Он отвел меня в сторонку и сказал: «Федор Владимирович, что вы наделали, пустили козла в огород! Если бы я мог только подозревать, что Львов проскочит в главноуполномоченные, я бы никогда не разрешил организацию Всероссийского земского союза. Я твердо рассчитывал на Вас и Самарина». Я вкратце объяснил, как все вышло, но это его не утешило, и он продолжал высказывать серьезные опасения.

Вслед за Земским союзом был организован для выполнения аналогичных задач Всероссийский городской союз. Впоследствии оба союза объединились в так называемый Земгор¹⁷², специально в целях снабжения армии снарядами и боевыми припасами.

Первые наши успехи на фронте сменились тяжелыми поражениями у Мазурских озер¹⁷³. Телеграммы предупреждали о прибытии многих тысяч раненых. Бараки для госпиталей строились, но еще не были готовы. На одном из заседаний, на котором обсуждался этот вопрос, я предложил свой быкасовский дом под лазарет. Это хорошо было принято, и я пустил призыв по всей губернии. Как по мановению волшебного жезла, растворились сотни барских усадеб и роскошных дворцов. Последовало спешное снабжение этих импровизированных лазаретов койками, матрацами, бельем и перевязочным материалом. К моменту прибытия раненых были приготовлены тысячи коек со всем медицинским, сестринским и санитарным персоналом. Наш быкасовский небольшой лазарет на 35 коек был открыт первым. Хозяйство вела моя жена при помощи деловой и работающей нашей няни Саши в качестве хозяйки-поварихи.

Сестрой милосердия стала работать моя сестра Маргарита, медицинской частью заведовал мой старый друг еще с японской войны, хирург Яков Ильич Некрасов, который в Нара-Фоминском был фабричным и земским врачом. Открылись также лазареты в Таширове, Любанове и Головинках, где под общим покровительством моей матери практически все члены нашей семьи ухаживали за ранеными и больными воинами.

По Высочайшему повелению, над всем красно-крестным делом был поставлен и облечен чрезвычайными полномочиями принц Александр Петрович Ольденбургский¹⁷⁴. Ему уже было далеко за семьдесят лет, но он сохранял изумительную энергию и подвижность. Теории он не любил, ко всему подходил практически и быстро не развязывал, а просто разрубал узлы, правда, не всегда удачно. Адъютантом у него был граф Сюзор, мой давнишний приятель еще по Министерству земледелия. В Москву принц часто наезжал, и с ним приходилось объезжать госпитали. Он частенько находил недостатки там, где другие их не замечали. Заведующим городскими госпиталями был член нашей управы Владимир Федорович Малинин, хороший работник, который за бодрый вид и ласковый взор особенно полюбился принцу, а потому он его таскал, бедного, и по всем нашим лазаретам.

В Москве и в пределах Московского военного округа Великая княгиня Елизавета Федоровна с благословения ее сестры, Императрицы, взяла на себя покровительство над всеми красно-крестными учреждениями. Она проявляла много собственной инициативы, создала целый ряд дополнительных учреждений, как то: фармацевтическую фабрику, мастерские для изготовления протезов, рентгеновские аппараты на автомобилях для обслуживания провинциальных лазаретов, рукодельные курсы для искалеченных и т.п. Ближайшим ее сотрудником был А.Д.Самарин, назначенный главноуполномоченным Российского общества Красного Креста для всего внутреннего района Империи, за исключением

театра военных действий. Помогали ей также Николай Иванович Гучков, бывший Московский городской голова, Николай Карлович фон Мекк, управляющий Казанской железной дорогой¹⁷⁵, и я. На заседаниях присутствовали митрополит и епископы.

Был еще образован центральный эвакуационный комитет, который распоряжался, по соглашению со всеми по принадлежности ведомствами и общественными организациями, перевозкой раненых и движением поездов. Комитет собирался ежедневно от пяти до шести часов вечера в Круглом зале депутатского собрания дома Московского дворянства. Там сходились все телеграммы с фронта о количестве высылаемых в тыл раненых и сведения о наличии свободных мест в тыловых лазаретах. Коль скоро санитарные поезда выходили из военной зоны, они поступали в распоряжение комитета. Он был организован по инициативе нашего земства и оправдал свое назначение. Подобно тому, как меня во время японской кампании привлек к красно-крестной деятельности князь Петр Николаевич Трубецкой, так я теперь, двадцать лет спустя втянул в эту работу его сына Владимира. Помню, что именно Владимир Петрович Трубецкой с большим рвением налаживал этот центральный комитет.

Все перечисленные организации и лица, как колеса большой машины, слаженно взаимодействовали, несмотря на неизбежные дефекты и расхождения во взглядах. Раненые обеспечивались первоклассной медицинской помощью и всеми доступными удобствами; благоприятные условия были созданы и для выздоравливающих. Можно только сожалеть, что военнопленные находились в ведении не наших организаций, а только военного ведомства: с ними обращение и уход оставляли желать лучшего¹⁷⁶.

В октябре 1914 открылся Турецкий фронт. Земсоюз поручил мне поехать на Кавказ, чтобы там поставить на ноги красно-крестную работу. Земства на Кавказе не было, и нужно было консолидировать местные общественные силы для сотрудничества с правительством и Красным Крестом. Я поехал с одобрения принца Ольденбургского. Как представитель дворянства, ко мне присоединился граф Павел Сергеевич Шереметев. Вслед за нами выехал от Союза городов Михаил Васильевич Челноков, избранный, но еще не утвержденный в должности Московского градоначальника. Ехали мы с Шереметевым в двух малых купе первого класса, двери между ними были открыты. Я ехал налегке, а у него было много чемоданов с книгами, которые в два ряда лежали в сетке. Поздно вечером, когда мы подъезжали к Тифлису, я опустил вниз свой чемодан в середину между двумя отделениями и, нагнувшись над ним, стал разбираться в своих вещах. Внезапно сильнейший толчок отбросил меня назад на сидение, потух свет, раздался треск и шум. Не иначе, как произошло крушение. Когда мы очухались, зажгли спички и осмотрелись, то оказалось, что тяжеленные сундуки Шереметева грудой лежали на том именно месте, где я, нагнувшись, только что согбенно стоял. Если бы крушение произошло полуминутой раньше, я был бы убит. Бог меня спас.

Владимир Карлович и Ольга Альбертовна Шлиппе. Таширово. 1916 г.

В Тифлисе нам были отведены в первоклассной гостинице два хороших соседних номера. На следующий день нас радушно принял наместник, он же главнокомандующий Кавказским фронтом, граф Воронцов-Дашков, и познакомил нас со своей супругой, очень волевой и темпераментной дамой. За три года со времени моего свидания с графом в Петербурге он значительно постарел и осунулся и как-то беспомощно сидел в большом мягком кресле посреди обширной комнаты. Перед ним стоял ломберный стол, на котором ему разворачивали штабные карты местностей, где происходили боевые действия. К обеду он тоже со своего кресла не подымался, и ему, как больному, приносили кушанье на тот же ломберный стол. В беседе он был очень любезен и проявлял полную осведомленность по всем интересовавшим нас вопросам. Он дал нам указание, с кем из его сотрудников нужно войти в сношение. Одним из них был управляющий финансовой частью Джунковский, брат нашего Владимира Федоровича. Началась серия совещаний с представителями ведомств и местными общественными деятелями. Присутствовали губернский предводитель дворянства князь Абхази, Тифлисский городской голова Алексей Иванович Хатисов и многие другие, в том числе, конечно, и успевший подъехать Челноков. Некоторый мой опыт, которого я набрался в Японскую войну и за трехмесячную интенсивную работу по организации дела в Москве, позволил мне дать несколько полезных советов, которые

были с благодарностью приняты. В короткое время общими усилиями был налажен весь красно-крестный аппарат. Уже вскоре он пригодился, когда пошли бои около Саракомыша¹⁷⁷ и стали поступать раненые.

Ежедневно мы с Шереметевым приглашались графиней к обеду, а временем до обеда пользовались для краткого доклада наместнику о ходе работ. Крепло впечатление, что командование большим ответственным фронтом в руках дряхлого, уже неподвижного старца вещь совершенно невозможная. Телеграммы подавались ему по предварительной цензуре графини, особенно тревожные откладывались, срочными ночными депешами его не беспокоили. Зато весьма благоприятное впечатление произвело на меня дружное единение в общей работе общественных и национальных групп, чего я, собственно, не ожидал. Спаяла ли их общая опасность перед внешним врагом и военное воодушевление, или в этом сказалось влияние многолетней мудрой политики наместника, всегда стремившегося к внутреннему умиротворению, я сказать не могу.

Шереметева, Челнокова и меня чрезвычайно гостеприимно приветствовали местные общественные деятели. Помню вкуснейший и прекрасный по настроению ужин у князя Абхази в грузинском обществе, где мы имели удовольствие познакомиться с его женой и целым букетом обворожительно красивых дам. Завершилось наше пребывание в Тифлисе грандиозным банкетом в честь представителей Московского дворянства, земства и города Москвы. Из местных присутствовали представители, пожалуй, всех национальностей. Тулумбашем был Хатисов, который и сам прекрасно говорил, и подзадоривал других ораторов. Наши ответные речи встречались аплодисментами, пением гимна и национальных песен. Присутствовал, между прочим, князь Геловани, член Государственной Думы от левых трудовиков. Он выступил с речью более чем умеренной, что нас удивило. Оказалось, что Геловани у себя дома, где он был владетельным князем какой-то горской народности, исповедовал державные взгляды, от своего княжеского достоинства не отказывался и уступок демократического характера не делал. Нам рассказывали, что когда он возвращался на родину, то население его маленького княжества торжественно его встречало на границе и на руках вносило в горы.

На другой день мы с Челноковым выехали в Москву, куда нам выслали газеты на целом ряде кавказских наречий с описанием чествования московских представителей. Когда мы прибыли в Москву, нас окружили корреспонденты тесным кольцом и не допускали до нас родных, приехавших нас встретить. Помню, как Челноков крикнул корреспондентам: «Я Московский голова или нет?!» Раздался вполголоса ответ: «Еще нет». Хромой Челноков, медленно спускаясь со своим костылем по ступенькам вагона, довольно громко и крепко выругался, чем вызвал всеобщий хохот газетной братии.

По мере наших неудач на фронте все усиливалась антинемецкая пропаганда, и в населении росло враждебное чувство ко всем, кто носил немецкие фамилии. Высочайшим повелением было дано разрешение менять иностранные имена и фамилии на русские или добавлять русские окончания или вторые имена. Мы

этим разрешением не воспользовались, но о добавлении к нашей фамилии «Верейский» или «Ташировский» был разговор. На одном из экстренных земских собраний, которое, в виде исключения, происходило в здании управы, председатель нашей Верейской земской управы Павел Алексеевич Тучков поднял вопрос о насильственном отобрании земельных имуществ у лиц немецкого происхождения. Всем было понятно, что удар направлен на меня, и Тучков хотел рассчитаться за давнюю обиду, т.е. за то, что в свое время был выбран не он, а я. Самарин очень тактично отвел обсуждение этого предложения в особую комиссию, которая, однако, никогда не собиралась.

Перед Рождеством Государь после посещения Кавказского фронта опять приехал в Москву, где на Александровском вокзале встретился с прибывшими из Петербурга Императрицей, Наследником и Великими князьями. Встреча в царских комнатах вокзала состоялась в обычном порядке. Направо от входа стояло дворянство во главе с губернским предводителем, напротив него — городской голова и граждане города Москвы. Продолжением дворянской группы было, как всегда, земство. Ряды тянулись от входных до выходных дверей, оставляя проход шириной около пяти шагов для следования Высочайших особ и свиты. Традиционно А.Д. Самарин поднес Царице и царевнам букеты, а городской голова приветствовал хлебом-солью. Было решено никаких приветственных речей не произносить. Я стоял во главе земской группы рядом с придворными чинами, и так как сам был в придворном мундире, то и не выделялся и мог среди остальных остаться незамеченным. Но Государь, проходя под руку с Императрицей около нас, остановился, повернулся и вместе с Государыней подошел ко мне. Я выступил на шаг вперед. Государь приветливо со мной поздоровался и, выждав, пока я поочередно подходил к ручке Императрицы и Великих княжон, повел разговор о Кавказе. Помню, что он начал с того, что наместник ему докладывал о произведенной там мною работе, а закончил словами: «Если бы Вы теперь туда поехали, то, наверное, вынесли бы гораздо более благоприятное впечатление». Разговор длился сравнительно долго, и Самарин потом высказывал мне свое неудовольствие, что я, мол, задержал Государя длинной речью, хотя было сговорено таковых не произносить. Но Государю, несомненно, хотелось при всех показать мне свое расположение, что меня, конечно, глубоко тронуло. Газеты отмечали, что Государь, в знак признания успешной деятельности земства оказал его представителю чрезвычайно милостивое внимание.

В тот тревожный военный период, резкие колебания общественной фаворы и опалы, успехов и неудач сильно стали действовать на нервы, и без того потрепанные непосильной работой.

Трудно налаживалось дело регулярного снабжения Западного фронта. Одно время моим сотрудником и заместителем был Василий Васильевич Вырубов, способный и ловкий, совсем еще молодой земский деятель Орловской губернии. Но он скоро ушел на фронт, и дело перенял Выборни, в сотрудничестве с одним деловитым человеком, которого я, несмотря на его политическое прошлое, просил

губернатора на мою личную ответственность утвердить, так как мне он очень понравился. Он и в самом деле проявил себя как блестящий работник, и я не уверен, что не будь его, мы бы так преуспели в этом трудном деле. Имени я его не запомнил, но речь о нем еще будет впереди. В управе были установлены ночные дежурства для приема телеграмм и телефонных сообщений. В моей квартире пришлось установить дополнительный телефон на ночном столе в спальне, и редкая ночь проходила без вызовов. Работа была нервная, неприятная, тем более, что методы нашей общественной работы часто расходились с методами военных властей.

Как пример приведу следующий, весьма характерный случай. В Петербурге возглавлял все это дело Георгий Вячеславович Глинка, председатель Переселенческого управления Министерства земледелия, которого я хорошо знал, и с которым всегда легко было договариваться. Под влиянием ли интендантства или Министерства финансов, Глинка утвердил по губерниям Московского военного округа неодинаковые цены за продовольственные и кормовые продукты. В Московской губернии цены были несколько выше, чем в соседних Рязанской, Тульской и др. Оттуда, из пограничных полос, крестьяне, естественно, стали перевозить зерно и фураж в Московскую губернию и продавать их в Сергиевом посаде, а несколько копеек дороже. Пришлось на эту тему беседовать с командующим войсками генералом Мрозовским¹⁷⁸ и с губернатором. Взгляды разошлись. Генерал настаивал на запрете перевозки продуктов за пределы губерний, я же считал, что такая мера расстроит хозяйственное равновесие, поскольку оно основано на товарообмене, особенно на границе полей с более степной местностью. Губернатор, как будто, больше признавал мою точку зрения, но, в общем, отнесся к вопросу без должного интереса. Я запросил Глинку, не найдет ли он возможным урегулировать цены по крайней мере в пределах Московского военного округа. Пока шла переписка, генерал Мрозовский, ни с кем не советуясь, запретил вывоз продуктов в соседние губернии. Вскоре поступили тревожные телеграммы о беспорядках в Сергиевом посаде, куда из полей привезли сани, оглобли, бочки, колеса и тому подобный товар, в надежде его продать на базаре и, в свою очередь, запастись от степных крестьян хлебом, овсом, сеном и т.п. Полиция, следуя велению командующего войсками, не допустила рязанских крестьян. В результате шумных пререканий и мордобития продавцы должны были вернуться «несолоно хлебавши». Разумеется, такие инциденты следовало избегать, особенно в военное время. Последовало заседание при участии губернатора и меня у Мрозовского. Мнения опять диаметрально разошлись, а губернатор, к моему изумлению, взял сторону генерала. Составленный мною журнал этого совещания с изложением и моего особого мнения не был одобрен и остался неподписанным. Пришлось поехать в Петербург, кстати, тогда уже переименованный в Петроград¹⁷⁹. Мы с губернатором даже собирались ехать вместе, но я задержался, а он отправился днем раньше. Мы сговорились встретиться в Шереметевском дворце на Фонтанке, где Муравьев хотел остановиться.

По приезде в Петроград я утром прямо с вокзала поехал туда. Меня очень удивило услышать от лакея, что граф Муравьев жалеет, но принять меня не может, так как торопится к приему у министра (внутренних дел). Тогда я проехал к министру земледелия Кривошеину и рассказал ему и Глинке все дело. Оба согласились с моей точкой зрения и обещали срочно пересмотреть цены и уравнять их в пределах округа. Справившись с рядом других дел, я вторично подался на Фонтанку, зная, что Муравьев, как и я, в этот вечер собирался ехать домой. Он опять не пожелал меня принять, т.е. велел сообщить, что его нет дома, но я почувствовал ложь. Зная расположение комнат (Муравьев остановился в тех самых покоях, которые всегда занимал мой отец, когда еще был губернатором), я вошел без доклада к нему. Граф был очень озадачен и повел разговор, стоя и в неприязном между нами раздраженном тоне: «Я говорил о вас с министром внутренних дел, рассказал, что вы осложняете работу военного ведомства, и считаю, что вам другого выхода не остается, как немедленно подать в отставку». Меня это резануло до боли, тем более, что он подпустил намек на мою нерусскую фамилию. В полном сознании своей правоты я в резкой форме ему заявил, что и не подумаю подавать в отставку, что вопрос о моем уходе решается не им, а земским собранием. После чего, уже в более спокойном тоне добавил, что докладывал об этом деле министру земледелия, и он полностью разделяет мою точку зрения. Теперь, в свою очередь, сильно встревожился граф, который, судя по всему, дал делу совершенно другую окраску, с тем, чтобы по возможности от меня избавиться. Я решил остаться, и на другой день, снова зайдя к Кривошеину, описал ему сцену с Муравьевым. Кривошеин взъелся, сейчас же связался по телефону с министром внутренних дел (тогда им был уже князь Николай Борисович Щербатов¹⁸⁰), рассказал ему все и добавил, что считает мои доводы правильными и меня отпустить не может. Я вернулся домой, с губернатором больше не стал встречаться, кроме как случайно на каких-нибудь заседаниях. Через некоторое время были получены новые расценки, и все опять наладилось. Но сознание, что мои прежние доброжелатели постепенно переходят в лагерь моих недругов, меня все больше тревожило.

Дела на фронте шли неважно. По мере наших неудач, среди населения росло чувство озлобления к внешнему врагу и ко всему немецкому на родине. Этому содействовала фанатическая пропаганда прессы. Дополнительный толчок дали правительственные распоряжения, направленные против немцев-колонистов. В то время, как их сыновья на фронтах бок о бок с русскими солдатами проливали свою кровь, родителей заподозрили в измене и на этом основании решили отнимать у них землю и имущество¹⁸¹. Тут уже удержку не стало, и толпы народа в больших городах, преимущественно в Москве, дав волю своей ненависти, совершили ряд диких погромов немецких магазинов и домов. Власти отнеслись преступно халатно к грубым расправам толпы. Про Московского генерал-губернатора князя Ф.Ф.Юсупова, который объезжал московские пожарища, стоя в автомобиле с грозяще поднятой рукой, поэт Мятлев задал ехидный вопрос:

Что означал красивый жест:

«Валите, братцы, так и надо!» —

Или высказывал протест?

Разгромлены и сожжены были, между прочим, особняки-дворцы владельцев компании Вогау и К^о на Воронцовом поле, которые как раз незадолго до этого отпраздновали столетний юбилей своего торгового дома в России¹⁸². В молодости я часто там бывал, и поэтому мог судить о ценности уничтоженного имущества.

Стали ходить вздорные небылицы про Императрицу Александру Федоровну¹⁸³. Про какое-то ее действие Милюков имел дерзость сказать с кафедры Госдумы, что это «или глупость, или измена». Не пощадили злые языки также всеми любимую и уважаемую Великую Княгиню Елизавету Федоровну. Я был свидетелем, как на одном заседании в ее же обители и под ее председательством один представитель города в крайне непочтительной форме высказал Елизавете Федоровне свое недоверие. Дело касалось наследства умершего богача Коншина, оставившего в пользу учреждений Великой княгини крупную сумму денег. Меня так возмутили слова этого господина, что я ему тут же дал основательную отповедь.

Был и такой эпизод. Кто-то выпустил дешевую брошюру для широкого распространения под заглавием «Когда и почему Россия воевала с Германией». Там говорилось, что первая война с Германией имела место при Иоанне Грозном, а виновником этой войны был некто ШЛИППЕ, которого Царь призвал в Россию для обучения русских людей наукам и искусствам. Шлиппе, по повелению царя, поехал обратно в Германию, откуда сам был родом, и оттуда вывез свыше ста человек мастеровых, ученых и художников. Когда он переезжал с ними через Ливонию, то ливонские немцы запротестовали и всех их арестовали. Иван Грозный сперва погрозил, а когда это не помогло, пошел на ливонцев войной. По Карамзину такое событие действительно имело место, но только звали того немецкого ученого не Шлиппе, а Шлитте. А в той книжонке наша фамилия, в расчете на особое внимание, даже была выделена жирным шрифтом. Правда, выяснилось, что это возымело обратный эффект. Люди, очевидно, решили, что семья, которая со времен Ивана Грозного живет в России и верою и правдою служит ее Царям, может почитаться коренной русской семьей, на которую гонения распространяться не должны.

Тем не менее, лично со мной в начале мая 1915 года произошла крайне при- скорбная история. Один бывший волостной старшина Верейского уезда и гласный уездного земского собрания за что-то возымел зуб против меня, несмотря на то, что я ему, как хорошему хозяину, неоднократно оказывал содействие. Несколько раз, когда он появлялся в земской управе, мне его поведение показывалось каким-то подозрительным. Но мне и в голову не приходило, что он против меня затевает покушение. Как-то утром, проходя через вестибюль управы, я его увидел стоящим внизу в швейцарской. У меня было заседание, из которого меня вызвали срочно к губернатору. Я передал председательство Грузинову и прошел

к лестничной площадке. Туда тем временем взобрался и стоял в засаде этот самый тип и, когда я около него проходил, ударил меня каким-то предметом по виску, а сам устремился вниз по лестнице. Курьеры подскочили, с большим трудом его задержали. Через полчаса, когда я немного опомнился, и мне была сделана перевязка, я проехал к губернатору, куда привели и арестованного. За покушения на должностное лицо во время исполнения служебных обязанностей полагалось по российским законам серьезное наказание, которое еще усугублялось по условиям военного времени. Он был заключен до судебного разбирательства в тюрьму.

Были еще выступления против меня на одном из экстренных земских собраний. Я сам им даже не придавал особого значения, но мой двоюродный брат Саша Шлиппе, прочитав в поезде газетную заметку об этом заседании, прямо с вокзала приехал ко мне на Спиридоновку, возмущенный и расстроенный. Мне запал в память этот его приезд; после него мы с Сашей больше не встречались. Он страшно тяжело переживал всю эту травлю, в особенности, после разгрома особняка его тестя Вогау. От меня Саша поехал в имение Вогау «Неклюдово» под Москвой и там через несколько дней во цвете лет скоропостижно скончался.

Сразу после его похорон, даже не заезжая с кладбища домой, я должен был уехать в Петербург на съезд председателей губернских управ, которые ведали закупкой продовольствия для армии. Заседание открылось, в присутствии представителей всех ведомств, под председательством министра земледелия Кривошеина. В дальнейшем ходе съезда, в отсутствие министра председательствование было возложено на меня. Это было сложно и очень утомительно. В Петербурге пребывал и мой отец. Мы сговорились вместе вернуться домой. Хотя в последние два дня у меня сильно болела голова, я выдержал до конца. Благодаря тому, что день был воскресный, мы не должны были задерживаться в Москве и проследовали сразу в Быкасово. К обеду головные боли настолько усилились, что я ушел из-за стола, лег и потерял сознание. Очнулся я только через две недели.

Болезнь оказалась серьезной, это было воспаление мозговых оболочек, вызванное ранением от нанесенного мне удара. На помощь жене, которая была в ожидании, приехала за мной ухаживать моя сестра Маргарита. Из Москвы были выписаны врачи, в том числе известный специалист по этой части, профессор Минор. Так как сознание не возвращалось, решено было произвести трепанацию черепа. Наш местный врач Яков Ильич Некрасов запротестовал, взял меня на свою ответственность и действительно меня выходил. Московские газеты выпускали бюллетени о состоянии моего здоровья. Когда я позже мог прочитать, как мало подавалось надежды на мое выздоровление и как часто меня хоронили, мне задним числом становилось жутко. Но хуже всего было то, что я лишился памяти. Я не знал, как зовут жену и детей, не находил слов для самых обыденных вещей. Страшно было осознать, что я утратил всякую трудоспособность, что я вырван из работы и общественной жизни. Утешением мне служило мое милое Быкасово. Понемногу я стал двигаться, ходить по полям и лугам, любоваться природой и теплыми летними днями. Но ни память, ни речь не возвращались. Пришлось взять

официально отпуск по болезни. Это меня немножко успокоило, так как я до этого все рвался в Москву, в управу. Мои товарищи по службе приезжали в Быкасово, но их до меня не допускали. К концу июля я все еще был полным инвалидом, и тогда, последовав совету отца, поехал в Петроград к тибетскому доктору Бадмаеву. Петр Александрович Бадмаев¹⁸⁴ был прославленный врач-волшебник. Бурят по происхождению, с раскосыми глазами и бородой щеткой, он в первый момент производил жутковатое впечатление. Но еще недолго с ним поговорив, я невольно почувствовал себя покоренным, был готов ему довериться. Он не был гипнотизером и вовсе не желал подчинить себе волю своих пациентов, но вызывал к себе исключительное доверие и готовность следовать его советам. О Бадмаеве ходило много слухов как о первостепенном шарлатане, особенно критически отзывались о нем врачи. Естественно, и Некрасов, спасший меня от смерти, не хотел меня отдавать ему в руки, и он поехал со мной в Петроград. Явились мы вместе с ним на прием к Бадмаеву. Он осмотрел меня через очень сильное увеличительное стекло, сейчас же верно определил болезнь и предложил поместиться на месяц в его санаторию под Петроградом. Осмотрел он и Некрасова и определил, что у него камни в печени. Когда Некрасов это подтвердил и сказал, что он часто и сильно от этого страдает, Бадмаев предложил и ему залечь в санаторию на несколько недель, обещая ему своими тибетскими средствами перевести эти камни в аморфное состояние и раз навсегда освободить его от болей. Настрадавшийся от приступов и удивленный верным диагнозом, Яков Ильич решил разделить мою участь. Через месяц я вернулся домой со свободной речью и значительно восстановленной памятью. Полное восстановление произошло, если вообще, то примерно через год. Совершенно ожил и доктор Некрасов, который до этого уже признавал себя кандидатом на смерть, а теперь даже взял и порвал свое духовное завещание.

Консилиум врачей и совет моих домашних порешили, что мне возвращаться на службу в земство невозможно. После шестимесячного отпуска по болезни я подал в отставку, и 3 ноября 1915-го года Высочайшим приказом был уволен от должности председателя Московской губернской земской управы, с оставлением в придворном звании, и одновременно награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-ой степени. Этим днем закончилась моя короткая, но сравнительно быстрая общественно-государственная карьера.

Зиму мы решили провести в Быкасове, подальше от городского шума. Свою Спиридоновскую квартиру мы сдали нашим родственникам Бергман¹⁸⁵ — Евгению Эмильевичу и Софии Александровне, урожденной Шлиппе.

Но вот, незадолго до Рождества я получил письмо из Москвы от Александра Дмитриевича Самарина, который после полугодовой службы обер-прокурором Святейшего Синода вернулся к своей деятельности главноуполномоченного Красного Креста для внутреннего района Империи, с местожительством в Москве. Он мне писал, что был бы рад, если бы я согласился принять пост товарища главноуполномоченного. Меня это предложение несказанно тронуло. После долгого

Ф.В.Шлиппе. Далевиц. 1930-е гг.

времени, когда вся общественность меня сдала в архив, и я сам утратил веру в свои силы, этот призыв к активной деятельности подействовал на меня оздоравливающе. Я несколько дней носился с этим письмом, все не решался, что ответить, и, наконец, написал ему, что если он удовольствуется работой инвалида, который сможет посвящать службе лишь несколько часов в день, то я счастлив буду опять с ним поработать. Вскоре пришло поздравление по случаю моего назначения. Так милый Александр Дмитриевич, которому я навсегда остаюсь глубоко благодарен, поднял меня на ноги, восстановил мои силы и вернул радость труда.

Кажется, уже к Рождеству состоялось наше переселение в Москву, но так как наша квартира была занята, то мы поселились рядом, в доме Бойцова. На той же лестнице, соединенная внутренним ходом находилась и квартира Бергов. Зажили мы в двух квартирах три семьи.

ГЛАВА X

Возврат к частной жизни. Неожиданные финансовые успехи

Лето 1915-го года не было только летом печали и слез. Оно ознаменовалось и весьма радостным событием. 31-го августа, после одиннадцати лет перерыва, Бог нам послал нашего третьего сына, Алексея¹⁸⁶. Родился он в новом доме

в Быкасове, и ко дню его рождения пышно цвели пионы, пересаженные сюда из старой усадьбы, где они цвели уже при рождении наших старших сыновей в мае 1903 и августе 1904 года.

Быкасовский лазарет, по случаю ожидавшихся семейных событий, в начале весны был переведен в Головинки (имение моего отца). Там для него был отведен господский дом и флигель, так называемая Срединская дача, в которой прежде из года в год жила Средины, родители известного впоследствии художника Александра Валентиновича Средина. Он был нашим другом детства, и мы сохранили с ним дружеские отношения до конца.

Еще незадолго до войны, в начале июля 1914 года, мы почти случайно приобрели соседнее с Быкасовым имение, принадлежавшее прежде Баранцевичу и купленное у него помимо моего ведома, неким Телешко. Это небольшое имение, всего в двести без малого десятин, с трех сторон обхватывалось Быкасовскими границами; приобретение его полностью округлило наши владения. У меня гостил славный молодой священник из Тульской губернии, о. Александр, с которым мы много гуляли и философствовали. Однажды на стыке наших земель мы встретились с Телешко и с ним разговорились. Он предложил мне купить у него имение и назвал цену. Я в принципе был готов, но не соглашался с испрошенной ценой. После короткого торга туда и сюда мой друг священник вмешался в наш разговор и сказал: «Обычно такие сделки происходят при участии маклеров, а в данном случае присутствует служитель церкви, происходит беседа на грани Ваших владений перед лицом золотеющей ржи. Вы уступите, а Вы прибавьте, и я вас благословлю». Договориться мы все же не смогли, и мы с отцом Александром вернулись домой. За обедом я рассказал о предложении Телешко и встретил сильное сопротивление со стороны жены и тещи. Тогда я решил выяснить этот вопрос путем баллотировки всех без исключения членов семьи. Сыновья мои Боря и Петя присоединились, конечно, к отцу, и мы оказались в большинстве одним голосом. Только что закончили нашу баллотировку, как явился сам Телешко. Он пришел, чтобы изъявить свое согласие на предложенную мною цену. Тут же сделка получила благословение отца Александра, была закреплена бутылкою вина и небольшим задатком. На следующий день у нотариуса в Москве совершена была купчая крепость. Купил я эту землю на имя жены, на деньги, полученные мною при продаже Ферзикова как гонорар со стороны владельцев.

Эта покупка дала нам возможность иначе спланировать все наше быкасовское хозяйство, где уже успела встать на верный путь культура семенных трав. Мы превозмогли первые неизбежные трудности, выработали технику производства в более широком масштабе. Теперь решили распространить семенное дело на всю площадь быкасовских полей, а зерновую культуру перенести на вновь купленную землю, которую мы назвали «Сосновкой», в виду большого количества самосадочных сосновых насаждений на запущенных полях. Начали мы с того, что выбрали несколько сот хороших пяти-шестилетних сосенок и посадили аллею от дома по направлению к станции железной дороги. К подготовке сосновских полей

мы приступили в 1915 году, я часто туда плелся, совершая свои ежедневные прогулки, и радовался успехам. К сожалению, все эти планы остались неосуществленными, ибо через три года мы должны были покинуть Быкасово навсегда...

Живя в своем имении на правах выздоравливающего, я не только помышлял о видоизменении и расширении хозяйства, о новых постройках, но обдумывал также весь мой служебный путь. Временами мне казалось, что я выберу лучшую долю, если совсем отрекусь от общественной деятельности и полностью сосредоточу свои силы и внимание на собственном, хотя и небольшом хозяйстве. Уже первый призыв Самарина, о котором выше сказано, вырвал меня из деревенского уединения, а дальше на меня пошел такой спрос, что и думать нечего было о каком-либо отречении.

Кажется, я уже упоминал, что старый граф Сергей Дмитриевич Шереметев неоднократно советовался со мной по тем или иным вопросам его необъятных и разнообразных хозяйств. Но это были лишь случайные консультации, за которые мне и в голову не приходило испрашивать какое-либо вознаграждение. Когда же граф обратился ко мне с просьбой вообще разобраться в его делах и сам мне предложил произвести эту работу на деловых началах, я посвятил более продолжительное время изучению его дел и состояния. Проделав это исследование, я составил проект организации лесных, сельскохозяйственных и домовых владений, в результате которой могли быть обеспечены их взаимосвязь и взаимодействие, при наличии одной центральной кассы. Дело в том, что до сих пор главноуправляющие лесными и земледельческими имениями действовали совершенно отдельно, не согласовывая свои денежные потребности и транзакции. В то время, когда, например, лесные имения имели большие денежные залежи, управляющие степных хозяйств, за неимением оборотных средств, занимали деньги под высокие проценты или вынуждены были продавать свои урожай еще до уборки, а потому по предельно низким ценам. Предложение ввести центральную кассу и учредить, для общего надзора, управленческий совет под председательством самого графа, встретило положительный отклик. Единоличное управление самого графа получало при такой организации некоторое ограничение, но зато он при посредстве центральной кассы становился полным хозяином над распределением средств. При подсчете оказалось, что уберегались десятки тысяч, и, кроме того, положение вечно безденежья сменилось полным обеспечением наличных средств. В состав правления, кроме графа Сергея Дмитриевича, входили его сын Борис Сергеевич¹⁸⁷, главноуправляющий лесными имениями Александр Юльевич С., главноуправляющий степными имениями и управляющий домовыми владениями. Я был назначен членом совета по назначению, как графу угодно было назвать мой пост, с окладом содержания 18 тысяч рублей в год, т.е. вдвое больше того, что я получал в губернском земстве. Работа была, конечно, ответственная, но сводилась к участию в заседаниях совета еженедельно по одному разу, в проверке отчетностей и в контроле правильности организационных планов хозяйств. В общей сложности было 38 имений в разных полосах: в Балтийском крае,

Московском районе, на тульских черноземах, в степях Поволжья и до Южного Кавказа включительно, с большим разнообразием хозяйственных, почвенных и климатических условий. Наиболее крупное имение было Баланда в Саратовской губернии в 40 тыс. десятин, затем несколько имений по десятку тысяч десятин, как Пebaлг и Серебряные пруды. Всего, что-то около 160 тысяч десятин.

Личные мои доклады у старого графа имели место по утрам часов в восемь. Граф по привычке рано вставал и за кофеом читал корреспонденцию и диктовал ответные письма своей секретарше, которая с раннего часу должна была быть наготове. Сергей Дмитриевич вел чуть ли не каждый день дневник, в который заносил наиболее важные события и свое о них личное мнение. Тут же помещались и интересные письма, газетные вырезки. Я часто заставал графа за диктовкой дневника. Отдельным периодам он давал особые названия. Так, например, период после отречения Государя он назвал «междоусарствие», очевидно веря, что это быстро преходящее явление. Беседы с графом были очень привлекательны. Я старался не выходить за рамки моего хозяйственного доклада, но обычно после окончания всех деловых вопросов граф сам переходил на общие политические вопросы.

Мой главный интерес был направлен на проверку организационных планов хозяйств, их приспособление к местным условиям или, если того требовали обстоятельства, выработку новых. К реорганизации громадного хозяйства в Баланде, которое стало давать большие убытки, я привлек известного организатора Ивана Николаевича Клингена¹⁸⁸, в свое время управлявшего имением Великого князя Михаила Александровича¹⁸⁹ в Орловской губернии, а затем удельными имениями¹⁹⁰. Я это время вспоминаю с чувством удовлетворения, в особенности — дружеское сотрудничество с молодым графом, Борисом Сергеевичем, с которым мы сходились во взглядах, и который с большим интересом работал. Он прекрасно разбирался в хозяйственных вопросах, но сам никогда ничего осуществить не мог. Как только после принципиального решения нужно было перейти к выполнению, он полностью пасовал. Недавно, в июле 1946 года, я узнал, что прошлой осенью он в Висбадене скоростижно скончался. Мир праху его.

Но Шереметьевскими хозяйствами мне не пришлось ограничиться. Вскоре ко мне обратился граф Мусин-Пушкин¹⁹¹ и просил взять на себя общий надзор за его имениями в несколько десятков тысяч десятин в Ярославской губернии. Однако, и это было еще не все, т.е. я бы удовлетворился, но от просьб не было отбоя. Так, по старой дружбе я уж никак не мог отказать в содействии графу Павлу Николаевичу Игнатьеву, от которого я получил чрезвычайно интересное предложение. Он совершенно неожиданно унаследовал крупнейшее имущество Юрия Степановича Нечаева-Мальцова¹⁹², состоявшее из больших стекольных заводов, текстильной фабрики, ряда торфяных разработок и лесных владений в сто тысяч десятин с лишком. Главные предприятия находились в Гусь-Хрустальном, крупном фабричном поселке, в котором тысячи жителей работали на фабриках и заводах¹⁹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далевиц (Dahlewitz) — тогда еще предместье, ныне часть Берлина. Здесь Ф.В.Шлиппе жил вместе с семьей в собственном доме (1923—1945).

² Шлиппе (в замуж. Галяшкина) Елена Карловна (1837, Плесенское — 1912, Москва), сестра В.К.Шлиппе. Муж, Галяшкин Александр Николаевич (1824, Ксизово, Липецкая губ. — 1880, Висбаден), из купеческой семьи, окончил юридический факультет Московского университета; надворный советник, почетный советник Верейских богоугодных заведений, по награждению орденами св. Станислава (2 ст.) и св. Анны (2 ст.) получил потомственное дворянство (1860).

³ Андре (в замуж. Шлиппе) Ольга Альбертовна (1853, Витковиц — 1927, Дрезден), младшая дочь Альберта Андре, горного инженера, директора ротшильдского горного предприятия в моравском Витковице, и Иоанны Лангер. В 1870 г. вступила в брак с В.К.Шлиппе.

⁴ Шлиппе Владимир Карлович (1834, Москва — 1923, Дрезден), отец Ф.В.Шлиппе, действительный статский советник. Губернатор Екатеринославской (1889—1894), Тульской (1894—1905) губерний. Член Государственного Совета (1905—1917). Владелец сел Таширово, Любанова, Головинок, Верейского уезда Московской губернии.

⁵ Верейя — уездный центр, расположен в 50 км к юго-западу от Москвы. В Верейском уезде Шлиппе владели несколькими именьями.

⁶ До 1926 г. Наро-Фоминск назывался «Нара Фоминское».

⁷ Шлиппе Виктор Карлович (1843—1911), химик, управлял после смерти отца, сначала со старшим братом Владимиром, затем один, химическим заводом Шлиппе в Плесенском. С 1873 г., продолжая руководить производством, стал одним из членов правления «Товарищества химического завода Шлиппе». После кончины матери Агнесы Фёдоровны — владелица имения Плесенское. Супруга (с 1874 г.), Шлиппе (урожд. фон Трота) Гертруда Оттовна (1846, Гензефурт, герцогство Ангальтское — 1923, Дрезден)

⁸ По лютеранскому обычаю детей нарекали именами, как правило, в честь восприемников, которых могло быть несколько.

⁹ Шлиппе Карл Владимирович (1871, Москва — 1938, Семипалатинск), старший брат Ф.В.Шлиппе. Надворный советник, Верейский уездный предводитель дворянства, земский начальник; почетный член Екатеринославского губернского попечительства детских приютов. Владел двумя усадьбами в Любанове близ Наро-Фоминска. Супруга — Шлиппе (урожд. фон Беренс) Мария Эдуардовна (1876—1945), с 1921 г. в эмиграции. К.В. Шлиппе не удалось уехать вместе с семьей; впоследствии сослан в Семипалатинск, в 1938 г. обвинен в шпионаже и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁰ Fräulein (барышня, нем.). В Германии раньше так называли незамужних женщин всех возрастов. В России этим словом собирательно обозначали воспитательниц из немецкоязычных стран, обучавших детей немецкому языку. Чаще употребляемый эквивалент: «бонна-немка».

¹¹ Шлиппе Алиса Владимировна (1881, Таширово — 1928, Дрезден). Не замужем. Впоследствии жила в семье Ф.В.Шлиппе.

¹² «лесосек» — ежегодная вырубка леса с какого-то определенного лесного участка.

¹³ Хемниц (Chemnitz) — город в Саксонии. В 1953—1990 гг. переименован в «Карл-Маркштадт», ныне городу возвращено прежнее название.

¹⁴ Митвейда (Mittweida), небольшой городок в Средней Саксонии (ныне Федеральная земля Саксония)

¹⁵ А.С. Пушкин «На статую играющего в бабки» (1836).

¹⁶ Шлиппе Маргарита Владимировна (1877, Таширово — 1975, Деттинген/Эрмс), «Марга», сестра Ф.В.Шлиппе. Не замужем. Впоследствии жила в семье брата.

¹⁷ Шлиппе Борис Владимирович (1878, Таширово — 1943, Берлин), брат Ф.В.Шлиппе. Учился на сельско-хозяйственном отделении Кенигсбергского университета, кратковременно управлял отцовским имением Таширово. Не женат. Жил в семье брата.

18 Шлиппе Альберт Владимирович (1886, Таширово, 1958, Деттинген), младший брат Ф.В.Шлиппе; с детства глухонемой, обучался у сурдопедагогов Ф.А. и Н.А. Рау (урожд. Гальяскиной). А.В.Шлиппе не был женат, жил в семье Ф.В.Шлиппе.

¹⁹ Шлиппе Александр Карлович (1842, Плесенское — 1909, Москва) — действительный статский советник, камергер, предводитель дворянства Верейского уезда; владелиц имений Вышгород, Крымское, Ефимово, Спасское, Загрязское (все Моск. губ.). Супруга — Шлиппе (урожд. Фальц-Фейн) Елизавета Ивановна (1849, Елизаветфельд, Херсонская губ., — 1910, Петербург).

²⁰ Шлиппе (в замуж. Скадовская) Мария Александровна (1868, Москве — 1917, Херсон). Супруг (1888) — Скадовский Сергей Балтазарович (02.03.1863, Херсон — 15.06.1918, Скадовск), камергер (1902); действительный статский советник (1904); член Государственного Совета (1906—1912). Получил среднее образование в Херсонском реальном училище. Определен на службу почетным членом Херсонского губернского попечительства детских приютов (1886); почетный мировой судья по Днепровскому уезду Таврической губернии (1889—1895); Днепровский уездный предводитель дворянства (с 1895), предводитель дворянства Таврической губернии (с 1897); председатель Уездного, а потом губернского земского собрания.

²¹ Шлиппе (в замуж. Гартье) Ольга Александровна (1869, Москва — 1940, Москва), в 1898 г. вступила в брак с Николаем Федоровичем Гартье.

Шлиппе (в замуж. Бергман) София Александровна (1871—1964). Супруг — Евгений Эмильевич фон Бергман (1857—1919), профессор политической экономии Тюбингенского и Рижского университетов.

Шлиппе (в замуж. Шолле) Елизавета Александровна (1874, Москва — 1943, Москва). Супруг (с 1908) Густав Густавович Шолле (1874—1956), педиатор, профессор.

²² Шлиппе Александр Александрович (1876—1915), окончил Московский университет; с 1900 г. служил в Московской судебной палате, затем в Московском окружном суде. Почетный

мировой судья Москвы и Верейского уезда, гласный Верейского уезда и одно трехлетие Московской городской думы. Член Московского городского присутствия по воинской повинности, Верейского уездного Училищного совета и землеустроительной комиссии по выбору от земства. Владелец имения Вышгород (Московской губ.) Супруга (с 1900 г.) — Шлиппе (урожд. фон Вогау) Ада Гувовна, (после кончины мужа, вскоре уехала в Париж).

Шлиппе Сергей Александрович (1878, Ахтырка (Московской губ.) — 1959, Москва) — до 1917 служил в Московской городской управе, был чиновником Судебной палаты, владелиц имения Крымское (близ Кубинки). После революции заведовал семенным хозяйством на станции Катуар Савеловской ж.-д. С 1922 жил с семьей в своем доме в Москве, а после выселения (1929) в подвальной квартире на Зубовском бульваре. Преподавал немецкий язык в Горном, позднее в Торфяном институте (до 1956 г.). Создал и издал немецко-русский геологический словарь. Супруга (с 1910) — Шлиппе (урожд. Леман) Елизавета Робертовна.

²³ Кирха свв. апостолов Петра и Павла (Старосадский до 1922 г. Космодамианский пер. 7/10). Основана в 1807 г., в 1903—1913 гг. реставрировалась (архитекторы А.В.Вебер, О.И.Шехтель). В 1937 г. церковь закрыли, пастор и члены совета были репрессированы, здание осталось без шпиля и органа, внутри подверглось перепланировке. Ныне — Евангелический Кафедральный собор свв. Петра и Павла, полностью отреставрированный. В начале 1990-х гг. значительную роль в возрождении прихода сыграл приехавший из Гамбурга пастор Гуннар фон Шлиппе, внук Густава Карловича Шлиппе.

Гимназия, где учился Ф.В.Шлиппе, в свое время была образована при церкви свв. Петра и Павла.

²⁴ Петришуле (ныне школа № 222 «Петришуле», Невский пр., 22-24) — одна из старейших школ Петербурга (первое упоминание 1709 г.). Среди выпускников: архитекторы К.Росси и К. Тон, композитор М.Мусоргский, поэт Д.Хармс и др.

Анненшуле (Кирочная ул., 8) — основана в 1736 г. при лютеранской церкви Св. Анны. Среди её учеников: путешественник Н.Н.Миклухо-

Маклай, историк В.В.Струве, юрист А.Ф.Кони. Ныне на её месте находятся две школы, в которых также училось немало выдающихся лиц, в их числе балерина Галина Уланова и поэт Иосиф Бродский.

²⁵ Скадовские происходят из шляхетского рода, причисленного к гербу «Доленга». В России с Екатерининских времен. Две ветви: Херсонская (от Балтазара Балтазаровича) и Таврическая (от Якова Яковлевича, племянника Б.Б.). В 1796 г. приняли русское подданство, присягнув на верность императору Павлу I..

²⁶ Скадовский Александр Сергеевич (Шура) (05.01.1889, Скадовск, 1982, Бухарест), сын С.Б. и М.А.Скадовских. Окончил Политехнический институт в Петербурге. В 1920 г. эмигрировал в Румынию; в 1948 г. получил румынское гражданство.

²⁷ Скадовск (или Джарылгачский порт), город-порт в Херсонской области. Основан в 1894 г. на землях, купленных С.Б.Скадовским на побережье Черного моря, защищенном островом Джарылгач. «Строительство порта и города было частным предприятием Скадовского и оплачивалось из его личных средств». С 1897 г. порт принимал уже иностранные корабли, осуществляя экспорт различных товаров, преимущественно таврической пшеницы. По случаю столетия города был поставлен памятник его основателю, не в последнюю очередь благодаря стараниям живущего в Берлине его внука Б.С. Скадовского, передавшего городу документы, фотоматериалы и собственные исследования, позволившие восстановить реальную картину деятельности деда.

²⁸ «Аскания нова» — бывшая овцеводческая колония герцога Ангальт-Кёттенского (свыше 47 тыс. десятин степной земли, прибл. 110 км к востоку от Херсона), купленная в 1856 г. Фридрихом Фейном. Его внук, Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн создал там зоопарк и дендропарк, получивший международную известность. Ныне — Биосферный заповедник «Аскания Нова» им. Ф.Е.Фальц-Фейна Украинской Академии с/х наук.

²⁹ Еще до Фальц-Фейнов, название «Аскания нова» было дано этим землям герцогом Ангальт-Кёттенским, основавшим там овцеводческую ко-

лонию. Старое название Чапли продолжало еще бытовать среди местного населения.

³⁰ Фальц-Фейн (урожд. Кнауф) Софья Богдановна (1835–1919). После смерти своего первого мужа Эдуарда Ивановича (1839–1883) управляла его именьями, согласно завещанию покойного при поддержке его брата Густава Ивановича Фальц-Фейна (1844–1890), который стал её вторым мужем.. Вторично овдовев, Софья Богдановна продолжила дело и стала «одной из выдающихся женщин своего времени» (географ П.К.Козлов). Ею основаны незамерзающий черноморский порт Хорлы, консервный завод, устричная фабрика, построены в Хорлах на собственные средства больница, школа, церковь, гостинница, телеграф. Купив пароход, она организовала регулярное сообщение между Одессой и Скадовском. В возрасте 80 лет была убита в Хорлах в гражданскую войну.

³¹ Прообразом послужил замок «Miramar», построенный в середине XIX в. для австрийского эрцгерцога Фердинанда Максимилиана близ Триеста, на берегу Адриатического моря.

³² Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн (1863–1920), натуралист. Сын Э.И. и С.Б. Фальц-Фейн. Еще до окончания естественного факультета Дерптского университета приступил к созданию в Чаплях степного заповедника Аскания Нова (зоопарк и дендропарк в ландшафтном стиле). В 1910 г. была организована зоостанция, в 1916-м открылось отделение Петровской с/х академии по овцеводству. Там же был создан музей и научная библиотека. Ф.Э. Фальц-Фейн избирался гласным земских собраний (уездного и губернского), участвовал в работе землеустроительной комиссии. В 1918 г., освобожденный по ходатайству ученых из Бутырской тюрьмы, он выехал в Берлин. Узнав о разгроме и разграблении Аскании Новы, скоропостижно скончался. Ныне оно присвоено биосферному заповеднику Аскания Нова Украинской Академии с/х наук.

³³ Фальц-Фейн Александр Иванович (1859–1908), младший брат Э.И. и Ф.И. Фальц-Фейнов, сын Иоганна Готлиба и Елизаветы Федоровны Фальц (урожд. Фейн,), женат на Софье Степановне Загвалло. Доставшееся ему по наследству имение Черноморье (около 50 км

юго-западнее Херсона) было куплено его де-дом Фридрихом Фейном в 1852 году.

³⁴ В.К.Шлиппе с 1889 г. и до середины 1890-х гг. служил Екатеринославским губернатором.

³⁵ Менониты, одна из сект эпохи Реформации, получившая название от имени своего основателя католического священника Сим. Меннона (1496—1561), отказавшегося от католицизма. Среди догм учения менонитов, сознательное крещение по вере, отказ от любых клятв (в том числе от присяги) и воинской службы. В России с 1789 г., когда по приглашению правительства состоялось переселение 228 семейств. Благодаря их трудолюбию, вкуче с предоставленными им льготами, менониты стали значительным экономическим фактором в стране. Со второй половины XIX в. менониты отбывали обязательную службу, как правило, в особых лесных командах (в качестве лесников, обездчиков и надсмотрщиков). Подчиненные Управлению землеустройства и земледелия, команды занимались разведением леса в ряде губерний, в том числе и Екатеринославской.

³⁶ Тимирязев Климент Аркадьевич (1843—1920), ученый-естествоиспытатель, профессор Петровской сельскохозяйственной академии и Московского университета, член-корреспондент АН. Разделял эволюционное учение Ч. Дарвина. К числу мировых достижений относится открытие энергетической закономерности фотосинтеза. В физиологии растений, наряду с агрохимией, видел основу рационального земледелия. В 1911 г. вместе с другими профессорами покинул университет в знак протеста против нарушения университетской автономии. После 1917 г. участвовал в работе Наркомпроса РСФСР и Соц. академии общественных наук.

³⁷ Павлов Алексей Петрович (1854—1929), геолог и палеонтолог, профессор Московского университета (1886—1929), академик петербургской АН (1916).

³⁸ Боголепов Николай Павлович (1846—1901), профессор римского права, ректор Московского университета (1888—1887, 1891—1893). С 1895 года — попечитель московского учебного округа, с 1898 — министр народного просвещения. Проводил консервативную политику. В 1900 г. по его распоряжению за участие в студенческих

беспорядках свыше 180 студентов Киевского университета были отданы в солдаты, увольнялась оппозиционно настроенная профессура. Погиб от раны, нанесенной ему в феврале 1901 г. студентом П.В.Карповичем, исключенным из Московского университета.

³⁹ Средин Александр Валентинович (1872, Москва, — 1934, Сан-Рафаэль, Франция), художник. По окончании Московского университета, состоял приват-доцентом кафедры геологии. Одновременно занимался в Училище живописи ваяния и зодчества у К.А. Коровина и В.А. Серова. Стажировался в Париже в мастерских Ж.-П. Лоранса и Б. Констана. Основная тема его творчества — интерьеры известных и неизвестных усадеб, дворцов, церквей. После 1917 г. — в Комиссии по охране памятников искусства и старины, с 1918 г. работал в музейном отделе Наркомпроса. Проживал в то время в доме С.А.Шлиппе. «А.В.Средин /.../ кроме комнаты для жилья, имеет право на комнату-мастерскую в квартире № 2 в доме Шлиппе, угол Гагаринского и Старокопюшенного переулков, эти комнаты уплотнению или реквизиции не подлежат» (из документа за подписью Н.И.Троцкой, зав. музейным отделом). В конце 1920-х эмигрировал в Францию

⁴⁰ Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ) образовался в начале 1890-х гг. на основе Петровской земледельческой и лесной академии (1865—1890). В 1920-х гг. МСХИ преобразован в Московский институт растениеводства имени К.А. Тимирязева (МИРТ), в 1930-х гг., в Московскую сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева.

⁴¹ Великий князь Сергей Александрович (1857—1905). С 1891 Московский генерал-губернатор, с 1896 — командующий войсками Московского военного округа. Убит эсером Н.П. Каляевым.

⁴² «В начале 1886 года организовался союз землячества, который среди других своих целей, как-то: саморазвитие, касса, библиотека, выставлял /.../ выработку сознательных революционеров» — из воспоминаний М.В.Новорусского «Записки шлассельбуржца 1887—1905», члена «Народной воли», как и А.И. Ульянов, П.Я.

Шевырев, П. Лукашевич. Все они входили в «Союз землячеств».

⁴³ С 1887 г. доля евреев среди поступивших в учебные заведения вне черты оседлости должна была составлять 5% от числа поступивших христиан, в Петербурге и Москве — 3%. Невзирая на вывод правительственной «комиссии графа К.И.Палена» (1888), что «с государственной точки зрения еврей должен быть полноправен», предложенный проект был «оставлен без последствий». В начале XX в. в городах вне черты оседлости процентная норма была снижена — с 5% до 3%, а столицах даже с 3% до 2%.

⁴⁴ Гончаров Дмитрий Дмитриевич («младший», 1873–1908), сын Д.Д.Гончарова «старшего» и Ольги Карловны, урожденной Шлиппе. Управляющий майором «Полотняный завод» (Калужская губерния); ввёл у себя на фабрике 8-часовой рабочий день, выплату пенсии престарелым. Организовал первую бесплатную библиотеку в губернии, а также театр в Полотняном. Выступал там, а также в частной опере Зимина, вместе с женой певицей Верой Константиновой, ур. Бергман (von Bergmann).

⁴⁵ Савинковы Александр и Борис Викторовичи, активные деятели революционного движения Старший, А.В. Савинков в ссылке в Якутии покончил самоубийством (1904). Б.В. Савинков (1879–1925), социал-демократ; с 1903 г. член партии социалистов-революционеров («эсэр»), организатор и участник ликвидации В.К.Плеве и великого князя Сергея Александровича. В 1917 г., комиссар Временного правительства в войсках Юго-Зап. фронта, управляющий воен. министерством. Комиссар Временного прав-ва при корпусе П.Н.Краснова, организатор подпольного «Союза защиты родины и свободы», поднял восстания в Ярославле, Муроме и Рыбинске. В 1919 г. выехал за границу, возглавлял Колчаковское бюро печати «Унион». Во время советско-польского конфликта 1921 г. сотрудничал с польской разведкой, создал в России подпольную сеть. В 1924 в результате операции ГПУ оказался в России и был арестован. Приговорен к смертной казни, но помилован, получив 10 лет тюрьмы за покаяние и разоблачение на суде. 7 мая 1925 г. покончил жизнь самоубийством.

⁴⁶ VII сессия Международного геологического конгресса, 1897 г.

⁴⁷ Чернышев Феодосий Николаевич (1856–1914), геолог и палеонтолог; академик Петербургской Академии наук (с 1909). Директор Геологического комитета (с 1903)

⁴⁸ Гора на восточном склоне Южного Урала, в Челябинской области (высотой 616 м.), где в 1696 г. было найдено крупное месторождение магнитного железняка, и спустя 25 лет открыт первый железоделательный завод на Урале, Невьянский.

⁴⁹ Литогенез (лат. litogenesis) — совокупность природных процессов образования и последующих изменений осадочных горных пород. Иоханнес Вальтер (Walther, 1860–1937), немецкий геолог, профессор университета в Йене и Галле; почётный член АН СССР (1930). Именно он ввёл в науку понятие о литогенезе (1893–1894).

⁵⁰ «Alpenglühen» (с немец. «пылание Альп»), атмосферный эффект оранжево-красного сияния горных вершин на восходе или закате.

⁵¹ Батумский ботанический сад (поселок Зелёный Мыс), основан в 1912 г. русским ботаником и географом Андреем Николаевичем Красновым (1862–1914). При закладке сада воспроизведены модели уникальных природных ландшафтов Северной и Южной Америки, Австралии, Новой Зеландии, Индии, Дальнего Востока и Японии.

⁵² Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал-майор, войсковой атаман; писатель и публицист. С 1920 г. в эмиграции (Париж, Берлин). В 1942 г. предложил германскому командованию помощь в создании казачьих подразделений в составе вермахта, возглавил в марте 1944 г. главное управление казачьих войск. В начале мая 1945 г. сдался англичанам в Австрии. Был выдан советскому командованию; 6 января 1946 г., по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен в Лефортовской тюрьме МГБ СССР.

⁵³ Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948), агрохимик, биохимик и физиолог растений. С 1895 г. завкафедрой, ректор Сельскохозяйственного института (1916–1917). Работал в Госплане СССР и Комитете по химизации народного хозяйства (1920-е). Член АН СССР,

академик ВАСХНИЛ. Действительный и почетный член многих зарубежных академий и научных обществ.

⁵⁴ Вильямс Василий Робертович (1863—1939), профессор и заведующий кафедрой общего земледелия и почвоведения Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, ее директор с 1907, ректор в 1922—1925. Основатель кафедры «Основы земледелия и растениеводства» Института механизации и электрификации сельского хозяйства. Академик АН СССР (1931), ВАСХНИЛ (1935). Лауреат Сталинской премии (1931).

⁵⁵ При назначении на гражданскую службу выпускники университета дворянского происхождения по закону имели ряд льгот «старшинства» при производстве и повышении чина, убыстрявших их карьерный рост до высоких чинов от 8 класса и выше в «Табели о рангах»

⁵⁶ Дояренко Алексей Григорьевич (1874—1958), ученый, педагог, зачинатель агрофизики в России. Научно-исследовательскую работу начинал у Д.Н. Прянишникова, был редактором «Вестника сельского хозяйства». Ассистент В.Р. Вильямса на кафедре и одновременно помощник заведующего опытным полем на территории фермы сельскохозяйственной академии (1911). В 1914—1929 заведующий кафедрой общего земледелия, профессор.

⁵⁷ Крымов Владимир Пименович (1878—1968), журналист, писатель; путешественник. С 1910 г. сотрудничал с А.С. Сувориным как коммерческий директор; издавал журнал «Столица и усадьба» (1914—1917). В апреле 1917 г., переведя все свои капиталы за границу и совершив кругосветное путешествие (длившееся более двух лет), обосновался в Берлине, издавал газету «Голос России», усиленно публиковался. В 1933 г. с приходом фашизма в Германии переехал в Париж. Его романы пользовались успехом у читателей. Критики, признавая литературную умелость и «некоторый сатирический дар» Крымова, отмечали «отсутствие чувства меры и вкуса» (Г.П. Струве).

⁵⁸ Ермолов Александр Сергеевич (1847—1917), действительный тайный советник, статсекретарь, с 1905 г. член Государственного совета; автор ряда научных трудов. С 1893 г. возглавлял Министерство государственный имуществ

(после его преобразования в 1894 г. — Министерство земледелия и государственных имуществ). *Подробнее см.* «Российский Архив», вып. VI, С. 495—508.

⁵⁹ Беренс, фон, Мария Эдуардовна (1876, Моксва, — 1945, Тетчен-Боденбах (ныне чешский город Дечин)) — дочь Э.А. фон Беренса и Эммы Ивановны, урожд. Рабенек. Рабенек — компаньоны торгово-промышленного концерна «Voгау&Ко».

⁶⁰ Шванебах, фон, (в замуж. Шлиппе) Елизавета Петровна (1875, С.-Петербург — 1958, Деттинген/Эрмс), дочь П.Х. и М.А. фон Шванебах. С 1901 г., супруга Ф.В. Шлиппе.

⁶¹ Любаново Верейского уезда, Московской губернии, недалеко от Нара-Фоминска. Две усадьбы — «Старый» и «Новый» дома. Последний, построенный К.В. Шлиппе, сохранился. В начале 1920-х гг. в нем отдыхал Ф.Э. Дзержинский. До недавних пор (2005) служил школой; весной 2007 г. выставлен на продажу.

⁶² Шванебах, фон, Петр Христианович (1848, С.-Петербург — 1908, С.-Петербург), товарищ министра земледелия (1903—1905), главноуправляющий земледелием и землеустройством (1905), Государственный контролер (1906), член Государственного Совета. Автор работ по политическому и государственному устройству России. Супруга — Шванебах, фон, (урожд. фон Беренс) Мария Андреевна (1854—1945).

⁶³ Екатерина Михайловна (1827—1894), вел. кн, дочь вел. кн. Михаила Павловича и вел. кн. Елены Павловны, супруга Георга Августа, герцога Мекленбург-Стерлицкого. С 1847 г. действительный член, с 1870 г. председательница Совета Петербургского женского патриотического общества; состояла покровительницей учреждений Ведомства вел. кн. Елены Павловны.

⁶⁴ Рошер Вильгельм Георг Фридрих (1817—1894), немецкий ученый, профессор политэкономии Лейпцигского университета. Один из основоположников современной исторической политэкономии. Его труд «Система народного хозяйства» («System der Volkswirtschaft», 1-й том 1854) много раз переиздавался. С Рошером полемизировал Карл Маркс.

⁶⁵ Витте Сергей Юлиевич (1849—1915), граф (1905); директор Департамента железнодорожных дел, затем министр путей сообщения

(1889—1892); министр финансов (1892—1903); председатель Комитета министров (1903—1905), Совета министров (1905—1906). Для преодоления финансовых проблем была введена винная монополия (1894); осуществлена денежная реформа (1897), было введено золотое обращение и установлен свободный обмен кредитного рубля на золото. Реформа затрагивала, прежде всего, интересы аграриев, экспортеров зерна, что вызывало значительную критику и опасения государственного банкротства вследствие оседания золота у населения и за границей. Предварительные меры правительства и понижение золотого содержания рубля на 1/3 (кредитный рубль приравнивался к 66 2/3 коп. золотом) не вызвали существенного изменения товарных цен. Россия же сравнивалась в финансовом отношении с развитыми европейскими странами, в большинстве которых господствовала система золотого монометаллизма, что в свою очередь, способствовало притоку в страну иностранных капиталов и позволило выйти из финансового тупика.

⁶⁶ Георгий Георгиевич (1859—1909), герцог Мекленбург-Стрелицкий. Выпускник двух немецких университетов, ген.-майор Русской армии, командир лейб-гвардии Драгунского полка, кавалер ордена Св. Апостола Андрея Первозванного. Организатор струнного квартета. В его морганатическом браке с Н.Ф. Ваняльской родились три дочери и сын Георгий. До революции семья жила в СПб на Фонтанке, 46. Во время Гражданской войны все потомки эмигрировали. Михаил Георгиевич (1863—1934), герцог Мекленбург-Стрелицкий. По окончании университета в Германии, на военной службе; генерал-лейтенант, участвовал в Первой мировой войне, кавалер ордена св. Георгия IV степени. После Февральской революции уволен со службы; эмигрировал в Скандинавию. Елена Георгиевна (1852?—1936), в замужестве принцесса Саксен-Альтенбургская.

⁶⁷ Возможно, Еленинский повивальный институт или Еленинский клинический институт усовершенствования врачей, строительство которого началось 1871 по почину вел. кн. Елены Павловны (1806—1873), вдовы вел. кн. Михаила Павловича. Идея создания клинического института в России, на полвека опередила европейский

медицинский опыт. Возведение на Преображенском плацу больничного комплекса (1871) было осуществлено на треть из личных средств Елены Павловны. Открытый уже после её кончины институт до сих пор носит её имя.

⁶⁸ Шереметев Сергей Дмитриевич (1844, Петербург—1918, Москва), граф, член Государственного Совета; историк, писатель, коллекционер, почётный член Петербургской Академии наук (1890). Владелец более 200 тыс. десятин земли и имений в 11 губерниях России. Московский губернский предводитель дворянства (1885—1890). Инициатор создания (1877) и руководитель Общества любителей древней письменности. В.К.Шлиппе был дружен с графом.

⁶⁹ Александр Карлович и Елизавета Ивановна Шлиппе.

⁷⁰ Шлиппе (в замуж. Михалевская) Елизавета Карловна (1901, Любаново — 1995, Бремен), старшая дочь К.В.и М.Э.Шлиппе. В 1921 г., вместе с матерью эмигрировала в Германию. В 1926 г. вступила в брак с инженером Петром Николаевичем Михалевским. Автор воспоминаний «Детство, отрочество и бегство из России» (1946).

⁷¹ Вероятно, Макс Хуго (Max Hugo) Voгау (1849—1923), сын Филиппа Максимилиана (после принятия русского подданства Максима Максимовича), одного из трех братьев, основателей торговой компании Voгау&Ко.

⁷² Имущественный ценз получал тот, кто владел землей не меньше определенного минимума. Ценз давал право избираться на земские должности.

⁷³ Точнее: «Крестьянское хозяйство в Верейском уезде Московской губернии (статистический очерк)». Ксерокопия этой работы 1905 г. издания (СПб., типография М.М. Стасюлевича) имеется в семейном архиве; авторское предисловие датировано: «С. Быкасово, июнь 1904 г.». Если выше названная дата написания (1902) не ошибка памяти, то это предисловие было специально приурочено к изданию 1905 г.

⁷⁴ Первое избрание Ф.В.Шлиппе в гласные Верейского уездного земства относится к 1903 г.

⁷⁵ Обложение налогом в пользу земства. Получаемые от этого средства составляли основную часть доходов, которыми земство финансировало свою разностороннюю деятельность.

⁷⁶ Саблер Владимир Карлович (1847—1929), действительный тайный советник, сенатор. С 1905 г. — член Гос. Совета. Обер-прокурор Синода (1911—1915). Речь идет о церковно-приходских школах, которые находились в ведении духовных консисторий и Синода.

⁷⁷ Шлиппе Борис Федорович (1903, Быкасово—1973, Мюнхен), инженер-конструктор. С 1919 г., вместе с семьей в эмиграции. Окончил реальную гимназию в Дрездене (1922), затем, в Ной-Штрелице Политехникум (1925). С 1929 г. работал в самолетостроительной фирме «Рорбах», в 1930 г. перешел в конструкторское бюро завода «Юнкерс» (Дессау), где с 1932 г. руководил отделом статки и колебаний, а с 1936 г., отделом исследований и научно-технических разработок. К числу работ, получивших международное признание, относится теоретическое и экспериментальное изучение явления «флаттера». С 1937 г., член-корреспондент Немецкой академии воздухоплавания, в 1937—1939 гг. — внештатный доцент Технического университета (Ганновер). В 1946 г. в числе других немецких специалистов был вывезен вместе с семьей из советской зоны оккупации в СССР и размещен в пос. Иваново (ныне левобережная Дубна Московской области) в составе большого коллектива завода «Юнкерс». В 1954 г. получил разрешение вернуться в Германию, сначала в ГДР, затем, в ФРГ, где работал для фирмы огнетушителей, а затем вел научно-исследовательскую работу в фирме «Нитрохимия». Супруга — Ксения Николаевна Мельникова (1906, Казань—1989, Диссен, Бавария).

⁷⁸ Шлиппе Петр Федорович (1904, Быкасово—1960, Паулис, Конго), агроном. Окончил Высшую сельскохозяйственную школу в Берлине, затем в 1926 г. по стипендии — Агрономический институт Университета Жемблу (Бельгия). Занимался исследованиями в области селекции тропических растений во Франции; принят на работу в компанию «Де л'Юэль» (Бельгия) и в 1928 г. уехал в Бельгийское Конго, где стал организатором, а впоследствии и почетным директором двух образцовых кофейных плантаций. Вел научно-исследовательскую работу в области агрономии, экологии, антропологии региона. В 1948—1954 гг. руководил, по

приглашению британской администрации Южного Судана, опытной сельскохозяйственной станцией; одновременно проводил междисциплинарный проект, итогом которого стала монография «Передвижная культивация в Африке. Система агрикультуры Занде». С 1951 г. — бельгийский подданный. По возвращении работал экспертом международных организаций в ряде европейских столиц, занимался научной работой. По поручению Центра по Центральной Африке Брюссельского Свободного университета (СЕМУВАС) предпринял последнюю экспедицию в Занде (Конго).

Супруга — Шлиппе (урожд. фон Пфалер) Наталия (1906, Теджен—1998, Брюссель), дочь русского офицера шведского происхождения Теодора фон Пфалера. и Наталии Кукол-Яснопольской.

⁷⁹ Belle mère — «прекрасная мать» (фр.), теща.

⁸⁰ Солюс Павел Августович (1857—1914), врач-терапевт. Работал врачом в фабричной больнице Нара-Фоминска. В 1886 г. вступил в брак с Еленой Александровной Галяшкиной (1865—1922), дочерью Е.К. Галяшкиной (ур. Шлиппе). С 1909 г. семья жила в Москве, в доме Шлиппе в Староколюшенном переулке, сам П.А. Солюс работал врачом 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка.

⁸¹ Уваров Федор Алексеевич (1866—1954), граф, шталмейстер, член государственного совета. Сын основателя Исторического музея А.С. Уварова (1858—1884) и П.С. Уваровой, урожденной кн. Щербатовой, (1840—1924). С 1911 г. — последний владелец имения-музея Уваровых «Поречье» в Можайском уезде. После 1918 г. в эмиграции.

⁸² «прогон» здесь в значении обнесенной изгородью дороги, по которой выгоняют скот на пастбище или на водопой.

⁸³ Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902), министр внутренних дел. Убит в Мариинском дворце эсером С.В. Балмашевым.

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904), сенатор, директор департамента полиции (1881—1884); товарищ министра, затем министр внутренних дел (1885—1904). Убит эсером Е.С. Созоновым.

⁸⁴ Вопрос о деятельности «частного общества по эксплуатации русских концессий в Маньчжурии и Корее» обсуждался на особом совещании, созванном Николаем II 26 марта 1903 г. Частная лесная концессия по бассейнам рек Ялу и Тумыни, тянувшаяся на 800 км. вдоль китайско-корейской и русско-корейской границ, от Корейского залива до Японского моря. Приобретена в 1901 г. «Русским лесопромышленным товариществом».

⁸⁵ Кирилл Владимирович (1876—1938), вел. кн. С начала 1904 г. — начальник военно-морского отдела штаба командующего флотом в Тихом океане вице-адмирала С.О. Макарова, рядом с которым находился в момент его гибели при взрыве флагманского корабля «Петропавловск». В 1905 г., без высочайшего разрешения вступил в брак с Викторией Мелитой, разведённой супругой герцога Эрнста Гессен-Дармштадтского, за что был лишен Николаем II прав престолонаследия. В эмиграции в 1924 г. провозгласил себя Всероссийским императором Кириллом I, что вызвало резкие споры в русском зарубежье. В 1995 г. перезахоронен вместе со своей супругой в усыпальнице Петропавловского собора

⁸⁶ Шлиппе Николай Густавович (1882, Феодоровка — Лейпциг 1948), сын Г.К. Шлиппе (1851, Плесенское — 1929, Рига) и Розалии Ивановны, ур. Фальц-Фейн (1855, Елизабетфельд, Украина—1927, Рига). Владелец имения и фанерной фабрики в Чернышине (Калуж. губ.). В 1904 г. служил на флагманском корабле «Петропавловск». Спасая, держась вместе с вел. кн. Кириллом Владимировичем за деревянный обломок. После революции подвергался арестам. В конце 1920-х гг. выбрался в Ригу; с 1939 г. жил в Берлине, после войны в Лейпциге. Супруга (с 1913) — Бригитта Тоде.

⁸⁷ Мария Павловна (ст.), (1854—1920), вел. кн., вдова вел. кн. Владимира Александровича. Вступила в брак в 1874 г. С 1909 г. — президент Академии художеств. Вместе с вел. кн. Николаем Николаевичем стояла во главе великокняжеской оппозиции Николаю II и его жене Александре Федоровне. В 1917 г. некоторое время оставалась под домашним арестом в Кисловодске. В 1920 г. эмигрировала; жила в Швейцарии и Франции.

⁸⁸ «Великой» называли в свое время в России Первую мировую войну.

⁸⁹ Каульбарс Александр Васильевич (1844—1925), барон, генерал от кавалерии, брат генерала Н.В.Каульбарса. Получил известность своими исследованиями Средней Азии, был награжден золотой медалью Русского географического общества. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. командовал 3-й, затем и 2-ой Маньчжурскими армиями. С 1909 г. — член Военного Совета. В 1914-1915 гг. заведовал авиацией действующей армии. После 1917 г. эмигрировал; в Париже работал в конторе Частного радиотелеграфного общества; почетный председатель «Союза Русских летчиков».

⁹⁰ Получив разведдонесения об обходном маневре армии Куроки, 21 августа 1904 г. генерал А.П. Куропаткин приказал войскам отступить к городу Мукдену, хотя русские войска сохраняли численное и позиционное преимущество над противником. 3 марта 1905 г. командующий был заменен генералом Н.П.Линевичем, который, также не решился перейти в наступление, настаивая на присылке дополнительных подкреплений.

⁹¹ Официальное название до 1935 г. — Никольск-Уссурийск, затем Ворошилов (1935—1957), позднее, Уссурийск.

⁹² Линевич Николай Петрович (1839—1908), генерал от инфантерии; участник русско-турецкой войны (1877—1878). В Русско-японскую войну командовал 1-й маньчжурской армией. Заняв место главнокомандующего, сохранил позиции, на которые русская армия отступила после поражения при Мукдене, но до конца войны никаких решительных действий, как командующий, не предпринял.

⁹³ Елизавета Фёдоровна (1864—1918), вел. кн. В 1891 г. содала Елисаветинское благотворительное общество для призрения младенцев. С началом Русско-японской войны организовала Особый комитет помощи воинам. После трагической гибели мужа основала в Москве Марфо-Мариинскую обитель сестер милосердия. Весной 1918 г. была выслана из Москвы, а 18 июля в городе Апапаевске сброшена заживо в шахту. В 1992 г. канонизирована Русской Православной церковью как святая преподобномученица.

⁹⁴ Цусимское сражение 27–28 мая 1905 г., в котором японский флот под командованием адмирала Х. Того, имея превосходство в силах, артиллерии и скорости разгромил русские Тихоокеанские эскадры под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского (1848–1909).

⁹⁵ Мирный договор был заключен 5 сентября 1905 г. в Портсмуте (США, шт. Нью-Хэмпшир). Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский п-ов с Порт-Артуром и Дальним. Стороны обязались одновременно эвакуировать войска из Маньчжурии. Ведший переговоры с японцами С.Ю. Витте сумел предотвратить худшее и по возвращении получил титул графа. Статьи договора потеряли силу после капитуляции Японии во Второй мировой войне.

⁹⁶ Место министра-председателя Совета министров граф С.Ю. Витте занял в октябре 1905 г., в разгар революции 1905–1907 гг. Сумел убедить Николая II в необходимости подписать «Манифест 17 октября», даровавший народу основные гражданские свободы и открывший путь к учреждению первого российского парламента, Государственной Думы. В апреле 1906 г. Витте снова впал в немилость и был уволен с поста премьера.

⁹⁷ В октябре в Москве началась забастовка, которая охватила всю страну и переросла во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку. 12–18 октября в различных отраслях промышленности бастовало свыше 2 млн человек. Забастовки продолжались и в 1906 г.

⁹⁸ Шлиппе (урожд. Андре) Агнеса Федоровна (1808, Тарандт–1873, Плесенское), дочь Фридриха Августа Андре, финансового секретаря в Дрездене, и Мари Анны Амалии, урожденной баронессы Зенфт фон Пильзах. В 1829 г. вступила в брак с Карлом Ивановичем Шлиппе (1798, Пегая (Саксония) — 1867, Бад-Соден). В 1837 г. семья получила российское подданство. По награждению К.И. Шлиппе орденом Российской империи, в 1844 г. семья причислена к потомственному дворянству. Номинально владела всей земельной собственностью, приобретаемой К.И. Шлиппе, за исключением 20 десятин в Плесенском, куда он перевел из

Москвы свой химический завод. В 1873 г., незадолго до своей кончины А.Ф. Шлиппе стала одним из учредителей «Товарищества химического завода Шлиппе».

⁹⁹ Речь идет о «Манифесте 17 октября» 1905 г., открывшему путь к учреждению первого российского парламента, Государственной Думы.

¹⁰⁰ Boiserie — деревянная панель, облицовка (фр. яз.).

¹⁰¹ У доктора Шимана (von Schiemann) была собственная известная клиника в Москве; Рюхардт (R chardt) — один из компаньонов промышленно-торгового дома «Boгау & Ко», женатый на дочери одного из основателей этой компании М. Вогау.

¹⁰² Шипов Филипп Николаевич, действительный статский советник; сын крупного землевладельца Н.П. Шипова; старший брат земского деятеля и политика Д.Н. Шипова. После недолгой военной службы вышел в отставку. Женится на вдове Лидии Васильевне Хомутовой; через несколько лет разошелся и поселился в Нижнем Новгороде, управляя нижегородским отделением Александровского дворянского банка. Затем переехал в Москву. В 1880-е — управляющий московским отделением Дворянского банка. Получил в наследство от отца усадьбу «Осташево» (Можайский уезд). По воспоминаниям людей его знавших, в частности Т.А. Аксаковой-Сиверс «представлял собой тот тип неисправимо легкомысленного «bon vivant», который описан Толстым в лице Стивы Облонского».

¹⁰³ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель. С 1884 г. — на службе в Министерстве внутренних дел; в 1886 г. — в Министерстве государственных имуществ (Департамент земледелия и сельской промышленности). Камергер (1896), гофмейстер (1906). В 1899 г., предводитель дворянства Ковенской губернии. С 1903 г. Саратовский губернатор. В 1906 г. назначен министром внутренних дел, сменил И.Л. Горемыкина в должности Председателя Совета Министров, сохранив за собой портфель министра внутренних дел. Проводил политику силового подавления революции и устранение ее глубоких причин путем коренных реформ, в частности земельных. Член Государственного Совета и статс-секретарь (1908).

Смертельно ранен 1 сентября 1911 г. террористом в Киевском оперном театре

¹⁰⁴ Бисмарк, помещик, землевладелец Яропольской волости, Московской губернии

¹⁰⁵ Джунковский Владимир Федорович (1865—1938), адъютант московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича (1891—1905); губернатор Москвы (1905—1913); товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1913—1915). Отстранен от занимаемых постов и по личной просьбе назначен в действующую армию (1915—1917). После 1917 г. жил в Москве; дважды арестовывался (1919, 1937) расстрелян в 1938 г.

¹⁰⁶ Шереметев Павел Сергеевич (1871—1943), граф; историк, художник; статский советник, камергер, Звенигородский уездный предводитель дворянства, председатель уездной землеустроительной комиссии (1910). Участник русско-японской войны. Член Государственного совета (1916). Хранитель, а затем заведующий музеем-усадьбой «Остафьево» (1918—1927). Член Всероссийского союза писателей (1921), действительный член «Общества изучения русской усадьбы» (1923). В 1927 г. лишен гражданских прав как лицо дворянского происхождения, отстранен от работы и в 1929 г. выслен с семьей из «Остафьево»

¹⁰⁷ Николай Федорович Рихтер (1843—1911), один из старейших земских деятелей, председатель Московской уездной земской управы. С 1907 г. — председатель Московской губернской земской управы. 23 ноября 1911 г. скоропостижно скончался от удара; на похоронах присутствовали губернатор В.Ф. Джунковский, губернский предводитель дворянства А.Д. Самарин, городской голова Н.И. Гучков.

¹⁰⁸ Головин Федор Александрович (1867—1929), председатель Московской губернской земской управы (1904—1906), член II—IV состава Государственной Думы, председатель фракции кадетов в III Государственной Думе. С марта 1917 г. — комиссар Временного правительства по управлению дворцовым ведомством.

¹⁰⁹ Васильчиков Борис Александрович (1863—1931), князь, шталмейстер (1899). С 1884 г. Старорусский уездный гласный; Новгородский губернский предводитель дворянства

(1890—1900); Псковский губернатор (1900—1903); главноуполномоченный Красного Креста в Маньчжурии при действующей армии (1904—1905); главноуправляющий землеустройством и земледелием (1906—1908); член Государственного Совета по назначению (1906—1917). После 1917 г. в эмиграции. В мемуарах оценивал себя: «...я был очень хорошим предводителем, хорошим губернатором, никуда не годным министром и абсолютно бесполезным членом Государственного Совета».

¹¹⁰ Именной Высочайший указ 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования».

¹¹¹ Губернские, как и уездные землеустроительные комиссии — местные органы по проведению столыпинской аграрной реформы. Их функции по указу от 4 марта 1906 г. состояли в содействии Крестьянскому поземельному банку в продаже земли крестьянам, переселению крестьян на казенные земли и сдаче крестьянам в аренду казенных оброчных статей, улучшению условий землевладения, порядков землепользования и совершенствованию способов ведения хозяйства на надельных землях; посредничество в разверстании черезполосных угодий, общих владений и сервитутов (лесных, пастбищных и пр.) Уездные комиссии открыты в июле-декабре 1906 г. в 184 уездах 33 губерний (к 1912 г., в 463 уездах 47 губерний); губернские — в 1907 г. «Положение о землеустройстве» (29.05.1911) и новые инструкции изменили состав комиссий и расширили их полномочия: перечень землеустроительных действий определялся в законодательном порядке, термину «землеустройство» давалось юридическое толкование, комиссиям придавались функции судебных органов по земельным делам. Роль комиссий перестала быть пассивной.

¹¹² Риттих Александр Александрович (1868—1933) службу начал в 1888 г. в Земском отделе МВД. С 1903 г. чиновник особых поручений в министерстве финансов; подготовил ряд обзоров для Особого совещания: «Крестьянское землепользование», «Крестьянское дело», «Зависимость крестьян от общины и мира». Директор департамента государственных земельных имуществ (1905); управляющий делами

«Комитета по землеустроительным делам», со дня учреждения до апреля 1912 г., затем — товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием, а с 16 ноября 1916 г. по 28 февраля 1917 г., министр земледелия (т.е. того же ведомства с новым названием). После революции в эмиграции.

¹¹³ «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности» образовано по инициативе С.Ю.Витте при содействии министра внутренних дел Д.С.Сипягина. Действовало с 22 января 1902 по 30 марта 1905 г. (председатель С.Ю.Витте). Состав членов Особого совещания, кроме присутствующих по должности министров финансов, земледелия и государственных имуществ, внутренних дел, первоначально, 19 человек. Управляющий делами, И.П. Шипов, затем А.А. Риттих. Согласно сводке А.А.Риттиха, из 482 уездных комитетов по вопросу об общине высказались не все комитеты. Всего 113 уездных комитетов высказались за упразднение общины, 32, за ее сохранение, 11, уклонились от ответа. Особым совещанием издавались систематические своды трудов провинциальных комитетов, отчеты и пр.

¹¹⁴ Кофод (Koefoed) Андрей Андреевич (1855—1948), агроном, землеустроитель, статский советник (1915). Один из первых обратил внимание на факты добровольного выхода крестьян из общины на хутора, оценил их как явление общегосударственного значения. При поддержке С.Ю.Витте и А.А.Риттиха развил эту тему в специальном исследовании «Крестьянские хутора на надельной земле» (СПб., 1905). Научные труды А.А.Кофода во многом определили методологию и практическую программу деятельности землеустроительных комиссий. С февраля 1908 г. А.А.Кофод в должности ревизора землеустройства возглавлял инструкторскую часть Комитета по землеустроительным делам; контролировал губернские и уездные землеустроительные комиссии. Мемуары А.А.Кофода опубликованы в 1945 г. на датском языке и в 1997 г. на русском, в Москве.

¹¹⁵ Торговый дом «Н.И. Бландов и Ко» основан в 1890-х гг., в 1902 г. преобразован в товарищество «Братья В. и Н. Бландовы». Николай Иванович Бландов вместе с братом Владимиром, участвовал в становлении мясо-молочного

и маслосеяного производства в Сибири, а позже на Кавказе и в Центральной России. Братьям Бландовым принадлежала 1-ая колбасная фабрика в Москве; в 1914 г. была приобретена и Московская макаронная фабрика. После смерти брата (1906) Н.И. Бландов больше занимался общественно-политической деятельностью; был почетным мировым судьей, гласным Московского уезда, депутатом от дворянства Московского уезда.

¹¹⁶ Усадьба в стиле модерн (Малая Никитская, д. 6), построенная по заказу С.П.Рябушинского архитектором Ф.О.Шехтелем.

¹¹⁷ Бойцов Петр Семенович (1849— после 1917), архитектор. Дома (1903) шли под номерами 14—16. Кроме того, по его проектам построены в Москве усадьба Святополк-Четвертинского (1887), ныне ЦДЛ (Поварская, 50), дом С.П. Берга (1897, Денежный пер., 5), особняки в Нижнем Новгороде, Киеве, загородные дворцы-усадьбы в Барвихе, Успенском, Муроме.

¹¹⁸ Четвериковы Сергей Иванович (1850—1929) и Дмитрий Иванович (1858—1910), владельцы Городищенской тонкосуконной фабрикой под Москвой.

¹¹⁹ Кривошеин Александр Васильевич (1857—1921), гофмейстер. С 1905 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием; с 1906 г. товарищ министра финансов и управляющий Государственным Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками. 17 февраля 1906 г. представил в правительство проект устройства земельного быта крестьян. Член Государственного совета (1906—1917), главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908—1915). Уполномоченный Красного Креста при 7-й армии (1915—1916), а затем в армиях Западного фронта. С 6 июня 1920 — помощник по гражданской части генерала П.Н.Врангеля.

¹²⁰ Для руководства на местах агрономической помощью при землеустройстве в 1908 учреждены при губернских агрономических комиссиях особые совещания (как постоянные органы). Их состав: персонал землеустроительной комиссии, губернской земской управы, правительственные агрономы, земские агрономы, председатели уездных управ. К 1912 уже в 13 губерниях агрономическая помощь единоличным

хозяйствам сосредоточилось полностью в ведении земств. На это ассигновалось в 1911 по всем губерниям — 6 млн. руб. из них: в распоряжение землеустроительных комиссий 2,9 млн. руб., в распоряжение земств 3,1 млн. руб. Средства предназначались на содержание агрономов, на показательные мероприятия, снабжение крестьян орудиями и посевным материалом, устройство складов, на внешкольное распространение сельскохозяйственных знаний. Ф.В.Шлиппе участвовал в работе всех поименованных организаций. Кроме того осуществлялась постоянная агрономическая помощь через департамент земледелия, отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики и отдел земельных улучшений.

¹²¹ Самарин Александр Дмитриевич (1868—1932), егермейстер, член Государственного совета (с 1912). Московский губернский предводитель дворянства (1908—1915), председатель правления Института московского дворянства, попечитель комитета Сергиево-Елизаветинского трудового убежища для раненых. С 1914 — главный уполномоченный Всероссийского Красного креста, обер-прокурор Синода (1915). Председатель Совета объединённых приходов Москвы (1918—1920). С 1929 г. жил в Костроме.

¹²² Съезд состоялся 21, 28 февраля 1911 в помещении Политехнического общества (Малый Харитоньевский переулок, 4). Председатель — И.А.Иверонов, директор Московского сельскохозяйственного института. Число участников 468 человек. Доклады, прения и резолюции съезда опубликованы в «Трудах...» (М., 1911, т. 1—5). Выступление Ф.В.Шлиппе, сделанное вне регламента, не публиковалось.

¹²³ Устав Общества утвержден 16 февраля 1909. Учредительное собрание состоялось 3 марта 1909 в помещении Московской губернской земской управы в присутствии В.Ф.Джунковского. Среди учредителей: В.К. и Ф.В. Шлиппе.

¹²⁴ Закон по землеустройству, «Закон 14 июня 1910 года об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении».

¹²⁵ Всероссийское совещание состоялось 10—23 января 1909. Председатель П.А.Столыпин; исп. обязанности председателя: А.И.Лыкошин, Н.Н.Покровский, А.В.Кривошеин, А.Г.Гасман,

Н.Д.Чаплин. Были избраны секции: юридическая (предс. В.Д.Юматов), по делам сельского кредита (предс. С.В.Корчинский) организационно-податная (предс. А.Н.Неверов), землеустроительная, разделенная на три отдела: по землеустройству целых селений (предс. П.А.Голубниченко), составления проектов землеустройства (предс. С.Д.Рудин), по выделу отдельных домохозяев (предс. А.А.Толстой). Были составлены «Правила о землеустройстве целых сельских обществ» и «Техническая инструкция для руководства при составлении землеустроительных проектов». Число участников, 178 человек, включая 62 представителя центральных ведомств. Подобный съезд состоялся 16—24 мая 1911; работа велась в шести секциях, избранных по территориальному принципу. Один из председателей секций — Ф.В.Шлиппе.

¹²⁶ Зеринг Макс (Sering Max) (1857—1939), ученый-аграрник и экономист. Аухаген Отто (Auhagen, Auhagen Otto) (1869—1945), профессор. Его работа “Zur Beurteilung die russischen Agrarreform” опубликована в России под названием “Критика русской аграрной реформы” (СПб., 1914). Перевод А.А.Кофода.

¹²⁷ Гончарова (урожд. Мещерская) Ольга Борисовна (1864—1926), супруга Николая Ивановича Гончарова (1861—1902). Умерла в эмиграции.

¹²⁸ Брестская железная дорога была переименована в Александровскую (1912—1922) в связи со 100-летием Отечественной войны 1812 г. в честь императора Александра I.

¹²⁹ Фотографии этой поездки сохранилась в личном архиве В.Ф.Джунковского (ГАРФ, ф. 826). На одной из них крестьянин Илларион Степанович Лощенко, беседующий с П.А.Столыпиным. По ходатайству Бронницкой уездной землеустроительной комиссии от 19 июля 1909 несколько крестьян Быковской волости и, в том числе Лощенко, за оказание содействия землемерам и понесенные труды получили денежное вознаграждение. С января 1913 И.С.Лощенко заведовал прокатной станцией сельскохозяйственных орудий при деревне Колонец и зерноочистительным пунктом. (Д. Колонец находилась рядом с станцией “Ильинская” Московско-Казанской ж.д., в 33 км. от Москвы)

¹³⁰ Принудительная хлебная разверстка была введена лишь в военном 1916 г. из-за кризисного состояния экономики и перебоев в снабжении городского населения хлебом.

¹³¹ В 1950-е гг. в ГДР свободных земледельцев и хуторов практически не стало; вместо них — хозяйства типа совхозов, получившие название «сельскохозяйственных производственных кооперативов» — «Landwirtschaftliche Produktionsgenossenschaften» (LPG)

¹³² Щербатов Александр Григорьевич (1850—1915) князь, камергер. В 1874 г. после женитьбы оставил государственную службу и посвятил себя сельскому хозяйству, превратив свою усадьбу в образцовое хозяйство. Во время русско-турецкой войны (1877—1878) уполномоченный Красного Креста. Рузский уездный предводитель дворянства (1883—1891); уполномоченный по общественным работам Самарской губернии по помощи голодающим (1891); президент Императорского общества сельского хозяйства в Москве (1892—1905). Принимал участие в работе Союза русского народа.

¹³³ Угримов Александр Иванович (1874—1974), агроном, профессор. Перед революцией — председатель Российского общества сельского хозяйства, в этом качестве после 1920 г. стал членом «Помгола». В 1922 г. был выслан из страны. В 1947 г. принял советское гражданство и переехал в СССР; работал агрономом на опытных сельско-хозяйственных станциях в Ульяновской и Калужской областях. Реабилитирован в 1957 г. (по делу 1922 г.), после чего жил в Москве.

¹³⁴ Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844), князь, московский генерал-губернатор (1820—1844). С 1841 г. — светлейший князь. В 1820 г. стал учредителем Императорского Московского общества сельского хозяйства (ИМОСХ).

¹³⁵ То же, что манеж

¹³⁶ Игнатьев Павел Николаевич (1870—1945), граф. Служил по ведомству Министерства внутренних дел. Киевский губернатор (1907—1908); товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (1912—1915), курировал, в частности, и с.-х. образование. Министр народного просвещения (1915—1916). Руководил разработкой проекта реформы системы образования,

учитывая опыт организации школьного образования в США, Франции, Великобритании. Проекты были отклонены правительством, вскоре последовали и отставка. После 1917 г. в эмиграции. Почетный член Российской АН (1917—1928; восстановлен посмертно в 1990). Многие идеи Игнатьева, особенно материалы учебных программ, использованы при создании советской школы, служили также основным руководством для русских школ за рубежом.

¹³⁷ Фон Беренс Эдуард Андреевич (1843—1916), директор Российского страхового общества от огня. Президент Московской Духовной консистории (евангелической) и попечитель Московской школы для бедных детей Евангелического исповедания (1916).

¹³⁸ Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Министр императорского Двора и уделов (1881—1897), главноуправляющий государственного коннозаводства. Наместник на Кавказе, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа (1905—1916); член Государственного совета.

¹³⁹ Демчинский Николай Александрович (1851—1915), инженер и журналист. Обладатель трех дипломов: Петербургского института инженеров путей сообщения, Горного института, юридического факультета Киевского университета был хорошо известен в русском обществе, но далеко не с лучшей стороны. (Подробнее см. «Российский Архив» вып. 14, С. 604—642.)

¹⁴⁰ Политическая группа в Государственной Думе, отстаивающая автономию Царства Польского.

¹⁴¹ Грабский Владислав (1874—1938), польский политик, экономист, историк. Основатель ряда сельскохозяйственных обществ и первого «Мелиорационного общества» в Варшаве. Депутат I-й, II-й и III-й Государственных дум от Варшавской губернии. Премьер-министр Польши (1920, 1923—1925). Один из руководителей Национально-демократической партии.

¹⁴² Храм Воскресения Христова (Спас на крови) Возводился в 1883—1912 гг. на набережной Екатерининского канала в С.-Петербурге, где 1 (13) марта 1881 г. Александр II был смертельно ранен бомбой, брошенной народовольцем И.Гриневецким.

¹⁴³ Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924), один из лидеров партии октябристов, депутат III и IV Государственной думы, с 1912 г., ее председатель. Один из инициаторов создания «Прогрессивного блока», образованного в 1915 г. из представителей партии кадетов, «17 октября» и Прогрессивной фракции IV Государственной Думы, в чьи задачи входило создание нового правительства, ответственного не перед царем, а перед Думой («правительство народного доверия») В 1917 г. возглавил Временный комитет Государственной Думы. В ноябре 1917 бежал на Дон, в 1920 г. эмигрировал в Югославию.

¹⁴⁴ Распутин Григорий Ефимович (1869(?)—1916), крестьянин с. Покровское Тобольской губернии; принадлежал к секте хлыстов. Обладал даром останавливать кровотечения наследника цесаревича Алексея Николаевича, болевшего гемофилией. Пытался активно вмешиваться в политику, чем вызывал недовольство в разных кругах общества. Был убит в результате заговора 16 декабря 1916 г.

¹⁴⁵ Гучков Николай Иванович (1860—1935), выборный городской голова Москвы (1905—1913); руководил восстановлением города и его экономики после декабрьских боёв 1905 г. В эмиграции член главного управления Российского общества Красного Креста, торгово-промышленного союза и Земгора

¹⁴⁶ Затраты земств в России на сельскохозяйственные улучшения в губерниях незначительны в сопоставлении с их годовым бюджетом. Хотя за 1895—1911 наблюдался их рост, но и в 1911 г. они составляли лишь 6% расходов бюджета. Расходы по всем 34 губерниям в 1911 составил 11 млн. рублей (рост по сравнению с 1895 г. в 12 раз).

¹⁴⁷ В новом положении (1890 г.) указывалось: «... Губернатор надзирает за правильностью и законностью действий земских учреждений. Для обсуждения правильности и законности постановлений и распоряжений земских учреждений и для решения других дел образовано в каждой губернии губернское по земским делам присутствие... Губернатор, если не соглашается с решением большинства членов присутствия, приостанавливает исполнение решения и представляет дело министру внутренних дел...».

¹⁴⁸ Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) князь, председатель Тульской губернской

земской управы (1902—1905). Член I Государственной думы, кадет (1905—1912), перешел в партию «прогрессистов». Возглавлял объединенный комитет земского союза и союза городов (1915—1917). После Февральской революции председатель Совета министров и министр внутренних дел первого Временного правительства. В Гражданскую войну оказался в Омске, по поручению Временного Омского правительства с П. Вологодским выехал в США для встречи с президентом Вильсоном. Возглавлял Русское политическое совещание (1918—1920).

¹⁴⁹ Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918 (2-е изд. М., 2007).

¹⁵⁰ Муравьев Николай Леонидович (1866—1940), егермейстер. В разные годы — вице-губернатор в Томске, Вологде, Симферополе, Рязани; губернатор полтавский (1908—1913), московский (1913—1916). После 1918 г. в эмиграции; работал в Антверпене помощником бухгалтера небольшого транспортного предприятия.

¹⁵¹ Левицкий Александр Павлович (1873—1942), агроном. Организатор почвенно-картографической съемки территории СССР и сети опытных сельскохозяйственных станций. В 1930 г. арестован и выслан в Казахстан, с 1934 г. работал агрономом в Смоленской и Ярославской областях. Погиб во время немецкой оккупации.

¹⁵² Будберг, фон, Александр Андреевич (1854—1914), барон. Начальник канцелярии прошений «на Высочайшее имя» (1893—1895); член Государственного Совета (1905), обер-егермейстер (1914).

¹⁵³ В марте 1917 г. полковник А. Е. Грузинов сменил на посту командующего войсками Московского военного округа генерала от артиллерии И. И. Мрозовского. В августе выступал на Советании общественных деятелей с докладом «О деятельности комитетов в армии». Участвовал во Всероссийском демократическом совещании в сентябре в Петрограде, которое было создано «для создания сильной революционной власти, способной объединить всю революционную Россию для отпора внешним врагам и для подавления всяких покушений на завоеванную свободу».

¹⁵⁴ Центральная электростанция Общества электрического освещения, (Обводный канал, д. 76)

построена в Петербурге в 1897—1898 гг., торжественный пуск состоялся в ноябре 1898 г. Оборудование поставлялось фирмой «Сименс и Гальске».

¹⁵⁵ Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959), один из руководителей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1893). член ЦК РСДРП (1903—1905); с 1910 г. работал в Московской кабельной электросети. В 1912 г. заведывал электростанцией «Электропередачи» (под Москвой). Автор проекта электрофикации советской России, председатель комиссии ГО-ЭЛРО (1920), председатель Госплана (1921—1923, 1925—1930). Вице-президент АН СССР (1929—1939).

¹⁵⁶ Самокиш-Судковская (урожд. Бенард) Елена Петровна (1863—1924), живописец, график. Училась в Гельсингфорской художественной школе у В.В. Верещагина. Жила и работала в Париже (1882—1890). В 1900-е гг. работала как график: для журнала «Нива», иллюстрировала книги, в том числе детские.

¹⁵⁷ Первый из земских кустарных музеев; открылся в 1910-х гг. в Москве в Леонтьевском переулке (теперь ул. Станиславского), сохранился до сих пор. Кустарные музеи были побочным продуктом земской деятельности, направленной на развитие кустарных промыслов.

¹⁵⁸ Мельников Николай Александрович (1872—1951), земский деятель, глава Казанской губернской земской управы (1901—1916). В 1907 г. избран депутатом от партии октябристов в III Государственную думу. В 1916 г. — член Совета министров, главноуполномоченный по продовольственному снабжению действующей армии. После 1917 г. на той же должности в правительстве Колчака в Омске. С 1921 г. в эмиграции. С 1928 г. свояк Ф.В. Шлиппе.

¹⁵⁹ Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918), камергер. Черниговский губернатор (1909—1912). Министр внутренних дел (1912—1915). Член Государственного совета (с 1915). Арестован феврале 1917 г., по постановлению Временного правительства и 1918 г. расстрелян по постановлению Совета народных комиссаров.

¹⁶⁰ Дурново Петр Павлович (1835—1919), генерал-адъютант (1905). Харьковский губернатор (1866); Московский губернатор

(1872—1878), затем служил в Департаменте уделов. Избран председателем финансовой комиссии Петербургской Городской думы. Член Государственного совета (1904). Летом 1905 г. назначен Московским генерал-губернатором; В ноябре 1905 г. отправлен в отставку, продолжив карьеру на общественном поприще.

¹⁶¹ Должность «при высочайшем дворе», соответствовала чину VI класса, далее производства не следовало. Особая обязанность ведение камер-фурьерских журналов, в которых фиксировались все события при Дворе.

¹⁶² Барtram Николай Дмитриевич (1873—1931), художник, коллекционер, музейный деятель. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1889—1891). В Курской губернии, создал учебную игрушечно-столярную мастерскую (1893), которой руководил десять лет. В Семеновской мастерской создавались игрушки по мотивам русского фольклора. Заведующий художественной частью Кустарного музея Московского губернского земства; организатор Бытового музея 1840-х годов и музея игрушки в Сергиевом Посаде.

¹⁶³ Избиратели делились на три курии: местные землевладельцы, крестьянские общества и горожане — владельцы недвижимости, а также торговых и промышленных предприятий. В крестьянскую курию входили представители крестьянского сословия, другие же деревенские жители (землевладельцы) и горожане объединялись на основании имущественного ценза.

¹⁶⁴ Анастасий (Грибановский) Александр Алексеевич; 1873—1965), митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский. Принял постриг в честь преподобного Анастасия Синаита (1898); служил инспектором Вифанской духовной семинарии (1900); с 1901 г. — преподаватель, затем — ректор Московской духовной семинарии. Возведен в сан епископа (1906); архиепископ (1916). Участвовал в работе Поместного Собора РПЦ (1917—1918); избран членом Священного Синода и Высшего церковного совета РПЦ. В 1919 г. уехал в Константинополь, пребывал в Галате, в подворье русского Пантелеимонова монастыря. Временным высшим церковным управлением (ВВЦУ) юго-востока России назначен управляющим русскими приходами Константинопольского округа, включен в состав

ВВЦУ, избран заместителем митр. Антония Храповицкого (1920). Возведен в сан митрополита (1935). После смерти митр. Антония Храповицкого (1936) избран первоиерархом РПЦЗ, председатель Архиерейского Собора и Синода (1936—1964). С нападением гитлеровской Германии на СССР часть эмиграции связывала надежду на крушение режима в России. В пасхальном послании 1942 г. митр. Анастасий писал: «...Настал день, ожидаемый им (русским народом), и он ныне подлинно как бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел рассечь его оковы И древний Киев, и многострадальный Смоленск, и Псков светло торжествуют свое избавление как бы из самого ада преисподнего» (Церк. Жизнь. 1942. N 4. С. 51). В 1950 г. Синод РПЦЗ переехал в Нью-Йорк, где с 1951 г. проживал и митр. Антоний.

¹⁶⁵ Эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник престола Австро-Венгерской империи, убит 28 июня 1914 г. в Сараево, во время инспекции земель Боснии и Герцеговины, аннексированных Австро-Венгрией в 1908 г. Покушение совершил сербский гимназист Гаврило Принцип, член тайной организации «Црна Рука», поставившей себе целью объединение южных славян и создание «Великой Сербии».

¹⁶⁶ Собор Святой Софии (*Агия-София*) в Константинополе — памятник византийского зодчества (324—337), в период турецкого владычества служил мечетью. С 1935, согласно декрету Ататюрка, музей.

¹⁶⁷ В 1904 г. Россия была вынуждена пойти на невыгодные условия нового торгового договора, по которым пошлины на русский хлеб были значительно повышены. Договор вызвал в России недовольство производителей и экспортеров хлеба и многих политиков и обозревателей. В 1914 г. Россия повысила пошлины на ввозимый из-за границы хлеб. Следствием этого явилось резкое обострение русско-германских экономических отношений.

¹⁶⁸ Избрание Г.Е. Львова описано в мемуарах В.И.Гурко: «...пресловутый будущий разрушитель Русского государства кн. Львов..., не имея никаких формальных связей с земством, так как он уже давно не состоял гласным ни губернского, ни уездного земства (его родной уезд Тульской губернии, досконально его знавший, уже давно

его забаллотировал) ...решил возглавить...общеземскую организацию...ему удалось какими-то путями сохранить от возглавления им во время Русско-японской войны общеземской организации довольно крупную сумму...Когда в Москве впервые собрались для образования Всероссийского земского союза...появился кн. Львов, причем длинноногий заявлял, конечно в кулуарных перешептываниях, что в случае его избрания внесет в кассу упомянутые 800 тысяч, тем самым говоря, что в противном случае он этого не сделает» («Черты и силуэты прошлого», М., 2000, с. 645).

¹⁶⁹ Морозов Сергей Тимофеевич (1860—1944). Директор-распорядитель Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°». Основатель Торгово-промышленного музея кустарных изделий Московского губернского земства. Финансировал журнал «Мир искусства». В 1898 г. вместе с братом Саввой и другими менеджатами учредил Общедоступный театр, будующий МХАТ. С 1925 г. в эмиграции, во Франции.

¹⁷⁰ Унру Веньямин Генрихович (1881—1959), проповедник, почетный доктор теологии Гейдельбергского у-та. Работал уполномоченным иммиграционных организаций менонитов в Канаде (1921—25) и Парагвае (1930), затем Германии. Преподавал русский язык и литературу в Техническом университете в городе Карлсруэ.

¹⁷¹ Долгоруков Василий Александрович (1868—1918), князь, генерал-майор императорской свиты, гофмаршал. Добровольно отправился в ссылку с царской семьей. Расстрелян в Екатеринбурге 17 июля 1918 г.

¹⁷² Земгор (1915—1918) участвовал в распределении заказов, содействовал переводу кустарной промышленности на выпуск оборонной продукции, занимался организацией военно-санитарных учреждений, размещением беженцев, сбором средств для армии и т.д. Руководство Земгора было тесно связано с либеральным движением, поддерживало Прогрессивный блок в Думе. Ликвидирован советской властью.

¹⁷³ Разгром 2-ой армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в середине августа 1914 г. Самсонов, потеряв управление войсками, застрелился.

¹⁷⁴ Ольденбургский Александр Петрович, (1844—1932), принц. Генерал от инфантерии

(1895). Член Государственного совета (1896). Верховный начальник санитарной и эвакуационной части (1914). Сыграл значительную роль в развитии медицинской науки, здравоохранения и курортов России. 22 марта 1917 г. уволен Временным правительством от службы. После революции 1917 г. вместе с семьей эмигрировал во Францию.

¹⁷⁵ Мекк, фон, Николай Карлович (1863—1929) с 1891 г. председатель правления а/о Московско-Казанской ж.-д., одной из крупнейших в России. Продолжил дело своего отца Карла Федоровича фон Мекка (1821—1875), занимавшегося строительством железных дорог в России и оставившего многомиллионный капитал, основу которого составляли акции построенных им железных дорог. Его мать, Надежда Филаретовна, урожденная Флоровская, много помогла П.И. Чайковскому; сам Николай Карлович фон Мекк был женат на племяннице композитора Анне Львовне Давыдовой. В годы НЭП работал в Госплане представителем от Наркомата путей сообщения, выпустил две книги по истории и экономике железнодорожного транспорта. В 1929 году был обвинен в «вредительстве», погиб в заключении.

¹⁷⁶ Подробнее в книге Э. Брэндстрем «Среди военнопленных в Сибири» (Опубликована в Швеции 1921, переведена на другие языки). Эльза Брэндстрем (Elsa Brändström, 1888—1948) из семьи шведского генерального консула в Петербурге. В 1914 стала сестрой милосердия. Ездил с мандатом Красного креста в Сибирь, подолгу сама находилась в лагерях военнопленных. С 1920 и до своей смерти занималась филантропической деятельностью, живя в Германии, с 1933 г. в США. Скульптура Эльзы Брэндстрем, привезенная в Красноярск (2003) шведским математиком Бьерком, была установлена во дворе местного Художественного музея. (Сообщение газеты «Труд» 25.06.2003).

¹⁷⁷ 17 (30) октября Россия объявила войну Турции. В декабре 1914 — январе 1915 гг. в ходе Сарыкамьшской операции русская Кавказская армия остановила наступление турецких войск на Карс, а затем и разгромила их. Сарыкамьш, ныне турецкий курорт находится на горе Чамурлу, в 60 км от города Карса.

¹⁷⁸ Мрозовский Иосиф Иванович (1857—1934), генерал от артиллерии. Участник I мировой войны. В сентябре 1915 г. назначен командующим войсками Московского военного округа и одновременно генерал-губернатором в Москве. В Февральскую революцию арестован и уволен от службы. После октября 1917 г. в эмиграции во Франции.

¹⁷⁹ Столица была переименована в Петроград 18 (31) августа 1914 года, в связи со вступлением России в войну с Германией.

¹⁸⁰ Щербатов Николай Борисович (1868—1943), князь, камергер. С 1907 г. — полтавский губернский предводитель дворянства, действительный статский советник. В 1912 г. был избран членом Государственного совета от Полтавского земства. Один из учредителей Всероссийского союза земельных собственников. Министр внутренних дел (5 июля — 25 сентября 1915 г.). Выступал против замены вел. кн. Николая Николаевича на посту верховного главнокомандующего Николаем II.

¹⁸¹ «Ликвидационные законы», ограничивавшие немцев в правах. Введены в 1915 году, с последующими дополнениями. Так, закон от 2 февраля 1915 г. «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях» стал основанием для высылки в Сибирь немцев с Вольни.

¹⁸² Основан в 1841 тремя братьями Вогау. Крупнейший многопрофильный концерт, возглавляемый Гуго Вогау, сыном одного из основателей, к 1914 г. полностью или частично контролировал 13 финансовых и торгово-промышленных компаний. Улица Воронцово поле соединяет Бульварное кольцо с Садовым. Там находилась главная контора «Вогау & Ко».

¹⁸³ Павел Николаевич Милуков (1859—1943), лидер конституционно-демократической партии, один из лидеров «Прогрессивного блока» в Государственной думе. 1 ноября 1916 в своей думской речи подверг резкой критике премьер-министра Б. В. Штюрмера и императрицу Александру Фёдоровну, фактически обвинив их в измене.

¹⁸⁴ Бадмаев Петр Александрович (Жамсаран) (1849(?)—1920), бурят, врач, специалист по тибетской медицине. Окончив Иркутскую гимназию, в 1871 г. переехал в Петербург к старшему

брату Александру Александровичу Бадмаеву (?—1873), врачу, уже имевшему частную практику. Поступил в университет на восточное отделение и одновременно слушал лекции в Медико-хирургической академии, получил право лечебной практики. В 1875 г. служил в Азиатском департаменте министерства иностранных дел, занимался врачебной практикой. Создал в Забайкалье торговый дом «П.А. Бадмаев и Ко» (1893—1897), организовал «Первое Забайкальское горно-промышленное товарищество», для разработки золотых приисков (1909). Вместе с П.Г. Курловым и Г.А. Манташевым выступил с проектами железнодорожного строительства в Монголии.

¹⁸⁵ Бергман Евгений Эмильевич и София Александровна.

¹⁸⁶ Шлиппе Алексей Федорович, фон (1915—1988 Ридерау, Бавария), художник, профессор, член Русской академической группы в США. Учился живописи в Берлине, Риме (1940—42), Брюсселе (1948—1951). После Второй Мировой войны прожил год в южногерманском городе Ванген, в тесном содружестве с группой русских художников-эмигрантов (Остроумов, Гороховец, Лебедев). С 1954 в США. Преподавал живопись и историю искусства в университете штата Коннектикут. Выставлялся на персональных и групповых выставках, в том числе регулярно в Мюнхене (Grosse Kunstausstellung, Haus der Kunst München). С 1983 г. жил в Ридерау. Выпустил альбом избранных работ и размышлений об искусстве (1986). В 1992 г. на территории университета штата Коннектикут был устроен центр искусства его имени — The Alexey von Schlippe Gallery of Art, частью которого является постоянная выставка картин А.Ф. Шлиппе.

Супруга А.Ф. Шлиппе — Ксения Эммануиловна рожд. Пестмал. Дети: Петр (1943) и Екатерина (1856).

¹⁸⁷ Шереметев Борис Сергеевич (1872—1952), граф, сын С.Д. Шереметева, офицер Кавалергардского полка.

¹⁸⁸ Клинген Иван Николаевич (1851—1922), ботаник, агроном, этнограф, специалист по субтропическим культурам. Окончил МГУ и Петровскую сельскохозяйственную и лесную академию. С 1892 инспектор кавказских удельных имений.

¹⁸⁹ Михаил Александрович (1878—1918), вел. кн. Генерал-майор, член Государственного совета. После смерти брата Георгия (1899) до рождения сына в семье Николая II цесаревича Алексея носил титул наследника. В 1912, тайно венчался с Н.С. Вульфферт (Шереметевской), уволен от службы с запретом въезда в Россию и опекой над имуществом. В 1915 по признанию брака восстановлен в правах. В Первую мировую войну командир Кавказской туземной дивизии, затем 2-го Кавалерийского корпуса. 2 марта 1917 по отречению Николая II провозглашен российским императором. 3 марта отрекся от престола в пользу Временного правительства. Убит 13 июля 1918 в Мотовилихе.

¹⁹⁰ Удельными назывались имения, числившиеся в составе государственных владений, доходы с которых предназначались исключительно на содержание членов императорского Дома. Ведал ими Департамент уделов.

¹⁹¹ Мусин-Пушкин Владимир Владимирович (1870—1923), граф, предводитель дворянства Богородского и Рузского уездов, управляющий Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками, депутат IV Государственной Думы (с 1912 г.), товарищ министра земледелия (1915 г.), после 1917 г. в эмиграции. Умер в Югославии.

¹⁹² Нечаев-Мальцов Юрий Степанович (1834—1913), последний в династии крупнейших предпринимателей и меценатов Мальцовых. Подарил 18 миллионов рублей на постройку в Москве Музея изящных искусств (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина).

¹⁹³ Здесь эти записки обрываются, автор не успел их завершить. Позже Ф.В. Шлиппе дополнил их описанием своих испытаний в 1918—1920 гг.

ОТ РЕВОЛЮЦИИ ДО ЭМИГРАЦИИ 1918–1920

5.Х.47. Брюссель. Свыше двухсот рукописных страниц моих воспоминаний, охвативших революционный период и написанных мною под свежим еще впечатлением по водворении в 1922 году в Далевиц под Берлином, к большому моему огорчению в той же нашей «Далевке» остались и, конечно, погибли во время нашего бегства в 1945 году. Прошли еще тревожные два года, в которые я не имел возможности сосредоточиться. Предполагавшееся кратковременное пребывание в Бельгии в силу некоторых обстоятельств затягивается на неопределенное время. Милейший Евгений Ад[ольфович?] Буткевич, бывший генеральный консул, а ныне представитель ИРО¹, любезно предоставил мне пишущую машинку, и вот я хочу попытаться восстановить в памяти хотя бы в самых общих чертах мои личные переживания того времени, учитывая, конечно, что они не могут быть столь подробны и не могут отличаться свежестью впечатлений.

Пишу в холостяцкой квартире по № 29 рю дю Корнет. Около нашей улицы имеется крохотная, утопающая в зелени и диком винограде уютная православная церковка, когда-то выстроенная из гаража для ныне уже упраздненного детского приюта. Теперь этот храм так, сам по себе, ни к какой из взаимно враждующих епархий, кажется, не принадлежит. Священник, монах, не обращая внимание на стоящие над ним верхи, чуть ли не ежедневно, для прихожан и себя служит Господу Богу, а служит службу длинную, монастырскую. Эта церковь, вероятно, и притянула в эту местность многих русских эмигрантов, с которыми часто приходится встречаться.

Особенно хороша Корнетовская улочка своей близостью к Журдановской площади, где ежедневно, не исключая воскресений и праздничных дней, происходит обильнейший базар, торгующий преимущественно продовольственными продуктами, но и текстильным и сапожным товаром. В 9 часов утра раскрываются палатки, а к 12 часам дня пустые лавки складываются и отвозятся. Днем же эта площадь, очищенная от мусора и тщательно вымытая, служит для всяких игр и представлений, а раз в год, всегда с 1-го октября, сюда наезжает на многих десятках грузовиков целый город балаганов, каруселей, тиров и других народных увеселений. Музыка тогда с утра до глубокой ночи играет непрерывно и одновременно самые разнообразные вещи в разных балаганах. Такова внешняя обстановка, при которой я возобновляю свой, если позволено так сказать, литературный труд. Как раз гремит музыка и слышен гомон веселой толпы.

Внутренняя обстановка следующая: обширная комната par terre (партер) с большим, подобным лавочной витрине, окном, каменный пол, покрытый большим ковром. На

Ф.В. Шлиппе. 1920

стенах любимые мои картины: Горбатова² — Псков, деревня близ Сергиево-Троицкого монастыря, наш далевицкий сад с чайным столом под яблоней и всей нашей семьей. Несколько пейзажей Алика, портрет Сандрика³ работы Остроумова⁴, а также большое полотно Горбатова — «Речка Великая при впадении ее в Псковское озеро». Со слов В.С.Арсеньева⁵, изображено имение «Устье», подаренное во время Великой войны каким-то помещиком-бароном Императрице Александре Федоровне и переданное ею в Татьянинский комитет⁶ для устройства офицерского госпиталя.

В такой вот спокойной, мирной обстановке я мысленно возвращаюсь в грозное время революции и вспоминаю мои личные переживания тех лет.

I

ПЕРВОЕ БЕГСТВО ИЗ МОСКВЫ НА УКРАИНУ

лето и осень 1918

События, которыми я думаю начать мои повествования, относятся ко второй половине июля 1918 г. В Москве распространялись слухи о зверском убийстве всей Царской семьи в Екатеринбурге⁷. Слухи эти казались столь чудовищными, что им не поверили. Настроение было удрученное. Семья моя, как обычно в летнее время, жила в Быкасове, между тем как семья брата и родители уже

не считали возможным оставаться в деревне и переехали в Москву, в Гусятников переулок, в дом его покойного тестя Беренс.

Мое пребывание в деревне было тоже не совсем безопасно, а потому я предпочитал туда только наезжать, а сам продолжал официально заниматься делами Общества Юрия Степановича Нечаева-Мальцова⁸, председателем правления коего я состоял. Фактически моя деятельность была сведена почти к нулю по причине вмешательства советов рабочих депутатов. Живя на Спиридоновке, я часто встречался с проживавшим в Гранатном переулке Михаилом Константиновичем Якимовым, моим старым другом по земской деятельности и Красному кресту. Он, в свою очередь, установил связь с некоторыми эсерами и эсдеками, остававшимися за флагом и после большевистской революции. К их числу относился и известный Савинков. Через него мой друг узнал, что большевиками был составлен список подлежащих аресту москвичей, содержащий 61 имя. Названы были Александр Васильевич Кривошеин, бывший министр земледелия (он после ухода со службы работал в фирме Морозовых), Александр Александрович Риттих, бывший мой начальник по землеустройству и чуть ли не последний до революции министр земледелия, многие другие и сам я. Якимов посоветовал мне немедленно уехать из Москвы и настойчиво повторил этот совет рано утром следующего дня. Я так и поступил, в тот же день уехал проститься с семьей в Быкасово, а проживавшей в нашем доме Елизавете Петровне Берг сказал на случай прихода большевиков, что уехал по делам службы на заводы. По возвращении из Быкасова я только по телефону снесся с Елизаветой Петровной и узнал от нее, что в день моего отъезда уже приходили меня арестовывать. Через Форштеттера, директора одного московского банка, который почему-то исполнял обязанности украинского консула, мне очень быстро удалось получить проездную визу на Украину. В поезде со мной ехал А.А.Риттих. Помню, как мы с ним стояли на площадке вагона в тот момент, когда поезд, сильно замедлив ход, перекатывал через границу. Риттих, уже испытавший тюремное заключение, невероятно нервничал и успокоился лишь тогда, когда показались первые германские и украинские солдаты и было ясно, что мы выскочили из советского рая. Кривошеин прибыл в Киев одновременно с нами, но иным путем. Он с другим поездом доехал до границы, перешел ее пешком в солдатской форме, а дальше доехал на автомобиле. Ему счастливо удалось избежать ареста в конторе Морозовых. Когда к нему пришли в кабинет, у него случайно был открыт стальной шкаф. Красноармейцы увлеклись его осмотром и не обратили внимание, как Александр Васильевич спокойно вышел из комнаты и так же незаметно покинул дом.

В Киеве была радостная встреча с ним и многими другими друзьями и сослуживцами, которым уже раньше удалось выбраться. Со мной в одном поезде приехал и мой товарищ по Сельскохозяйственному институту Владимир Николаевич Штейн. Как разны были наши настроения в 1897 году, когда мы случайно познакомились в поезде по пути из Киева в Москву. Он уже был в зеленой форме студента Петровско-Разумовского, а я возвращался после многомесячного

Золотая свадьба Владимира Карловича и Ольги Альбертовны ф.Шлиппе. 12/25 сент., 1920 года в Дрездене, Zeblerscher Weg. Среди гостей: Маргарита Владимировна, Виктор Викторович Шлиппе, Ада Фальц-Фейн, Альберт Владимирович Шлиппе, Хуго фон Вогау, Е.П. и Ф.В. Шлиппе, Мария Андреевна Шванебах, урожд. Беренс, Лидия Набокова, урожд. Фальц-Фейн, Б.Ф. и П.Ф. Шлиппе, Г.К. и В.К. Шлиппе, Б.В. Шлиппе

путешествия с Международным геологическим конгрессом, с намерением надеть эту же форму.

Об Украине того времени и ее правителе гетмане Скоропадском⁹ столько написано, что нет надобности характеризовать это, выросшее из войны и революции, кратковременное государство. Помню, как на съезде хлеборобов один сельский учитель выступил с обличительной речью, жаловался, что с тех пор, как стало обязательным преподавание украинского языка и отмена русского, школы опустели, ибо «украинский язык также искусственно выдуман, как и сама Украина». Эта фраза, к моему удивлению, но и радостному успокоению, была встречена громом аплодисментов. После этого мне показалось, что сепаратистское движение не имеет корней в самом населении, лучшими своими представителями, участвовавшими на съезде. Но, конечно, ловкой пропагандой можно как угодно развратить мышление народное. Сам Скоропадский мне говорил, что он пошел на предложение принять гетманство и отделить Украину от остальной России только из тех соображений, что тем самым создастся, как он надеялся, незатронутый большевизмом оазис, откуда будет распространяться оздоровляющее влияние.

В ближайшем окружении гетмана я застал многих старых друзей. Должность председателя совета министров занимал бывший председатель Полтавской Губернской земской управы Лизогуб, министром внутренних дел был Игорь Александрович Кистяковский, известный московский присяжный поверенный, который между прочим был юрисконсультом Ю.С.Нечаева-Мальцова. Товарищем министра был Сергей Тимофеевич Варун-Секрет, бывший товарищ председателя Государственной Думы, министром земледелия — Колокольцов, знаменитый председатель Волчанской уездной земской управы, которая из всех уездов России по развитию земского дела шла впереди и служила показательным примером. (Этот выдающийся человек, столько в жизни сделавший на благо населения, в эмиграции дошел до полной нищеты и лишил себя жизни.) Встретил я там и А.А.Эноско-Боровского и Афонасенко, сменивших меня в свое время на посту вице-директора Департамента земледелия, и многих других. Очень быстро закрутились всякие совещания, главной задачей которых было, конечно, изыскание способов освобождения России от большевистского ига. Общий российский вопрос интересовал всех украинских деятелей гораздо больше, чем мысли об укреплении самостоятельной Украины. Некоторые из этих совещаний, наиболее серьезные и конфиденциальные, происходили на квартире С.Т.Варун-Секрета. В этих совещаниях принимали участие и некоторые представители низвергнутого Временного правительства. Познакомился я там с П.Н.Милюковым, встречал и лиц из кругов оппозиционной общественности, таких как князь Павел Дмитриевич Долгоруков¹⁰ и другие. Совещания эти реального значения не имели, но были интересны, так как там всегда получалась новейшая информация. Там мы узнали о формировании добровольческих армий, об избрании генерала П.Н.Краснова наказным атаманом, о его расхождении с Деникиным¹¹ и т.д.

Меня все эти совещания совершенно не удовлетворяли, ибо я чувствовал полную бесцельность наших бесед; вместо активной работы мы занимались теоретическими спорами и шли кто в лес, кто по дрова. Неоднократно я хотел прекратить посещение этих вечеров, а когда наступал час, то все-таки тянуло и повидаться и поболтать. Менее серьезные разногласия были у Краснова с гетманом Скорпадским, они, во всяком случае, не помешали им устроить даже личное свидание на границе двух вновь созданных государств, вырезанных из российского тела. Генеральские раздоры не предвещали ничего доброго, тем более, что довольно быстро стало развиваться левое самостийное движение под руководством широго украинца Петлюры¹², имя которого до тех пор не было известно. Пока держалась Германия, и Скоропадский мог опираться на оккупационные войска, это подпольное движение было не страшно. Но как только после отречения Вильгельма¹³ стала распадаться дисциплина германских войск, так опасность этого движения стала очевидной.

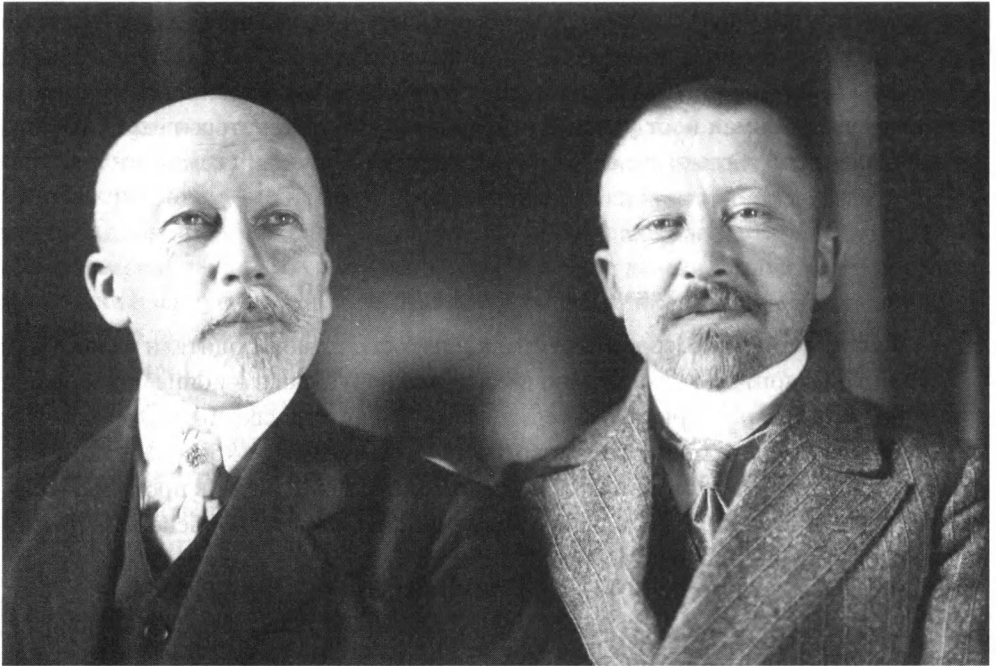
Перед спешным своим отъездом из Москвы я с трудом наскреб 50 тыс. рублей, так как все банковские вклады были уже конфискованы. С собой я взял не много, а остальное, отдал семье. Надо было зарабатывать. Графиня Елизавета

Васильевна Мусина-Пушкина, недавно овдовевшая, предложила мне разобраться в крупном имуществе ее покойного мужа. Ее сын, очень толковый и быстро соображающий молодой человек, не имел делового опыта; поэтому я должен был не только сам изучить общее положение и составить баланс имущества и доходов, но одновременно ввести в дело и молодого графа. Начались весьма интересные поездки по имениям с сахарными заводами в Киевской и Черниговской губерниях. К сожалению, я не помню названий этих прекрасных владений, но мысленно вижу их перед собой: красивые усадьбы, тучные поля, отличный урожай сахарной свеклы и пшеницы, громадные стада волов, откармливаемых сахарной бардой, довольных работников. Сентябрь и октябрь я провел с молодым графом в почти непрерывных путешествиях. Имущество оказалось громадное, в полном порядке, невзирая на войну и оккупацию, доходы большие, так что мой труд безболезненно мог быть щедро вознагражден. При расчете с графиней я получил крупную сумму, но должен был одновременно исполнить одну ее просьбу, а именно, дать ей возможность перевести на валюту украинские червонцы. Тут стоит упомянуть, что в свое время мне удалось вернуть Ливерпульской хлопковой фирме заключенные с ней контракты на покупку большого количества хлопка для текстильных заводов Нечаева-Мальцова. Так как цена хлопка поднялась, то согласно договора, избыток шел в пользу нашей фирмы. Большевистский контроль счел эти контракты опасной спекуляцией и их не признал, такими образом я получил возможность ими лично распорядиться. Теперь я имел при себе документы на 38 тысяч фунтов стерлингов, которые берег для их законного владельца графа Павла Николаевича Игнатьева. Граф был в это время на Кавказе, сношения с ним были затруднительны. Но мне было известно, что он терпит нужду. Обдумывая просьбу Мусиной-Пушкиной, я согласился ей пойти навстречу в размере 3 тысяч фунтов, имевшихся в виде отдельного письма. Полученные за них по курсу триста тысяч червонцев я распределил на три равные части. Одну сотню тысяч препроводил через один верный банк Игнатьеву на Кавказ, другую дал на хранение Адельгейму, старому другу графа в Киеве еще со времени его там губернаторства, а последнюю взял себе как зачет за недоплаченное мне в большевистское время содержание и проценты. Об этом, в общем-то малоинтересном деле я здесь упоминаю потому, что некоторое время спустя, уже в эмиграции, из-за него возникли недоразумения, которые чуть было не нарушили наших с Игнатьевым дружеских отношений.

На одном из вышеупомянутых совещаний князь П.Д. Долгоруков мне сообщил, что он виделся с одной дамой Лидией Васильевной, которая, узнав о моем приезде в Киев, просила, чтобы я ей немедленно позвонил. Фамилию этой дамы мне тоже назвали, но мне она была не знакома, и я недоумевал, с кем придется встретиться. Из разговора по телефону сейчас же выяснилось, что это была милейшая Лидочка Липская, в которую я гимназистом в Екатеринославе¹⁴ смертно был влюблен, когда был и, кажется, пользовался взаимностью. Не возвращаясь в заседание, я прямо поехал к ней и остолбенел, увидев передо мной Лидочку

такой же молодой, свежей и красивой, какой я ее помнил с 1892 года. Прошло 26 лет, у меня уже появилась проседь, а она блистала молодостью. Поразило меня только, что на мой восторженный возглас «Лидочка!» — она на меня посмотрела с полным недоумением. Ошибка выяснилась тут же, когда к нам вышла очень бельфамистая¹⁵, но все же с признаками наступающей осени, сама Лидочка-мать. Немного забегаю вперед, расскажу, что когда я в декабре 1918-го года уезжал уже в сильные морозы из Киева в Ригу, Лидочка дала мне с собой, не спросясь мужа, одну его меховую шубу. Хотя у него была другая, новая шуба, он остался этим недоволен. Во время двухнедельного путешествия до Риги в нетопленных скотских вагонах эта енотовая шуба сослужила мне хорошую службу, без нее я в своем легком летнем пальтишке, вероятно, погиб бы. Года два или три спустя я имел возможность вернуть ее хозяину, тоже уехавшему за границу. Тут эта шуба оказалась спасением и для него, ибо от продажи ее он выручил столько, что смог полностью экипироваться, проехать в Париж и прожить до момента нахождения заработка. Жены его еще до его выезда скоростно скончалась. С благодарностью вспоминаю об этом милом человеке.

В Киев приехал и Виктор Густавович Шлиппе, мой двоюродный брат, который по поручению владельца Аскании Новы Фридриха Фальц-Фейна разработывал какие-то дела в связи с продажей леса из его польского имения. Приехал и Лука Богданович Люц, бывший член Государственной Думы, который здесь выполнял функцию связного между гетманом Скоропадским и командованием оккупационных германских войск. Встретил я там и Шуру Гантерта в форме гетманского офицера. Как-то я был приглашен на обед к гетману. Обед был парадный, человек на 50. Поразило меня исключительно красивое убранство стола. На стенах висели подделанные под старые, а может быть и действительно старые, но плохо написанные портреты гетманов. До обеда граф Дмитрий Адамович Олсуфьев познакомил меня с женой гетмана, Александрой Петровной, дочерью Петра Павловича Дурново, бывшего Московского генерал-губернатора, я его упомянул, описывая празднование 50-летия земских учреждений. Установленное с Александрой Петровной знакомство продолжалось и в Берлине вплоть до 1945 года. За обедом я видел одного полковника, который мне казался приближенным к гетману, и его же я снова встретил всего несколько месяцев спустя, теперь с окладистой бородой, в штабе Петлюры, куда меня привели для допроса. Как непрочны были все эти формирования, и как неверны и бесхребетны люди в них участвовавшие! Установилась и связь с самим гетманом. Несколько раз Павел Петрович меня приглашал для бесед, преимущественно по земельным вопросам, но так как эти разговоры ни к чему не приводили, и мне все яснее становилось не долговременность гетманской власти, я постепенно стал от них уклоняться. Впоследствии он, видимо, под влиянием щирых самостийников сам уверовал в необходимость полного освобождения Украины от «поработившей ее Московии», а в свое время он чувствовал себя больше свитским генералом Русского Царя, чем сепаратистом. Как человек, как вельможа, красивый представитель виднейшего

Ф.В.Шлиппе и К.А.Гальяшкин. 1920-е гг.

из гвардейских полков, Скоропадский произвел на меня симпатичное впечатление, но его понятия о внутренней и внешней политике Украины мне показались недомыслием, сумбуром, а особенно не нравилось его покорное, подобострастное отношение к представителям германского командования.

Еще со многими пришлось в Киеве повидаться из прежних друзей и знакомых. В частности, там состоялась встреча и примирение с бывшим московским губернатором графом Николаем Леонидовичем Муравьевым, который признал несправедливое ко мне отношение во время войны, попросил простить ему и перейти на дружеское «ты»

Четырехмесячное мое пребывание в Киеве было весьма приятной передышкой после без малого годового испытания большевистского режима. Время прошло быстро как фильм на экране. Прибыл я в жаркий июльский день, еще с месяц ежедневно купался в Днепре, а к концу ноября уже завернули крепкие морозы. Случайно я узнал через приехавшего Готфрида Лессинга¹⁶, что моя семья, а также мои родители и братья уехали в Ригу, в то время также оккупированную немцами. Мы сговорились с Виктором и в начале декабря двинулись в путь. В это время революция в Германии¹⁷ уже привела к быстрому распаду воинской дисциплины, чем не преминули сейчас же воспользоваться Петлюровские отряды. Раз пять или шесть нам с Виктором надо было переходить из зон гетманского в зоны

петлюровского влияния. Две недели мы были в пути, преодолевая всевозможные трудности, и двоюродный брат был мне прекрасным товарищем. По пути встретил я Федора Иосифовича Шлеммера, бывшего моего сотрудника по землеустройству, который занимал пост уездного губернатора. В двадцатых числах декабря мы прибыли в Ригу, где застали в добром здравье всю нашу семью.

II РИГА

20 декабря 1918 по 15 апреля 1919 г.

Жена с детьми и Верой, няней младшего сына, мои родители с братьями и сестрой Маргаритой благополучно выбрались из Москвы в конце октября под видом балтийских репатриантов. Герман Берг¹⁸, как для своей семьи так и для всех наших выхлопотал документы, которые обеспечили всем безопасный выезд и проезд до Риги. Рига была под германской оккупацией и там в противоположность к Киеву, несмотря на падение императорской власти, воинская дисциплина как-то по инерции держалась.

После моего отъезда на Украину летом 1918-го года жена с детьми оставалась в Быкасове и продолжала свои хозяйственные работы. Население относилось к ней с большим вниманием и заботой. Были некоторые грубые проявления со стороны местных большевистских комиссаров, но крестьяне ее в обиду не давали. Только после полного окончания уборки, когда все было за наш счет и нашими трудами завершено, сперва потребовали сдачи всего урожая, а затем велели немедленно оставить усадьбу. Московская наша квартира была уже занята другими, пришлось семью распределить по разным местам. К счастью, скоро устроилось дело с выездом в Ригу. Но и этот короткий срок был чрезвычайно волнительный. Жену неоднократно вызывали в Чрезвычайку для допроса обо мне. Только сообщение о моей гибели дало ей возможность как вдове получить право на выезд из Москвы. Документ был подписан красными чернилами комиссаром Караханом, который спустя несколько лет сам сделался жертвой террора.

В Риге семья устроилась так: родители разместились в квартире стариков Бергман, в то время уже покойных; рядом в квартире их сын Евгений с женой Соней, урожденной Шлиппе. Лиля сняла хорошую шестикомнатную квартиру на Елизаветинской улице, где поселилась с сыновьями и своей матерью и сейчас же организовала на коммерческих началах общественную столовую. Имея от 30 до 40 клиентов, она могла почти даром прокормить свою семью. Бабушка готовила, а жена скупала провизию, привлекала клиентов и со свойственной ей энергией и умением вела все дело. Братья работали в каком-то садоводстве, сестра Марга вела хозяйство и ухаживала за родителями. Мальчики опять начали учиться в школе. В такой обстановке я застал всю семью. Радость встречи была велика, а для них мое появление было к тому же и неожиданно. Рига в то время жила вполне мирной жизнью при полном порядке и совершенной обеспеченности. Улицы блистали

чистотой, базары были полны товарами и покупателями, цены нормальные, публика была довольная и спокойная. Ужасы революции сразу куда-то далеко отошли, и так было приятно жить опять после долгого времени в кругу своих близких и в таких прекрасных условиях. Конечно, чувствовалось, что это только короткий этап, что не следует засиживаться, а необходимо продолжать путь за пределы российских границ. Но надвигавшееся Рождество и желание, хотя бы этот великий праздник провести спокойно и уютно, побуждало нас не торопиться с дальнейшим передвижением. Опасность, казалось, еще далека. Провели великолепно праздники и в кругу семьи, и в общении с родственниками, друзьями и знакомыми, которые тем же порядком из Москвы добрались до Риги. Был там и дядя Густав Карлович Шлиппе с семьей, Карнацы¹⁹, барон Крюденер-Струве²⁰, и многие другие. Русская колония была довольно большая. Меня попросили в одном собрании сделать доклад о моих украинских впечатлениях. Мои сведения и впечатления диаметрально противоречили тем слухам, которые здесь ходили. Люди были разочарованы, но все же рады получить достоверные сведения о событиях на Украине, хотя услышанное должно их было побудить к дальнейшему продвижению. Наступил Новый 1919 год. Встретили мы его еще весело и беззаботно. Все собрались и три поколения дружно отпраздновали этот переход.

А в ночь на второе января запылал зловецким пламенем Рижский городской театр. Этот пожар, потребовавший много жертв, был не случайный. Поджог театра должен был послужить сигналом для большевистской революции в Балтийском крае. Уже на другой день повсюду появились группы красногвардейцев, преимущественно латышей, которые стали нападать на немногочисленные германские оккупационные части и громить учреждения. Непонятно для чего вмешалась английская эскадра, прибывшая в Рижский порт. Она дала несколько пушечных выстрелов по городу, разрушила какую-то школу и удалась. В эти дни началось бешеное захватывание пассажирских и грузовых пароходов для отъезда из Риги. Пошел и я посмотреть на пароход и должен был, к сожалению, убедиться, что в таких условиях ни родителей, ни детей везти нельзя. Сверх всяких норм набивались трюмы пароходов, спускались туда люди на лебедках, раздавался крик и стон. К тому же погода стояла дождливая и ветреная, так что пассажирам еще предстояла качка. Все-таки многие рискнули выехать, в том числе Карнацы. Впоследствии я часто сожалел, что у меня не хватило мужества вывезти семью, ибо то, что пришлось бы нам пережить на Балтийском море в течение каких-нибудь трех или четырех дней, не может сравниться с теми мучениями, которые выпали на нашу долю в течение всего 1919 года.

Через несколько дней германские войска удалились, а большевики вступили и заняли город. По трафарету пошло углубление революции. То, что в Москве продолжалось месяцами, здесь совершалось в несколько дней. Во главе оказались уже прошедшие революционную школу латыши, беспощадно действовавшие по определенным планам. Кроме революционного пафоса ими еще руководила национальная ненависть к балтийским немцам, почему их меры имели исключительно

злобный, зверский характер. Спасаться пришлось под защиту всяких учреждений. Братья работали уже в садовом заведении, а мне пришлось поступить лаборантом в химическую лабораторию Технологического Института, где муж моей двоюродной сестры Вали Бурсиан был профессором²¹. Работа была легкая и интересная, я после многих лет имел опять возможность вернуться к химическим анализам, чем так увлекался в студенческие времена. Первые два месяца сравнительно беспокоили мало, хотя и были некоторые неприятности из-за паспортов и квартиры. Арестован был Валя Берг, который по указанию своего отца еще до прихода большевиков внес баронский титул в свой паспорт, а после их появления неудачно стер эту вставку и был привлечен за незаконное исправление паспорта. Затем был арестован управляющий графа Шереметева, почтенный старик, имени которого не помню. Он так и не вернулся и по слухам был расстрелян. На жизни в городе приход большевиков отразился катастрофически. Провизия сразу исчезла, базары опустели, вместо рыбы и овощей продавались только похоронные веночки и крестики. Замерло движение, почувствовался нажим тяжелой мертвящей руки. Нам пришлось уплотниться. Родители переехали к нам. В один из вечеров мы в ожидании ужина засели, три брата с отцом поиграть в винт. В это время с шумом и криком ввалилось несколько вооруженных латышей и всю нашу семью за исключением няни Веры повели в милицию. Даже трехлетний сын Алик, который уже спал, по требованию красногвардейцев был разбужен и взят с собой. Дома осталась Елизавета Петровна Берг со своими детьми. Арестованы были мои родители, Лилина мама, сама Лиля, сестра, два брата Борис и Альберт, три сына и я. Сперва нас отвели в какую-то городскую квартиру и, вместе с примерно тридцатью другими, заперли в небольшой пустой комнате. Расположиться пришлось на голом полу при полной темноте. Так мы просидели до четырех или пяти часов утра. Было еще темно, нас с руганью и криком подняли и велели собраться на улице. Детей всех трех отпустили домой. Собралась довольно большая группа арестованных, нас поставили по четыре человека в ряд. Перед уходом нам был объявлен лозунг: «помощник смерти». Что это означало, нам не разъяснили. В грозном тоне было заявлено, что отстающий будет на месте расстрелян. Отцу было уже 85 лет, и хотя он для своего возраста был исключительно бодрый, у нас все-таки было основание опасаться, что он не выдержит далекого марша. Слухи ходили, что нас ведут в центральную тюрьму, расположенную в пяти километрах от центра города. Погода была прескверная, при легкой оттепели шел снег и дул сильный ветер. Мы с братом Борисом взяли отца под руки, Альберт повел мамаш, жена и сестра помогали. После часового хождения мы без потерь добрались до тюрьмы. Там нас встретил невероятно грубый сторож на костыле и объявил, что нам приутовлены отвечающие нашему высокому положению помещения. Тут же нас разделили, и только мне удалось присоединиться к отцу и вместе с ним занять одиночную камеру. Вскоре туда привели еще двух людей. На единственные нары мы положили отца и дали ему отдохнуть от утомительного марша. Продержали нас там несколько дней и кормили одним

Ф.В. и Е.П.Шлиппе провожают сына Петра в Конго. 1928 г.

ломтем хлеба и одной кружкой какой-то темной бурды, в которой иногда плавали картошины. Затем нас перевели в другое, нетопленное здание, в котором лопнули водопроводные трубы, вода разлилась по комнатам, и на полу образовался толстый слой льда. В одну из таких комнат нас ввели человек 30. Встретили мы там много знакомых из балтийской знати, пасторов и профессоров. Собственным теплом мы растопили лед, образовалась невероятная грязь по щиколотку, в которой мы шлепали несколько дней. Один из заключенных, энергичный учитель гимнастики, стал для согревания мелкой рысью бегать по комнате, к нему один за другим стали присоединяться, и наконец гуськом бежали все, кроме стариков и немощных. Этот спорт нас и согревал и отвлекал. Появилось чувство общности, и все немного подбодрилось и успокоилось. Просидели мы там недели две. Некоторых вызывали, но за малым исключением скоро опять возвращали. Отец мой составил список имен, деливших с нами судьбу. К сожалению я могу вспомнить только немногих, в том числе барона фон дер Рекке, который отличился тем, что при переключке на имя Рекке не отозвался, а на повторный запрос ответил, что «здесь Рекке нет, но есть барон фон дер Рекке», чем невероятно рассердил комиссара. В конце второй недели явилась комиссия во главе со старым седовласым большевиком, много лет просидевшем в Сибири. По алфавиту был произведен обстоятельный допрос. Очередь до нашего имени дошла на следующий

день. Когда меня вызвали к допросу, то мне задали удививший меня вопрос: знаком ли я со свекло-сахарным производством. Имея трехмесячную практику по поездкам для осмотра сахарных заводов графини Мусиной Пушкиной и сообразив, что на этом вероятно кто-нибудь строит план моего освобождения, я заявил, что являюсь специалистом.

Как я потом узнал от моей матери, в тот момент, когда комиссия ее допрашивала, в комнату вошел один из профессоров Политехникума и в энергичном тоне заявил, что его лишили лучшего сотрудника и большого специалиста по свекло-сахарному производству Шлиппе, что его надо немедленно освободить для исполнения важного правительственного поручения. Потом я этого профессора коротко видел, досадую, что не помню его имени, но вижу его перед собою, высокого роста, с бородкой и кудрями светлых волос. Он вскоре умер, и мне не пришлось его поблагодарить за его заступничество. Если бы он так смело не поступил, то вероятно мне и моей семье пришлось бы разделить участь наших сотоварищей по центральной тюрьме. По сведениям, позже напечатанным, они большей частью из заключения не вернулись, были или расстреляны или умерли с голоду. Свою глубокую признательность я хочу запечатлеть на этих страницах. Если когда-нибудь мои дети или внуки будут читать эти строки, то пусть они благоговейно подумают о том безымянном человеке, доброта и мужество которого спасли нашу семью.

После краткого допроса мне было сказано, что я свободен и должен явиться в Политехникум. Я потребовал освобождения отца, братьев и всех членов семьи. На другой день все были освобождены, я их дождался в тюрьме и вместе с ними ушел. По ошибке жена была вторично арестована, но на следующий же день отпущена. Правительственное поручение, о котором говорил профессор, заключалось в командировке для закупки на юге России свеклосахарных семян для испытания культуры свеклы в Латвии. Я принял это поручение с условием, что семья моя будет принята под защиту правительства, за ней закрепят квартиру и не будет уплотнения.

III

ОДИССЕЯ ОТ 15.IV.1919—15.IV.1920

На все это власти согласились, снабдили меня латвийским паспортом, в котором имя и фамилия были несколько искажены: я значился Теодорас Шилпас. В день моего рождения 15 апреля состоялся после некоторых подготовительных работ мой отъезд. В товарном вагоне мы повезли несколько сот хороших мешков для засыпки свекло-сахарными семенами. В качестве политического надзирателя за мной был командирован молодой латыш Рацис. Форма у него была полукрасноармейская, вооружен был с головы до ног: два револьвера, шашка, солдатское ружье со штыком и ручная бомба. Вооружения он из рук не выпускал. Оказался он довольно безобидным юношей, сбитым с толку и попавшим из-за пустяка в ссылку. Там он изучил политграмоту и оказался убежденным большевиком. Он

участвовал в штурме Риги, отличился, и за это получил ответственное назначение сопровождать белого спеца. Довольно скоро мне удалось его приручить, я называл его сынком, готовил нам обоим пищу, делал закупки, занимал его естественно-историческими вопросами и вообще обращался с ним не как с моим охранником, а как с товарищем по общему поручению.

В последние недели до моего отъезда в Риге стал чувствоваться голод. Не было ни мяса, ни хлеба, ни овощей. Лиля с невероятным трудом раздобывала конину, ездили далеко за капустой и картошкой, жиров не было совсем. Лиля за три месяца похудела до неузнаваемости. Когда я по пути в Харьков переехал латвийскую границу и уже на русской стороне на станциях крестьянки продавали масло, то я с такой жадностью на него набросился, что съел целый фунт прямо так без хлеба.

Наш первый этап был город Сумы, где я надеялся скупить семена на заводах Харитоненко. Там продажных семян не оказалось и мы поехали в Богодухов, чтобы оттуда объехать заводы сахарного короля Кенига²². Знакомство с его бо-фисом²³ Андреем Егоровичем Вебером, нашим соседом по Быкасову, мне открыло все двери. В первом же имени оказались прекрасные семена и я закупил два вагона. Рацису пришлось поехать в Киев за деньгами, так как его в Риге таковыми не снабдили, но там он без всякой надобности застрял на три недели. По приезде его мы быстро погрузились и двинулись в обратный путь через Харьков. Один вагон был полон до отказа, а во втором мы оставили свободным серединный проход, в котором сами поместились. В Харькове, это было в 20-х числах мая, нам отказали в путевке на Ригу. После всяких запросов Рацису было под секретом сказано, что в Риге имело место сражение с белыми войсками немцев, балтийцев и латышей, которым удалось вновь завоевать город и распространиться на всю Латвию²⁴. Перед нами встал вопрос, как быть дальше. Я настаивал на необходимости вернуть семена, в надежде, что мне удастся остаться на Украине и постепенно перебраться к белым армиям, оперировавшим на юге. Рацис же потребовал продолжения путешествия до Москвы, где он хотел сдать семена и получить указания о моей дальнейшей судьбе. Возвращение в Москву после года моего бегства оттуда, мне, конечно, не улыбалось, я всячески старался переубедить своего охранника, но он оказался таким упрямым, что ничего мне сделать не удалось и пришлось подчиниться его воле.

Перед самой Москвой мы еще чуть не погибли. Наш поезд на последней товарной станции должен был быть рассортирован. Это делается для скорости довольно простым способом. Поезд устанавливается на более возвышенном месте, с которого вагоны самокатом спускаются по разным направлениям. Докатываясь до стоящих на этих путях вагонов, они всею силой ударяют в их буфера. К нашему счастью стрелочник перед спуском наших двух вагонов обратил внимание, что у одного из них не было ни наружных пломб, ни замков. Он заподозрил, что там могут быть люди, дело было глубокой ночью, и стуком в дверь нас разбудил. Мы с трудом успели выскочить, Рацис со всей своей амуницией с ручными

гранатами включительно, как вагоны покатались и ударились в другие. Когда мы подошли и вскрыли вагон, то оказалось, что все мешки с боков свалились на серединный проход и мы неминуемо были бы убиты даже если бы не произошло взрыва гранат.

Оказался я опять в Москве, но уже на совершенно иных основаниях. Рацис считал меня своим пленником, который наверно хотел бы присоединиться к белым в Риге, а потому поместил меня вместе с собой в партийное общежитие на Малой Дмитровке. Оттуда мы в течение первых нескольких дней обходили все учреждения, которые могли бы иметь какое-либо отношение до сахарных семян. Отовсюду нас с руганью выгоняли, беспорядок происходил неопиcуемый, и действительно, кому было дело до бесцельно загнанных в Москву свекло-сахарных семян. Через мои старые связи удалось найти разрешение этого вопроса и мы благополучно избавились от нашего груза. Остался вопрос о моей персоне. Я за это время установил связь с братом Карлушей и его семьей, с сестрой Алисой и другими родственниками. Узнал, что Александр Дмитриевич Самарин и Владимир Федорович Джунковский сидят в тюрьме, а многие из друзей пропали без вести.

С Рацисом я после долгих уговоров и убеждений договорился до того, что он во время одной из совместных прогулок меня просто утрачивает и докладывает своему начальству, что такой-то латышский подданный (он и имени моего толком не знал) сбежал. Этим моя связь с ним и кончилась. Я вступил в переговоры с моими друзьями по Петровско-Разумовской Академии, в ведении которой находилось несколько образцовых хозяйств из конфискованных помещичьих имений, и вскоре получил скромное место заведующего небольшим имением по Николаевской железной дороге. Когда я там обжился, я пригласил сестру Алису ко мне переехать и заняться нашим общим домашним хозяйством. Лето стояло дивное и, живя в тиши и отличных условиях, мы успокоились и блаженствовали. Так прошло месяца два. В середине августа мое начальство послало меня в Москву купить лошадей, которые были нужны для уборки. Цены на рынке оказались много выше того, что мне было назначено, а потому мне потребовалось испросить специального разрешения у профессора Стебута²⁵, который возглавлял все совхозы, находившиеся в ведении Сельскохозяйственной Академии. Я пошел на его частную квартиру на Никитском бульваре, но там был встречен вооруженными красноармейцами, которые меня тут же ввели в одну комнату, где уже сидело несколько человек, и заперли за собой дверь на ключ. Я оказался арестованным. Из бесед с моими товарищами по несчастью, между которыми оказались и знакомые по академии, выяснилось, что Стебута в эту ночь должны были арестовать, но он вероятно об этом узнал и скрылся. В квартире оставался его старик отец, в прошлом также известный профессор еще дореформенной Петровской академии, который в полном рамолисменте²⁶ бродил по комнате, совершенно не понимая, что происходит. Поздно ночью явилась комиссия Чека, чтобы проверить документы. К сожалению, многих увели, но меня по рассмотрении моего латышского документа сейчас же отпустили на все четыре стороны. Несмотря

Postausweis Теодора (Федора) фон Шлиппе. Берлин, июнь 1940 г. (на 3 года)

на то, что после десяти вечера строго запрещалось показываться на улицах, мне не разрешили остаться до утра в доме, а выгнали на мой собственный риск. Было уже далеко за полночь. Я решил пробраться к брату Карлуше, который жил в то время уже не в собственном доме в Гусятниковом переулке, а где-то около Воронцова поля. Когда я дозвонился, выскочила в растерянном виде его жена Маша и сообщила, что часа два тому назад Карлуша после обыска и допроса был арестован. Главным образом его спрашивали, имеет ли он сведения о месте моего пребывания. Маша убедила меня сейчас же удалиться и к ним не возвращаться. Одни чекисты меня искали, а другие меня имели в руках и выпустили. Я объясняю себе это удачным искажением имени на паспорте.

Вернулся я к Алисе в имение, доложил о случившемся моему начальнику по управлению имением и старому сослуживцу по земской деятельности А.П.Левецкому. Он мне обещал изготовить официальное поручение на юг России для покупки скота, а до его получения было решено мне переехать в имение Луговое, где была центральная опытная станция, в ведении которой находилось и Быкасово. У моего приятеля Дмитриева я переночевал несколько ночей на застекленной веранде, вход в которую из квартиры был так заставлен, что не могло быть подозрения, что там скрывается человек. Во время пребывания в этом затворе я тщательно изучал всякие маршруты и как только документы были

получены, двинулся, чтобы замести следы, сперва по Александровской дороге до Вязьмы, а оттуда на Калугу. В Калуге я должен был обратиться к одному безногому офицеру, принятому на службу переписчиком в местный совдеп. Тот меня снабдил документом «архитектора железнодорожного чека» и послал произвести ремонт зданий, начиная с города Сухиничи. Там я добросовестно составил смету исправления здания старого трактира и сказал местным властям, что пойду набирать рабочих для ремонта. Вышел и прошел по заранее изученным путям верст тридцать или сорок до имения Колодези, принадлежавшего дяде Густаву Карловичу Шлиппе; там продолжал жить его сын Лева, состоявший до революции Козельским уездным предводителем дворянства. Так как он пользовался любовью и доверием местного крестьянства, то он еще осенью 1919 года спокойно жил в своем имении. Только он не занимал больше весь дом, а только небольшую, но вполне достаточную для его семьи часть, а другая была отдана под школу. Даже лошадьми он имел право пользоваться. Неожиданное мое появление всех очень поразило, но и обрадовало, так как через меня им удалось после долгого времени получить сведения о его родителях и сестре Лидочке, которая перед самым нашим арестом в Риге вышла замуж за Карла Романовича Лемана и уехала в Москву. Через несколько дней мы слевой по старинке на лошадях поехали в другое имение дяди Густава — Чернышино, где так же спокойно жил и благоденствовал другой его сын Николай. Он заведовал официально заводом по изготовлению фанеры, построенном в свое время его отцом для использования больших лесов имения и соседних казенных лесничеств. Николай, уйдя в отставку после повреждений, полученных им при взрыве «Петро-Павловска», занялся своим фанерным заводом и работал с большим успехом. Как опытного спеца большевистские власти его оставили.

Несколько недель я провел с двоюродными братьями и их милыми семьями, чувствуя себя в старой помещичьей атмосфере. Питались отлично, бывала и водочка, которой с большим усердием заведовал младший их брат Володя. Он был, как говорится, любимец публики. Крестьяне его радостно у себя принимали, через них он узнавал всякие новости и служил нам очень ценной ходячей газетой. Делами он занимался мало.

Вчетвером мы стали обдумывать план моего дальнейшего передвижения. Изучены были все карты, я наизусть выучил названия сел и деревень по пути странствования, для меня была приготовлена обмундировка настоящего мешочника. Не хватало только компаньона, но и тот, благодаря Володиным связям, скоро нашелся. Это был бывший исправник одного из уездов Калужской губернии, который вследствие своего полицейского прошлого должен был скрываться. Мы с ним договорились и наметили себе путь по направлению к Белой армии Деникина, который в это время уже продвигался к Орловской губернии. После нежных проводов мы в одно раннее утро двинулись в путь с намерением проходить в день не менее тридцати верст. В несколько дней мы благополучно добрались до

города Мценска²⁷, где пришлось в корне переработать наш маршрут. Пребывание на этом этапе достойно быть особо отмеченным.

У одного из однодворцев на окраине города мы узнали, что не в далеке от города находится хутор Абрикосова, где изготавливаются сушеные овощи. Я знал хорошо брата этого Абрикосова, а потому решил к нему зайти и, если возможно, переночевать. Вошли в кухню с черного хода. Вышел хозяин, еще молодой интеллигентный человек. Через несколько минут разговора я рискнул ему назвать свое имя. Он уперся в меня глазами, затем выскочил из кухни в дом и стал громко звать свою жену Машу. Оказалось, что его жена была урожденной княжной Оболенской, сестра которой была замужем за бывшим министром внутренних дел Н.А.Маклаковым. Ее мать княгиня жила вместе с ними на хуторе. Она была дочерью той сестры Льва Николаевича Толстого, которая потом стала монашенкой, и к которой Толстой пришел перед смертью в монастырь²⁸. Сестер Оболенских я знал по Туле и мы воскресили в памяти прошлые хорошие времена. Абрикосов нам заявил, что через час ожидается осмотр его фабрики представителями власти, а потому посоветовал нам пока что уйти не только из его именища, но даже из уезда и даже губернии. Это было очень просто, ибо совсем близко уже начинался Чернский уезд Тульской губернии, и там находилось соседнее имение Горбовых. Я знал и Горбова и его жену — сестру моего друга Сергея Николаевича Маслова, председателя Орловской губернской земской управы: посмотреть остатки их прекрасного имения мне было интересно. Абрикосов нам сказал, чтобы мы вечерком вернулись, но если на березе перед домом будет висеть тряпка, то значит входить нельзя.

Ясная и теплая осенняя погода в этот день неожиданно повернула на зиму. Пошел мелкий снежок, и сразу похолодало. Мы были одеты по-летнему в простых сапогах и летнем пальто. Управляющий имением Горбовых, очень милый латыш из правых, предложил нам изготовить самодельные валенки. Он взял хорошие лапти, проложил нутро войлоком и привязал их к нашим сапогам. Действительно получилось нечто вроде теплых ботинок, что нас спасло от простуды. Имение было замечательное, с прекрасным домом и богатейшей библиотекой. Усадьба не была разрушена, но как раз при нас на телегах вывозили книги в уездный город. Вповалку, как картошку наваливали ценнейшие издания на возы и ни чем не прикрытыми их увозили. По дороге мы подобрали целый ряд книг в драгоценных переплетах. Так революционные власти разрушали поколениями собираемые коллекции в старых дворянских гнездах.

Вечером мы явились на хутор и за отсутствием тряпки на березе смело вошли в дом. Мария Леонидовна Абрикосова накормила нас на славу. Помню ее слова: я предвкушала с радостью, с каким Вы удовольствием будете есть жареную утку, и специально для Вас зарезала. Старая княгиня трогательно с утра заседала мне вязать теплые перчатки. Устроили нам теплую ванну, дали чистое нателенное белье. Я и теперь, спустя без малого тридцать лет, с благодарностью вспоминаю, как ласково, по-помещичьи и по-русски мы были приняты этой семьей.

Но гостеприимством содействие Абrikосовых не ограничилось. Он как местный старожил смог нам дать очень важные указания, какими наименее опасными путями нам следует продолжать путь. Были даны и всякие полезные рекомендации. Пробыв у них дня три, мы пустились в дальнейшее странствие. Нам было указано примерное расположение войск, что давало возможность обходить наиболее опасные места. Тем не менее, мы часто попадали на пути передвижения войсковых частей. В течение первой недели все больше попадались встречные красноармейцы, уходившие на север, потом в течение некоторого времени не чувствовалось движение вообще, а затем нас вдруг стали нагонять и, конечно, перегонять красные части. В деревнях нам стали рассказывать, как местности были захвачены белыми, одинаково бранили и тех и других за грабежи, но тем не менее общее настроение было скорее в пользу белых. Передвигаясь ежедневно от 25 до 30 верст, мы дней за десять успели дойти или даже перешагнуть границы Курской губернии. Не могу не отметить с чувством глубочайшей благодарности к русскому мужику, что за все это время, как и потом, когда мы, потерпев неудачу, шли обратно, нам ни разу не было отказано в гостеприимстве, в крове для ночлега и в куске хлеба, миске щей или жирной каше. Мы шли по местам, по которым уже взад и вперед проходили войска, где население уже было общипано, и, тем не менее, двум старикам мешочникам никогда ни в чем не было отказа. Сохранил ли русский человек эти свои светлые черты характера?

По всем признакам Белая армия отступала, а красные за ними так быстро надвигались, что мы с каждым днем все больше убеждались в полной невозможности нагнать белые части и к ним присоединиться. К тому же пошла холода и метели, мы стали передвигаться не больше десяти верст в день, дни становились короткими, а к тому же силы наши слабели. Перед нами встал ребром вопрос, продолжать ли путь или вернуться обратно. Я никогда не любил отказываться от исполнения намеченной задачи; тем более теперь, когда возвращение было связано и с опасностью и большой потерей времени, идти обратно мне не хотелось. Мой компаньон протестовал и в один прекрасный день заявил, что он дальше не пойдет. Продолжать эту авантюру одному было еще более рискованно, и мне после долгих прений пришлось сдаться.

Обратное движение было много труднее и утомительнее, а в особенности не было у нас больше надежды выскочить из красной западни, не было бодрости духа, не было надежды на возможный успех. По пути нашего обратного следования красная власть торжествовала победу. Безжалостно расправлялись с теми, кто при белых проявлял к ним симпатии. Достаточно было слуха или подозрения, чтобы без суда и следствия расстреливать. Жестокая террористическая рука стала на каждом шагу чувствоваться. Нам даже пришлось на время прервать странствие и поработать в одном исполкоме в качестве сторожей и истопников. В разоренном имении мы приводили в порядок единственно уцелевший дом, состоявший из двух комнат, вероятно сторожку. В момент когда мы там растапливали печку и выносили мусор, подъехали большевистские начальники в черных кожаных

Ф.В.Шлиппе с внуком Петром, сыном А.Ф.Шлиппе. Брюссель, 1948 г.

куртках и богатых доходах. Нам было велено пойти по деревням и созвать народ для торжественного празднования водворения красных сил. Вместо того, чтобы идти герольдами и зазывать народ, мы решили уйти по добру по здорову и больше на службу и не вернулись. Всех подробностей обратного шествия я и не помню, знаю только, что мы терпели и холод, и голод и примерно через месяц в конце ноября опять вернулись в гостеприимный дом Абрикосовых. Хозяин и тут нам помог. Поехал в город, переговорил с уездным агрономом и привез нам назначение на должности нарядчиков в пригородное имение Гловочево Мценского уезда. Это имение принадлежало прежде графу Шереметеву, а потом Бэк Мармарчеву. Свыше двух месяцев пришлось там прожить, что спасло нас от морозов. Зима была лютая, спасала нас маленькая печурка в нашей проходной комнате, где стояли наши нары. Эта печурка, которую мы любовно топили всяким сушняком из соседнего леса, была нашей радостью и нашим утешением. Она нас обогревала и успокаивала, это был наш ценнейший предмет, с которым мы вели разговоры и выслушивали его песни.

Управляющим был очень простой, недурной человек, мало знающий, но прилежный. В середине января (1920) он получил приглашение на съезд агрономов советских хозяйств в имение Шеншина под самым Мценском. Было велено привезти с собой организационный план хозяйства по имению. Управляющий

заволновался, не зная как составить организационный план, и утверждал, что его неминуемо прогонят со службы. Тут я предложил ему свои услуги, не предполагая, какие от этого могут быть последствия. В самом элементарном виде я набросал проект плана, который управляющий тщательно переписал. А когда наступил день отъезда, то он потребовал, чтобы я под видом кучера поехал с ним, чтобы в случае каких-либо недоумений помочь ему советом. Сколько я не отнекивался, он под угрозой моего немедленного увольнения настоял на своем. Съезд агрономов происходил в старом помещичьем доме Шеншиных под председательством партийного печника, приехавшего на шикарном рысаке в прекрасной шубе с барского плеча. После неудачного испытания одного полуграмотного секретаря съезда мой управляющий спровоцировал меня на составление ежедневных журналов прений. Мой многолетний опыт секретарствования в земских собраниях помог мне удовлетворить требования съезда полностью. И вот, дней около десяти я записывал все речи и составлял журналы. Каждое утро прочитывались протоколы предыдущего дня. Председатель несколько раз ко мне подходил, делал всякие намеки, подозревал меня в авторстве плана хозяйства по Головачеву и даже выразился так: «Ты, верно, когда-нибудь высоко сидел?» Как на грех, в архиве местного земства, откуда брались из дел чистые листы бумаги, нашелся один документ за моей полной подписью. Один очень неприятный бухгалтер принес этот документ на съезд и стал другим показывать; к счастью, мне во время удалось получить эту бумагу и ее уничтожить. Она была подписана мною по должности вице-директора Департамента Земледелия после совещания с Орловским губернатором в 1912 году. Съезд подходил к концу. Председатель поручил мне составить общую сводку съезда со всеми диаграммами. В частности было поручено по постановлению съезда план хозяйства Головачева, как образцовый, отправить в губернию. С составлением сводки я не очень торопился, так как в Шеншинском имении жилось много лучше, чем в Головачеве, да и работа была поинтереснее. Прожил там наверно еще недели две.

За это время я познакомился с одним молодым, очень благовидным гвардейским офицером, на которого была возложена какая-то обязанность, связанная с приведением в порядок конских заводов. Мы спали в одной комнате и он был приятным собеседником, хорошо воспитанным и образованным. К большевистской власти он относился враждебно и не жалел выражений, чтобы ее обрушивать. Часто он мне говорил про свою молодую жену и ребенка, которых он мечтал выписать к себе. По вечерам мы с ним предпринимали поездки для скупки продовольственных продуктов. В одну из таких поездок он меня свез на мельницу, владельцем которой был бывший слуга писателя Тургенева. Власти не реквизировали эту мельницу. Хозяин старик с женой приняли нас очень гостеприимно. Мы смогли у них купить и муку и крупу, а кроме того они нас угостили хорошим чаем с вкусным вареньем и ватрушками. Нам показали всю квартиру, состоявшую из четырех или пяти комнат, представлявшую музей воспоминаний об авторе «Записок охотника». Там было много портретов и картин, ружья, трубки и всякие

охотничьи принадлежности Тургенева, мебель, на которой он сидел и т.д. Мельница была подарена Тургеневым своему слуге и товарищу по охотам. Несколько раз мы заезжали на мельницу, всегда нас ласково принимали. Мельник, кстати сказать, вполне разделял наше отрицательное отношение к большевикам и считал нас за своих. В один прекрасный день мы опять поехали туда. После чая мой офицер заявил хозяину, что он решил переселиться на мельницу и занять его дом. Старик завопил, но тот вынул из кармана официальную бумагу, дающую ему право выселить мельника и взять квартиру и мельницу для себя. Цена была ужасная. Старик и старуха рыдали и упрашивали его оставить им хоть одну комнату, тем более, что для семьи офицера квартира была велика. Ничего не помогло, ни мои уговоры, ни сравнение его хамского поступка с действием большевиков, которых он сам так осуждал. В этом вопросе он оказался настолько безжалостен, что даже не позволил им взять с собой мебель и вещи, кроме носильного платья и белья. Мне он ответил: «Если я этого старика окончательно отсюда не выкурю, то в ближайшем времени он меня отсюда высадит. Надо мной поиздевались революционеры достаточно, довольно с них. Теперь я буду для своей семьи захватывать, что плохо лежит». После этой подлой и дикой выходки я перестал с ним говорить и здороваться. К счастью, он чуть ли не на следующий день уехал за семьей, так что я его больше не видал. Что случилось с несчастными стариками, я так и не знаю.

Прошло еще несколько дней, я уже заканчивал свою работу, о которой время от времени приходилось говорить с навещавшим меня председателем съезда. Вечерком зашел ко мне из Мценска (около двух верст от усадьбы) местный ветеринарный врач и сказал мне под строжайшим секретом, что в ближайшие же дни меня должны арестовать, как скрывающегося бывшего товарища министра внутренних дел. Он, отлично зная кто я и посоветовавшись с другими земцами, решил мне дать возможность избежать этого ареста. Он привез мне официальный документ — поручение отправиться в Москву для покупки необходимейших лекарств для борьбы со свирепствовавшей в уезде эпизоотии²⁹. Для приобретения этих медикаментов он мне дал крупную сумму денег, но намекнул, что если эти деньги мне будут нужны, то он мне дает право ими пользоваться. Через час я уже стоял на вокзале и ждал проходящего в Москву поезда. Один проходил за другим, все теплушечные и переполненные настолько, что и на буферах, и на крышах сидел народ, несмотря на январский лютой мороз. Кухарка в усадьбе, которая во время моего там пребывания на меня готовила, снабдила меня большой краюшкой хлеба. Эта краюха меня выручила. В одном из поездов я в полуоткрытую дверь теплушки протянул хлеб и предложил его, если меня примут в вагон. Сразу же у меня отобрали хлеб и несколько рук сразу помогли мне вскочить в вагон. А вагон оказался полон выздоравливающими больными от сыпного тифа. Все были во вшах. Компания была мало приятная, тем более, что путешествие длилось около двух суток.

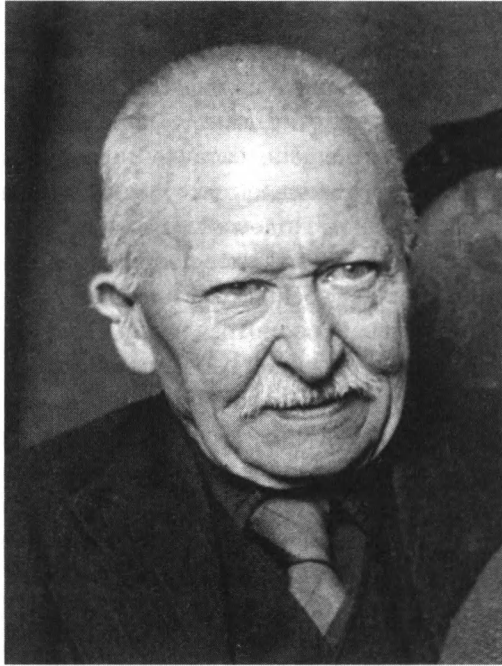
По приезде в Москву я прямо пошел в госпиталь д-ра Шимана, своего старого друга еще по Японской компании. Он купил у Рюхардта особняк на Воронцовом поле, тот самый, из которого я в свое время купил дубовое буазери и украсил им Быкасовскую столовую. Шиман велел меня дезинфицировать и вымыть в ванной. На меня надели чистое белье и больничный халат. В таком виде я оставался несколько дней пациентом госпиталя, пока продумывали и обговаривали мои дальнейшие возможности. Я написал моему старому слуге Федору Михайловичу Косову в деревню Клинского уезда, куда он после отъезда моей семьи из Быкасова переселился, вместе с женой (няней Сашей) и сыном, моим крестником Николаем. Федора я просил одолжить мне свой паспорт. Он сам приехал и лично его мне вручил. И стал я Федором Косовым (паспорта в России в то время выдавались без фотографий и без знаков). Я возобновил опять все свои родственные и другие связи, отыскал сестру и брата, друзей своих: А.Д.Самарина, выпущенного из тюрьмы, М.К.Якимова, М.С.Карпова и многих других. Так как я с момента моего выезда из Риги не брился, то борода у меня выросла большая, и я стал неузнаваем. Ночевал я все в разных местах, редко когда две ночи подряд в одном месте. Однажды я засиделся у Якимова и меня уговаривали остаться там же ночевать. Какое-то необъяснимое чувство меня тянуло прочь, несмотря на то, что я там частенько ночевал, и не было никаких оснований ожидать ночного обыска. Сидел с нами исправлявший обязанности морского министра или вернее комиссара Игнатъев, который жил в том же доме и часто навещал Якимова. На другой день я узнал, что вскоре после моего ухода пришли с обыском, искали какого-то скрывавшегося будто бы у Якимова человека, но к счастью, меня уже не было. И Михаил Константинович Якимов и Игнатъев были впоследствии арестованы и расстреляны, но не в связи с моим у них пребыванием. Частенько я бывал и в доме графа Шереметева на Воздвиженке. Там я узнал, что его бывший главноуправляющий лесными имениями Александр Юльевич Станке в лесном комиссариате заведует лесозаготовками в западных губерниях. Из разговоров с ним выяснилось, что он может мне дать поручение поехать в одно из лесничеств западного края, откуда легче будет выбраться в Ригу. Был выработан план послать в одно из лесничеств недалеко от Великих Лук партию лесопильных инструментов, текстильного товара и продовольствия, и поручить мне, в качестве проводника, полный вагон с этим грузом доставить до места назначения. Взял я себе в помощники бежавшего от преследования и скрывавшегося у д-ра Шимана рижанина Крегера, молодого еще человека, говорившего по-русски с балтийским акцентом. Несмотря на это, я дал ему паспорт моего покойного кучера Василия Ведищева, который был у меня от его вдовы. Новоявленный Василий оказался очень ловким человеком и основательно мне помогал при сборе, доставке и погрузке товара, который мы должны были искать в разных местах. Произошел между прочим такой случай. Зашел я в один из комиссариатов, где мне нужно было получить подпись на каком-то документе, и к страху своему усмотрел, что человек, подпись которого требовалась, был никто иной, как тот самый крестьянин,

гласный губернского земства, который за покушение на меня с 1915 года вплоть до большевистской революции просидел в тюрьме. Обойти его было невозможно, а с другой стороны, было ясно, что если он меня узнает, то мне не поздоровится. К моему великому счастью он, подписывая документ Федору Косову, и не подумал на меня взглянуть и я благополучно проскочил.

Только в конце марта мы закончили все приготовления, назначен был день погрузки и отъезда. Так как вагон наш был совершенно полный, то его запломбировали, а мы с Василием устроились в теплушке, где ехали все проводники. Чтобы не вступать с другими в переговоры Василий почти всю дорогу спал за исключением моментов, когда нужно было следить, чтобы наш вагон при переходе на другую линию не был отцеплен или пущен по неверному направлению. Путешествие продолжалось трое суток. Когда же мы приехали до места назначения, то оказалось, что из нашего вагона были выкрадены все продовольственные и текстильные тюки. Лесничий справедливо заявил, что принять вагон в таком виде не может и что необходимо составить протокол у железнодорожной чрезвычайной комиссии. Нужно было ехать в Великие Луки. Боясь, что Крегер со своим балтийским акцентом, да еще золотой пломбой не видном месте, не будет признан за подмосковного мужичка Василия Ведищева, я решил его в одиночку отправить на Ригу, а сам поехал в Великие Луки. В чрезвычайной комиссии вместо того, чтобы принять от меня жалобу, обратили подозрение на меня, т.е. объявили, что «вы все проводники с разбойничьими шайками общее дело делаете». Из обвинителя попал в обвиняемые и мой разговор в Чека сводился к допросу подозреваемого в совершении преступления. Переходя от одного бюро в другое, я, наконец, попал в один барак, где подвергся поверхностному допросу одного чекиста и был им отослан в другую комнату № 16, где меня вероятно должны были или арестовать или продолжать допрос. Когда я входил в эту комнату, то увидел там мальчишку лет 17, который держал в руках трубку телефона и, увидав меня, входящего, сказал туда: «вот сейчас он вошел» и положил трубку. Полагая, что это мальчик еще не мог быть осведомлен о причинах моего появления, я решил его разыграть и в требовательном строгом тоне ему заявил, что если завтра к 8 часам утра не будут здесь те лица, которые мне нужны для разбора важного дела, то я протелеграфирую в Москву. Круто повернулся и вышел. Шел сперва по сравнительно длинному коридору, затем через какую-то дверь вышел на двор. Перед воротами стояло два красноармейца. Я спокойно прошел мимо них и оказался на улице. Уже темнело. Прибавляя шагу, я направился к станции железной дороги. Там стоял на парах паровоз во главе длинного товарного поезда. Я быстро договорился с машинистом, залез в тендер, и через несколько минут поезд тронулся. Он шел по направлению к тому имению, куда я привез товар. Через несколько часов езды я по указанию машиниста при тихом ходе соскочил с поезда. В лесничестве я заявил, что протокол составлен. Действительно все сведения о происшедшей краже были в Чека сообщены и занесены в протокол. Только я не сознался, что чекисты хотели и меня захватить как соучастника. Лесничему

я сказал, что должен вернуться в Москву, а сам договорился с одним из служащих лесничества, уже пожилым офицером царской службы, совместно бежать через латвийскую границу. Он мечтал попасть в Польшу, откуда он был родом. Он давно уже все дожидался случая, теплых дней и спутника, чтобы начать свое странствие. Все села по пути нашего следования были им изучены по карте наизусть, я мог ему довериться как надежному живому справочнику. В эту же ночь мы двинулись и прошли всю ночь. Оставалось до границы около ста пятидесяти верст. Вышли мы 9 апреля. В шестидневный срок мы добрались до последнего этапа, верст, примерно, в 18—20 от границы. Но мы никогда бы до этого места не дошли, если бы не оригинальный случай в пути, который открыл нам возможность пройти через военные заграждения. В одном из сел мы, как обыкновенно, обратились к священнику с просьбой нам разрешить переночевать. Священник за неимением места нам отказал, заявив, что в единственной оставшейся комнате лежит его больная дочь, а остальные комнаты реквизированы товарищем судьей. Дверь в комнату судьи была открыта. Там лежал на кушетке один уже пожилой человек с забинтованной ногой. Я не успел опомниться, как судья меня подозвал к себе и начал расспрашивать. Выяснив, что мы голодны, он предложил нам взять его консервы, разогреть их и совместно с ним пообедать. За обедом разговорились. Выяснилось, что он был студентом Московского университета на естественном факультете, замешался в какое-то политическое дело, должен был покинуть университет и даже попал в ссылку в Сибирь. Когда он мне назвал свое имя, я его вспомнил и по лицу, и по имени — это был мой однокурсник, с которым вместе работал в химической лаборатории. Я рискнул ему сознаться, что я тоже бывший студент того же курса. Мы с ним перебирали в памяти общих со товарищей, профессоров, разные события и могли убедиться, что мы с ним действительно товарищи по факультету и курсу. Он утверждал, что вспоминает мое лицо, но имени Косов естественно вспомнить не мог. Если бы я ему назвался по действительному имени, то он конечно бы вспомнил. Результат этой беседы был тот, что он выдал мне свидетельство паспорту³⁰, в котором он просил предоставить своему однокашнику Федору Косову должность и дать ему и его сотоварищу возможность проходить через кордоны.

Последний этап выпал на ночь с 14 на 15 апреля: случайно те же числа, что и день моего выезда из Риги в 1919 году и день моего рождения. Мне в эту ночь исполнилось 47 лет. После тяжкого ночного перехода мы пришли в какую-то деревню и обратились к первому попавшему крестьянину. Фамилия его была Булыго, он был белорусс или литовец. Он потребовал предъявления документов и, прочитав письмо судьи, сказал, что как председатель волостного исполкома постарается что-нибудь для нас сделать. По возвращении из волости, куда он как раз собирался, он обещал нам кое-что предложить, пока же попросил перекопать его фруктовый сад. Мы с полковником действительно за утро перекопали весь его небольшой яблочный садик и к его приезду были готовы. Поблагодарив, он пригласил нас с ним пообедать, что мы с радостью приняли. Во время обеда явились

Ф.В.Шлиппе. Далевиц. 1940 г.

квартирьеры пограничного полка, которые, осмотрев дом, объявили, что он реквизируется для штаба полка. Красноармеец как-то подозрительно в меня вглядывался. После обеда я попросил хозяина во двор и там ему сознался, что я вовсе не ищу работы, а мечтаю перебраться через границу в Ригу, где живет моя семья, с которой уже год не видался и о которой даже не имею сведений. Он задумался, а потом молвил, что он в первую голову человек, а лишь во вторую голову партийный работник, что он мои желания вполне понимает, но лично помочь мне не может. Подумавши еще, он прибавил, что вот его брат мог бы помочь: «Идите и спрячьтесь в овин, а вечером придет брат и вас проведет». Весь день мы пролежали под соломой в овине. Явился полк, заняли двор и дом, даже стали стрелять в цель по направлению нашего сарая. Часов в 6 вечера открылись ворота, и вошел с корзиной на плечах высокий мужик и легким свистом нас окликнул. Мы подошли, а он нам дал наши котомки, спрятанные в корзине, а также хлеба, яиц, сала и молока. Обещал в 11 часов ночи придти за нами и повести нас через речку. Было половодье, (речка оказалась бурлящей рекой), мосты ограждались красноармейцами. Крестьянин привел лодку, на которой мы в темноте перебрались через реку. Затем быстрым шагом двинулись по направлению границы. Часа через три, около третьего часу ночи, в самую кромешную темноту мы добрались до проволочных заграждений, дальше которых Булыго идти уже не мог и, указав

нам направление на вечернюю звезду, благословил нас в дальнейший путь. Когда стали появляться патрули, нам пришлось продолжать на четвереньках, пока не переползли через границу. Убедившись, что мы благополучно миновали последний патруль, мы вскочили и по щиколотку, а местами по колено в воде довольно долго шли по болоту, дно которого еще не оттаяло, пока, наконец, не выбрались на сухие места. Стало светать, слышался тетеревиный ток, пение птиц. Мы сели на полянке в лесу, любовались восходом солнца и благодарили Бога, что благополучно удалось выскочить. Все остальное пошло как по маслу.

В Дриссе³¹, где мы явились военному латвийскому начальству, очень любезный офицер-латыш нас принял и, посмотрев наши документы, сказал, что из этого лесничества ночью еще один прибыл. К большому моему удивлению и радости это оказался Василий Ведищев. Нам всем трем была дана свобода передвижения по городу, но с обязательством явиться к определенному часу для дальнейшего следования в Ригу. Для сопровождения был командирован солдат, но без вооружения. На другое утро мы прибыли в Ригу и отправились в полицейский участок, где должны были официально установить наши личности. По пути мне удалось забежать в квартиру двоюродной сестры Валерии Бурсиан, у мужа которой я работал в лаборатории. Там я узнал, что вся моя семья и родители переехали в Германию, а ее сестра Соня Бергман и сама Валя за это время овдовели. Наскоро я вынул из карманов и мешка все, что было бы нежелательно показывать, а также часы и деньги, и попросил через влиятельных знакомых помочь мне выбраться из участка. В участке нас встретили грубо, раздели, стали обыскивать нашу одежду и обращались с нами как с преступниками. Это уже были не военные, а гражданские власти: либо охранники прежних времен, либо чекисты. Переночевать пришлось там, в участке, а на другое утро явилась Соня Бергман и некто пастор Келлер, который в это время занимал пост министра народного просвещения. Им я был опознан, несмотря на бороду, а я в свою очередь представил им и поручился за моих спутников. Все мы были отпущены на волю. Следующий этап был у представителя русского комитета, который снабдил меня паспортом на мое имя, с которым я, через несколько дней, мог выехать в Берлин. Так как жена взяла с собой все мои вещи, мне не во что было переодеться, и Валя меня снабдила костюмом и бельем своего покойного мужа.

Явиться к жене я решил молодым человеком, а потому должен был сбрить свою длинную бороду. Но прежде чем сниматься для паспорта, я снялся в том виде, в котором я проделал всю свою одиссею. Этот портрет рядом с моим портретом в камер-юнкерском мундире и с надписью: "Начало и конец моей общественной карьеры", я подарил Лиле. К сожалению, этот снимок остался и пропал вместе со всеми другими вещами в Далевике.

В Берлине я поехал к Виктору Шлиппе, где застал брата моего Бориса. Вместе с ним поехали к Лессингам, приютивших Алика с няней Верой, а вечером часов около 11 в Дрездене я на Нюрнбергской улице стучал в дверь пансиона, в котором жили и родители, и Лиля с детьми. У меня не хватает слов описать, какие

чувства мы испытали в момент нашей встречи. Отец на 87 году своей жизни пережил тяжкую болезнь, от которой он медленно поправлялся. Мой приезд дал ему столько радости и сил, что он очень скоро полностью восстановил свое здоровье. Несколько счастливых недель я провел в Дрездене, а потом пришлось переехать в Берлин, чтобы отыскать для себя какую-нибудь работу. До моего приезда Лиля смогла прокормить семью на деньги от продажи своей каракулевой шубы, но от них теперь уже почти ничего не оставалось. Наступил новый период моей жизни, нужно было в чужой стране наладить и обеспечить жизнь большой семьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ IRO — International Refugee Organization (Международная Организация по делам беженцев). Учреждена в рамках ООН в 1946 г., сменив (в Европе) ЮНРРА (UNRRA — United Nations Relief and Rehabilitation Administration). Основная задача ИРО заключалась в заботе о миллионах «Ди-Пи» («перемещенные лица», с английского «Displaced Persons»), оказавшихся по окончании Второй Мировой войны в Европе, главным образом на территории Германии, Австрии, Чехословакии, Польши: освобожденные узники нацистских концлагерей, люди, вывезенные из оккупированных немцами стран на работу в Германии, освобожденные военнопленные и др. ИРО закончила свою деятельность в 1952 г.

² Горбатов Константин (1876, Ставрополь-на Волге — 1945, Берлин), художник. Учился в Академии художеств в Петербурге у В.Е. Дубовского и А.А. Киселева (1905—1911). Как пансионер Академии в 1912 г. поехал в Италию, сначала в Рим, а затем, по приглашению А.М. Горького, на Капри. Выехал из России в 1922 г. Жил на Капри (1922—1926), затем переехал в Берлин (1926—1945). Завещал свои работы Академии художеств в Ленинграде. Сейчас они находятся в музее «Новый Иерусалим». В июле 2001 г. состоялась его выставка в галерее «Новый Эрмитаж» в Москве.

³ Шлиппе Алексей Федорович, младший сын; Шлиппе Александр Борисович (1941—2006), младший внук.

⁴ Остроумов Виктор Николаевич (1904—1955), художник, выпускник ВХУТЕМАС'а, ученик Р.Р. Фалька. В 1-ой половине 1940-х оказался в Германии. 1946—1951 — в южногерманском городке Ванген, вместе с группой молодых

русских художников-эмигрантов, в их числе А.Ф. Шлиппе. В 1951 переехал в Нью-Йорк.

⁵ Возможно, Арсеньев Василий Сергеевич (1883—1947), историк, генеалог, председатель Тульской губернской ученой архивной комиссии. В 1933 г. покинул Россию.

⁶ «Татьянинский комитет» — организация, основанная 14 сентября 1914 г., взявшая на себя заботу об оказании помощи людям без крова. Инициатором ее создания выступила 16-летняя великая княжна Татьяна Николаевна, дочь императора Николая II.

⁷ Расстрел Императора Николая II, его семьи и прислуги в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

⁸ По завещанию Ю. С. Нечаева-Мальцова (1834—1913), его наследниками были объявлены Э.П. Демидов, кн. Сан-Донато, усыновленный им в 1885 г., и П.Н. Игнатьев, которому достались стекольные и текстильные заводы в г. Гусь-Хрустальный. В 1917 г. из-за удручающего финансового положения «хрустальные» заводы были реорганизованы в акционерное общество.

⁹ Скропадский Павел Петрович (1873—1945), генерал-лейтенант русской армии. В октябре 1917 г. на съезде вольного казачества в Чигорине избран главнокомандующим войсками Центральной Рады. В конце апреля 1918 Скоропадский совершил переворот, упразднивший «Украинскую Народную Республику». На «Конгрессе хлеборобов», созванном по инициативе «Союза земельных собственников» (3000 делегатов), было провозглашено создание «Украинской державы» во главе с гетманом Скоропадским. После Брест-Литовского мира и ухода немцев с Украины отрекся от поста

гетмана (14.12.1918), эмигрировал в Германию (Берлин). Погиб в апр. 1945 в Баварии при налете союзной авиации.

¹⁰ Долгоруков Павел Дмитриевич (1866—1927), князь. Депутат II Думы от Москвы, один из основателей «Союза Освобождения» (1903). В 1920 г. эмигрировал, вернулся, арестован и расстрелян.

¹¹ Деникин, Антон Иванович (1872—1947), генерал, один из организаторов Добровольческой армии на юге России, с середины апреля 1918 — командующий. Увел армию в Донскую область. Попытка Деникина установить военный и политический контроль над казачьими областями Дона и Кубани привела к конфликту с кубанскими автономистами и с донским атаманом П.Н.Красновым. Поражение Германии в ноябре 1918 усилило позиции Деникина, ориентированного на страны Антанты, которые начали оказывать Добровольческой армии значительную материальную и политическую поддержку. Под их нажимом Краснову пришлось согласиться на подчинение Донской казачьей армии Деникину. После успехов весной и летом 1919, Деникин стал терпеть поражения и весной 1920 эвакуировал остатки своих войск из Новороссийска в Крым, передав власть ген. Врангелю. После этого Деникин жил в эмиграции в разных странах Европы, издал ряд книг, в т.ч. «Очерки русской смуты». В конце 1945, опасаясь насильственной депортации в СССР, перебрался в США, где и скончался 7 авг. 1947 г. Осенью 2005 прах А.И.Деникина был перезахоронен в Донском монастыре в Москве.

¹² Петлюра Симон Васильевич (1879—1926). Один из лидеров украинских националистов. С 1900 г. член Революционной Украинской партии, впоследствии Украинская социал-демократическая рабочая парти. В 1914 мобилизован в армию; был зам. уполномоченного «Союза Земств» на Зап. Фронте (1916— март 1917); избран главой Киевского губ. земства и Всеукр. Союза Земств (1918). Член Центральной рады (1917) и Директории, затем ее глава (с 1918), одновременно вышел из УСДРП. В окт. 1920 эмигрировал в Польшу, затем во Францию.

¹³ Вильгельм II (1859—1941), последний германский кайзер (император), кузен русского

царя Николая II. 28.11.1918 отрекся от престола и получил политическое убежище в Нидерландах.

¹⁴ В Екатеринослав, где с 1888 г. губернаторствовал его отец, Владимир Карлович Шлиппе, Ф.В. перешел учиться в 1891 и окончил тамошнюю гимназию в 1892.

¹⁵ От французского «belle femme» (бель фам) — красивая женщина.

¹⁶ Готфрид Лессинг, владелец крупных предприятий в России. Как германский подданный, он, крещеный еврей, с 1914 года воевал в рядах немецкой армии, а после войны жил в своей вилле в жилом квартале Берлина. Был женат на Татьяне Николаевне Шванебах — кузине Елизаветы Петровны Шванебах (замужней Шлиппе). У них было двое детей — Готфрид м. и Ирена (Irene). Когда Ф.В.Шлиппе в 1922 г. поселился со своей семьей в предместье Берлина Далевиц, Лессинги на какое-то время приняли у себя младшего его сына Алексея (Алика), вместе с няней Верой. Впоследствии Готфрид м. и Ирена (вышедшая за коммуниста Клауса Гизи) вступили в германскую компартию (после войны — в СЕПГ) и стали видными общественно-политическими и государственными деятелями ГДР.

¹⁷ Ноябрьская революция 1918 года в Германии — провозглашение Германии республикой. Уже незадолго до этого, конституционная монархия была фактически заменена монархией парламентской; в коалиционное правительство канцлера, принца Макса Баденского (Max von Baden) вошли и ведущие представители реформистского большинства с.-д. партии. С правительствами Антанты велись переговоры о перемирии и население могло рассчитывать на окончание изнурительной войны. Однако, германский генералитет во главе с Людендорфом увидел в выходе из войны Советской России шанс, перебросив войска на западный фронт, решить войну еще в свою пользу. Началось дезертирство, в конце октября вспыхнул бунт на флоте, стали образовываться солдатские и рабочие советы. Т.к. Вильгельм II, находившийся в военной штаб-квартире в Бельгии, продолжал упорствовать, Макс Баденский самовольно объявил о его отречении и передал канцлерство социал-демократу Фри-

дриху Эберту (впоследствии первый президент Веймарской республики).

¹⁸ Берг Герман Васильевич (Hermann von Berg, 1874—1933). Женат на Анне Петровне Шванебах (1877—1933) — свояченица Ф. В. Шлиппе.

¹⁹ Московская семья немецкого происхождения, свойственники семей Рабенек, Беренс, Шлиппе. Владельцы карандашной фабрики Карнац, которую основал в 19-м веке В. Ф. Карнац. После отца ею стал управлять старший из двух его сыновей, Роберт. После революции фабрика была экспроприрована и передана в ведение «Мосполиграфа». Карнацы эмигрировали в Германию.

²⁰ Крюденер-Струве Александр Амандович (1864—1953), барон. Член партии «Союз 17 октября», примыкал к её правому крылу. Депутат Думы I и III созывов. Участник Белого движения; гражданский губернатор Пскова (1918—1919). Участвовал в съезде русских монархистов в Бад-Рейхенгалле и Российском Зарубежном съезде в Париже. Живя в Берлине, сотрудничал с чинами русских зарубежных воинских организаций, в том числе с руководителем II отдела РОВС генерал-майором А. А. фон Лампе. После войны жил во Франции (1946—1953).

²¹ Бурсиан Вильгельм Оттович (1873—1919), агроном, научный сотрудник опытного хозяйства в Петергофе (Латвия), с 1903 г. доцент там же, а с 1912 — в Рижском Политехникуме. Был женат на Валерии Густавовне Шлиппе.

²² Л. Кениг (Koenig, также König — по-немецки «король») сахарозаводчик, был известен в России как «Zucker—Koenig». Отец его был петербургский булочник И. Г. Кёниг, а сын Л. Кёниг (мл.) — владеец крупной бумагопрядильни.]

²³ Beau fils (фр.) — «прекрасный сын», т. е. зять.

²⁴ 22 мая 1919 г., ополчению немецких балтийцев («Baltische Landeswehr»), при поддержке «Железной дивизии» (остатки отозванной в Германию 1 Гвардейской резервной дивизии германской армии) удалось сломить сопротивление сил

Красной армии и занять Ригу. Еще в марте 1919 они же, включая русский отряд под командованием светл. кн. Ливена и небольшой латышский отряд вытеснили большевиков из значительной части Латвии. Со стороны Белых последовали жестокие карательные меры.

²⁵ Стебут Иван Александрович (1833—1923), учёный-агроном. В 1865—1894 профессор Петровской земледельческой и лесной академии в Москве (ныне Московская с.-х. академия им. К. А. Тимирязева), возглавил первую в России кафедру растениеводства; на организованной им опытной станции академии проводил большую работу по изучению агротехники полевых культур. При участии С. разработано и утверждено Положение о с.-х. опытных учреждениях (1901—02). Сторонник „негосударственной“ поддержки опытной работы и образования Стебут в 1901 г. положил начало регулярным российским съездам специалистов-опытников.

²⁶ От «рамоли», «рамолик» — впавший в слабоумие человек.

²⁷ Мценск — старый город в бывшей Орловской губернии (ныне районный центр Орловской обл.). Известен как один из центров кружевоплетения в России. В 1899 году тут была открыта Тенишевская школа кружевниц, снабжавшая кружевами императорский двор.

²⁸ Покинув в ночь на 28 октября ст. ст. 1910 Ясную Поляну, 82-летний Л. Н. Толстой вечером следующего дня, после короткого пребывания в Оптиной пустыне, пришел к своей сестре Марии, жившей монахиней в Казанской Свято-Амвросиевской женской пустыне в Шамордине. В 5-ом часу утра 31 октября, оставив сестре прощальную записку, Л. Н. двинулся дальше — навстречу финалу своей жизни (7 ноября 1910, ст. Астапово Рязано-Уральской ж.-д.)

²⁹ Эпизоотия — «эпидемия у животных»

³⁰ Passe par tout (фр.) — «проходит везде».

³¹ Дрисса — прежнее название города Верхнедвинск. Переименован в 1962 г. Ныне это районный центр Витебской обл. Беларуси.

19 ЛЕТ НА ЗЕМСКОЙ СЛУЖБЕ (автобиографический очерк и воспоминания)

Самым близким и дорогим для меня существам — моим детям — оставляю я этот очерк.

Мне хотелось последовательно и связно рассказать им о своей общественной деятельности, а также оживить их стирающиеся на чужбине воспоминания о Родине и многих лицах, с которыми мне приходилось работать, дружить или сталкиваться и большинство которых они знали в детстве или лично, или по случайным отрывочным рассказам.

Я писал на память, не имея под руками никаких материалов. Поэтому весьма вероятно, что кое о ком и кое о чем существенном я все же забыл, и что есть ошибки в датах, в передаче подробностей и чужих слов, которые я помню примерно так, как я передаю. Надеюсь все-таки, что общая правдивость рассказа, к чему я усиленно стремился, от этого не очень пострадала.

Милым Асе и Боре¹
Le Mans, август
1937

I

Наклонности и вкусы человека, а также его отношение к природе и людям вырабатываются, вероятно, под влиянием многих причин. Но одной из них и, может быть, самой главной является тот быт и та среда, в которых протекают детство и юность. Если в дальнейшем судьба поставит того или иного из нас на работу, которая соответствует приобретенным наклонностям, то тем самым предшествующие годы окажутся как бы подготовительной школой для начинающего деятеля.

На мою долю выпало отдать лучшие годы своей жизни земской деятельности, и я думаю, что именно к ней подготавливала меня обстановка, в которой я рос. Поэтому краткий рассказ о том, где и как прошло мое детство, будет, пожалуй, наиболее подходящим введением к поставленной теме.

Я родился 15 октября 1872 г. в нашем родовом имении при селе Преображенском, Нижняя Серда тож, Лаишевского уезда, Казанской губернии. Здесь

Николай Александрович Мельников. Ле Ман 1945—1949 гг.

я безвыездно прожил до десятилетнего возраста, когда меня отдали в гимназию. После этого все зимы пришлось проводить уже в Казани.

Наша семья была многочисленна. Старше меня было 3 брата и сестра, а моложе — сестра и 2 брата. Когда мне было около 6 лет — возраст, с которого начинаются мои более или менее связные воспоминания, — все старшие уже учились и жили зимой с матерью в Казани. Младшие же или, как я их называл, «маленькие» оставались в Серде под общим надзором отца и бабушки, на руках у няnek. Таким образом, несмотря на большой состав семьи, я в течение нескольких лет рос довольно одиноким. Это одиночество не прекращалось и летом, когда все съезжались в Серду, так как старшие «зазнавались» и редко «принимали» меня в свой круг, а маленькие были неинтересны для меня.

Немка-гувернантка, которой я был передан от няnek, была гораздо более, чем мной, занята какими-то мечтами. Она то и дело удалялась в укромные уголки и напевала «по-русски» чувствительный романс: «мэнэ не люпят, мэнэ не ната, мнэ все рафно, мнэ все рафно». Я не боялся ее и не чувствовал к ней никакой привязанности. Как только кончался урок, я тотчас от нее убегал. Окончились наши отношения довольно трагично. Однажды, после особенно скучного урока, когда я с трудом удерживался от слез, она решила дать мне ложку рыбьего жира. Я всегда принимал это довольно противное лекарство с капризами, а на этот раз

дело обернулось хуже. Резким ударом я выбил ложку из рук Юлии Ивановны (так звали мою немку), и не успела она опомниться, как я яростно набросился на нее с кулаками. Отступая, она прижалась в угол комнаты, а я с диким визгом продолжал наносить ей удары и руками, и ногами, пока мне не сделалось дурно. Очнулся я наверху, в своей кровати. Меня трясло, как в лихорадке, и сильно болела голова. Около сидел отец и ласково гладил мне руки, а нянька приготавливала компресс с туалетным уксусом. Я вновь заплакал, но на этот раз уже тихо, переживая как-то все вместе: и неизжитое еще ощущение обиды, и любовное чувство к отцу, и стыд за свой дурной поступок, и жалость к Юлии Ивановне. Вскоре она уехала от нас, и мои немецкие уроки оборвались. Спустя некоторое время они были заменены французскими, но это длилось недолго: тяжело заболела, а затем и скончалась мать, дела у отца пошли плохо, пришлось сильно сократить бюджет и, между прочим, расстаться с гувернанткой. Так я и остался «безъязычным» на всю жизнь. Этот недостаток я всегда ощущал довольно болезненно, не говоря уже о том, что в дальнейшем он нередко мне мешал и вредил.

Бабушка почти целыми днями сидела в своей комнате за вышиванием или вязаньем, а я искал и находил друзей среди все еще довольно многочисленных «дворовых людей». Большинство из них были бывшими крепостными, не пожалевшими и после дарования свободы расстаться с нашей семьей. Вспомню хотя бы некоторых из них. Старушка Оленушка. Ей было уже около 80 лет, но она все-таки ревниво оберегала от посторонних покушений ту часть домашнего хозяйства, которая сыздавна находилась в ее ведении, а именно погреба для всякой провизии и заготовок. Она была всегда очень ласкова со мной, рассказывала преинтересные сказки и плела из шерсти очень красивые, как мне казалось, пояса. Вторым моим другом был ночной караульщик Николай. Кроме окарауливания усадьбы он должен был топить печи в доме. Здесь и началась наша дружба. Как только начинало светать, Николай разносил по всему дому дрова и затоплял печи. Я просыпался от звука его тяжелых шагов и грохота вязанок с дровами, быстро одевался и сбегал вниз. Необычайно интересно было наблюдать, как разгорались и трещали березовые дрова, а еще заманчивее было натывать на лучинки куски хлеба, намазанные маслом, и поджаривать их, приближая к раскаленным углям. Это под надзором Николая мне разрешалось делать, и когда к утреннему чаю собирались «большие», две полных тарелки с гренками были уже на столе. Николай часто рассказывал мне удивительные истории про леших и домовых, с проделками которых он, в качестве ночного караульщика, был, по-видимому, хорошо знаком. Кроме того, его очень интересовала астрономия. Нередко он начинал рассуждать о размерах вселенной, движении светил, их расстоянии от земли и т.п. Луна, по его мнению, была не менее, чем за три или за четыре версты от земли, а некоторые звезды за двадцать и даже за сорок верст. Когда позже, уже будучи гимназистом, я, гордый своими познаниями, сообщал своему приятелю о действительных расстояниях светил от земли, он недоверчиво улыбался и быстро сбивал мою спесь. «Пустьяки,— говорил он, — дальше сорока верст

ничего не видно. Вон до Казани 60 верст, а когда ты видел, хотя бы в самую темную ночь, что оттуда свет идет». У Николая было много забавных черт. Он, например, решительно отказывался от жалованья. Когда ему нужны были лапти или рубашка, он приходил к отцу и просил дать ему ровно столько денег, сколько стоила необходимая вещь. Свои обязанности он исполнял очень добросовестно, но иногда бывало так, что он вдруг исчезал, никого не предупредив, и пропадал две-три недели, а иногда и два месяца. Появлялся он так же неожиданно и без всяких предисловий принимался за свое дело. Он никогда никому не говорил, где он был и чем занимался, и по неясным и противоречивым слухам об этом можно было лишь догадываться.

Моим большим другом был еще полевой приказчик, Фома Иванович. Это был молчаливый старик со строгим, пронизывающим взглядом необычайно живых и выразительных глаз. Он никогда ни на кого не пожаловался, а все его боялись гораздо больше, чем управляющего имением или отца. Авторитет его был исключительным: и в усадьбе, и на селе все в один голос говорили, что он все «доподлинно знает». Как-то весной, когда только что выехали пахать и сеять овес в ближнее поле, которое расстилалось перед фасадом нашего дома, я побежал посмотреть на работы и натолкнулся на Фому Ивановича. Он ласково меня встретил, рассказывал, как устроен плуг, борона, сеялка; объяснял, что надо сеять в спелую землю, как узнавать о ее спелости. Новый, привлекательный мир открывался передо мной, а сам Фома Иванович представлялся каким-то чудодеем. В тот же вечер я испросил разрешения отца ходить в поле с Фомой Ивановичем и сделался частым его спутником. Он был не только знатоком своего дела, но и мистиком. В его представлении земля была как бы живым существом: она «дышала», «расступалась», «принимала» и т.п. Он относился к ней с обожанием и отводил ей определенное место в своем религиозном сознании. «Живой и вечный Бог мог и творить только живое и вечное», так я пытаюсь формулировать теперь то, что не этими словами говорил когда-то Фома Иванович: «Вот, родимый, — сказал он мне однажды, — не мни ты себе, что умер человек и всему конец. Положат ведь, в землю, а она, матушка, живая и примет, и обоймет тебя, и в такую новую жизнь облачит, что ближе ты будешь к Господу Богу». Бывший крепостной, Фома Иванович не только остался на своем месте, но не придавал почти никакого значения великому акту освобождения крестьян. Припоминаю одну нашу беседу. Я уже был подростком 14-15 лет, а Фома Иванович почти слепым, прикованным к постели, дряхлым стариком. Вспоминая какие-то эпизоды из далекого прошлого, он старался остановить мое внимание на том, каким умелым и добрым хозяином был мой дед, и как сердечно и справедливо он относился ко всем своим «подданным». Это вызвало с моей стороны некоторые вопросы о бывших отношениях между господами и их крепостными людьми. Я высказал недоумение по поводу того, как это было возможно, чтобы один человек безраздельно владел другим, и доказывал, что такое владение противоестественно и безнравственно. «Нет, соколик, не так все это», — ответил Фома Иванович. «Верно ты

сказал, что Господь сотворил человека свободным, да только не та это свобода, про которую на бумаге печатают, да на перекрестках кричат. Настоящая свобода Адаму праотцу была дана. Не оправдал он Божьего дара, послушался Господа. С тех пор только на небе свобода осталась, и мы узнаем ее на том свете. На земле же все рабы либо друг другу, либо самим себе. Я, примерно, дедушки твоего был раб, он — царским рабом, царь трону своему раб, а все мы вместе рабы перед Господом Богом. И позора в рабстве я не вижу никакого. А что господа разные были, и много было таких, что и били своих людей, и женили против воли, и на собак меняли, это точно. Ну, спрошу я, а куды они делись, дурные-то люди после манифестов-то. Все с нами, и не колом, так рублем, а доймут и закабалят слабого да бедного. Земными, людскими законами лихому человеку все равно настоящего понятия не дать, если он Божьего закона не разумеет. Да и то сказать, все эти поротые-то или в солдаты отданные, овечки, что ли, были? Это ведь, немалою частью все из таких, которых и нынче по тюрьмам да на каторге гноят. Я вот полвека в крепостных числился, а не то, что удара, а даже дурного слова никогда не принял. Запомни мое слово, родимый: нечистым сердцем учиняется настоящее рабство на земле, и не приказами оно отменяется».

Мы окончили нашу беседу, не убедив друг друга, но слова Фомы Ивановича я запомнил, и особенно часто я вспоминаю теперь, когда взамен обещанных небывалых свобод на долю русского народа выпало и рабство небывалое.

Скоро отец заметил, что я сделался частым спутником Фомы Ивановича и, когда выезжал для осмотра разных работ, стал брать и меня. Он был очень увлекающимся хозяином, и из 1500 десятин² нашего имения ни одной не сдавалось в аренду или испольщину, все обрабатывалось своими рабочими. Угодья имения ограничивались на большом протяжении рекой Мешей³. На ней у нас была большая мельница. Зимой, начиная с декабря и до половины марта, сюда съезжались молотить зерно со всей округи и нередко из сел и деревень, отстоящих от Серды на 30-40 верст. Хорошие заливные луга давали возможность держать большое стадо рогатого скота и наладить производство молочных продуктов. В лесной даче, где преобладал столетний дуб, с первыми же морозами начиналась рубка дров и заготовка разного поделочного материала. А на гумне почти всю зиму шла сушка и молотба хлеба, который постепенно доставляли или в Казань, или на Камские пристани. Поэтому обычного зимнего затишья в Серде почти не было: повсюду копошились, везде был народ.

Каждый свободный от служебных занятий час отец тратил на объезды имения, на беседы с приказчиками, мельником, продавцами или покупателями и, так как я все время вертелся около него, круг моего знакомства расширялся, а впечатления и разные практические знания быстро накапливались.

На десятом году я уже начал принимать участие в некоторых работах, как например, бороньба, уборка сена, выделка сливочного масла и т.п., исполнял разные мелкие поручения отца и вел кое-какие несложные записи. В 12 лет, приехав в Серду из Казани в конце мая, я до половины августа регулярно вместе с рабочими

исполнял посильные для меня работы, а по вечерам занимался в конторе. В 14 лет, когда отец серьезно заболел и почти не мог выезжать из дома, я все лето заведовал под его руководством всем хозяйством.

Моими товарищами по играм и шалостям были, конечно, сверстники из крестьянских детей, но, в общем, я мало играл и предпочитал общество взрослых. Увлекался иногда и охотой и особенно рыбной ловлей: в Серде было вдоволь и рыбы, и всякой дичи. По этой части моими приятелями были, главным образом, два лица. Одного из них все звали Гриша, а то и просто Гришка, хотя ему было около 40 лет. Свое хозяйство (он был крестьянином соседнего села) он вел довольно плохо, и семья его часто очень нуждалась. С ружьем и собакой Шавкой Гриша никогда не расставался. Однажды он вез в Казань в небольшой тележке дьячиху из своего села. Ружье он подложил дьячихе под сиденье, дулом к козлам, на которых поместился сам. В дороге от тряски произошел выстрел, и весь заряд дробы, припасенный для зайца, попал Грише в ногу. После этого он навек остался хромым, что, однако не мешало ему по три-четыре дня подряд бродить без перерыва по болотам и озерам примешенских лугов.

В разгар страды он, как и все другие, шел с женой и ребятишками на жниво, но ружье и Шавка были с ним, и достаточно было придти к нему на полосу и сказать: «Гриша, пойдем в Гремяченские луга», — как он бросал серп, где стоял, вытаскивал из под копны ружье и, лукаво подмигнув в сторону своей жены, сердито смотревшей и на него, и на непрошенного пришельца, быстро вприпрыжку пускался по направлению к лугам.

Еще чаще я ловил рыбу и охотился с нашим сельским учителем, Тимофеем Еремеевичем Родниным или, как все его звали, Еремеичем. Он был большой мастер по части всяких ремесел, страстный и умелый рыболов, и охотник, и большой весельчак. Он всегда улыбался, даже когда молчал, а если начинал что-нибудь рассказывать, то слушатели покатывались со смеху и часто не потому, что смешон был рассказ, а потому, что сам Еремеич хохотал так заразительно, что удержаться не было сил. Сколько дивных летних ночей провели мы с ним в лугах на берегах Меши или около озер и болот, разбросанных по ее долине, сколько забавных встреч и приключений бывало при обходе широких сердинских просторов!

Так протекали мое детство и юность, создавая привычку ценить, любить и понимать сельский быт. Это было первым подготовительным жизненным уроком, который очень пригодился мне, когда я сделался земским деятелем. Вторым была окружающая домашняя обстановка. Как только открылись действия введенных в 1864 году земских учреждений, мой дед, Михаил Иванович Мельников⁴, оставил свою профессорскую кафедру в Казанском университете и вошел в состав первой губернской земской управы в качестве ее члена. Затем он был мировым посредником и председателем Лаишевской уездной земской управы. Отец начал свою службу мировым посредником, затем 6 трехлетий пробыл мировым судьей и 2 года членом губ<ернской> земской управы. Самыми частыми гостями были у нас земцы и высшие земские служащие. Я прислушивался к беседам

о земских делах, заражался общим волнением при выборах, следил, как проходили в земских собраниях те или иные вопросы. К 15-16 годам я был осведомлен о разных мероприятиях земства не хуже некоторых рядовых гласных и очень интересовался земской работой.

Началась моя земская деятельность в 1898 году, когда я был избран гласным Козьмодемьянского Уездного земства и на первом же земском собрании прошел от этого уезда в гласные губернского земства. В этих представительных должностях я непрерывно состоял до 1917 года, когда в зал заседаний губернского земства ворвались члены казанского «совдепа», и русское самоуправление погибло в революционном пожаре вместе со многими другими сокровищами русской культуры.

В исполнительных земских органах моя служба протекала так.

Одно трехлетие (1901—1904) я занимал должность председателя Козьмодемьянской уездной земской управы.

В 1905 году я состоял уполномоченным Казанского губернского земства по страховому делу.

В 1906 году был избран уполномоченным губернского земства и общеземской организации по помощи пострадавшему от неурожая населению Казанской губернии.

В 1907 году был избран членом Государственной думы, но, пробыв на этом посту одну сессию, сложил свои полномочия и вернулся к практической земской деятельности, будучи в 1908 году избран членом Губернской земской управы, а в 1909 г. председателем ее.

На этой должности я оставался до половины 1916 года, когда был назначен членом Совета министра земледелия, и по Высочайшему повелению принял обязанности главноуполномоченного по заготовке продуктов для действующей армии.

Прежде чем перейти к рассказу о своей деятельности в земстве, мне придется сделать несколько замечаний общего характера, а также вспомнить всех тех, с кем пришлось работать, и чье влияние на общий ход дела было значительным или, по крайней мере, заметным. Это даст возможность правильнее оценить различные действия, инициатором или участником которых мне пришлось быть.

Положение о земских учреждениях 1864 года было, как известно, изменено в 1890 году. Изменения, главным образом, коснулись порядка выборов, состава земских собраний и организации административного надзора за деятельностью земства. Что же касается компетенции земских собраний и финансовой структуры земского хозяйства, то здесь никаких существенных изменений не произошло. Поэтому, шум, поднятый в радикальных кругах русского общества после обнародования нового закона, был в значительной мере известным ходом в политической игре. Особенно шумели по поводу того, что выборам был придан сословный характер, что от крестьян выбирались не прямо гласные уездных земских собраний, а лишь кандидаты, из числа которых губернатор назначал гласными наиболее подходящих по его мнению лиц, и что дворяне получали в большинстве земских

собраний преобладающее число голосов. Ответом на эти нападки явится весь последующий рассказ, и лишь на том вопросе, который, может быть, привлечет наибольшее внимание оппозиции, я считаю себя обязанным остановиться сейчас.

Дворяне получили по новому закону большинство голосов в земских собраниях, — вот на что особенно яростно обрушивалась оппозиция и, как часто в таких случаях бывает, замалчивала о многом существенном. Умолчала она о том, что положение 1864 года было разработано, главным образом, представителями дворянства; что в период действия этого положения крестьяне часто выбирали гласными именно дворян; что, будучи численно в меньшинстве, дворяне все-таки руководили всей земской работой; что дворяне неизменно хлопотали о том, чтобы наиболее важные государственные мероприятия не носили сословного характера, и что, наконец, все лучшие земские традиции, в основе которых лежала идея беззаветного и бескорыстного служения Родине и населению, были созданы дворянством. Мрачные пророчества оппозиции, что закон 1890 года погубит русское самоуправление, не сбылись: дворяне дети и внуки восприняли и бережно сохранили созданные отцами и дедами традиции и под их покровом придали земской работе такой размах и такое значение, которым дивились беспристрастные наблюдатели. Погибло же русское самоуправление как раз в те страшные дни, когда радикалы, захватив власть, не сумели ее удержать и использовать, и на креслах гласных дворян разместились представители рабочих и солдатских депутатов.

Однако отметив единство и преемственность идей, одухотворявших земскую среду, необходимо указать и на то, что в области практической деятельности между дедами-шестидесятниками, отцами-восьмидесятниками и постепенно вливавшейся в девяностых годах в состав земских собраний молодежью возникли существенные разногласия.

Школы и больницы — вот на что было обращено почти исключительное внимание первого и значительной части второго поколения земцев. Существовало убеждение, что предприимчивость и самодеятельность, без которых не может быть и благосостояния, в должной мере могут появиться лишь у грамотного и хорошо обслуженного медицинской помощью населения. Поэтому на это дело направлялись наибольшие усилия и вливались почти все средства. О мероприятиях экономического характера рассуждали, возбуждали ходатайства, но денег или не давали, или давали в ничтожном размере.

Представители моего поколения — девяностые — не отрицали, конечно, важности школ и больниц, но не придавали им того исключительного значения, в которое верили земцы первых призывов. Мы подметили, что на языке и в понятии крестьян слова «польза» и «выгода» однозначны. «Никакой пользы нам от этой работы нет», — говорят они, когда хотят сказать, что данная работа невыгодна. Какую же непосредственную, легко ощутимую и скорую выгоду принесут школы и больницы? В больнице далеко не все выздоравливают, а окончившие школу стремятся уйти в город «на должность», бросают семьи, лишают их рабочих рук, портятся нередко в нравственном отношении. Отсюда хорошо известные

всем земцам случаи, когда крестьяне упорно отказывались от всякого содействия при устройстве школ и больниц. «Нам это ни к чему, это барские затеи, за которые нам только платить придется», — говорили они. Такие заявления возможно было объяснять наивностью темных людей, но нельзя было с ними не считаться, не задумываться над тем, что, может быть, они не имели бы места, если бы для крестьян стала очевидной выгодой и необходимостью школ и больниц. А такое сознание, такая назревшая и осязаемая потребность может появиться лишь у людей достаточно обеспеченных, самостоятельных, способных к инициативе и борьбе и нуждающихся в средствах для этой борьбы. Итак, не сначала школа и больница, а потом самостоятельность и благосостояние, а наоборот или, по крайней мере, одновременно. Поэтому надо было настойчиво и серьезно, не жалея средств, а усиленно их изыскивая, приняться за устройство путей сообщения, за организацию кредита, открытие земледельческих и кустарных складов, распространение сельскохозяйственных и ремесленных знаний, одним словом, за все то, что стало бы выгодным для населения немедленно, от чего заметно начало бы улучшаться его благосостояние. Только тогда земство сделалось бы для него понятным, полезным и близким учреждением, а не каким-то начальством второго сорта, занимающимся «не стоящими» делами. Помимо того и, может быть, еще более срочно надо было проводить и меры государственного порядка: постепенное освобождение крестьян от опеки, наложенной на них специальными законами, и уничтожение общинного землевладения. В эти пережитки упирались и об них разбивались не только все усилия земства, но и мероприятия центральной власти.

Старики смущались таким вольнодумством молодежи. «Как попытки вмешательства в экономическую жизнь, посягательство на такие «основы», как община, — куда же нас ведут?»

Естественно, что на почве таких разногласий возникала борьба, которая, конечно, не была повсюду одинаково остра и не принимала однообразных форм.

В Казанском губернском земстве эта борьба приняла наиболее живой характер в конце минувшего века и продолжалась, то усиливаясь, то ослабевая, еще добрый десяток лет. С легкой руки одного из гласных ее стали звать «войной алых и белых роз».

Главным лидером «белых роз» (стариков) был гласный от Казанского уездного земства К.А.Юшков⁵. Совершенно независимый, с хорошим состоянием человек, прекрасный и находчивый оратор, интереснейший собеседник и знаток земского дела, К.А.Юшков привык руководить работой земских собраний. С его мнениями всегда считались, его предложения отвергались чрезвычайно редко. Он выступал почти по каждому вопросу, и последнее слово было всегда за ним. Помню такой случай. По какому-то мелкому вопросу прения очень затянулись. На чуть ли не четвертое или пятое требование К.А.Юшкова дать ему слово, председатель собрания Н.Д.Сазонов⁶ заявил, что считает вопрос достаточно освещенным и намерен, остановив дальнейшие прения, приступить к голо-

сованию. «Как же так, — заявил с удивлением К.А.Юшков, — ведь должен же я сказать последним».

Нас, молодежь, К<онстантин> А<лександрович> называл «люлечным отделением», смотрел на нас свысока и был, по-видимому, совершенно искренне убежден, что мы еще не доросли до того, чтобы сделать что-нибудь толковое. Поэтому, если кто-нибудь из нас лишь поднимался, чтобы огласить свое мнение, К<онстантин> А<лександрович> немедленно требовал слова, готовый возражать на невысказанную еще речь. Бывали с ним и забавные случаи. Однажды докладчик ревизионной комиссии отметил, что губернская управа отсрочила платежи по некоторым мелким векселям, полученным от клиентов сельскохозяйственного склада. К.А. Юшков сразу закипел. «Начинается, — заявил он, — сегодня отсрочили трем, завтра отсрочат десятку, а затем никто не будет платить, и всю эту выдумку придется с большими убытками и срамом прикрыть. Управа превысила полномочия, и я вношу предложение, чтобы ревизионная комиссия немедленно обсудила вопрос об ответственности управы и доложила свое заключение в ближайшие дни». Движение в зале, гласные начинают перешептываться, Председатель Собрания вопросительно смотрит на председателя губ<ернской> управы, П.И.Геркена⁷. «Позвольте мне в ответ на речь К.А.Юшкова прочесть постановление прошлогоднего земского собрания, — неторопливо и спокойно заявил последний. — Вот оно: «При обсуждении вопросов, связанных с деятельностью сельскохозяйственного склада, гласный К.А.Юшков внес предложение предоставить губ<ернской> управе право отсрочивать при надобности платежи по векселям, если сумма, указанная в векселе, не превышает трехсот рублей. По выслушании заключения губ<ернской> управы, губ<ернское> земское собрание приняло предложение К.А.Юшкова». Так как ревизионная комиссия упомянула об отсрочках, сделанных именно по таким векселям, то может быть дальнейшие объяснения излишни», — закончил П.И.Геркен. Новое движение в зале, сдержанные улыбки, удивленные, широко раскрытые глаза К.А.Юшкова. Он быстро встает, досадливо плюет в сторону и выходит из зала заседаний.

«Заехал в яровое и сел в калошу», — раздался ему в вдогонку чей-то негромкий баритон. (Когда кто-нибудь начинал возражать против своих же ранее сделанных предложений или вообще «нести околесицу» — бывало, конечно, и это — мы называли такие случаи «заехать в яровое». «Посадить в калошу» значило поставить в неловкое, смешное положение).

Вторым наиболее выдающимся представителем «белых роз» был губернский гласный от Казанского уездного земства Сергей Викторович Дьяченко⁸. Человек недюжинного ума, образованный, воспитанный, любезный и ровный в обращении со всеми, всегда элегантно одетый, улыбающийся, С<ергей> В<икторович> так покорял всякого, кто вступал с ним в беседу, что почти любой «дикий» поговорив

с ним, не принимал решения без его указаний. Увеличивало авторитет С<ергей> В<икторович> и то, что он довольно долго был блестящим председателем Казанского окружного суда, а одно время столь же блестящим городским головой города Казани¹.

Выступал он в заседаниях собраний сравнительно редко, большею частью тогда, когда надо было «спасать положение» или ловким маневром поддержать своего приятеля К.А.Юшкова, а иногда и избавить его от «калоши». Но в «кулуарах» С<ергей> В<икторович> всегда был с кем-нибудь в общении: подойдет к одному, мягко возьмет под локоть, тонко сострит, скажет искренним тоном два-три комплимента; перейдет к другому, расскажет модный анекдот или свежую сплетню из Петербурга, над бессмысленностью которой тут же и посмеется, а затем серьезный взгляд и мнение по какому-нибудь волнующему земскому вопросу, выраженное в двух-трех кратких, ясных, точно отчеканенных фразах. И сейчас же опять улыбка, шутка, острота.

По своим политическим взглядам К.А. Юшков и С.В. Дьяченко были, скорее всего, умеренными либералами, хотя в девяностых годах в Казанском земстве трудно еще было безошибочно подметить определенные политические взгляды и течения, никакой «партийной дисциплины» не существовало и по деловым вопросам голосовали в соответствии с соображениями чисто делового, а не политического свойства. Но были и исключения. Так, например, губ<ернский> гласный от Свияжского уезда, профессор математики Казанского университета, Александр Васильевич Васильев⁹ держался иначе.

Типичнейший радикал, А<лександр> В<асильевич> голосовал в пользу того или иного проекта лишь тогда, когда последний или содействовал осуществлению исповедуемых им политических доктрин или, по крайней мере, не колебал их. Принцип «цель оправдывает средство» был при этом, конечно, одним из основных и применялся во многих случаях. Беру для примера вопрос об общинном землевладении, который долго не сходил со стола земских собраний. К.А.Юшков, С.В.Дьяченко и многие другие представители «белых роз» ратовали за общину в искреннем убеждении, что она «исконное начало» и что ее разрушение поведет к массовой распродаже крестьянских земель и к грозному росту пролетариата. А.В.Васильев присоединялся к ним по совершенно иным соображениям. «Исконные начала» его интересовали мало. Наблюдая деревню и входя в общение с крестьянами не в роли «добротного барина», а в качестве умелого тонкого политического пропагандиста, А<лександр> В<асильевич> понял, что община как раз и есть тот бульон, в котором с наибольшим успехом возможно культивировать революционные бактерии. Он видел, как разбиваются об общину усилия центральной власти и местных деятелей, видел и радовался: готовая, молчаливая, упорная и мощная оппозиция; мечущаяся, слабеющая, теряющая

¹ «Дикими» назывались совершенно независимые, не связанные ни с одной из существовавших группировок, гласные. (Прим. Н.А.Мельникова).

свое обаяние власть. И в его выступлениях в защиту общины, когда он не столько касался существа вопроса, сколько восхвалял мудрость и чувство предвидения К.А.Юшкова, слышалось немало затаенного злорадства. Так и во всем другом. Народное образование, сельская медицина, продовольственное дело, одним словом все то, в чем другие искали средства для поднятия общего культурного уровня и благосостояния населения, А<лександра> В<асильевича> интересовали гораздо больше с точки зрения возможности наводнить деревню революционно настроенными «интеллигентами». Им он пел гимны, для них выхлопывал всякие пособия, пенсии, командировки и т.п., им, стоящим или сидящим во время заседаний «за колоннами», бросался он в минуты перерывов объяснять «истинные» причины состоявшихся или предполагаемых решений.

Его адъютантом был г<убернский> гласный от Тетюшского уезда Владимир Петрович Куприянов. Его отец, Петр Христофорович, ничем особенно не выдающийся, но весьма почтенный и добросовестный земский деятель, был в восьмидесятых годах председателем губ<ернской> управы. В<ладимир> П<етрович> также был недурным работником и человеком доброй души, но держался очень левых взглядов. Я оценивал его как социал-революционера и думаю, что не ошибался. В дальнейшем изложении будут указаны некоторые факты, подтверждающие этот взгляд.

В<ладимир> П<етрович> не был «семи пядей во лбу», но был очень исполнительным и достаточно активным, и этого было достаточно для А.В. Васильева в его политической игре.

Гораздо менее явным, но несомненным союзником А<лександра> В<асильевича> был Свияжский предводитель дворянства, Николай Николаевич Филипсон¹⁰. Он был очень молчалив, держал себя в высшей степени корректно, был любезным и обязательным человеком, ни о ком не говорил плохо, не допускал никаких намеков. В уезде его любили и почти всегда хорошо выбирали. Там, в качестве председателя земского собрания, он уже по совершенно понятным причинам воздерживался от всяких выступлений, и «правые» не имели поводов в чем-нибудь его упрекнуть. Но в губернском собрании, в качестве рядового гласного, Н<иколай> Н<иколаевич> все же иногда обнаруживал свои симпатии, а в его нечастых и кратких речах можно было услышать те же напевы, которые были так характерны для А.В.Васильева. Это заставляло держаться с Н<иколаем> Н<иколаевичем> очень осторожно, и я припоминаю, что при предварительных подсчетах перед выборами, на «шар» Н.Н.Филипсона обыкновенно не рассчитывали.

Кроме этих трех лиц, в левом лагере, пожалуй, никого больше не было, и я скажу теперь об остальных гласных, которые состояли в «белых розах» или тянулись к ним по причинам не политического, а возрастного и традиционного свойства.

Заметным влиянием пользовался губ<ернский> гласный от Спасского уезда, Иван Николаевич Аристов¹¹, бывший одно время председателем губ<ернской>

зем<ской> управы. Неглупый, толковый и энергичный, И<ван> Н<иколаевич> хорошо знал земское дело и был очень полезным работником в разных комиссиях. Он шел за К.А.Юшковым и С.В.Дьяченко и примыкал к «белым розам» скорее всего потому, что в свое время они выбирали и поддерживали его, и вся его предыдущая деятельность протекала среди поколения «белых роз». По деловым вопросам И<ван> Н<иколаевич> нередко голосовал с «альными розами».

Остается вспомнить некоторых деятелей, так сказать, уездного типа, которые, будучи губернскими гласными, особенно активной роли в губ<ернском> зем<ском> собрании не играли. Некоторые из них были даже противниками губернского земства, считая его излишней надстройкой и полагая, что «настоящее дело» делается только в уездах.

Братья Александр и Иван Петровичи Горталовы, оба, особенно Александр, умные, способные, добросовестные и преданные земскому делу работники. А<лександр> П<етрович> был долго председателем Лаишевской уездной земской управы и пользовался неизменным общим уважением. Одним из немногих недостатков этого почтеннейшего и бескорыстнейшего человека была находившая на него временами лень. Однажды, подготавливаясь к уездному земскому собранию, А<лександр> П<етрович> не удосужился написать одного довольно сложного и важного доклада. Подходит момент, когда надо его оглашать. А<лександр> П<етрович> встает, берет лежащий перед ним лист бумаги и, как всегда, спокойным, ровным и внятным тоном читает довольно длинный, с некоторыми цифровыми данными, доклад. Кончил, сел, началось «обсуждение». Председатель собрания берет лист, чтобы подготовить формулу для голосования, а на листе-то ничего не написано: чистая бумага. А<лександр> П<етрович> без запинки прочел свой доклад по чистому листу.

Губ<ернский> гласный от Цивильского уездного земства Александр Михайлович Арцыбашев. Он был одновременно Цивильским и Ядринским уездным предводителем дворянства и председателем Цивильской земской управы. Обе эти должности он совмещал несколько трехлетий, и, вероятно, не было бы преувеличением сказать, что все сделанное в этих двух уездах было делом его рук. Захолустный Ядринский уезд почти сплошь населен чувашами. Некоторые из них в то время даже официально не были присоединены к православию и оставались язычниками. За исключением двух-трех представителей ведомств, все уездные гласные были там из крестьян и подавляющее число из чуваш. Они почти ничего не понимали из того, что происходило на земском собрании и засыпали при чтении докладов. Когда при закрытых голосованиях надо было класть шары в ящик, они, просунув руку в верхнее отверстие, не нащупывали правого или левого отделения ящика, чтобы положить шар в одно из них, согласно «убеждения», а просто этот шар бросали куда попадет, предоставляя, так сказать, року решать спорные или выборные вопросы. В обеденный перерыв эти «господа гласные» отправлялись, конечно, в трактир и приходили оттуда на заседание «в пол-свиста». Тогда уже совсем не было возможности вести дело без опасения каких-нибудь несуразных

и трудно поправимых случайностей. Что было делать бедному А<лександр> М<ихайлович> с такой компанией, пока постепенно налаживающееся просвещение еще не дало заметных «плодов». Он изобрел следующее. В обеденный перерыв член управы, конечно, тоже крестьянин, но все же более развитой и «натасканный» в делах, приглашал всех гласных крестьян в особое помещение, где их радушно угощали пельменями и другими соблазнительными яствами, давали по рюмке водки и по стакану местного производства мадеры, а за беседой старательно объясняли, как и за что надо голосовать, каким образом класть шары и т.п. Все это было для них выгодно (не надо платить за обед) и лестно, причем особенно ошеломляющее впечатление производила мадера. Дела стали проходить значительно глаже и быстрее, но А<лександр> М<ихайлович>, ко всяким другим личным расходам, связанным с поездкой на земское собрание, пришлось присоединить и расходы на пельмени и мадеру. Будучи хорошим, расчетливым, но не скупым в своем хозяйстве, А<лександр> М<ихайлович> отличался большой скупостью при руководстве земским хозяйством своих уездов: земское обложение в них было всегда наименьшим по губернии. Я не раз слышал по адресу А<лександра> М<ихайловича> упреки за излишнюю экономию. Но земскому деятелю приходилось считаться не только с интересами дела, а учитывать и настроение представителей населения. Чуваши чрезвычайно скупой народ, и слишком быстрый рост земских смет мог восстановить гласных против различных мероприятий, так что пельмени и мадера могли перестать производить благотворное действие.

Губ<ернский> гласный от Лаишевского уезда Аркадий Иванович Якоби¹², типичнейший шестидесятник, добрейший, милейший, но уже довольно дряхлый человек. Он выступал очень часто, горячился, волновался, но, благодаря болезни голосовых связок, так тихо и неясно говорил, что редко удавалось схватить сущность его речей. Поэтому его почти никто и не старался слушать, чего он, по счастью, не замечал.

Губ<ернский> гласный от того же уезда, Петр Матвеевич Останков¹³, владеец одного из крупных имений и известный в губернии коннозаводчик. Человек безупречный во всех отношениях, П<етр> М<ихайлович> не отличался большими способностями, плохо говорил и еще хуже резюмировал. Он был последним председателем губ<ернской> земской управы от группы «белых роз», и его деятельность протекала как раз в период наибольшего застоя в земском хозяйстве.

Одним из ближайших его сотрудников был губ<ернский> гласный от Спасского уезда, Василий Викторович Ляпунов, человек добрейшей души, но обладавший слабой волей.

Братья Алексей и Порфирий Александровичи Демидовы, губ<ерские> гласные от Спасского уезда. Наиболее деятельным из них был П<орфирий> А<лександрович>¹⁴, живой, общительный и непредубежденный человек. Владеец довольно крупного имения, расчетливый, умелый хозяин, П<орфирий>

А<лександрович> был полезнейшим членом тех комиссий, которые рассматривали чисто хозяйственные дела.

Губ<ернский> гласный от Машадьшского уезда Александр Александрович Лебедев¹⁵, владелец крупных лесных имений и заводов в Казанской и Нижегородской губ<ерниях>. Довольно долго был городским головой города Казани. А<лександр> А<лександрович> отличался доступностью, радушием и хлебосольством, хорошо знал земское дело и интересовался им, но здоровье мешало ему быть достаточно активным, и в комиссиях А<лександр> А<лександрович> работал мало.

Вот, пожалуй, и все из группы «белых роз» и им сочувствующих, которые не только более или менее аккуратно появлялись на заседаниях земских собраний, но оказывали известное влияние на общий ход дел.

О политических взглядах некоторых я уже упомянул, об остальных скажу так. К умеренным либералам я бы причислил А.И.Якоби и В.В.Ляпунова. Остальные, особенно П.М.Останков и братья Горталовы, были правее. Таким образом, вся группа в целом состояла из представителей трех политических течений, с основной разницей во взглядах на государственный строй, который был бы наиболее подходящим для России. Правые считали таковым самодержавие и благоговели перед личностью монарха. Они отрицали надобность народного представительства из опасения, что оно неизбежно поведет к крушению самодержавного строя и грозным потрясениям.

Либералы, будучи также защитниками самодержавия, допускали идею народного представительства совещательного характера.

Радикалы были противниками самодержавия, им ненавистна была сама личность самодержца.

Однако несмотря на эти различия, у всех вместе было и нечто общее, что нередко их объединяло и являлось причиной таких голосований, которые на первый взгляд могли вызвать недоумение. Этим общим было недовольство Петербургом, оппозиция к центральной исполнительной власти. По существу она не была однородной. Радикалы пользовались удобными моментами, чтобы ратовать против тех носителей исполнительной власти, которые угадывали лукавство радикализма и задерживали его победоносное шествие. Правые и либералы находили, что почти все носители исполнительной власти плохо оберегают самодержавие, что Петербург не знает и не чувствует подлинной России.

Теперь о тех, кто принадлежал к «алым розам» или в той или иной степени им сочувствовал. Я был одним из инициаторов этого движения, оставался в группе до самого конца, и мне, может быть, труднее будет рассказывать с достаточным беспристрастием о тех, с которыми приходилось соприкасаться вплотную и некоторые из которых стали моими близкими друзьями.

Признанного лидерства у «алых роз» не было. Как-то само собой, без особых предварительных сговоров, образовалась группа лиц, которых объединяла общность взглядов на то, в каком направлении надо вести земскую работу. Эти

взгляды как раз и были такими, о которых я говорил выше, характеризуя молодое поколение земцев. Ядро группы составляли: Дмитрий Петрович Арцыбашев, Константин Петрович Берстель, Александр Николаевич Боратынский¹⁶, Петр Николаевич Белькович, Петр Иванович Геркен, Лев и Николай Александровичи Казем-Бек, князь Алексей Алексеевич Крапоткин, Владимир Владимирович Марковников, Юрий Владимирович Трубников, Леонид Васильевич Эннатский¹⁷ и я.

Чаще всего собирались «алые розы» у А.Н.Боратынского, что с точки зрения внешних удобств было наиболее подходящим. Обсуждали наиболее важные доклады, заготовленные губ<ернской> управой для земского собрания, уговаривались, как на них реагировать; намечали схематический план для будущих мероприятий и способы их осуществления; подробно учитывали шансы того или иного из гласных, которого было бы желательно видеть в составе губ<ернской> земской управы; проектировали в выборные годы весь ее состав и старались проводить намеченных кандидатов. Строгой дисциплины не существовало. Если кто-нибудь при решении какого-нибудь вопроса оставался в меньшинстве, он вправе был голосовать на земском собрании так, как находил нужным. Лишь в выборных вопросах предварительный сговор считался обязательным, и результаты голосования в подавляющем большинстве случаев показывали, что все члены группы добросовестно выполняют обязательства.

Наиболее интенсивно группа работала в первые годы своего существования. Затем собираться стали реже, да и особой надобности в этом не было, так как все хорошо «спелось», понимали друг друга с двух слов и знали, как смотрит тот или иной на любой вопрос и как относится к известной кандидатуре.

Перечислив в алфавитном порядке имена и фамилии лиц, составлявших ядро группы, я в том же порядке скажу о каждом из них несколько слов.

Д.П.Арцыбашев, сын одного из защитников Севастополя, генерала Арцыбашева (председателя губернской земской управы первого состава и друга моего деда, Мих<аила> Ив<ановича> Мельникова), был очень незаурядным человеком. Как у многих таких людей, у него наряду с большими достоинствами были и досадные недостатки. Он обладал острым, гибким умом, быстро схватывал, умел как-то сразу яркими крупными мазками изобразить точку зрения своего собеседника и оценить ее деловое значение, а затем выдвинуть и свой взгляд, часто неожиданный, оригинальный и всегда очень меткий. Его инициатива была безгранична, различные проекты неслись в его мозгу непрерывной цепью. Всякое мероприятие он стремился развернуть сразу в широком масштабе, все мелкое его отвращало, вызывало презрительное, брезгливое отношение. Он отличался редкой выносливостью и работоспособностью. С 1901 г<ода> и до самой революции он был членом губернской земской управы и заведовал дорожным отделом, расширенным около 1911 года в технический. Бывало, что подряд несколько дней и ночей он в любую погоду треплется по проселочным дорогам в тряской ямской таратайке, а затем, как ни в чем не бывало, прямо с дороги, направляется

в Управу и работает там не только положенные часы, а до тех пор, пока его ближайшие сотрудники не замучаются окончательно и, потеряв всякую способность соображать, не взмолятся, чтобы он их отпустил. Он любил и хорошо знал свое дело, вникал во все его подробности, внимательно следил за соответствующей литературой. Поэтому на земских собраниях ему нетрудно было «садить в калошу» любого оппонента и собирать нужное большинство в защиту своих проектов.

Скупой, как Плюшкин, в личной жизни (исключением были сласти, которые он очень любил и на которые не жалел денег), он настойчиво требовал на свой отдел таких средств, ассигнование которых было бы явным ущербом для других отделов. На этой почве мне, в качестве председателя управы, приходилось постоянно вступать с ним в пререкания, которые иногда принимали довольно резкий характер. Таковы были его достоинства. Из наиболее же досадных его недостатков приходится отметить болезненное самолюбие и склонность к оппортунизму. Первое развило в нем, может быть, и боязнь ответственности — болезнь, которой он страдал в довольно тяжелой форме. При том размахе, который он стремился придать, да и придавал своему делу, ему, конечно, приходилось рисковать. Он и рисковал, но нередко за чужой счет. Если в каком-нибудь из его начинаний уже ясно просвечивала удача, он всеми способами старался отгородиться от соучастников и показать, что дело сделано им единолично. Но достаточно было малейшей неудачи или какого-нибудь неприятного осложнения, он сейчас же съеживался, просил вместо него выступить в земском собрании, похлопотать у губернатора или в министерствах, и т.д. Совсем не из скромности, которая была ему несвойственна, он почти всегда уклонялся от личных сношений с представителями высших местных или центральных правительственных органов: он боялся встретить критику людей, не менее, а иногда и более осведомленных и также умеющих охватывать вопросы широко.

По закону все дела в земских управах разрешались коллегиально, и все члены коллегии были одинаково ответственны за результаты решений, если не оставались при особом мнении или если их подписи не было в соответствующем журнале. В серьезных и спорных вопросах Д<митрий> П<етрович> при особом мнении предпочитал не оставаться, но от подписи под разными предложениями уклонялся довольно часто. Он мог направить и настроить своих товарищей на те или иные решения или действия, а потом, если дело оборачивалось плохо, вильнуть и оказаться в оппозиции. Верить до конца ему было нельзя, полагаться на него было неосторожно.

Большинство гласных, конечно, знало эти свойства Д<митрия> П<етровича>. Поэтому его всегда хорошо выбирали на должность члена губ<ернской> управы, но имя его почти никто не называл, когда заходила речь о выборе председателя.

Отмечу и свойственные ему более мелкие черты, благодаря которым с ним нередко происходили забавные анекдотические случаи. Я уже упоминал о его скупости и остается лишь добавить, что он был крайне неопрятен. Не всякий брезгливый человек решился бы переступить порог его комнаты, которую он снимал

в одной из второстепенных гостиниц Казани. Грязноватый, мятый воротничок, засаленный галстук, просвечивающие локти пиджака, нечищенная обувь — вот был его обычный внешний вид. И он не только не стыдился всего этого, но с оттенком некоторого цинизма старался как бы привлечь внимание к своей неопрятности, афишировать ее.

Холодный, дождливый, мрачный осенний день. Д<митрий> П<етрович> подъезжает на таратайке к одной из Камских пристаней, чтобы сесть на пароход, идущий в Казань. Одет Д<митрий> П<етрович> «по-дорожному». На голове старый, поеденный молью «малахай», на ногах разношенные грязные кукморские валенки¹⁸ с желтыми пятнами от неосторожной сушки, сверху старый, грязный азым, слишком тесно облегающий полные формы своего владельца. Когда подошел пароход, Д<митрий> П<етрович>, не позаботившись предварительно переодеться или хотя бы почиститься, характерной для него твердой и решительной поступью взошел на палубу и направился к лестнице, ведущей в столовую первого класса. «Куда лезе-ешь», — закричал вятич-матрос, схватив его за рукав. Резким движением Д<митрий> П<етрович> освобождается, быстро поднимается по лестнице и входит в столовую. Несколько смущенных, недоумевающих взглядов, кто-то позвонил, чтобы вызвать официанта. А Д<митрий> П<етрович>, не обращая ни на кого внимания, сразу направился к пианино и так заиграл вальс из «Евгения Онегина», а играл он очень недурно, что публика уже совсем была сбита с толку. Явившемуся на звонок официанту Д<митрий> П<етрович> властным тоном заказал селянку из стерлядей и какое-то изысканное пирожное. Нараставший инцидент закончился мирной беседой Д<митрия> П<етровича> с пассажирами, которым он презабавно рассказывал о происхождении своего «малахая».

Однажды мы были с ним вместе в Москве. Дела закончены, собрались домой. Перед отъездом на вокзал Д<митрий> П<етрович> уговорил меня заехать в кондитерскую на Тверскую, чтобы купить конфет. Дело было зимой и на голове Д<митрия> П<етровича> красовался тот же малахай. Только вместо азыма сверху было надето занятое у К.П.Берстеля пальто, из которого Д<митрий> П<етрович> ухитрился где-то вырвать целый кусок, так что ватная подкладка вылезала в виде какой-то злокачественной опухоли. Хорошенькие, элегантно одетые продавщицы бросали на меня вопросительные, а на Д<митрия> П<етровича> полные ужаса взгляды. Но он не замедлил сказать по-французски самым изысканным тоном несколько любезных слов и потребовать пятифунтовую коробку лучших шоколадных конфет. Ужас продавщиц сменился улыбками, все обошлось благополучно.

В имении Д<митрия> П<етровича> был небольшой деревянный дом, но в нем не было никакой мебели. Когда Д<митрию> П<етровичу> приходилось там ночевать, он снимал с косяков дверь, клал ее на два толстых полена, и, не раздеваясь, укладывался на это ложе; подушкой служил тот же азым, а матрас

заменяла отцовская «силистриновая» шинель, которая всегда висела на гвозде в импровизированной спальне Д<митрия> П<етровича>.

Незадолго перед войной Д<митрий> П<етрович> женился на одной из подведомственных ему телефонных барышень. По Казани пошел слух о необычайном событии: Д<митрий> П<етрович> купил кровать с матрасом. Брак его вышел удачным: он сделался отличным семьянином, а его жена — очень скромная и неглупая женщина — оказалась хорошей матерью и толково воспитывала двух славных, живых мальчиков, в сопровождении которых в первые месяцы революции Д<митрий> П<етрович> ходил по городу и продавал пирожки собственного изделия.

В дальнейшем, когда я буду рассказывать о том, что было сделано за время моей службы Казанским губернским земством, мне придется подробно описать работу дорожного или, как потом его наименовали, технического отдела, который бессменно возглавлял Д<митрий> П<етрович>. Теперь же отмечу, что сотни построенных по разным трактам губернии железобетонных мостов, телефонная сеть, соединившая Казань со всеми уездными городами и многими селами, артезианские колодцы, обделанные бетоном родники, прекрасные здания ремесленных училищ и т.д. — все это было в значительной степени делом его инициативы и энергии.

К.П.Берстель, один из членов многочисленной дворянской семьи, владевшей по соседству с нашей Сердой довольно большим имением при селе Казылях. Его мать, рожденная Евсевьева, была моей крестной матерью, а ее сестра была замужем за моим родным дядей, Николаем Михайловичем¹⁹. Таким образом, кроме соседства, наши семьи были связаны некоторым родством. С К<онстантином> П<етровичем>, как и со всеми Берстель, я был очень дружен с детства. Эта дружба осталась прочной и потом, когда мы стали сослуживцами.

Получив военное образование, К<онстантин> П<етрович> вышел офицером в Калужский пехотный полк, стоявший в Симбирске. Защищая однажды честь полка, оскорбленного прокурором местного суда, К<онстантин> П<етрович> в театре, во время антракта, дал этому прокурору пощечину, был судим, сидел в тюрьме, три года прослужил солдатом, как разжалованный, а когда отбыл срок своего наказания и был вновь воспроизведен в офицеры, вышел в отставку и взял место земского начальника. В 1901 году он был выбран членом губернской земской управы, в каковой должности и оставался до революции, заведая сперва отделом общественного призрения, а затем страховым.

К<онстантин> П<етрович> был человеком необычайной сердечной чистоты и рыцарского благородства. В вопросах чести он не допускал никаких компромиссов; данное слово было для него непререкаемым законом; все лучшие дворянские и земские традиции он чтит и хранил, как святыню. Его патриотизм не имел предела. Для него не было большего счастья, как изучать историю России и, в частности, жизнь и дела ее великих людей, к которым он относился с благоговением. Свой страховой отдел он любил беззаветно, как родное детище, и отдавал ему все

силы. К несчастью, последние нередко ему изменяли: он долго страдал сердечной болезнью, которая часто лишала его возможности двигаться и работать, и вскоре после вторичного занятия Казани большевиками свела в могилу.

А.Н. Боратынский окончил Училище правоуказания и начал свою службу товарищем прокурора в Симбирске. Как ни добросовестно исполнял он свои обязанности, для него все-таки, по-видимому, скучноваты были иногда заседания уездного съезда и, сидя за своим столиком, он пользовался удобными минутами, чтобы упражняться в стихосложении. Действовала, очевидно, наследственность: поэт Боратынский был его родным дедом. Однажды ни то в Алатыре, ни то в Ардатове, он написал на сукне, покрывавшем его стол, такое четверостишие:

Кто здесь так страшно неопрятен?

Здесь сальных и чернильных пятен,

Как в темном небе ясных звезд.

Смени сукно, уездный съезд!

Сукно сменили, но А<лександр> Н<иколаевич>, будучи выбран Казанским уездным предводителем дворянства, покинул Симбирск и весь отдался общественной деятельности.

В нем удивительно сочетались черты, которыми далеко не все обладают одновременно. Он был очень расчетливым и разумным хозяином и не только сохранил, но и приумножил доставшееся ему от отца недурное состояние. А в то же время он был человеком исключительной доброты и сердечности. Значительную часть своих ежедневных забот он отдавал то хлопотам об устройстве разных лиц, обращавшихся к нему за советом и содействием, то непосредственной помощи нуждающимся, то посещениям или приемам тех, кто просто искал какого-нибудь утешения и моральной поддержки. С раннего утра до полудня чередовались на креслах его кабинета лица «всех званий и состояний», и каждый из них уходил обласканным, утешенным, получившим добрый совет или помощь.

Прекрасный, без единого пятнышка, семьянин, А<лександр> Н<иколаевич> рано овдовел и, оставаясь верным памяти горячо любимой и безвременно погибшей жены²⁰, чуткостью, нежностью, и глубоким пониманием детской души достиг того, что стал для своих прелестных детей не только непререкаемым нравственным авторитетом, но и самым близким, незаменимым другом.

Когда осенью 1918 года полчища большевиков вторично штурмовали Казань, временно освобожденную от их владычества натиском пробиравшихся в Сибирь сербов и чехов, А<лександр> Н<иколаевич>, как и большинство других, покинул город с отступавшими «белыми» войсками, среди которых были все его дети. Но в Казани у него остались сестры и больная старуха-мать, которых по условиям отступления — пешком в осеннюю погоду — нельзя было взять с собой. Чувство сыновнего долга и любви победили. Благословив детей, А<лександр> Н<иколаевич> вернулся в Казань, был немедленно схвачен и через несколько дней, конечно, без всякого суда, расстрелян. Крестьяне его имения и рабочие его городских предприятий, узнав о его аресте толпами ходили к чекистам и требовали

его освобождения, так как никому из них А<лександр> Н<иколаевич> ничего не делал, кроме добра. Не по этой ли причине большевики так ускорили его расстрел?

В качестве земского деятеля, всей душой преданного земскому делу, А<лександр> Н<иколаевич> всего больше интересовался народным образованием. Школы, школьники и учительский персонал его уезда — вот что составляло главную часть его общественных забот и интересов. Не являлось ли, между прочим, это «вещественным доказательством» тому, что «алые розы», в группе которых А<лександр> Н<иколаевич> работал больше всех других, совершенно не были противниками народного образования, в чем подчас обвиняли их в лагере «белых роз», а лишь иначе подходили к большому и сложному вопросу, считая важным избегать насилия над населением и привлекая его к совместной работе на основе действительного и искреннего взаимопонимания.

Так смотрел на дело и А<лександр> Н<иколаевич>. Поэтому, работая в уезде почти исключительно для школ, он в губернском земском собрании отдавал свой ораторский талант защите тех экономических мероприятий, которых настойчиво требовали «алые розы».

Обладая широтой взглядов, умея смотреть на вопросы не только в местном, губернском, но и в государственном масштабе, А<лександр> Н<иколаевич> очень выделялся среди остальных гласных и так как, кроме того, был доброжелательным, мягким, прекрасно воспитанным и независимым человеком, то и пользовался авторитетом и симпатиями подавляющего большинства.

Он стал моим большим и лучшим другом, и я обязан ему не только за постоянную и действенную поддержку в те многие моменты, когда моя оппозиция особенно сильно на меня насадала, но и за основательные и обдуманые указания и поправки к различным моим предположениям.

П.Н.Белькович, губ<ернский> гласный от Лаишевского уездного земства, был гораздо более хорошим человеком, чем выдающимся земским деятелем. Мягкий, застенчивый, часто сомневающийся, теряющийся в борьбе и склонный к уступкам, он, будучи до щепетильности честным, вдумчивым и добросовестным работником, был незаменимым на исполнительных ролях в составе так называемого «третьего элемента», т.е. служащих в земстве, где он и начал свою земскую карьеру. Но когда его избрали на боевой и ответственный пост члена губ<ернской> земской управы, это оказалось ему не по плечу, и, если память мне не изменяет, он оставался в этой должности только одно трехлетие.

П.И. Геркен, губ<ернский> гласный от Свияжского уезда, был некоторое время членом, а затем с небольшим одно трехлетие председателем губ<ернской> земской управы (мой предшественник). В противовес П.Н. Бельковичу, П<етр> И<ванович> всегда стремился к боевым постам и в первые ряды. Он обладал недюжинными способностями, острым, находчивым и быстро схватывающим умом. Его умело построенные и с хорошей дикцией произносимые речи были всегда

Николай Михайлович Мельников

кратки, ясны, выпуклы и убедительны. Он был горячим патриотом и убежденнейшим монархистом. На все вопросы он стремился смотреть с государственной точки зрения.

Основы крепкой государственности — религия, семья и собственность. Поэтому надо делать только то, что без сомнения, бесспорно, четко и быстро содействует развитию и укреплению этих основ. Местные интересы — вздор, так как всякий местный интерес в то же время и государственный. Но широкий государственный поток питается местными ручьями и родниками. И если хорошо знать эти родники и оберегать их мощность является первейшей обязанностью каждого государственного деятеля, то обязанность каждого местного — не отводить мелких течений от главного потока, а, наоборот, спрямлять их пути и направлять к единому центру. И центрально-государственная и местно-государственная работа — не право, а обязанность, и призывать к ней можно и должно только тех, кто способен исполнять обязанности. Отсюда все выборы надо строить не на основании числа, а на основании веса голосов, все же назначения производить не по счету, хотя бы и безукоризненно пройденных, карьеристических ступенек, а по способности крепить государственный корабль и вести его глубокими и прямыми течениями, а не протоками и заводами, вертя рулем то направо, то налево.

Так, как припоминаю я, мыслил и примерно в такой редакции часто формулировал свои мысли П<етр> И<ванович>. В соответствии с ними он направлял и вверенный ему земский корабль.

У всех земских служащих П<етр> И<ванович> пользовался большими симпатиями. Его приветливость, снисходительность, доступность и доброжелательность покоряли все сердца.

К несчастью, обладая свойством ярко вспыхивать, он не мог ровно, сильно и достаточно продолжительно гореть. Он не был усидчивым, упорным работником и рисковал без оглядки. Не дочитает, не допишет, пропустит сроки, не отдаст своевременно нужных распоряжений, поверит тому, кому нельзя верить — вот то, что случалось с ним то и дело. Не будь этих досадных недостатков, он был бы в земской семье одной из самых крупных фигур и не оборвал бы своей полезнейшей деятельности обидной неосторожностью, о которой мне в свое время придется сказать.

В 1918 году он, как почти все, ушел из Казани и начал работать в Сибири. Выбраться из нее после разгрома «белых» армий адмирала Колчака ему не удалось, он застрял в Красноярске. Большевики сразу не тронули его, и, думается мне, сделали это не без умысла. Оглядевшись и кое-как наладив свое существование, П<етр> И<ванович> немедленно занялся подпольной «контрреволюционной» работой. Вот тогда-то и его и всю его «организацию» схватили, отправили в Соловки и замучили до смерти.

Я любил П<етра> И<вановича>, ощущал его расположение к себе и пользовался большим его доверием. Многому я научился у него и многое от него воспринял.

Ле<в> и Н<иколай> Александровичи Казем-бек, губ<ернские> гласные — первый от Спасского, а второй от Лаишевского уезда — заметно, но, к сожалению, ненадолго блеснули в земских собраниях. Л<ев> А<лександрович> отдался дворянским делам своего уезда, а Н<иколай> А<лександрович> увлекся крупными торговыми предприятиями, быстро разбогател, сорвался, разорился и остался ни с чем. Они оба были вернейшими членами группы «алых роз» и принимали, особенно Л<ев> А<лександрович>, самое живое участие в ее подготовительных работах. Последний и в земских собраниях выступал довольно часто, всегда горячо поддерживая новшества, которые проводили и на необходимости которых настаивали «алые розы».

Князь А.А.Крапоткин, губ<ернский> гласный от Лаишевского уезда, был членом Губ<ернской> Земской Управы, заведовал дорожным отделом в «кабинете» П.М. Останкова, вместе с последним пал, но, так как по своим воззрениям подходил к «алым розам», то и вошел в их группу. Он был чуть ли не самым старшим по возрасту среди членов группы, что, однако не мешало ему быть самым подвижным и выносливым. Пылкий оратор, обладавший завидной дикцией и приятным тембром голоса, он умел «зажигать сердца» и убеждать сомневающийся. Он был почти фанатическим проводником основных идей «алых роз»,

незаменимым советником при разрешении тактических вопросов и организатором выборной борьбы. Всегда веселый, оживленный, мило и просто подходящий к людям, князь А<лексей> А<лексеевич> имел лишь один забавный недостаток — увлекаться как-то совсем по-детски и придавать своей фантазии значение достоверного свидетельства о фактах. Это мешало иногда достаточно доверчиво относиться к его сообщениям и до известной степени порочило его авторитет. Однако он никогда не вилял и не заметал следов и первый весело смеялся, когда его ловили на увлечениях. С исключительным мужеством и достоинством переносил он тяжкие дни невольного изгнания, вынужденный на седьмом десятке лет не то мыть, не то красить какие-то вагоны в Сан-Франциско.

В.В.Марковников, губ<ернский> гласный от Чистопольского уездного земства (сын известного химика, Московского профессора Марковникова), был предшественником П.И. Геркена и возглавлял губ<ернскую> земскую управу того первого состава, который наметили и провели «алые розы».

Я познакомился с В<ладимиром> В<ладимировичем> в 1898 году, когда, только что выбранный в губ<ернские> гласные от Козьмодемьянского уездного земства, ехал в Казань, чтобы принять участие в заседаниях губ<ернского> земского собрания. Мы встретились в вагоне железной дороги, разговорились, и оказалось, что наши взгляды на предстоящую работу земства в основных чертах совпадают. Во время работ группы «алых роз», куда мы вошли одновременно, это единомыслие обнаружилось еще явственнее, и так как я начал ощущать к В<ладимиру> В<ладимировичу> большую симпатию и чувствовал его расположение к себе, то скоро между нами возникли дружеские отношения, которые ничем не нарушались до 1915 года. Если не ошибаюсь, весной этого года В<ладимир> В<ладимирович>, вернувшись из поездки не то в Петербург, не то в Москву, зашел ко мне и очень осторожно завел разговор на тему, которую на первых порах я даже не мог точно себе уяснить. Оказалось, что он увлекся масонством и соблазнял меня войти в это сообщество. Возник горячий спор, мы не удержались от того, чтобы наговорить друг другу резких слов и очень холодно расстались. Когда миновали первые тяжкие дни этой размолвки, и я мог уже спокойно все передумать, у меня создалось убеждение, что печальный для меня шаг В<ладимира> В<ладимировича> был результатом искреннего увлечения и продиктован добрыми чувствами. Он обладал свойством увлекаться слишком быстро и не раз, благодаря этому, делал промахи. Привычное взаимное расположение и воспоминание о годах совместной работы брали свое, и вскоре наши отношения стали вновь налаживаться, но разделившая нас черта все-таки не стерлась окончательно, и мы, как мне всегда казалось, оба чувствовали, что не можем, как раньше, вести искреннюю беседу на любую тему. Спустя некоторое время В<ладимир> В<ладимирович> скоропостижно скончался в вагоне по дороге из Москвы в Казань.

Как земский деятель В<ладимир> В<ладимирович>, несомненно, оставил крупный след в истории Казанского земства: возглавляемая им губ<ернская>

земская управа покончила с предшествующим маразмом в земской деятельности. В короткий срок был разработан целый ряд значительных предположений, установилась известная связь с центральными учреждениями, Казанское земство вступило в общение с другими и стало совместно с ними развивать некоторые важные отрасли земского хозяйства (Страховой союз).

В 1904 году В<ладимир> В<ладимирович> принял участие в известном частном совещании земских деятелей или земском съезде, как назвала его пресса и левая общественность. Об этом Совещании мне придется сказать позже. Здесь же отмечу лишь, что Казанское губернское земство неодобрительно отнеслось к этому шагу председателя губ<ернской> управы, и В<ладимиру> В<ладимировичу> пришлось отказаться от занимаемого поста. Тем не менее, губ<ернским> земским гласным, и одним из самых деятельных, он оставался до конца своих дней, содействуя инициативой и непосредственной работой осуществлению многих мероприятий крупного экономического значения.

Ю.В.Трубников, губ<ернский> гласный от Спасского уездного земства, был, как и князь А.А.Крапоткин, значительно старше остальных членов группы «алых роз». Полный и внешнего и внутреннего благородства, добросовестный до щепетильности, Ю<рий> В<ладимирович> был ценным участником различных подготовительных комиссий.

Когда создались представительные учреждения, губ<ернское> земство, оценивая заслуги Ю<рия> В<ладимировича>, избрало его членом Государственного Совета. На этом высоком посту он достойно и честно работал до конца, и, уйдя в Сибирь, не остался незамеченным и там, получив назначение сенатором в правительстве адм<ирала> Колчака. Вместе с отступавшими под натиском красных белыми войсками Ю<рий> В<ладимирович> достиг Иркутска, застрял в нем и вскоре заболел и скончался.

Л.В.Эннатский, губ<ернский> гласный от Чебоксарского уезда, был необычайно симпатичным, мягким, доступным и хорошо воспитанным человеком, держал себя скромно, ровно и спокойно.

Вместе с тем, в нем было немало забавных черт. Однажды, будучи еще молодым человеком, он встретил в Самаре какого-то англичанина. Их беседа окончилась пари на 10000 рублей, которое состояло в следующем. Л<еонид> В<асильевич> должен был на своей тройке, в сопровождении одного конюха, проехать от Самары до Парижа, потратив на это не более 80 дней, причем вся тройка должна была прийти на место в полном здравье. Л<еонид> В<асильевич> быстро соорудил двухместную без козел рессорную тележку, подковал каким-то особым способом своих «башкирят» и в ноябре, в самую слякоть и стужу, тронулся в путь, посадив рядом с собой конюха, черемисина Сергея. Где-то около Житомира тройка испугалась, понесла, тележка перевернулась и сильно пострадала, но лошади и оба путника получили лишь легкие ушибы. В Польше помещики нарасхват приглашали Л<еонида> В<асильевича> в гости, и дело кончилось дуэлью, которая, по счастью, также прошла благополучно.

Несмотря на все эти задержки и приключения, выносливые «башкирята» доставили Л<еонида> В<асильевича> в Париж не в 80, а в 77 дней, и пари было им выиграно.

Парижане были в диком восторге, в газетах мелькали портреты Л<еонида> В<асильевича> в поддевке, его биографией занялись не одни репортеры, а состоянием его нервной системы заинтересовался даже проф<ессор> Шарко. Нечего и говорить, что приглашения на завтраки, обеды, концерты, оперу и т.д. сыпались, как из рога изобилия. Свою тройку и экипаж Л<еонид> В<асильевич> продал за хорошие деньги, 10000 рублей с англичанина получил и, приплатив ко всему этому примерно равную сумму, вернулся к себе в Кушниково с толстым альбомом газетных вырезок и иллюстраций.

Было у него имение в Царевококшайском уезде. Земли, лугов, а особенно леса там было много, а людей совсем не было, и кругом на десятки верст сплошные казенные леса. Чтобы заселить свои владения, Л<еонид> В<асильевич> набрал в горной стороне группу малоземельных чуваш, построил им целую деревеньку, нарезал участки земли и лугов и предоставил хозяйничать, как хотят, за очень скромную арендную плату. Создалось селение, никуда не «приписанное», с жителями, никому не «подведомственными». Л<еонид> В<асильевич> объявил им, что сам будет для них администратором и судьей, получил на то единодушное согласие, и чуть ли не более 10 лет мирно правил своими чувашами²¹.

Свыше 5-ти трехлетий Л<еонид> В<асильевич> был уездным предводителем дворянства в Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах и одновременно занимал должность председателя Чебоксарской уездной земской управы. Он очень много сделал для своего уезда, затрачивая иногда на некоторые мероприятия и свои личные средства. Врагов у него не было, его все любили: он умел смягчать сердца и своей привлекательной добродушной улыбкой и манерой убеждать, не прибегая к резкостям и не выказывая непримиримости. Вместе с тем, у него совершенно не было оппортунизма, и от своих взглядов он никогда не отступал, даже в мелочах. Мы были с ним большими друзьями и ни разу ни одна тень не скользнула по этой дружбе. Один из немногих Л<еонид> В<асильевич>. остался в Казани при большевиках. Его не тронули, но ни к какой работе не прилекли и он влачил жалкое существование в заштатном городке, поблизости от своего бывшего имения, где вскоре и скончался.

Перехожу к характеристике представителей группы «диких».

Петр Константинович Булич, губ<ернский> гласный от Чистопольского уезда, был дельным, рассудительным и не глупым человеком. Намечая новый состав губ<ернской> зем<ской> управы, «алые розы» включили в свой список и П<етра> К<онстантиновича>. Он был избран членом управы, добросовестно прослужил одно трехлетие, а затем перешел на казенную службу, заняв должность непрямого члена губернского по крестьянским делам присутствия. Он поступил правильно, так как по всему своему складу был скорее хорошим чинов-

ником, а не общественным деятелем, и его недолговременное участие в земской работе не оставило крупных следов.

Михаил Иванович Догель²², сын известного казанского профессора фармакогнозии И.М.Догеля, и сам профессор международного права, губ<ернский> гласный от Лаишевского уездного земства, мог быть отнесен к числу сочувствующих «алым розам». Этот довольно безалаберный и добрейший человек слыл у нас за противника народного образования. Как-то в первые годы деятельности «алых роз», когда земскими вопросами заинтересовалась широкая публика, и в зал заседаний земского собрания приходили слушать наши речи и споры очень многие «земские дамы» — матери, жены, сестры и другие родственницы гласных, А.Н. Боратынский посвятил своей кузине, очаровательной Надежде Геннадьевне Казем-бек (супруге Льва Александровича) стихи, в которых поименно перебрал почти всех гласных губ<ернского> земства:

Я земский гласный по призванью,
 Не баснописец, не поэт,
 Но для прелестного созданья
 Готов перевернуть весь свет:
 Готов Дьяченке я поверить,
 Безгласным Юшкова назвать,
 Образование похерить
 И славу Догелю создать,
 Сазонова назвать курносым²³,
 Гигантом Лелю Казем-бек²⁴,
 По основательным вопросам
 Устроить княжеский пробег²⁵,
 Готов Арцыбашева дланью...
 Дальше, к моему огорчению, не помню.

Итак, «слава» М.И.Догеля состояла будто бы в том, чтобы «похерить образование». На самом деле это было не совсем так. М<ихаил> И<ванович> действительно находил, что земства дают начальному образованию такой уклон, который содействует развитию оппозиционных и даже революционных идей. Кроме того, начальное образование, по мнению М<ихаила> И<вановича>, ценно и необходимо, когда, получив его, человек сейчас же посвящает себя изучению какого-нибудь ремесла, коммерческой деятельности и т.п. Само по себе, без немедленного дальнейшего использования начальное образование нередко становится ядом, так как способствует развитию самомнения, поощряет тягу из деревень в города, создает потребности в сомнительных с моральной точки зрения развлечениях, научает читать, но не научает понимать прочитанное и т.п. «Все это — пушечное мясо будущих революционных армий», — говорил М<ихаил> И<ванович> про наших деревенских школьников. «Надо так учить и воспитывать, чтобы выходили цельные и осведомленные, каждый в своей области, люди, а не стада самодовольных и ничем недовольных недоучек».

Может быть, теперь, когда Россия еще не сбросила коммунистическое иго; когда Германия и Италия едва успели временно увернуться от коммунизма установлением диктатур, когда Франция находится у границы смертельной опасности от такого же зла, а в Испании идет жесточайшая гражданская война, — не все, что говорил в свое время недавно скончавшийся в Париже М<ихаил> И<ванович>, было ошибочно и ничтожно, и будущим деятелям на «ниве народного просвещения» придется внимательно пересмотреть и переоценить все сделанное раньше.

Владимир Дмитриевич Колбецкий²⁶, губ<ернский> гласный от Спасского уездного земства, был человеком большого ума и оратором, речи которого были всегда ясны, сжаты и содержательны. Его симпатии были на стороне «белых роз», хотя далеко не всегда он шел и голосовал с ними. Он заболел и скончался еще не старым человеком вскоре после того, как я вошел в состав губ<ернских> гласных, и это было большой потерей для губ<ернского> земства.

Представители фамилии Молоствовых безостановочно чередовались в губ<ернском> зем<ском> собрании. Наиболее деятельными из них в мое время были двое: Аркадий Владимирович (конногвардеец) и Владимир Владимирович (кирасир), оба губ<ернские> гласные от Спасского уездного земства. Симпатии обоих были на стороне «алых роз» и при выборах можно было безошибочно рассчитывать на их шары. Арк<адий> Вл<адимирович> был добродушнейшим весельчаком и юмористом и пользовался общим расположением. В земских делах он хорошо разбирался и был полезным членом разных комиссий.

Вл<адимир> Вл<адимирович> два последние перед революцией трехлетия был членом губ<ернской> зем<ской> управы, заведя отделом общественного призрения. Он не обладал выдающимися способностями, был тихим, скромным и не особенно энергичным работником, но трудно было найти лучшего товарища и более пунктуального исполнителя. Добрый, мягкий, далекий от каких бы то ни было интриг, он хорошо уживался со всеми и врагов не имел.

Князь Павел Леонидович Ухтомский²⁷, бессменный губ<ернский> гласный от Свияжского уездного земства был одним из самых беспокойных и деятельных членов зем<ского> собрания. Он выступал почти по каждому вопросу и всегда участвовал в нескольких наиболее важных комиссиях. Будучи всесторонне образованным и начитанным, П<авел> Л<еонидович> часто стремился поднимать в зем<ском> собрании вопросы такого порядка, которые требовали больших специальных знаний и по своей сложности и значительности были вообще малодоступными для рядовых местных деятелей. П<авел> Л<еонидович> этим не смущался, и губ<ернская> управа после некоторого сопротивления получала, например, такие поручения, как разработка вопроса о нефтяной монополии, причем свои соображения должна была представить ближайшему земскому собранию. Разумеется, не только «ближайшему», но и всем последующим никаких соображений губ<ернская> управа не представляла, да и сам инициатор быстро остывал или увлекался чем-нибудь другим. Доклады и предложения губ<ернской> управы

нередко вызывали яростную критику со стороны П<авла> Л<еонидовича>. Едва ли я допущу преувеличение, если скажу, что он был в постоянной оппозиции и имел склонность предсказывать тяжкие последствия от недостаточно обдуманных шагов, к которым губ<ернская> управа призывала зем<ское> собрание. В бытность председателем губ<ернской> управы мне удалось нащупать и использовать забавное свойство князя П<авла> Л<еонидовича> — панический страх перед всякой ответственностью. Поэтому, когда я замечал, что его критика начинает привлекать сторонников и становится опасной для дела, я обращался к нему с просьбой формулировать то реальное предложение, которое, по его мнению, соответствовало бы критическому разбору доклада управы. «Предложение?», — с оттенком некоторого ужаса восклицал П<авел> Л<еонидович>. — Да я никакого предложения не вношу, я ничего, ничего не предлагаю». Разумеется, такое заявление вносило значительное расстройство в рядах оппозиции, а председатель собрания не упускал случая ставить на голосование лишь одно предложение губ<ернской> управы, которое обычно и принималось.

Было бы, однако несправедливым утверждать, что выступления кн. П<авла> Л<еонидовича> были лишь осложнением или затяжкой. Очень часто из его критических речей можно было извлечь весьма полезные для дела справки и подробности.

Вот большинство тех, которых, входя в зем<ское> собрание, я застал в качестве губ<ернских> гласных. В последующие 20 лет многие из них по разным причинам отошли от земской деятельности, а многих и не стало, почему общий состав зем<ских> собраний менялся.

Скажу и о них, пришедших в разные сроки после меня, упомянув, как и раньше, только о тех, кто был наиболее деятельным или влиятельным.

Сергей Андреевич Бекетов²⁸, губ<ернский> гласный от Казанского уездного земства, был в последние перед войной и революцией годы городским головой гор<ода> Казани. Будучи неглупым, способным и образованным человеком и имея достаточный стаж (он был одно время председателем Казанской уездной зем<ской> управы), С<ергей> А<ндреевич> имел немало данных, чтобы стать полезнейшим общественным деятелем. К сожалению, он был настолько беспринципным и склонным к оппортунизму, что эти досадные недостатки затемняли и парализовали его достоинства. Стремясь угодить всем, постоянно виляя и изменяя свои мнения и взгляды, довольно равнодушный к делу и с головой погруженный в интриги, С<ергей> А<ндреевич> держался на своем посту в городском управлении только потому, что в то время состав и численность борющихся групп городской Думы не позволяли выбрать другого более подходящего человека. В губ<ернском> зем<ском> собрании С<ергей> А<ндреевич> не пользовался авторитетом. Однако там, где зарождалась какая-нибудь интрига, где по тактическим соображениям надо было что-нибудь «напутать» или «провалить», он был одним из главных действующих лиц, и с ним, как с противником приходилось считаться серьезно.

Братья Владимир и Николай Николаевичи Бельковичи, губ<ернские> гл<асные> от Лаишевского уездн<ого> земства были горячими и преданными земскому делу работниками.

Наиболее способный и обладавший большей инициативой В<ладимир> Н<иколаевич> был некоторое время председателем Лаишевской уездн<ой> зем<ской> управы, а затем был избран членом губ<ернской> зем<ской> управы. Оба они были заметно проникнуты «народническими» идеями. Деревня, крестьянство — вот место и среда, где больше правды и где все главное и основное. Мягкий, сердечный и мечтательный Н<иколай> Н<иколаевич> даже и женился на крестьянке «по принципу» и жил в своей деревеньке Надеждине, стараясь в бытовом отношении по-крестьянски организовать свою внешнюю жизнь.

В<ладимир> Н<иколаевич> обладал мятущейся душой, имел некоторую склонность к оппортунизму и, предпочитая, иногда больше на словах, чем на деле, деревенскую обстановку, не был столь цельным и стильным, как его брат. Но, как я уже сказал, он был более способным, и как в Лаишевском уездом, так и в губернском земстве сделал немало полезного.

Николай Александрович Демерт²⁹, губ<ернский> гл<асный> от Чистопольского уездного земства, был довольно сухим, скрытным, «себе на уме» человеком, но обладал способностями и недюжинным природным умом. По выбору губ<ернского> зем<ского> собрания он состоял членом правления кассы мелкого кредита губ<ернского> земства, где руководил деятельностью сельскохозяйственного склада, переданного в ведение кассы.

Иван Александрович Евсевьев, губ<ернский> гл<асный> от Лаишевского уездного земства, был в свое время исполнительным и храбрым армейским офицером и занялся земской деятельностью уже в очень зрелых годах, по выходе в отставку. Он состоял по выбору губ<ернского> зем<ского> собрания председателем правления кассы мелкого кредита губ<ернского> земства и блестяще выполнял свою роль.

Доктор и проф<ессор> Казанского Университета, Алексей Иванович Захарьевский³⁰, губ<ернский> гл<асный> от Казанского уезд<ного> земства, был типичным и лучшим представителем института русских земских врачей, в корпорации которых он начал свою карьеру. Будучи очень добрым и отзывчивым человеком, чуждый предвзятостям и пристрастиям, обладая сильно развитым чувством долга, А<лексей> И<ванович> работал в разных земских комиссиях и совещаниях не только во время зем<ских> собраний, но и в течение целого года, безропотно уделяя земской работе свои немногие досуги. Добродушно, ровно и спокойно он относился и к защитникам и к противникам его мнений. Никогда соображения личных симпатий не оставляли следа в его деловых заключениях. Заслуженным авторитетом и общим расположением пользовался этот почтенный и достойный человек.

Борис Петрович Ильин, губ<ернский> гласный от Лаишевского уездного земства, вошел в состав членов зем<ского> собрания незадолго перед войной

и был избран членом губернской зем<ской> управы. В его ведение был передан агрономический отдел. Он очень интересовался своим делом и добросовестно его исполнял, но не обладал особенными способностями и инициативой. Поэтому мне, как председателю управы, нельзя было ограничиваться в отношении агрономического отдела только общим руководством и надзором, а приходилось приходиться на помощь Б<орису> П<етровичу> и в мелочах. Впрочем, никаких трений от этого не происходило, так как Б<орис> П<етрович> имел очень спокойный и ровный характер, а сомнения в нем совершенно не было.

Михаил Николаевич Курбатов, губ<ернский> гласный от Цивильского уездного земства, происходил из старинной купеческой семьи. Говорю старинной с нарочитой целью, так как именно такие семьи были очень часто аристократическими. Коммерческая деятельность почиталась там не только средством наживы, но и исполнением известного гражданского долга, необходимой и полезной работой для развития народного благосостояния и мощи. Там наживали добро поколениями, упорным, кропотливым и честным трудом; там любили и творили дело, создавая прочные ценности; там шла своеобразная и большая земская работа, и привлекала она, конечно, не дельцов и рвачей, а почтенных и достойных деятелей. Представители этой среды, нередко тяготели к общественной деятельности и на постах Городских голов и гласных Городских дум с привычной деловитостью и хозяйственной сноровкой содействовали культурному росту своих городов, не останавливаясь перед тем, чтобы финансировать некоторые мероприятия из своих личных средств, и, в стремлении служить «из чести», а не «из корысти», отказываясь от положенной оплаты своего труда.

Таким деятелем был и отец М<ихаила> Н<иколаевича>, коммерции советник и городской голова г. Цивильска, Николай Петрович Курбатов, крупный местный хлеботорговец, владелец нескольких мельниц и торговых судов на р. Волге. Истово и твердо возглавлял он свою семью, ревностно охраняя сословные и семейные традиции и умело передавая их своим детям.

В такой обстановке рос и воспитывался М<ихаил> Н<иколаевич>, в полной мере восприняв все то доброе, что могла она дать. Высшее образование, полученное им в Московском университете, явилось важным дополнением к его воспитанию. Поэтому в качестве губернского земского гласного, М<ихаил> Н<иколаевич>, несмотря на свою исключительную скромность, быстро выдвинулся, как идейный, добросовестный и усердный работник. Всюду, где нужен был кропотливый, усидчивый труд, направляли М<ихаила> Н<иколаевича>. В качестве члена ревизионной комиссии он составлял отчеты о деятельности кассы мелкого кредита, заметным и производительным было всегда его участие в технической и др<угих> важных комиссиях. Мне всегда хотелось привлечь М<ихаила> Н<иколаевича> к земской работе вплотную, в качестве члена губ<ернской> зем<ской> управы, но по каким-то, не вполне понятным для меня, соображениям, он от этого уклонялся. Добрые отношения, которые всегда были между нами, окрепли и приобрели характер искренней дружбы в разгар гражданской войны,

когда мы оба очутились в Сибири и работали при правительстве Адм<ирала> Колчака в Министерстве снабжения и продовольствия. Вместе с М<ихаилом> Н<иколаевичем> перекочевали мы в Харбин, а затем и в Европу, и сейчас, когда я пишу эти строки, продолжаем сохранять тесную связь, взаимно поддерживая друг друга в трудные моменты.

Александр Анатольевич Нератов, губ<ернский> гласный от Чистопольского уезд<ного> земства, был бессменным председателем Чистопольской уездной земской управы. А<лександр> А<натольевич> привлекал к себе хорошей воспитанностью, порядочностью и исключительной мягкостью характера. земское дело он очень любил и отдавался ему беззаветно, не щадя своих сил. Он по справедливости должен быть отнесен к выдающимся уездным деятелям.

Александр Николаевич Плотников, губ<ернский> гласный от Тетюшского уездного земства, был человеком того же склада, что и А.А. Нератов. Он был некоторое время председателем Тетюшской уездной земской управы, а затем членом губ<ернской> земской управы, заступающим место председателя. Когда в 1916 году я перешел на службу в Министерство земледелия, А<лександр> Н<иколаевичу> пришлось исполнять обязанности председателя губ<ернской> управы. Здесь застала его революция, и автоматически, по известному декрету Врем<енного> правительства, устранившему всех губернаторов, он сделался начальником губернии. Отказавшись весной 1917 года от своего поста в Мин<истерстве> земледелия и вернувшись в Казань, я как-то посетил А<лександра> Н<иколаевича> в его новом служебном кабинете, помещавшемся в одной из зал быв<шего> губернаторского дворца (дворцом этот дом назывался потому, что весь второй его этаж всегда оставался незанятым и предназначался для приезда Высочайших особ). Я застал А<лександра> Н<иколаевича> заметно угнетенным. Поместившийся рядом с ним «Совдеп», а течение одного месяца обративший огромный прекрасно обставленный дворец в вонючий и грязный кабак, парализовал все его усилия сохранить хотя бы тень порядка в губернии. Честная натура А<лександра> Н<иколаевича> не выдержала и осенью 1918 г. он также оказался в Сибири, предпочтя тягости изгнания тому позору, которым была окружена его работа в революционных учреждениях.

Николай Васильевич Смирнов, губ<ернский> гласный от Казанского уездного земства, был довольно долго земским начальником, а затем неперменным членом губ<ернского> по крестьянским делам присутствия. Чиновничья карьера не помешала Н<иколаю> В<асильевичу> стать выдающимся земским работником, глубоко преданным земскому делу. В ревизионной и др<угих> комиссиях он был всегда одним из наиболее нагруженных работой членов и все, что ему поручали, делал четко, обдуманно и толково. Он был твердым защитником тех воззрений на земское дело, которые исповедывали «алые розы» и, хотя формально в группу не вошел, что по тому времени, пожалуй, и не имело уже значения, но был тесно с нею связан и деловыми и личными симпатиями. Один из самых деятельных членов тайной контрреволюционной организации в Казани, Н<иколай>

В<асильевич>, отойдя в 1918 г. в Сибирь, энергично работал и там при правительстве адм<ирала> Колчака. Оттуда он переключался в Америку, и в настоящее время я, к сожалению, не знаю о его судьбе.

Николай Степанович Теренин, губ<ернский> гласный от Спасского уезд<ного> земства, появился в зем<ском> собрании сравнительно незадолго до революции и был избран членом губ<ернской> зем<ской> управы на место ушедшего В.Н.Бельковича. Н<иколай> С<тепанович> был очень способным и толковым работником, но с некоторой ленцой, что, конечно, отражалось на работе порученного ему так называемого кустарного отдела. Впрочем, земское дело он любил и был, кроме того, верным товарищем, на которого можно было положиться.

Не перечисляю еще целый ряд имен не потому, чтобы они принадлежали незначительным людям. Наоборот, большинство из них вполне заслуживали бы того, чтобы о них вспомнили и отметили их работу на пользу края в других, не земских областях. Но в земских собраниях они появлялись на сравнительно недолгие сроки и заметным образом земской деятельности не отдавались. А, может быть, я и позабыл о ком-нибудь. В этом случае искренне каюсь в невольной оплошности.

Как делились все, о которых я сказал, по своим политическим воззрениям? Существовавшие политические течения в группе «белых роз» я отметил выше. Попытаюсь определить взгляды всех остальных.

В группе «алых роз» самым левым был, пожалуй, А.Н. Боратынский, хотя его левизна не выходила за пределы умеренного либерализма. Он был, кроме того, под сильным влиянием славянофильских идей: отражалось его близкое знакомство с Н.А. Хомяковым и Д.Н. Шиповым. К умеренным либералам я бы причислил В.В. Марковникова и П.Н. Бельковича, причем у последнего этот либерализм был, как и у всех Бельковичей с оттенком народничества. Братья Н.А. и Л.А. Казем-бек, Д.П. Арцыбашев, П.И. Геркен, кн. А.А. Крапоткин и Ю.В. Трубников, скорее всего, могли бы быть названы умеренно-правыми, а К.П. Берстель и Л.В. Эннатский — крайне правыми.

У диких тянули к «кадетам»³¹ А.Н. Плотников, А.А. Нератов и бр<атья> В.Н. и Н.Н. Бельковичи, остальные были или умеренно или крайне правыми. Но, как и в группе «белых роз», все перечисленные лица испытывали оппозиционное настроение по отношению к Петербургу. Даже такие «столпы», как М.И. Догель или А.В. Молоствов не лишены были оппозиционного «духа».

Нет ли здесь указания на один из актов трагедии русской власти? Она как будто не чувствовала почвы, на которой могла укорениться, опиралась только на себя и свалилась, не выдержав напора порожденных страшной войной революционных смерчей, увлекая в своем падении и самый государственный строй.

Не пора ли, однако сказать о себе. На какой ступени политической лестницы я находился в то время? Социалистические учения, приводящие к крайнему материализму и полному порабощению, представлялись мне антихристианскими,

и я просто их отметал. Радикализм был противен мне своим лукавством, самомнением, неудержимым стремлением во что бы то ни стало и любыми средствами захватить власть. Я не видел, кроме того, возможности для радикалов удержаться в известных границах и считал, что их самомнение и самонадеянность не спасут их от того, чтобы выполнить единственную роль — отдать Родину на растерзание революционному хаму. Крайне правые действовали на меня угнетающе, так как мне казалось, что какие-то коренные изменения неизбежны, чтобы поддержать и укрепить власть, а они ничего не хотели менять. Оставались умеренно правые или умеренные либералы. Они об изменениях говорили, но дальше споров о пользе или вреде парламентаризма или о разных системах выборов в палаты не шли, а между тем все эти западно-европейские образцы тоже были для меня подозрительны и непривлекательны. Поэтому, примкнув формально к умеренно-правым, я, по существу, был диким и объяснял свои «искания» политической малограмотностью.

Мне остается теперь сказать о тех губ<ернских> гласных, которые в качестве губернских предводителей дворянства председательствовали на земских собраниях. Влияние председателя зем<ского> собрания на общий ход работы могло быть очень значительным, если, конечно, он интересовался делом и уделял ему время, связи и авторитет. Мне пришлось работать при двух губ<ернских> предводителях дворянства, Николае Дмитриевиче Сазонове и Сергее Сергеевиче Толстом-Милославском³².

Н.Д. Сазонов не проявлял особенного интереса к земским делам. Он вообще не имел облика местного деятеля, и предводительство было ему нужно, чтобы появляться в Петербургских салонах в качестве лица, занимающего видный и ответственный провинциальный пост.

Не тем был С.С. Толстой-Милославский. При первом знакомстве С<ергей> С<ергеевич> не производил выгодного впечатления. Он казался несколько сухим и с предвзятыми мнениями человеком. Недостаточная доступность, замкнутость — все это как-то отодвигало его даже от той общественной среды, к которой он сам принадлежал. Он жил почти одиноким, общаясь запросто лишь с близкими родственниками и немногочисленными старыми друзьями своей семьи. Среди дворян Лаишевского уезда он был самым состоятельным и независимым и, может быть, поэтому, главным образом, его выбирали уездным пред<водителем> дворянства, каковую должность он занимал несколько трехлетий. Его первая попытка пройти в губ<ернские> предводители кончилась неудачно. Он стойко эту неудачу перенес и через некоторое время выставил свою кандидатуру вторично, будучи на этот раз избран.

Осторожно, с оглядкой, подходил я к С<ергею> С<ергеевичу>, когда в качестве председателя г<убернской> управы мне пришлось посещать его по разным деловым вопросам. И вот при этих повторных посещениях я постепенно замечал в С<ергее> С<ергеевиче> иные, привлекательные черты, которые опрокидывали первые впечатления. Привлекали к нему его большой природный

ум, его прямота и честность, его страстная, неудержимая любовь к России и русскому народу, которая горела в нем неостывающим пламенем. Он не принимал ни одного решения и не делал ни одного шага, не убедившись предварительно, что это будет полезно для населения. Заставить его принять какое-либо компромиссное решение было делом совершенно безнадежным. Невыгодная манера себя держать объяснялась простой застенчивостью: он совершенно не обладал даром слова и очень стыдился этого. Когда при частых общениях он привыкал к человеку и начинал испытывать расположение, он делался доступным, радушным и простым. Он не любил обещать, и от него уходили малообнадеженными, но он всегда делал больше, чем обещал. Меня, разумеется, сильно интересовало отношение С<ергея> С<ергеевича> к земству. Здесь по первому разу я услышал мало утешительного. «Да, ведь что же ваше земство? Настроили скверных школ, напустили туда недоучек-учителей, бросили на уезд две-три вонючих больницы, к которым мужики и подойти боятся, а сами занялись вопросами о парламентарном строе и оставили свои школы и больницы исключительно на попечении третьего элемента, который интересуется политической пропагандой гораздо больше, чем просвещением народа. Неужели вы думаете, что все это полезно и необходимо для России?» Постепенно, пользуясь каждым подходящим случаем, я стал указывать С<ергею> С<ергеевичу> на ошибочность и предвзятость его взгляда, останавливал его внимание на той эволюции, которая происходила в общем направлении работы земств, знакомил с фактами, подтверждающими благотворные результаты многих новых мероприятий, излагал свою программу. С<ергей> С<ергеевич> внимательно выслушивал, задавал много дополнительных вопросов, интересовался деталями. И через некоторое время я услышал такие слова: «Да, это похоже на настоящее дело, и, если вы пойдете по этому пути, я также с вами пойду. Имейте, однако в виду, что перед вами труднейшая задача покорить Петербург. Столыпин и Кривошеин будут на вашей стороне, но ведь и им чуть ли не чаще приходится защищаться, чем наступать». И С<ергей> С<ергеевич> действительно пошел. Я стал заходить к нему по несколько раз в неделю, приносил ему кучи всякого материала, рассказывал о разных заседаниях и совещаниях, знакомил с новыми проектами, советовался. И, к своему удовлетворению, увидел, что более внимательного, вдумчивого и беспристрастного критика трудно было найти. Перед сессиями земских собраний С<ергей> С<ергеевич> целыми ночами тщательно изучал все доклады Управы, делая на полях свои пометки, исправляя вкравшиеся ошибки в вычислениях, сопоставляя выводы и предложения с общей программой действий. Скоро я заметил совершенно иное отношение к губ<ернской> зем<ской> управе со стороны местной высшей администрации. Это было в значительной мере результатом влияния С<ергея> С<ергеевича>, который в беседах с губернатором освещал деятельность земства с самой выгодной стороны. Когда возникли такие дела, которые потребовали больших и сложных хлопот в Петербурге, С<ергей> С<ергеевич> весь отдался этим хлопотам, то возглавляя разные депутации, то разделяя со мной труды по посещению

министров и директоров департаментов. Сколько стоили ему эти поездки, которые он полностью покрывал из личных средств! Через некоторое время его стали оценивать в Казани правильнее и в последующие дворянские выборы подносили ему избирательные шары на блюде. Заметил его и Петербург. Припоминаю один эпизод, хорошо характеризующий С<ергея> С<ергеевича>. В одной из бесед П.А. Столыпин жаловался ему на недостаток подходящих людей для занятия губернаторских постов и закончил просьбой не отказаться от одного из них. «Благодарю вас, П<етр> А<ркадьевич>, — ответил С<ергей> С<ергеевич>, — но разрешите мне сказать следующее: сейчас в качестве губ<ернского> предводителя дворянства я большой барин, а вы хотите сделать из меня губернского исправника. Согласитесь, что я имею основание отказаться от вашего лестного предложения».

Стремясь обставить всякое дело как можно серьезнее, С<ергей> С<ергеевич> переносил наиболее важные вопросы, проходившие в зем<ских> собраниях, на обсуждение дворянского собрания. Таким образом он привлекал к широкой общественной работе и сословный орган дворянства, создавая как бы единый местный фронт. В Петербурге это производило впечатление, и разные земские ходатайства, поддержанные дворянством, проходили успешнее. Совместная работа, проходившая при полном единодушии и взаимном понимании, настолько укрепила наши личные отношения с С<ергеем> С<ергеевичем>, что в последние перед революцией годы они приобретали дружеский характер, несмотря на значительную разницу в возрасте: он был старше меня почти на 20 лет.

Не раз по летам я посещал С<ергея> С<ергеевича> в его имении (с. Мурзиха на р. Каме) и имел случай наблюдать его отношения к крестьянам. Ни панибратства, ни заигрываний с ними С<ергей> С<ергеевич> не допускал, но до мельчайших подробностей знал положение каждой семьи и ко всякой нужде приходил с широкой и скорой помощью, стараясь делать это как можно незаметнее. Я не смею касаться личной жизни С<ергея> С<ергеевича>, но думаю, что не погрешу против его памяти, если засвидетельствую, что такого рыцарского отношения ко всем близким я больше не встречал.

Будучи непоколебимым монархистом и считая, что русский монарх должен быть Самодержцем в полном значении этого слова, С<ергей> С<ергеевич> по отношению к Петербургу был в такой оппозиции, до которой не всегда доходили наиболее либерально настроенные земцы. Он не считал Петербурга даже настоящим русским городом. Петр Великий, по его мнению, перебил естественный культурно-национальный рост России, направив ее по другому, гибельному для нее пути. «Петербургский период русской истории», «когда Петербург станет русской столицей» — вот выражения, которые часто приходилось слышать от С<ергея> С<ергеевича>.

Что делать дальше, чтобы избежать надвигающихся потрясений? Я со своими неясными мечтами считал, что какие-то крупные, коренные реформы неизбежны. С<ергей> С<ергеевич> горячо против этого возражал. «Никакая

теоретически благостная реформа не даст должного результата, пока не изменится Петербург, — говорил С<ергей> С<ергеевич>. — Сейчас он так повернет ваши реформы, что затрясется трон. Сперва надо завоевать Петербург, а потом начинать реформы. Завоевать же его без потрясений можно только упорной местной работой. Работайте так, чтобы через некоторое время Петербург не мог без вас обойтись. И вот, когда это случится, он сам придет к вам за советом, а вы сделаете из этого надлежащие выводы и заговорите о реформах. Надо только, чтобы не было никакого обезьянства, чтобы не забывали русской истории и национальных особенностей народа».

Как и большинство казанцев, С<ергей> С<ергеевич> ушел от большевиков в Сибирь. Когда встал вопрос о переезде в Европу, он выбрал местом своего пребывания Сербию: он мог эмигрировать только в страну истинных и верных друзей России. Скончался он в Дубровнике совсем одиноким в большой нужде.

Дорога для меня память о нем и грустно, когда подумаешь, что при жизни он все-таки оставался недооцененным.

Итак, состав губернского земского собрания за все то время, пока я был губ<ернским> гласным и занимал то или иное положение в исполнительном органе земства, губ<ернской> зем<ской> управе, был и по деловым и по политическим взглядам таков, что моей оппозиции нелегко было собрать достаточное количество голосов, чтобы помешать мне проводить те вопросы, которые я считал наиболее важными или побудить меня при повторных выборах снять свою кандидатуру и отказаться от баллотировки.

Необходимо, однако заметить, что после учреждения Государственной думы, политические группировки стали постепенно приобретать более определенный характер, а партийная дисциплина, особенно у левых (к ним я отношу и радикалов или, как у нас их звали, «кадетов») крепла. Поэтому были моменты, когда борьба принимала довольно упорный характер, и победы доставались мне нелегко. Более подробно на этом придется остановиться дальше, при описании моей работы в исполнительных органах земства, к чему теперь и перехожу.

II

Выше я указал, что моя служба по земству началась в Козьмодемьянском уезде. Здесь при селе Сергеевка было имение моей жены, где мы жили всей семьей. По цензу жены я и принимал участие в земских выборах.

В состав Козьмодемьянского зем<ского> собрания входило: 2 гласных от крупных землевладельцев-дворян, 10 — от крестьян, 2 представителя казны (местные лесничие), городской голова города Козьмодемьянска и 1 представитель духовного ведомства, местный благочинный. В числе крестьян было 3 русских и 7 чуваш и черемис. Дела в собрании проходили обыкновенно так: никаких комиссий, кроме ревизионной, не выбирали, и все наиболее серьезные доклады, которые требовали предварительного рассмотрения, передавались в эту комиссию.

Кроме меня в трехлетие 1898-1901 гг. в ее состав вошли все представители ведомств и городской голова. На крестьян, а особенно на инородцев, доклады действовали как усыпляющее средство, и они предпочитали, не входя в состав комиссий, проводить свободные от заседаний собрания часы в городе. Все разногласия по докладом управы улаживались в ревизионной комиссии, докладчик которой, по заслушанию доклада в собрании, лаконически заявлял: «Ревизионная комиссия присоединяется к докладу управы». После этого председатель собрания обращался с призывом «высказаться». Так как желающих не находилось, на голосование ставилось предложение управы, которое единогласно и принималось. Разумеется, что при таком порядке земское собрание являлось как бы неизбежной формальностью. Меня это коробило. Полный молодого задора, проникнутый стремлением к совместной с представителями населения работе, я оказывался единственным лицом, которое как-то реагировало на предложения управы: представители казны и духовного ведомства следили, главным образом, за тем, не нарушаются ли их ведомственные интересы; городскому голове только и нужно было, чтобы прошли пособия городским учреждениям; избранные представители населения мирно дремали.

Председателем Уездной Управы до меня был местный землевладелец Валерьян Иларьевич Образцов. Он был женат на Э.А.Евсевьевой, одна сестра которой была замужем за моим дядей, а другая за П.И.Берстелем, отцом Константина Петровича. Поэтому В<алерьян> И<ларьевич> считал себя родственником нашей семьи. Он бессленно занимал должность председателя что-то около 25 лет, был первой персоной в уезде, и, естественно, что с ним я попробовал побеседовать на волновавшие меня темы.

«Э, дорогой мой, — ответил мне В<алерьян> И<ларьевич>, — Я в свое время тоже порывался, как и Вы теперь, разбудить наших «господ гласных», но ничего из этого не вышло. Остаюсь я на службе только до следующих выборов. Мы, наверное, вас будем просить баллотироваться в председатели, попробуйте, вы молоды, может быть и найдете какой-нибудь способ». Было очевидно, что разговор на эту тему надо прекратить.

В очередном земском собрании осенью 1901 г. В<алерьян> И<ларьевич> заявил о своем уходе в виду назначения его непременно членом губ<ернского> по земским и городским делам присутствия. Затем, обратившись ко мне, он сказал, что был бы счастлив видеть меня своим заместителем, и что, по его убеждению, все земское собрание разделяет его пожелания. Гласные поднялись со своих мест, раздались голоса: «Просим, просим». После не особенно связно выраженной благодарности «за доверие», я согласился баллотироваться и вышел из зала заседаний. Через несколько минут В<алерьян> И<ларьевич> пришел ко мне, поздравил с единогласным избранием и, взяв меня под руку, ввел в собрание. Аплодисменты, улыбки, рукопожатия. Я волновался, вновь благодарил и до самого конца заседания не мог разобраться в нахлынувших мыслях и чувствах.

«И здесь единогласно, — думалось между прочим мне, — откуда и почему такое единодушие?»³³

Весь октябрь прошел в хлопотах: надо было приготовить к сдаче дела по должности земского начальника, которую я занимал с 1898 г., несколько иначе организовать хозяйство, которое до сего времени было под постоянным и непосредственным моим надзором и, наконец, подготовиться к новым обязанностям, т.е. подробнее ознакомиться с «Положением о земских учреждениях», просмотреть постановления земских собраний за предшествующие годы и кое с кем побеседовать о земских делах. Подробнее я переговорил с двумя лицами. Одним из них был местный лесничий, Бронислав Ильич Гузовский, другим — земский врач Николай Викентьевич Ковалевский³⁴.

Б.И.Гузовский жил со своей семьей в с. Ильинке, на берегу Волги, в 10 верстах от нашей Сергеевки. Мы довольно часто бывали друг у друга и были в самых добрых отношениях. Он очень интересовался земскими делами и с начинающего трехлетия стал одним из представителей казны в зем<ском> собрании.

Н.В.Ковалевский давно служил в Козьмодемьянском земстве, пользовался как врач большой популярностью и был хорошо осведомлен в земских делах.

Оба они, отзываясь с большой похвалой о В.И. Образцове, как об умном, честном и отзывчивом человеке, находили в то же время, что он не был земцем в том смысле, как они это понимали. Уездное земство — это только был он один. Члены управы исполняли его приказания; секретарь и другие служащие звали его «Ваше Превосходительство» и просто не смели высказать свое мнение по какому-нибудь вопросу; гласные считали как доклады управы земскому собранию, так и баллотировки простой формальностью. Они даже не представляли себе возможности возражать или не соглашаться, поэтому все постановления и были единогласны. Естественно, что с годами инициатива В<алерьяна> И<ларьевича> остывала, дело стало развиваться вяло, нараставшие потребности не удовлетворялись. Наши разговоры кончились тем, что мои собеседники возлагали какие-то надежды на меня. Я чувствовал, что их личные ожидания являются в то же время отзвуком общих ожиданий всех, кто не был равнодушен по отношению к работе земства. Это и смущало, и пугало меня: окажусь ли действительно достойным, сумею ли оправдать доверие? С такими ощущениями входил я не без некоторого трепета в помещение уезд<ной> зем<ской> управы в начале ноября 1901 г.

Моими тремя ближайшими сотрудниками были три Ивана: Иван Климович Зиновьев и Иван Анисимович Смирнов — члены управы, Иван Христофорович Шумилов³⁵ — секретарь.

И.К.Зиновьев был выходцем из Владимирской губернии. Приписавшись крестьянином в одну из местных общин, он арендовал небольшую мельницу, занялся мелочной хлебной торговлей, прошел в гласные уезд<ного> земства, а затем и в члены управы. Благодаря уму, врожденной тактичности и манере скромно, но с достоинством себя держать, он пользовался общими симпатиями уездного общества, тем более, что был радушным хлебосолом, а, после хорошей закуски,

и большим забавником. В то время ему было уже далеко за 60 лет, но он обладал завидным здоровьем и редкой выносливостью. К инородческому населению, которое выбирало его гласным, и к гласным инородцам, которые выбирали его членом управы, он относился, — конечно, за глаза, — не только свысока, но и с презрением, нередко называя их просто «собаками». Деловито и тщательно выполняя поручения председателя управы и считая это своим служебным долгом, он в то же время как будто удивлялся, зачем все это делается. Попытки обосновать то или иное действие запросами и интересами населения вызывали у него сдержанную улыбку, а иногда и краткое замечание: «Да разве эти собаки что-нибудь понимают?»

Все это не мешало ему, однако быть очень доброжелательным человеком, и, если он видел где-нибудь нужду, то первый поднимал вопрос о необходимости оказать помощь.

И.А.Смирнов, также выходец из Владимирской губернии, тихий, скромный, молчаливый человек, был гораздо меньше одарен, чем И.К.Зиновьев. Он не только не высказывал своих мнений, но я думаю, что и вообще их не имел. Сколько-нибудь сложных поручений ему нельзя было давать: он не осиливал их и очень от этого страдал, опасаясь, что недостаточная исполнительность может повредить его службе.

И.Х.Шумилов, худой, горбатый, небольшого роста и хилого сложения человек, был гораздо более развитым. Он в совершенстве знал и безукоризненно вел свое дело, недурно и грамотно писал, держал себя скромно и учтиво со всеми, кто обращался к нему и зорко следил, чтобы не было сделано какой-нибудь ошибки или противоречащего закону распоряжения. На него можно было положиться. Его интересы не ограничивались подведомственной ему канцелярией: он много читал, любил земское дело и охотно беседовал по поводу разных событий в земской жизни.

Будучи убежденным монархистом, он иногда в резких, обычно не свойственных ему тонах, отзывался о левых. Выпады против верховной власти даже в форме шутки оскорбляли его: он бледнел, передергивался и едва сдерживал свое негодование. Царь — олицетворение России, всякое действие или слово, умаляющее Его авторитет, — измена; всякая шутка по отношению к Нему — кощунство. Так мыслил и такой взгляд исповедовал И<ван> Х<ристофорович>.

Я всегда ощущал его расположение к себе, искренне платил ему тем же и сохранил о нем лучшие и полные благодарности воспоминания.

Итак, среди ближайшего окружения большой опоры я не имел: в управе — И.Х.Шумилов, в зем<ском> собрании — Б.И.Гузовский, среди служащих — Н.В.Ковалевский. Вот и все. Я решил поступить так. В декабре во время сессии губернского земского собрания посоветоваться с моими единомышленниками, за зиму подробно ознакомиться с положением всего дела в уезде, а весной поехать в другие губернии, чтобы на месте набраться впечатлений о земской работе различных уездных земств.

В апреле 1902 г. я тронулся в путь, решив, прежде всего, поехать в Москву, чтобы переговорить с Д.Н. Шиповым, председателем Московской губ<ернской> земской управы³⁶.

Он встретил меня чрезвычайно приветливо и просто, терпеливо выслушал, и мы уговорились, что лучше всего мне будет поехать в Московский, Дмитровский и Клинский уезды. Последний особенно меня интересовал, так как в почвенном отношении ближе подходил к нашему Козьмодемьянскому. Д.Н. Шипов просил меня вновь заехать к нему поделиться впечатлениями, а, кроме того, предложил осмотреть некоторые учреждения Московского губ<ернского> земства и, в частности, кустарный склад. «Вот душа этого дела, — сказал мне Д<митрий> Н<иколаевич>, знакомя с одним из служащих, фамилию которого я, к сожалению, забыл. — Он вам все покажет, объяснит и, надеюсь, ответит на все вопросы, интересующие вас».

Надо сказать, что была некоторая разница в финансовой структуре Московского и провинциальных земств. В последних имущества губернских городов облагали земским сбором прилегающие к ним по территории уездные земства. Так, например, г.Казань облагало Казанское уездное земство, Симбирск — Симбирское и т.д. Москва же, в виде исключения, облагалась Московским губернским земством. Это сосредотачивало в его руках значительные средства и давало возможность не только широко развивать свои мероприятия, но и ссужать или субсидировать уездные земства. Естественно, что это известным образом отражалось на взаимоотношениях губ<ернского> и уездных земств. Первое часто брало в свои руки инициативу и, так сказать, завлекало, соблазняло уездные земства. Это «иго» не было тяжким, но все же существовало, и некоторые уездные деятели роптали, усматривая в создавшемся положении покушение на самостоятельность уездных земств.

Я провел в Москве около четырех дней, с неослабевающим интересом осматривая различные учреждения губ<ернского> земства. Все поражало меня размерами, размахом и благоустройством, но особенное впечатление произвел на меня кустарный склад и музей. Я, конечно, слышал о нем и раньше, но не думал, что найду столько разнообразных вещей высокой художественной ценности и безукоризненного с технической стороны выполнения. Особенно богат был отдел плетеных вещей: корзины, мебели и т.п. Московские кустари сыздавны были известны в России, но развитию их дела мешало многое: недостаток средств, затруднения в поисках рынков, в добыче необходимого сырья и т.д. Скупщики в известной мере обслуживали эти нужды, но, разумеется, заботились больше о себе, чем о кустарях, скупно расценивая их труд и закабеляя кустарные артели.

Земство выступило в роли доброго посредника между производителями и рынком. Оно поставило себе целью увеличить заработки кустарей целым рядом мер. Было обращено внимание на улучшение качества вещей. Для этого склад взял на себя заботу о заготовке необходимого сырья и, выбирая материалы высоких сортов, снабжал ими кустарей по весьма сходным ценам. Нужда в оборотных

Николай Александрович Мельников

средствах удовлетворялась широко и на льготных условиях. Много забот было уделено художественной ценности изделий: специальный персонал работал над созданием форм, рисунков, окрасок; собирались старинные вещи, типичные для национального искусства, чтобы по ним проектировать новые модели и т.д. Нечего и говорить, что склад не преследовал коммерческих целей и за свое посредничество взимал лишь то, что покрывало накладные расходы. Результаты всех этих мероприятий были весьма показательны: изделиями московских кустарей заинтересовались не только русские, но и западноевропейские рынки, и обороты склада начали исчисляться миллионами.

Настоящей «душой этого дела» были частные лица: С.Т. Морозов, М.Ф. Якунчикова и некие <оторые> др<угие>. Процветание кустарного склада было результатом их инициативы и материальных жертв.

Ознакомление с постановкой дела в уездах также убедило меня в том, что земства Казанской губернии во многом отстали. Школ и больниц было относительно больше, чем у нас, они помещались в лучших зданиях и были оборудованы и снабжены в лучшем избытке; агрономическая помощь оказывалась уже довольно широко, склады сельскохозяйственных машин, семян и удобрений повсюду работали успешно, с заметной тенденцией к дальнейшему росту оборотов; дороги были в лучшем состоянии, но мало было шоссированных или мощеных

подъездных путей. В Клинском уезде я, между прочим, увидел в сельскохозяйственном складе плуг кустарного производства. По своей конструкции он подходил к нашим козьмодемьянским почвам, был дешев (что-то около 4-5 руб.) и мог при поломках быть починенным у любого плотника и кузнеца. Я попросил сейчас же выслать нам несколько штук этих плугов. Впоследствии они стали неплохо распространяться в Козьмодемьянском уезде.

Такое развитие дела объяснялось, главным образом, тем, что в фабричной Московской губернии было с чего собирать земские повинности, и почти все уездные земства были значительно богаче наших. Установленная губ<ернским> земством система дотаций также подстегивала развитие различных мероприятий в уездах, особенно в области народного образования.

Этой системой, как уже отмечено выше, не все были довольны: я услышал упреки в том, что средства отпускаются недостаточно равномерно, что дотации угнетающе влияют на инициативу и самостоятельность уездных земств и т.п. Однако мне послышался в этих упреках отзвук обычного свойства людей быть довольными тем, что делают другие, и если неизбежные недостатки системы дотаций существовали, то они с избытком покрывались достоинствами. Благоприятно отражалось на деле и то, что в Москве, конечно, было больше людей с инициативой, что легче было сделать подбор служащих, что общий уровень состава земских собраний был в культурном отношении выше.

Перед отъездом из Москвы я вновь посетил Д.Н.Шипова. На этот раз наша беседа не ограничилась темами о земских хозяйственных делах. Д<митрий> Н<иколаевич> довольно ясно намекал на то, что Петербург сознательно тормозит земскую работу, что земству не доверяют, подозревая, что в земских кругах нарастают такие политические тенденции, которые являются угрозой существующему государственному строю. По мнению Д<митрия> Н<иколаевича> отрицать наличие некоторых политических стремлений, конечно, было нельзя, но ведь самое создание широкого местного самоуправления предопределяло дальнейшее развитие представительства. Трон должен иметь возможность слышать земские голоса и непосредственно от земских людей узнавать о многообразных местных нуждах. Вот все, что необходимо. Посягательств на основные начала существующего строя у огромного большинства земцев нет. Пусть самодержавие остается, но нужно какое-то учреждение хотя бы совещательного характера, где было бы возможно безбоязненно говорить о нуждах страны. Если этого не сделать теперь, недалек тот срок, когда власть уже в порядке неизбежных уступок, под давлением низов будет вынуждена пойти на большее и, может быть, действительно опасное для строя, а, стало быть, и для страны, так как перемена строя может вызвать глубокие потрясения.

С большим вниманием слушал я Д.Н.Шипова. Ведь это уже не наше провинциальное политиканство, это говорил человек иной осведомленности и сознающий свою ответственность. Что-то надвигалось и к каким-то решениям мы должны были быть готовыми.

Я вышел, чтобы собрать по отделам разные печатные материалы и проститься с новыми знакомыми среди земских служащих, а когда вернулся в кабинет Д<митрия> Н<иколаевича>, чтобы проститься и с ним, то встретил там двух незнакомых лиц. Это были Михаил Александрович Стахович и Николай Алексеевич Хомяков, одни из самых известных общественных деятелей. По-знакомились, обменялись несколькими незначительными фразами, я простился и ушел. Н.А.Хомяков мне понравился. И его внешность — тяжеловатая фигура, добродушная улыбка, — и его манера строить речь, пронизанную безобидным, тонким юмором, и даже его забавное присюсюкивание (он был немного косноязычным) — все к нему располагало и влекло. Наоборот, первое впечатление о М.А.Стаховиче было неблагоприятным: что-то напыщенное, театральное, какая-то самовлюбленность. Даже его ассирийская борода была к нему точно приклеена. О Д.Н.Шипове я уносил скорее уже мнение, чем впечатление. Я почувствовал в нем горячего патриота, доброго благожелательного человека и искренне преданного делу земца.

Вечером на следующий день я был уже в Козьмодемьянске, а через три или четыре дня отправился в Вятскую губернию. Я посетил там три уезда: Сарапульский, Елабужский и Уржумский. Незабываемое впечатление произвели на меня, прежде всего, вятские села и их обитатели. Вместо жалких избенок, которые преобладали во многих деревнях Казанской губернии, я увидел большие, высокие, из доброго материала и хорошо выстроенные избы. Дворовые постройки также были гораздо поместительнее, хорошо укрыты и сделаны основательно, из хорошего леса. Много скота, красивые, сытые лошади, прочная ременная сбруя, хорошо слаженные телеги и целый лес хлебных кладей — все говорило о достатке, о порядливой, устойчивой жизни. Вятских плотников знала вся восточная Россия. Мне также приходилось иметь с ними дело, поэтому и раньше я был знаком с типом вятского крестьянина-ремесленника, приветливого, работающего, вдумчивого, до тонкости знающего свое дело, всегда чисто одетого, с хорошими инструментами. Теперь, когда я увидел вятичей в массе, я убедился, что знакомые мне плотники — не исключение. Там весь народ был такой, там весь семейный уклад покоился на прочных традициях, там большинство были аристократы. Такие села и такие люди встречались, конечно, и у нас, но не так уж много их было: кое-где по берегам Волги, Камы и Суры у староверов, да в глухих местах у границ той же Вятской губернии.

Знакомство с работой разных земских учреждений и беседы с председателями и членами земских управ, а также и высшими служащими, оставило во мне такие впечатления.

Вятские земства работали бойко. Земские бюджеты были значительно выше наших, да и сделано было немало: больше чем у нас школ и больниц; гимназии и реальные училища чуть ли не во всех уездных городах; хорошее содержание дорог, особенно зимой; агрономическая помощь; большое количество ремесленных училищ. Однако наряду с деловым и серьезным было немало и такого, что носило

только пропагандный характер: для непонимающей публики, для заезжих гостей, для газет. Очковтирательство, как говорят сейчас в Советской России. Осматриваю, например, сельскохозяйственный склад. Огромное помещение, заваленное жнейками, косилками, конными греблями, культиваторами всех систем; сепараторы, маслобойки, наборы садовых и огородных инструментов; искусственные удобрения, семена полевых, луговых и огородных растений. «Вот, — думаю, — это не по-нашему и даже не по-московски». Спрашиваю, сколько и чего приблизительно продается, каковы общие обороты склада. Оказывается, что продается очень мало — больше косы да огородные семена — и обороты весьма невелики. Даже плуги идут плохо: крестьяне все еще предпочитают пахать самодельными «косулями» или сохами. «Для кого же все это?» — вырвался невольный вопрос. «Да, видите ли, — с некоторым смущением пояснил сопровождавший меня агроном, — мы предполагаем, что со временем спрос на все разовьется, а теперь это имеет некоторое показательное значение». «Жаль, что у них в земском собрании нет К.А.Юшкова, — подумал я, — он бы им объяснил, какое это имеет «показательное» значение».

Между прочим: главные недвижимые имущества К.А.Юшкова находились в пределах Малмыжского уезда, Вятской губ<ернии>, но он, если не ошибаюсь, в работах Вятского земства не принимал участия, и, помнится, вообще отзывался о Вятском земстве неодобрительно.

Поехали осмотреть ремесленное училище. Большое, хорошее здание, более чем достаточно оборудованное, много учеников. Выясняется, что ремесло, которому здесь обучают, в этой местности не существует, училище было устроено с тем, чтобы «насаждать» ремесленные знания. Результаты: спроса на мастеров нет, сами кончающие редко открывают свои предприятия и предпочитают идти... в сидельцы винных лавок.

Во время моей беседы с заведующим кустарным складом в комнату вошел невысокий, сухой старик. Он был в простой поддевке и смазных сапогах, но видно было, что это не рядовой крестьянин. После выяснилось, что он был когда-то политическим ссыльным — таких было довольно много в Вятской губернии. Отбыв наказание, он купил участок земли, приписался к крестьянам, занялся хозяйством и прошел в гласные Уездного Земства. Он скоро вмешался в наш разговор, довольно резко перебил речь заведующего кустарным складом и с нескрываемым волнением произнес примерно следующий монолог: «Много у наших деятелей разных фантазий и честолюбия. Все хотят в знаменитости попасть, да чтобы в газетах про них трубили, а крестьянина не только не понимают, но часто и презирают. Вот вам о кустарях сейчас рассказывают, а того не говорят, что эти кустари целые века здесь работают и создали такие художественные ценности, до которых нашим «насаждателям» очень еще далеко. На что наталкивает кустарей наш склад? По дурацким трафаретам делать, дешевой рынки заваливать. Спасибо, упрямы вятчи, не поддаются, отстаивают свое, а то бы все у них перепортили».

Я указал старику, что в составе их земского собрания огромное большинство крестьян и, таким образом, все, что делается, очевидно, одобряется ими.

«Да, большинство, — вновь заволновался старик, — но молчит, как сфинкс, это большинство. Всем вертят представители, лесничие да удельные чиновники. Им лестно, а платит казна, а не они. К тому же речисты, где мужикам с ними спорить. А подчас и другие интересы тут замешиваются, все служащие на их стороне и так все подстраивают, что мужик, как заикнется, так и в дураках. Я вот лучше мужиков и говорю и понимаю, наверно, да и то немногого добиваюсь».

Старик, вероятно, сильно преувеличивал, но какая-то правда все же слышалась в его горячих речах. Сфинкс-мужик молчал, как и у нас, облагать сборами за счет этого сфинкса и казны было бы нетрудно тем, кто сам ничего не платил, попасть на страницы «Русских ведомостей»³⁷ было для уездного деятеля лестно. Вот почему, делая большое и полезное дело, соблазнились подчас и рекламой, закрывая глаза на промахи или не замечая их.

Поездка дала мне немало поучительных впечатлений и наблюдений и, вернувшись домой, я почувствовал, что мои, недавно еще расплывчатые мечты о том, что надо делать и с чего начинать, стали приобретать более новые очертания, выливаться в некоторую стройную программу.

Насколько помню, в уезде насчитывалось тогда около пятидесяти земских школ и столько же церковно-приходских. Все земские могли вместить около трех тысяч учеников, а церковно-приходские не более $1\frac{1}{2}$ тысяч. Детей школьного возраста насчитывалось около 12 тысяч. Таким образом, все начальные школы могли вместить около $\frac{1}{3}$ детей, а $\frac{2}{3}$ в подавляющем большинстве были обречены на безграмотность.

Немногие земские школы помещались в земских же специально выстроенных или приспособленных зданиях. Огромное большинство ютилось в наемных избах, большею частью совершенно непригодных для предназначенной цели. Учительский персонал был в общем неплох: много учительниц было из закончивших курс учительской семинарии губ<ернского> земства, остальные были или гимназистки, или окончившие курс женского епархиального училища.

Оборудованы школы были довольно скудно, плохая мебель, недостаток учебников и учебных пособий, почти полное отсутствие библиотек. Содержание по тому времени учительский персонал получал сносное: 15—25 рублей в месяц при готовой квартире, отоплении и освещении. Впрочем, дрова для школ и квартир должны были доставлять крестьяне тех общин, где были школы. Эта повинность выполнялась крайне неохотно, и жалобы на недостаток дров не прекращались. При некоторых школах были небольшие участки земли, где можно было устроить огород или насадить фруктовых деревьев. Было несколько учителей и учительниц, которые интересовались этим делом. Однако таких школ и учителей было очень мало: крестьяне неохотно давали землю под школы, а учителя предпочитали в свободные летние месяцы куда-нибудь уезжать.

Постановка дела в церковно-приходских школах была весьма печальна. Они часто ютились в церковных сторожках и вмещали не более 15-20 школьников. Учебных пособий было чрезвычайно мало, а учительские оклады были очень низки — 5-7 рублей в месяц. Поэтому в тех школах, где приходские священники преподавали только Закон Божий, а все другие предметы — особо приглашенные учителя, образовательный ценз последних был невысок, а кончающие курс школьники обнаруживали более чем скромные познания³⁸.

В целях представить архиепископу свою деятельность в выгодном освещении, местное духовное начальство гораздо больше интересовалось количеством, чем качеством школ. Крупное пособие, которое земство ежегодно отпускало «в распоряжение» местного благочиния на церковно-приходские школы, расплывалось и теряло деловое значение.

В медицинском отношении уезд был обслужен так. Существовала больница в гор. Козьмодемьянске, унаследованная земством от Приказа общественного призрения, вместимостью до 30-35 больных. Другая больница на 12-15 больных была в селе Большом Сундыре — центре правобережной части уезда. Пользуясь случаем, чтобы заметить, что река Волга делила уезд на две почти равные по площади части. Холмистая правобережная часть, с очень ограниченным количеством лесов, была густо населена, и главным занятием жителей было земледелие. В равнинной левобережной части раскинулись огромные казенные леса, население было очень редкое и занималось, главным образом, лесными работами и промыслами. Кроме этих двух больниц существовало 2 амбулаторных пункта: в селе Покровском, в правобережной части уезда, и в селе Рутке, на левом берегу Волги, прямо против Козьмодемьянска. Кроме амбулатории здесь был так называемый приемный покой на 3—4 кровати. Врачей было 4: 2 в Козьмодемьянске, 1 в селе Рутке и 1 в селе Б. Сундыре. Он же раз в неделю посещал амбулаторный пункт в с. Покровском, где постоянно жил фельдшер. Итак, на 100000 жителей уезда было 4 врача и около 55 больничных коек. Расстояние наиболее удаленных от больниц селений равнялось в правобережной части уезда 40—45 верстам, а за Волгой — 65—70 верстам.

Ветеринарная помощь оказывалась 1-им врачом, жившим в г. Козьмодемьянске, и 2-мя фельдшерами (г. Козьмодемьянск и с. Большой Сундырь)³⁹.

Дорожное дело было в ведении губ<ернского> земства, и роль уездных ограничивалась надзором за выполнением так называемой дорожной натуральной повинности, состоявшей в том, что в известные сроки, 1-2 раза в год, все население по особой разверстке обязано было исправлять дорожное полотно.

Вот все главные мероприятия уездного земства, которые я застал, если не считать выполнения уездной управой разных поручений губернского земства, а также так называемых «обязательных» расходов, в которых непосредственно была заинтересована казна, как например содержание арестного дома, подводная повинность, этапные пункты и т.д.

На вопрос, что надо было улучшать и развивать в первую очередь, я заносчиво ответил себе: все. Кроме того, хотелось положить начало и некоторым мерам экономического характера.

По отделу народного образования я все-таки решил наибольшие усилия употребить не столько на развитие, сколько на улучшение школьного дела. Мне казалось, что школа непременно должна помещаться в хорошем, специально выстроенном здании, быть достаточно оборудованной и снабженной, а учительский персонал должен иметь удобные квартиры; что при школе должен быть участок земли для фруктового сада и огорода или хотя бы просто для того, чтобы насадить там обыкновенных деревьев и кустов. Хороший внешний вид школы и ее общее благоустройство всегда, как мне думалось, будет вызывать у населения и школьников чувства удовлетворенности, уважения и даже гордости, а удобно размещенный учительский персонал не лелеял бы постоянной мечты поскорее отбыть экзамены и хотя бы куда-нибудь да уехать, лишь бы избавиться от тесных и грязных углов, в изобилии зараженных неприятными насекомыми. В то время при дорожном отделе губ<ернской> земской управы только что возникло небольшое архитектурное отделение, которым заведовал художник-архитектор Сонин (к сожалению, забыл имя и отчество этого симпатичнейшего человека). Я обратился туда с просьбой составить проекты и сметы на два типа зданий с квартирами для учителей и указал желательные размеры и расположение помещений, каковые вопросы были разработаны в особой комиссии гласных врачей и учительского персонала. Сонин быстро выполнил задание и сам привез нам проекты, которые все единодушно признали весьма удачными.

Лес на постройку давала казна, и можно было рассчитывать, что при деятельной поддержке Б.И. Гузовского, который пользовался большими симпатиями у своих коллег, лесничие отпустят материалы наилучшего качества и из наиболее удобно расположенных делянок. Вопрос о доставке леса разрешался так. Доставить его бесплатно должны были крестьяне тех сел, где будут строиться школы, взамен чего земство брало на себя закупку дров для отопления помещений, оставляя на обязанности крестьян лишь их доставку. Вскоре выяснилось, что земство избавлялось в большинстве случаев от этих расходов, так как казна отпускала бесплатно и дрова для школ. Уговаривать крестьян пойти на эту сделку был командирован наш присяжный «дипломат» Климыч, который, несмотря на свое презрение к «собакам-чувавам», всегда добродушно и с большим успехом вел с ними разные переговоры. Явившись доложить о результатах своей поездки, он с несколько таинственным видом передал мне пачку мирских (общественных) приговоров, по которым крестьяне полностью принимали предложения земства. «Спасибо Вам, Иван Климович, — сказал я, — и поздравляю Вас с успехом».

«Да, — ответил он, — но вы знаете по «ведерку» пришлось поставить собакам, без этого с ними каши не сварить». Что было делать? Поморщился, вынул кошелек и отдал Климычу то, что он затратил на водку. «Да Вы не огорчайтесь, —

утешал он меня, — Вы же знаете, что они на базаре поросенка не передадут без того, чтобы по этому случаю шкалика не распить, а тут, ведь, большое дело».

Вопрос об оборудовании и снабжении школ пособиями был разработан при участии инспектора народных училищ, врачей и нескольких учителей. Остановлюсь на одной подробности, которая привела к неожиданным и очень показательным результатам, использованным потом и по другим отделам земского хозяйства. Снабжение школ производилось обычно так. «По мере надобности» присылались в управу требования на вещи, которые также «по мере надобности» закупались и рассылались в школы. Когда ассигновка на эту потребность иссякала, на требования учителей отвечали отказом: терпи и как-нибудь обходись до следующего года. Наиболее заботливые учителя запасались всем заблаговременно и нередко в преувеличенном размере. Их школы были обеспечены лучше. Другие запаздывали и скромничали. В этих случаях школы обрекались на сильный недостаток в пособиях. Я поставил перед комиссией вопрос так: не удобней ли было бы сосчитать, чего и сколько надо в год на каждого ученика и перемножить полученные цифры на общее максимальное число учеников, ожидаемых к приему. Затем перечесть необходимое количество пособий общей потребности, как, например географические карты, доски, картины и т.д. Зная примерные оптовые цены на вещи, нетрудно будет вычислить и потребную к ассигнованию сумму. Самый порядок снабжения я думал бы организовать так. Требования на вещи учителя должны присылать одновременно, два раза в год, сообразно выработанным нормам потребности. Так как сверх этих норм управа не будет в состоянии отпускать что бы то ни было, я прошу особенно внимательно отнестись к расчетам, тем более что после введения такого порядка учительский персонал будет отвечать за недостаток пособий. После некоторого обмена мнений решили начать подсчет и посмотреть, что из этого выйдет. Вот тут-то и получился такой результат, которого никто из нас не ожидал. Оказалось, что при таком порядке средств на снабжение школ потребуются не больше, а меньше, чем обычно отпускалось. Удивлению не было конца, пересчитывали, проверяли, призвали на помощь бухгалтера. Верно: прежняя ассигновка с большим избытком покрывала потребность. Стали доискиваться, в чем дело, и секрет оказался простым. Персонал, получая пособия «по мере надобности», раздавал их ученикам по тому же способу. Пособия неэкономно расходовались, а нередко и растаскивались. Оптовая единовременная закупка пособий, конечно, тоже была выгоднее. Поэтому, в общем, освобождалась довольно значительная сумма, каковую по единодушному желанию предположено было употребить на расширение библиотек.

Склоняясь в первую очередь улучшать то, что имелось, а развивать дело, так сказать, на тугих вожжах, я все же не положил под сукно нелегкий вопрос о дальнейшем открытии школ, с тем, чтобы грамотность сделалась общим достоянием. Поэтому разработка этого вопроса шла своим чередом. И вот здесь обнаружилась одна интересная подробность, которая подтверждала отмеченные выше взгляды группы «алых роз». В левобережной лесной части уезда школ для

всеобщего обучения было почти достаточно и возникли они по настойчивым требованиям населения. Крестьяне указывали, что при лесных работах не умеющий читать, писать и считать рабочий получал за свой труд очень скудную плату и не мог рассчитывать занять лучшее положение. «Ведерки» Климыча здесь были не нужны, потребность вызывалась экономическими причинами, всей жизнью, и новую школу почитали радостным событием, а не тяготой и затеей, навязанными начальством.

По закону земство имело право открывать и закрывать школы и обслуживать их хозяйственные нужды. Надзор за учебной частью правительство оставило за собой и осуществляло его через так называемые училищные советы, где председательствовали предводители дворянства, а непременными членами, т.е. фактическими исполнителями дела, были чиновники: Мин <истерства> нар <одного> просвещения, инспектора народных училищ. Они объезжали и ревизовали школы, к ним поступали прошения о назначении и увольнении учителей и т.д. Представители земства входили в училищные советы в качестве рядовых членов, и их влияние там было ограниченным. Такое двоевластие вытекало, без сомнения, из недостаточного доверия к земству и, не надо закрывать глаза на правду, — основания для недоверия существовали. Делаю отступление и затрагиваю общий вопрос. Если среди гласных, а, стало быть, и среди председателей и членов управ было не много лиц, способных и готовых вести какую-либо противоправительственную пропаганду, то попустительство встречалось довольно часто, и в составе земских служащих было немало революционно настроенного элемента. В значительной мере это попустительство являлось следствием тех общих оппозиционных настроений по отношению к Петербургу, о которых сказано выше, и причины которых лежали глубоко. Их в свое время удачно сформулировал тремя краткими словами покойный А.В.Кривошеин — «мы и вы». За пятьдесят с лишком лет существования земства Петербург почти пятьдесят лет ему не доверял, не скрывал этого недоверия и подтверждал его действиями (см. мой доклад «Русское земство в прошлом и некоторые мысли об его устройстве в будущем», Париж, 1933). Тот, кому не доверяют, не может прямодушно и чистосердечно относиться к не доверяющему.

Кроме того, созданное на широких основаниях и с огромной компетенцией самоуправление было в общее управление лишь воткнуто, а не помещено. Это не только создавало деловые неудобства, но и питало возникшую, благодаря недоверию, борьбу, разжигая ревность, зависть и самолюбие там, где так были нужны взаимное понимание, единодушие и уступчивость. Все это облегчало то, чего основательно опасалась власть: под покровом борьбы и недоустройства революционные элементы удачнее соприкасались с населением, а в частности, проникали и в школы. Все это хорошо понял и правильно оценил П.А. Столыпин. Он начал с того, что подошел к земству с доверием и симпатиями. Последствия сказались быстро и были благодетельны. Но надо было сделать еще один большой шаг — реформировать все управление. П.А. Столыпин не успел этого сделать,

предатели его убили, а затем вскоре тяжело изранили и Россию. Когда она залечит свои раны и возродится, найдутся люди, которые сумеют отсеять из прошлого все доброе и выбросить сор.

Возвращаясь к прерванному рассказу. Очень многие уездные предводители дворянства умело ослабляли вредные пререкания между земствами и инспекторами народных училищ, с большим тактом добиваясь и того, чтобы «сор из избы не выносить». А.Н. Боратынский был одним из них. Л.В. Эннатский, предводительствуя в двух уездах, Чебоксарском и Козьмодемьянском, в последнем бывал сравнительно редко, и исполнять его обязанности приходилось мне, как его кандидату. Однако влиять в качестве и. о. председателя училищного совета я воздерживался и предпочел другой способ, чтобы приблизить земство к учебной части школьного дела, одновременно согласуя работу земства и инспекции. Я предложил инспектору народных училищ сопутствовать при его объездах и ревизиях школ. Отказать ему было неловко, а затем, после первой же небольшой поездки, он увидел, что никаких поползновений умалять его прерогативы я не проявляю, ездить же вместе на хороших земских лошадях и в более удобных экипажах, чем у рядовых ямщиков, выгоднее, приятнее и веселее. Скоро мы оба увидели, что понимаем дело одинаково, что спорить нам не о чем, и что наше общее горячее желание состоит единственно в том, чтобы посылно содействовать благоустройству школ. В дальнейшем мы стали добрыми друзьями с А.С. Жеребцовым⁴⁰, — так звали нашего инспектора. Он оказался обязательным, почтенным человеком, искренне преданным своему делу. Мягко, вежливо и сердечно относился он к учительскому персоналу и заслужил общее уважение и симпатии. Он не делал ни одного шага, не принимал ни одного решения, не посоветовавшись со мной, и очень ценил, когда я стал при обсуждении школьных вопросов приглашать его в наши комиссии в качестве эксперта.

Итак, все подготовительные работы, которые касались земских школ, шли поначалу довольно гладко, и, обрабатывая накапливающиеся материалы для земского собрания, я испытывал лишь некоторый трепет при мысли о том, как и где достать необходимые средства.

Что же касается церковно-приходских школ, то здесь пришлось наткнуться на некоторые осложнения. Я не держался предвзятого мнения о церковно-приходских школах и не желал чем бы то ни было высказать отрицательное отношение к ним. Но оставлять дело в том виде, как оно описано выше, я все-таки не мог. Поэтому я предупредил представителя Духовного ведомства⁴¹, что предполагаю войти с докладом в зем<ское> собрание об изменении оснований, на которых отпускались пособия школам до сих пор. Взамен простой передачи ассигнованной суммы «в распоряжение» Духовного ведомства, я думал установить такой порядок. Пособия будут отпускаться Духовному ведомству только для таких школ, в которых постановка дела отвечает заранее предъявленным минимальным требованиям, касающимся помещения и оборудования школ, а также образовательного ценза учительского персонала. Кроме того, земской управе должно

быть предоставлено право посещать субсидируемые школы и знакомиться с их хозяйственными и учебными нуждами. Пособия я предполагал выдавать в суммах, равных тем, которые со своей стороны отпускало на ту или иную школу Духовное ведомство. Местный благочинный обиделся, усумнился в искренности моих побуждений и стал распускать слухи о том, что готовится явное преследование церк<овно>-прих<одских> школ. Поднялся шум, отзвуки которого докатились и до управы. Оба мои сослуживца в весьма деликатных, но все же ясных намеках дали понять, что боятся за свое положение, так как благочинный принял меры, чтобы воздействовать на гласных, а архиепископ, осведомленный о «новшествах», конечно, не преминет обратить на них внимание губернатора.

Времена были тогда тяжкие: Мин<истерство> вн<утренних> дел смотрело на земство особенно подозрительно, и был риск вызвать протесты, которые бы затянули и осложнили дело. Я поехал посоветоваться к Л.В. Эннатскому. Он горячо меня поддержал и ободрил, обещал при случае переговорить с губернатором, а, кроме того, сказал, что и сам, вероятно, последует моему примеру, так как разделяет мое мнение, что местное духовенство на ложном пути. Последнее из того, что я услышал от Л<еонида> В<асильевича>, было для меня особенно важно: если бы, действительно, однородный доклад был внесен в Чебоксарское зем<ское> собрание, моя позиция получила бы сильное подкрепление. Вернувшись от Л<еонида> В<асильевича> и успокоив своих сотрудников, я заготовил соответствующий отмеченным выше предположениям доклад земскому собранию. Когда подошло время его заслушания и обсуждения, произошло редкое для Козьмодемьянска событие: зал заседаний был полон от публики. Я попросил незаменимого по части дипломатических поручений Климьча постараться выяснить настроение гласных-крестьян. Он принес весть, что, по его мнению, некоторые из них колеблются, но есть и такие, которые считают предположения управы справедливыми. Так как за проект, кроме управы, наверное, стали бы голосовать Л.В.Эннатский и В.В.Образцов⁴², а также представители казны и города, то крестьянских голосов требовалось немного, чтобы собрать необходимое большинство. Поэтому я решил не только не снимать доклада, но и не делать по нему никаких уступок, чтобы даже частично не признать себя сдавшимся. Когда я огласил собранию доклад, все как-то насторожились, в публике послышалось движение, гласные стали перешептываться.

Первым взял слово представитель Духовного ведомства. С горечью в тоне он обосновал свои возражения тем, что, как бы не толковать истинные побуждения управы, ее проект все же свидетельствует о наличии недоверия. Допустимо ли оно по отношению к представителям церкви, которые, конечно, видят недочеты в постановке школьного дела, но в то же время не считают себя вправе делить паству на избранных и отверженных, на просвещаемых и оставляемых в темноте. Средств на то, чтобы содержать все школы в желательном виде, нет и достать их нельзя. Но «бедность не порок», лучше «по одежке протягивать ножки» и хотя бы в убогих помещениях и при недостатке в пособиях давать

первые познания и расчищать пути к просвещению, чем закрывать двери школы для многих только потому, что они бедны. Порочит проект управы и то, что им унижается престиж духовенства, и ослабляется его влияние на паству. В уезде, населенном инородцами, частично еще склонными к язычеству, надо особенно ревниво уберечь духовенство от всяких нападков, хотя бы и чисто делового свойства, так как в толковании темных людей эти нападки будут признаны как заслуженные обвинения.

Я в своем ответе отвергал какие бы то ни было скрытые побуждения. управа стремится к одному: к улучшению школьного дела. Она не разделяет высказанного представителем Духовного ведомства взгляда, подкрепленного мудрыми народными изречениями. Нельзя, по ее мнению, делать плохо для всех только потому, что хорошо можно сделать для некоторых. Да ведь и то, что по высказанному признанию делается плохо, сделано тоже для некоторых, а не для всех. Таким образом, правильнее было бы поставить вопрос так. Что лучше? Открыть ли при потребности в 100 школах 15 хороших или 30 плохих? Управа считает, что лучше 15 хороших. Хорошо поставленное дело притягивает средства, поставленное плохо — отталкивает. Печально, если население будет только терпеть свои школы. Надо, чтобы оно любовалось и гордилось ими. В докладе управы нет не только нападков, но даже и серьезной критики. Она просто привлекает внимание земского собрания к тому, что, давая на известное дело деньги, собранные с населения, надо принять все меры, чтобы затраты были производительны. Если частное лицо, давая на что-нибудь свои средства, вправе ставить условия их расходования, то для общественного учреждения это является обязанностью. Что касается престижа духовенства, оберегать который, конечно, необходимо, то, по мнению управы, сравнение земских и церковно-приходских школ как раз и будет ронять его, если последние будут хуже первых. Не в деталях условий отпуска денег будет разбираться население, а в фактах, бросающихся в глаза. управа убеждена, что через некоторое время сами приходские священники увидят преимущества нового порядка. Прения ограничились этими двумя речами, и представитель Духовного ведомства заявил лишь о том, что остается при особом мнении и просит новые предложения управы поставить на закрытое голосование. Я заявил от имени управы, что не возражаю против этого. Л.В. Эннатский указал, что закрытое голосование применяется обычно лишь к выборным и сметным вопросам, но, ввиду согласия управы и отсутствия возражений со стороны членов Собрания, он произведет голосование шарами, уверенный, что, бросая свой шар, каждый гласный будет иметь в виду чисто деловые, а не какие-нибудь побочные соображения. Происходит голосование. За предложение управы 12 шаров, против — 2. Ликую победу и смущенно, торопливо пожимаю тянущиеся из публики руки знакомых и незнакомых⁴³.

Я несколько забежал вперед, рассказывая с большими подробностями об этом эпизоде. Сам по себе он не особенно значителен, но в уездной жизни того времени и в моей начинающейся общественной деятельности он стал своего рода

событием: общество заговорило и заспорило о земских делах, чего до сих пор не наблюдалось, а я остался победителем в первой и довольно серьезной схватке. Протеста со стороны губернатора на постановление земского собрания не последовало, в газетах никто и ничего не написал. Духовное ведомство подчинилось и стало брать пособия на условиях, поставленных земством. Таким образом, и мои опасения за дальнейшую судьбу этого дела, и некоторые мрачные предсказания кое-кого из состава местного общества не оправдались⁴⁴.

Подготовительные работы по отделу народного здоровья заняли немало времени. Хотелось и здесь составить такую программу-минимум мероприятий, выполнения которой хватало бы на несколько лет. Поэтому надо было собрать и кое-какой статистический материал, и тщательно рассмотреть вопрос об улучшении существующих и об устройстве новых больниц. В специально созданную комиссию, на заботу которой было передано это дело, вошли, конечно, и все наши 4 врача. С особенным чувством вспоминаю я теперь, с каким захватывающим интересом и любовью стали работать в ней эти хорошие люди. Вникали в каждую мелочь, высчитывали каждую копейку, спорили до изнеможения, соглашались и вновь начинали спорить. Как председателю комиссии мне стоило немало труда, чтобы согласовать сталкивающиеся интересы и найти решения, которые бы примирили всех. Много споров вызвал вопрос о таком размещении в уезде будущих больниц и кроватей, при котором по возможности равномерно обслуживалось бы все население уезда. Городской больницы в Козьмодемьянске не было, и нужды города обслуживала земская. При 4 — 4¹/₂-тысячном населении город, разумеется, заполнял больными большинство коек, и на долю населения прилегающих частей уезда оставалось немного. Городской голова, милейший и добродушнейший Константин Петрович Зубков⁴⁵, с которым, между прочим, у меня установились и до конца сохранились наилучшие отношения, поднял вопрос о значительном расширении Козьмодемьянской больницы. Его поддержали врачи, жившие в городе и работавшие в этой больнице, но горячо запротестовали два уездных. Последние имели основание протестовать. Части двух прилегающих к городу волостей и самый город, т.е. в общем 15-20 тысяч жителей, пользовались 35-ю больничными койками, остальные 80000 только 18-20-ю. Недостаток больничной помощи в отдаленных от города волостях вызвал и гораздо более тяжелые условия работы врачей. Они вынуждены были ежедневно, а иногда и по несколько раз в день ездить по своим участкам, чтобы пользоваться тяжелых больных на дому, тогда как городские врачи выезжали значительно реже. Помирились на следующем. В программу-минимум расширение больницы в г. Козьмодемьянске не включать, а лишь в мере возможности улучшить ее оборудование. В уезде признано было необходимым:

- 1) заново перестроить и расширить обветшавшую больницу в Б.Сундыре.
- 2) Выстроить новую больницу в с. Покровском, образовав там и новый врачебный участок.

3) Построить и достаточно оборудовать амбулаторный пункт в южной части уезда, в с. Еласах, с приемным покоем на 8-10 коек, открыв при первой возможности и там врачебный участок.

При осуществлении этого проекта общее количество коек увеличивалось на 2/3, а расстояние наиболее удаленных от врачебного пункта селений исчислялось в 15 верст. Исключение составляла левобережная часть уезда. Там несколько селений оставались в 60-70 верстах от Руткинского врачебного пункта, но в них было в общем не более 600-800 жителей, и существовала надежда сговориться с Яранским уездным земством Вятской губ<ернии> о том, чтобы медицинскую помощь оказывали там врачи Яранского уезда, недалеко от границ которого были расположены указанные селения.

Немало обсуждения потребовали вопросы о дополнительном оборудовании больниц и снабжении их бельем, посудой и медикаментами, а также о центральной земской аптеке, находившейся в г.Козьмодемьянске. В городской больнице решено было переустроить хирургическое отделение и обзавестись машинами и приборами для зубных операций, в новых — сделать все, хотя и скромно, но все же по новейшим требованиям и образцам. Способ снабжения по нормам, давший хорошие результаты в школьном хозяйстве, решено было применить и в больницах, так как и здесь подсчеты показали, что снабжение «по мере надобности» требует больших средств. Пришлось вновь обращаться к Д.П.Арцыбашеву, который заведовал дорожным отделом губ<ернского> земства, о командировании обязательного Сонины, чтобы осмотреть старую больницу в Б.Сундыре и выслушать наши пожелания о ее перестройке на предмет составления проекта и сметы. Попросили его и <о> том, чтобы он подготовил эскизы больничных зданий для с. Покровского и с. Елас.

Частной аптеки в г. Козьмодемьянске не было, и потому земская не только обслуживала нужды в медикаментах больниц и амбулаторий, но удовлетворяла и все требования обывателей города. Так как медицинская помощь оказывалась земскими врачами бесплатно, то установился обычай отпускать бесплатно и лекарства, как по рецептам врачей, так и по непосредственным требованиям. Естественно, что при таких условиях содержание аптеки стоило больших денег. Обратив внимание комиссии на это обстоятельство, я поставил на обсуждение вопрос об изменении порядка отпуска медикаментов в том смысле, чтобы бесплатный отпуск по непосредственным требованиям был вообще прекращен, а по рецептам бесплатно отпускались лекарства только земским плательщикам, а не всем жителям города. Практически это достиглось бы тем, что желающие бесплатного отпуска должны были предварительно заносить рецепты в бухгалтерию уездной управы, где бы и делалась соответствующая надпись. Управляющий аптекой, Андрей Иванович Чернышев⁴⁶, был опытным провизором и, как служащего, его ни в чем нельзя было упрекнуть. Вместе с тем, он принадлежал к тому типу людей, к которым применяют пословицу — «ласковый теленок двух маток сосет». Любезный и ласковый ко всем, приятный игрок в винт, веселый

рассказчик, охотник и клубный завсегда, он, отпуская с неизменной готовностью все, что требовал в аптеке тот или другой обыватель, пользовался исключительной популярностью в городе.

Понятно, что мое предложение произвело на него впечатление разорвавшейся бомбы. Он стал доказывать, что предложенный порядок, резко нарушая установившийся обычай, вызовет такой ропот, что не только он, как аптекарь, попадет в неловкое и неприятное положение, но сильно пострадает и популярность земства, что было бы очень печально. Для некоторого сокращения расходов есть другие способы. Без вреда для больных врачи очень часто могли бы применять наиболее дешевые медикаменты и прописывать лекарства в достаточных, но не излишних дозах. Бросив этот вызов, А<ндрей> <Иванович> перехитрил и промахнулся: врачи напали на него, разгорелся спор. Его поддержали городской голова, К.П.Зубков, и представитель казны, Б.И.Гузовский, указавший, между прочим, что главным плательщиком земства является казна и потому, казалось бы, местные чиновники, как агенты казны, могли пользоваться от земства некоторыми льготами, облегчающими их положение. Вопрос стал выходить из поставленных рамок, и, увидав, что единодушного мнения достигнуть нелегко, я поблагодарил членов комиссии за искренне высказанные взгляды и сказал, что передам все дело на рассмотрение Управы, осведомив ее обо всем, что услышал за и против проекта. Однако было ясно, что предложенное мною решение вопроса действительно грозило стать непопулярным и могло встретить серьезные возражения в земском собрании. Я решил еще раз внимательно все продумать.

Разработкой программы мероприятий занятия комиссии не закончились. Врачи подняли вопросы личного свойства. Указывая на практику некоторых земств, они размечтались о том, чтобы кроме обычных кратковременных отпусков земство раз в три года давало каждому из них трёхмесячный отпуск для поездок в столицу или за границу, где в лучших клиниках они могли бы пополнять и освежать свои знания. Кроме того, высказав благодарность управе за привлечение их к комиссионной работе, они находили желательным так сказать закрепить это начинание созданием при земской управе особого медицинского совета с тем, чтобы все касающиеся медицинской или санитарной части вопросы разрешались лишь после рассмотрения этим советом и с его одобрения. Ярким защитником последнего предложения выступил Руткинский врач, Виктор Александрович Протопопов⁴⁷, способный, энергичный и знающий свое дело специалист. Он мотивировал необходимость учреждения мед<ицинского> совета тем, что дело помощи больным должно всегда идти и развиваться вне зависимости от изменений настроения и взглядов земской управы и собрания, состав которых часто обновляется. Это пожелание не согласовалось с законом и являлось попыткой ограничить права ответственных органов земства и передать их безответственным. Но, кроме того, я почувствовал, что здесь замешалась и политика, отголоски тех нападок на земство, на которые не скупилась наши радикалы и их соседи слева и действительной причиной которых было то, что существовавшие законодательства

о самоуправлении не давали им возможности захватить его в свои руки и устроить из земских управ штабы для революционных отрядов. Я почти оборвал Протопопова, заявив, что не вправе допустить даже и обсуждение предложения, которое противоречит закону. Что же касается трехмесячных командировок, то лично очень сочувствую этой мере и постараюсь попросить у собрания разрешение и необходимые кредиты. В.А. Протопопов посмотрел на меня несколько удивленными и сильно раскрытыми глазами, остальные смущенно опустили головы, а я, пересилив охватившее волнение, поблагодарил участников комиссии, поднялся и, стараясь показать и тоном, и улыбкой, что ничего не произошло, пригласил всех к себе выпить чая. Эта первая маленькая стычка была, по счастью, и последней. Некоторый осадок, который все же остался, скоро прошел. Я только решил — и, насколько помню, не отступил от этого решения — по возможности никогда не вступать в пререкания на темы политического характера, показывая этим, что разговор этого свойства бесцельно со мной и начинать.

Для разработки программы экономических мероприятий в распоряжении управы не было ни одного специалиста. Поэтому я решил ограничиться тем, чтобы испросить у земского собрания необходимый кредит на приглашение агронома, при сотрудничестве которого управа могла бы подготовить свои предложения к земскому собранию следующего года. В ближайшее же собрание было решено внести вопрос об оборудовании и улучшении так называемого Вятского тракта, который начинался на левом берегу Волги против Козьмодемьянска и шел до границы с Вятской губернией, по направлению к городу Яранску. Этот тракт, протяжением в 60 верст, был очень оживленным, так как через него получали выход на Волгу жители Яранского, а отчасти и прилегающих к нему уездов. По нему же Козьмодемьянск отправлял те грузы, которые приходили для Яранска. Пролегал этот тракт через сплошные леса, иногда и болотистыми местами. Поэтому удобно было ездить по нему только зимой, по санному пути. Весной, летом и осенью его полотно было в таком состоянии, что в легком экипаже, на хороших и привычных ямских лошадях, можно было ехать в среднем не более 6-7 верст в час. Вятские обозники-профессионалы, у которых и телеги, и сбруя были сделаны очень основательно, тратили на переезд вдвое больше и нередко ломали колеса, оси, дуги и т.д., а также калечили и лошадей. А между тем наиболее оживленным был не санный, а тележный путь в период навигации на Волге. Так как губ<ернская> земская управа принялась в то время за обследование коммерческих трактов губернии, с целью последующего постепенного их оборудования, то и надо было возбудить ходатайство об устройстве Вятского тракта, подкрепив его данными, подтверждающими значение этого тракта для уезда.

По ветеринарному отделу новых предложений сделано не было. Здесь просто, как говорится, «руки не дошли». Впрочем, в то время особенно крупного значения ветеринарная помощь в Козьмодемьянском уезде еще не имела. Воспитанный в суровых условиях мелкий инородческий скот был вынослив и не особенно подвержен заболеваниям. А если таковые и появлялись, то часто для владельцев

выгоднее было ликвидировать его, чем лечить. Поэтому работа ветеринарного персонала больше всего была сосредоточена на принятии предупредительных мер против заноса или распространения эпизоотий: чумы, сибирской язвы и т.д. Однако и в этом отношении уезд находился также в наиболее благоприятных условиях, занимая крайнюю западную часть губернии, куда эпизоотии, надвигающиеся обычно с юго-востока от Оренбурга и киргизских степей, доходили редко.

Очередное земское собрание назначено было на конец сентября. К началу этого месяца все подготовительные работы были закончены, и И.Х.Шумилов, совместно с бухгалтером, занялись составлением докладов.

По народному образованию было намечено к постройке 6 школ, из них 2 открывались вновь. По медицинской части испрашивались ассигновки на перестройку больницы в с. Б.Сундыре и на закупку лесных и др<угих> материалов для новой больницы в с. Покровском. Увеличивалась смета на оборудование больниц. На содержание агронома и подготовительные работы по экон<омическому> отделу также нужны были кое-какие, хотя и не крупные ассигнования. В общем, когда подвели итоги всем предположенным расходам, выходило, что, несмотря на некоторые сокращения по отдельным статьям, расходная смета со 120000 руб<лей> увеличивалась до 180000 руб<лей> (цифры приблизительные). Повышать сразу обложение в таком размере было невозможно, — это вызвало бы серьезное недовольство в собрании, да и губернатор наверняка опротестовал бы наши сметы. Откуда было взять деньги? И вот как-то, когда я один занимался в управе, подходит ко мне И.Х. Шумилов с томом положения о земских учреждениях. «Посмотрите, Н<иколай> А<лександрович>, — сказал он, — сдается, что можно достать деньги». У меня даже сердце забилось. Стали вместе внимательно читать правила об оценке имуществ и увидели следующее. Земство облагало недвижимые имущества, взимая известный процент с их стоимости. Эта стоимость определялась или путем оценки, способы которой зависели от земства, или капитализацией доходности имуществ. При этом надо было соблюдать лишь то, чтобы однородные имущества оценивались одним и тем же способом. Поэтому, напр<имер>, вся пахотная земля могла быть оценена на основании существующих продажных цен на нее, а все леса путем капитализации их доходности.

Вслед за открытием действий земских учреждений, Казанское губернское земство произвело оценку недвижимых имуществ на основании заключений так называемой 12-ти членной комиссии, специально избранной для этой цели. В Казанской губ<ернии> было 12 уездов. Каждый уезд дал в комиссию одного представителя. Отсюда число ее членов. В Козьмодемьянском уезде и пахотная земля, и леса были одинаково оценены по 25 рублей десятина. По этой оценке и делалась до последнего времени раскладка земского сбора⁴⁸. Казенные леса, занимавшие примерно половину площади всего уезда и раскинутые по берегам Волги и впадающих в нее сплавных рек (р.р. Ветлуга, Рутка), стали давать за последние годы очень крупный и неизменно растущий доход. Частные леса, вероятно, такого дохода не давали, но сравнительно с пахотной землей они занимали ничтожные

площади. И так, если бы оценить все леса по доходности лесов казенных, то можно было бы думать, что общая стоимость всех недвижимых имуществ повысилась бы на значительную сумму. Тогда раскладка земского сбора даже при условии, что смета будет сильно повышена, дала бы в результате сильное повышение обложения лесов и сохранение обложения в прежних размерах для пахотных земель, в чем были сильно заинтересованы крестьяне. Другими словами, увеличение сметы было бы оплачено казной.

Мы с И<ваном> Х<ристофоровичем> находили, что такая переоценка была бы даже наиболее справедливой, так как довольно угнетенное в то время по разным причинам сельское хозяйство давало при тщательном учете не доход, а убыток. Все это было так заманчиво, что я сейчас же бросился советоваться с нашими местными юристами, которые, вчитавшись в соответствующие статьи правил и решения Сената, нашли, что мы с И<ваном> Х<ристофоровичем> толкуем правильно. Немедленно запросили Казанское управление гос<ударственных> имуществ о доходности казенных лесов Козьмодемьянского уезда за последнее трехлетие и, получив необходимую справку, произвели пробную раскладку. Результаты превзошли ожидания. Выходило так, что крестьянам в общем придется платить меньше земского сбора, чем в предыдущие годы. В дальнейшем судьба этого дела была такова. Земское собрание приняло доклад управы о переоценке лесов, хотя представитель казны по обязанности остался при особом мнении. Управление государственных имуществ запротестовало против нашей оценки и раскладки, дело дошло до Сената и было разрешено в нашу пользу. Вскоре и соседние уезды, в которых много было казенных лесов, произвели такую же оценку.

Если не считать этого, чисто формального, протеста представителей казны, которые по существу дела сочувствовали предложениям управы, а также более серьезного протеста представителя Духовного ведомства, о чем сказано выше, земское собрание прошло гладко, и все предложения управы были приняты. Благодарили ее, врачей, учительский персонал, всех участников подготовительных комиссий и устроили настоящие овации председателю собрания Л.В.Эннатскому, который действительно покорила все сердца беспристрастием, мягкостью и умением вести заседания.

Этим первым земским собранием первого трехлетия моей службы в исполнительных органах определялась дальнейшая работа управы на несколько лет.

В этот же первый год ясно обрисовалась и внешняя обстановка, в которой протекала эта работа и которая оставалась довольно долго без существенных изменений. Вот почему с некоторым страхом заслужить упрек в излишнем многословии я рассказывал, стараясь не пропустить ни одной оставшейся в моей памяти подробности. Теперь же, чтобы дать представление о деятельности управы за все трехлетие, достаточно будет просто перечисления того, что удалось сделать.

Начальных школ было вновь открыто около 10-ти, точно не помню. Построено 15 новых школьных зданий. Школьные библиотеки были значительно пополнены, в учебных пособиях особенной нужды не ощущалось. Все отзывы с мест,

а также наблюдения инспектора народных училищ подтверждали, что управа не ошиблась в расчетах, стараясь благоустройством школ оживить к ним интерес со стороны населения. Сильно подвинулась вперед работа по составлению проекта нормальной сети начальных училищ, с целью осуществить всеобщее обучение. Содержание учительскому персоналу было повышено⁴⁹.

Больница в с. Б.Сундыре была заново переделана, квартира врача основательно отремонтирована. В с. Покровском закончилась постройка и оборудование новой больницы, отдельный дом построен для квартиры врача. Здесь был образован пятый врачебный участок. Началась постройка приемного покоя в с. Ела-сах. Произведены серьезные ремонты в Козьмодемьянской больнице и в Рут-кинском приемном покое. Земская аптека начала работать на новых началах. Содержание медицинскому персоналу было повышено, и врачи получили право на трехмесячные — раз в трехлетие — командировки научного характера, оплачиваемые земством⁵⁰.

Была создана агрономическая организация — уездный агроном и несколько агрономических старост. Открыт и начал функционировать с явной тенденцией к увеличению оборотов сельскохозяйственный склад машин, орудий и семян в г. Козьмодемьянске. Заложено в пределах уезда несколько опытно-показательных участков, налажены чтения и беседы по сельскому хозяйству. Устроено два разъездных каравана для очистки посевных семян. Открыто несколько конских случных пунктов с производителями из Казанской казенной конюшни. Близ города Козьмодемьянска заложен большой — на трех десятинах — питомник фруктовых деревьев (яблони) и ягодных кустов с расчетом выращивать десятки тысяч посадочного материала для продажи крестьянам, охотно разводившим сады, благодаря благоприятным климатическим и почвенным условиям. Для заведывания питомником приглашен особый садовник-специалист, поселенный в построенном удобном и поместительном доме среди питомника⁵¹. На агрономические мероприятия земства была получена некоторая субсидия от Мин<истерства> земледелия. Началось техническое обследование инженерами губ<ернского> земства Вятского тракта, на предмет составления расчетов и смет для постройки мостов и улучшения полотна. Для переправы через Волгу грузов и пассажиров к Вятскому тракту, которая производилась раньше на весельных паромах, приобретен пароход.

Приступлено к разработке вопросов: об устройстве междуездной (Козьмодемьянск—Чебоксары) глазной лечебницы и принятия общих мер против распространения трахомы; о децентрализации губернской земской больницы в г. Казани и устройстве в уездах специальных хирургических лечебниц; о распространении ремесленных знаний путем устройства специальных учебно-ремесленных мастерских.

Оглядываясь к концу трехлетия на сделанное и проверяя себя, наблюдая появившиеся результаты произведенной работы и выслушивая одобрительные отзывы о ней, я, конечно, испытывал чувство удовлетворения. Дело действительно как будто двинулось и стало развиваться без заметных перебоев, охватывая

многие нужды населения. Дружно и не за страх, а за совесть работали земские служащие, чистосердечно помогали советами высшие представители местного общества. К чести старика В.И. Образцова, моего предшественника, который по человеческой слабости мог, конечно, не особенно одобрительно смотреть на мои «новшества» и которого я в душе упрекал за многое, должен сказать, что встречал с его стороны самое доброжелательное содействие. По должности непрямого члена губернского по земским и городским делам присутствия он мог, особенно по тому времени, набросать палок в колеса. Однако я не помню ни одного случая, когда бы он доложил губернатору о необходимости опротестовать какое-нибудь постановление нашего собрания. Посещая его при поездках в Казань, я всегда слышал от него ободряющие слова и получал добрые советы, основанные на его большом опыте.

Тем не менее я начал ощущать, что чувство удовлетворенности пронизывают и кое-какие «но». Мне казалось, что для работы в той области, которая больше всего меня захватывала — различные экономические и, в частности, агрономические мероприятия, — мне не хватает многих теоретических знаний. Можно было не быть врачом или специалистом педагогом и удачно руководить медицинской частью и начальным обучением, но нельзя было, имея лишь отрывочные сведения по экономике и агрономии, руководить мероприятиями в этой отрасли. Причиной этого было то, что у нас было много хороших врачей, толково и умело ведущих свое дело в трудных деревенских условиях; немало было учителей и учительниц не только беззаветно преданных своему делу, но и достаточно для него подготовленных. Что же касается агрономов, то за истекающие три года я не встретил ни одного, про которого можно было бы сказать, что он вполне на своем месте. Попадались среди них недурные теоретики, ораторы, горячие собеседники по политическим вопросам, но хороших знатоков деревни, практичных организаторов и специалистов, достаточно авторитетных в глазах крестьян и других землевладельцев, я пока не встречал. Мне приходилось наблюдать, как частные землевладельцы просто отмахивались от советов и услуг агрономов, а крестьяне недоумевали, для чего к ним стали посылать еще одно «непонимающее» начальство. Так было у нас, в Казанской губернии, то же приблизительно бросилось мне в глаза при поездке в Московскую и Вятскую губ<ернии>. Правда, надо оговориться: общинное землевладение было в этой области, как нигде больше, «камнем преткновения», и агрономам можно было простить многие неудачи. Правда и то, что медицинское и школьное дело — специальности более узкие, чем общественно-агрономические мероприятия. Но даже и там, где поперек дороги ничего не лежало, наши агрономы часто плутали и путались.

Не был доволен я и самим собой. Обвиняя еще недавно В.И. Образцова за то, что он не следовал общественным началам, а просто командовал на правах диктатора, я заметил, что делаю то же и сам. Если интерес к земским делам в уездном обществе немного поднялся; если к подготовительным работам я начал чаще привлекать служащих и гласных, что питало их инициативу и вызывало сознание

ответственности; если, наконец, я проводил большую часть времени не в служебном кабинете, а в уезде, где встречался и беседовал как с гласными, так и с рядовыми крестьянами; то заседания земских собраний продолжались, как и раньше протекать при полном молчании гласных крестьян. В конце трехлетия так же, как и вначале, мои сослуживцы И.К. Зиновьев и И.А. Смирнов продолжали мне «докладывать» и «испрашивать приказаний». Я видел далее, как начали захватывать нашу уездную среду политические вопросы, как волновала, вызывая ропот и нарекания, вспыхнувшая и неудачно протекавшая война с Японией.

От политики в земском деле я отмахивался, настойчиво стараясь не допускать ее примеси ни к каким делам. Но даже для того, чтобы можно было удачно отмахиваться, надо было кое-что понимать и уметь разбираться. А я очень мало понимал и очень плохо разбирался. Правда, если не в Козьмодемьянске, то в Казани мне приходилось бывать и слушателем интересных политических бесед, а иногда и участником в них, но все-таки этого было мало и все-таки эти беседы не были достаточно серьезны, основываясь часто на сплетнях, а не на фактах. Достаточно читать, внимательно следить за газетами и журналами, завести политические знакомства — для всего этого просто не было времени.

Наконец, я подметил в себе стремление к более широким перспективам. Уездная работа стала казаться мне мелкой, недостаточной. Я не разделял взглядов некоторых моих товарищей, что «настоящее» дело творится в уезде. Я думал, что на большой территории, с большими средствами, в окружении развитых и образованных сотрудников и соратников существовало и гораздо больше возможностей делового свойства.

Не прятались ли где-нибудь здесь простые честолюбивые побуждения? Может быть, хотя поймать себя на этом мне не удавалось. В итоге я решил временно отойти от земской работы в исполнительных органах и начать учиться, прослушав курс в Московском сельскохозяйственном институте (бывш^{ая} Петровская академия)⁵². В Москве мне представились возможности постепенно расширить знакомства в земских кругах и набраться таких сведений и впечатлений, которые в неискаженном виде не дошли бы до Козьмодемьянска. Поехав в Петербург для личной поддержки некоторых ходатайств земства, я подал просьбу о причислении меня к Министерству земледелия и откомандирования для занятий в Московский с <ельско>-х <озийственный> институт. Эта просьба была уважена, и в последнем земском собрании трехлетия я заявил о намерении покинуть службу и поселиться в Москве.

Никто этого не ожидал. Собрание настойчиво просило меня остаться, я услышал от некоторых гласных и лестные отзывы и сдержанные упреки, но я заявил, что, в полной мере оценивая доброе отношение всех, с кем провел три года в совместной работе, я все же не могу изменить решения

Председателем управы был избран Виктор Валерьянович Образцов. Он, по-видимому, искренне заявил после избрания, что пойдет по намеченному мною пути и рассчитывает, что я не буду отказывать ему в советах и указаниях. Уездным

гласным я, конечно, остался и также был в третий раз избран губернским гласным и во второй — почетным мировым судьей.

Вскоре тепло проводили меня знакомые сослуживцы и земские служащие. Поднесли хороший бювар и адрес⁵³, при чтении которого до слез взволновался И.Х. Шумилов — моя «правая рука» и один из преданнейших сотрудников.

Жена с детьми уехала в Сызранский уезд, в имение своей матери, а я в середине октября был уже в Петровском, в небольшой мансардной комнате, снятой у одного из служащих канцелярии института.

III

Поселился я так скромно не только по причинам финансового свойства: мне хотелось по возможности не выделяться из общей студенческой среды, быть, так сказать, настоящим студентом. По тем же соображениям я стал питаться в студенческой столовой, рассчитывая использовать обстановку общей трапезы для расширения знакомств. Мои расчеты почти не оправдались. Несмотря на то, что мне в то время только что минуло 32 года, я скоро почувствовал, что товарищем в полном значении этого слова я для студентов стать не могу. В лабораториях на практических занятиях, где все разговоры ограничивались большей частью специальными темами, разница в возрасте резко не ощущалась. В столовой и кулуарах интерната беседы часто велись на иные темы, и я не сумел подойти к товарищам так, чтобы они признали меня своим: мне было с ними неловко, а им со мной просто скучно. Припоминаю, что настоящие приятельские отношения возникли у меня с Шеншиным, имение родителей которого было, если не ошибаюсь, в Орловской губ<ернии>. Кроме меня было еще несколько «прикомандированных». С двумя из них я также сошелся довольно близко. Один был Степанов, учитель какого-то среднего учебного заведения в Туркестане, другой — фамилии его я не помню — священник не то из Тульской, не то из Калужской губ<ернии>, необыкновенно симпатичный человек. Все, и я в том числе, звали его «батюшка», хотя он несколько смущался таким наименованием и предпочитал, чтобы его звали по имени и отчеству. Он занимался с чисто юношеским увлечением, был интересным собеседником, очень скромно себя держал и имел веселый, привлекательный характер. Почти каждый вечер он приходил ко мне, и мы вместе читали и занимались. С особенным интересом я слушал лекции по ботанике, почвоведению, общему земледелию и политической экономии, а в свободные часы большим удовольствием было посещение фермы, где воспитывалось и содержалось много хорошего породистого скота. Попутно я старался разгадать и то, что так тревожило меня в Козьмодемьянске, а именно: почему же так трудно найти агронома, вполне пригодного для работы в земстве. На эту тему мы не раз беседовали и со Степановым, и с батюшкой, и с Шеншиным, а затем все по очереди задавали этот вопрос некоторым профессорам и ассистентам. Конечно, мнения были различны, по многим деталям возникали споры, но все же нашлось и то, на чем все

Мария Александровна Козакова, в замужестве Мельникова. Казань

сошлись единодушно. Чуть ли не большинство студентов были горожане и о деревне имели довольно смутное представление. В сельскохозяйственный институт они попали не по влечению, а благодаря простой случайности. Установился обычай, по которому кончающие реальные училища и желающие получить высшее специальное образование толкались чуть ли не во все высшие учебные заведения одновременно. Почти общей мечтой было сделаться или горным инженером, или инженером путей сообщения. Это были «хлебные» специальности. Однако это было нелегко: на конкурсных экзаменах «проваливались» очень многие. Тогда бросались в Институты технологический, лесной, сельскохозяйственный, — все равно, лишь бы куда-нибудь проскочить и в будущем иметь диплом высшего учебного заведения. Кончая высшую школу, такие «дипломисты» часто и не стремились поступить на службу непременно по своей специальности. Им было довольно безразлично, где служить, лишь бы получше «устроиться» в смысле оплаты труда и других внешних условий.

Не имея связи с деревней, не получив никакой предварительной подготовки по сельскому хозяйству, такие студенты, воспринимая теоретические знания, плохо разбирались в том, что важно и что менее существенно. Так называемые практические занятия давали мало практических знаний и сноровки, так как на них отводилось слишком мало времени. Поэтому нередко выходило так, что окончившие

курс имели, например, некоторое представление об общих чертах и принципах устройства плугов, но таких, которые могли бы подобрать для данной почвы вполне подходящий плуг и установить его так, чтобы он как следует пошел на пашне, было очень немного, вернее сказать — почти не было. Надо ясно себе представить и оценить такую картину. Приезжает земский агроном в какую-нибудь деревню с целью убедить крестьян в преимуществах плужной пашни. Снимают с подводы плуг и, после некоторых пояснений агронома, закладывают лошадей и начинают пахать. Плуг нейдет, вылетает из борозды. Агроном распоряжается передвинуть регулятор. Плуг пошел еще хуже. Начинают раздаваться разные советы, агроном нервничает и сам хватается за плуг. Плуг стал захватывать так глубоко, что лошади останавливаются. Наконец кое-как добились, что плуг начал пахать, но пашня все же получается посредственной. Другой пример — землевладелец желает рационально поставить кормление рогатого скота. Приглашает агронома, дает ему справку об имеющихся в хозяйстве кормах и просит составить кормовые нормы. Через некоторое время агроном их привозит. Владелец отдает необходимые распоряжения и лично следит, чтобы указания агронома выполнялись бы в точности. Скот начал худеть, продуктивность пала. Начали проверять производственные расчеты и обнаружили несколько грубых ошибок.

Таких случаев бывало немало, и они, разумеется, не укрепляли авторитета агрономов. Было очевидно, что практических знаний и сноровки не хватает и агрономам надо начать с того, чтобы учиться самим, а не учить других. Многие из них сознавали это, начинали уклоняться от советов и указаний и направлять усилия на организацию таких мероприятий, где особой нужды в практических знаниях не было. Появилось даже нечто вроде новой дисциплины, которую назвали «общественной агрономией». На практике эта «наука» свелась к умению организовать политическую пропаганду.

Все эти беседы и наблюдения навели меня на мысль, что было бы, может быть, гораздо лучше давать необходимые теоретические познания тем, кто в соответствующей отрасли имеет практический стаж и ищет недостающих знаний с прямой целью применять их в привычном и любимом деле. Я стал думать о том, не практичнее ли было бы распространять сельскохозяйственные знания среди населения путем устройства специальных курсов для взрослых. Позже я еще вернусь к этому вопросу и расскажу, какие результаты получились от осуществления этой мысли.

Проводя целые дни на лекциях или на практических занятиях в лабораториях, а вечера — за чтением специальных книг, я успевал лишь мельком и всего чаще со слов других узнавать, что делается в стране. Даже бегло просматривать газеты удавалось не каждый день. А между тем шла война с Японией, на долю нашей армии выпадали почти сплошные неудачи и это, конечно, вызывало тревоги и недовольства.

В половине ноября ко мне неожиданно заехал В.В. Марковников, бывший в то время председателем Казанской губ<ернской> зем<ской> управы⁵⁴.

В Москве жили его мать и братья, и он предложил мне провести вечер у них, обещая рассказать много интересного. Нечего и говорить, как я обрадовался его приезду и с каким нетерпением ждал обещанного рассказа.

Вот вкратце то, что я услышал. С каждым днем, благодаря военным неудачам, общее настроение в стране становится все более и более напряженным. Поползли слухи о каких-то изменах. В правых и умеренных кругах ропот, революционеры всех оттенков повели яростную пропаганду среди рабочих и крестьян, власть начинает теряться, нервничать и делать одну ошибку за другой. Если не удастся овладеть движением и удержать его в известных рамках, последствия могут быть не только серьезными, но и роковыми. Все это побудило Д.Н.Шипова и некоторых других видных земцев созвать Частное совещание земских деятелей, чтобы подробно обсудить вопрос о мерах, которые необходимо принять для успокоения страны, и передать свои заключения центральной власти. Сейчас В<ладимир> В<ладимирович> только что приехал из Петербурга, где это совещание состоялось⁵⁵. Все единодушно высказались за необходимость учреждения народного представительства, причем большинство за представительство с законодательными функциями, меньшинство — с законосовещательными. Министр внутренних дел доложил Государю о решениях совещания. Возможно ожидать важных и крупных событий.

Если раньше в Козьмодемьянске, будучи в непрерывных хлопотах и заботах о «текущих делах», я был далек от политики и лишь изредка слушал клубную болтовню на политические темы, то, приехав в Петровское и с головой погрузившись в научные занятия, я как будто переселился в иной мир, и из того, который оставил, до меня ничего не доходило. К недостатку осведомленности присоединялся недостаток знаний: я чувствовал себя совершенным младенцем в политических вопросах. Поэтому разобраться в том, что я услышал, мне было нелегко. Меня обуял какой-то безотчетный страх, появилось ощущение, что надвигается что-то громадное, темное, хаотичное. Смущало меня и то, что на совещание были приглашены не представители земств по выбору земских собраний, а лица, назначенные так называемым «Бюро земских съездов», самозванным учреждением, оставшимся с 1902 г., когда, по поводу устроенного гр. Витте Особого совещания⁵⁶ о нуждах сельскохозяйственной промышленности, Д.Н. Шипов также созывал некоторых земцев (см. мой доклад «Русское земство в прошлом»). Я высказал В<ладимиру> В<ладимировичу> предположение, что некоторые земские собрания могут неодобрительно отнестись к тому, что без их ведома, но как бы все-таки от их лица, принимаются столь ответственные решения. Правда, совещание назвало себя частным, но его уже окрестили земским съездом и, конечно, это последнее, более внушительное, наименование за ним и останется. Марковников ободрял меня, уверяя, что, по всем признакам, взгляды, высказанные совещанием, восторжествуют, конституция будет дана, значительная часть общественности успокоится и не будет роптать, если в отношении крайних элементов будут приняты решительные меры. А дальше — реформы, общая удовлетворенность

и оживление, к чему мы все стремились и о чем всегда мечтали. Что же касается состава совещания и того, что, будучи частным, оно все же решилось поднять столь серьезный и ответственный вопрос, то нельзя упускать из вида общей обстановки. Администрация, конечно, не допустила бы ни обсуждения таких вопросов на земских собраниях, ни выборов депутатов на общеземский съезд и с формальной стороны была бы права, так как компетенцией земских собраний охватываются только вопросы о «местных хозяйственных нуждах». А между тем в стране не по дням, а по часам растет недовольство и, если не выступят земцы, как действительные представители значительной и организованной части общественности, то можно ждать других, и очень опасных, выступлений. Марковников думал, что земские собрания все это учтут, поймут и правильно оценят. Поэтому и здесь мои страхи едва ли основательны.

Наша беседа закончилась просьбой Марковникова не разглашать его сообщения. Я, конечно, так и поступил, но постановления совещания быстро сделались общим достоянием, и уже через 2-3 дня мои товарищи стали закидывать меня разными вопросами, на большую часть которых я не умел ответить. Вскоре занятия пошли с перебоями. Степанов, Шеншин и батюшка приходили ко мне с кучей газет, а часто и с разными нелегальными листовками, которые в изобилии доставлялись в общежитие института. Вместо чтения лекций и книг по ботанике или химии мы нередко до 2-3 часов ночи беседовали и спорили на политические темы, изучали программы разных партий, знакомились с основными чертами некоторых западно-европейских конституций. К сожалению, забыли при этом, что представительство существовало когда-то и в России, и было бы не менее полезно подробно и внимательно ознакомиться с этим вопросом. Два или три раза я побывал в Московской губернской управе, познакомился с членами управы М.В. Челноковым, Ф.А. Головиным, Н.Н. Хмелевым, пытался подробно побеседовать с Д.Н. Шиповым. Эта попытка сорвалась: Д<митрий> Н<иколаевич> сообщил мне почти то же, что и Марковников и лишь вскользь и в общих чертах упомянул о своих сношениях с Министром внутренних дел. Я почувствовал, что Д<митрий> Н<иколаевич> не желает открывать многие важные подробности, и расспрашивать не стал. В середине декабря я поехал в Казань, чтобы застать хотя бы под самый конец Губернское земское собрание и принять участие в выборах губернской управы. Меня встретили с расспросами о том, что делается в Москве, каково общее настроение, чего можно ожидать в дальнейшем. Ничего нового я сообщить не мог, а о дальнейшем можно было говорить сколько угодно. Но кто знал или предвидел это «дальнейшее». Зем<ское> собрание проходило спокойно, обсуждали и решали, как всегда, разные хозяйственные вопросы. Но в кулуарах и в столовой за завтраками шли горячие беседы и споры на политические темы. Обнаружилось, что наше деление на «белых и алых роз» при разрешении политических тем не пригодно. Политические вопросы иначе расчленили гласных: огромное большинство, в которое вошли представители обеих групп, находило, что петербургское Совещание не было правомочным, а по существу

дела подняло такие вопросы и приняло такие решения, которые во время нелёгкой войны и при общем приподнятом настроении в стране будут на руку только тем, кто ведет борьбу против всего существующего строя и не желает, чтобы реформы шли сверху. «Все умеренное из ваших решений выкинут, — говорили Марковникову, — а подхватят и по-своему переделают то, что можно приклеить к революции. Не вы овладеете движением, а вас используют революционеры, чтобы вслед за этим сейчас же откинуть и предать. Лучше было бы действовать по соглашению с Министерством внутренних <д>ел, которое склонно к большим уступкам и которое следовало поддержать. Власть нервничает, но она еще очень сильна. Все усилия нужны теперь для того, чтобы достойно закончить войну, а не расшатывать трон».

Меньшинство, в лице А.В. Васильева и В.П. Куприянова, очень робко, но все же попыталось защищать петербургское Совецание. Однако их не поддержали даже те, кто обычно шел с ними: Н.Н. Филипсон молчал, В.В. Ляпунов тоже. Им пришлось стусеваться, а В.В. Марковникову уйти. Этот уход по общему сговору произошел бесшумно. В<ладимир> В<ладимирович> просто снял свою кандидатуру по причинам «личного характера». Его поблагодарили за все сделанное в течение минувшего трехлетия и выбрали председателем управы П.И. Геркена.

Побывав в рождественские дни у своих в Сызранском уезде, я вновь вернулся в Петровское в начале января 1905 г. Занятия возобновились и пошли своим чередом, но ненадолго. В феврале из Москвы по вечерам стали наезжать в общежитие разные «ораторы». Сперва все шло тихо и спокойно. «Ораторы» читали или говорили, мы молча слушали и по окончании речей расходились. Но вскоре обстановка резко изменилась. Перед выступлением «ораторов» стали устраивать шествия по коридорам общежития с пением «Марсельезы», с красными флажками. Руководили этими шествиями «гости» из Москвы, которых стало набираться с каждым разом все больше и больше. Припоминаю ясно один такой вечер. «Гостей» приехало особенно много, все коридоры были полны народом. Устроили шествие. Я прижался в каком-то углу и наблюдал. И вот вижу, как одно из красных знамен несет совсем молоденькая и очень миловидная девушка. Крепко, на вытянутых руках, держала она священное древко, высоко несла голову, а ее большие, горящие экстазом глаза смотрели куда-то ввысь и вдаль, за пределы ограниченных пространств. «Вот так на войне идут в атаку», — мелькнуло у меня в голове и почему-то вспомнился кн<язь> Андрей Болконский при Аустерлице.

Шествие кончилось, все собрались в зале, «оратор» начал свою речь. И вдруг шепот по рядам: «Из Москвы выехал и через несколько минут появится полицеймейстер с большим отрядом полицейских». Поднялась невероятная паника. Студенты, а особенно гости, бросились к выходам, давя друг друга. Дамы с истерическими воплями стали падать в обморок. Мы с Шеншиным стояли в самых задних рядах около лестницы, ведущей в подвальное помещение. С нами была его знакомая дама. Она, отрывисто вскрикнув, повалилась, как сноп. Пришлось на руках

сносить ее вниз и приводить в чувство, а затем провожать в Москву до квартиры. Всю дорогу она дрожала, как в лихорадке, молчала и всхлипывала. Никакого полицеймейстера не появилось, паника возникла зря, но митинг уже не возобновился: «оратор» бесследно исчез.

Вскоре — точной даты не помню — институт был закрыт на неопределенный срок, и я поехал в Казань. Немало пришлось передумать за 40 часов пути в скучном почтовом поезде Московско-Казанской дороги. Предполагать, что безболезненно и быстро минует нараставшее в стране недовольство и затихнет деятельность революционных элементов было трудно: военные неудачи не прекращались, терроризированная власть, ожидая массовых выступлений, теряла самообладание. Какими мерами можно успокоить страну? Сколько времени потребуется на это? А если не удастся и вспыхнет революция? Когда в лучшем случае откроют вновь институт и можно ли рассчитывать, что занятия пойдут нормально? Позволительно ли о них мечтать в такое тревожное время, когда каждый общественный деятель обязан приняться за общественные дела и посылно содействовать успокоению?

В Казани и в губернии было пока спокойно, по крайней мере, с внешней стороны, хотя агитация на заводах и в деревнях усиливалась с каждым днем. Я занялся устройством личных дел, перевез семью из Сызранского уезда в Сергеевку и вновь вернулся в Казань, чтобы после общения со своими друзьями и единомышленниками так или иначе ответить на волновавшие меня вопросы. Советовался с П.И. Геркен, В.В. Марковниковым, Л.В. Эннатским, но самые продолжительные и задушевные беседы произошли у нас с А.Н. Боратынским. Подряд два или три раза я побывал в его подгороднем имении, с. Шушарах. В большой, тихой комнате помещалась в Шушаровском доме обширная библиотека. Там были и редкости: рукописи и письма деда А<лександра> Н<иколаевича>, поэта Боратынского, несколько писем и портретов Пушкина, бар<она> Дельвига, старинные издания этих поэтов и т.п. Особенное настроение охватывало в этой комнате: что-то значительное, торжественное, близкое и родное невидимо спускалось с тесно заставленных полок и проникало в душу очищающим светом. Здесь и шли наши беседы.

Расскажу вкратце их содержание, хотя протекали они довольно беспорядочно, с частыми уклонами от намеченных вопросов. Да многое и позабылось.

Общая обстановка представлялась нам так. В низах населения наиболее энергично агитировали представители двух политических партий: социал-демократы среди рабочих и социал-революционеры среди крестьян. Их общая цель — политическая и социальная революция. Эта цель оправдывает все средства: террор, направленный против представителей власти, всякого рода провокации, забастовки, уличные выступления, крестьянские бунты, погромы частновладельческих усадеб, захваты земель и лесов и т.д. Создаются и побочные организации, в задачу которых входит подготовить и дисциплинировать массы, приучить их четко выполнять распоряжения центра. Напр<имер>, социал-революционеры устроили

так называемый крестьянский союз. Избравшие сами себя руководители союза в лучшем случае крестьяне только по паспорту и ничего общего с настоящим, рядовым крестьянством не имеют. Флаг и имя крестьянства нужны им для вящего воздействия на власть, общественность и деревню. Гораздо более меня осведомленный А<лександр> Н<иколаевич> указывал, что, по его мнению, движение в рабочей и крестьянской среде пока не представляется особенно грозным. Беспорядки, и, может быть, довольно крупные, вероятно, произойдут, но если власть сумеет взять себя в руки, проявит силу и необходимыми реформами привлечет к поддержке и содействию разумную часть общественности, то до революции, как можно надеяться, дело еще не дойдет.

За последнее время среди либералов возникло так называемое «освободительное движение» — русский радикализм, которым увлекаются широкие слои интеллигенции, многие представители промышленности и торговли, мелкое чиновничество, а также и часть земских деятелей. Основная цель радикалов свалить самодержавие и добиться установления так называемого демократического строя: законодательные палаты, избранные по системе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования (четырёххвостка), ответственное перед парламентом министерство, свобода печати, союзов, собраний и т.д. Левое крыло радикалов, не ограничиваясь сказанным, находит необходимым, как и социал-революционеры, требовать созыва по той же четырёххвостке Учредительного собрания, которому и надлежит установить тот или иной государственный строй. Здесь уже довольно ясно сквозит покушение на монархию, стремление к республиканскому образу правления.

Радикалы очень сильны и обладают значительными средствами. Принципиально отвергая террор и другие насильственные действия, не выставляя требований о коренных социальных реформах, радикалы представляются рядовым политиканствующим обывателям очень умеренной политической партией. Если у революционных группировок главным тактическим средством является сознательная или бессознательная ложь, то у радикалов есть, может быть, еще более опасное орудие — лукавство. Они тонко заигрывают с революционерами; отвергая террор, они его не осуждают; нарочито и грубо они не лгут, но искажают истину почти всегда; к прямой клевете они прибегают редко, но разными намеками или хлесткими фразами осветят те или иные факты так, чтобы легко возникла клевета — на это они большие мастера. Они чрезвычайно завистливы и честолюбивы, и их озлобление против власти в значительной мере объясняется тем, что власть не попадает в их руки. В них избыток самомнения и самовлюбленности, они считают себя непогрешимыми. Это настоящие «книжники и фарисеи». Если парламентаризм неплохо переваривается просвещенной и культурной Англией, если его развращающие свойства пока еще переносит буржуазная и также достаточно культурная Франция, то признавать его пригодность для многоликой, разноплеменной, малокультурной и в значительной части еще темной России по

меньшей мере неразумно. Трудно верить, чтобы высокообразованные радикалы этого не знали. Зачем же они так поступают?

Итак, «освободительное движение» может оказаться фактором более опасным чем движение революционное: между этим последним и общим умонастроением в стране еще глубокий ров. Радикалы искусно строят через него мост.

Немалую часть потраченного на наши беседы времени уделили мы с А<лександром> Н<иколаевичем> вопросу о том, какое же место в общем движении заняло земство.

Одно то, что за земским флагом гоняются все оппозиционные группы, а радикалы в особенности, является лучшим доказательством того, как важен этот флаг.

Здесь, однако нужны некоторые предварительные оговорки. Бывает, что и в обществе и в печати земскими деятелями называют не только лиц, избранных гласными земских собраний и ответственных перед выборщиками, но и земских служащих, которые указанной ответственности не несут. Мы разумели под земскими деятелями исключительно избранных гласными лиц, что, конечно, ничуть не опорочивало земских служащих, среди которых было немало просвещенных, почтенных, полезных людей. Отсюда земство в нашем понятии было совокупностью земских деятелей, действующих в специальной области общего управления на автономных, но определенных законом началах.

Представителями земства, которые по какому бы то ни было поводу выступают от его имени, могут почитаться только те земские деятели, которые уполномочены на то своими земскими собраниями. Поэтому, отвечая на поставленный себе вопрос о занятой земством позиции в общем движении, мы имели в виду общий политический облик земских собраний.

Все эти оговорки мы считали весьма существенными, так как и сознательные и невольные неточности в этом допускались, к сожалению, нередко. Их делали различные политические группировки и пресса; они имели место на разных общественных собраниях и в клубных беседах; представители власти в лице министров в стремлении ознакомиться со взглядами земства, обращались к отдельным земским деятелям, игнорируя то, что последние не имели полномочий.

Наконец, и некоторые из самих земских деятелей позволяли себе иногда не придавать значения отмеченным неточностям, оправдывая их неизбежность условиями «текущего момента».

В 1902 г., в бытность премьером, С.Ю.Витте устроил «Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Губернаторам было предоставлено право привлекать к работе в местных комитетах особого совещания представителей земств по своему усмотрению. Как могли эти лица представлять земства, когда их полномочия вытекали из усмотрения губернаторов? Это тогда побудило Д.Н. Шипова, бывшего председателем Московской губ<ернской> земск<ой> управы, созвать частное совещание земских деятелей — председателей губ<ернских> земских управ и некоторых гласных для обсуждения создавшегося

положения. Совещание прежде всего запротестовало по поводу такой организации комитетов, отметив, что земские деятели, приглашенные по усмотрению губернаторов, не могут считаться представителями земств. И затем, обсудив многие вопросы, касавшиеся существа дела, выделило из своего состава некоторую постоянную организацию с наименованием «Бюро земских съездов», предоставив ему право кооптации, т.е. включения в свой состав посторонних лиц, участие которых будет признано полезным⁵⁷. Другой пример. Ноябрьское совещание земских деятелей 1904 г. и создавший его Д.Н.Шипов и сами участники корректно назвали частным, а пресса и общественность — земским съездом, каковое наименование за ним и осталось.

На естественный вопрос, почему это делалось и почему земства не протестовали, мы ответили себе так.

Радикалам важно включить земство в свою орбиту: земство — крупнейшая общественная организация. Однако сделать это таким путем, который не противоречил бы основным началам конституции земских органов, было и трудно и нежелательно. Трудно потому, что помехой встает закон, ограничивающий компетенцию земских собраний местными хозяйственными делами, и, таким образом, обсуждение вопросов, выходящих из круга таких дел, а тем более выборы представителей для совместного их рассмотрения было бы действием, нарушающим закон. Нежелательно же потому, что пригласить из числа земских деятелей можно было кого угодно, а выбрать земские собрания могли и таких, которые не были бы угодны.

Не протестовали же открыто земства потому, что не в земских традициях было «выносить сор из избы». Нельзя же было, в самом деле, порочить председателей губ<ернских> земских управ и выдающихся гласных в глазах общества и Петербурга, к которому почти все земцы, вне зависимости от политических взглядов, относились оппозиционно. Такие протесты оказались бы в руках Петербурга слишком важными козырями в борьбе с земством. Далее. Земцы-радикалы часто гораздо мягче держали себя и ограничивались более умеренными требованиями, когда выступали не в партийной, а в земской среде. Так, ноябрьское совещание 1904 г. не пошло дальше пожелания о даровании народного представительства с законодательными функциями. Пусть в глазах многих и это было «запросом». Но нельзя же поднимать шум только потому, что «запросили» лишнее: при последующих переговорах могли последовать уступки и мог быть найден всех примиряющий компромисс.

Итак, радикализмом были увлечены некоторые отдельные земские деятели. Примкнули к нему и очень многие земские служащие. Но земство, как таковое, оставаясь по отношению к центральной власти на положении борющейся стороны и продолжая исповедовать те же взгляды, которые были им усвоены раньше, не променяло этой мирной борьбы на военные действия, к которым звали «Союз освобождения»⁵⁸ и радикалы. Доказательством тому было и ноябрьское 1904 г. частное совещание и то, как отнеслись к его постановлениям многие земства. По

сведениям А<лександра> Н<иколаевича>, это отношение было несомненно отрицательным, так что не был одобрен даже и сравнительно умеренный «запрос». Вслед за В.В. Марковниковым придется, вероятно, покинуть свои посты и некоторым другим председателям управ.

А<лександр> Н<иколаевич> поделился со мной и своими впечатлениями относительно того, как стала за последнее время смотреть на земство центральная власть. Заметны несомненные попытки с ее стороны найти пути для соглашения с земством. Так, Министр вн<утренних> дел кн. Святополк-Мирский перед ноябрьским частным совещанием настойчиво склонял Д.Н. Шипова отложить это совещание и устроить настоящий земский съезд с предварительной подготовкой в губ<ернских> земских собраниях, которые бы избрали своих представителей. Под давлением «Бюро земских съездов» Д.Н. Шипов отклонил это предложение: радикалам совсем не на руку было бы соглашение власти с земством. Но и после того кн. Святополк-Мирский поступил в высшей степени корректно, объективно доложив Государю о всех постановлениях частного сообщения. А<лександр> Н<иколаевич> добавил, что и губернаторы стали заметно мягче относиться к земствам и реже проявлять «усмотрение».

Вот выводы, к которым мы пришли. Наш долг, как и всегда, настойчиво указывать власти на необходимость крупных реформ в области Управления, но нельзя использовать настоящее трудное время, переживаемое страной для того, чтобы какими-либо действиями или поощрением действий других **вырывать** уступки, т.е. добиваться реформ способами, которые могут очень дурно отозваться на их целесообразности, последовательности и ценности. Поэтому сейчас необходимо содействовать власти в успокоении страны и принять все меры к тому, чтобы она, как и все общество, услышали истинный голос земства.

Мы решили подробнее переговорить об этом несколько позже, во время предстоящего экстренного земского собрания, когда съедутся почти все члены нашего кружка.

В этой части беседы у нас возник спор. Я сказал, что не понимаю Д.Н. Шипова, и это очень меня огорчает, так как считаю его большим патриотом, честным и чистым общественным деятелем и человеком разумных взглядов. А не понимаю потому, что, будучи весьма умеренным и не сочувствуя программе и тактике радикалов, он допустил, что и в «Бюро земских съездов» и в ноябрьское совещание вошли в большинстве земцы-радикалы, тогда как в действительности, что, вероятно, Д<митрию> Н<иколаевичу> известно, в общем составе многих земских собраний радикалы большинства не имеют. Поэтому политический облик того учреждения, которое и общественность и власть считают органом объединенных земств, не соответствует общему облику земства. Это может вызвать немало дурных последствий и во всяком случае, не поможет нашей мирной борьбе с Петербургом.

А<лександр> Н<иколаевич> защищал Д.Н. Шипова, полагая, что были, вероятно, достаточные причины, которые побудили его действовать так. Отдавая

должное значению голоса земства, не надо это значение преувеличивать. Сейчас не то положение, что было полвека тому назад. Если тогда земство охватывало своим влиянием значительную часть общественности, то теперь это представляется вопросом. Вот в этой не охватываемой части земцы радикалы имеют особенно прочные связи и пользуются большими симпатиями. Поэтому найти с ними общий язык или хотя бы добиться взаимного понимания и умерить их требования, значит заполнить указанный пробел и противопоставить революционным течениям сравнительно умеренные стремления наиболее просвещенных людей страны. Пусть их мнения будут страдать теоретичностью, пусть требования будут преувеличены, но они все же имеют в виду мирное разрешение трудных политических задач, а не потрясения, за которыми последует хаос. «В единении сила», и если представляется какая-нибудь возможность совместной и согласованной работы всех стремящихся строить, а не разрушать, надо такую работу налаживать. Это посильно и делает Д.Н. Шипов. «Ты можешь упрекнуть меня в противоречии, — добавил А<лександр> Н<иколаевич>, — но оно только кажущееся. Оправдывая Д.Н. Шипова, я не меняю взгляда на радикалов и продолжаю думать, что дать возможность обществу услышать истинный голос земства необходимо. Но я считаю, как, вероятно, считает и Д.Н. Шипов, что отмежевываться от радикалов слишком резко и оборвать с ними всякие отношения — значит бросить вызов общественности, которого сейчас она не поймет и который будет для нее оскорбительным. Не лучше ли постепенно овладевать позициями и через земские собрания, на которых теперь, по-видимому, возможно будет говорить больше, чем до сих пор, открывать глаза на правду.

Неосторожно было бы пренебрегать и следующим. На основании слухов и по чутью мы утверждаем, что большинство в земских собраниях не разделяет взглядов радикалов. Мы можем ошибиться. Кроме того, радикалы лучше организованы, гибки и большие мастера по части тактики. Часто, даже будучи в меньшинстве, они сумеют добиться нужных для них постановлений и проскочить на выборах. Поэтому вопрос об истинном голосе земства сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Для того, чтобы добиться его благоприятного разрешения, надо еще усиленно и много поработать, организовать все умеренные элементы, доказать находящимся правее нас, что никаких «основ» мы не «потрясаем», заручиться их поддержкой» — и т.д.

Итак, приветствуя борьбу с радикалами, А<лександр> Н<иколаевич> находит, что надо вести ее осмотрительно. «Ты хочешь победить, — закончил А<лександр> Н<иколаевич>, — пренебрегая противником, избегая непосредственного общения с ним и рассчитывая только на то, что правда на твоей стороне и что это само по себе является достаточной притягательной силой». Я возражал А<лександру> Н<иколаевичу> приблизительно так. Силу дает действительное единение, а не подделка под него. Радикалы охотно идут на совместное участие с нами в разных заседаниях и совещаниях совсем не для того, чтобы приобщить наши силы к своим, а с единственной целью растворить их, сделать ничтожными

и за счет их уничтожения увеличить свои. Мы при общении с ними преследуем ту же цель. Итак, прежде всего, никакого действительного единения в таких общениях нет, да и не может быть, так как слишком различны наши пути. Мы стремимся к установлению представительства с целью помочь власти, они — с целью свалить ее и занять ее место. Мы считаем, что создавшее Великую Россию самодержавие нужно ей и теперь, им противна самая идея самодержавного строя и ненавистен самый лик самодержца. Мы ведем с исполнительной властью мирную борьбу, в стремлении побудить ее лучше охранять существующий строй, они объявили войну и строю и власти, так как последняя хотя и плохо, но все-таки охраняет этот строй. Мы решительно отвергаем и осуждаем террор, как средство борьбы с властью, они склонны его оправдывать и даже поощрять. На чем и как мы можем объединиться с ними?

Теперь о риске потерять влияние на общественность.

Значительная часть интеллигенции заражена радикализмом. Она хорошо нас знает и все равно за нами не пойдет. Если даже она и встанет под земский флаг, то лишь для того, чтобы использовать его для пополнения своих рядов за счет колеблющихся: «Земство с нами, чего же еще нужно? Идите и вы к нам, оставьте ваши колебания». Но стоит им добиться власти, и от земства не останется камня на камне. О каком же влиянии на эту часть интеллигенции можно говорить? И не лучше ли, не надежнее ли будет ограничиться тем, чтобы сберечь симпатии тех, кто пока еще не обольщен радикализмом и верит нам. Ни пренебрегать радикалами, ни чуждаться общения с ними я не хочу. Я хочу с ними открыто бороться и без боя не сдавать им ни одной позиции. Поэтому я и обвиняю Д.Н. Шипова. Он именно, как я понимаю, без боя сдал важнейшие позиции. Если даже и есть основания сомневаться в том, что радикалы не имеют большинства в земских собраниях, то не следовало только под давлением сомнений уступать в их притязаниях на большинство в «Бюро земских съездов» и в ноябрьском совещании. Говорят, что при совместной работе с нами радикалы предъявляют более умеренные требования. Это правда: постановления ноябрьского совещания равносильны отказу земства присоединиться к «освободительному движению». Но ведь это не последнее совещание, им ведь только начата наша открытая работа в области внутренней политики, и потому проявленная радикалами умеренность не более, как один из их тактических шагов. Они также сомневаются в том, что имеют большинство, и показать себя умеренными им нужно, чтобы сделать это большинство несомненным. Если это им удастся, если они уверенно почувствуют свою силу, их умеренность немедленно отойдет в область воспоминаний.

Наш спор окончился вничью: мы не убедили друг друга. Кто из нас оказался правым? Вынужденное рассеяние двух миллионов русских по всему земному шару могло бы, может быть, стать ответом на этот вопрос. Но этого не случилось, спор о «виновности» продолжается.

Мои мечты о занятиях в Петровском А<лександр> Н<иколаевич> советовал оставить. «Не то время теперь, — говорил он. — Конечно, досадно, что

ты оборвешь то, к чему стремился и на что уже ушло немало энергии и средств. Может быть, кое-что потеряешь и в будущем. Но, как ты видишь, земству предстоит чрезвычайно большая и ответственная работа. Поэтому каждый, кто «способен носить оружие», должен становиться в «строй». Становись и ты».

Я не помню точного срока созыва того чрезвычайного губ<ернского> зем<ского> собрания, о котором мы с А.Н. Боратынским упоминали в нашей беседе. Если не ошибаюсь, это было летом 1905 г., когда уже начались кое-какие беспорядки в 2-3 южных уездах губернии, которые выразились в поджогах некоторых усадебных построек, в обсуждении на сельских сходах вопроса о захвате помещичьих земель, в неисполнении законных требований полиции и администрации и т.п. Можно было ждать, что в кулуарах земского собрания будет по этому поводу немало разговоров. Так и вышло. Гласные в один голос утверждали, что пропаганда в деревнях заметно усилилась; что местные агенты полиции под влиянием угроз действуют вяло, и агитаторы свободно разъезжают и выступают на сходах; что некоторые волостные писаря и их помощники, а также кое-кто из земских служащих также позволяют себе или вести пропаганду, или разными способами содействовать агитаторам, которые большей частью приезжают из Самарской, Симбирской и Саратовской губ<ернии>.

Губернатором в Казани был в то время Хомутов⁵⁹ (не помню его имени и отчества). Это был очень благожелательный человек, любезный и мягкий в обращении. Он всегда старался содействовать всем, не прибегал к «усмотрению», но и не искал популярности. Симпатичный был человек. Но как администратор он был довольно слаб и полицию распустил. Так, один из исправников, Ефимов, усиленно читал серьезный, но радикального направления журнал «Право» и открыто утверждал, что вмешиваться в беспорядки полиции не следует, что идет «проявление нормального исторического процесса» и, как только «народ добьется наиболее либеральной конституции», все само собой придет в порядок. В устах исправника такие речи были довольно дерзновенными.

Все это, а также рассказ А.Н. Боратынского о нашей беседе и о выводах, к которым мы пришли, было подробно обсуждено в кружке «алых роз», а П.И. Геркен, бывший тогда председателем губ<ернской> управы, сообщил, что последняя предполагает выступить в зем<ском> собрании с двумя предложениями, которые, как раз, и имеют в виду принятие некоторых мер к ослаблению влияния пропаганды.

Первое предложение, инициатором которого является К.П. Берстель, состоит в следующем.

Частные страховые общества стали отказываться от принятия на страх построек частных владельцев в деревнях, а, кроме того, объявили, что не будут выдавать премий за те убытки, которые получились от пожаров, происшедших «на почве народных волнений». Это ставит владельцев в очень затруднительное положение: нет ни средств на восстановление сгоревших построек, ни уверенности, что поджоги не повторятся. Агитаторы, разумеется, подхватили этот

немаловажный козырь для своей игры и усиленно рекомендуют «выкуривать помещиков». Таким образом, владельцы как бы вынуждаются к полной ликвидации своих хозяйств, провести которую в настоящее время нелегко даже и с большими убытками. Губ<ернская> управа предполагает испросить у зем<ского> собрания разрешение безоговорочно выплачивать премии за сгоревшее имущество, принятое на страх по добровольному земскому страхованию. Г<убернская> управа ждет от такой меры добрых последствий. «Выкуривать» владельца при условии, что за свое сгоревшее имущество он во всяком случае получит премию, теряет смысл: не будучи разоренным, он удержит имение в своих руках. Поэтому погромщики рискуют понести заслуженную кару, что пока еще не исключается, не достигнув поставленной цели.

С другой стороны, добровольное земское страхование быстро и значительно увеличит свою клиентуру, что пока удавалось плохо, благодаря конкуренции частных обществ. Возможно, что сейчас, когда волна погромов еще не миновала, придется потерпеть чувствительные убытки, зато потом, по восстановлении порядка, эти убытки будут с излишком покрыты усиленным притоком новых страхователей. Входя с таким предложением, Губ<ернская> управа не хочет скрывать, что призывает собрание рискнуть. Но сейчас рискуют все, и, может быть, победителями окажутся те, кто рискует сильнее.

Здесь я считаю нужным сделать некоторое пояснение.

Земства ведали двумя видами страхований: обязательным и добровольным⁶⁰. Первое было установлено законом и касалось только страхования от огня построек, находящихся в черте селений. Этой мерой законодательство стремилось помочь крестьянам, в известной мере автоматически обеспечивая покрытие убытков от сельских пожаров. Таким образом, земство было здесь только исполнителем закона, правда, с некоторыми присвоенными правами устанавливать оценки, тарифы и т.п. Капитал обязательного страхования по существу принадлежал всем крестьянам губернии. Земство им ведало, но распоряжаться могло только в известных, также определенных законом, пределах.

Добровольное страхование было мероприятием чисто земским, необязательным ни для страхователей, ни для земства. Отдавать свое имущество на страх добровольному страхованию могли все, в том числе и крестьяне, платящие обязательный страховой сбор. Выгода этого вида страхования состояла в том, что принимаемые на страх имущества оценивались особыми агентами и инспекторами, причем оценки были значительно выше общих для всей губернии оценок, действовавших при обязательном страховании. Кроме строений, в добровольном страховании можно было застраховать и движимое имущество и скот.

Сословного характера капитал добровольного страхования не имел, его хозяином было земство.

Разумеется, что каждому из указанных капиталов велся отдельный счет.

Итак, предложение губ<ернской> управы ни в какой мере не было покушением на то, чтобы убытки, происшедшие благодаря учиненным крестьянами поджогам, оплачивались хотя бы и косвенным образом со счета крестьян.

Второй проект губ<ернской> управы, возникший, насколько я помню, по инициативе П.И. Геркена, состоял в том, чтобы устроить в Казани съезд всех уездных гласных. Такое собрание не предусматривалось законом, поэтому предполагалось придать ему характер частного совещания⁶¹. Его задачей, по мысли управы, должно было стать определение отношения земств всей губернии к волнующим страну событиям. П.И. Геркен высказывал твердое убеждение, что подавляющее большинство такого совещания, а в том числе и гласные крестьяне, не только осудит беспорядки, погромы и террор, но и признает необходимым ответить на погромную пропаганду контрпропагандой, что явилось бы для власти большой подмогой в восстановлении порядка.

Нечего и говорить, что в этом проекте также было немало дерзновения. Взгляды гласных дворян были известны, представители казны и уделов могли голосовать только за то, что шло на помощь и содействие власти. По отношению к крестьянам никакими расчетами руководиться наверняка было нельзя. Здесь гораздо больше было веры и убеждения в том, что беспорядки вдохновляются и организуются исключительно пришлым элементом, а осуществляются отбросами крестьянства. П.И. Геркен этого и не скрывал. Он говорил: «Я знаю, что все крестьяне лелеют мечту об увеличении своих наделов, но я убежден, что для ее осуществления они ищут законных путей, приводящих к заключению крепостных актов на владение — «крепостей», по их терминологии, — по которым угодья переходили бы к ним «на вечность». В непрочности того, что достигнуто насилием, и в наказуемости всякого беззакония крестьяне не сомневаются. Поэтому им нетрудно будет и осудить насилие».

Проект П.И. Геркена очень меня увлек, тем более, что я разделял его взгляды на современную психологию крестьянства. Я горячо поддерживал предложение управы, указывая, между прочим, и на то, что такое внушительное по составу и количеству участников совещание должно произвести сильное впечатление на общественность и привлечь на сторону земства немало колеблющихся. Впрочем, серьезных возражений не раздалось ни с чьей стороны, и в итоге «алые розы» «благословили» П<етра> И<вановича> и его сотоварищей представить вниманию зем<ского> собрания оба проекта. Сговорились по ним предварительно в столовой. В открытом заседании после оглашения доклада о порядке выдачи премий по добровольному страхованию выступил лишь профессор А.В. Васильев. Он указывал, что г<убернская> управа призывает собрание к большому риску. Капитал добровольного страхования может быстро растаять, а принятые обязательства земство должно будет выполнить. Придется прибегать к займам, своевременное покрытие которых весьма сомнительно. Таким образом, фактически мероприятие будет оплачено крестьянами, как главными плательщиками земского сбора, т.е. отпадает один из основных мотивов доклада.

Мнение А<лександр> В<асильевича> было основательным, и в другое время при иной обстановке оно могло найти немало сторонников. Но тогда было ясно, что выступление сделано по соображениям политического, а не делового свойства. Поэтому возражать А<лександру> В<асильевичу> никто не стал. Этим значение его речи было сведено на нет, так как мотивов для возражения его сторонникам не осталось. Доклад г<убернской> управы был принят.

По вопросу об устройстве частного совещания всех уездных гласных по каким-то соображениям не выступила и оппозиция. Поэтому и это предложение г<убернской> управы прошло совершенно гладко.

Мне придется теперь забежать вперед. Мрачные пророчества А.В.Васильева не сбылись. Убытки по пожарам, происшедшим во время беспорядков, были невелики и капитала добровольного страхования хватило с большим избытком. Приток же новых страхований настолько усилился, что вскоре были покрыты не только эти убытки, но возрос и самый капитал.

У меня нет прямых доказательств тому, что проведенная мера способствовала прекращению поджогов. Но об одном случае мне все же хочется рассказать. Я приехал на воскресенье в Сергеевку. Был ясный, тихий вечер. Я вышел за ворота, присел на какие-то бревна и стал наблюдать за тем, что делается за речкой в деревне. Вижу — собралась группа крестьян. Они недолго и бесшумно поговорили между собой и двинулись ко мне. После взаимных приветствий я предложил им присесть со мной на бревна и рассказать новости. Начались шутки, пересказы базарных сплетен, после чего мои гости спросили, правда ли, что в соседних губерниях и в южных уездах нашей идут беспорядки и поджоги усадеб. Я рассказал все, что знал. Тогда они стали заверять меня, чтобы я был совершенно спокоен, так как с их стороны никаких «безобразий» сделано не будет. Я ответил, что глубоко в этом убежден и потому совершенно спокоен. «Только вот что, барин, — завел речь который-то из них, не то Дмитрий Ухов, не то Петр Степанов. — На нас вы можете положиться, а кругом по деревням всякий народ. Студенты — так в то время крестьяне называли агитаторов — разъезжают, смущают, на грех мастера нет. Мы так надумали: продайте нам землю, спокойнее вам будет». Я сказал, что продавать землю не намерен, так как люблю хозяйство и считаю себя обязанным его вести. А кроме того, я служу в земстве, и земля мне нужна, как ценз. Пожаров же не боюсь, так как усадьба и движимость застрахованы в добровольном земском страховании, и если что-нибудь сгорит, я получу деньги и выстрою вновь. «А нам сказывали, теперь за пожары перестали платить», — с некоторым недоумением заявили мои собеседники. «Да, — ответил я, — частные общества перестали, но вот недавно было губ<ернское> зем<ское> собрание, которое решило платить за всякие пожары. Разве вы не слышали об этом?»

«Нет, не дошло пока до нас. Ну, это правильно сделано. Выходит, озорникам теперь нет расчета безобразничать», — услышал я несколько голосов. Не берусь сказать, было ли искренним одобрение поступка земства, но сорвавшаяся фра-

за — «озорникам нет расчета безобразничать» — была сказана, как мне тогда показалось, без всякой задней мысли.

На частное совещание собрались почти без исключения все гласные, так что общее число участников было что-то около двухсот. Крестьяне явились особенно тщательно одетыми, в хорошо вычищенных сапогах, в новых поддевках. Публику пустили только на хоры, по особым билетам или рекомендациям гласных, чтобы избежать провокационных выступлений. Хоры были переполнены, чувствовалась какая-то особенная торжественность.

По предварительному сговору было решено, что с речами выступят П.И. Геркен, А.Н. Боратынский и я. Но, конечно, и всем желающим, как всегда на земских собраниях, будет предоставлено слово.

Совещание открылось краткой вступительной речью губ<ернского> председателя дворянства, предложившего избрать председателя совещания. Дружными возгласами и аплодисментами его же и выбрали⁶². Слово предоставляется П.И. Геркену.

Я смутно помню содержание произнесенных речей, в том числе и своей. Поэтому я отмечу лишь то, как они были сказаны, какое произвели впечатление и как вообще проходило и закончилось совещание.

П.И. Геркен превзошел самого себя. Его блестящая речь, произнесенная с большим подъемом, то и дело прерывалась громом аплодисментов, которые перешли в настоящую овацию при заключительных словах: «Пусть знает армия, что мы сумеем охранить ее тыл и поможем ей достойно завершить ее подвиги».

И вдруг совершенно неожиданный инцидент. Поднялся и потребовал слова В.П. Куприянов. Очередь была за А.Н. Боратынским. Он уступает ее. В.П. Куприянов сильно волнуется и, не обладая хорошей дикцией, говорит так невнятно, что трудно его понять. Однако к концу речи он овладевает собой и уже достаточно громко и ясно произносит приблизительно следующее: «Довольно бесцельного и позорного кровопролития на полях Манчжурии. Если власть и дальше не удовлетворит справедливых требований народа и не уступит своего места лучшим людям, свободно избранным страной, кровавые жертвы потребуются не там, а здесь».

Сдержанное движение в зале и на хорах. Кое-кто приподнялся. Переговоры полушепотом. Председатель волнуется и советуется с П.И. Геркен. К В.П. Куприянову подходит Н.А. Казем-бек, что-то тихо ему говорит, и оба выходят из зала. Через несколько секунд раздаются какие-то возгласы и шум на площадке перед выходной лестницей. П.И. Геркен бросается туда и, возвращаясь, бросает на ходу: «Казем-бек дал пощечину Куприянову и спустил его с лестницы». Вслед за ним тихими шагами входит бледный, как полотно, Н.А. Казем-бек и садится на свое место. Встает и демонстративно уходит А.В. Васильев. Растерявшийся было председатель совещания неестественно громко заявляет: «Прошу гг. членов совещания занять места, заседание продолжается. Слово принадлежит А.Н. Боратынскому».

Не берусь даже и приблизительно передать удивительную речь А<лександра> Н<иколаевича>. Началась она выражением глубокого огорчения по поводу только что происшедшего. Развивая эту тему и удачно переводя ее на то, что переживает страна, А<лександр> Н<иколаевич> так задушевно, сердечно и горячо призывал к примирению, что в те моменты, когда, напрягаясь сдержать свое волнение, он вынужденно долго останавливался на точках, возгласы одобрения и аплодисменты не давали ему начать следующей фразы. Слушая его и также волнуясь, я следил за крестьянами. Обернувшись к А<лександру> Н<иколаевичу>, они точно жадно пили его слова, и у многих глаза блестели от слез. Нечего и говорить, что после этих двух речей моя, как я чувствовал, была очень слаба. Точной редакции резолюции я, к сожалению, также не помню. В ней посылали ободряющие приветствия армии, был призыв к успокоению, осуждался террор. Приняли ее единодушно, с шумными аплодисментами. Но не только в этом было положительное значение совещания. Оно несомненно произвело очень сильное впечатление на крестьян. В самых искренних тонах они расхваливали речи, говорили, что только теперь они поняли, что такое губернское земское собрание, усиленно благодарили П.И. Геркен и всю управу за «хорошее дело», оживленно беседовали с гласными разных уездов. Даже мои козьмодемьянские сотоварищи — чуваши и черемисы — разошлись и разговорились. Прощаясь, все единодушно утверждали, что не забудут этого дня, и обещались по возвращении домой объяснить на своих сельских сходах «чем решилось дело»⁶³.

Местная пресса реагировала слабо: появились лишь отчеты хроникеров. Но в клубах и в обществе было много разговоров и споров по поводу совещания.

Возвращаясь к чрезвычайному земскому собранию. На нем определилась и моя судьба. К.П. Берстель, заведовавший в качестве члена губ<ернской> управы страховым отделом, уезжал на Дальний Восток, уполномоченным от дворянской организации. Управа находила, что на время его отсутствия необходимо заменить его специально избранным лицом — уполномоченным губ<ернского> зем<ского> собрания, с чем последнее и согласилось. Вслед за сим неожиданно для меня на должность уполномоченного была выдвинута моя кандидатура⁶⁴. Оказалось, что П.И.Геркен и К.П.Берстель переговорили об этом с гласными, но мне нарочно ничего не сказали, чтобы взять меня врасплох. После некоторых колебаний я согласился баллотироваться и был избран.

Так началась моя служба в исполнительном органе губернского земства.

Обстановка, в которой она протекла и закончилась, в значительной мере зависела от моих взглядов и действий политического свойства. Поэтому в рассказе о ней многое будет более понятным и объяснимым, если я теперь же дам справку о своем участии в политической работе.

Особой склонности к политике я никогда не ощущал. Партийная тактика, т.е. действия, которые нередко предпринимались с целью обмануть политического противника и на этом сорвать большинство, с самого начала и до конца отвращала

меня. В Козьмодемьянске, как я уже говорил, я усиленно отмахивался от политики. Но начиная с 1905 года, особенно богатыми событиями крупного политического значения, в нее втянулась вся общественность, и отказ от нее был бы для активного земского деятеля почти равносильным отказу от земской работы. Подробный рассказ о беседе с А.Н. Боратынским и о том, как проходило совещание всех уездных гласных, дает возможность судить о некоторых моих взглядах. Они тогда не укладывались — да и потом не уложились — в рамки партийных программ. Зато совершенно определенно захватила меня мысль о необходимости сильной борьбы с надвигающейся революцией, которую я не предвидел, но едва ли ошибусь, если скажу, что предчувствовал. Обдуманного плана этой борьбы у меня не было, но вышло как-то само собой, что все действия или шаги, которые я предпринимал, сводились к тому, чтобы, во-первых, по возможности парализовать деятельность тех лиц или группировок, которые представлялись мне опасными, и, во-вторых, посылить содействовать возникновению антиреволюционных течений в самом населении. Незначительная общественно-политическая роль, которая выпала на мою долю и которую я заслужил по своей подготовке, стажу, способностям и имевшимся у меня материальным средствам, не позволяла мне занимать в предпринятой борьбе важные позиции. Я был только мелким партизаном. Расскажу, тем не менее, все, что сохранилось в памяти.

Как я уже упоминал, беспорядки в деревнях не приняли в Казанской губ<ернии> особенно больших размеров. Но в самой Казани к осени 1905 года настроение было тревожным. Вслед за обнародованием Манифеста 17 октября, которым было даровано народное представительство с законодательными функциями, революционные организации проявили большую активность. По городу ходили внушительные толпы манифестантов с красными флагами. Здание городской думы было занято революционерами, полиция под натиском толпы сдала свои посты и оружие, на перекрестках улиц и на площадях появились милиционеры — молодые люди, а иногда девицы с красными повязками на руках, вооруженные револьверами и саблями. Губернатора Хомутова заставили возглавить какую-то процессию, после чего, как говорили, с ним сделалась истерика. Никто ничего не понимал и не мог ни в чем разобраться. Большинство обывателей предпочло прятаться по домам, но многие ходили и по улицам, наблюдая за девицами-милиционерками и даже задавая им немало вопросов провокационного свойства. Это продолжалось, кажется, 2-3 дня и совершенно неожиданно кончилось тем, что появились процессии с портретами Государя и пением национального гимна. Число участников в этих процессиях было так велико, а их решимость вступить в бой так явственна, что революционеры трусили и стали разбегаться. Засевших в городской думе осадили и стали обстреливать. Они было ответили огнем, но, испугавшись, что все выходы будут заняты, бросились наутек. Их ловили, многих жестоко избили, а адвоката еврея Михайлова, который, выбегая из дверей не то выстрелил в толпу, не то выкрикнул какую-то оскорбительную фразу, схватили, обезоружили и растерзали⁶⁵. Вскоре обезоружили и сняли с постов

остатки милиционеров и водворили на свои места полицейских. В один день порядок был восстановлен. Кто организовал и возглавлял это движение, я не знаю и, насколько помню, не знали и власти. Известным стало только то, что наиболее энергичными участниками его оказались мясники, рыбаки, а также мелкие ремесленники и торговцы с городских окраин.

Разговоров и споров по поводу Манифеста 17 октября было немало, причем спорящие, конечно, желали прочесть в нем то, что соответствовало их стремлениям. Лично меня редакция Манифеста не удовлетворила. В нем, как мне казалось, было много неясностей и отпечатков вымученных компромиссов. Неясно было и главное, остается самодержавие или нет. Такой взгляд разделяли многие в наших земских кругах, а радикалы, усматривая, что власть все-таки не капитулировала и что «настоящей» конституции Манифест не давал, выкинули лозунг: «война продолжается». Крайне правые считали манифест не добровольным, а вынужденным актом, на который власти пришлось пойти под давлением беспорядков, всеобщей забастовки и т.д. Это давало повод к надеждам, что, овладев положением, власть сумеет свести на нет этот по существу своему «ничтожный» документ. Итак, накопившееся в стране недовольство Манифест как будто не уничтожил. Ни удовлетворения, ни успокоения он не принес. Да и мог ли в то время, если судить беспристрастно, внести успокоение даже и самый совершенный по изложению и ясности акт, если бы то, что он давал, соответствовало более или менее умеренным требованиям. Вглядываясь во все, что творилось, прислушиваясь к разнообразным мнениям и спорам, я и многие из земцев приходили к выводу, что перед властью лежали только два пути: или капитулировать и отдать судьбы страны разбушевавшейся улице, или задавить революцию с тем, чтобы вслед за сим энергично приступить к реформам, необходимым для создания в стране довольного большинства. Власть выбрала второй и естественно, что те, кто честно не желал ее капитуляции и не заигрывал с революцией, оказались на ее стороне, одни — и, как я думаю, большинство — доверяя обещаниям последующих реформ, другие — меньшинство — не придавая этим обещаниям значения или даже лелея надежду, что им не суждено будет сбыться. Я принадлежал к первым. Грозные проявления лика революции были, как мне казалось, настолько яркими показателями необходимости реформ, что никакая власть не посмела бы отделяться только обещаниями. А если в процессе их выполнения и была бы обнаружена неискренность и появились бы кое-какие увертки, общественность и народное представительство могли бы найти способы и средства, чтобы выровнять уклоны.

Предстоял Общеземский съезд. На этот раз бюро съездов предложило губ<ернским> земским собраниям избрать представителей. Но, разумеется, одними выборами собрания не ограничились. Раздалось немало голосов, что созыв съезда в такое тревожное время нежелателен и что с формальной точки зрения земство даже не вправе производить такие выборы. В Туле, где это мнение победило, выборы не были произведены. У нас в Казани тоже были споры, но под

влиянием аргумента, что «отсутствующие всегда виноваты» и что съезд все-таки состоится, но только в еще более нежелательном составе, собрание решило избрать представителей. Избранными оказались П.И. Геркен, Ю.В. Трубников, Д.П. Арцыбашев и я. Цель съезда была нам известна лишь в самых общих чертах: установить взгляд земств на происходящие события и высказать пожелания о мерах, необходимых для успокоения страны. По существу этих вопросов земское собрание не вынесло никаких решений, не дав нам и никакого наказания. Нам попросту оказали доверие и послали с осведомительной целью, а также для того, чтобы запротестовать, если мы найдем, что это необходимо. Поэтому, когда по пути в Москву мы пытались хотя бы немного подготовиться к съезду, из этих попыток ничего не вышло.

С волнением поднимался я по широкой лестнице чудного Долгоруковского дома. В первый раз мне приходилось быть в такой обстановке среди съехавшихся со всей России земских деятелей, из которых знакомых было 5-6 человек. Впрочем, знакомства накапливались ежеминутно и смущение первых часов быстро миновало. Боюсь утверждать, но, кажется, тогда я познакомился, между прочим, с братьями А.И. и Н.И. Гучковыми. В моей памяти сохранилось лишь общее впечатление от съезда да некоторые отдельные моменты и эпизоды. Не помню я и резолюций, которые были вынесены, ни отдельного мнения меньшинства, хотя в редактировании его я принимал участие.

Председательствовал граф П.А. Гейден, высокий представительный старик, почтенный, всеми уважаемый земский деятель. Около него и в первых рядах разместились почти вся земская «элита»: И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев, Колюбакин, князь Петр и Павел Долгоруковы (хозяева дома), князь С.Н. Трубецкой, князь Д.И. Шаховской, князь Г.Е. Львов, Н.А. Хомяков, М.А. Стахович, Свечин (Черниговский председатель губернской управы), В.Д. Кузьмин-Караваев и др. В самом начале произошло некоторое осложнение. Съезд официально разрешен не был, полиция не знала, как ей поступить, шли спешные переговоры с Петербургом. Наконец, явился какой-то полицейский чиновник, произошли у него краткие переговоры с гр. П.А. Гейденом и дело обернулось так. Собрание было объявлено незаконным, и нам предъявили требование разойтись. Но так как мы этому не подчинились, то был составлен и оглашен соответствующий протокол, а всех нас попросили при выходе оставить свои визитные карточки с адресами полицейским, которые будут стоять на площадках выходной лестницы. Это делалось для того, чтобы облегчить возможность полиции привлечь каждого из нас к ответственности за неисполнение ее законных требований. Все это, по-видимому, делалось только для того, чтобы «сохранить лицо», так как потом никого к ответственности не привлекли.

Из всех речей в моей памяти запечатлелись две: И.И. Петрункевича и кн. Касаткина-Ростовского. Петрункевич говорил очень хорошо и с большим подъемом, что всегда производит впечатление. По содержанию его речь была очень боевой, и в одной из заключительных фраз слово «кровь» было подчеркнуто.

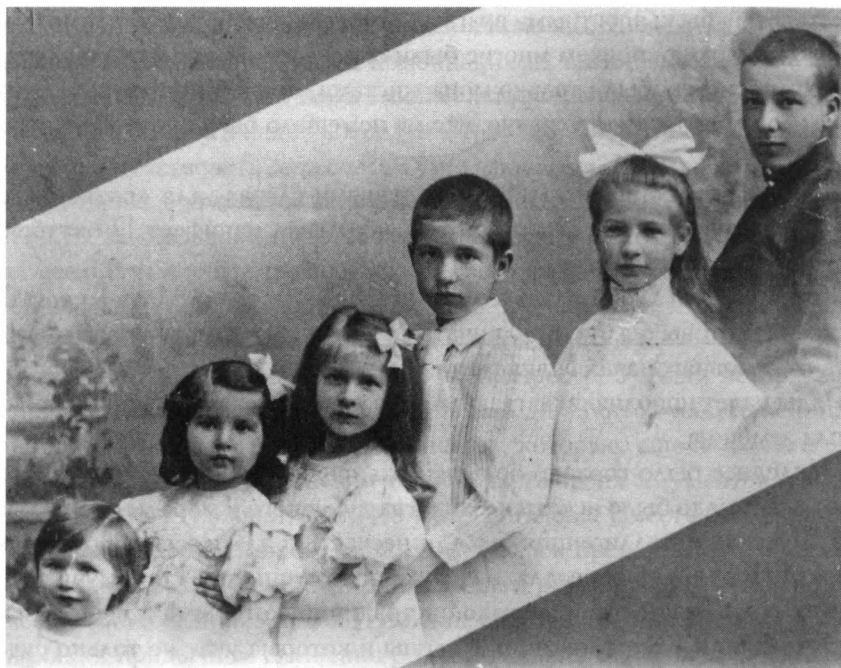
Пошел гул, раздались протесты. Вскочил представительный старик, кн. Касаткин-Ростовский и, сильно волнуясь, дал Петрункевичу горячую отповедь. Вот заключительные слова его речи: «И если мне придется погибнуть в кровавой схватке, то я предпочту пасть у ног Императора Николая II-го, а не у ног господина Петрункевича». Старик особенно подчеркнул два последние слова и произнес их в явно презрительном тоне.

Бюро, конечно, широко воспользовалось «правом» кооптации, и на съезд было приглашено несколько «весьма полезных и желательных» лиц, из которых некоторые не были даже губернскими гласными. К кооптированным принадлежал и князь Г.Е. Львов, будущий премьер Временного правительства. Его называли представителем Тульского земства, а на другой день произошел не лишенный пикантности эпизод. Приехали туляки, с председателем губ<ернского> зем<ского> собрания Салтыковым во главе прямо в ресторан, где завтракали многие из правого меньшинства съезда, и рассказали следующее. Тульское земство отказалось выбирать представителей на съезд. Узнав из Вечерней Московской газеты, что кн. Г.Е. Львов действует на съезде в качестве «представителя» Тульского земства, они срочно выехали в Москву, чтобы заявить протест и поместить в газетах сообщение о произошедшем «недоразумении». Бюро съезда не вяло их протесту, а все газеты, за исключением «Московских Ведомостей» отказались напечатать их сообщение. Помещать его в одних «Московских Ведомостях» им не хотелось. Туляки уехали, ничего не добившись, а кн. Г.Е. Львов продолжал «представлять» Тульское земство.

Как и ноябрьское совещание 1904 г., съезд раскололся на два лагеря: радикально настроенное большинство и умеренное меньшинство. Впрочем, насколько помню, принятые резолюции не отличались в чем-нибудь существенном от резолюций большинства ноябрьского совещания, и ничего боевого в них не было: очевидно, что и самые рьяные радикалы опасались «перекрутить».

Несколько человек, в том числе Ю.В. Трубников и я, пошли с Н.А. Хомяковым завтракать в «Прагу». Взяли отдельную комнату, чтобы удобнее было поговорить. Беседа шла о том, что игра радикалов может довести до больших потрясений, если не удастся ослабить их влияние, противопоставить им иные организованные силы. Говорили с большим волнением, глубоко переживая сказанное. Взволновался даже обычно спокойный и сдержанный Н.А. Хомяков, а нервы пылакого и впечатлительного Ю.В. Трубникова не выдержали: он разрыдался.

Меньшинство съезда осталось при особом мнении, сущность которого состояла, как помнится, в том, что после Манифеста 17 Октября все поводы к оппозиции отпали, и земству надлежит всемерно содействовать власти в осуществлении предстоящих реформ. Написать особое мнение было поручено небольшой комиссии, в которую вошли М. Стахович, Н.А. Хомяков, П.В. Каменский (екатеринославский гласный) и я. Собрались у М.А. Стаховича. Он сидел за письменным столом без пиджака, красный от сильного умственного напряжения и писал проект особого мнения. Мы ждали, Н.А. Хомяков полупешпотом подтрунивал

Групповой портрет детей Н.А.Мельникова: Григория, Прасковьи, Дмитрия, Веры, Ксении, Натальи (по старшинству)

над М.А. Стаховичем. Вдруг стук в дверь, входит граф П.А. Гейден и, прежде чем поздороваться, заикаясь и волнуясь, восклицает: «там... там... у них.... черт знает, что делается.» Оказалось, что он только что был на совещании, которое устроили радикалы, и задорные речи, которые там раздавались, совсем его расстроили.

После этого съезда⁶⁶ образовались две политические партии: конституционно-демократическая, — «кадеты», как вскоре стали называть членов этой партии (через некоторое время к.-д. партия стала называть себя партией «Народной Свободы») и «партия 17 Октября» или сокращенно «октябристы».

В первую вошли радикалы и им сочувствующие. Лидером их стал П.Н.Милюков.

Во вторую — умеренные либералы. Лидером их стал А.И.Гучков.

Я не буду останавливаться на сравнении и критике программ этих партий: это довольно большой специальный вопрос. Но некоторые замечания все же сделаю.

«Кадеты» были защитниками парламентарного строя — правительство, ответственное перед народным представительством.

«Октябристы» отвергали парламентаризм.

«Кадеты» были яростными врагами самодержавия и допускали только ограниченную монархию, причем многие были определенными республиканцами.

«Октябристы» были только монархистами, причем многие находили необходимым сохранить самодержавие, что не помешало бы работе народного представительства.

Для «кадет» социалисты были «друзьями слева», для «октябристов» — врагами. Кадеты, не удовлетворяясь тем, что давал манифест 17 октября, были в оппозиции к правительству.

«Октябристы», довольствуясь тем, что было даровано Манифестом 17 октября искренне готовы были сотрудничать с правительством, если оно не будет отступать от основных начал Манифеста.

Ряды кадет пополнялись, главным образом, интеллигентщиной, к октябристам шла земщина.

Последнее было гораздо большей разницей, чем различие в программах. Именно здесь надо было искать несходства духовного и морального облика двух партий. Русская интеллигенция была, к несчастью для России, «беспочвенна», как образно в то время определяли ее духовную сущность. Не будучи тесно связанными с родными местами, не накопив традиций, которыми освещается и укрепляется чувство неотделимости от Родины и которые учат не только судить ее, но и глубоко понимать ее исторический путь, пробуждая к ней светлую, чистую и беззаветную любовь, представители интеллигенции нередко бывали патриотами «постольку поскольку». Они не ощущали Родину бесценной, она могла быть для них не только матерью, но и мачехой. Они не страдали, видя недостатки и грехи своего народа и власти и не каялись в сознании, что в этих грехах прежде всего повинны сами. Они только упрекали и осуждали и, опьяненные бесконечным самомнением и завистливыми, злобными побуждениями, объясняли все беды тем, что их не допускают до власти, что им не дают возможности испробовать на девственных русских просторах, с общиной, с неграмотным наполовину населением, с десятками инородческих племен и народцев по важным окраинам, с Польшей и Финляндией, «блестящие» опыты западно-европейских стран, тесных, однородных по составу населения, почти сплошь грамотного и тщательно разгородившего пространства на мелкие кусочки единоличного владения. Тем не менее, влияние интеллигенции было значительным. В ее рядах было немало талантливых, высокообразованных и ученых людей, «мозг страны», как горделиво говорили «кадеты». Что должен был испытывать земский врач, статистик или учитель, читая в своем захолустье блестящие речи, доклады и статьи выдающихся адвокатов, профессоров или журналистов, где было так много эрудиции, обоснованных доказательств, удачных сравнений? Тянула к интеллигенции и крупная буржуазия — банкиры, промышленники. У них были уже окрепшие связи с Европой, они были достаточно набалованы европейскими удобствами и соблазнами, многие заканчивали свое образование в европейских высших учебных заведениях. Учитывали они и то, что в Европе гораздо проще и практичнее организовано

все, что дает возможность наживать миллионы не только десятками лет упорного труда, но и ловкими маневрами и комбинациями, сравнительно легко и быстро приносящими богатства. Кто же в России был виновником «отсталости»? Конечно, власть, а потому и надо было идти к тем, кто стремится с ней сосчитаться. Лестно было и чувствовать себя совсем умными, и слушать обильно расточаемые похвалы, которые к тому же можно было оплачивать не так уж дорого.

Печать, за небольшими исключениями, также была в руках интеллигенции. Ее домогательствам сочувствовали многие государственные деятели европейских стран, ей помогало международное еврейство. Естественно, что и родившаяся от нее политическая партия была влиятельной и сильной.

Земщина не имела перечисленных преимуществ. Ученым историкам и государствоведам она нередко противопоставляла дилетантов-любителей, профессиональным ораторам — робких докладчиков, которые, еще подходя к ораторской трибуне, забывали от волнения добрую часть своих аргументов и лишались способности толково изложить то, что у них осталось. Вместо банковских и промышленных тузов, в ее рядах чаще размещались представители местного сероватого купечества, мелкие предприниматели и ремесленники и только что появившиеся, малочисленные мелкие сельские собственники. Сила земщины была в традициях, в привычном служении родной земле, в ощущении ее близости, ее дыхания, в понимании ее пути и нужд, которое вытекало из накопленного жизненного опыта ряда поколений, а не из кабинетного разбора чужих образцов, и соблазнительных-то иногда больше потому, что они были не свои, а чужие. Печать не баловала земщину, с Европой почти никаких связей у нее не было, банкиры, крупная индустрия и еврейство особенного сочувствия к ней не питали и содействие ей не оказывали.

Итак, «октябристы», родившиеся от земщины, обладали лишь такими ценностями, которые в переходные, смутные времена расцениваются на политической бирже невысоко. Поэтому, чтобы занять при политической борьбе важные позиции, им потребовалось немало времени и труда. В Государственную Думу первого и второго состава они прошли в небольшом числе, и лишь в Третьей Думе оказались представленными сравнительно с другими партиями очень сильно.

Почему же на общеземском съезде большинство все-таки оказалось на стороне радикалов, т.е. интеллигентщины, а не земщины, главным ядром которой и были, ведь, земские деятели? Отчасти это объясняется сказанным, но были и другие причины внешнего и внутреннего свойства.

Съезд организовало все то же бюро, которое год тому назад созывало частное совещание земских деятелей и в составе которого радикалы преобладали. Всякому, кто знает технику организации многочисленных собраний, хорошо известно, какое огромное значение имеет организующее учреждение. Собрание в 200 человек, большинство которых придерживается умеренных взглядов, может принять далеко не соответствующее этим взглядам решение, если более левое меньшинство в 60—70 человек будет хорошо дисциплинировано и четко выполнять заранее

распределенные роли. В самом деле. Съехались со всех сторон провинциалы-земцы без всякой подготовки, не зная иногда, что от них потребуется и рассчитывая хоть сколько-нибудь ориентироваться, прослушав речи «элиты». В кулуарах, за завтраками и обедами подготовленные кадры начинают умело воздействовать на эту массу. Если каждый из кадровых уговорит хотя бы одного, желательное для устроителей большинство обеспечено. Надо сказать и то, что далеко не все земцы, которые исповедовали радикальные взгляды, обладали свойствами, о которых я говорил, характеризуя интеллигентщину. Их радикализм был особого оттенка, их духовный облик был часто совершенно иным. Родись они сто лет тому назад, они были бы декабристами. В них было много рыцарства и жертвенности. Родину они любили сыновней любовью. Они были способны к крайним увлечениям, но блуд и предательство были противны их натуре. Традиции земщины так или иначе наложили на них свою печать, и лишь благодаря целой цепи случайностей — неудач, разочарований или влияний, — они оказались захваченными тем политическим течением, к которому по своему складу, строго говоря, не подходили. Разве можно было сравнить неудержимо-пылкого Колюбакина, серьезных и честных кн. С.Н. Трубецкого, В.Д. Набокова, Свечина, кн. Д.И. Шаховского или даже довольно легковесного Ф.И. Родичева с П.Н. Милюковым, этим профессиональным блудодеем, который ни разу в своем блудовстве не раскаялся и не сделал не только ни одного благородного поступка, но даже и ни одного жеста, который бы свидетельствовал об его порядочности. Я не знаю, придется ли мне в дальнейшем упоминать это имя, так как не предполагаю надолго оставаться на политической части своего очерка. Поэтому сейчас же и открою свой грех, покаяться в котором все еще не нахожу сил: я не встречал в своей жизни ни одного человека, к которому я испытывал бы столь безграничное отвращение и которого считал бы столь злым врагом и столь искусным предателем Родины. Нехорошо делать такие заявления, не подкрепляя их доказательствами. Но для того чтобы их собрать и огласить, мало одной памяти и нескольких страниц отрывочных воспоминаний. П.Н. Милюков заслуживает того, чтобы его деяния были подробно изучены и описаны по документам. Этого, к моему огорчению, я не могу сделать. Поэтому скажу так: пусть те, кто «имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать», попытаются обозреть деятельность П.Н. Милюкова хотя бы только здесь, в нашем изгнании. Этого будет достаточно, чтобы, если не оправдать, то все же понять мои недобрые чувства.

Итак, радикально настроенные земцы были во многих отношениях обаятельными людьми и, так сказать, застилали собой злокачественные язвы радикализма и мерзость наиболее типичных его представителей. Поэтому те, кто был «диким», неустойчивым, не обладающим политическим чутьем и не отдающим себе должного отчета в последствиях различных политических шагов, — а таких земцев было немало, — сравнительно легко поддавались их влияниям и подчинялись их авторитету. Помню, как А.Н. Боратынский, политические взгляды которого были совершенно ясны и определены и который умел различать

людей, с восхищением отзывался в одной из наших бесед о кн. Д.И. Шаховском и Колюбакине. Помню и то, как уже значительно позднее тот же А.Н. Боратынский, П.И. Геркен, кн. А.А. Крапоткин и я, а также стоявшие гораздо правее нас Л.В. Эннатский, А.П. Горталов и многие другие зачитывались горячими речами одаренного В.А. Маклакова; он также по причинам, которые я не берусь объяснять, попал в «кадеты» из земщины и был настоящим «enfant terrible» к.-д. партии. Может быть, что П.Н. Милуков и другие кадетские заправилы и держались за него только потому, что лучшего примирителя с кадетизмом и соблазнителя колеблющихся трудно было найти. Нужны были убедительные жизненные уроки и время для того, чтобы земцы в политическом отношении достаточно возмужали и научились не делать правыми руками левой политики. 1905 год, когда революция попробовала сбросить свое покрывало, был, конечно, поучителен, но не до конца и не для всех. Радикалы еще могли прибегнуть к своему излюбленному аргументу: «все это потому, что нас не слушают и нам не дают распоряжаться». Надо было не только услышать их речи, но увидеть и оценить их действия. Эту возможность дала Государственная Дума 1-го и 2-го созывов и «Выборгское воззвание» — акт, который по степени позорности можно считать близким к Брест-Литовскому «похабному» миру⁶⁷. И вот перед выборами в 3-ю Государственную Думу, когда в Москве под председательством М.В. Родзянко, состоялся последний общеземский съезд, его облик и его настроение были иными. Из левой «элиты» первых съездов на нем не оказалось почти никого. За истекший срок земские собрания многих губерний «положили «кадет» на обе лопатки» и сменили составы губ<ернских> земских Управ. Съезд протекал в атмосфере полного единодушия и взаимного понимания. Созванный официально для суждений об изменении конструкции земских учреждений, он по существу оказался общим съездом «октябристов». Значительная часть его членов вошла от этой партии в состав 3-ей Государственной Думы и своей работой во время выборной кампании содействовала тому, что «октябристы» оказались в этой Думе с таким числом голосов, которого не имела ни одна из остальных партий.

Все это было первой большой победой земщины над интеллигентщиной. Частично она была использована и Государственной Думой, и властью, и земством. Их совместными усилиями, вдохновителем или одобрителем которых был один из замечательнейших русских государственных деятелей Петр Аркадьевич Столыпин, было проведено немало мероприятий крупнейшего государственного значения, которые содействовали исключительному расцвету экономической и хозяйственной мощи страны. П.А. Столыпина убили в 1911 году, а в августе 1914 вспыхнула война. Она замяла и затоптала многое из того, что было посеяно и дало хорошие всходы, и помогла интеллигентщине вновь захватить инициативу в свои руки. Первым плодом этой инициативы было «Временное правительство», вторым — Ленин.

IV

В Казани «Партия 17-го октября» по числу записавшихся членов была немногочисленна. Из состава губерн<ских> гласных, в нее, насколько помню, вошли: А.Н.Боратынский, В.В.Марковников, П.И.Геркен, Ю.В.Трубников, И.В.Годнев, А.И.Захарьевский, Д.В.Пенинский и я. Местная профессура была представлена М.Я.Капустиным, Разумовским, Варнеке, Богородским, Щербаковым, А.Н.Остряковым. Из купечества записался в партию влиятельный гласный Городской Думы Карякин⁶⁸ и несколько купцов-старообрядцев. «Октябристы» вообще были очень популярны среди старообрядцев, и в уездных городах последние нередко составляли ядро местных партийных ячеек. Из рядовых городских обывателей укажу на Н.А.Острякова (отец профессора), впоследствии одного из высших земских служащих. Он, между прочим, оказался одним из самых активных партийцев, не пропускал ни одного заседания, выступал с горячими речами по каждому вопросу и с увлечением исполнял хлопотливые секретарские обязанности. В то время очень многие из правых и умеренных не вступали ни в какие партии, предпочитая выжидать и не связывать себя какими-либо партийными путями. Этим и объяснялось, что записавшихся в партию «октябристов» было немного. Лично я вступил в эту партию не потому, что без оговорок соглашался с ее программой: партийные рамки, как я уже говорил, часто стесняли меня. Но при решении не быть на политическом поприще только зрителем, надо было иметь какой-то политический паспорт. Я предпочел взять его в той среде, где было много представителей земщины и симпатичных и близких мне по духовному складу людей.

Однако «сочувствующих» октябристам было очень много, что дало возможность партийному комитету, в состав которого входил и я, создать перед выборами в третью Гос<ударственную> Думу местный ежедневный партийный орган — газету «Обновление»⁶⁹. Редактором и главным сотрудником ее был проф<ессор> Варнеке, способный, живой и очень энергичный человек. Всей хозяйственной частью и корректурой ведал Н.А.Остряков. «Обновление» просуществовало около года и сыграло заметную роль при подготовке выборов. Я почти ежедневно заглядывал в редакцию, чтобы помочь Варнеке в его хлопотах, иногда писал статьи и заметки, но моей главной партийной обязанностью сделалась пропаганда. Служебные дела требовали от меня постоянных разъездов по губернии. Это дало возможность находить знакомства среди уездных обывателей. При встречах с ними я не пропускал удобных случаев заводить беседы на политические темы, что нередко кончалось открытием местных партийных ячеек. Особенными ораторскими способностями я не обладал, но, судя по общим отзывам, мне неплохо удавалось подмечать слабые места противников и вскрывать их тактику. Кроме того, я постоянно слышал, что в моих речах много «настроения» — любимое слово А.Н.Боратынского, — а это всегда хорошо действует на аудиторию. Поэтому перед выборами в 3-ю Государственную Думу, мне не раз приходилось

исполнять ответственные поручения. Так, напр<имер>, в том участке, в который входила так называемая Адмиралтейская слобода, где были Алафузовские заводы и жило много рабочих, наши шансы по предварительным соображениям и подсчетам были весьма шатки. На одно из предвыборных собраний наш комитет решил послать меня, на чем особенно настаивал М.Я.Капустин. Я усиленно отговаривался, так как рабочая среда была мне совершенно незнакома, и я боялся «не попасть в тон». Тем не менее, пришлось ехать и выступать. Неуверенно и робко начал я свою речь, нужные слова куда-то проваливались, голос обрывался, но «настроение» все-таки скоро пришло и передо мной начали мелькать одобряющие взгляды и жесты, что свидетельствовало, что «тон пойман». Особенно понравилось рабочим двустиишие, которым я закончил:

Хвосты есть у лисиц, хвосты есть у волков,

Так бойтесь тех хвостов.

Меня наградили продолжительными и дружными аплодисментами, многие подходили, жали руку, усиленно благодарили. Одним словом, получился несомненный успех, и, в результате его, наш список прошел и по этому участку.

Из «октябристов» в третью Гос<ударственную> Думу прошли М.Я.Капустин, И.В.Годнев, Карякин и я, т.е. 4 из 7 полагавшихся на губернию депутатов⁷⁰. Лучших результатов, с партийной точки зрения, нельзя было и ожидать. Нас поздравляли, фетировали, высказывали нам немало добрых пожеланий, а в напутственных речах слышались иногда такие надежды, будто и впрямь каждый из нас будет в состоянии повернуть руль государственного корабля по своему усмотрению. Впрочем, были и такие напутствия, которые помогали не особенно «зазнаваться». Чествовали М.Я.Капустина. Все по очереди расточали похвалы действительно почтенному и очень симпатичному человеку. Но вот встает его сотоварищ и близкий друг проф<ессор> Разумовский, и в полушуточном и самом добродушном тоне говорит примерно так: «Я хорошо знаю все достоинства моего друга М<ихаила> Я<ковлевича> и нахожу, что говорившие добросовестно их перечислили. Таким образом, мне остается сказать об его недостатках. Главный из них, который особенно часто будет проявляться в предстоящей М<ихаилу> Я<ковлевичу> работе — это то, что он профессор. Мы, профессора, привыкли к теориям и часто забываем, что даже наиболее блестящие из них далеко не всегда приложимы к жизни. Поэтому в роли экспертов или консультантов, когда надо дать справку, освещающую вопрос с научной точки зрения, мы полезны. Но за тот стол, где вопросы решаются, нас лучше не сажать: так наврем, что хоть святых выноси». Общий дружеский смех, друзья чокаются и целуются. Кто-то выражает уверенность, что М<ихаилу> Я<ковлевичу>, как профессору гигиены, нетрудно будет принять предупредительные меры против образования «односторонней полноты».

В Государственной Думе я пробыл недолго. По окончании первой сессии, я сложил свои полномочия, вернулся в Казань и вскоре был выбран членом

Губ<ернской> земской управы, заступающим место председателя. Объясню, почему так случилось.

В первые дни и недели по приезде в Петербург я пережил много незабываемых ощущений. Во фракции «октябристов» было много земцев, участников последнего общеземского съезда. Быстро познакомился со всеми остальными членами фракции, из которых большинство также были земцами и, таким образом, почувствовал себя в родственной среде. После нескольких фракционных заседаний, где часто шли оживленные и интересные прения, после бесед в кулуарах и за завтраками в уютной Думской столовой, стали завязываться и более тесные знакомства с теми, к которым я чувствовал особенные симпатии. Князь А.Д.Голицын, С.И.Шидловский, Звегинцев, М.А.Искрицкий, князь Н.С.Волконский, П.А.Неклюдов, граф И.И.Капнист, Н.В.Савич, барон Фелькерзам, Л.Б.Лютц и некоторые другие, имена и фамилии которых забыл, — вот те, с которыми я чаще обменивался мнениями и которых считал единомышленниками.

Очень приветливо встретили меня Н.А.Хомяков и А.И.Гучков, от которых я услышал много комплиментов за партийную работу в Казани. Очевидно, благодаря ему и Н.А.Хомякову я был избран одним из помощников секретаря Гос<ударственной> Думы, что дало мне возможность участвовать в заседаниях президиума и в так называемом Совете старейшин — совещательном органе при председателе Думы, в состав которого, кроме президиума, входили лидеры всех политических партий. При образовании различных комиссий я вошел в качестве члена в продовольственную, земельную и бюджетную комиссии.

Итак, все как будто складывалось благоприятно, чтобы начать работать. Я и начал с большим увлечением. Однако вскоре появились разочарования. Прежде всего, меня очень огорчала партийная борьба. Я, конечно, ее ожидал, но не думал, что она примет формы, которые так губительно действовали на всю работу. Борющиеся стороны находили множество зацепок, чтобы затянуть и осложнить дело, если это было выгодно с партийной точки зрения. По предыдущей деятельности я был набалован быстротой, с которой разрешались разные вопросы и осуществлялись мероприятия. Бесконечная канитель, да еще с такой несимпатичной подкладкой, раздражала и угнетала. Нередко в комиссиях стыдно было смотреть на несчастных представителей ведомств, принужденных целыми днями и вечерами выслушивать скучнейшие разглагольствования по пустякам, в то время как в министерствах их ждали срочные работы. Тревожило сознание, что на местах возникнет недовольство думской работой, так как не очень важное и не очень срочное, с точки зрения партийных лидеров, в губерниях и уездах считали важным и срочным. Немалое количество так называемой вермишели, т.е. разных мелких законопроектов, казалось мне досадной организационной недоделкой. Чтобы учредить в каком-нибудь уезде лишнюю должность станового пристава, надо было проводить через Государственную Думу соответствующий законопроект. Это давало левым повод не только пустословить о том, нужен ли он или нет,

но и расширять вопрос до подробных описаний всех ужасов режима, при котором безответственные министры только, будто бы, и делают, что игнорируют народное представительство, а губернаторы ничем, кроме беззаконий, не занимаются. Возмущала меня организованная травля правительства и отдельных министров. Конечно, правительство не всегда было право, а Министры не все одинаково талантливы и работоспособны. И, конечно, Государственная Дума обязана была, в порядке критики, обнажать и устранять недочеты в управлении. Но левыми этот вопрос ставился совсем не в этой плоскости: правительство было виновато, потому что оно правительство. А так как за это его нельзя прямо и честно обвинять, то обвинения заменялись сплетнями, клеветой, передержками, подтасовкой фактов и т. п. П.Н.Милуков артистически выполнял эти роли. Сколько времени уходило на это, того времени, которое принадлежало не депутатам, а стране и населению. Я часто думал, что законодательная инициатива Государственной Думы могла бы проявиться на разрешении «вермишельного» вопроса, а в наказе, которым регулировалась вся внутренняя ее жизнь, и который она сама выработывала, могли найти место статьи, которые бы помогли председателю не допускать инсинуаций. Но когда я заговаривал на эту тему с сотоварищами, то успеха не было. Одни как-то плохо слушали мои рассуждения, а многие находили, что я покушаюсь на прерогативы народного представительства.

В особенно интересной для меня фракционной работе, я начал замечать недостаток искренности, существование какой-то грани, которая отделяла партийную головку от партийной массы. Я понимал, что 150 человек могут лишь обсуждать дела, а делать их должен президиум. Но когда последний начинал влиять перед фракцией и требовать от нее решения, не осведомляя ее вполне и обо всем, мне надо было заставлять себя оставаться на заседании. Я старался уверить себя, что я не прав, что земская сноровка не применима в политической работе. Однако такие уверения не утешали, а приводили к выводу, что, может быть, и сам-то я «неприменим». Ощущение непригодности усилилось, когда я начал сравнивать себя с некоторыми другими, которые, несмотря на нашу Думскую канитель, заметно выделились из того большинства, значение которого, строго говоря, сводилось к голосованию по партийной указке. Они могли так или иначе влиять на дела и, придерживаясь известного плана, добиваться положительных результатов. Но у них было то, чем я не обладал: лучшая образовательная подготовка, связи и средства. Значение образовательной подготовки объяснять не нужно. Связи же и средства были необходимы, чтобы иметь возможность быть всегда и вовремя хорошо осведомленным, без чего активная политическая деятельность невозможна.

Как-то приехал в Петербург А.Н.Боратынский. Я покаялся ему во всех своих переживаниях, а затем мы вместе посетили Н.А.Хомякова в его частной квартире на Пантелеймоновской улице. Оказалось, что он испытывал примерно то же, что и я, но, может быть, еще в более сильной степени, так как, занимая ответственный пост председателя Думы, мог оказаться больше рядового депутата

виноватым в том, что законодательство тормозится и не успевает за потребностями страны.

К весне, как я ни обвинял себя в малодушии и торопливости, решение покинуть Таврический дворец окончательно созрело. Я сказал об этом А.И.Гучкову и своим казанским сотоварищам. Все уговаривали меня не делать этого шага, уверяя, что к процессуальным особенностям Думской работы я привыкну, а затем найду себе какую-нибудь специальную отрасль и сосредоточу все внимание на ней, что меня увлечет и ослабит угнетающее действие «тормозов». А.И.Гучков подкреплял свои аргументы еще и тем, что обещал выхлопотать для меня оплачиваемую синекуру в том страховом обществе, в котором он занимал один из командных постов. Это не произвело на меня рассчитанного впечатления, а, наоборот, подкрепило мое решение: я был еще слишком большим провинциалом для того, чтобы соблазниться синекурой.

Итак, мое пребывание в Государственной Думе не оставило заметных следов. А так как между понятиями «не делать полезного» и «делать вредное» можно без особой натяжки поставить знак равенства, то мои воспоминания об этом периоде, в общем, не особенно утешительны. В некоторую заслугу ставлю себе только одно выступление, о котором и расскажу.

В одном из фракционных заседаний, которое, помнится, шло за отсутствием А.И.Гучкова под председательством М.Я.Капустина, последний сообщил следующее. Бюро к<онституционно>-д<емократической> партии предложило нам уполномочить наше бюро устраивать с ним совместные заседания для предварительного рассмотрения разных вопросов и согласования решений по ним. М.Я.Капустин доказывал, что выполнение пожеланий к<онституционно>-д<емократической> партии будет крупным и важным шагом для упорядочения общей работы. А если принять в расчет, что деловое общение будет содействовать взаимному пониманию и, ослабляя партийные распри, приводить к приемлемым для обеих сторон компромиссам, то положительное значение предложения к<онституционно>-д<емократической> партии усиливается еще больше. Поэтому надежит, хотя бы «в виде опыта», не принимая на себя «никаких обязательств», испробовать эти совместные заседания.

У меня сразу мелькнула мысль, что «волк» надел «овечью шкуру» и стоит только нам соблазниться заманчивым призывом, мы, как самостоятельная и значительная политическая величина, перестанем существовать. «Кадеты» или расколют нас, или постепенно вовлекут в такие дебри, из которых нам трудно будет выбраться. Я достаточно насмотрелся на действие хороших речей и особенно их тона, видел и то, как тонкими намеками, ловко выхваченной цитатой из «доверительного» письма «авторитетного» корреспондента или сообщением о придворных интригах, основанном на «самых достоверных сведениях», можно так настроить доверчивых и доброжелательных людей, что они пойдут на решения, по существу не вытекающие из их основных взглядов. Смущало меня и отсутствие А.И.Гучкова в момент, когда дебатруется такой важный вопрос. А<лександр>

Иванович> был тонким политиком. Его отсутствие, как я думал, не было случайностью. Он знал свое влияние на фракцию и то, что его мнение обыкновенно побеждало. В этом случае ему, может быть, именно хотелось знать, как решат дело без него и сделать из этого соответствующие выводы. «Ну, пусть и делает», — подумал я и попросил слова. До меня записалось еще несколько человек, и, прежде чем выступить, я прослушал речи за и против предложения к.-д. (кадетов — А.А.). Настроение фракции было колеблющимся, со склонностью согласиться с М.Я. Капустиним. Я не помню даже приблизительно ни одной фразы из своей речи, но, судя по впечатлению, которое она произвела, думаю, что она была сильной и убедительной. Когда я кончил, раздались оглушительные аплодисменты, а при голосовании значительное большинство высказалось за то, чтобы отклонить предложение к конституционно-демократической партии.

Несколько позже М.Я.Капустин говорил мне, что если бы фракция согласилась с ним, многие последующие события приняли бы иной, гораздо более благоприятный оборот. Я не стал с ним спорить, зная, что мы все равно не убедим друг друга, да и доказательства у каждого из нас начинались частицей «если бы», т.е. были скорее пророчествами, чем доказательствами. Теперь, вспоминая этот вечер и последующую беседу с М.Я.Капустиним, я невольно перебираю в уме ряд фактов, которые, может быть, являются лучшим ответом на спор о том, что было бы, если бы ...

Факты таковы.

Третья Государственная Дума, несмотря на все отмеченные мной помехи, провела немало законов первостепенной важности. «Объединенной» деятельности партий «к.-д.» и «17-го октября» (октябристов — А.А.) в этой Думе не было.

Четвертая Государственная Дума продолжала дело, начатое третьей, но во время войны в ней образовался так называемый «Прогрессивный блок»⁷¹, в который вошли представители нескольких политических партий, в том числе «к.-д.» и «Октябристы». По идее объединение преследовало патриотическую цель: организацию победы.

Последующие события.

«Октябрист» М.В.Родзянко возглавляет в конце февраля 1917 г. Думский революционный комитет⁷².

«Октябрист» А.И.Гучков вместе с «правым» В.В.Шульгиным едут на ст. Дно вырвать у Государя отречение⁷³, не позаботившись даже о том, как и кто заполнит образовавшийся провал.

«Кадеты» П.Н.Милюков и А.И.Шингарев и тот же А.И.Гучков входят в состав Временного правительства, возглавляемого князем Г.Е.Львовым, который, если не ошибаюсь, официально не причислял себя ни к какой партии, но по должности председателя земского союза считался почему-то представителем всей русской общественности⁷⁴.

Через два месяца все они с большим или меньшим конфузом покидают свои министерские кресла и главным действующим лицом в правительстве становится А.Ф. Керенский, жалкая марионетка Петербургского «Совдепа».

Солдаты начали избивать офицеров и побежали с фронта. В стране анархия.

Через полгода Керенский успеваешь скрыться, воцаряется Ленин, заключается Брест-Литовский мир, за счет России в ее западной части образуется пять новых государств, а позже на востоке японцам за бесценок уступается Восточно-Китайская ж <елезная> д <орога> и вся огромная, богатейшая Маньчжурия также превращается в «самостоятельное» государство «Манчжоу-го»⁷⁵.

Прошло 20 лет. Россия все еще томится под игом большевиков; около двух миллионов русских эмигрантов выбиваются из сил, рассеянные по странам всего света; их дети становятся немцами, французами, американцами, китайцами и т.д.; П.Н. Милоков в Париже доказывает, что он был и остался непогрешимым.

Если моя работа в Государственной Думе не оставила, как я сказал, заметных следов, то лично для меня проведенный там год был в высшей степени полезен. Я с головой окунулся в ту атмосферу, где шла серьезная политическая борьба и действовали выдающиеся политические деятели страны, познакомился с законодательной техникой, встретил немало новых людей, между прочим, и из незнакомого мне круга высшей бюрократии, выслушал много интересных и содержательных речей и мнений и начал привыкать смотреть из центра на периферию, улавливая то, как отражаются на местах действия центра и как последний реагирует на местные настроения. Все это пригодилось.

С особенным чувством вспоминаю я первого председателя Госуд <арственной> Думы Николая Алексеевича Хомякова. Мне посчастливилось довольно хорошо его узнать и слышать не только его отдельные краткие замечания, всегда пронизанные тонким юмором, но и горячие, задушевные речи. Я видел не только его добродушно-насмешливую улыбку, но и огнем горящие глаза и вдохновенное лицо, и всегда мне казалось, что говорил он только от чистого сердца, а каждое его действие рождалось под влиянием самых благородных побуждений. Он был воспитан так, как в доброе старое время умела воспитывать Россия своих лучших людей: красивая, привлекательная простота, мягкость и скромность без всякого намека на деланность и театральность. Он никогда не говорил о своих патриотических чувствах, да и вообще громкие слова были чужды его речи. Ему и не надо было об этом говорить, до того неотделим был он от России, до того отражались во всем его существо и ее ширь, и воздух, и краски, и вся ее духовная полнота.

Его заместитель на председательском кресле, Михаил Владимирович Родзянко, был также красочной фигурой. Что стоили его рост, дородность и могучий, сочный голос, легко покрывавший шум, возгласы и крики четырехсотенной массы депутатов. Он отличался хлебосольством, добродушием, приветливостью, был хорошим русским барином в лучшем значении этого слова. Но большим умом он не обладал, переоценивал себя, любил иногда порисоваться и сравнительно легко

подчинялся влияниям. Может быть, поэтому он и соблазнился пойти на тот рискованный шаг, который спутал его хорошее имя с именами Керенского, Соболева, Чхеидзе и т.п. и которого, как твердо в это верю, он потом в глубине души не простил себе до конца своих дней.

Наиболее загадочным человеком был Александр Иванович Гучков. О нем много писали недавно, после его кончины, и бывшие политические враги, как, напр<имер> П.Н. Милюков и А.Ф. Керенский, и друзья, как напр<имер> Н.В. Савич, и, наконец, те, кто просто имел возможность близко видеть его и следить за его деятельностью, как напр<имер> Н.И. Тхоржевский и Г.Г. Карпов. Все они старались объяснить, по каким причинам А<лександр> И<ванович> «приложил свою руку к революции». На мой взгляд, полнее и лучше других характеризовал его Н.И. Тхоржевский. Тем не менее, мне также хотелось бы сказать о тех свойствах и качествах А<лександра> И<вановича>, которые я заметил и при общении с ним, и при наблюдениях со стороны.

А<лександр> И<ванович> был человеком недюжинного ума и обладал способностью подчинять людей и вести их за собой. Какая бы разногласица не шла во фракции «октябристов», как бы не казались непримиримыми спорящие, стоило появиться А<лександру> И<вановичу> и спокойным, тихим, но повсюду слышным голосом сказать свое мнение даже без подкрепления его тщательной мотивировкой, как все стихало и все с ним соглашались. Он был выдающимся оратором, и его хорошо построенные, сжатые речи привлекали не только красотой, но, главным образом, содержательностью и глубиной мысли. Он умел бить противника до конца, слабых мест у него не было, и возражать ему было нелегко. Не забуду его речи по польскому вопросу на одном из земских съездов, когда он разбил П.Н. Милюкова и таких ораторов, как Ледницкий и Дымша. Эта речь произвела глубокое, неизгладимое впечатление на многих. Россию А<лександр> И<ванович> любил горячо и был типичным русским человеком, несмотря на то, что высшее образование заканчивал за границей, главным образом в Германии, и что его мать была француженкой.

Что же при всех перечисленных качествах влекло его иногда на такие шаги, которые были больше, чем ошибками, и за которые он заслужил тяжкие упреки?

Я считаю, что А<лександр> И<ванович> был чрезмерно самолюбивым и честолюбивым. Его исключительная скрытность и внешняя мягкость прикрывали эти свойства, но бывали моменты, когда обнаружить их все-таки было возможно. Отсюда же, как я думаю, и его авантюризм, который бросал его сражаться то за буров, то еще за кого-то. Ему непременно надо было привлечь на себя особенное внимание, резко выдвинуть свою фигуру из окружающей среды, встать на высокий пьедестал. И тот, кто мешал ему в этом или явно выказывал, что он этого не достоин, становился его врагом. Он долго поддерживал П.А. Столыпина и шел с ним. Но когда случилось, что последний не нашел возможным после-

довать его совету, А<лександр> И<ванович> резко изменил свое отношение и повел борьбу против него, как против врага.

Покойного Государя А<лександр> И<ванович> не любил и не уважал, считая его неспособным достаточно высоко и твердо нести врученное ему знамя. Но весь духовный облик Государя был так высок, а воспитанность так совершенна, что А<лександр> И<ванович> невольно чувствовал его превосходство над собой. Это подогревало антипатию и побуждало искать случая обратить ее в ненависть. Случай представился. У Государя в свою очередь росло чувство антипатии к А<ександру> И<вановичу> и скрывать это он не находил нужным. И вот тогда-то А<лександр> И<ванович> возненавидел Государя и повел против него войну, искренне поверив в то, что эта война была начата за Россию, а не за свое оскорбленное самолюбие.

В войне не брезгают союзниками, не побрезговал ими и А<лександр> И<ванович>. В войне оценивают средства борьбы по их действию: хороши те, которые наиболее губительны для противника. Не постеснялся в выборе средств и А<лександр> И<ванович>. Дворцовый переворот сорвался, армия была еще верна. И вот методично и настойчиво А<лександр> И<ванович> начинает, в союзе с П.Н. Милюковым, искать пути, чтобы пробить в этой крепости брешь, пользуясь то военными неудачами и задетым самолюбием других, и придворными сплетнями и интригами. Все делалось, чтобы посеять недовольство и недоверие и когда, наконец, плохо осведомленные в политических делах генералы изменили, А<лександр> И<ванович> при всей выдержке не мог скрыть своего торжества и отказать себе в счастье добить противника своими руками: он напросился ехать на ст<анцию> Дно. Однако рассчитал А<лександр> И<ванович> плохо. Добывая такого врага, каким был Государь, он одновременно наносил страшную рану России и смертельную моральную рану себе. Вся его последующая трагедия, в которой он оказался бессильным, и мелким, и жалким была его моральной агонией. Его последняя, предсмертная работа в Париже, конечно, была внушена ему любовью к России и желанием нанести хотя бы слабый удар ее поработителям, но в то же время эта работа была для него и соломинкой, за которую он хватался.

Считаю долгом вспомнить еще одного члена президиума 3-ей Госуд<арственной> Думы, товарища ее председателя, князя Владимира Михайловича Волконского.

Если не ошибаюсь, он примыкал к фракции националистов (умеренно правых) — соседей октябристов справа. Это не помешало ему заслужить исключительное уважение всего состава Государственной Думы, до крайних левых включительно. Непокосимый в своих политических взглядах, кн. В<ладимир> М<ихайлович> при выполнении обязанностей председателя Гос<ударственной> Думы был на редкость выдержанным и беспристрастным. Ни разу, ни одним действием, ни одним словом, ни даже тоном или выражением лица он не показал, куда клонятся его симпатии. Так же он держал себя и на заседаниях президиума.

Он был молчалив и выступал редко. Но когда это случалось, его краткие реплики, которые он произносил спокойно и без всяких претензий на ораторские эффекты, были содержательны и искренни до конца. Я не помню случая, когда бы он позволил себе сделать выпад личного свойства, хотя бы в самом вежливом или шутилом тоне.

Хотелось бы вспомнить многих и из числа рядовых членов Гос<ударственной> Думы, но это слишком удлинит мой и без того затягивающийся рассказ. Поэтому ограничиваюсь несколькими замечаниями общего характера, касающимися ее личного состава.

В левом секторе, в который входили все группировки левее «кадет», особенно способных людей, по-моему, не было. Чхеидзе, Гегечкори, Скобелев — все эти имена мелькали на газетных столбцах, но их трафаретные речи были слабы и скучны. В первые дни после февральской революции они в качестве участников «Совдепа» содействовали тому, чтобы парализовать деятельность Врем<енного> правительства, но для этого требовалась лишь наглость, а не особая изобретательность, так как оно и само по себе не было жизнеспособным. После появления Ленина и его сподвижников, Чхеидзе и Ко быстро и бесследно исчезли. Больше других суетился в 1917 г. революционный «Репетиллов» — А.Ф.Керенский, который, в качестве эмигранта, обосновавшегося в Париже, пытается иногда шуметь и теперь. По капризу судьбы весной 1917 года он выскочил и до октябрьского переворота возглавлял Вр<ременное> Правительство, взяв на себя и верховное командование армией. Однако и его справедливее было бы назвать неудавшимся, чем выдающимся. Жалкую, а нередко и комическую, роль играл этот незначительный человек в наиболее трагические моменты русской истории.

Средний сектор был занят «кадетами», «мирно-обновленцами»⁷⁶ и «октябристами». Надо отдать справедливость первым в том отношении, что они сумели провести в Гос<ударственную> Думу действительно лучших своих представителей. Не говоря уже об их лидере, ученом историке П.Н. Милюкове, блестящем юристе и увлекательном ораторе В.А. Маклакове, пылком Ф.И. Родичеве, умных Аджемове и Пергаменте, «кадеты» имели в составе своей фракции много способных, образованных и деловитых людей.

Немало было таких и среди «октябристов», большинство которых составляли земские деятели. Кн. Н.С. Волконский, Глебов, И.В. Годнев, кн. А.Д. Голицын, Дмитриюков, Звегинцов, М.А. Искрицкий, гр. П.И. Капнист, М.Я. Капустин, Е.П. Ковалевский, кн. И.А. Куракин, Матюнин, Н.В. Савич, С.И. Шидловский и многие другие — все это были люди такой подготовки, которая давала им возможность работать.

В правом секторе, где занимали места националисты и крайне правые, укажу на гр. В.А. Бобринского, П.Н. Крупенского, Н.Е. Маркова 2-го, В.В. Шульгина и, наконец, нашумевшего на всю Россию, популярнейшего В.М. Пуришкевича, который работал с бешеной энергией и затрачивал немало личных средств на подготовку к своим многочисленным выступлениям.

Таким образом, третья Государственная Дума по своему составу была вполне работоспособна и, если не в полной мере проявила работоспособность, то помехой этому были, главным образом, партийная борьба и «вермишель», о чем я уже говорил выше. Покидая Госуд<арственную> Думу, я, конечно, немало размышлял о том, как устранить эту помеху, но ни к какому заключению не пришел, тем более, что политические деятели, лучше меня осведомленные, считали и партийную борьбу, и «вермишель» явлением, свойственным всякому парламенту и, ссылаясь на Западную Европу, утверждали, что особенной беды в этом нет, так как значительные преимущества представительного строя позволяют мириться с его некоторыми неизбежными недостатками. А, кроме того, партийная борьба бывает часто и полезна, так как от «столкновения мнений родится истина». Теперь, достаточно присмотревшись к тому, что переживает Западная Европа, я все больше и больше прихожу к убеждению, что ее парламенты опорочили самую идею народного представительства, так что говорить приходится не о недостатках, естественно сопутствующих парламентам, а о непригодности их. Когда парламентарии становятся ремесленниками, а не творцами политики, когда партийная борьба разрастается в борьбу за власть, а парламент обращается в лавочку, представительство в истинном значении этого слова перестает существовать. Поэтому глубоко прав был граф В.Н.Кокцов, дерзнувший в свое время бросить в Госуд<арственной> Думе фразу: «Слава Богу, у нас еще нет парламента». Но если и действительно его еще не было, так как не было ответственного перед Гос<ударственной> Думой министерства, чего настойчиво добивались радикалы, то изображать парламент Гос<ударственной> Дума все-таки стремилась, пробиваясь в этом стремлении к тому пути, который ведет к нарушению представительного строя. Не мудрее ли поступали Московские цари, созывая земские соборы только для рассмотрения определенных крупных вопросов? Во всяком случае тем, кому выпадет счастье встать на работу в освобожденной России, надо будет обо всем этом подумать внимательно и серьезно.

Скажу теперь об одном немаловажном вкладе в мой опыт: пребывание в Государственной Думе дало мне возможность познакомиться с высшим бюрократическим миром, доселе, совершенно мне чуждым. Я привык относиться к чиновничеству с большим предубеждением, полагая, что ничего доброго в этой среде встретить нельзя. В наших провинциальных кругах слово «чиновник» было почти бранным. Поэтому я был и смущен, и приятно удивлен, встретив среди чиновников немало всесторонне образованных, основательно знающих и любящих свое дело людей, обладающих большой инициативой и умеющих быстро и четко работать.

При последующих частых деловых сношениях с чиновничеством я убедился в том, что, как правило, русские чиновники были до щепетильности честными людьми. За всю мою деятельность я натолкнулся только на одного крупного чиновника, которого надо было отдать под суд за неблагоприятные поступки при заготовках продуктов для действующей армии. Таким образом, сплетни о взяточничестве

и разных комбинациях подозрительного свойства были либо пережитком, либо проявлением дурной привычки к злословию. Большим грехом русского бюрократического мира было другое. Петербург, за известными, конечно, исключениями, смотрел на своих соотечественников немного свысока, полупокровительственно, полупрезрительно. Петербургские чиновники любили размещаться на подоконнике окна, прорубленного в Европу, и любоваться, как в ней все стройно, чисто и привлекательно. Позади, за спиной, где была Россия, жило «мужичье», полудикари, чуждые «культурных» потребностей, неспособные создать порядливую, удобную и приятную жизнь. В этом упреке было немало горькой правды, но, может быть, еще больше досадного и обидного непонимания своей страны и своего народа. Любуясь хорошо одетым и прибранным телом Зап<адной> Европы, они не замечали, как сравнительно мелка, своекорыстна и грубовата ее душа. Теперь, после 20-тилетнего пребывания не в гостиницах Парижа, Берлина и др<угих> столиц, а в мансардах или полуподвалах и после основательного знакомства с их хозяевами не в качестве знатных или богатых иностранцев, а в виде непрошенных бедных поселенцев, появились иные взгляды на покинутую родину и иные толкования преимуществ Зап<адной> Европы.

Дай Бог хотя бы некоторым донести этот опыт до родных равнин. Это было бы особенно ценным заграничным подарком.

Не из-за этого ли греха произошли и те взаимоотношения Петербурга и России, которые так удачно определил А.В.Кривошеин словами: «мы и вы»? Пользуюсь случаем засвидетельствовать, что тот же А.В.Кривошеин сумел очистить от этого греха подведомственное ему Министерство Земледелия.

Нелегкую задачу искоренить его вообще и прочно связать Петербург со всей страной взял на себя другой гигант последних лет Императорской России — б<ывший> председатель Совета министров П.А.Столыпин.

Не мне, бывшему рядовому провинциальному деятелю, смотревшему на этих двух людей издали и вступавшему с ними в непосредственные сношения лишь в случаях защиты разнообразных земских ходатайств, пытаться всесторонне оценить их деятельность и их государственное значение. Об этом немало уже рассказано и написано людьми, которые стояли с ними рядом, и будет написано еще больше. Стремясь исполнить свой долг по отношению к их памяти, я поделюсь лишь тем немногим, что дали мне личные наблюдения и впечатления.

П.А.Столыпина я в первый раз увидел и услышал в Гос<ударственной> Думе. Все привлекало меня в этом человеке. Высокий, статный и красивый, с сильным, приятного низкого тембра голосом, с манерами, полными изящной простоты и благородства, он прежде всего располагал к себе внешним обликом. Это расположение росло и доходило до восторга во время его речей. Он не был оратором, похожим на ораторов-профессионалов. Говорил он громко, внятно и выразительно, но не всегда достаточно плавно и правильно. Иногда казалось даже, что он ищет слова, и что его язык не поспевает за мыслью. Ни к каким театральным приемам он не прибегал, не менял интонации по предварительному расчету,

и логические ударения на отдельных словах или фразах вырывались у него естественно под влиянием нахлынувших душевных переживаний. Но когда я слушал его и внимательно или, точнее сказать, жадно на него смотрел, я чувствовал, что он горит, что его сердце точно тесно для того, чтобы вместить его переживания, и что его любовь к России пламенна и безгранична. Я помню, как были им брошены в сторону левых незабываемые, пророческие слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»⁷⁷.

И глубокая скорбь, и гнев, и счастье ощущать свою Родину великой, — все это ярко отразилось и на его голосе, и на тоне, и на всей особенно выпрямившейся фигуре с глазами, блеснувшими ярким огнем. Не берусь судить, с какими внутренними ощущениями слушали П.А.Столыпина его враги. Но, когда он говорил, пустых мест в зале заседаний не было, тишина была полная, и взоры всех были прикованы к его фигуре. Помню и те, полные трагизма минуты, когда по поводу борьбы П.А.Столыпина с бунтом 1905 г. Ф.И.Родичев произносил свою демагогическую речь⁷⁸, закончив ее заранее осмакованным выкриком «Столыпинский галстук» с соответствующим пояснительным жестом. Это было так омерзительно, что негодование неудержимо охватило всех октябристов и правых. Раздались свистки, стуки, вопли, возмущенные выкрики. Все повскакали с мест, били кулаками по столам. Рядом со мной сидевший П.А.Неклюдов диким голосом кричал: «Вон, скотина, мерзавец». А наш, сидевший сзади меня, казанец И.В. Годнев, вообще не склонный к резким порывам, частыми ударами кулака бил меня по спине и тоже что-то кричал. Уклоняясь от его ударов, я стремился пробиться к ораторской трибуне, не сознавая ясно, зачем это было мне нужно. В тот же момент двинулись к ней почти все октябристы и правые. Но левые и кадеты с П.Н. Милюковым во главе бросились на защиту Родичева и окружили трибуну, на которой он стоял, растерянный, смущенный, трясущийся, с полуоткрытым ртом и кривой улыбкой. Быстро появились, конечно, и приставы, и близкая стычка не состоялась. П.А.Столыпин, бледный, как полотно, поднялся со своего места, выпрямился и тихими шагами направился к министерскому павильону. Тогда октябристы и правые кинулись к нему, окружили его плотным кольцом, жали его руку, забрасывали возмущенными и сочувственными словами. С этого момента П.А.Столыпин сделался для меня не только привлекательным государственным деятелем, которому я верил, и действия которого я считал правильными и полезными. Он стал мне дорог как человек, и когда, бывало, в трудные минуты я думал, как поступить, то, смотря на его портрет, старался угадать, как поступил бы он на моем месте. Такое отношение к нему росло и укреплялось, и все толки и пересуды о нем тех, кто из зависти, ревности или по непониманию его стремлений интриговал против него и подготавливал почву для его падения, возбуждали во мне боль и негодование. Ошибался ли П.А.Столыпин? Конечно, да, и может быть, нередко. Но разве можно было не ошибаться при работе такого размаха и быстроты, под постоянным обстрелом и справа и слева? Ведь он не только чувствовал, но и знал, что левые охотятся за ним непрерывно, что пули и бомбы для него

отлиты, а реакционно-бюрократическое подполье стремится его опорочить и низложить. Поэтому ставить ошибки ему в вину было большим грехом, тем более, что по существу они были ничтожны. Работать в земстве при П.А. Столыпине было прямо-таки счастьем, что ощущали не только те, которые, как я, ценили, любили его и оправдывали, но и лица, не разделявшие его взглядов. И это потому, что более действенного доброжелательства, более непоколебимого доверия к земщине и, наконец, большего понимания ее задач не было ни у кого из представителей исполнительной власти ни до, ни после него.

Бывший министр земледелия А.В.Кривошеин был одним из самых ближайших сотрудников П.А.Столыпина в деле крупных земельных реформ. Человек большого ума и опыта, убежденный сторонник политики П.А.Столыпина, А.В.Кривошеин сумел подобрать в помощь себе немало талантливых и энергичных сотрудников, идейно преданных делу и работавших не за страх, а за совесть. Земцы приходили в Министерство земледелия без всякой острастки, их встречали там не с обычной чиновничьей учтивостью, а как желанных, почетных гостей и соратников. Там не ограничивались любезной заключительной фразой сделать «все, что возможно», а действительно делали, и случаи, когда тот или другой из нас, земцев, уходил из Министерства земледелия, получив больше, чем мечтал, были далеко не единичны. Ко всякой местной инициативе там относились сочувственно, всякую дельную мысль подхватывали и старались использовать. Только работай, а все, что нужно для работы дадут. С благодарным и теплым чувством я вспоминаю блестящего и неутомимого А.А.Риттиха; бесконечно доброжелательного и чуждого всякой формалистики и волокиты графа П.Н.Игнатьева; обладавшего теми же качествами его ближайшего помощника Ф.В.Шлиппе, который потом стал одним из самых близких моих друзей и о котором в дальнейшем я вспомню не раз; умного организатора и интереснейшего собеседника Г.В.Глинку; маститого и почтеннейшего А.А. Шульц; талантливого Н.И.Тхоржевского и еще многих, которых помню в лицо, но имена которых, к сожалению, не удержались в памяти.

А.В.Кривошеин был человеком иного склада, чем П.А.Столыпин, да и карьера его протекала иначе. П.А.Столыпин, аристократ по происхождению, начал службу в провинции. Предводитель дворянства, губернатор, министр Внутренних дел и председатель Совета министров, — вот те большие ступени, по которым он быстро поднялся. А.В.Кривошеин, происходивший из простой и скромной семьи, постепенно продвигался от стула рядового чиновника Мин<истерства> вн<утренних> дел до кресла министра земледелия, улучшая и укрепляя свое положение упорной работой, которая всегда носила отпечаток его большого ума, такта и выдающихся способностей. Его заслуги по должности министра земледелия весьма значительны. Не имея под рукой никаких материалов, я воздержусь от их перечисления и разбора из опасения наделать ошибок. Но думаю, что не ошибусь, если скажу, что будущему историку царствования императора Николая II придется посвятить не одну главу для описания и оценки крупных мероприятий,

предуказанных и проведенных А.В. Кривошеиным. Как и П.А. Столыпин, он был горячим патриотом, любил и понимал свой народ, гордясь его достоинствами и не относясь брезгливо к его недостаткам. Но он не был таким боевым человеком, как П.А. Столыпин, предпочитая маневры лобовым атакам и умело отыскивая компромиссы. К чести его надо сказать, что по отношению к революции и ее вдохновителям он ни на какие компромиссы не пошел и, уехав в Москву, взял скромное место директора какого-то отдела в предприятии С. Морозова. Когда на юге возникло "белое" движение, А<лександр> В<асильевич> пробрался туда и принял деятельное участие в «белой» борьбе. Прах его покоится на Тегельском кладбище в Берлине среди многих других русских могил.

В качестве члена Государственной Думы я в первый раз в жизни имел счастье увидеть Государя, Государыню и Наследника-Цесаревича.

Это было вскоре после открытия Думы, когда все депутаты были приглашены представиться Государю. Левые отказались от этой чести и хорошо сделали: приемный зал имел более строгий и выдержанный стиль, не было видно наглых физиономий и не пахло небрежно вымытым человеческим телом. Когда всех нас расставили по предназначенным местам, и подходила минута выхода Государя, меня от волнения било, как в лихорадке, и понадобились чрезвычайные усилия, чтобы заставить себя стоять спокойно.

Тихими шагами, несколько прищутив свои лучистые глаза, входил Государь в сопровождении Государыни. Наследник — тогда еще ребенок — шел между ними, и они держали его за руки. Мне нелегко найти слова, чтобы определить то, что пережил я в первые секунды их появления. Точно не людей видел я в этих медленно приближающихся фигурах. Передо мной поднималась вся Россия, величавая, дивная, светлая, неизъяснимо прекрасная в своем бесконечном разнообразии. Они как будто только обрамляли это чудное видение, задерживали его и не давали ему исчезнуть. Я был счастлив еще не испытанным счастьем и полон небывалой радостью. Я трепетал от страха, что Государь остановится и задаст мне какой-нибудь вопрос, я не хотел возвращаться к действительности, боялся при ответе услышать себя. Этого не случилось. Государь на несколько мгновений остановил на мне свой взгляд, безмолвно прошел еще несколько шагов и о чем-то заговорил с гр. Вл. Бобринским. Видение исчезло, волнение улеглось, и вдруг я услышал какой-то внутренний голос: «Священная Особа Его Императорского Величества». Вот чем полна была моя душа в эти минуты, да и всегда потом, когда я видел Государя или думал о нем. Его существо часто делилось в моем представлении. То он стоял передо мной, как обыкновенный человек, у которого такие прекрасные и, как мне казалось, загадочные глаза и такие удивительные своей простотой и тонкостью манеры. И я любил этого человека особенной, жалостливой любовью за то, что судьба присудила ему нести тяжелый крест, что он «раб своему трону», как говорил когда-то Фома Иванович. А сейчас же и другое: Священная Особа, что-то большее, чем человек, живое отражение России, все то, за что пошел на смерть Сусанин и к чему с нечистым сердцем подходить нельзя.

Забавно смотрел на депутатов крошка-Наследник, но скоро церемония стала его утомлять, он начал болтать ногами и высовывал язык. Государь строгим полупешотом останавливал его. И вдруг, когда две трети депутатов уже были представлены, среди общей тишины раздается досадливый детский голосок: «Будет, надоело!» Бедный ребенок, вероятно, получил строгое внушение за свою оплошность, по лицам же всех присутствующих пробежала радостная и добрая улыбка: так чудесен и мил был этот искренний возглас.

* * *

(Продолжение. 1939—1940 гг.)

Возвращаясь к рассказу о своей деятельности в исполнительном органе губернского земства, начавшейся с момента избрания меня уполномоченным по страховому отделу.

Для большей целостности впечатления я буду вести рассказ не в хронологическом порядке, а в порядке описания работы каждого отдела губернской земской Управы за все время моей службы, причем предварительно вспомню о некоторых высших служащих, с которыми мне особенно часто приходилось вступать в непосредственное общение.

По закону Уполномоченные Губернского Земского Собрания входили в коллегию губернской земской управы на правах ее члена, но лишь по отделу, для заведования которым они были избраны. Однако П.И.Геркен всегда приглашал меня участвовать во всех коллегиальных заседаниях, что и дало мне возможность ознакомиться с деятельностью всех отделов и ближе узнать главных и наиболее ответственных служащих.

Секретарем губернской земской управы был Александр Николаевич Благодаров. Уроженец Вятской губернии, он еще в дореформенные времена был судебным следователем. В губернской земской управе он начал служить с момента открытия действий земских учреждений в 1864 г. Таким образом, в 1905 г., когда началась моя служба, Александр Николаевич служил уже 40 лет и был 67-летним старцем.

Не помню, встречал ли я на своем пути более стильных людей. Он был очень высокого роста, худой, но, несмотря на преклонные годы, держался совершенно прямо. Ходил в мягких сапогах неслышными, мелкими шагами, почти не поднимая ног, точно плыл. Продолговатое, матово-бледное лицо, сухой заостренный нос, светло-голубые глаза с серьезным, спокойным и каким-то «нездешним» выражением, большая лысина и седая, длинная, клинообразная борода — вот в беглом наброске его портрет. Его бессменным одеянием был длиннополый старинного покроя сюртук, из заднего кармана которого торчал красный носовой платок. Сюртук, вероятно, также мог отпраздновать сорокалетний юбилей. Александр Николаевич, давно потеряв жену и всех детей и не имея близких родственников, жил совершенно одиноким в двух крошечных комнатах, недалеко от губернской

управы. На службу он приходил часом раньше всех других — в 7.30 — 8 часов утра; в 3-3.30 — шел обедать, а через час снова возвращался и занимался до 8 — 9 часов вечера, а то и до полуночи, если были какие-нибудь заседания или срочная работа. По праздникам он ходил к ранней обедне в церковь на той же улице, где жил, а затем, как и всегда, шел в управу. Так без всяких изменений текли его дни. Никто, в том числе и он сам, не помнил, когда случилось ему быть на другой улице города. За всю службу он не воспользовался ни одним днем отпуска, при мне не пропустил ни одного служебного дня. Ни разу в жизни не обратился ни к доктору, ни к зубному врачу. Однажды я спросил его, как он ухитрился обойтись без помощи последнего. «Не надо зубы ковырять, — был ответ, — они «переболят» и сами пройдут». Обладая изумительной памятью, он знал чуть ли не большинство относящихся к земству решений Правительствующего Сената, циркуляров Министерства внутренних дел, а также и постановлений земских собраний, причем последние запечатлелись в его мозгу с подробностями, не вошедшими в напечатанные протоколы. Три поколения земских деятелей прошло перед его глазами. Он помнил всех и умел каждого метко описать двумя — тремя отрывистыми фразами. Во время сессий земских собраний, он, неподвижный, как изваяние, стоял за колоннами зала у заваленного делами и книгами стола, неподалеку от Председателя управы. Когда управу начинали атаковать, Александр Николаевич усиленно тер свою лысину. Это значило, что он волнуется. Я не помню случая, когда при надобности в какой-нибудь справке, будь то статья закона, циркуляр или постановление собрания, эта справка не была бы им заблаговременно подана. По ходу прений он без ошибки угадывал, какая потребуется справка, тихо подплывал к председателю собрания или управы и молча клал необходимый документ около них. При различных затруднениях, когда что-нибудь шло болезненно, нескладно, совет Александра Николаевича был всегда одинаков: переждать. Так же, как больной зуб «переболит и пройдет». Вскоре после земельных законов Столыпина, горячим сторонником которых я был, повадились наезжать из Петербурга разные большие и малые чиновники помогать местным деятелям «насаждать» хутора. Были из этих господ и толковые люди, но попадались и карьеристы чистой воды, наглые, циничные, равнодушные к интересам населения, к сути и качеству дела, гонявшиеся только за цифрами, которые были им нужны, чтобы поскорее выхлопотать повышение или награду. Надоели они ужасно и отнимали много дорогого времени. В один из таких несчастных дней прихожу после четырехчасового заседания в управу и жалуюсь Александру Николаевичу: «Скажите, мудрый человек, что же это такое? Право, невыносимо становится». Он сочувственно посмотрел на меня и ответил точь-в-точь так: «Вот при дедушке-то вашем все «мужички» были, потом при папаше «кустари», теперь «хуторяне». Пройдет».

Три слова для характеристики трех эпох и одно для утешительного предсказания. И ведь действительно скоро «прошло», бросили скакать эти пустозвоны: не то насытились, не то их заметили и одернули.

Григорий Николаевич Мельников (1896-1938) старший сын Н.А.Мельникова, вольноопределяющийся (1914); впоследствии офицер-артиллерист, Георгиевский кавалер. Во время Гражданской войны в Белой армии. В 1938 г. расстрелян, в 1957 г. реабилитирован

По политическим взглядам Александр Николаевич был самым крайним из крайне правых. Его идеалом был Император Николай I, перед памятью которого он благоговел. Он решительно отрицал необходимость представительства в какой бы то ни было форме, утверждая, что не тот или иной строй, а воспитание и традиции важны, чтобы искоренить или ослабить вредные личные или общественные недостатки: “Что вы, что вы, — говорил он, — да разве лучше будет. Пролезут туда аршинники московские да болтуны адвокатишки, что тут пойдет”. При выборах в одну из Государственных Дум, когда мы гонялись за каждым голосом, чтобы не пропустить левых, я дня три уговаривал Александра Николаевича пойти и положить свой бюллетень. Он сперва отмалчивался, а потом решительно заявил: “Нет, нет, не пойду. Раньше этого не было. Сраму много там будет. Не пойду”. На мою долю выпала честь приветствовать Александра Николаевича, когда полувековой юбилей земства совпал с таким же его личным юбилеем. В большом зале Дворянского собрания заняли места почти все служащие губернского земства, многие гласные и представители общественности. Когда, окончив свою речь, я спустился с кафедры, чтобы обнять старика, окруженного плотным кольцом

дружно аплодирующих сослуживцев, из его глаз крупными, несчастными каплями падали слезы. “Зачем? Не надо бы, не надо бы”, — приговаривал он.

Он прожил после этого что-то около года. Прихожу как-то в управу, Александра Николаевича нет. В чем дело? Говорят, заболел гриппом, сильный жар, лежит в постели. После занятий пошел к нему. Несмотря на мои протесты, он приподнялся и сел, спустив ноги с кровати. Долго не отпускал моей руки, не выронил ни одного слова, только тихо плакал. Через два дня его не стало. При разборе его бумаг обнаружили большой лист, на котором плотными колонками стояли ряды цифр: 50, 18, 35 и т.д. Некоторые, немногие, были перечеркнуты. Никто не понимал, в чем дело. Наконец, один из его ближайших помощников догадался. Александр Николаевич получал около 200 рублей жалования в месяц, а проживал не больше 45-50. Все думали, что старик копил. Но после его кончины никаких денег, кроме нескольких десятков рублей, нигде не оказалось. Лист с немymi цифрами объяснил загадку. Все, что у него оставалось, Александр Николаевич раздавал мелким служащим с отдачей “по мере возможности”. На листах, чтобы случайно не выдать должника да и самому его забыть, он отмечал только сумму, каковую и перечеркивал при возврате долга. Нашлись такие, которые хорошо оценили благородство покойного, заявили, что должны и покрыли долг. Но внушительная сумма в несколько тысяч рублей осталась непокрытой.

Надо ли говорить, как я уважал и любил Александра Николаевича и как ценил его доброе отношение и заботы.

Главным бухгалтером был Василий Васильевич Абросимов, служивший в земстве немногим меньше А.Н. Благодарова, с которым у него были наилучшие, полные взаимного уважения, отношения. Огромная, грузная фигура, тяжелая походка вразвалку и в то же время заметная нервозность, которая всегда мешала ему спокойно и связно говорить, вот общий внешний облик Василия Васильевича. С начальством и вообще с людьми, которых он считал стоящими выше себя, он был необычайно робок. Поэтому, когда ему приходилось что-нибудь докладывать или объяснять, он от волнения делал это долго и непонятно. Однако эта робость и кажущаяся бестолковость не мешали ему блестяще выполнять свои трудные обязанности.

В разнообразном и сложном земском хозяйстве бухгалтерия также была очень сложна. Когда дело разрослось и отделы начали работать на полуавтономных началах, всяких осложнений появилось еще больше. К Василию Васильевичу нередко предъявляли такие требования, которые для его бухгалтерской совести были неприемлемы. В таких случаях сознание долга побеждало застенчивость, и Василий Васильевич решительно и стойко отказывался выполнять “фантазии” отделов. Помню такой случай. Я был тогда Председателем Управы, и бухгалтерия была под моим непосредственным присмотром. Приходит ко мне Д.П. Арцыбашев — он, между прочим, был сильно склонен к сепаратизму, — и в очень резкой форме обвиняет В.В. Абросимова в неисполнении каких-то совершенно справедливых пожеланий счетоводства технического отдела. Я обещал узнать,

в чем дело. Выяснилось, что технический отдел предъявляет такие требования, выполнение которых могло создать путаницу в общей бухгалтерии. Выслушав объяснения, я спросил Василия Васильевича, не найдет ли он возможным сделать какую-нибудь уступку, так как иначе, я боюсь, пререкания могут затянуться и принять неприятные формы. Василий Васильевич покраснел, как-то особенно задвигался на своем стуле и ответил так: “Простите, Николай Александрович, но если бы Вы не только меня попросили, но дали бы письменное распоряжение уступить, я должен был бы отказаться”. Мне осталось поблагодарить почтенного Василия Васильевича за стойкость и “улаживать” Д.П. Ардыбашева. Потом оказалось, что Василий Васильевич был совершенно прав. По приглашению ревизионной комиссии главный бухгалтер Казанского отделения Государственного банка проверял ежегодно бухгалтерский отчет и давал заключение о работе главной бухгалтерии губернского земства. Я привлек его внимание к имевшему место случаю. “Василий Васильевич не мог сделать никакой уступки, — сказал мне бухгалтер Государственного банка, — требования технического отдела противоречили счету уставу”. Годовые отчеты Василий Васильевич составлял всегда к сроку, несмотря на все трудности собрать по отделам необходимые сведения. Ясность и точность этих отчетов всегда отмечались ревизионной комиссией.

Василий Васильевич скончался от удара приблизительно в ту же пору, как и А.Н.Благодаров. Большой и трудно заменимой утратой была его кончина.

Одним из самых выдающихся служащих губернского земства был заведующий статистическим бюро Владимир Владимирович Перцов⁷⁹. Происходя из местной дворянской семьи, он был очень образованным и хорошо воспитанным человеком, приятным и интересным собеседником, незаменимым организатором, вдумчивым работником, обладавшим хорошим пером. Избранная специальность не мешала ему горячо интересоваться всем земским делом и, как-то само собой, он сделался консультантом по многим вопросам, возникавшим в губернном земстве. Лично я в бытность председателем управы, часто заваливал Владимира Владимировича разными просьбами и поручениями. Любя работать ровным, размеренным темпом, с тщательной отделкой всех подробностей, он нередко протестовал, особенно если работа была спешная. В таких случаях лучше было не настаивать и дать Владимиру Владимировичу время подумать. Через 2-3 дня он приходил не только для того, чтобы сказать о своем согласии принять поручение, но и приносил безукоризненно разработанный план предстоящей работы.

Больше всего Владимир Владимирович любил детей и цветы — свидетельство о душевной мягкости и чуткости. Самолюбивый и сдержанный, он не был особенно общительным и экспансивным. Но когда он проникался к кому-нибудь доверием и расположением и отношения прочно складывались, его сдержанность и настороженность заменялись полной откровенностью. Исповедуя в политическом отношении либеральные взгляды, Владимир Владимирович никогда не переходил той грани, за которой начинался радикализм. В эмиграцию он не пошел и остался в Казани. Большевики его не тронули, но прожил он при них недолго:

сердечная болезнь свела его в могилу. Нас связывали не только добрые, но и дружеские отношения: он доказал это в бурные революционные дни на деле.

Крупной фигурой был доктор Николай Александрович Засецкий⁸⁰, ординарный профессор Казанского университета, специалист по внутренним болезням. Он занимал должность главного врача губернской земской больницы. Не все его любили: он был властным, а иногда и боевым человеком. Но, может быть, именно эти свойства при наличии большого ума и глубокого знания людей помогли ему стать первоклассным администратором. Он пользовался среди своих многочисленных подчиненных большим авторитетом: повторять распоряжений и приказаний ему не приходилось. Вместе с тем он обладал и хорошими способностями, как хозяин, и умел при отпуске на больницу весьма скромных средств содержать ее в полном порядке.

Немало ценных работников было в техническом отделе. Укажу на главного инженера Ф.Ф. Юргенсона и его помощников, Шефера и Калинин. Они были не только добросовестными и знающими специалистами, но и любили свое дело и увлекались им как общественные деятели.

В наших частых беседах вопросы о наилучших сортах цемента или преимуществах железобетона перед каменной кладкой как-то незаметно заменялись темами о разнообразных нуждах и интересах населения. Работали эти служащие, не считая часов, часто и по ночам, и отдавали делу полностью все свои силы. Я не знаю их судьбы и кто из них еще жив. Упомяну и о некоторых служащих, которые были приглашены или незадолго до моего председательства или уже лично мною.

Делопроизводителем Страхового отдела был в последнее десятилетие П.Б. Панфилов. В прошлом он был казанским полицмейстером. Служба в полиции дала ему много опыта и навыков, но в то же время не отняла ни одного из добрых человеческих свойств, которыми он был награжден в избытке. Он обладал мягким, ровным характером, был искренен и правдив, добросовестно и усидчиво работал. Все подчиненные любили и уважали его. Как сотрудник он отличался большой преданностью и зорко следил, чтобы не произошло какой-нибудь ошибки или неправильности. На него можно было положиться. Во время гражданской войны, когда я вошел в состав правительства адмирала Колчака, П.Б. Панфилов также очутился в Омске. Я сейчас же пригласил его в качестве личного секретаря и никогда не забуду его самоотверженной работы и исключительных забот.

Редакцией «Земской Газеты»⁸¹ — еженедельника губернского земства — заведовал Юрий Сергеевич Геркен. Гвардейский офицер в отставке, недурной певец и композитор, Юрий Сергеевич, конечно, занял это место вынужденный обстоятельствами. Земство отпускало на газету, более чем скромные средства, и было трудно рассчитывать, что дело примет желательный размах. Тем большей была заслуга Юрия Сергеевича, сумевшего и при таких условиях поставить дело так, что газета стала привлекать внимание и число читателей значительно увеличилось. Немало затруднений пришлось ему преодолеть. В число сотрудников

стремились проникать левые, прикидываясь для этого более, чем умеренными, и не стесняясь в других органах печати опорочивать газету. Мешал и я, будучи по должности председателя управы ответственным редактором. Земское собрание требовало, чтобы газета в политическом отношении была совершенно нейтральна. В периоды политических брожений такая роль для газеты очень трудна и неблагодарна. В стремлении оживить дело и привлечь читателей Юрий Сергеевич иногда пропускал кое-какие абзацы или статьи тенденциозного характера. Я должен был вычеркивать их, а вслед за сим успокаивать и утешать взволнованного Юрия Сергеевича, у которого не всегда находилось что-нибудь пригодное для замены зачеркнутого.

С чувством глубокого уважения и сердечной признательности вспоминаю я Николая Аристарховича Острякова, главного бухгалтера кассы мелкого кредита губернского земства. Николай Аристархович происходил из мещан какого-то уездного города Самарской губернии. Осиротев ребенком, он попал в семью местного крупного помещика, приютившего его из жалости. Отнеслись к нему хорошо. Он воспитывался и начал учиться вместе с детьми этого помещика. В натуре Николая Аристарховича было ценное свойство воспринимать из окружающей среды все доброе и оставаться незатронутым дурным. Все доброе воспринял он и из этого пребывания в строгой и культурной семье. Затем какие-то родственники взяли его, поместили в городское училище, по окончании которого он попал на скромное место в частном предприятии. После женитьбы судьба забросила его в Казань, и он долго был управляющим типографией некого Ключникова. Здесь я его и узнал: его единственный сын был одним из моих любимых гимназических товарищей, и я часто к нему заходил. Зарабатывал Николай Аристархович какие-то гроши, служба в моральном отношении сильно его тяготила. И с ним случилась беда: он заболел запоем. Несколько лет болезнь мучила его и всю семью, но религиозность, воля и чувство долга по отношению к сыну, на воспитание и образование которого Николай Аристархович отдавал больше чем мог, помогли ему одолеть болезнь. Помогли этому и самоотверженные заботы и влияние его жены, одной из тех удивительных женщин, которыми была так богата Россия. Тогда Николай Аристархович с увлечением — а он был очень увлекающимся человеком — стал отдавать каждую свободную минуту тому, чем и всегда поильно занимался: самообразованию. Все привлекало его ищущую живую натуру, он все хотел знать. И он читал не так, как дилетант, а стремился изучить предмет, хорошо охватить его в главном и существенном. Он безукоризненно писал, знал наизусть «Евгения Онегина», «Руслана и Людмилу» и много других произведений Пушкина, разбирался в разных философских системах, изучал историю революций, программы политических партий. Да чего он только не знал? А в своих двух небольших комнатах и на маленькой даче, которую снимал под Казанью, он разводил и воспитывал такие цветы, которым завидовали профессионалы-цветоводы. Когда, уже будучи председателем губернской управы, я как-то сказал ему, что мечтаю обратить особое внимание на развитие мелкого кредита и был

бы рад привлечь его в качестве сотрудника, он горячо ухватился за это. В короткий срок он тщательно изучил все законодательные акты и правила, относящиеся к этому делу, уставы мелких кредитных учреждений, ознакомился с их деятельностью по разным отчетам и статьям, пополнил свои знания по бухгалтерии. Когда пришло время начинать работу и готовить доклад для земского собрания, он принялся за дело, как серьезно и основательно подготовленный специалист и выполнил его блестяще. После образования в 1906 г. партии «октябристов», Николай Аристархович вступил в нее. С какой страстностью работал он и на этом поприще! Он не пропустил ни одного заседания, был секретарем комитета, казначеем и бухгалтером, выступал по каждому вопросу, больше всех работал в партийной газете. Года за два до революции Николай Аристархович серьезно заболел и был вынужден покинуть службу. По счастью, в это время его сын был уже профессором университета, и старик с небольшой пенсией, назначенной ему Земством, мог безбедно просуществовать до своей кончины.

Выдающимися служащими агрономического отдела были управляющий сельскохозяйственным складом Зауэр, заведующий Козьмодемьянским опытным полем Домашевич, управляющий сельскохозяйственной фермой Лебедев. Были, конечно, во всех отделах и другие служащие, достойные того, чтобы не быть забытыми, но, к сожалению, я не могу вспомнить их имен.

СТРАХОВОЙ ОТДЕЛ. Страховым отделом я заведовал около одного года. Будучи «халифом на час», я, конечно, не вводил никаких новшеств и ограничивался наблюдением за «текущими делами». Единственным новшеством оказалось то, что мне за одно лето удалось побывать почти во всех волостях (насколько помню, в 78-80), так называемых «горящих» уездов, что для более нагруженно-го работой члена управы было мало доступно.

«Горящими» у нас назывались шесть южных и восточных уездов, населенных русскими и татарами. Здесь, благодаря своеобразным бытовым условиям (многодворность селений, скученность построек, преобладание соломенных крыш, отсутствие садов на усадьбах и деревьев на улицах и т.д.), пожары возникали особенно часто и были очень опустошительными. Отсюда и название «горящие». В 6-ти северных и северо-западных уездах, населенных, главным образом, чувашами и черемисами, селения были сравнительно малодворны, усадьбы широки и богаты садами, дома чаще крыты тесом, а не соломой. В этих уездах пожары возникали реже и не были опустошительными. Это были «негорящие уезды».

Сельские пожары всегда были бедствием, так как страховыми премиями покрывалась лишь — и то не вполне — стоимость сгоревших строений. Хозяйственный мертвый и живой инвентарь, домашний скarb, запасы хлеба и кормов обычно не страховались, и гибель их при пожарах была не только крупным ущербом, но часто и разорением. Нечего и говорить, кроме того, какие неудобства и неприятности испытывали крестьянские семьи, вынужденные месяцами ютиться у родных или в наскоро сколоченных лачугах. Естественно поэтому, что, сильно развивая виды и формы страхований, земство стремилось осуществлять

мероприятия, ослабляющие пожарность селений. Это было более чем трудной задачей, так как, кроме целого ряда мелких препятствий, путь для противопожарных мер загораживали быт и недостаток средств. Вредные стороны быта создавали отживающие свой срок особые законодательства для крестьян и общинное устройство, благодаря которым, по удачному определению саратовского земца Н.Н. Львова в деревнях царила «бесправная личность и самоуправная толпа». Недостаток средств для широкой постановки мероприятий был злом не только земского, но и государственного хозяйства. Население России еще не успело преодолеть занятого им пространства, было бедно и неплатежеспособно. Поневоле приходилось «по одежке протягивать ножки», медленно повышая налоги и развивая хозяйство, не в мере надобности, а в мере возможности. Поэтому, отправляясь в уезды, чтобы на месте ознакомиться с ходом земских мероприятий, я не обманывал себя надеждами «открыть Америку» и мечтал лишь о том, чтобы нащупать возможность очистить невольно мелочную работу земства от всего, что ее засоряет и что еще более замедляет и без того довольно медленные обороты колес земской хозяйственной колесницы.

Главными противопожарными мероприятиями в описываемый период были: перепланировка селений, распространение огнестойких построек и крыш, организация сельских пожарных обозов, посадка деревьев на усадебных участках и улицах.

Перепланировка селений была предпринята с целью разредить постройки и создать переулки или прогалы после каждого гнезда в 4—6 домов. Подготовительные работы состояли в том, что каждое селение снималось на план, а затем составлялся проект нового плана с разреженными постройками, который предъявлялся вниманию сельской общины и, в случае согласия с ее стороны, утверждался. Те, кто после этого строились самовольно, не считаясь с новым планом, привлекались к судебной ответственности, что влекло к присуждению снести неправильно воздвигнутые здания. Это, конечно, было очень суровым наказанием, так как часто на покрытие расходов по возобновлению сгоревших построек крестьяне и без того принуждены были продавать почти весь скот, отсылать на сторонние заработки некоторых членов семьи, должать и т. д. — одним словом, подвергать свое хозяйство основательной и тяжелой ломке. Сносить новые постройки и строиться вновь было равносильно почти полному разорению. Если принять в расчет, что в «горящих» уездах насчитывалось около 2000 селений, нетрудно будет понять, сколько времени и денег потребовала эта работа, задуманная и начатая, если не ошибаюсь, еще в 80-х годах. Теперь она подходила к концу, и на мою долю выпало набраться непосредственных впечатлений о ее выяснившихся результатах. Эти впечатления были весьма неутешительными. Оказалось, что очень многие погорельцы, зная, чем они рискуют, все же упорно не желали строиться по новому плану, объясняя это и соображениями хозяйственного свойства, и привычкой, и безотчетным, но непреодолимым страхом расстаться с насиженным местом, где жили и умирали их отцы и деды. Поэтому «дел» по самовольным

постройкам возникало немало, но оканчивались они чаще всего тем, что, разумеется, не укрепляет, а расшатывает власть и роняет ее авторитет: неприведением в исполнение приговоров суда. Ни полиция, ни волостные правления прямо-таки не решались приступить к ломке строений, если владельцы их не подчинялись добровольно выполнить требование суда. Здесь имели место и жалость к виновным, и страх вызвать резкое сопротивление. Все это побуждало и земских страховых агентов смотреть на самовольные постройки «сквозь пальцы».

Я побывал во многих селениях, где были неправильные постройки, беседовал с крестьянами, с членами волостных правлений и пришел к выводу, что единственным достойным выходом из положения было бы сознаться в ошибке и отказаться от этого мероприятия, забыв о том, сколько оно потребовало труда и денег. Мне казалось, что целесообразность мероприятия не оправдывала и не покрывала того, что для его осуществления надо было кого-то разорять и преследовать людей не за поступки, вызванные дурными побуждениями, а за охрану быта, традиций и привычек. Я и здесь видел выход лишь в том, к чему приводило меня многое в сельской жизни: положить конец общинному устройству и особым, опекающим крестьян, законодательствам. Окончательно раскрепощенные, ставшие полными собственниками своих наделов, крестьяне постепенно сами бы стали выселяться на свои участки из простого хозяйственного расчета. Поэтому на вопросы страховых агентов, как им поступать в дальнейшем, я — приходится в этом сознаться — дал довольно лукавый ответ: всячески стараться уговаривать погорельцев строиться по плану и не замечать тех построек, которые возведены самовольно и неправильно. Утешался тем, что в своем будущем докладе губернской управе я не замолчу о таких указаниях. Губернская управа не пришла к единодушному решению по этому вопросу, а приехавший с войны К.П. Берстель не согласился со мной по принципу, что частные интересы должны быть приносимы в жертву общим. Однако возгласив эту истину, он не мог ее воплотить: страховые агенты и волостные правления читали его циркуляры, выслушивали личные указания, а большинство крестьян продолжало безнаказанно возводить постройки на старых местах. Когда через 4 года я стал в качестве председателя управы во главе всего земского хозяйства, этот вопрос заглох сам собой: дела о неправильных постройках возбуждались все реже и реже, судебные приговоры точно куда-то исчезали, жизнь победила теорию.

Дело распространения огнестойких крыш и построек я нашел в зачаточном состоянии, и организация его показалась мне неправильной.

Новгородское земство устроило школу огнестойкого строительства, где обучали постройкам жилых и холодных помещений из «сырца» (большие необожженные кирпичи из смеси глины с мякиной), а крыш — из соломы, пропитанной полужидким раствором глины с последующей глиняной смазкой. Наше земство посылало в эту школу ежегодно несколько человек, которые возвращались со свидетельствами мастеров. Крестьянам, пожелавшим сделать огнестойкие постройки, выдавались денежные ссуды и командировался за счет земства

мастер. Таким образом, значительная часть расходов по таким постройкам падала на земство. Однако несмотря на усилия страховых агентов, дело развивалось очень туго. Я осмотрел два-три десятка таких построек, выслушал объяснения их хозяев и наших мастеров и пришел к выводу, что причиной неуспеха дела была не «косность» населения, чем мы когда-то склонны были объяснять наши неудачи. Тщательный подсчет указывал, что обыкновенная деревянная изба стоила дешевле глинобитной. Помимо того, зимой, когда в избах приходится держать ягнят и телят, стирать белье, сушить обувь и одежду, в глинобитных избах было так сыро, что со стен и потолков текло, а на подоконниках скоплялись лужи воды. Через год изба уже теряла внешний опрятный вид, побелка пропадала, дожди, морозы и ветра разрушали поверхностный слой кирпичей. «Совсем для нас не подходяще, — говорили крестьяне, — дурной воздух стоит, кислота, зелень. Как печь закроешь, дышать нечем. Да и ремонту много, почитай каждый год надо все исправлять».

Было очевидно, что дело это не пойдет, и надо придумывать что-то другое. Вскоре выход был найден. Оказалось, что просто и сравнительно дешево делать крыши из кровельного железа, а вместо «сырца» готовить кирпичи из песка и цемента. Если такие кирпичи будут по тем же причинам, что и сырцовые, не годны для изб, то для фундаментов и холодных построек они должны пойти, так как, при сравнительно небольшой стоимости, они были прочны и не подвергались разрушительному действию осадков и морозов. Первые робкие опыты в этом направлении дали утешительные результаты. Когда в сельскохозяйственном складе губернского земства появилось кровельное железо, которое отпускалось в рассрочку, крестьяне начали охотно его покупать. Цементно-песчаные кирпичи, а затем и цементная черепица также заинтересовали деревню. В результате дело стало быстро развиваться, особенно после того, как образовался союз всех заинтересованных земств с центральным управлением при Московской губернской земской управе, которая закупала железо непосредственно от заводчиков и распределяла его по губерниям. Для выделки цементных кирпичей и черепицы были устроены во многих пунктах специальные мастерские, где работы велись под надзором инженеров-специалистов. В последние перед революцией годы в «горящих уездах» было уже немало селений, где 40 % — 50 % домов было покрыто железом и где пестрели амбары и клетки из цементного кирпича. Естественно, что оборотных средств для быстро развивающегося дела надо было больше, чем тогда, когда мы путались с глиной и новгородскими курсистами, но зато эти средства были действительно оборотными, а не затраченными безвозвратно, отчего успешнее и быстрее нарастал страховой капитал, сделавшийся фондом, из которого стало возможным заимствовать средства для других мероприятий.

Сельские пожарные обозы я нашел повсюду в самом печальном виде: рассохшиеся бочки, изломанные колеса на дрогах, недействующие пожарные насосы — вот какова была общая картина. Присматривать за обозом обычно был приставлен старик или полуинвалид, от которого при возникновении пожара

трудно было ожидать полезных действий. По соображениям финансового свойства земство не могло создавать для заведования обозами специальную агентуру в каждой деревне и поручало присмотр за ними самим крестьянам, т.е. сельской общине. Вот здесь, как всегда, и была «зарыта собака». Различные инструкции и «обязательные постановления» земства красовались на стенах пожарных сараев, но ими мало кто интересовался, и никто их не исполнял: община не могла быть и не была ответственным лицом.

Приблизительно то же можно было наблюдать по части древонасаждения. Попытки добиться в этом деле заметных результатов разбивались об общину. По примеру западных стран пробовали привлекать к этому делу детей, устраивая так называемые «праздники древонасаждения». Учителя собирали школьников, шли с песнями в лес за молодыми деревцами и сажали их в деревне. Веселья было немало, съедались и пряники, присланные из земской управы, но за посадками потом никто не следил, кроме коров или коз, и я не знаю, уцелело ли случайно хотя бы одно деревцо, если оно было посажено не в школьном палисаднике или на церковной ограде.

Я привел эту подробную и, может быть, довольно скучную справку, чтобы показать, сколько непреодолимых затруднений встречало земство в своей деятельности и еще раз подчеркнуть, что возникали они от изживших свой срок законодательств. К сожалению, противники реформ П.А. Столыпина, который как раз и стремился окончательно раскрепостить население и уничтожить «бесправную личность и самоуправную толпу», закрывали глаза на эти явления. Их пугала будущая сельская Россия, населенная крепкими хозяйственниками-собственниками, они издевались над столыпинской «ставкой на сильных», они понимали, что с личностями, растворенными в «самоуправной толпе», революцию сделать легче.

Закончу этот отрывок так. В лице К.П. Берстеля, который до самого конца заведывал в качестве члена губернской земской управы страховым отделом, я имел ценного и верного сотрудника. Он беззаветно любил и хорошо знал свое дело и если иногда делал, как и все, кое-какие ошибки, то в общем земство обязано ему очень многим. За время его управления был коренным образом реформирован институт страховых агентов, упорядочена оценочная часть, проведены наиболее крупные противопожарные мероприятия, а страховой капитал увеличился более чем втрое. Отдел добровольного страхования был, можно сказать, создан К.П. Берстелем, так как до него это дело только прозябало. Поэтому за время моего председательства я почти не вмешивался в дела страхового отдела, будучи уверенным, что там все в порядке, и дело растет и развивается, насколько позволяла общая обстановка.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДЕЛО. 1906 год был неурожайным. Как всегда, это часто повторяющееся в Казанской губернии, как и во всей восточной России, бедствие особенно сильно коснулось южных черноземных уездов. Предстояла серьезная продовольственная кампания, так как своих запасов хлеба у населения в лучшем случае могло хватить до ноября-декабря. В то время

продовольственное дело было изъято из ведения земства, и Министерство внутренних дел взяло его в свои руки. Тем не менее, оставаться безучастным в обстановке, которая создавалась неурожаем, земство, конечно, не могло. Кроме того, и само Министерство внутренних дел было вынуждено прибегать к помощи земства, так как местные административные органы не были достаточно приспособлены к мероприятиям хозяйственного характера. Поэтому по поручению Министерства внутренних дел губернской земской управе пришлось заняться заготовкой и доставкой необходимого количества хлеба в пределы губернии, а, кроме того, уже по инициативе земского собрания и по его поручению широко организовать благотворительную помощь, так как выдававшиеся казной ссуды не покрывали всех потребностей в питании, отчего особенно страдали дети, старики и женщины. Так как неурожай захватил многие восточные губернии, то заинтересованные земства решили действовать сообща и, как всегда, в подобных случаях, центром, руководящим совместной деятельностью, стала Москва. Создалась при Московской губернской земской управе так называемая Общеземская организация по помощи пострадавшему от неурожая населению, которую возглавил тульский землец, князь Георгий Евгеньевич Львов, будущий председатель Совета министров Временного правительства⁸². Он назывался главноуполномоченным организации, а входящие в нее губернские земства выбирали уполномоченных. У нас в Казани выбор пал на меня. Я в это время, благодаря приезду К.П. Берстеля с Дальнего Востока, был свободен и мог всецело отдаться новому поручению земского собрания.

Припоминаю некоторые, не лишённые интереса, подробности. Как только выборы уполномоченных по губерниям состоялись, Московская губернская управа пригласила всех избранных на общий съезд в Москву, с целью договориться о направлении всего дела и распределении обязанностей между центром и местными организациями. Как и всегда, мы были приняты очень любезно, познакомились с кн. Г.Е.Львовым, но вслед за сим нам объявили, что перед открытием занятий надо выполнить «некоторую формальность», предоставив образовавшемуся объединению «подтвердить особой баллотировкой полученные каждым из нас полномочия». Мы переглянулись, не понимая, в чем дело, но, чувствуя себя гостями, не стали протестовать. В результате оказались избранными кн. Г.Е.Львов в качестве главноуполномоченного и все мы как уполномоченные, за исключением председателя Саратовской губернской земской управы К.Н.Гримма, который был забаллотирован. К.Н.Гримм закипел, наговорил резкостей и объявил, что считает такие результаты вызовом всему Саратовскому земству. Многие из нас также начали высказывать недоумение по поводу случившегося, тем более, что земские собрания, вступившие в организацию, не были предупреждены о том, что их избранных будут еще раз баллотировать в Москве. Нарастал скандал. Москвичи и кн. Г.Е.Львов поняли, что дело может рухнуть при невыгодном для них положении, и — вот здесь я не могу точно припомнить, как все это произошло, — после каких-то групповых переговоров и перешептываний нам было объявлено, что

вышло «недоразумение» и полномочия К.Н.Гримма считаются также подтвержденными. В чем же было дело? К.Н.Гримм имел репутацию человека правых взглядов и был избран в Саратов в результате борьбы правых и левых, когда последние потерпели поражение. Тогдашний состав Московской губернской земской управы и кн. Г.Е.Львов не желали иметь уполномоченного со столь ярко определившейся политической физиономией. Отсюда и выплыли выборные формальности и забаллотировка Гримма. Все это сильно меня покорило. Стало ясно, что и к общему доброду делу хотят примешать политику, и порции щей или хлеба голодающим будут приправляться политическим гарниром. И по собственным взглядам и в соответствии с решениями нашего кружка я не хотел смешивать это дело ни с какой, ни с правой, ни с левой политикой. Поэтому самой большой моей заботой было подобрать такую агентуру, которая бы и не стала ей заниматься. Это было нелегко: пришлось прибегнуть к добровольной помощи и содействию сотен людей, причем далеко не всегда можно было их и выбирать, так как они отдавали свой труд бесплатно. А между тем все левое, конечно, устремилось не упустить удобного момента и занять возможно больше позиций. Вот здесь мне и помогли знакомства среди сельской интеллигенции, которые я приобрел при своих поездках по страховым делам. Спешно разрабатывая разные хозяйственные подробности предстоящего сложного и большого дела, я в то же время торопился призывать в организацию всех, на кого можно было положиться, чтобы предупредить предложение услуг, так как именно отсюда и грозила «левая опасность». По некоторым косвенным указаниям считаю, что неудачно выбранного персонала было немного. Черпаю эти указания из следующего. Как-то зимой, когда дело помощи шло полным ходом, я получил письмо от кн. Г.Е. Львова, что проездом из Уфимской губернии он будет в Казани. Вскоре он действительно приехал. От посещения уездов и осмотра столовых и пекарен он отказался и через 2 дня уехал в Москву. Примерно через 2-3 недели после его отъезда я узнал, что в Казанском уезде и часто в селениях, где уже действовали наши столовые и хлебопекарни, начала открывать таковые же Наталья Петровна Куприянова, сестра нашего губернского гласного В.П. Куприянова, о котором я говорил выше. Наталья Петровна держалась столь же левых взглядов, что и её брат. Надо сказать, что открытие столовых частными лицами имело место и, в частности, из Петербурга наехало много дам-благотворительниц, которые разными способами оказывали помощь нуждающимся. Я встречал их как желанных посетителей, и единственной заботой ставил себе лишь то, чтобы уговорить их не конкурировать между собой, а также и с земством. Но об этом речь впереди. Здесь же скажу, что никаких возражений я не мог иметь и против столовых Н.П. Куприяновой и, по принятому порядку, заехал к ней, чтобы уговорить не вносить разнобоя в общее дело. При нашей беседе выяснилось, что средства для устройства столовых передал ей кн. Г.Е.Львов, сказав, что и она может считать себя уполномоченным Общеземской организации.

Легко представить, что я испытал при этом известии и как трудно мне было побороть волнение и не выдать себя. Я никогда и никому об этом не сказал, а в том числе и кн. Г.Е. Львову, не желая омрачать дела помощи несчастным людям какими-либо выпадами личного свойства, но, разумеется, в моем мнении о нем этот случай не сыграл положительной роли. Свою деятельность Н.П. Куприянова ограничила одним уездом, где ею было открыто что-то около — точно не помню — 15-20 столовых. Но при этом не преминула кроме пищи материальной преподносить и духовную. В столовых появились искусно подобранные библиотечки с книжечками и брошюрками эсеровского пошиба, а по вечерам нуждающихся развлекали при помощи волшебного фонаря картинками с соответствующими «пояснениями». Что мне было делать? Я обратил на это внимание А.Н.Боратынского, который был Предводителем дворянства в Казанском уезде. После долгой и сложной возни ему удалось уговорить Наталью Петровну убрать всю эту пропаганду.

Расскажу теперь, как шло и окончилось это дело. Напомню, что в мои обязанности входило оказывать чисто благотворительную, а, стало быть, и бесплатную помощь детям, старикам и больным из действительно нуждающихся семей. Вот здесь и было первое затруднение: как узнать действительную нужду? По мнению самих крестьян, нуждались все. Крестьяне смотрели на вопрос не с личной, а с хозяйственной точки зрения. Последствия неурожая одинаково коснулись всех, и бедных и зажиточных, с той лишь разницей, что первые начали испытывать нужду в пропитании с октября-ноября, а большинство вторых могли бы дотянуть и до весны, распродавая скот и некоторые запасы, т.е. разоряя свое хозяйство. Могло ли входить в задачи разумно-заботливой власти такое разграничение нуждающихся и такой порядок помощи, при которых в конечном итоге окажутся разоренными все, хотя бы и в разные сроки? Указания на недостаток средств были для крестьян неубедительными. «А ежели всех-то разорить, так откуда брать денег на прокорм всего народа», — говорили они. Случалось слышать и такие мнения: «Из этих ваших беднеющих (это значит беднейших) большая половина бездельников, а вы их кормите за счет нашего разоренья. Кому от этого польза будет?»

Привыкнув без предубеждения прислушиваться к мнениям крестьян, я не обнаружил в этих словах свидетельства об отсутствии чувства сострадания, которое, как давно известно, свойственно русскому человеку в большей мере, чем многим другим. Но крестьяне понимают и оправдывают сострадание как личный душевный порыв, а от общественных и государственных учреждений ждут общепользных мероприятий уравнительного воздействия, несущих одинаковые блага для всех. Поэтому бесцельно было надеяться, что сами крестьяне отсеют «овец от козлищ». Положиться на усмотрение местного священника, фельдшера, учительницы, помещика, которые добровольно предоставили свое время и труд? Но ведь при «усмотрении» неизбежны крупные ошибки, не говоря уже о том, что им, живущим на местах, нельзя было рисковать отношениями с населением.

Одним словом, это был неразрешимый вопрос, или, точнее, разрешение его надо было искать в крупнейших государственных мероприятиях и реформах, в том же большом столыпинском деле, на которое я поневоле указываю при всяком удобном случае. Поэтому на вопросы агентуры, как определять нуждающихся, я отвечал так: «Кормите всех, кто к вам придет. Будем верить, что скромный паек, состоящий из постных щей, кашицы с салом и одного фунта хлеба не будет привлекать тех, кто не нуждается, что последним совесть не позволит идти в наши столовые». Я убедился потом, что этот расчет, если и не вполне, то в значительной мере, все-таки оправдался: большинство действительно зажиточных домохозяев воздерживалось посылать своих детей и стариков. Но были, конечно, и другие случаи, когда не стыдились, пообедав в земской столовой, пойти в другую, частную. Дамы-благотворительницы нередко содействовали росту таких явлений, так как совершенно не желали считаться с установленными земством нормами питания, зазывали в свои столовые и конкурировали не только с земством, но и друг с другом, вырабатывая такие «меню», в которые входили и шоколад, и коньяк, и разные заманчивые приправы. Каждый стремился накормить возможно большее число лиц: это своеобразно щекотало самолюбие. Раздавали иногда и деньги. Помню случай, когда весной дама-благотворительница из Петербурга, сойдя с парохода на пристань в селе Мурзихе, растерянно оглянулась и спросила окруживших ее крестьян: «Скажите, пожалуйста, где здесь бедные? Вы, может быть, тоже бедные?» Им не впервые было в этом году встречать благотворительей, и в ответ на вопрос последовала такая реплика: «Бедные, Ваше сиятельство, совсем голодные». Добрая дама открыла свою сумку и начала раздавать золотые пяти- и десятирублевого достоинства. Надо ли говорить, как хорошо в этот день торговали местные казенные винные лавки. Благодарную память я храню о баронессе Варваре Ивановне фон Иксуль. Эта обаятельная и умная женщина собирала большие средства, но никогда не позволяла себе конкурировать в помощи. Она не делала ни одного шага, не посоветовавшись с губернатором, с Предводителем дворянства или со мной и приходила с помощью там, где была действительная, бесспорная нужда и где почему-нибудь мы не могли или не успели помочь.

Немало было затруднений с отчетностью и заготовкой продуктов. В.В. Абросимов выработал мне очень простые формы записей, доступные для всех мало-мальски грамотных людей. Эти «ведомости» были разосланы всем заведующим столовыми и пекарнями, но возвращались они, конечно, неаккуратно и заполнялись иногда более чем забавно. К даровым сотрудникам нельзя было предъявлять особенно строгих требований, и всю эту чепуху, ежедневно приходящую в сотнях экземпляров, целыми днями, а часто и долгими вечерами разбирали, выясняли, согласовали и т.д. особо приглашенные счетоводы под руководством безропотного и до щепетильности добросовестного В.В. Абросимова.

В середине зимы насчитывалось около 1000 столовых и пекарен Общеземской организации, и кормилось в них около 80 000 нуждающихся. Февраль и март не обошлись, конечно, без цинги и тифа, но, в общем, заболевания насчитывались

лишь десятками и помощь больным оказывалась быстро. Вообще, в эту продовольственную кампанию удалось повсюду и вовремя предупреждать случаи резкого недоедания и заболеваний на этой почве. Это — заслуга нашего земского медицинского персонала и тех сотен добровольцев, которые заведовали столовыми и пекарнями.

Поглощенный без остатка порученным мне делом, я и в качестве наблюдателя почти не принимал участия в общей работе губернской земской управы. А между тем там как раз в этом году произошла крайне неприятная история.

Министерство внутренних дел, оставив за собой дело выдачи ссуд населению, поручило губернской земской управе заготовку хлеба. В Казанской губернии, лишенной железнодорожных путей, эти операции всегда были трудны. Результаты урожая выяснились в конце июля — начале августа. Недели две-три ушло на всякие сношения и формальности. Таким образом, к закупке хлеба возможно было приступить лишь в конце августа или начале сентября. Доставлять хлеб можно было только водой, а 15 октября навигация кончалась. Таким образом, в лучшем случае на заготовку оставалось полтора месяца. Найти, закупить по нормальным ценам, погрузить, доставить и распределить по разным пристаням 3-4 миллиона пудов хлеба в такой срок возможно было лишь для организации, обладающей большими персональными силами, надлежащим оборудованием и связями в коммерческом мире. В то время собственность еще не считалась только «социальной функцией» и нарушение ее прав не допускалось. Поэтому хлеб можно было купить только по добровольной сделке. Естественно, что губернская земская управа, согласившись во имя долга на предложение Министерства внутренних дел (а возможно было и отказаться от него), стала искать поставщиков, на которых можно было бы положиться. Выбор пал на Н.А.Казем-Бека, который в то время вел крупную хлебную торговлю и пользовался большим кредитом и наилучшей репутацией. Чтобы купить хлеб по нормальным ценам, ему пришлось иметь дело с мелкими торговцами и раздавать им крупные задатки. На это он затратил все свои свободные средства и должен был, кроме того, потребовать задаток от губернской земской управы. Благодаря какой-то пертурбации на рынке, вызванной мерами товарища Министерства внутренних дел, В.И.Гурко, который заведовал продовольственным делом в Империи, контрагенты Н.А.Казем-Бека не смогли выполнить полностью своих обязательств, и он вынужден был закупать хлеб по ценам более высоким, чем сам запродал. В результате он сорвался, разорился и недопоставил хлеба на довольно значительную сумму, что-то около 150 000 рублей, полученных им в виде задатка и, благодаря его разорению, невозвращенных. Весь состав губернской земской управы во главе с П.И.Геркеном был отдан под суд. Дело тянулось больше года и кончилось тем, что все, кроме Д.П.Арцыбашева, который не подписал ни одного журнала о выдаче задатков Н.А.Казем-Беку, были признаны виновными в небрежности и неправильном расходовании казенных денег. Больше других пострадал П.И.Геркен, который, кроме обязанности выплачивать казне известную часть понесенных ею убытков, был

окончательно отстранен от должности председателя управы. Когда разыгрывалась эта драма, я для своих пекарен и столовых также принужден был закупать хлеб, хотя и в меньших количествах. И также, как П.И.Геркен, предпочел рисковать на выдаче крупных задатков поставщикам, чтобы возможно больше выгадать на цене. Судьба оказалась ко мне более милостивой, никто меня не подвел.

Сдав отчет по возложенному на меня делу, я вновь остался только гласным губернского земства и, будучи избран членом 3-ей Государственной Думы, прожил 8 месяцев в Петербурге. Летом 1908 г., когда закончился процесс губернской земской управы, и надо было выбрать нового председателя, на этот пост наметили меня. Я отказался, находя, что такие выборы вообще преждевременны, пока не разрешена поданная П.И.Геркеном кассационная жалоба. Губернское земское Собрание согласилось со мной, избрав меня членом Управы, заступающим место председателя. Этот последний пост я занял через несколько месяцев, когда кассационная жалоба П.И.Геркена была оставлена без последствий.

После продовольственной кампании 1906 г. следующий особенно сильный неурожай случился в 1911 году. В половине июня этого года я взял отпуск и поехал лечиться в Киссинген, а через три недели получил известие, что, благодаря жарам и засухам, урожай погиб, и предстоит крупная продовольственная кампания. Я поспешил домой. Еще дорогой я немало передумал о том, как организовать продовольственную помощь, чтобы по возможности избежать теневых сторон этого дела, которые обнаружились в предыдущие продовольственные годы. Здесь я имел в виду установленный законом порядок, по которому все нуждающиеся по особым спискам, составленным на сельских сходах, получали ежемесячно хлеб на ссудных началах. Опуская подробности о том, из каких источников черпались для этого необходимые средства, и останавлиюсь лишь на описании результатов такой меры.

Власть смотрела на дело так: вследствие неурожая, вызывавшего временные продовольственные затруднения, надо было помочь населению их пережить. А для этого всем нуждающимся полагалось выдавать натурой ссуды с тем, что в последующие годы получившие их должны будут покрыть свой долг. Крестьяне смотрели на все это иначе. Бедствие обрушилось на всех, и, по их мнению, правительство и должно было помогать всем, а не только так называемым нуждающимся. Брать хлеб, выдаваемый казной, и можно, и должно, но не следует его возвращать, так как иначе и без того расстроенные неурожаем хозяйства не могли бы как следует оправиться. Поэтому от уплаты продовольственных долгов крестьяне всячески воздерживались, недоимки копились, а власть не хотела взыскивать их решительными мерами, основательно полагая, что это было бы не только жестоко, но и не расчетливо, так как — здесь взгляды крестьян и власти сходились — мешало бы нормальному восстановлению пострадавших хозяйств. Чтобы не переписывать накапливающиеся безнадежные недоимки из года в год, правительство пользовалось моментами общенациональных торжеств, когда Высочайшими манифестами эти долги списывались со счетов. Это только убеждало крестьян

в правильности и прочности занимаемой ими позиции. В итоге, после ряда продовольственных кампаний, крестьяне окончательно усвоили взгляд, что ссуды есть ничто иное, как «царский паек», который уже по тому самому никакому возврату и не должен подлежать. Следствием этого взгляда было заметное ослабление воли к тому, чтобы заботливо и расчетливо вести хозяйство: не хватит хлеба, Царь распорядится выдать, о чем же особенно заботиться? Развращающее влияние ссудной помощи нарастало так, что появились массовые случаи — особенно среди татарского населения — когда и в сравнительно нормальные годы весь собранный урожай быстро реализовывался, никаких запасов для семьи и скота не оставлялось, и возбуждались ходатайства о выдаче ссуд. Обследование устанавливало отсутствие запасов, и, после некоторого сопротивления власть все-таки считала себя вынужденной удовлетворять такие ходатайства. Таким образом, побеждало зло, дурные побуждения, а самодеятельность и стремление трудом и заботами улучшить и охранять хозяйство исчезали. Все, конечно, это видели и понимали, не было и недостатка в проектах побороть вредные последствия засушливого климата, писали и говорили о массовом насаждении лесов, об искусственном орошении степных пространств, искали наиболее устойчивые сорта хлебных растений и т.п., но все это требовало огромных затрат и неопределенно длинных сроков, почему и оставалось в мечтах и на бумаге.

У меня засела мысль организовать вместо выдачи ссуд общественные работы с одновременной заготовкой и подачей населению хлеба по нормальным рыночным ценам. Старики, дети и больные могли бы в случае нужды получать благотворительную помощь. Когда, по приезду в Казань, я поделился этими мыслями с сотрудниками, то большинство из них, соглашаясь со мной принципиально, сомневались в практической осуществимости моего проекта, не говоря уже о сложности и трудности дела, ему мешает климат. Нужда всего сильнее зимой и ранней весной. Какие работы возможно организовать на мерзлой земле, при метелях и морозах! Исключения составили К.П. Берстель и Д.П. Арцыбашев. Последний особенно живо увлекся этой мыслью, усмотрев удобный случай расширить свое любимое дорожное дело. Вскоре выяснилось, что мы не одиноки. В Симбирске, Самаре, Саратове и Уфе говорили о том же, и Министерство внутренних дел заинтересовалось такой постановкой вопроса. Это нас подбодрило, и решено было энергично приняться за разработку вопроса, приняв в то же время срочные меры к заготовке хлеба, о чем и начать сношения с Министерством внутренних дел. Техническая часть была поручена возглавляемому Д.П. Арцыбашевым Техническому отделу, на мою долю досталась заготовка хлеба и все хлопоты и сношения с местными властями и министерствами. Работа закипела, но избранный нами путь оказался весьма тернистым. В ответ на ходатайство экстренного земского собрания о необходимости срочной заготовки хлеба, Министерство внутренних дел прислало крупного чиновника, В.И. Ковалевского, договориться об условиях, на которых земство могло бы взять на себя это дело. Он предложил нам организовать заготовку хлеба на правах частного комиссионера с тем, что

Министерство внутренних дел уплатит нам за труд некоторое скромное комиссионное вознаграждение, которое все же даст возможность земству кое-что заработать. Не могу сказать, был ли это личный проект В.И.Ковалевского или его придумали другие мудрые люди в недрах Министерства, но и меня, и большинство гласных он не только смутил, но и возмутил: мы почувствовали в этом предложении непонимание положения и значения земства и оскорбительное отношение к нему. На заседании экстренного земского собрания, где В.И.Ковалевский огласил свое предложение, я выступил с горячим протестом, подчеркнув, между прочим, что, очевидно, не все чины Министерства внутренних дел усвоили направление и заветы П.А.Столыпина и продолжают ошибочно и недостойно смотреть на земство. «Мы, Ваше Превосходительство, — закончил я свою речь, — считаем земство общественной организацией, но полагаем, что она занимает определенное и почетное место в системе общего управления страной. Во имя долга перед ней и населением мы обязаны принять поручение Министерства, но можем сделать это лишь при условии, что на нас будут смотреть, как на естественных и совершенно бескорыстных агентов». Меня хорошо поддержали, и бедный В.И.Ковалевский, услышав немало язвительных замечаний со всех сторон, уехал, не разрешив дела. Замечу, однако что при последующих сношениях я увидел в В.И.Ковалевском очень неглупого, благожелательного и любезного человека, с которым мне удалось установить самые добрые отношения и который во многом мне помог.

Время уходило, наступил сентябрь, а ответа из Министерства внутренних дел не было. Тогда, как сейчас помню, 14-ого сентября я составил ультимативного характера телеграмму на имя министра внутренних дел, указав, что дальше ждать нельзя и что земство примет поручение заготовить хлеб на основаниях, оглашенных мною в земском собрании, но при условии получения согласия Министерства завтра же, с одновременным ассигнованием необходимых средств. По правилам я обязан был послать эту телеграмму через губернатора, но милейший Михаил Васильевич Стрижевский, занимавший тогда этот пост, наотрез мне отказал, объяснив, что не считает возможным ставить Министерству ультиматумы. Тогда я сказал ему, что пошлю телеграмму непосредственно. Он был очень смущен и заявил, что вынужден будет обсудить мой поступок в заседании губернского по земским делам присутствия. Телеграмму я немедленно послал, а на другой день М.В.Стрижевский вызвал меня к телефону и еще более смущенным тоном сообщил, что согласие Министерства получено и деньги переводятся. В тот же вечер я заарендовал небольшой буксирный пароход, вызвал одного местного хлеботорговца, С.В. Демидова, и в ночь мы отплыли в Вятскую губернию, где была надежда найти хотя бы часть необходимого хлеба. Кроме того, другому крупному хлеботорговцу в Симбирске я телеграммой поручил закупать все, что возможно на Нижней Волге, немедленно грузить и направлять в пределы Казанской губернии. Было бы слишком долго описывать мое путешествие, поиски, переговоры и волнения, ежечасную посылку и получение пачек телеграмм, перетаскивание

груженных хлебом баржей через перекааты, небольшие аварии, ночные рейсы в снежный буран и т.п. Отмечу лишь, что к 20 октября около 3 миллионов пудов хлеба находилось на разных пристанях Волги и Камы в пределах Казанской губернии. Хлеб удалось заготовить по совершенно нормальным рыночным ценам, с накладными расходами, значительно меньшими, чем те «комиссионные», которыми соблазнял нас В.И.Ковалевский.

Тем временем кипела работа и у Д.П.Арцыбашева. Смет было составлено примерно на 10 миллионов рублей. Предполагались самые разнообразные работы: дорожные сооружения и шоссе, укрепление песков и оврагов, устройство водоемов, постройки школьных зданий и т.д. В качестве зимних работ план предусматривал, главным образом, заготовку и доставку материалов, а также некоторые земляные работы на трактах: выемки и насыпи с целью уничтожения слишком крутых подъёмов и спусков. Такие работы предполагалось вести под дощатыми крышами, что оберегало от морозов и метелей. Расчеты количества потребных рабочих рук показывали, что намечаемыми работами нужда может быть покрыта с избытком. Я поехал в Петербург договориться с сенатором В.Э.Фришем, который был назначен заведующим всем продовольственным делом в империи. Он принял меня в высшей степени любезно, сказал, что очень сочувствует нашим проектам, что такая работа началась и в других губерниях и что соответствующие ходатайства земского собрания будут. Несомненно, удовлетворены. Тем не менее, так как все продовольственное дело находилось по закону в руках Министерства внутренних дел, нам придется представлять наши сметы и расчеты на предварительное рассмотрение и одобрение губернского присутствия. Это было не очень приятно, так как я сейчас же представил себе робкого М.В.Стрижевского, с которым будет немало возни. По счастью, непременным членом присутствия был наш губернский гласный, Николай Васильевич Смирнов, толковый и дельный человек, с которым у нас были наилучшие отношения. Договорился я с В.Э.Фришем и о том, что общественные работы должны полностью заменить выдачу ссуд, и в дополнение к этим работам будет лишь в ограниченных размерах оказываться благотворительная помощь детям и старикам в тех семьях, которые не имели достаточно работоспособного элемента. Все, казалось, складывалось благоприятно, но в Казани меня встретили известием, что радикальные круги сильно встревожены нашими проектами и готовят «общественный протест», «обработка» гласных идет, и надо ждать, что в земском собрании вопрос не пройдет гладко. В средствах, как полагается, не стеснялись, клеветали вовсю, обвиняли меня в карьеристских побуждениях, припоминали мою работу в 1906 г., когда я будто бы «всячески обрывал частную инициативу» и «держал впроголодь несчастное население», называли наши проекты «рецидивом крепостного права» и т.п. В управе К.П.Берстель, пострадавший от истории с П.И.Геркеном, озабоченно кряхтел, а Д.П.Арцыбашев лукаво подмигивал и приговаривал: «Будет, будет бой, готовьтесь». Остальные члены управы делали вид, что они ни при чем,

и если что-нибудь «произойдет», то пусть я и отвечаю. А.Н.Благодаров молчал, тер лысину и смотрел на меня жалостливыми глазами.

И «бой» действительно произошел. Едва ли я ошибусь, если скажу, что за 19 лет не было ни одного земского собрания, где бы при упорных спорах страсти так разгорелись. Оппозиция во главе с В.Н.Бельковичем пыталась разбить доводы губернской управы, доказывая невозможность зимних работ, которые, в случае их осуществления, будут поистине носить характер «каторжных». «Если же принять в расчет фактическую принудительность работ — хлеб, ведь, будут получать только те, которые выйдут на работы, — то новый, еще невиданный вид каторги налицо. Кого же наказывают? Голодных. И с позорным предложением об этом выступает губернская земская управа, орган высшего общественного учреждения». В<ладимир> Н<иколаевич> закончил свою страстную речь истерическими всхлипываниями, что, конечно, произвело известное впечатление. Я молчал, выжидая, что будет дальше. Нашлись, наконец, и такие, кто хорошо подметил недостаточную логичность выводов В.Н. Бельковича. «Позвольте, — говорил, если не ошибаюсь, Н.В.Смирнов, — ведь так всякий труд, который дает людям возможность существовать, можно назвать каторжным, так как фактически он принудителен: не заработаешь, так не поешь. Не надо забывать, что каторжный труд не обеспечивает существования, а, главное, что каторжник трудится не для себя и своей семьи, что он не вправе выбирать работы, не может от нее отказаться, если найдет иное занятие и т.д. Таким образом, определение В.Н.Бельковича, в лучшем случае, натяжка. Что же касается в частности зимних работ, то планом губернской управы предусмотрены такие работы, которыми население всегда занимается зимой, если есть предложения, и весь вопрос сводится в сущности к тому, чтобы их создать». Тогда оппозиция прибегла к такой уловке: «Мы не так давно пережили продовольственные увлечения, которые окончились печально. Теперь выдвигается новый проект, еще более сложный, трудно выполнимый технически, связанный с затратой миллионов казенных денег. Не будем ли мы скоро свидетелями новой драмы, новых судебных процессов и лишнего опорожнения земства в глазах общества».

Этот маневр подействовал сильнее слез В.Н.Бельковича, видно было, что заколебались многие гласные, некоторые подходили ко мне и уговаривали снять предложение управы. Я ничего не отвечал и лишь напряженно думал, какой выход найти, чтобы не погубить дела, в которое верил. Отставка? Но земское собрание могло понять этот шаг, как известное насилие над его волей, приняло бы отставку и, разумеется, отвергло бы все наши проекты. Наконец меня «осенило». Я употребляю это слово, так как оно, может быть, лучше всего определяет чувство уверенности в победе, возникающее за новой, неожиданной для самого себя, молниеносно зарождающейся мыслью, властно и повелительно охватывающей мозг. Я попросил слова и сказал примерно так: «Считаю долгом ответить только на соображения делового характера. Управа не скрывает от себя огромных трудностей дела, которое она предлагает и защищает, твердо веря в его

экономическое и моральное значение. Поэтому правы, может быть, те, кто из соображений осторожности отрицательно относится к нашему проекту, не отвергая его принципиальной ценности. Управа сочла бы себя удовлетворенной, если бы земское собрание, не разрешая окончательно поставленного вопроса, поручило ей начать общественные работы в виде опыта, о котором будет подробно доложено через пять недель на предстоящем в половине января экстренном земском собрании. Такое решение не свяжет никого, т. е. ни земство, ни администрацию, и если последняя найдет необходимым приступить к выдаче ссуд, то и приступит, а начатые работы сыграют роль дополнительной помощи». С.С. Толстой также, по-видимому, почувствовал, что внесенное мною предложение является выходом, тотчас же объявил, что считает вопрос достаточно освещенным и приступил к голосованию. Большинство высказалось за принятие этого предложения и, таким образом, сражение не было проигранным. А для выигрыша всей кампании надо было поставить опыт так, чтобы ссуды не оказались необходимыми, и будущее земское собрание достаточно и на деле убедилось в преимуществах общественных работ. Такое решение понравилось и губернатору: он почувствовал себя ничем не связанным, и мне удалось заручиться его обещанием не приступать к выдаче ссуд, если наши работы развернутся быстро и повсеместно.

Отдаю должное Д.П. Арцыбашеву и его сотрудникам. С совершенно исключительной энергией, не жалея себя, взялись они за дело, и через две недели начались почти все намеченные по плану работы. К моменту открытия занятий экстренного земского собрания они повсюду шли полным ходом. Бунты камня, гальки, песка уже лежали на обочинах дорог, кирпичи и лесные материалы подвозились к местам будущих построек, земляные работы на выемках привлекали массы крестьян, у которых не было лошадей или последние были заняты на конных работах, производившимися другими членами семьи. Левые ответили пропагандой на местах, призывали население бойкотировать работы, но это успеха не имело: семьи с 2-3 рабочими и лошадью зарабатывали так, что могли не только хорошо прокормить себя и скот, но и справиться одежду и обувь и даже кое-что отложить для будущих надобностей хозяйства. Неограниченная продажа хлеба по нормальным ценам и благотворительная помощь подействовали на местные рынки так, что мелкие торговцы и богатые крестьяне продавали на базарах зерно и муку по тем же ценам, что и земство. Установилась нормальная трудовая жизнь, и постигшее бедствие переживалось сравнительно легко. Все это, конечно, не скрылось от глаз администрации и непредубежденных гласных. Первая не поднимала вопроса о ссудах, вторые помогли тому, что январское земское собрание приняло внесенные в начале декабря предложения управы и уполномочило ее продолжать работы. В середине февраля выяснилось, что нам потребуются некоторые добавочные кредиты, и я поехал в Петербург похлопотать об этом. К моему удивлению, В.Э.Фриш принял меня на этот раз более чем сдержанно и, выслушав мой доклад, начал доказывать, что лучше было бы свертывать, а не расширять работы и приступать к выдаче ссуд. «Опыт повсюду оказался неудачным, — говорил

В<ладимир> Э<дуардович>, — кроме вас упрямится только граф Татищев в Саратове. Уфа, Самара, Симбирск, Пенза переходят на ссуды, так как появились эпидемии и стало ясным, что общественные работы не покрывают продовольственных потребностей. Меня травят в газетах, замучили в Государственной Думе, отовсюду идут вопли и протесты против общественных работ». Все это было для меня не только сильным ударом, но и новостью. Заваленный делами выше головы, я не успевал следить за печатью, да и из соседних губерний не имел никаких сведений.

Овладев собой, я попросил В.Э.Фриша выслушать меня, подробно рассказал ему, как и что у нас делается, как изменило свое мнение земское собрание, какой полный контакт установился с губернатором, и подкрепил свой рассказ документальной справкой, что никаких заболеваний у нас пока нет, хотя наступила вторая половина февраля. “Дайте нам закончить дело, — умоляюще просил я его, — через месяц настанет тепло, опасность развития эпидемий минует. А, между тем, если опыт удастся, подумайте, какие последствия повлечет он за собой”. Наконец я его уломал. Он согласился дать нам возможность закончить опыт и распорядился отпустить добавочные кредиты, но, прощаясь, нашел почему-то нужным подчеркнуть, что за неудачу сочтет меня “лично ответственным”. Я имею основания думать, что мне сильно помог В.И.Ковалевский, на которого полгода тому назад я так яростно нападал. После моей второй речи В.Э.Фриш вызвал его, а меня просил пройти в канцелярию, чтобы дать какие-то справки. Когда я вновь вернулся в его кабинет, В.И.Ковалевский сейчас же вышел, и вот тогда-то я получил то, о чем просил.

В начале мая В.Э.Фриш приехал в Казань в сопровождении нескольких чиновников. Мы побывали с ним и М.В.Стрижевским в 4-х уездах. Много работ было уже закончено, другие шли полным ходом. Ни одного заявления о недовольстве, ни одной жалобы он не получил. Наоборот, во многих местах крестьяне с гордостью показывали, какой водоем им устроен или “срублена” школа и т. д. Цинги, и то в легкой форме, было за все время около 10 случаев, тифа, как помнится, немногим больше.

Вечером в Николин день мы проезжали через село Рождественское Лаишевского уезда. Солнце только что село, было тихо, тепло, пахло ожившей землей и свежей зеленью. В центре села, на площади, шли хороводы, ребятишки оживленно играли в чижа и чушки, бабы и мужики мирно гуторили на завалинках. “Где же ваши голодающие?” — улыбаясь, спросил меня В.Э. Фриш.

Через два дня, дружелюбно прощаясь со мной, он поздравил меня “с победой”.

Каковы же были ее итоги? Работ было произведено приблизительно на 12 миллионов рублей. Это губерния получила полностью в виде дорожных и разных других сооружений и улучшений. Около двух третей этой суммы заработали крестьяне — треть ушла на материалы и накладные расходы. Ссуд не выдавалось, и, значит, задолженность населения не увеличилась. Скот и рабочие лошади

остались нераспроданными. Возможность оказывать помощь на трудовых началах была доказана.

Те же результаты получились и в Саратове, где, за отказом земства, все дело вел губернатор, граф С.С. Татищев. Мне пришлось с ним встретиться не раз, и он оставил во мне впечатление независимого, одаренного и выдающегося деятеля.

АГРОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ. Более или менее серьезные меры по агрономической помощи были предприняты, когда председателем губернской управы был В.В. Марковников. При нем и, если я не ошибаюсь, по его инициативе был на широких началах устроен склад губернского земства по продаже сельскохозяйственных орудий, машин, семян и удобрений. Несколько раньше недалеко от Казани был приобретен участок земли — около 300 десятин и устроена «показательная» ферма с низшей сельскохозяйственной школой. Отмечу, кстати, что земля на этом участке была очень неплодородна (сильно песчаный, бедный подзол) и, что всего важнее, совершенно нетипична для Казанской губернии. Уже по одному этому ферме трудно было стать «показательной». Куплен был этот участок по настоянию К.А. Юшкова, который доказывал, что «на хорошей земле всякий дурак сумеет хозяйничать, а, вот, пусть наши агрономы покажут, как можно и на песке получать хорошие урожаи». При засушливом климате губернии агрономы, разумеется, не могли этого показать.

Итак, сельскохозяйственный склад и ферма — вот то, что я застал в 1908 году, когда при распределении обязанностей агрономический отдел поступил в мое ведение. Сельскохозяйственный склад работал хорошо, неуклонно и заметно развивая свои операции. Особенно охотно крестьяне стали покупать плуги, и в южных уездах соха исчезала. Что же касается фермы, то все ее значение свелось к поставке молока в земские лечебные и благотворительные учреждения. Низшая сельскохозяйственная школа ежегодно выпускала 8-10 человек. Немногие из них устраивались приказчиками в частных хозяйствах, большинство предпочитало идти в продавцы водки в казенных винных лавках, часть исчезала, не оставляя следов. И фермерское хозяйство, и школа стоили земству довольно дорого, так что покупать молоко на рынке было бы значительно выгоднее, если, конечно, не учитывать строго его качество: ферма доставляла очень хорошее молоко. Заведовал фермой и школой губернский агроном. Этим фактически ограничивалась его деятельность.

Прежде всего я обратил внимание на ферму, задавшись целью поставить хозяйство на правильных коммерческих основаниях и придать ему действительно показательное значение. Освободив губернского агронома от непосредственного заведования фермой и дав ему другие поручения, я пригласил в качестве управляющего агронома-практика со средним образованием. После многих хлопот по коренному улучшению молочного скота, организации его кормления и общего содержания, воспитания молодняка и т.п. поставленная задача была достигнута. Через три года ферма стала не только оправдывать себя, но и давать недурной доход, который можно было обратить на дальнейшее улучшение хозяйства, и это

несмотря на то, что молоко ставилось в Земские учреждения по фиксированной на целый год цене, которая была на 10-12 % ниже рыночной. Молочное стадо состояло из самых обыкновенных коров, постепенно закупленных у барышников, но губернскому агроному пришла счастливая мысль доставать производителей из Архангельской губернии, где еще со времен императора Петра Великого и его заботами образовалась совершенно устойчивая холмогорская порода скота. От этих холмогорских быков стали получаться очень недурные метисы со значительно повышенной молочностью. Я продолжил этот прием и ежегодно получал производителя из Холмогор. В результате тщательного отбора приплода получилось красивое однотипное стадо молочных коров со средним годовым удоем в 280-300 ведер, несмотря на то, что конюшни все еще оставались старые, довольно холодные и плохо устроенные. Были коровы со средним удоем в 380 ведер. Молодняк от них сохранялся, внимательно воспитывался, и излишки его шли на продажу, как племенной материал. Спрос на него постоянно возрастал, и ферма иногда не могла удовлетворить всех запросов. Образовавшийся вскоре избыток молока стали обращать на выделку разных молочных продуктов — масла, сметаны, сыра. Все это сбывалось без остатка частной клиентуре. Таким образом, показательное значение фермы было достигнуто, но не как хозяйства полевого, а подгородного, молочного. За 1 ½ года до революции накопленные фермой доходы дали возможность приступить к постройке новых кирпичных помещений для коров и молодняка. Закончить это не удалось.

Сельскохозяйственная школа была устроена с целью создавать кадры подготовленных приказчиков и старост для частных хозяйств. Как было отмечено выше, этого не вышло: винные лавки могли платить лучшее жалование, чем землевладельцы, и школа работала больше на монополию, чем на сельское хозяйство. А стоила она дорого: каждый окончивший обходился Земству свыше 1000 рублей. Я задумал иное, а именно, содействовать широкому распространению сельскохозяйственных знаний среди тех, кто уже занимается сельским хозяйством и обладает практическим умением, другими словами, среди земледельцев, которые не ищут иного труда, всецело посвятив себя сельскому хозяйству. Припомнив мысли, которые возникли у меня в Петровском, я испросил у губернского земского собрания такое разрешение: школу закрыть, а вместо нее организовать на ферме шестимесячные курсы — летом по полеводству, а зимой по скотоводству и молочному делу. На курсы принимались все желающие не моложе 18 лет и кончившие начальную школу. Курсисты обязаны были производить все назначаемые руководителем курсов работы — руководил курсами управляющий фермой — как рядовые рабочие, с той разницей, что 1 ½ — 2 часа в день тратились на беседы, где обсуждались теоретические основы различных практических приемов и действий. Принималось на каждые специальные курсы не более 30 человек и, таким образом, ежегодно по трем специальностям выпускалось 90 человек. Вскоре с устройством земского питомника плодовых деревьев и кустов были организованы еще курсы по садоводству и огородничеству, и общее количество курсистов возросло до 120 человек.

Курсисты получали бесплатно питание и помещения для ночлега, а, кроме того, им за рабочие дни выплачивалась поденная плата в размере 20 копеек. Так как все работы на ферме и в питомнике ими и выполнялись, то они не только окупали самих себя, но и приносили некоторый доход, обходясь Земству дешевле наемных рабочих. Интересно отметить, что желающих пройти курсы было всегда гораздо больше, чем можно было принять, и что поступали на них большею частью взрослые — 25, 30 и даже 40-летние. Помню, поступил на курсы по молочному делу старик, не то 55, не то 60 лет и был одним из самых усердных и хорошо усваивающих дело курсистов. Оканчивающие курсы подвергались экзамену, для чего организована была особая экзаменационная комиссия. В нее по приглашению земской управы вошли директор и управляющий местным казенным средним сельскохозяйственным училищем, губернский агроном, инспектор сельского хозяйства. Результаты превзошли все наши ожидания: курсисты выказывали не меньшие знания, а очень часто и большие, чем ученики сельскохозяйственной школы, а, главное, отвечали так толково и обоснованно, что достаточное понимание ими дела было вне сомнения. Все они без исключения возвращались в свои хозяйства, накупив, кто телят, кто присадков яблонь или вишен, кто маслобойку или даже сепаратор. Таким образом, курсы действительно распространяли знания, а, кроме того, создавали кадры непредубежденных сельских хозяев, которые очень пригодились как только возникла стройная агрономическая организация: именно чаще всего у них наши агрономы устраивали разные показательные участки, их привлекали к беседам и чтениям по сельскому хозяйству и т. п.

Питомник фруктовых деревьев и кустов, о котором я только что упомянул, был устроен также под Казанью на большом участке, отведенном нам городом. Заведовал им особый специалист садовод, для которого там же была построена квартира. Питомник выращивал и продавал ежегодно десятки тысяч присадков, и его значение в деле развития садоводства было очень заметным.

В мое время была создана и губернская агрономическая организация. Губернское земство оплачивало в половинном размере содержание уездных агрономов. Это побудило уездное земство создать у себя агрономические отделы. Деятельность всех агрономов объединялась в центре на периодических совещаниях, которыми руководили два губернских агронома. На этих последних было, кроме того, возложено дело изучения различных явлений в сельскохозяйственной промышленности губернии, общий надзор за всеми мероприятиями, подготовка докладов земскому собранию по агрономическим вопросам.

Остановлюсь еще на одном крупном мероприятии, которое мне удалось провести с немалым трудом, так как оно требовало крупных средств. Это мероприятие — опытные поля. В целом ряде специальных совещаний выяснилось, что в губернии нужно было бы иметь, по крайней мере, три опытных поля, сообразно трем наиболее типичным видам почв: черноземной, суглинистой и подзолистой. Предположено было оборудовать поля всеми необходимыми приборами и инструментами, а также достаточными лабораториями, подобрав для заведования

учреждениями специалистов с высшим агрономическим образованием. Были подысканы и необходимые участки земли по 35-40 десятин для каждого поля на местных казенных угодьях. Эти участки казна предоставила земству бесплатно. В последние перед революцией годы оборудование двух опытных полей было закончено и полным ходом начались работы по постановке опытов. На третьем поле шла еще постройка зданий.

Огромную поддержку оказывало земству в этой области хозяйства Министерство земледелия. Постепенно установилась такая практика, что Министерство земледелия оплачивало в половинном размере — а иногда и больше — все земские мероприятия. У Министра земледелия А.В.Кривошеина, земцы всегда были желанными посетителями. Лично я пользовался его большим доверием и не помню случая, когда была бы не удовлетворена какая-нибудь моя просьба. За его управление министерством было сделано для развития и улучшения сельскохозяйственной промышленности столько, сколько раньше не делалось за десятки лет. С самой глубокой признательностью вспоминаю я и многих его сотрудников, о которых уже упомянул выше. В Министерстве земледелия произошла моя первая встреча с Ф.В.Шлиппе. Было это так. Я зашел к графу П.Н.Игнатьеву, который был директором департамента Земледелия. Мне хотелось достать для нашей фермы наилучшего холмогорского производителя. Граф П.Н.Игнатьев принимал не по-чиновничьи, а как-то по-земски, просто, ласково, не подчеркивая, что он страшно занят, и придавая деловому разговору характер оживленной, интересной беседы. Только что я дошел до своего холмогорского быка, как графа П<авла> Н<иколаевича> куда-то срочно вызвали по телефону, и он направил меня к Ф.В.Шлиппе, вице-директору департамента. Как всегда при первой встрече с новыми людьми, я невольно насторожился и сжался, но любезность и простота обращения Ф<едора> В<ладимировича>. быстро устранили чувство неловкости. Мы разговорились о разных земских мероприятиях, и я увидел, что Ф<едор> В<ладимирович> так живо и глубоко интересуется всем, что тут же, кроме быка, предъявил ему еще какие-то претензии, о которых, идя в министерство, и не мечтал. Он слушал меня с напряженным вниманием, и я чувствовал, что наша беседа захватывает его и что он действительно сделает все, что возможно, а не отделается этой стереотипной для чиновников фразой в качестве заключительного аккорда. Так оно и вышло: он быстро сделал все, что обещал.

Закончу этот отрывок своего рассказа указанием на то, что большинство земского собрания относилось очень сочувственно к коренным земельным реформам П.А.Столыпина и А.В.Кривошеина. Поэтому губернская управа могла принимать все посильные меры для роста и укрепления единоличных хуторских хозяйств. Мы выдавали ссуды на постройку домов, на устройство водоснабжения, на покупку сельскохозяйственного инвентаря; направляли к хуторянам специалистов-инструкторов, стараясь развить среди них кустарные промыслы и т. д. К 1917 году отрубные и хуторские хозяйства не только перестали быть раритетами, но множились с быстротой, дававшей надежду на скорое окончательное крушение общины.

Мария Александровна Мельникова. Ле Манн. 2-я пол. 1940-х гг.

Нам уже виделась вдали обновленная Россия с культурными хозяйствами мелких собственников, с общим достатком, довольством и такой моральной политической мощью, перед которой пришлось бы отступать всем нынешним врагам. Они это поняли не хуже нас и нашли удобный случай послать нам Ленина.

Я непосредственно заведовал агрономическим отделом около четырех лет, после чего вошел с ходатайством в земское собрание учредить лишнюю должность члена управы специально для заведования этим отделом. На эту должность был избран Б.П.Ильин. Очень симпатичный человек и хороший товарищ, Б<орис> П<етрович> не обладал особенной энергией и инициативой, хотя вел свое дело очень добросовестно. Но машина была слажена и пущена в ход и нуждалась только в присмотре.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ. Технический отдел развернулся из дорожно-го, когда около последнего постепенно возникли отделения архитектурное, телефонное и гидротехническое. Когда я вошел в состав губернской земской управы, этим отделом уже несколько лет заведовал Д.П.Арцыбашев. Выше я уже характеризовал этого оригинального человека и выдающегося работника, и добавить к сказанному придется немного. Кипучая энергия Д<митрия> П<етровича>, преданность своему делу и недюжинные организаторские способности исключали надобность вмешательства в дела возглавляемого им отдела. Мне как председателю

управы оставалось лишь проверять инициативу своего сотоварища, помогать проводить его предположения на земских собраниях, улаживать возникавшие недоумения и трения с губернатором или министерствами и сдерживать его порывы, когда они клонились к чрезмерному расширению технического отдела за счет других, а, в особенности страхового. Выполнять эту последнюю грустную обязанность было подчас нелегко: Д<митрий> П<етрович> не всегда брезговал средствами при достижении своих целей. Если его напор на тот или другой отдел встречал решительное сопротивление с моей стороны, он заводил интригу и освещал наши споры среди наиболее влиятельных гласных, отступая от истины. Недаром наш патриарх А.Н.Благодаров, который считал своей священной обязанностью посильно оберегать управу от всяких неприятностей, не любил Д<митрия> П<етровича> и за глаза сердито называл его только по имени: Димитрий. Покушения Д<митрия> П<етровича> на другие отделы заключались в следующем. Он считал, что технический отдел имеет по степени полезности исключительные преимущества. Формулировать его пожелания при распределении средств можно было бы так: «Дайте мне все, что я считаю нужным для технического отдела, а остальное можете делить между собой». Финансирование технического отдела из страхового капитала Д<митрий> П<етрович> считал единственным назначением последнего. Бедный К.П.Берстель, влюбленный в свое страховое дело и гордившийся тем, что накапливает капитал, бледнел, краснел и сердито кряхтел, выслушивая такие проекты. Лично я не считал страховой капитал неприкосновенным, допуская возможным и желательным заимообразно пользоваться его свободными средствами, но лишь с тем неперемным условием, чтобы займы возвращались аккуратно и в назначенные сроки. Д<митрий> П<етрович> после некоторой борьбы склонялся признать такие условия приемлемыми, но К<онстантин> П<етрович> не верил ему, подозревая, что, получив заем, он потом сумеет отделаться от его покрытия. В периоды подготовки к очередным земским собраниям, когда составлялись проекты смет и всего бюджета, уходило немало времени и сил, чтобы улаживать трения и оберегать необходимое равновесие в деятельности всех отделов. Много усилий требовалось и для того, чтобы парализовать попытки Д<митрия> П<етровича> преимущественно обслуживать благами своего отдела те местности губернии, где жили наиболее влиятельные гласные. Всем этим, однако несомненные и крупные заслуги Д<митрия> П<етровича> скорее омрачались, чем умалялись, и я без колебаний и всеми силами поддерживал его всегда, когда это представлялось необходимым. Перечислю теперь вкратце то, что было сделано техническим отделом за время возглавления его Д<митрием> П<етровичем>, т. е. примерно за 16 лет.

В ведении отдела до 1901 г., когда был избран Д<митрий> П<етрович>, находились почтовые тракты с общим протяжением свыше 1000 верст. Казанская губерния довольно холмиста и богата большими и мелкими речками, заливающими весной значительные пространства. Чтобы держать тракты в непрерывном проездном состоянии, надо было иметь значительное количество сооружений,

т. е. мостов, насыпей и гатей. Их было, если не ошибаюсь, общим числом около 300. Все мосты были деревянные, и многие из них были в таком состоянии, которое в свое время метко охарактеризовал граф А. Толстой:

Тебе мост-то пустяк,

Дудки.

Ты б его поберег,

Ведь, плыли ж поперек

Утки.

Переезжать насыпи и гати также можно было часто с большими неприятностями. Шоссированных и мощенных дорог не было. В 1917 году почти все деревянные мосты, кроме самых мелких, находящихся на глухих трактах, были заменены каменными или железобетонными с мощенными на них въездами, а насыпи и гати приняли вполне благоустроенный вид и также вымощены. Кроме почтовых, было оборудовано прочными сооружениями около 1000 верст коммерческих трактов, появилось около 100 верст шоссированных и около 120 верст мощенных дорог. Здесь уместно заметить, что каменная покрывка полотна дорог очень затруднялась тем, что в губернии совершенно не было твердых пород камня, а привозной с Верхней Волги обходился так дорого, что им можно было пользоваться в самых исключительных случаях. Много внимания было обращено на содержание трактов в зимнее время. Наиболее бойкие из них обставлялись на зиму деревянными щитами железнодорожного типа, около которых задерживался наносимый метелями снег, и середина тракта шириной 4-5 сажень оставалась совершенно гладкой, без ухабов и раскатов. Это давало возможность сильнее грузить подводы и ехать по тракту без риска изорвать сбрую, изломать экипаж или искалечить лошадей. От Казани до Чистополя зимнее состояние тракта было таково, что представилось возможным устроить автомобильные гонки, первые в России. Ими так заинтересовались, что среди приехавших были и такие автомобилисты, как Н.К. Мекк и В.В. Свечин. Если не ошибаюсь, Н.К. Мекк на своем «Мерседесе» покрыл весь путь в 120 верст меньше чем в 2 часа, что по тому времени было недурным рекордом.

Отделения архитектурное, телефонное и гидротехническое возникли также в предреволюционный период — до 1901 года их не было.

Архитектурное отделение ведало всеми постройками и ремонтами зданий губернского земства и разрабатывало проекты и сметы для уездных земств.

Телефонами были соединены с Казанью все уездные города и наиболее важные торговые села. Было немало и частных абонентов, особенно среди купцов. Для облегчения сношений все станции общего пользования принимали так называемые телефонограммы с оплатой в 3 коп. за слово против 5 коп., которые взимал телеграф. Телефонограммы так привились, что ими широко стали пользоваться и все правительственные учреждения. Главное управление почт и телеграфов запротестовало против этой меры, указывая, что телефонограммы конкурируют с телеграфом и, таким образом, наносят ущерб казне. Пришлось беспокоить

П.А. Столыпина. Он, конечно, сразу понял, что «ущерб казне» с избытком покрывается удобствами населения, и что развитие сношений оживляет экономическую жизнь, отчего казна только выгадывает. Поэтому атаку почтового ведомства удалось отбить. Скоро телефонограммы стали приносить такой доход, что содержание телефонных станций окупалось ими вполне.

Гидротехническое отделение возникло позже других, но все же успело сделать несколько артезианских колодцев и устроить много родников и водоемов.

ОТДЕЛ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ. В этом дореформенного наименования отделе было сосредоточено управление лечебными заведениями, приютами для детей, богадельнями, женской фельдшерской школой и женской учительской семинарией для подготовки народных учительниц⁸³. Во время моего председательства отделом ведал член губернской управы А.Н. Плотников, а затем В.В.Молоствов.

Отдел общественного призрения не пользовался среди нас особыми симпатиями, мы все как-то лишь переносили его и возглавлявшего управление им сотоварища называли, вспоминая Гоголя, не иначе, как «Земляничкой». Почему так? Лечить больных и умалишенных, призрывать несчастных детей и стариков — необходимое и доброе дело. Об этом, конечно, никто и не спорил, причина сдержанного отношения лежала вне этой стороны вопроса. Большим его местом было то, что все учреждения отдела, за исключением фельдшерской и учительской школ, обслуживали почти исключительно нужды города Казани. Земские сборы с имуществ Казань платила Казанскому уездному земству. Выходило так, что нужды Казани оплачивают все уезды, а сборы с ее имуществ получает один только Казанский. Этот же уезд имел наибольшее представительство в губернском земском собрании, причем в числе представлявших его гласных были К.А.Юшков, С.В.Дьяченко и А.Н.Боратынский, голоса которых были очень вески. Поэтому все попытки поставить этот вопрос более справедливо кончались неудачно: нельзя же было в самом деле закрывать учреждения или сокращать их деятельность только потому, что земства не могут размежеваться. Вот этот спор «славян между собою» тянулся, то затихая, то разгораясь, чуть ли не все 50 лет существования земства. Каких только проектов не возникало по этому поводу, сколько слов было выброшено на земских собраниях, сколько произошло личных столкновений при спорах, сколько интриг выросло среди высших служащих отдела, в числе которых были и профессора университета. Да всего и не перечесать. И сейчас не могу решить, правильно это было или нет, но я занял такую позицию и всеми силами удерживался на ней: поддерживать нормальное существование этих учреждений, но препятствовать развитию их деятельности. К фельдшерской и учительской школам это, разумеется, не относилось. Должен, впрочем, оговориться. Сложившееся отношение к отделу не помешало мне сдвинуть с мертвой точки вопрос о постройке собственной лечебницы и убежища для умалишенных. В Казани существовала казенная окружная лечебница для таких больных. За условленную плату лечебница принимала и земских больных. В мое время их скопилось там столько, что мест не хватало, что, конечно, плохо

отзывалось на их содержании. Однако среди многих гласных существовал взгляд, что призрение умалишенных не земское, а государственное дело. Поэтому затруднения лечебницы использовали как средство вынудить казну к ее расширению, а, кроме того, в земские сметы не вносили полностью сумм, потребных на уплату за больных. При поездках в Петербург я неоднократно беседовал по этому поводу с ныне здравствующим сенатором Г.Г. Витте, который в то время возглавлял медицинский отдел Главного управления по делам местного хозяйства. Заручившись его обещанием, что казна окажет земству большую помощь, если оно устроит свою лечебницу, я настоял перед земским собранием о разрешении вопроса в этом смысле. Во время войны постройка началась, но окончена, конечно, не была.

Женская фельдшерская школа и учительская семинария — два безукоризненно поставленных учебных заведения — достались нашему последнему поколению земцев от отцов и дедов. Фельдшерская школа с трехлетним курсом и с добавочными акушерскими однолетними курсами выпускала прекрасно подготовленных фельдшериц и фельдшериц—акушеров. В школе создались, кроме того, добрые традиции, и кончающие были хорошо подготовлены к нелегкой работе в сельских местностях, где затем они несли свои обязанности не только безупречно, но и самоотверженно. Все кончающие обычно сразу устраивались на службу в уездных земствах: их дипломы были вне конкуренции.

Все начальные школы были в Казанской губернии в ведении уездных земств. Губернское земство взяло на себя дело подготовки учительского персонала. С этой целью и была устроена в Казани Учительская семинария. В нее принимали крестьянских девушек, окончивших с отличием начальную земскую школу. Здесь, очевидно, была мысль, что будущие учительницы вернутся в родственную им среду и будут пользоваться большим доверием. Семинария была закрытым учебным заведением, приходящих там не было совершенно. В задачи воспитания входило не готовить из воспитанниц «барышень». Поэтому никакой прислуги в семинарии не было, и воспитанницы сами убирали помещения, стирали белье, готовили пищу, весной и летом работали в огороде и т. п. Учебная часть была организована так, чтобы дать воспитанницам и теоретическую подготовку, соответствующую их будущей деятельности, и достаточную практику. В состав преподавателей входили лучшие педагогические силы города. Из состава губернского земского собрания выбирался попечитель школы. В мое время им бессменно был А.Н. Боратынский, который почти каждый день заезжал в семинарию и нередко проводил там 1 ½ — 2 часа, подробно знакомясь со всеми нуждами учреждения и с ходом учебно-воспитательной части. Естественно, что и здесь создались лучшие традиции, и окончившие курс девушки ценились как выдающиеся учительницы. Особенных забот эти два учебных заведения не приносили. Приходилось лишь время от времени, благодаря нарастающим потребностям, расширять семинарию, что и было очередной задачей, которую я себе ставил, но до осуществления которой судьба не допустила.

Сказанным заботы губернского земства о народном образовании не исчерпывались. Всегда, а за последние годы особенно, оно приходило на помощь почти

всем возникавшим в Казани и уездных городах средним учебным заведениям. На такие пособия ежегодно ассигновались довольно крупные средства, и большинство учебных заведений без помощи земства не могли бы и существовать. Таким образом, если уездные земства были поглощены заботами о начальном образовании, то губернское немало делало в области среднего.

ОТДЕЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. Строго говоря, до моего времени о распространении ремесленных знаний и о содействии развитию кустарных промыслов только разговаривали. Кое-где при начальных школах устраивали так называемые курсы ручного труда, пытались создавать какие-то артели, возбуждали ходатайства общего и довольно расплывчатого содержания. Вот и все. Таким образом, на мою долю выпало начать это большое и важное дело. Существовало два взгляда на способы распространения ремесленных знаний. Один — курсы ручного труда при общеобразовательных школах. Это недорого стоило и имело, будто бы, большое воспитательное значение. Другой — профессиональное и общее образование смешивать нельзя. Чтобы серьезно поставить первое, надо взять для него все учебные часы, а школу оборудовать всеми новейшими техническими приспособлениями и вручить заведование ею мастеру, хорошо подготовленному и теоретически, и практически. Только при этих условиях можно было надеяться получить мастеров, а не любителей, умеющих делать кое-что и кое-как. Я придерживался последнего взгляда, а, кроме того, считал, что приписываемое классам ручного труда воспитательное значение — не более, как заблуждение, так как наименьшую пользу, если не наибольший вред, всегда и во всем приносят полузайки. Мои сотоварищи, и особенно Д.П.Арцыбашев, горячо меня поддерживали, и решено было испросить у земского собрания разрешения создать особый отдел Профессионального образования с поручением ему заняться и помощью кустарям. Возглавить этот отдел я наметил с общего согласия В.Н.Бельковича, бывшего в то время председателем Лаишевской уездной земской управы. Я знал его давно как энергичного, толкового и интересующегося деятеля, и пренебрег некоторыми особенностями его характера, о которых сказано выше, и его в общем путанными, но все же довольно радикальными политическими воззрениями. Доклад губернской управы прошел, В.Н.Белькович согласился войти в ее состав и был избран членом губернской управы. Через три года он покинул этот пост по причинам, о которых скажу позже, и его сменил Н.С.Теренин. В недолгий срок В.Н.Белькович разработал порученный ему вопрос. Прежде всего, по его схеме, необходимо было ближе ознакомиться с положением кустарной промышленности вообще и в губернии в частности, для чего всего целесообразнее было бы устроить большую выставку кустарных изделий. Одновременно полезно было бы подробно обследовать все кустарные районы губернии и составить монографию с описанием промыслов и учетом их размеров и значения. Затем необходимо было бы учредить в Казани Склад кустарных изделий, поставив в его задачи посредничество между кустарями и рынком в снаб-

жении кустарей сырьем, выработку рисунков и образцов, устройства Кустарного музея и оказание кустарям необходимого кредита.

В деле распространения профессиональных знаний необходимо наметить для постепенного осуществления сеть профессиональных школ типа учебно-ремесленных и учебно-художественных мастерских — школы мастеров — с тем, чтобы такие школы открывать в местностях, где уже существует данное кустарное производство. Этим подчеркивалась мысль не заниматься насаждением чего-нибудь нового, а улучшать и, следовательно, развивать существующее, что уже оправдывалось многообразными местными условиями и имело рынки сбыта. Так как в процессе работы В.Н. Белькович все время советовался со мной, то фактически эта программа была нашей общей. Разработанная в деталях, она принята была и земским собранием. Статистическая часть, т. е. обследование промыслов и составление монографии, была поручена В.В.Перцову. Здесь можно было быть спокойным. Остальное было возложено на В.Н.Бельковича и его сотрудников, т. е. на профессиональный отдел. Выставка была устроена, дала много хлопот и неприятностей, а также, как полагается всем выставкам, довольно большой убыток, но была очень поучительна и оставила нам немало ценных указаний и материала. Вскоре после нее был устроен и кустарный склад, для которого мы отвели нижний этаж большого дома на главной в городе Воскресенской улице, приобретенного для страхового отдела. Быстрый рост оборотов склада превзошел наши ожидания, а постоянные группы крестьян-кустарей, посещающих его, были хорошим показателем его нарастающего значения.

Ремесленных школ было намечено, если не ошибаюсь, 12, но построить, оборудовать и пустить в ход мы успели только 4: война приостановила работы, а революция оборвала.

Светлым воспоминанием осталось у меня посещение Строгановского училища в Москве и знакомство с его директором, Н.В.Глобой. Я поехал туда с целью познакомиться с постановкой дела и, что возможно, перенять для намеченных нами профессиональных школ. Н.В.Глоба встретил меня очень любезно и, не взглядывая на часы, водил по всем помещениям, показывал лучшие вещи, объяснял технику производства и т.п. и кончил тем, что познакомил меня с некоторыми учениками, показав и те художественные изделия, которые каждый из них сделал своими руками с начала и до конца. Я был ошеломлен разнообразием и красотой изделий и, каюсь, мнетрудно было верить, что такой-то столик красного дерева сделала такая-то барышня, а этот ковер — другая; что удивительной красоты и изящества часы спроектировал и сделал тщедушный, сероватый и очень застенчивый молодой человек. В прощальной беседе я спросил Н.В.Глобу, из какой среды набирает он учеников и с какой подготовкой. Он ответил, что на среду никакого внимания не обращает, а что касается подготовки, то предпочитает воздерживаться от приема лиц, которые хорошо окончили среднее учебное заведение, а особенно медалистов — Н.В.Глоба это подчеркнул. «Конечно, я не могу брать неграмотных, но сохрани Бог от «умных», — он тоном поставил это слово в кавычки. — Чаще всего

они никуда не годятся. Душу, личность, способность творить, чувствовать и улавливать красоту наши педагоги убивают у них начисто». Я смущенно выслушал это оригинальное мнение выдающегося деятеля, сумевшего создать единственное в своем роде учреждение, но потом не раз думал и думаю теперь, да не было ли какой-то правды в его словах. Невольно вспоминаю я одного своего товарища, кончившего гимназию с золотой медалью. В университете он долго искал такой факультет, на котором мог бы хоть что-нибудь понять, но так и не нашел. Может быть, виноваты были не те педагоги, которые преподавали, а те, которые вырабатывали программы, но что-то мертвящее в наших средних учебных заведениях было. И в наших мечтах о будущей возрожденной России не надо об этом забывать.

МЕЛКИЙ КРЕДИТ. Попытки устраивать мелкие кредитные учреждения делались Казанским губернским земством, если не ошибаюсь, еще в 80-х годах. Было открыто несколько ссудосберегательных товариществ. Они не привились, а несколько возникших еле влачили существование. Причину неуспеха видели, кажется, в недостаточной жизненности устава таких товариществ. В мое время вслед за созданием при Министерстве финансов Главного управления по делам мелкого кредита со специальной агентурой на местах в лице инспекторов, это дело стало быстро развиваться. Особенно успешно работали так называемые кредитные товарищества и земские кассы мелкого кредита, которым, между прочим, также было предоставлено право открытия кредитных товариществ. Когда я входил в состав губернской земской управы, наше земство не имело никаких кредитных учреждений, удовлетворяясь тем, что различные ссуды выдавались в разных отделах, а в особенности в страховом, из нарочито образованных специальных капиталов, как, например, на устройство огнеупорных крыш, на постройку огнестойких зданий, на обделку родников и устройство артезианских колодцев и т.д. Таких капиталов было, помнится, 14 и для каждого из них существовали особые правила.

Меня с самого начала активной земской деятельности не покидала мысль, что земству необходимо широко организовать кредитное дело, что именно оно всего теснее сблизит нас с населением и поможет взаимному пониманию, чего нам так не доставало. Когда я осмотрелся на своем новом посту председателя управы и ознакомился с работой всех отделов, я увидел следующее. Работа разбросанных по разным отделам специальных капиталов тормозилась тем, о чем я уже говорил не раз: существовавшие законы опекали крестьян и, не предоставляя им полных гражданских прав, снимали с них во многих случаях и гражданскую ответственность. Таким образом, земству приходилось кредитовать людей в действительности некредитоспособных. Отсюда ничем не обеспеченный возврат выдаваемых ссуд и частые потери средств. Дело всегда имело несколько болезненные формы, колеса машины мотались и вертелись с писком и визгом, приводные ремни то и дело соскакивали. Не во всех отделах был одинаковый порядок в делопроизводстве и счетоводстве. Это, в свою очередь, дурно влияло на правильность и четкость оборотов. Специальными капиталами удовлетворялись далеко не все,

а только некоторые специальные нужды. Наконец, что всего хуже: возможность не выплачивать ссуд развращала население и парализовала работу отделов. Земским кассам и кредитным товариществам по закону было предоставлено право бесспорного взыскания, которое имело преимущество перед всеми другими и производилось автоматически волостными правлениями. Это весьма благотворно влияло на общий ход мероприятия.

Кредитные товарищества, которые открывались инспекторами мелкого кредита, работали хорошо, но управление большинства из них попало в руки социал-революционеров, облекшихся в овечьи шкуры. Можно было себе представить, как успешно работали эти господа на таких выгодных позициях.

Все вместе взятое приводило меня к мысли о создании такого центрального кредитного учреждения банковского характера, которое обслуживало бы все нужды населения в кредите, управляло всеми капиталами и открывало кредитные товарищества в уездах с организацией управления ими из более надежных элементов. Такими учреждениями как раз и могли быть земские кассы, при которых по закону возможно было в неограниченном количестве создавать специальные капиталы с правом кредитовать из них любые суммы. Таким образом, если сама по себе земская касса, как и все мелкие кредитные учреждения, не могла выдавать ссуды более чем в триста рублей, то из управляемых ею специальных капиталов можно было ссужать в любом размере. Этим в известной мере исправлялся недостаток устава, по которому размер ссуд так сильно ограничивался. Итак, здесь я находил все, в чем нуждался, и надо было только подробно и внимательно разработать весь вопрос. Вот тогда я и обратился к Н.А. Острякову с просьбой взять на себя этот труд. Старик засел. Чуть не каждый день являлся ко мне с разными вопросами, которые высказывали при разработке всего проекта, а через два месяца принес заготовленный для земского собрания доклад, к которому в виде приложений были присоединены всякие правила, инструкции и т. п. Получалась целая брошюра в палец толщиной, я немного опасался, что из-за одного ее объема дело может на земском собрании провалиться.

В общих чертах проект был таков. Губернское земство открывает кассу мелкого кредита, в ведение которой передаются все специальные капиталы и склады сельскохозяйственных машин, орудий и железа. Кассе поручается принимать вклады и выдавать ссуды в установленном законом размере, открывать кредитные товарищества, содействовать открытию уездных земских касс мелкого кредита, с выдачей таковыми ссуд для пополнения их оборотных капиталов. Выдача ссуд из специальных капиталов производится по особым, изданным для каждого капитала правилам, соответствующим его назначению. Управляет кассой особое, избираемое губернским земским собранием на трехгодичный срок правление из председателя и двух членов. Правление работает на правах уполномоченных земским собранием, входя по всем важным вопросам с докладами в губернскую земскую управу и участвуя по этим делам в коллегиальных заседаниях последней. Губернская земская управа вправе ревизовать делопроизводство и счетоводство кассы

мелкого кредита. Доклады по делам мелкого кредита вносятся в губернское земское собрание от имени губернской земской управы и правления кассы.

Доклад был составлен безукоризненно, но я все же чувствовал, что провести его будет нелегко: коренные, крупные реформы всегда и везде проходят с трудом. К тому же и все мои сотоварищи не особенно сочувствовали проекту, боясь риска и испытывая недовольство, что специальные капиталы переходят из ведений отделов в ведение кассы. Поэтому я добился от них лишь обещания не мешать мне на земском собрании. Доклад был передан в специально образованную комиссию и прошел в ней очень незначительным большинством. Это был плохой признак: когда в комиссиях голоса делятся, шансы провести дело в собрании бывают шаткими. Я все же решил ни в каком случае не снимать доклада и либо победить, либо пасть. Впрочем, вера в победу была, как помню, очень сильна, и, кажется, никогда не читал я доклада с таким спокойствием, как в этот раз. Выступали по докладу чуть ли не 8 или 10 гласных и все на разные лады критиковали проект и предостерегали собрание. Особенно сильно нападали кн. П.Л. Ухтомский. Он закончил свою получасовую речь ссылкой на земский банк в Нижегородской губернии, который — это было много лет тому назад — закончил свою деятельность крахом, сильно отозвавшимся на престиже земства. Такие справки всегда убедительны для осторожных людей, которые, в то же время, не удосужились внимательно ознакомиться с вопросом. Поэтому кн. П<авел> Л<еонидович> знал, куда целил, и его речь произвела сильное впечатление. Выступив на защиту проекта, я прежде всего и повел контратаку на эту позицию. Я уличил кн. П<авла> Л<еонидовича> в недостаточной осведомленности, которая помешала ему усмотреть разницу между уставами бывшего Нижегородского банка и кассой мелкого кредита — разницу, которая ставит кассу в гораздо более безопасное положение. Затем я привел целый ряд справок о том, как постепенно, но неуклонно таяли наши специальные капиталы от неаккуратности плательщиков. Ответив, наконец, по очереди всем возражавшим и поймав их на недостаточном знакомстве с докладом, я закончил свою речь общими соображениями о значении мелкого кредита и об обязанности земства не выпускать этого дела из своих рук. Говорил, как помню, горячо, с «настроением». Вслед за сим выступило и несколько защитников проекта и, если не ошибаюсь, А.Н.Боратынский в их числе. С.С.Толстой приступает к голосованию. Доклад принимается большинством одного голоса. Неважная победа, но все-таки победа, и надо лишь закрепить ее, поставив дело так, чтобы собрание убедилось в его полезности. В председатели правления я выставил кандидатуру И.А.Евсевьева. Он, как говорится, не хватал с неба звезд, но был до щепетильности честным, осторожным и четким работником. Я думал, что, имея главным бухгалтером Н.А.Острякова, И<ван> А<лександрович> поведет дело хорошо. В члены правления были намечены Н.А.Демерт, человек способный, толковый и с инициативой, и Соловьев, менее способный и толковый, но ценный тем, что был хорошо знаком с практической стороной деятельности кредитных товариществ. Этот состав правления прошел и оставался до самой революции. Нечего и говорить, что

вечером в комиссиях, а на следующий день за общим завтраком перед заседанием собрания разговоры и споры по этому вопросу вновь поднимались и разгорались. Кн. П.Л.Ухтомский ходил, распутив хвост, как индейский петух, и злобно на меня поглядывал, а Д.П.Арцыбашев, его друг и вдохновитель, не удержался, чтобы еще больше его не поддразнить: «А ведь опять лишний раз Мельников посадил вас в калошу». Я уклонялся от споров и шутливо уверял, что через 2—3 года в калоше будут сидеть все, кто возражал и голосовал против кассы.

Моя вера в это дело оправдалась. Получив от земства займообразно сто тысяч на оборотный капитал и специальных капиталов на 500 000 рублей, касса скоро вернула свой долг, купила на наличные целый застроенный каменными зданиями квартал около вокзала за 120 тысяч рублей, и к январю 1917 года, через 8 лет работы, обладала капиталом в размере около 6 миллионов рублей. При ее посредстве и с ее финансовой поддержкой было открыто около 50 кредитных товариществ и несколько уездных касс, которые в свою очередь открывали товарищества. Кассой заинтересовались и некоторые другие земства. Так, например, из Москвы специально приезжали члены губернской управы Грузинов и Выборни, чтобы ознакомиться с ее строем и деятельностью. Но самым утешительным для меня было то, что при своих частых посещениях кассы я всегда видел десятки входящих туда и выходящих оттуда крестьян. Значит, нужды их были поняты верно, и они признали наши мероприятия «подходящим делом».

ПОСТАВКА ХЛЕБА ДЛЯ ИНТЕНДАНТСТВА. За несколько лет до войны были опубликованы особые правила о поставке земствами хлебных продуктов для интендантства. Если не ошибаюсь, это была инициатива П.А. Столыпина. Во всяком случае, само интендантство не особенно сочувственно относилось к этому делу. Инициатор преследовал, очевидно, двоякую задачу: снабдить военное ведомство доброкачественными продуктами по сходным ценам и дать возможность производителям сбывать свои продукты непосредственно потребителю: посредничество земства не оплачивалось.

В Казанской губернии, лишенной железнодорожных путей, цены вслед за окончанием навигации обычно сильно падали, так как, не зная будущих весенних цен, торговцы, конечно, покупали не бойко и играли на понижение. Появление на рынке лишнего крупного покупателя удерживало цены на нормальной высоте. В этом было особенное значение мероприятия для наших сельских хозяев. Поэтому губернское земское собрание поручило управе не только взяться за эти заготовки, но и развить и возможно шире. Вести это дело в течение 3-х лет до самого начала войны пришлось мне: мои сотоварищи, напуганные недавним процессом П.И.Геркена, не были большими охотниками до рискованных мероприятий. К сотрудничеству я призвал уездные земские управы. С организационной точки зрения это, может быть, было не особенно целесообразно: давать уездной управе распоряжения было неудобно; по установившимся традициям, губернская управа их просила, и бывало, конечно, что к этим просьбам они относились критически. В общественных делах в этом не было дурного, но в коммерческом, да

еще и таком ответственном, конечно, подчиненная и дисциплинированная агентура была бы удобнее. Однако в стремлении удешевить накладные расходы и полностью осуществить мероприятие общественными силами я решил пренебречь неудобствами и возможными осложнениями. Итак, все мелкие хозяйственные хлопоты и заботы легли на уездные управы. На мою долю осталось общее руководство, улаживание всяких трений и недоразумений, надзор за порядком и, в особенности, за точностью и ясностью отчетов и сохранностью казенных средств. Всего этого было более чем достаточно: приходилось ежедневно тратить часы на телефонные разговоры с уездами, изучать поступающие сведения, вести большую и срочную переписку, следить за сдачей хлеба приемщикам, устраивать два-три раза в неделю заседания с представителями интендантства и государственного контроля и, наконец, бдительно и настойчиво следить, чтобы заготавливаемые продукты были не только не ниже, но выше кондиционных качеств. Последнее было чрезвычайно важно. Хлеб готовили осенью и зимой, а сдавать его приходилось весной. Если он был заготовлен в точности с тем процентом влажности, который допускался по кондициям, то к весне, «отлежавшись» и становясь влажнее, он уже не был кондиционным, и сдать его было нельзя. А, кроме того, я понимал свою задачу так, что мы должны выполнить дело не только не хуже, но лучше требований, чтобы у интендантства не осталось никакого оружия против нас, и мероприятие приняло постоянный и устойчивый характер. Я считал, что небольшие потери на излишней сухости, удельном весе и чистоте продуктов с излишком покроются выгодами такого мероприятия. Не все сельские хозяева и не все земские управы были согласны со мной, и на борьбу по этому вопросу уходило немало времени.

Со сдачей хлеба также бывало немало осложнений. По правилам, для разрешения пререканий между земством и приемщиками учреждалась арбитражная комиссия. Это дало повод приемщикам даже в бесспорных случаях уклоняться от окончательных решений и переносить дело в арбитражную комиссию. Здесь нередко бывали и курьезы. Звонит из Лаишева председатель управы А.П.Горталов, что большая партия муки из имения Бутлерова забракована, так как приемщик обнаружил «хруст». Я знал, что у Бутлеровых всегда первоклассный хлеб и мельницы с прекрасными французскими камнями. «Хруста» просто не могло быть. Пришлось все-таки дожидаться присылки проб и созывать арбитражную комиссию, чтобы исследовать муку. И вот за несколько часов до заседания опять звонок от А.П.Горталова: «Вот какая штука, выяснилось, что у приемщика нет ни одного зуба, и он теперь начинает браковать и другие партии, опасаясь «хруста», но не будучи в состоянии его обнаружить». Или еще. Звонок от А.А.Нератова из Чистополя: несколько партий муки забраковано из-за «горечи». Получаю пробы, созываю комиссию, приемщик тут же. Все по очереди жуем, но горечи никто не чувствует. «Да, — заявляет приемщик, — когда жуешь, то горечи, действительно, нет, но разжеванное плохо проходит, задерживается как-то в горле. Это значит, что мука должна быть горька». Весной одного года, когда в пристанских амбарах лежали десятки тысяч заготовленной муки, пришла такая небывало высокая вода и случились такие низовые

ветры, еще больше поднимавшие воду, что амбары стало заливать. Перевозить спешно в другие амбары? Но свободных на пристанях нет, а вывозить в город — это было в Чистополе — стоит очень больших денег. Уже по зачистившимся посещениям наиболее активных гласных я почувствовал, что нарастает «история». Получаю телеграмму из Петербурга: едет сам окружной интендант (мы ставили хлеб для Петербургского округа). Посоветовался с опытными купцами-хлебниками. «Оставьте, — говорили мне, — мука не овес, промокнет только тонкий слой около мешков, а в середину мешка вода не пройдет. На перевозке да перегрузке потеряете больше». Все это было очень хорошо, но мука то оплачена казенными деньгами и набита в казенные мешки. Думал, думал, распорядился оставить. Приехал окружной интендант, поехали с ним осматривать. Он оказался смелее своих приемщиков и, так как в незатронутых водой слоях вся мука оказалась выше кондиций, распорядился ее грузить и принимать. Подмочило в общем, как помнится, 20-30 тысяч пудов. Что с ней делать? Судьба оказалась милостивой. Через месяц цены на хлеб стали почему-то сильно повышаться, и подмоченную муку удалось продать дороже, чем мы платили за кондиционную.

В итоге все поставки за все годы прошли благополучно. Уже во время войны, когда я перешел на службу в Петербург, тот же интендант, теперь уже помощник главного, говорил мне, что наша мука до сих пор, т.е. уже 6 лет, лежит в складах, и интендантство бережет ее, так как продуктов более высокого качества у него нет. Расскажу в заключение один эпизод, характеризующий П.А.Столыпина. Когда земство решило принять участие в поставках, главное интендантство долго не присылало ответа. Будучи по делам в Петербурге, я зашел к главному интенданту. «Да, ведь, что же, — сказал он мне, — правила издали, а денег В.Н.Коковцов не дает. Все дело в этом, будут деньги, мы сейчас же вам сообщим». Решил побывать у П.А.Столыпина. «Я придаю этому делу большое значение, — ответил П.А.Столыпин на мой доклад. — Хорошо, что вы зашли. Сегодня вечером я увижу военного министра и переговорю с ним. Надеюсь, что все устроится». Уходя с приема, я был почти уверен, что П.А.Столыпин просто не в состоянии будет вспомнить о моем маленьком деле. Это было в субботу. В 8 ч. утра на другой день, т.е. в воскресенье, я еще был в постели, как раздался стук в дверь. Отворяю. Курьер от военного министра. «Его Высокопревосходительство просит вас сейчас же пожаловать к ним на квартиру». Еду. Исполняющий обязанности министра генерал Поливанов встретил меня, как доброго знакомого, угостил кофе и сказал, чтобы завтра же утром я поехал к главному интенданту. Поехал. Дежурный офицер принял меня довольно сурово, объявил, что приемный день завтра, и что он не может доложить обо мне генералу, так как у него идет заседание. «Я приехал, исполняя поручение военного министра, — сказал я. — Будьте любезны передать генералу мою карточку. Это все, о чем я прошу». Молодой человек сделал гримасу, пожал плечами, но карточку взял и отнес. Не прошло минуты, как отворилась дверь, и главный интендант с любезной улыбкой подошел, поздоровался и, взяв меня под локоть, увлек в свой кабинет. У него, действительно, было

много военных, и он прервал заседание, чтобы принять меня. «Ну, поздравляю Вас, я очень, очень рад. Деньги нашлись и сегодня же вам их переведут. Желаю полного успеха», — объявил он мне.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ДЕЛА. Через Казань и Казанский край пролегали в свое время исторические торговые пути из центра и северо-запада Европейской России в Сибирь и Среднюю Азию. С апреля по октябрь, во время навигации, товары везли на судах, зимой — гужом по большим трактам. Поэтому в Казани истари возникли крупные промышленные и торговые предприятия, связанные в деловом отношении и с нашими восточными окраинами и с центром. Помимо того, Казань была военным, судебным, а также и просветительным центром для всей Восточной России: там была резиденция командующего войсками Казанского военного округа и сосредоточены все высшие окружные военные учреждения, окружной суд, судебная палата и несколько высших учебных заведений. Недаром Казань получила название столицы Востока.

Когда начало развиваться железнодорожное строительство, Казань и Казанский край были обойдены. Не берусь судить, почему это произошло. Весьма вероятно, что наличие двух больших судоходных рек (Кама и Волга) и трех малых (Вятка, Сура и Ветлуга) давали повод считать, что край достаточно обслуживается естественными путями сообщения. Это и было верно, когда в Восточной России не было железных дорог, и стало ошибочным, когда они возникли. Причина ошибки ясна: шесть зимних месяцев навигации нет, а отправлять товар санным путем никто не станет, когда есть железные дороги. Поэтому, когда прошла Сибирская магистраль от Москвы на Челябинск через Сызрань — Самару, огромное количество сибирских грузов пошло мимо Казани, что заметно отозвалось на ее промышленном и торговом значении. Возникшая после этого линия Самара — Оренбург — Ташкент отняла от Казани много грузов для Средней Азии и, наконец, новая северная Сибирская магистраль — Петербург — Вятка — Пермь — Екатеринбург ослабила влияние Казани в значительной части Вятского и Пермского краев. В итоге экономическое значение города явственно падало, что, конечно, неблагоприятно отзывалось и на благосостоянии населения губернии. В 90-х годах была построена линия Москва — Казань. Она не была прямой, сильно уклонялась к югу (Рузаевка Пензенской губернии) и не имела моста через Волгу. Поэтому для города значение ее было невелико, а для губернии и совсем ничтожно, так как, коснувшись на своем пути трех глухих инородческих уездов, она не произвела в крае заметного оживления.

В беседах с С.С. Толстым мы не раз поднимали вопрос о восстановлении исторического пути из Москвы в Сибирь через Казань — Екатеринбург и в общих чертах намечали план действий для осуществления нашей мечты. Важно было, конечно, чтобы к нашим пожеланиям присоединилась Казанская городская дума, так как наибольшие и непосредственные выгоды от магистрали получила бы сама Казань. Там говорили об этом, но как-то расплывчато, неопределенно и не единодушно. Тогда мы решили расчленить вопрос и, не заводя до времени речей

о магистрали, сосредоточить все усилия, чтобы добиться постройки моста через Волгу. городская дума уже не раз ходатайствовала об этом, и состоялось даже Высочайшее повеление об его постройке, но вопрос затянулся, вышли какие-то недоразумения со сметами, и о Высочайшем повелении стали забывать. Мы думали — потом это оправдалось, — что, добившись постройки моста, мы получим хороший козырь для хлопот о продлении линии Москва — Казань до Екатеринбурга, так как, строго говоря, строить мост только для одной Казани едва ли стоило. Линия Москва — Казань принадлежала Обществу Московско-Казанской железной дороги. Председателем правления был Николай Карлович фон Мекк, человек недюжинного ума, кипучей энергии, хорошо одаренный, пользовавшийся известностью в железнодорожном мире. В одну из поездок в Петербург мы свиделись с ним и поделились своими планами. Он их одобрил и дал понять, что в вопросе о продлении железнодорожной линии до Екатеринбурга будет нашим союзником, добавив, однако что пессимистически смотрит на возможность в близком будущем добиться постройки моста, который будет стоить около 10 миллионов — слишком большая роскошь для одной Казани.

В одном из заседаний земского собрания 1910 года обсуждали, как ознаменовать предстоящий в 1913 году юбилей царствования дома Романовых. Губернская управа не внесла по этому вопросу никакого доклада, не желая в какой бы то ни было мере предвосхищать инициативу гласных. Начались разные предположения о школах, стипендиях и т. д. Вдруг у меня блеснула мысль: «А что, если мост через Волгу назвать Романовским?» Я шепнул об этом С.С.Толстому. «Но, ведь, его еще нет», — ответил он. «Да, — сказал я, — но есть Высочайшее повеление об его постройке и, если к этому прибавится другое, о наименовании его Романовским, то он будет построен, и не позже, как к 1913 году». «А знаете, это мысль, — сказал С.С.Толстой, — я сейчас объявлю перерыв, чтобы переговорить в столовой». Когда я изложил свой проект, поднялись споры, юристы начали доказывать, что именно с юридической точки зрения мои предположения не выдерживают критики, что нас даже не допустят до Государя с таким ходатайством, и губернское земство попадет в неловкое положение. Однако большинство встало на мою точку зрения, доказывая, что затяжка в выполнении Высочайшего повеления не опорочивает последнего и есть ничто иное, как неаккуратность чиновников, может быть, даже преступная. Пока это повеление не отменено другим, оно остается законом, в дополнение к которому Государь вправе повелеть то, что найдет нужным. Когда вновь открылось заседание, и я доложил о мысли губернской земской управы — теперь уже это был проект всей коллегии, — собрание приняло доклад единогласно, так как в открытом заседании протестантам, конечно, неловко было протестовать. Был составлен и написан адрес, земское собрание избрало особую депутацию, чтобы представить его Государю. В нее вошли С.С.Толстой, Н.Д.Сазонов, кн. П.Л.Ухтомский и я, остальных не помню. Городская дума присоединилась к земскому ходатайству. Одним из городских депутатов был В.А.Карякин, крупный местный хлеботорговец

и деятельный гласный думы. В Петербурге мы заехали к П.А.Столыпину. С.С. Толстой, изложив дело, спросил его: «Скажите, Петр Аркадьевич, может быть, Государю будет неприятна наша просьба?» «Нет, отчего же, — ответил Петр Аркадьевич, — я думаю, что наоборот, Ваше ходатайство будет очень приятно Его Величеству. Хотите быть принятыми послезавтра, в среду?» Такой быстроты мы не ожидали, горячо поблагодарили П.А.Столыпина и в назначенный срок выехали в Царское Село. Государь принял нас в небольшой комнате, рядом со своим кабинетом. Когда С.С.Толстой, волнуясь и немного заикаясь, читал адрес, Государь прямо, не сводя глаз, смотрел на него, поглаживая изредка свои усы. Чтение кончено, Государь берет адрес из рук С.С.Толстого и неторопливо, тихо и внятно говорит: «Благодарю в Вашем лице Казанское губернское земство и городскую думу. Охотно соглашаюсь наименовать Романовским будущий железнодорожный мост через Волгу у г. Казани».

Вижу, как блеснули какой-то набежавшей мыслью глаза С.С.Толстого. «Ваше Величество, — говорит он, — не разрешите ли мне оповестить население Казанской губернии о столь радостном для него событии?»

Государь улыбнулся. «Конечно, отчего же», — ответил он. Медленно обходя всю депутацию, Государь остановился против В.А.Карякина и спросил: «Как вы думаете? До юбилейного года осталось только два строительных сезона, успеют ли построить мост за этот срок?» «Должны успеть, Ваше Величество, — ответил В.А. Карякин, — ведь теперь это будет уже второе Высочайшее повеление». «Да, но, ведь, не всегда выходит так, как хочется», — несколько грустным тоном ответил Государь и о чем-то спросил рядом стоявшего депутата.

В вагоне до Петербурга я сидел рядом с кн. П.Л.Ухтомским. Он был очень угрюм и молча смотрел в газету. «Что с вами, князь?» — спросил я его. «Это ужасно, — ответил он, — вы всмотрелись в глаза Государя?» «Да, каждый раз ими люблюсь, прекрасные, лучистые глаза». «Да, да, прекрасные, — взволнованно продолжал кн. П.Л.Ухтомский, — но они роковые, в них какая-то страшная тайна. Я первый раз видел так близко Государя, меня охватывает ужас, я никогда больше не поеду к нему». Мы все привыкли к тому, что кн. П.Л.Ухтомскому нередко казались самые невероятные вещи, недаром через несколько лет, в первый год революции, он печально кончил свои дни, потеряв рассудок. Поэтому я не придал значения его словам и только теперь, когда «ужасное и роковое» совершилось, с удивлением вспоминаю их.

Тотчас по возвращении в Петербург мы с С.С.Толстым составили и послали телеграмму в Казань. Кн. П.Л.Ухтомский уверял, что это незаконно, так как право обнародования Высочайших повелений принадлежит только Правительствующему сенату. «Оставьте ваши юридические мудрствования, — сердито перебил его С.С. Толстой, — Государь разрешил мне оповестить население, я это и делаю и убежден, что теперь господа чиновники в ближайшие же дни найдут способы согласовать сметы с ассигновками, что им не удавалось почему-то до сих пор».

Так оно и случилось. Через несколько дней, по приезде в Казань, мы получили известие от Н.К. Мекка, что смета на постройку моста утверждена и необходимые средства ассигнованы.

В юбилейный 1913 год Романовский мост был закончен постройкой и открыт для движения. На каждом его устое красовались золотые орлы Романовского герба. Открытие его было очень торжественно. Из Москвы со специальным поездом приехал Н.К. Мекк с группой инженеров и высшими служащими Правления Московско-Казанской дороги. Из Казани, во главе с губернатором, прибыли высшие представители всех ведомств, а также земства и города. Н.К. Мекк приветствовал всех хорошим обедом. Было много шампанского и речей. Забавный эпизод. Когда жена губернатора разрежала ленту, протянутую поперек моста, и все двинулись по нему, я шел под руку с В.И. Петкевич, женой вице-губернатора. Она поскользнулась на стальной плите мостового настила, я ее не удержал, и она упала на рельсы. За обедом она была очень весела, смеялась и шутила, но потом выяснилось, что при падении несколько планшетонок в ее корсете сломались и впивались ей в тело. Она терпеливо это переносила в течение нескольких часов.

Вслед за началом подготовительных работ по постройке моста, начались наши постоянные, непрерывные хлопоты о постройке железнодорожных линий, долженствовавших пройти через Казань и Казанский край. Лично у меня эти хлопоты отняли много времени и энергии. Добиться того, чтобы осуществилась постройка той или иной железнодорожной линии, было не так легко. Казань за свой счет строила, главным образом, дороги стратегического значения. Все остальные строились обычно частными обществами, но с гарантированными казной акциями. Поэтому дорога разрешалась к постройке при соблюдении трех основных условий: 1) по данным специального обследования доказать, что она будет достаточно обеспечена грузами, 2) доказать, что она не будет наносить заметного ущерба другим линиям, оттягивая от них грузы и 3) иметь налицо готовое общество, достаточно, по мнению правительства, солидное по своему составу. Важно, конечно, было и то, чтобы вокруг хлопот о дороге единодушно объединились все общественные и сословные учреждения города и губернии. Сговориться с дворянством губернскому земству было нетрудно: огромное большинство гласных губернского земского собрания входило в состав дворянского собрания, а губернский предводитель дворянства был председателем губернского земского собрания. Не составило особенно большого труда согласовать и желания Уездных земств, но с Казанской городской думой и некоторыми уездными городами было немало возни, так как там скрещивались всевозможные личные интересы и влияния. В свое время этого придется коснуться, теперь же я начну рассказ с изложения намеченного нами образа действий. Употребляя слово «наши», я имел в виду, главным образом, шесть лиц: С.С. Толстого, В.В. Марковникова, А.Н. Боратынского, Ю.В. Трубникова, В.В. Перцова и себя. Именно мы приняли в этой работе наиболее деятельное участие, и вся ее тяжесть пала на нас.

Значение земских и дворянских собраний естественно ограничивалось тем, что, принимая наши предположения, они придавали нашим выступлениям больший авторитет. Всю работу мы поделили между собою так. Техническую часть, то есть подготовку всяких записок, докладов, статистических исследований и т. п., взяли на себя В.В.Перцов и В.В.Марковников. С.С.Толстой, А.Н.Боратынский, Ю.В.Трубников и я вели личные сношения с правительственными, общественными и частными лицами и учреждениями. Все вопросы, возникавшие в процессе работы, мы, разумеется, обсуждали сообща.

В первую голову мы начали хлопотать о линии Казань — Екатеринбург, с постройкой которой осуществлялась магистраль Москва — Сибирь через Казань. В этой линии Н.К. Мекк был очень заинтересован, согласился выступить претендентом на постройку ее и взял на себя собирание и разработку необходимых статистических данных. Этим разрешался третий пункт основных условий, что, конечно, помогало и разрешению первых двух, так как у богатого общества было много средств и технических сил, которыми мы не обладали.

Тем не менее, и на нашу долю осталось немало дела, так как, кроме наблюдения над тем, как оно идет в разных министерствах, и частых посещений последних, надо было зорко следить за всеми действиями наших противников и конкурентов и вовремя обезвреживать их выступления, доказывая постоянно составляемыми записками и докладами преимущественную основательность наших домогательств. Приходилось следить и за своим союзником, Н.К.Мекком. Преследуя исключительно интересы своего общества, он, естественно, склонен был очень часто идти на такие компромиссы, на которые нам нельзя было соглашаться.

Упомяну о главнейших затруднениях, которые нам пришлось преодолевать. Возник конкурирующий проект осуществить новую магистраль на Сибирь постройкой прямой линии от Нижнего Новгорода до Екатеринбурга по левому берегу Волги с железнодорожным мостом в Нижнем Новгороде. Эта линия должна была пересекать два левобережных уезда Нижегородской губернии и некоторые уезды Вятской и Пермской губерний. Казань по этому проекту оставалась в стороне, примерно в 150-ти верстах от магистрали. Инициатором его был Ф.А.Головин, бывший некоторое время после Д.Н.Шипова председателем Московской губернской земской управы, а затем председателем Государственной Думы 2-го созыва. Он также составил общество и начал энергично хлопотать об осуществлении своего проекта. На нашу беду, последний был очень неплох: намечаемая магистраль должна была пройти лесными уездами Нижегородской губернии и богатыми южными уездами Вятской и Пермской, создавая лишний мост через Волгу в таком важном пункте, как Нижний Новгород. Ее протяжение было примерно такое же, как и по намечаемой нами. Пройденный стаж дал Ф.А.Головину некоторые связи и легкий доступ к «сильным мира», а принадлежность к кадетской партии обеспечивала «хорошую печать» и деятельное сочувствие в интеллигентских и промышленных кругах Москвы. Таким образом, началась борьба не только на деловой, но и на политической почве, причем «кадеты» не брезговали средствами и клеветали на нас везде, где могли

и как могли. В то же время были и министры, которые заигрывали с кадетами, было немало и крупных чиновников, которые состояли в «сочувствующих» этой партии. Города и земство трех губерний (Нижегородской, Вятской и Пермской) объединились и посылали делегации для защиты проекта Головина. Одним словом, в его лице мы имели очень сильного и опасного конкурента. Чтобы ослабить наше противодействие, он придумал такой компромисс. Его обществу предоставляется постройка линии Нижний Новгород — Екатеринбург, а Обществу Московско-Казанской железной дороги — небольшая линия в 150 верст от Казани до Малмыжа (уездный город Вятской губернии), где бы она присоединялась к главной магистрали. Для Казани это было равносильно потере всякого экономического значения, но, к сожалению, не все городские деятели понимали это, что дало возможность одному из влиятельных гласных городской думы, Александрову, главные имущественные интересы которого были как раз в Малмыжском уезде, создать течение в пользу этого компромисса. Александров и его сторонники доказывали, что, отклоняя компромисс, можно потерять не только магистраль, но и «ветку» на Малмыж, так как шансы Головина очень велики и наш отказ от «ветки» не помешает ему без нее осуществить свой проект. В этом случае Казань останется «и без магистрали, и без ветки», то есть будет еще неопределенно долгий срок лишена удобной железнодорожной связи со всей Европейской Россией и окончательно отрезана от Сибири. С.С. Толстому и мне пришлось несколько раз посетить городскую думу и доказывать там несуразность компромисса при осуществлении которого промышленным предприятиям Казани будет выгоднее перекочевать в Малмыж, что нанесет нашему краю непоправимый ущерб. Дума приняла половинчатое решение: продолжать хлопоты за наш проект, но не отказываться резко от компромисса Головина на случай, если шансы последнего станут перевешивать наши.

Когда вслед за сим мы приехали в Петербург с очередной делегацией, там нас ждал новый неприятный сюрприз: явился Н.К. Мекк и сообщил, что по всем данным число сторонников проекта Головина в правительственных кругах быстро нарастает, и можно опасаться, что наш проект обречен. Не лучше ли поэтому согласиться на «ветку», чтобы получить в руки хотя бы «синицу». Мне ни разу еще не случалось видеть всегда выдержанного и корректного С.С. Толстого в таком состоянии, в которое его привело это заявление. Он вскочил со стула и, потрясая руками, в резком и повышенном тоне отчеканил Н.К. Мекку: «Николай Карлович, ни в каком случае, ни при каких бы то ни было обстоятельствах Казанское земство на компромиссы в этом деле не пойдет, так как это противоречит насущнейшим интересам губернии и города. Я удивлен, что, хорошо понимая это, вы могли прийти к нам с таким советом. Вы знаете, как мы ценим Вас, как союзника. Знайте же и то, что если Вы не откажетесь от каких бы то ни было иных проектов, кроме защищаемого нами, Вы будете нашим врагом, с которым мы столь же упорно будем бороться, как и с другими, пока не победим. Мы защищаем правое дело: охрану исторического пути в Сибирь и исторически сложившегося экономического значения нашего края. Мы считаем, что всякая ломка в этой области не обоснована, несправедлива и вредна,

и верим, что в итоге борьбы победа останется за нами». Н.К.Мекк выслушал этот страстный монолог с широко открытыми глазами. «Ваша настойчивость меня радует, — смущенно ответил он, — может быть, действительно рано сдаваться или отступать. Я сейчас поеду в железнодорожный департамент и еще раз постараюсь выяснить всю обстановку». Было очевидно, что Головин соблазнял Н.К.Мекка не только «веткой», но и еще какими-нибудь тайными для нас предложениями, которые обещали крупные выгоды обществу Московско-Казанской железной дороге. Н.К.Мекку надо было нащупать наше настроение и сделать выбор.

Мы с С.С.Толстым решили во время объезда министров с делегацией выяснить, наконец, кто же из них склоняется на нашу сторону и кто против нас, а затем уже, только вдвоем, посетить директора департамента железнодорожных дел Н.Е.Гиацинтова и, в свою очередь, попытаться определить, как лично он смотрит на все дело. Это было очень важно, так как его взгляд как лица, возглавлявшего департамент, имел, конечно, первостепенное значение.

Прежде всего поехали к министру путей сообщения Рухлову. Он принял нас так холодно, что даже не предложил сесть, и, стоя около своего кресла, сердито всех оглядывал. Вдруг вижу, что А.Н.Боратынский покраснел, оглянулся кругом и, обращаясь к Рухлову, изысканно вежливым тоном сказал: «Не беспокойтесь, Ваше Высочество, нас слишком много, но вон у другого стола есть еще стулья». Рухлов вспыхнул, бросился за этими стульями, мы его предупредили и, в результате, и он, и мы начали беседу сидя. Тут произошел и другой забавный случай. Когда мы по очереди излагали Рухлову свои соображения в защиту нашего дела, выступил и Казанский городской голова С.А.Бекетов, сидевший рядом со мной. По привычке он начал с какого-то путаного предисловия, и вдруг — о, ужас! — я слышу, что разными намеками он начинает доказывать приемлемость «ветки», если бы проект Головина стал пересиливать наш основной проект. По существу, эти слова не противоречили взгляду городской думы, но оглашать такое мнение было еще слишком рано. Поэтому С.С.Толстой, А.Н.Боратынский и другие с недоумением смотрели на С.А.Бекетова. Бывает, что решения зреют и выполняются помимо воли, рефлексивно. Так случилось и на этот раз. Пользуясь тем, что мы сидели у самого стола, я сделал незаметное для всех движение рукой и сильно ущипнул С.А.Бекетова в ногу. Он смутился, закашлялся, покраснел от боли, а А.Н.Боратынский воспользовался удобной минутой, чтобы выступить и загладить впечатление от неоконченной Бекетовской речи. Рухлов ответил с нескрываемым раздражением, дав нам понять, что Министерство путей сообщения во всяком случае будет против нашего проекта. Если не ошибаюсь, отрицательное отношение Рухлова объяснялось его стремлением строить казенные, а не частные железные дороги, а также и тем, что при Министерстве путей сообщения работала какая-то комиссия, намечавшая широкий план будущего железнодорожного строительства. Надо было выждать окончания этих работ. Итак, министр путей сообщения был нашим противником, это было совершенно ясно. Все остальные министры не сказали нам ни да, ни нет, хотя по некоторым, едва уловимым оттенкам их речей все же можно было догадаться, кто из них отдает

предпочтение нашему проекту. Нам показалось, что министр финансов В.Н.Коковцев, военный — Сухомлинов, внутренних дел — кн. Н.В.Щербатов⁸⁴ и земледелия — А.В.Кривошеин сочувствуют нашему проекту, остальные были безучастны, и трудно было предвидеть, кому они отдадут свои голоса, когда вопрос перейдет в Совет министров. К Н.Е.Гиацинтову, как я уже сказал, мы с С.С.Толстым поехали вдвоем. Не в первый раз мы посещали этого почтеннейшего и симпатичнейшего человека, каждый раз пытались узнать его взгляд, но он терпеливо выслушивал нас, улыбался и ровным, неторопливым баритоном отвечал так, что наши попытки кончались неудачно: беспристрастно осветив дело, он ни одним намеком не давал понять, какую позицию занимает сам.

Вот примерно тот диалог, который произошел между нами на этот раз:

— Скажите, Николай Егорович, ведь Министерство финансов сочувственно относилось к постройке моста в Казани. Какой смысл в этом многомиллионном сооружении, если не продолжить линии Москва — Казань?

— Да, но вы недавно сами хлопотали о мосте.

— Хлопотали, но, конечно, имели в виду и настоящие хлопоты, придавая мосту значение козыря в будущей игре. Как видите, мы откровенны.

— Понимаю, но и для ветки мост пригодится.

— Куда клонит Н.К. Мекк?

— Да, ведь, вы, кажется, с ним говорили. Он представитель Общества и, естественно, действует в интересах последнего.

— Не можете ли вы дать нам почувствовать, какого же, наконец, взгляда держится возглавляемый вами Департамент теперь, когда ясно определились два конкурирующих проекта, и других нет? Мы думаем, что успех нашего дела зависит от вас.

— Да, конечно, департамент железнодорожных дел не последняя спица в колеснице, но, ведь, нам приходится считаться со многими обстоятельствами, о которых вы, может быть, и не осведомлены. Разрешение постройки новых линий — дело сложное.

— Последний вопрос. Разве Общество Московско-Казанской дороги, уже имеющее несколько больших линий и установившуюся репутацию, не имеет преимуществ перед Ф.А.Головиным, у которого пока делового стажа еще нет?

— Конечно, но Н.К.Мекк может при известных условиях согласовать свои цели с домогательствами Головина и конкуренция отпадет.

Вот и все, что удалось выпытать у Н.Е.Гиацинтова. Мы решили все же, что он больше склоняется на нашу сторону, иначе у него не сорвалась бы фраза: «Нам приходится считаться со многими обстоятельствами». Значит, надо лишь внимательно наблюдать за Н.К. Мекком. Перед отъездом мы попросили А.А.Шульца, члена Совета министров земледелия, нашего губернского гласного и приятеля Н.Е.Гиацинтова, по возможности последить за ходом дела и, в случае надобности, вызвать нас.

Я остановился на некоторых подробностях, сопровождавших наши хлопоты, чтобы показать, с каким запутанным клубком приходилось нам иметь дело, и какого напряженного и неослабного внимания требовало оно. Опуская многие другие подробности, закончу рассказ об этих хлопотах так. В Совете министров за наш проект высказалось большинство, причем главным защитником его оказался министр финансов В.Н. Коковцев и ярким противником министр путей сообщения Рухлов. Карты были открыты. Однако этим важным для нас решением борьба еще не закончилась: в процессе приведения в исполнение постановления Совета министров можно было создать такие осложнения, которые, в лучшем случае, оттянули бы дело на неопределенно долгий срок. Этим и занялось Министерство путей сообщения. Припоминаю, например, такой случай. Потребовались этому министерству какие-то сведения от департамента железнодорожных дел, получив которые оно, в свою очередь, должно было сообщить необходимые данные для Министерства финансов. Узнав, что дело начинает затягиваться, мы с С.С. Толстым поехали в Петербург, чтобы переговорить с В.Н. Коковцевым и Рухловым. Сперва посетили последнего. Он сказал, что задержка за Министерством финансов, которое больше месяца не отвечает на запрос. Когда мы передали это В.Н. Коковцеву, он позвонил к Н.Е. Гиацинтову, дав другую слуховую трубку С.С. Толстому, чтобы он также непосредственно услышал ответ Николая Егоровича. Вот что услышал С.С. Толстой: ответ на запрос Министерства путей сообщения послан такого-то числа и месяца, то есть больше трех недель тому назад. Расписка в получении имеется. «Судите сами, Ваше Превосходительство, — обратился В.Н. Коковцев к С.С. Толстому, — кто из нас, я или Рухлов, отступает от истины».

Должен отдать справедливость Н.К. Мекку. С исключительной быстротой реагировал он на каждую весть о той или иной задержке и умело, энергично устранял затруднения. Работать с ним было очень приятно: он быстро ориентировался, сразу нащупывал и ясно конкретизировал все важное и главное, что давало нам возможность посещать министерство и департаменты с наилучшей подготовкой и с полной осведомленностью. Общая работа сблизила нас, мы стали настоящими друзьями. Победа осталась за нами, несмотря на непрекращавшееся противодействие Министерства путей сообщения, и в первый год войны дорога от Казани на Екатеринбург начала строиться⁸⁵.

Отвечу здесь на выпады наших конкурентов, объяснявших наш успех тем, что мы не скупались на взятки, да и за свои труды немало получили от Общества Московско—Казанской железной дороги. На взятки мы не истратили ни одной копейки, и даже мысль о них не приходила нам в голову. Расходы земства по хлопотам ограничились оплатой поездок депутатов в самых скромных размерах, причем С.С. Толстой не воспользовался и этим и ездил на свой счет. От Общества же Московско-Казанской железной дороги я и С.С. Толстой получили следующее: когда наше дело благополучно прошло, Н.К. Мекк предоставлял нам для наших поездок в Петербург отдельный вагон — стоимость проезда мы полностью оплачивали по первому классу, — что, конечно, очень облегчало поездки,

а когда дорога начала строиться, правление прислало С.С. Толстому и мне по золотому жетону, дававшему персональное право бесплатного проезда по линиям Московско-Казанской железной дороги.

В разгар описанных хлопот мы начали и другие, задавшись целью добиться постройки еще одной линии магистрального типа, которая бы пересекала губернию с северо-запада на юго-восток, а линию Москва — Казань — Екатеринбург в городе Казани, создавая в последней крупный железнодорожный узел. Инициатором постройки этой линии, названной «Заволжской» железной дорогой, был В.В. Марковников. Проект этот состоял в следующем. Примерно от города Галича, Костромской губернии, через который проходила северная Сибирская магистраль Петербург — Вятка — Пермь — Екатеринбург, построить прямую линию на Оренбург. Так как последний уже был соединен с Ташкентом, то постройкой Заволжской дороги создавалась кратчайшая магистраль Петербург — Ташкент. Этим дорога приобретала крупное общегосударственное значение. Для Казани, которой она возвращала утраченный путь в Среднюю Азию, и для всего Казанского края, который она пересекала, проходя по пяти наиболее богатым уездам, ее значение было огромно. На прилагаемой сделанной на память схематической карте Казанской губернии обозначены обе магистрали с намечавшимися отходящими от них линиями местного значения, которые после постройки магистралей, конечно, возникли бы, как ее естественные притоки. А вслед за сим быстрый рост промышленности и торговли, совершенно преобразованное сельское хозяйство, излишние крупные лесные и другие заработки для населения, оживление кустарной промышленности. Вот когда потребовали бы крестьяне от нас школ, а мы не побоялись бы увеличить обложение и сделать их и внешне, и внутренне достойными назначения! Пленительная, захватывающая перспектива...

Подготовительных технических работ по этой линии было значительно больше. Пришлось нам самим делать подробное экономическое обследование, которым бы оправдывалась ее постройка. Этот большой и ответственный труд, целый увесистый том в несколько десятков печатных листов, блестяще был выполнен В.В.Перцовым и В.В.Марковниковым. Меня и С.С.Толстого они привлекали лишь при составлении программы и для критики отдельных частей работы. Но хлопоты в Петербурге всецело пали на нас и, разумеется, проходили не без больших затруднений. Пришлось повозиться и с Н.К.Мекком. Он сперва запротестовал, найдя, что Заволжская дорога нанесет ущерб Сибирской магистрали, но потом мы уговорили его выступить предпринимателем и здесь, на что он, после некоторых колебаний, согласился.

Вопрос о постройке Заволжской железной дороги был разрешен в положительном смысле за несколько месяцев до революции. Это радостное для нас событие омрачилось скоропостижной смертью инициатора проекта, В.В. Марковникова, увидеть же постройку помешала революция.

В качестве сопутствующего железнодорожному строительству крупного мероприятия губернская управа предложила построить несколько элеваторов,

в задачи которых входило бы принимать от населения хлебные продукты, приводить их путем сушки и очистки в наилучший вид, выдавать под них ссуды и содействовать их сбыту по наиболее выгодным ценам. План этого мероприятия был в общих чертах разработан, возможность финансирования его начинала определяться. Революция оборвала эти мечты.

ОБЪЕДИНЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНСКИХ ЗЕМСТВ. СОВЕЩАНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ГУБЕРНСКИХ ЗЕМСКИХ УПРАВ. ВСЕРОССИЙСКИЙ ЗЕМСКИЙ СОЮЗ.

В разных местах очерка мне уже пришлось указывать случаи объединенной деятельности губернских земств. Теперь скажу об этом несколько подробнее с целью дать более ясное представление о возникновении и значении этого общественного явления.

По закону и неоднократным разъяснениям Правительствующего Сената деятельность каждого земства могла развиваться лишь на той территории, которая соответствовала его рангу, т. е. уездное земство могло работать в пределах своего уезда, губернское — в пределах своей губернии. Совместные действия нескольких земств, организация мероприятий по удовлетворению областных или имперских хозяйственных нужд, а иногда и деловые сношения друг с другом строго запрещались и пресекались. Поясню примером. Такое-то губернское земство могло организовать борьбу с сусликами на территории своей губернии, но действовать по сговору и сообщая с соседними земствами не могло. Власть, очевидно, боялась совместных действий по причинам политического характера и со своей точки зрения имела на то основание, так как земства действительно стремились иногда объединяться не только в хозяйственных, но и в политических целях, как это было в эпоху земских съездов, о которых я упоминал выше.

Тем не менее, начиная с первых годов текущего века, как раз тогда — и это весьма знаменательно, — когда правительство и, в частности, Министерство внутренних дел довольно резко ополчались на земства, объединенная деятельность последних возникла, пресечена не была и стала приобретать не только спорадический, но и постоянный характер. В итоге власть, если не юридически, то де-факто признала объединения, а при П.А. Столыпине и позже стала вступать с ними в деловые общения и даже финансировать их мероприятия.

Первые объединенные действия земств чаще имели политический, чем деловой характер. Политические цели преследовали и совещания председателей губернских земских управ с участием некоторых губернских гласных, которые устраивало при Д.Н.Шипове так называемое бюро земских съездов, и развернувшиеся из этих совещаний земские съезды 1905-1906 гг. Деловыми объединенными организациями в последние годы этого периода были только общеземская организация по помощи больным и раненым на Дальнем Востоке во время Японской войны и таковая же по помощи пострадавшим от неурожая в 1906 г. С этого времени после всеобщей забастовки, крестьянских волнений и Московского восстания⁸⁶, т. е. после первых попыток зажечь революцию, земства стали решительно

отходить от увлечения радикальными течениями, тем более, что они приняли боевой характер и ставили своей целью коренное изменение государственного строя, к чему в большинстве земства относились отрицательно. Одно за другим измененные составы губернских земских собраний сменяли и свои исполнительные органы, извлекая из них не только тех, кто действительно проводил доктрины радикализма, но часто и тех, кто, не будучи радикалом, подпадал под их влияние. У нас в Казани П.И.Геркен сменил В.В.Марковникова, в Саратове К.Н.Гримм — Юматова; крупные перемены произошли в Туле, Курске, Твери, Вятке и, наконец, в Москве, где избранный председателем губернской управы после Д.Н. Шипова кадет Ф.А.Головин был принужден уступить свой пост Н.Ф.Рихтеру, человеку определенных консервативных взглядов. В 1912 году Н.Ф.Рихтер скончался и на его место был избран Ф.В. Шлиппе, последний председатель Московской губернской земской управы, так как после его ухода до самой революции никто на этот пост не избирался, а обязанности председателя исполнял А.Г.Грузинов, член губернской земской управы, заступающий место председателя.

С того же времени, т. е. после 1906 г. прекращаются объединенные выступления земств по политическим вопросам, и начинают расширяться и приобретать постоянный характер чисто деловые объединения, о которых я упоминал выше: страховой союз, заготовка кровельного железа, областная организация по помощи переселенцам в Сибирь и Среднюю Азию, таковая же по заготовке сельскохозяйственных машин и орудий. Наконец, в начале войны с Германией возник Всероссийский земский союз по помощи больным и раненым⁸⁷.

Вопросы принципиального и организационного характера рассматривались при намечавшейся общеземской совместной деятельности совещаниями председателей губернских земских управ, которые обычно происходили в Москве под руководством председателя Московской губернской земской управы. Тем самым Москва постепенно сделалась деловым земским центром, а совещания председателей деловыми общениями, на которых подвергались обсуждению вообще все важнейшие вопросы земского хозяйства.

Такой характер этих совещаний особенно определился при Ф.В.Шлиппе. Это имело большое значение. Мы не только непосредственно осведомлялись о том, что и как делается во всех земствах, но часто сговаривались и перенимали друг у друга, что было интересно и полезно. Это придавало всей земской работе большую напряженность, будило соревнование и инициативу и, наконец, сближало нас, приучая с двух слов понимать друг друга, а, при надобности, и защищать. Когда, например, министр внутренних дел Н.А. Маклаков не пожелал утвердить в должности председателя Черниговской земской управы Н.П. Савицкого. Совещание председателей управ немедленно отправило депутацию хлопотать, чтобы это решение было аннулировано.

Мы далеко не все были одинаковых политических взглядов, но я не помню случая, когда бы при обмене мнений по политическим вопросам, что, разумеется, иногда имело место, разгорелись страсти, и наши споры омрачились хотя бы

признаками взаимной политической вражды. Мы шутили сажали крайне правого куриянина Раппа рядом с либеральным уфимцем П.Ф. Каропачинским, а они, добродушно воспринимая нашу шутку, относились друг к другу без всякой предвзятости, как самые добрые товарищи. Ф.В. Шлиппе стал в полном смысле этого слова душой наших совещаний. Несколько строгий их тон, имевший место при старике Н.Ф.Рихтере, который иногда не был достаточно общительным и доступным, сменился при Ф.В. Шлиппе оживленными товарищескими беседами, которые велись в типичной земской атмосфере, где как-то само собой установилось полное равенство и где особенно внимательно относились к молодым, начинающим силам. При Ф.В. Шлиппе нам ни разу не дано было почувствовать, что земская Москва и по своему составу, и по всей окружающей ее обстановке сортом выше нас, провинциалов. Наоборот, она полностью входила в наши ряды, сливаясь с нами. Центральное положение давало ей возможность видеть то, что нам нередко было недоступно, но она не смотрела на это, как на свою привилегию или преимущество, и только торопилась поделиться с нами своей осведомленностью. Не унижая себя и охраняя свое достоинство, она твердой поступью двинулась на службу всероссийскому земскому делу. Ф.В. Шлиппе отдался ему с увлечением, без остатка. Он не забывал ни одной просьбы, ни одного поручения, его добросовестности и вниманию не было предела. Он высоко и прямо держал земское знамя и, несмотря на то, что был сравнительно молодым активным земским деятелем, глубоко понимал сущность земщины и ее значение в государственной жизни России, которую он любил горячо и беззаветно.

Одно из наших совещаний происходило в Киеве. Там была выставка, и М.Д. Суковкин, председатель Киевской губернской земской управы предложил нам по этому поводу быть его гостями. Мы обсуждали один из коренных земских вопросов, где и какими способами изыскать средства для расширения земских мероприятий. На обратном пути мы очутились с Ф.В.Шлиппе вдвоем в одном купе и до самой Москвы провели время в откровенной беседе по всем основным политическим и общественным вопросам. Мы оказались единомышленниками, и я думаю, что именно эта многочасовая беседа стала как бы фундаментом наших последующих отношений. Постепенно укрепляясь, они перешли в тесную дружбу, по которой вот уже около 20 лет не скользнуло — и, верю, не скользнет — ни одной тени. Это побуждает меня дополнить характеристику этого близкого для меня человека. Я хотел бы отметить и другие его достоинства, но, в качестве горячо любящего его друга, не скрыть и некоторых немногих недостатков, особенно досадных потому, что они скорее кажутся недостатками, что их дурно понимают, на самом же деле они являются если и не обязательным, то все же естественным следствием лучших сторон его натуры. Отмечу прежде всего исключительную честность ее. Я думаю, что людей, неспособных на бесчестные поступки, очень много, но не так уж много таких, которые не были бы способны на не вполне честные побуждения. Чистота души — редкое свойство, Ф<едор>В<владимирович> им обладает. Насколько я вижу и понимаю, это

Ксения Николаевна Мельникова

ясно далеко не всем, кто его знает, и я считаю, что он принадлежит к людям, которые всегда остаются недооцененными. Скромный и мягкий по натуре, он, конечно, остается таким и на общественных постах, от которых не отказывается и до сих пор при всех тяготах нашего вынужденного отхода из родных пределов. Бывает, что его окружение злоупотребляет этими добрыми свойствами. По беспредельной доброжелательности, Ф<едор>В<ладимирович> всегда идет навстречу всем, точно боится, точно душе его больно иметь не только врага, но и просто недовольного им человека. Во всех встречающихся на его пути он, прежде всего, ищет добрые свойства и более чем снисходительно относится к дурным. Все это мешает ему иногда правильно оценивать людей, не поддаваться влияниям и не становиться близко к тем, от кого лучше было бы держаться на некотором расстоянии. А, кроме того, дает повод тем, кто плохо его знает, приходиться к ложным выводам о нем: хитрец, оппортунист.

Работать с Ф<едором>В<ладимировичем> в одно и то же время и большое удовольствие, и большое испытание для терпенья. Удовольствие потому, что привлекает к себе доброжелательностью, снисходительностью, простотой и сердечностью, он подхватывает и поощряет всякую инициативу и относится к сотруднику с доверием. А испытание потому, что добиться от него окончательного решения дела не всегда легко. Ему сплошь и рядом кажется, что кроме решения

предлагаемого и выбранного, как лучшее, непременно должно существовать еще какое-то наилучшее. Он не знает его, плохо нащупывает, но ищет и иногда по долгу. А между тем бывает, ведь, и так, что «промедление времени смерти безвозвратной подобно».

Ко всякому более или менее крупному деятелю идет по разным делам много людей. Чтобы не заставлять долго себя ждать, Ф<едор>В<владимирович> усвоил привычку принимать одновременно несколько человек. И вот каждый из них, перебивая друг друга, начинает рассказывать о своем. Наконец, наиболее энергичный побеждает и говорит один. Ф<едор>В<владимирович> внимательно его слушает, но, выслушав, ответа не дает, а также внимательно начинает слушать другого. В это время звонок по телефону. И кто-нибудь, иногда и по пустякам, тревожит Ф<едора>В<владимировича>. Вместо того чтобы отвести непрошеное вмешательство и, сославшись на недосуг, назначить время для повторного обращения, Ф<едор>В<владимирович> начинает тут же разрешать поднятый вопрос, зовет сотрудников, требует справок, советуется с пришедшими по другим делам и т.п. Такая манера работать утомляет просителей, сотрудников и вообще всех, кто имеет нужду переговорить и закончить переговоры, а тех, кто склонен дурно толковать чужие поступки, побуждает делать неверные и дурные выводы: Ф<едор>В<владимирович>, дескать, популярничает, заискивает, стремится всем угодить. А отсюда недалеко и до предположений о причинах заискивания.

Итак, на редкость хороший, чистый и симпатичный общественный деятель и человек своими руками способствует тому, чтобы время от времени умалять свою по существу безупречную репутацию. Может быть, этот невольный грех — свойство многих, но это еще не оправдание для Ф<едора>В<владимировича>, так как «кому много дано, от того много и спросится».

* * *

Перехожу к рассказу о Всероссийском земском союзе.

В истории войны с Германией 1914—1918 гг. описание деятельности этого союза займет, вероятно, не одну страницу.

Первоначальная задача, к выполнению которой земства вслед за открытием военных действий сочли своим долгом приступить соединенными усилиями, была сравнительно проста и ограничивалась помощью военному ведомству и Красному Кресту в размещении и лечении больных и раненых, которых отправляли с фронта в тыловые районы. Необходимость такой помощи стала очевидной в первые же дни общей мобилизации, так как военных и краснокрестных лечебниц было явно недостаточно. Однако очень скоро выяснилось, что в деле продовольствия и снабжения армии всем необходимым возможности военного ведомства также не соответствуют нарастающим потребностям, почему мобилизация всех деловых сил страны и широкая общественная помощь требуются во всех областях, и не только в тылу, но и в прифронтовых районах. Это станет понятным и легко

объяснимым, если припомнить, что, уступая настойчивым требованиям союзников и общей обстановки, командование призывало под ружье огромные массы запасных, и к концу второго года войны общее количество призванных в действующих и тыловых частях превышало, если не ошибаюсь, 13 миллионов человек, т. е. составляло примерно 1/10 часть всего населения России. А это значило, что для выполнения обычных хозяйственных надобностей и вызываемых войной специальных крупных работ страна почти начисто лишилась наиболее активных и трудоспособных элементов. Естественно поэтому, что, идя навстречу многообразным нуждам и запросам оенного ведомства, Всероссийский земский союз быстро отступил от намеченной вначале войны программы и расширил свою деятельность до размеров, которых не предвидели ни создавшие Союз земства, ни военное ведомство, ни правительство в целом.

Кроме устройства тыловых лечебных учреждений, Союз широко занялся заготовкой медикаментов, перевязочных средств, хирургических инструментов, белья, теплой одежды, разных повозок, ящиков для снарядов и т. д. Во многих городах и при многих железнодорожных станциях были устроены питательные пункты, как для проходящих эшелонов с ранеными и больными, так и для следующих на фронт воинских частей. Союз имел обширные хранилища для разного рода вещей, санитарные поезда для перевозки раненых и больных, дезинфекционные камеры, швальни и починочные мастерские. В прифронтовых районах пришлось, кроме того, завести склады, куда направлялись и где распределялись посылки для солдат и офицеров, устроить лавки с продажей разных продуктов и вещей, библиотеки и т. п. Одним словом, не было той нужды, которую бы Союз не устремлялся удовлетворять, развертывая все мероприятия в широких размерах. Общая агентура Союза исчислялась, вероятно, тысячами лиц, а денежные обороты или, точнее, затраты сотнями миллионов рублей. Во всем этом несомненная и крупная заслуга Союза.

К сожалению, она была омрачена немаловажными организационными и деловыми недочетами, а что хуже всего, недопустимыми отступлениями от чисто деловой работы, о которых нельзя умолчать.

В качестве председателя губернской земской управы, я принял личное участие в создании Союза, состоял членом предназначенного руководить его деятельностью органа, каковым являлся общий съезд председателей губернских земских управ⁸⁸ и, наконец, был одним из местных ответственных союзных деятелей. Поэтому от меня, казалось бы, можно ждать самого подробного рассказа как о многообразной деятельности Союза, так и о главных действующих лицах в его центральном исполнительном органе. На самом деле это не так. Я хорошо знаю и помню только то, что делало в качестве члена Союза Казанское губернское земство и его исполнительный орган, губернская земская управа. Деятельность центра мне известна лишь в самых общих, только что описанных чертах, причем многого и весьма существенного я не знаю совсем, как лично не знал и подавляющее большинство центральных деятелей. Это произошло не только вследствие

объема самого дела, но и благодаря своеобразной его организации и методам работы, усвоенным его главноуполномоченным, князем Георгием Евгеньевичем Львовым, который, напомним, кстати, был первым председателем Совета министров так называемого Временного правительства.

Нечастые встречи и недолгие беседы с кн. Георгием Евгеньевичем не дают мне права судить о нем, как о человеке. Отзывы некоторых лиц, знавших и наблюдавших его близко с юношеских лет, как, например, граф Д.А. Олсуфьев, приводят к выводу, что кн. Георгий Евгеньевич обладал весьма сложной натурой и что внешняя обстановка, в которой он провел свою молодость, не была благоприятной в смысле воздействия на весь его склад. То же видно из книги Т.И. Полнера, долголетнего и ближайшего сотрудника кн. Георгия Евгеньевича. Эта книга («Жизненный путь кн. Г.Е. Львова») специально посвящена его жизни и деятельности. К сожалению, она не производит впечатления вполне беспристрастного труда и пользоваться ею можно лишь с большой осторожностью. Тем не менее, в ней есть весьма ценные сведения, как, например, рассказ о неоднократном посещении кн. Георгием Евгеньевичем Оптиной пустыни и об его намерении уйти из мира. Этому не суждено было осуществиться, так как старец, с которым беседовал князь, не находил его готовым к принятию монашества, но, так или иначе, самый факт этих посещений и бесед свидетельствует о сильных душевных переживаниях кн. Георгия Евгеньевича.

Внешне Георгий Евгеньевич был обаятелен. Всегда просто и скромно одетый, достаточно представительный, приветливый, внимательно выслушивающий своего собеседника, лишенный чванства и манеры подчеркивать свое превосходство, он привлекал к себе всякого, кто входил с ним в общение. Он не был многоречивым и не обладал даром слова, но производил впечатление умного и наблюдательного человека. Он хорошо знал Россию и в особенности сельскую, которую непосредственно и близко наблюдал в течение многих лет. Вот то немногое, что я могу сказать о нем как о человеке. Что же касается его характеристики как общественного деятеля, занявшего крупнейший общественный пост в одну из наиболее значительных исторических эпох, то здесь, в дополнение к выше отмеченным эпизодам, я поделюсь некоторыми впечатлениями и наблюдениями, которые не будут, может быть, излишними для правильной и беспристрастной оценки деятельности кн. Георгия Евгеньевича.

Всегда его выдвигавшие и игравшие на его общественных кандидатурах радикальные круги приписывали ему исключительные организационные способности и деловитость. Я этой исключительности не замечал и, проверяя себя сейчас, не думаю, что ошибался. Правда, принимаясь за какое-нибудь дело, кн. Георгий Евгеньевич всегда старался поставить его широко, для чего создавались и соответственно широкие программы и сметы. Правда и то, что он умел добывать деньги. Но на этом все и кончалось, так как тратить добытые средства он фактически вполне предоставлял быстро создаваемому и всегда многочисленному окружению, в руки которого он всецело себя и отдавал. Его знаменитое «все утрясется»,

которым он утешал испуганных грозными событиями русских людей, занимая пост председателя Совета министров Временного правительства и также предоставляя своему окружению делать все, что оно хочет, как нельзя более характеризует его деловую сноровку. Среди набираемых им сотрудников были достойные и идейно преданные своему делу люди, но общий стиль создаваемых их организаций и, может быть, большинства состава действующих лиц оставляли желать многого. Заносчивость, развязность, зазнайство и нередко какая-то особенная, отталкивающая лихость, а также маловдумчивое и недостаточно щепетильное отношение к своим обязанностям и слишком сильное стремление к саморекламе — вот наиболее характерные черты этих господ. Такими чертами в особенности отличались работавшие на фронте, недаром кто-то ядовито назвал их «земгусарами», и это прозвище прочно к ним прилипло, так как, действительно, их внешний облик и манера себя держать и действовать были карикатурой на гусар.

Широта и разнообразие деятельности Всероссийского земского союза — неоспоримый факт, но что стоила эта деятельность, никто и никогда как следует не подсчитал, в том числе и сам кн. Георгий Евгеньевич. Когда в 1916 году, оставив земскую работу и перейдя на службу в Министерство земледелия, я по должности Главноуполномоченного по заготовке продуктов для армии знакомился с ходом дела в прифронтовых районах, мне довелось обнаружить показательный факт: «земгусары» перебивали работу министерских и интендантских заготовщиков, приобретая продукты по таким ценам, которые решительно ничем не оправдывались. Мои попытки примирить заготовщиков, уговорить их действовать согласованно, любовно разделив районы заготовок, не привели ни к чему: «земгусары» довольно нагло заявляли, что не находят нужным заниматься такими «пустяками» и считают важным одно: все, что делается, должно делаться Всероссийским земским союзом. Наиболее горячие защитники деятельности Союза находили, что все это — мелочи, что «лес рубят, щепки летят» и что плох был бы тот пожарный, который из экономии перестал бы лить воду на очаги пламени. Не находя, что эти сравнения достаточно удачны и убедительны, я, тем не менее, готов признать известную основательность за точкой зрения, которой они вызваны. Но вслед за сим позволю себе остановиться на других немаловажных подробностях, которые, по моему мнению, не имеют оправдания как для агентуры центрального органа Всероссийского земского союза, так и для самого князя Г.Е. Львова. Я говорю здесь о революционной пропаганде, которая велась агентами Союза среди солдат и мелкого офицерства. Это — не клевета, и об этом я неоднократно слышал от лиц хорошо осведомленных и заслуживающих полного доверия. Кн. Георгий Евгеньевич это знал, но никаких мер к прекращению зла не принимал. Наоборот, как бы сочувствуя такой «работе», он допускал в свои кадры значительное количество заведомых революционеров. Дополню сказанное свидетельством Ф.В. Шлиппе, который при образовании Всероссийского земского союза был избран товарищем главноуполномоченного. Подтверждая несомненность пропаганды, Ф<едор>В<ладимирович>, между прочим, ссылается на слова Ее Императорского Величества Великой княгини

Елизаветы Феодоровны, которая говорила ему, что в отправляемые на фронт книги служащие Всероссийского земского союза вкладывают листовки революционного содержания. В одном из писем Ф<едор>В<владимирович> сообщал мне, что он «задышался», работая в центральном органе Союза и, лишь бросив эту работу и перейдя в Красный Крест товарищем Самарина⁸⁹, почувствовал себя «в чистой атмосфере». Ф<едор>В<владимирович> дает еще одну любопытную справку. Он зашел в земский союз, когда кн. Георгий Евгеньевич был уже председателем Совета министров. На обращенный к секретарю вопрос, кто, по его мнению, заменит князя, был получен такой ответ: «Теперь, собственно, делать нечего, вся наша работа была сосредоточена в последнее время на низвержении правительства; теперь это исполнено, все остальное идет самотеком».

Мне неизвестны в точности политические взгляды кн. Георгия Евгеньевича. Припоминаю, что он, как будто, не состоял официально ни в какой политической партии. Но несомненно, что он лкнул к радикальным кругам, возглавляемым П.Н. Милюковым. Для целей, которые преследовали эти круги, такой не вполне выпуклый политический облик князя, был, может быть, даже наиболее подходящим: это не зря обнадеживало левых и, в то же время, успокаивало многих правых, особенно в придачу к репутации талантливого организатора.

Расскажу теперь, что помню, об образовании Всероссийского земского союза и о том, какие впечатления остались у меня о первых днях его работы.

Инициатива создания Союза возникла в Московской губернской земской управе тотчас по объявлении общей мобилизации в июле 1914 г. Если не ошибаюсь, главным инициатором был Ф.В. Шлиппе, занимавший в то время пост председателя управы. Все губернские земства быстро и единодушно отозвались на призыв образовать Союз, и 30 июля 1914 г. в Москве состоялся съезд председателей губернских управ для рассмотрения проекта Московской губернской земской управы. Этот проект был составлен на чисто земских основаниях. Предполагалось, что руководящим деятельностью Союза органом будет съезд председателей управ, как уполномоченных земских собраний. Ближайшим распорядительным органом должен был стать совет, избранный съездом из своего состава, — а исполнительным — возглавляемое главноуполномоченным правление, избранное на тех же основаниях. Совету давалось право кооптации, т. е. право включать в свой состав из числа земских деятелей лиц, признанных им особенно ценными и полезными. Не помню, было ли право кооптации ограничено или число кооптированных зависело от самого совета. Такая конструкция управления делами Союза достаточно обеспечивала аполитичность организации, тесно связывала центр с создавшими его провинциальными земствами и давала последним возможность в действительности, а не только на бумаге, руководить общим делом, не выпуская его из общественных рук.

Однако организация, конечно, могла быть сохранена в таком виде при условии, что главноуполномоченный будет искренне к этому стремиться. В противном случае, умело используя обстановку военного времени, необходимость рисковать

и принимать единоличные решения, он легко мог бы свести на нет руководящую роль избравших его земств и подпасть под чуждые, сторонние, кружковые влияния. Поэтому пост главноуполномоченного важно было вверить такому земскому деятелю, который, помимо личных и деловых качеств, а также связей в правительственных кругах, был бы теснейшим образом связан со всеми земствами и занимал верхнюю ступень в выборных земских органах.

Принужденный в свое время покинуть пост председателя Тульской губернской земской управы и неизбранный губернским гласным, кн. Г.Е. Львов не мог быть беспристрастно признан таким лицом. Подавляющее большинство съезда и считало, что главноуполномоченным надлежит быть Ф.В. Шлиппе, как председателю Московской губернской земской управы, которая, как было отмечено выше, возглавляла, по установившейся традиции, общие съезды председателей провинциальных губернских земских управ. Ф.<едор>В.<владимирович> мог рассчитывать пройти блестяще. Но вышло не так. В своем месте я упоминал о тех, так называемых общеземских организациях, которые возглавлял кн. Г.Е. Львов. Говорю «так называемых», потому что не все земства принимали в них участие. Дела этих объединений были закончены, но кн. Георгий Евгеньевич не ликвидировал окончательно центрального органа, очевидно, в расчете, что он понадобится вновь. Так как работали эти организации, главным образом, на поступавшие в центр частные пожертвования, земства не только не протестовали против его затянувшегося существования, но частично даже забыли о нем. Осведомленный об инициативе Московской губернской земской управы и о предстоящем съезде, кн. Георгий Евгеньевич выразил желание вступить в его состав в качестве председателя пока еще существующей земской организации, причем заявил, что в его распоряжении имеется миллион рублей, оставшихся от прежних мероприятий, и эти деньги он мог бы внести в Союз для увеличения его скромного основного фонда.

Ф.В. Шлиппе и его сотоварищи, а также многие из провинциальных земцев поверили этому миллиону, пленились им и, сделав «во имя целесообразности» натяжку в отношении прав кн. Георгия Евгеньевича быть членом съезда, на участие в котором его никто не выбирал, решили пойти навстречу его желанию. В итоге он и занял место среди нас на правах полноправного члена съезда. Попросив первым слова, князь предложил послать верноподданнейшую телеграмму Государю Императору, опередив в этом Ф.В. Шлиппе, у которого было наготове такое же предложение. Этот удачный «тактический шаг» еще более подкупил в пользу кн. Георгия Евгеньевича правый сектор съезда.

Когда возник вопрос о Главноуполномоченном, то выяснилось, что большинство и, главным образом, правые стоят за кандидатуру Ф.В.Шлиппе, а меньшинство и, главным образом, левые предпочитают кандидатуру кн. Г.Е. Львова. Однако Ф.В. Шлиппе, несмотря на настойчивые уговоры, решительно снял свою кандидатуру, находя, что с его немецкой фамилией нельзя во время войны с немцами занимать столь видный и первостепенный общественный пост. Он предложил избрать графа Ф.А. Уварова. Последний не был особенно популярным и,

видя, что его кандидатура не встречает большого сочувствия, также отказался от баллотировки. Таким образом, единственным названным кандидатом остался кн. Георгий Евгеньевич. Возникла страстная, упорная борьба, которая продолжалась целый день. В этой борьбе я принял горячее участие, и вышло так, что даже возглавил тех, кто был против кандидатуры кн. Георгия Евгеньевича. Ссылаясь на его прежнюю работу, мы доказывали, что он не удержится от того, чтобы придать создаваемой организации известный политический оттенок, а во время войны это было бы особенно нежелательно. Однако наша позиция была слаба: мы не имели кандидата и рассчитывали лишь на то, что, устранив кандидатуру кн. Георгия Евгеньевича, мы заставим Ф.В. Шлиппе изменить свое решение. Была сделана и еще одна попытка. Я усиленно уговаривал выставить свою кандидатуру С.Н. Маслова, председателя Орловской губернской управы. Он был среди нас одним из старших, заслуженно пользовался репутацией делового и энергичного человека и, хотя в известной мере тянул к левым, но все же был, как я его понимал, либералом типа Д.Н. Шипова и к радикализму относился отрицательно. В Петербурге его знали и также ценили, простота и мягкость привлекали к нему общие симпатии, на нем большинство из нас могло бы сговориться легко. Однако С<ергей>Н<иколаевич>. решительно отказался от этого предложения, упрекнув меня при этом за то, что я иду против кн. Георгия Евгеньевича, с которым «много работал». Я ответил, что именно в этом нахожу оправдание своему поступку, и мы разошлись довольно холодно. Повторные уговоры Ф.В. Шлиппе не дали результатов: он упорно стоял на своем. Решили, наконец, произвести баллотировку, которая и дала кн. Георгию Евгеньевичу большинство в один голос.

Это было весьма показательным, но, так или иначе, князь добился своей цели и возглавил Всероссийский земский союз.

Почему левый сектор съезда, который выдвинул кандидатуру кн. Георгия Евгеньевича и провел ее, не побоялся последующих протестов многих губернских земств, которые не могли сочувствовать таким выборам, и почему таких протестов не последовало. Причина одна: начавшаяся война. Устроить большой шум вокруг состоявшихся выборов, конечно, было возможно, но это сильно осложнило бы и задержало бы создание Союза и начало его работ. А как быть с ранеными и на кого падет ответственность, что для них не будут своевременно обеспечены помещение и уход? Поэтому "в кулуарах" земских собраний недовольства высказывались, но там же и оставались. Кн. Георгий Евгеньевич учитывал это и играл наверняка.

Как только выборы состоялись, князь предложил на пост товарища главноуполномоченного избрать Ф.В. Шлиппе, который на этот раз, ввиду предстоящей ему сравнительно скромной роли, не побоялся своей фамилии. Этот новый тактический шаг князя также возымел успокаивающее действие, вызвав надежды, что Ф<едор>В<ладимирович> будет сдерживать его политические устремления. Как видно из ранее рассказанного, эти надежды не оправдались, и Ф<едор>В<ладимирович> пришлось уйти "в чистую атмосферу". Что же

касается соблаздившего многих миллиона, то позже выяснилось, что его вообще не было: кн. Георгий Евгеньевич имел на остатке не деньги, а довольно сомнительные претензии к казне за какие-то больничные дни во время Японской войны.⁹⁰

Общий съезд председателей губернских управ был созван, если я верно помню, только один раз вскоре после выборов и протекал в обстановке церемониального, а не делового характера. Мы долго слушали рассказ «только что прибывшего с фронта» г-на N (не помню его фамилии), загорелого, достаточно растрепанного и одетого в поддевку и высокие нечищенные сапоги. Он горестно свидетельствовал о всяких недочетах в лечении, продовольствии и снабжении, которые обнаруживались на фронте, красноречиво описывал, как всюду и со всякой помощью начинает поспевать только Всероссийский земский союз, и под гром аплодисментов закончил свою речь пожеланием, чтобы под опытным руководством кн. Г.Е.Львова союз быстрее и шире развивал свою деятельность. После этого мы долго завтракали, обмениваясь впечатлениями, а затем оказалось, что большинству как можно скорее надо ехать домой, где ждут срочные местные дела. Поэтому на рассмотрение и обсуждение многочисленных докладов и заготовленных по ним резолюций оставалось очень мало времени. В итоге несколько робких попыток, в том числе и одна моя, высказать мнение по некоторым докладом обрывались с нескрываемым удивлением и даже раздражением, доклады не читались, так как «по всей вероятности члены съезда ознакомились с ними заблаговременно», а прочитанные резолюции одобрялись возгласами «согласны, согласны», что и считалось за состоявшееся голосование.

Так и закончился этот съезд, после которого оторвавшийся от периферии центр Всероссийского земского союза остался работать сам по себе как прикрывшаяся земским флагом политическая организация, а создавшие его земства действовали каждое отдельно как организации деловые. Правда, этот отрыв ощущался полностью земствами правого политического оттенка, так как левые поддерживали связь путем личных общений их представителей с кн. Георгием Евгеньевичем, но это лишь подтверждает то, что Союзу был придан определенный политический облик.

Не берусь судить, в какой мере Всероссийский земский союз со своими "земгусарами" помог революционному движению. Думаю, что причины русской революции многообразны и накапливались десятилетиями и даже веками. Поэтому она могла произойти без услуг Всероссийского земского союза, и его секретарь, о беседе с которым рассказывал мне Ф.В.Шлиппе, изобразил лишь муху из басни Крылова: "Мы пахали". И если я особенно подчеркиваю факт отрыва Всероссийского земского союза от Всероссийского земства и то, что кн. Георгий Евгеньевич использовал Союз, чтобы "приложить к революции руку", то делаю это потому, что по моим впечатлениям и наблюдениям русское общество за единичными исключениями не видело и не понимало совершившейся земской драмы и, скажу больше, не понимает ее и сейчас. Не только в начале революции в России, но и здесь, в эмиграции, мне довелось неоднократно убеждаться, что

естественные упреки по адресу Всероссийского земского союза распространяются на все русское земство. Это будто бы оно как таковое изменило России и, установив связь с другими революционными группировками, использовало войну для большего успеха преступных антипатриотических вождедений. Отсюда вопрос, нужно ли России самоуправление, способна ли она к нему, заслуживает ли она его. Таким образом, помимо всего прочего, направление, которое было придано кн. Г.Е. Львовым Всероссийскому земскому союзу, явилось сильным ударом самой идее русского самоуправления, без которого Россия никогда не жила и, верю в это глубоко, не может жить.

Мне хотелось бы теперь ответить еще на некоторые вопросы, которые я предвижу. Как случилось, что в распоряжение Союза поступали огромные средства, откуда они поступали, и почему правительство, видя опасные уклоны, которые приобретала деятельность Союза, не приняло необходимых решительных мер? Отвечу на эти вопросы так. Начало войны знаменовалось сильным подъемом патриотических чувств. Поэтому кроме сравнительно скромных сумм, которые могли по своим средствам дать на общую складчину земства⁹¹, в кассу Всероссийского земского союза с первых же дней войны стали поступать значительные частные пожертвования. Так, один С.Т. Морозов пожертвовал 500000 рублей. Более мелкие пожертвования текли непрестанно и, в общем, составили мне неизвестную, но, думаю, крупную сумму. Почти вся печать, особенно в начале войны, поддерживала жертвенные порывы. Но главная часть средств, те десятки и сотни миллионов, которые прошли через кассу Союза, поступила от казны. Сразу быстро и широко развернувшаяся деятельность земств по размещению и лечению раненых и больных побудило военное ведомство не отказываться от помощи Всероссийского земского союза и в деле всевозможных заготовок, и в разных хозяйственных мероприятиях на фронте. Постепенно, но очень быстро, как и все, что делалось во время войны, Союз со своей работой стал необходимостью, без которой трудно было бы обойтись. И если вначале кн. Г.Е. Львову приходилось хлопотать о казенных средствах на мероприятия Союза, то очень скоро дело обернулось так, что ему оставалось лишь получать их. Политически опасная сторона деятельности Союза стала заметной не сразу. Пропаганда особенно усилилась лишь во второй период войны, когда после ряда крупных неудач начали нарастать и крупные недовольства, а оппозиционные течения, кроме значительной части печати, захватили почти весь состав Государственной Думы, проникли почти во все слои общества и коснулись даже самого Правительства в лице его отдельных первостепенных и многочисленных второстепенных представителей. В это время все опытные левые круги могли уже настолько поднять голову, что ни те из военных, для которых опасность стала ясно обнаруживаться, ни Министерство внутренних дел, которое в ней не сомневалось, попросту не решались на единственную действительную меру для ликвидации вредной деятельности Союза: прекратить выдачу денег. Это произвело бы такой шум и было бы встречено столь бурными протестами, что для власти могли создаться непосильные осложнения. Кн. Георгий Евгеньевич, конечно, все это знал.

V

**Участие Казанского губернского земства в работах,
связанных с военными надобностями**

Возникшая благодаря военным надобностям специальная работа Казанского губернского земства одновременно шла по трем направлениям.

Первое связывало земство с командующим войсками Казанского военного округа и отдельными подчиненными ему окружными управлениями. Здесь оно действовало только под своим флагом, а не в качестве члена Всероссийского земского союза.

Второе направление вело в Москву, в Центральное управление Всероссийского земского союза. Здесь губернское земство действовало как участник последнего.

И, наконец, третье непосредственно соединяло земство с Министерством земледелия, которое взялось за продовольственные заготовки для армии и призвало к сотрудничеству многих председателей губернских земских управ, в том числе и меня. Сделаю во избежание недоразумений необходимую оговорку. Мне, как и моим сотоварищам в других губерниях, министр земледелия А.В.Кривошеин прислал телеграмму с просьбой о сотрудничестве лично, минуя губернское земское собрание. Вероятно, так было сделано ввиду необходимости создать организацию как можно быстрее. Мы все потом и названы были уполномоченными министерства земледелия. Тем не менее, мы, конечно, не отделяли себя в этой роли от своих земских собраний, согласившись на сотрудничество с их ведома и своевременно осведомляя их о ходе дела. Это и дает мне основание говорить о связи Министерства земледелия с земством как таковым. Организационной подробностью было здесь только то, что в качестве Уполномоченных председатели губернских управ принимали все решения единолично, не внося свои предположения на обсуждение коллегий губернских управ. Надо сказать и то, что взаимоотношения, которые во время войны возникали между различными ведомствами с их местными учреждениями с одной стороны и представителями земств в лице председателей губернских управ с другой, не были ясно регламентированы — о ясности некогда было думать — и, если бы случились какие-нибудь злоупотребления, суду нелегко было бы разобраться, кто, в качестве кого и в какой мере является бесспорным ответственным лицом. По счастью, никаких злоупотреблений не было, и все председатели губернских земских управ выполнили свой долг перед Родиной, сохранив чистыми знамена своих земств. Здесь, как это видно, губернское земство соприкасалось с одним из центральных ведомств также непосредственно и помимо Всероссийского земского союза.

В начале лета 1914 г. я чувствовал себя сильно усталым и, с согласия своих сотоварищей по управе, решил провести один месяц безвыездно в деревне. В конце первой половины июля удалось закончить все наиболее срочные дела и, сделав последние распоряжения, я сел на пароход, предвкушая грядущий отдых

и участие в различных, столь любимых мною сельских работах. Стояла чудная погода, шло жнитво, убирали луга. Потеряв из вида душный и пыльный город, я жадно вдыхал чистый, влажный вечерний воздух и радовался несущимся с берегов дивным запахам спелой ржи и свежего сена. Не было и мысли о неизбежности войны. Казалось, наоборот, что начавшиеся осложнения в Сербии уладятся⁹², что Австрия и Германия не посмеют подняться против России, имея в тылу союзную нам Францию и как будто явно склоняющуюся на нашу сторону Англию. Именно так утешали меня управские и вообще казанские политики, а мудрый старец А.Н.Благодаров, хотя никаких предсказаний не делал, но все же, потирая лысину, приговаривал: «Даст Бог, даст Бог».

Приехав в Сергеевку и обежав поля и луга, я немало говорил и со своими и с окрестными крестьянами, приходившими по разным делам. Нет, никто не ждет войны, у всех одна забота на уме: «Страда». Прошло несколько дней. Я сидел в саду, наслаждаясь вечерней прохладой, и наблюдал, как за мельницей на другой стороне пруда играют ребятишки. Вдруг верховой нарочный из Большого Сундыря с секретной телефонограммой из губернской управы: «Объявляется всеобщая мобилизация». Помню, как сейчас: медленно поднялся, отыскал жену, показал ей телефонограмму. Она молча и вопросительно посмотрела на меня. «Надо ехать», — ответил я и пошел сказать, чтобы закладывали лошадей, рассчитывая успеть к одному из ночных пароходов в Чебоксарах. Не помню, что перед отъездом говорили мы в семье по поводу полученного известия, не помню дороги, парохода, первых разговоров и распоряжений в управе. И вновь ясно припоминаю, как на третий или четвертый день после объявления мобилизации ко мне в управу пришел окружной интендант.

«В Казань начинают прибывать большие партии мобилизованных, — сказал он, — а мы можем прокормить их 4-5 дней, на больший срок в моем распоряжении продовольствия и, главным образом, муки не имеется. Я пришел к Вам по приказанию командующего войсками. Не найдете ли Вы возможным помочь нам, немедленно закупив и доставив в Казань примерно такое-то количество муки (он назвал довольно большую цифру, не помню какую). В дальнейшем может потребоваться еще».

«Сделаю все, что могу, — ответил я, — но в состоянии ли Вы не связывать меня такими формальностями, которые затормозят дело».

«Это предусмотрено, и Вы можете быть спокойны. Не разрешите ли мне зайти завтра, чтобы узнать о первых результатах».

Я понял этот ответ так, что мне дается «карт бланш» и больше ничего не спрашивал. Поклоны, пожелания, и мы расстались.

Я сейчас же позвонил к Степану Васильевичу Демидову, хлебному торговцу из Спасска. Он по разным деловым соображениям не так давно переселился в Казань. Ненадолго прерываю рассказ, чтобы помянуть добрым словом этого недюжинного ума и большой предприимчивости хорошего русского человека. Я познакомился с ним в 1906 году, когда, ведая благотворительной помощью населению

губернии, привлек его в качестве сотрудника при заготовках хлеба. С тех пор всякий раз, когда мне нужен был сотрудник по части заготовок, я неизменно обращался к нему, и за все истекшее время не было ни одной сделки и ни одного завершенного при его участии дела, за которые хотя бы в чем-нибудь можно было его упрекнуть. Рекомендовал мне его Спасский предводитель дворянства Петр Владимирович Родионов, один из крупнейших землевладельцев губернии и один из самых лучших хозяев. Петр Владимирович продавал ежегодно десятки тысяч пудов хлеба, но дешево продавать не любил. Местные хлебные «тузы» всегда гонялись за его партиями, но купить у него было нелегко. Однажды он надумал продать рожь не у себя в городе Спасске, а в Рыбинске. Возиться с этим самому было некогда, да не был он и в курсе этого дела. Кто-то из знакомых купцов рекомендовал ему С.В. Демидова. Последний в то время был еще совсем молодым человеком, без всяких связей и капитала. Промышлял он мелкой хлебной торговлей и тем, что состоял на побегушках у крупных хлебников. П.В. Родионов был малоразговорчив, но обдумывал каждое дело обстоятельно, а, обдумавши, действовал быстро и решительно, часто и с риском. Он позвал С.В. Демидова, которого в то время все звали еще просто Степаном, и между ними произошел примерно такой диалог⁹³.

П.В. = Послушай, Степан, хочешь в люди выйти?

С.В. = Так точно, Петр Владимирович.

П.В. = А сколько у тебя денег?

С.В. = Да вроде того, что ничего, Петр Владимирович.

П.В. = Так вот что. У меня есть 60 тысяч пудов продажной ржи, как раз небольшая баржа. Какой хлеб, ты знаешь. Грузи и вези его в Рыбинск и сумей быстро продать за наличные по самой высокой цене. За хлопоты получишь такую-то комиссию (была названа какая-то скромная цифра, кажется, копейки с пуда). Доверяю тебе хлеб без копейки, деньги отдашь после продажи. Согласен?

Степан со своим живым и практическим умом сразу смекнул, что это значило. Во-первых, в 2-2 месяца он мог заработать около 400 рублей. Во-вторых, имея на руках баржу первосортного хлеба, он мог рассчитывать завести в Рыбинске кое-какие знакомства, да и перед своими Спасскими и другими купцами было чем похвалиться. Иными словами, для мелкого комиссионера это дело могло стать толчком для карьеры, а она в торговых кругах дается нелегко: там зря не разговаривают, а часто и на порог не пускают. Поэтому ответ Степана был краток: «Так точно, Петр Владимирович. Покорно Вас благодарю. Надеюсь доверие оправдать».

Оправдать доверие Степану удалось вполне. Он продал хлеб действительно по самой высокой цене и вернулся из Рыбинска с гордым видом и в новой шикарной поддевке.

С тех пор он, как говорили купцы, «пошел», и когда я узнал его, был представительным молодым купцом с несколькими сотнями тысяч капитала и с добрым именем на бирже и в банках. Звали его уже не Степан, а почтительно: Степан

Васильевич. Он тактично и скромно себя держал, заработать любил, но никогда не жадничал; будучи довольно честолюбивым, мог иногда выполнить крупное поручение только «из-за чести». Особенно ценно было в нем то, что он обладал неукротимой энергией, большой находчивостью, удачливо рисковал и всякое принятое поручение выполнял вполне добросовестно.

Возвращаясь к рассказу. Получив от Степана Васильевича в ответ: «Сейчас буду», я торопливо созвал всю управу и, сообщив о своем разговоре с интендантом, добавил, что обещал выполнить его просьбу. Конечно, я сделал оплошность: ответ интенданту можно было дать через 2-3 часа, предварительно переговорив за этот срок с управой. Теперь же я ставил своих коллег перед совершившимся фактом и заслуженно получил в ответ несколько кислых слов, а также совет вести это дело по своему единоличному решению и за личной ответственностью. Ответственности я не боялся, но весь этот эпизод был, конечно, неприятен.

Когда, подчеркнув секретность беседы, я рассказал явившемуся С.В. Демидову, в чем дело, он быстро начал перечислять, какие партии хлеба и у кого есть, по его предположению, в наличности. «Только надо суметь, — добавил он, — взять скоро и у всех сразу, чтобы они опомниться не успели. А если что узнают друг от друга, цены так поднимут, что не купишь. У меня готовой муки нет, но могу намолотить и продать по «опчей» цене (Степан Васильевич говорил «опчий» вместо «общий»)».

Мы наметили такой план. Я по своему аппарату буду сейчас же разговаривать с 4-5 чистополоскими купцами, Степан Васильевич по-другому — со спасскими и тетюшскими. Кончив, и по возможности быстро, с одним, надо было немедленно звонить другому, затем третьему и так до последнего. Размол своей партии Степан Васильевич должен был начать не раньше, чем все, что удастся купить сейчас будет погружено и отправлено в Казань. Если бы в ближайшие дни последовали новые предложения от торговцев, их следовало сперва «поморить», как определил Степан Васильевич, ссылаясь на то, что хлеба, может быть, пока больше не нужно, а затем действовать сообразно обстановке.

Сознательно останавливаясь на этих подробностях, так как, во-первых, они довольно характерны и красочны, а, во-вторых, указывают, что дело было не так просто, и самый ничтожный промах мог вызвать значительные последствия. В то время «тоталитарных» методов управления не существовало, с частными интересами и правами серьезно считались, собственность не называли «социальной функцией». Поэтому торговцы могли не выпускать на рынок своих запасов и, пользуясь обстоятельствами, повышать цены. А это, кроме интересов военного ведомства, затронуло бы интересы всех местных потребителей.

Итак, мы с Степаном Васильевичем уселись у разных аппаратов в разных комнатах. Служебные часы кончились, мы были одни. С кем и как говорил Степан Васильевич я, конечно, не слышал. Потом по его довольно путаному рассказу видно было, что он порядочно врал. Примерный стиль моих переговоров был таков:

Я. — У телефона Н.А. М-в. Доброго здоровья, Н.Н. Скажите, пожалуйста, почему сейчас ржаная мука на Вашей пристани?

Н.Н. — Здравствуйте, Н.А. Пока столько-то, потом не знаем, что будет.

Я. — Ну, конечно. А Вы имеете что-нибудь в наличности?

Н.Н. — Около ... мешков имею.

Я. — Мука не затхлая, без хвоста?

Н.Н. — Мука добрая, готовил для Петербурга.

Я. — Не хотите немного продать?

Н.Н. — А сколько требуется?

Я. — Сколько-то (называю цифру, меньше указанной наличности), но, разумеется, по существующей цене. Если подходит, подтвердите.

Н.Н. — Накинуть бы надо, сами знаете...

Я. — Ну, это оставьте, не пройдет. Завтра-послезавтра, может быть, и совсем не понадобится.

Н.Н. — Ну, что ж, для Вас сделаем.

Я. — Итак, я подтверждаю⁹⁴. Немедленно грузите на легкий пароход в Казань, в мой адрес. Расчет по сдаче.

Н.Н. — Будет сделано, утром погрузим. А остальную не возьмете?

Я. — Пока надобности нет.

В течение 1-1½ часов все переговоры были кончены, и в общем нам с Степаном Васильевичем удалось закупить немногим меньше, чем требовал окружной интендант. Недостающее количество пополнял Степан Васильевич. Надо было видеть на другой день радость генерала, особенно когда выяснилось, что цены, по которым был куплен хлеб, не превышали, а были даже немного ниже официальных справочных. Значит, и с контролем возни не будет. Степан Васильевич передавал мне потом, что продавшие муку купцы порядочно нас обоих бранили, хотя при этом и оценили то, что мы «сумели» сделать. А по торговым обычаям тот, кто «сумел», заслуживает, кроме брани и уважения.

В дальнейшем, насколько помню, Интендантство стало как-то обходиться без нашей помощи, и непосредственно для округа хлебных заготовок мы не делали. Но зато пришлось выполнить другое, более трудное и ответственное дело, тесно связанное с крупным привходящим эпизодом, о котором удобнее сейчас же и рассказать.

Как-то уже осенью, в первой половине сентября, ко мне явился лесничий Удельного ведомства, кажется, из Костромской губернии. У него не так давно прибыла в Козьмодемьянск большая партия леса в плотях. Столь сильно запоздавшее прибытие объяснялось какими-то осложнениями при сплаве по маленьким речным путям. Козьмодемьянская лесная ярмарка в момент прибытия плотов уже кончилась, все разъехались. В итоге лесничий испытывал большие затруднения с продажей леса, тем более, что общая стоимость его равнялась приблизительно 100 тыс. рублей — сумма по тому времени очень крупная. В поисках покупателя

лесничий по чьему-то совету и зашел в губернскую управу. У нас в это время началась постройка лечебницы для умалишенных, и лесные материалы были нужны в большом количестве. Поэтому я очень заинтересовался предложением. Когда все дело обсудили в коллегии управы, выяснилось, что продажного леса было во много раз больше, чем мы нуждались, а дробить партию лесничий не хотел. Было принято во внимание и то, что навигация скоро кончалась; что сплавливать лес до Казани, благодаря обмелевшим перекатам и осенним туманам, было бы риском даже с помощью парохода; что затратить без санкции земского собрания 100 тысяч рублей было бы слишком сильным превышением власти, на что достаточных оправдательных мотивов не было. Значит, от покупки лучше воздержаться. Все эти соображения были совершенно правильны, но я испытывал такой неудержимый соблазн купить лес, что сосредоточиться на благоразумных размышлениях мне не удавалось. Захватив переданные мне лесничим ведомости, я поехал к управляющему Государственными имуществами Чернявскому, который в качестве представителя Казны был гласным губернского земского Собрания. Это был дельный, умный и толковый человек. Наши отношения не оставляли желать ничего лучшего. Я рассказал ему подробно, в чем дело, и как весь вопрос прошел в заседании управы. Внимательно просмотрев ведомость, Чернявский сказал, примерно, так: «Это на редкость хороший и даже исключительный по качеству лес⁹⁵. Он стоит, по меньшей мере, вдвое дороже, чем назначает лесничий. Ну, а остальное, Вы понимаете, вне моей компетенции».

Еду обратно в управу, а в голове одна мысль: купить. Позвонил С.В. Демидову. «Зевать грех, покупайте, — решительно заявил он. — А насчет сплава особенно не беспокойтесь, за деньги хороший пароход найдем».

Вновь собрал управу и сообщил о разговоре с Чернявским и Демидовым. К.П. Берстель и кто-то еще заколебались: соблазн был и вправду велик. Если все на дрова перепилить, и то затраты окупятся, а дров на наши учреждения надо немало. Благодаря войне цены могут сильно подняться, мы можем сделать выгодное дело. Однако страх ответственности преодолел, и я получил такой ответ: «Хочешь, покупай, но делай это за свой риск».

Лесничий должен был прийти за ответом на следующий день утром. Надо ли говорить о моем состоянии, пока не настало это утро. В последний момент позвал на совет А.Н. Благодарова.

«Дело-то, как видно, неплохое, — сказал старик, — да риску много со сплавом, с уборкой. Ох, не знай, не знай.... Тут, ведь, кое-кто только и ждет случая, сами видите»...

«Куплю», — пронизало мозг созревшее решение, и сразу стало как-то легко и спокойно.

С явившимся лесничим мы быстро сговорились о разных формальностях, и я позвонил Демидову, прося его поехать на биржу, чтобы найти пароход.

«Будет сделано. Сейчас еду. Заранее поздравляю с барышом», — весело ответил Степан Васильевич.

Все плоты ввели в устье Казанки что-то около 15 октября, под самый конец навигации. В пути два или три плота разбило, но, по счастью, потерянных бревен оказалось немного, несколько десятков. Весь берег Казанки от устья и почти до «Петрушкина разъезда»⁹⁶ был завален огромными бунтами толстых и длинных бревен первоклассного качества. Когда инженеры технического отдела подробно все это осмотрели, то дали заключение, что все накладные расходы и стоимость леса можно рассчитывать окупить одними досками, и несколько сот кубов дров и значительное количество годных на постройку толстых горбылей могут достаться даром. Управа успокоилась, А.Н.Благодаров даже прослезился от радости, а Д.П.Арцыбашев, в частности, поздравил меня с удачей, высказав пожелание, чтобы разработка леса была поручена техническому отделу. Я, конечно, согласился, тем более, что к весне все материалы надо было убрать, иначе в разлив их бы унесло. Я считал, что Д.П.Арцыбашев со своими сотрудниками делают это лучше подрядчика.

Вот теперь мне можно вернуться к рассказу о большом и трудном деле, которое управе пришлось выполнить.

В самый разгар разработки купленного леса, во второй половине ноября, мне позвонил командующий войсками Казанского военного округа, генерал Сандецкий, и просил приехать к нему по срочному и важному делу. Еду.

«В Казани, — сказал генерал, — идут крупные формирования для действующей армии, все помещения использованы, и нам необходимо к февралю иметь еще теплые бараки на 8000 человек. В распоряжении Округного инженерного управления нет ни материалов, ни достаточного количества техников. Не можете ли Вы помочь нам и взять выполнение этого дела. Если во время производства работ будут затруднения, не стесняйтесь обращаться ко мне. Необходимые средства будут Вам отпускаться по первому требованию. О формальностях поручите Вашим сотрудникам сговориться в Округном инженерном управлении».

«Вот он, лес-то, когда пригодился», — промелькнуло у меня в голове.

«Ваше Высокопревосходительство, — обратился я к Сандецкому, — но, ведь, 8 тысяч — это население наших трех уездных городов. Почти все наши техники призваны в войска; плотников, каменщиков и других специальных рабочих тоже нелегко доставать. Боюсь, что в указанный Вами срок, да еще в зимние месяцы, при мерзлой земле, такую работу почти невозможно выполнить».

Генерал Сандецкий, как мне потом довелось слышать на фронте, в штабе Верховного главнокомандующего, присылал в действующую армию наиболее подготовленные и дисциплинированные части. Но в Округе его не любили. По общим отзывам он отличался не только суровостью, но и жестокостью, был чрезмерно вспыльчив и не воздерживался от того, чтобы третировать и оскорблять подчиненных. Поэтому и на свои слова я ждал какого-нибудь неприятного взрыва. Но я ошибся. Он как-то устал и добродушно улыбнулся и тихо сказал:

«Я тоже сомневаюсь, что все это возможно, но теперь, ведь, и невозможное приходится делать. Подумайте, а завтра разрешите ждать от Вас ответа».

Помню, что, выходя от Сандецкого, я чувствовал себя совершенно оторопелым. Отказываться от его просьбы мы были, как будто, не вправе, а выполнить ее, как мне казалось, нельзя. Что делать?

Вечером, на заседании управы, куда были приглашены и наши инженеры, я подробно рассказал о беседе с Сандецким, но от всяких заключений воздержался.

Сразу же возник принципиальный вопрос, имеем ли мы моральное право отказать в просимой помощи. Здесь было быстро вынесено единодушное решение: не имеем.

По второму вопросу, возможно ли надеяться выполнить работу в срок, я просил прежде всего высказаться наших инженеров.

«Это о-чень трудно, — протяжно и с немецким акцентом начал свою речь почтенный Ф.Ф. Юргенсон, — но все-таки возможно. Мы имеем недалеко от места постройки много леса, часть которого уже разработана. За хорошую плату рабочие найдутся». Затем он в общих чертах набросал план выполнения работ, добавив, что самые большие затруднения видит, во-первых, в неизбежности рыть ямы для столбов в мерзлой земле и, во-вторых, в необходимости иметь дело с Окружным инженерным управлением, которое, так или иначе, должно рассматривать и одобрять наши планы и сметы.

Дельный, расчетливый, энергичный и пылкий И.П.Калинкин пошел дальше осторожного Ф.Ф.Юргенсона в вопросе о возможности.

«Динамит для ям достанем, — сказал он, — а окружных инженеров не стоит бояться. Если начнут серьезно мешать, можно им предоставить продолжать постройку».

Д.А.Арцыбашев удовлетворенно и гордо взирал на своих сотрудников. Он сразу учел, какой большой пучок свежих лавров будет вплетен в венок технического отдела, когда будет выполнена такая козырная работа.

«Стоит ли дальше потрясать воздух, — бодро заявил он — Технический отдел исполнит свой долг, а Н<иколай> А<лександрович>, — он сделал в мою сторону театрально-учтивый поклон, — возьмет на себя привычное для него дело улаживать всякие затруднения и трения».

Я рассказываю с такими подробностями, что боюсь получить упрек в ненужном многословии. Но мне не удается короче описывать все эти врезавшиеся в память обрывки больших и сложных действий. А между тем, считаю изображение их в подлиннике не лишним: они, как я думаю, лучше всего помогут перенестись в теперь уже далекое прошлое и не только услыхать о нем, но и мысленно увидеть, что и как там происходило и как чувствовали и действовали тогда тепер уже отжившие свой век маленькие, рядовые деятели.

За постройку барачков решили взяться. Сандецкий усиленно меня благодарил и еще раз подтвердил, что «весь к моим услугам», если понадобится его вмешательство. Мне посчастливилось прибегнуть к этим услугам, кажется, только в двух-трех случаях, но с окружными инженерами была такая возня, которую я никогда

не забуду. Думаю, что сами по себе, как люди и специалисты, они были не хуже и не лучше наших инженеров, но они были совершенно связаны разными инструкциями, уставами и специальными правилами, отступать от которых не имели права. А эти инструкции и уставы неизбежно отстают от жизни и не всегда укладываются в нее, так как жизнь течет и движется, а они неподвижны. Для того же, чтобы их пересматривать, видоизменять и приспособлять к убегающей жизни, нужна центральная ведомственная или даже законодательная работа, то есть время и часто очень продолжительное. Общественные учреждения, имея свои законодательные и распорядительные органы рядом, по самому своему строю подвижнее и эластичнее и способны просто и быстро приспособляться к изменяющейся обстановке. Мы с раздражением упрекали окружных инженеров за формализм, а как, в самом деле, могли они иначе поступать, имея за собой веления закона. Отступить от него во имя целесообразности, опираясь на высшее начальство в лице командующего войсками? Но, ведь, завтра его могли вызвать на фронт, а на его место назначить другого, который не будет склонен одобрять отступления, брать их на свою ответственность. Таким образом, на случай войны, когда формальности, стесняющие разумные действия, бывают не только неудобны, но и губельны, надо было бы иметь наготове какие-то поправки к мирным порядкам. Интенданство, как будет видно дальше, сделало это уже во время войны. Инженеры, по видимому, не нашли нужным или не подумали об этом, не успели. В этом я вижу объяснение выпавшей случайно на долю губернской управы, как я назвал, возни с Окружным инженерным управлением, и мне не хотелось бы, чтоб в этом слове было услышано по существу незаслуженное обвинение невиноватых людей.

Так или иначе, но воля к действию и к устранению препятствий помогла их преодолеть, а когда, бывало, из Инженерного управления поедешь на самую постройку, то душа в полном смысле слова отдыхала. Там работа кипела. Доносившийся издали визг лесопилок⁹⁷, десятки подвод, непрерывно подвозящих доски и бревна, стук топоров и лязг пил в руках сотен плотников, землекопы, конопатчики, печники — весь этот шум и вся эта масса людей, которые деловито копошились, шутили, бранились и нет-нет да и забегали поочередно в наскоро сбитый, но все же отапливаемый, служебный барак, чтобы погреться и выпить рюмку водки, заботливо запасенной И.П.Калинкиным, — все это оживляло, бодрило и заставляло забывать неприятности. А сам Калинин, веселый и неутомный, не обращая внимания на вьюги и морозы, целыми днями носился по новому городищу с разными планами и ведомостями, бросая на ходу распоряжения им же наскоро натасканным десятникам, которые заменяли наш призванный на войну низший технический персонал.

Надзор за лесопилками и разделкой леса был поручен, если не путаю, нашему инженеру-архитектору, имя которого, к сожалению, не могу вспомнить. Вдумчивости и аккуратности этого ценного сотрудника губернская управа была обязана тем, что, кроме лесного материала, который ушел на постройку барачков и за который была получена с военного ведомства сумма, покрывшая, насколько

помню, почти всю стоимость закупленного леса, земство оказалось обладателем такого количества разных досок, брусьев и дров, которое значительно превзошло предварительные расчеты. Д.П.Арцыбашев также «горел» этим делом и, забывая свой сепаратизм, почти каждый день осведомлял меня о ходе работ.

Баракы на 8000 человек с отдельными офицерскими помещениями, офицерским собранием, кухнями, амбулаторией, лазаретом и т.д. были готовы в первых числах февраля, через три месяца после начала постройки, т.е. к назначенному сроку. Свежий пучок лавров в венок технического отдела был вплетен и вполне заслуженно: Д.П. Арцыбашев и его сотрудники действительно превзошли самих себя в этом деле.

Надо ли говорить, что земское собрание одобрительно приняло к сведению сообщение управы о постройке бараков, а о «незаконной покупке леса» никто и не заикался. И только Д.П.Арцыбашев не утерпел лишний раз поддразнить кн. П.Л. Ухтомского: «А что, князь, опять у Вас с Мельниковым сорвалось».

Не буду перечислять разных более мелких услуг, оказанных губернской управой местному командованию, и перейду к рассказу о работе, которая была сделана губернским земством в качестве участника Всероссийского земского союза.

Здесь самым сложным и хлопотливым делом было размещение и лечение раненых и больных.

Поручение о подготовке госпиталей было получено из управления Всероссийского земского союза тотчас после открытия военных действий, причем выяснилось, что, ввиду географического положения Казани, находящейся в глубоком тылу, нам не будут направлять раненых, нуждающихся в серьезных операциях. Это, конечно, в известной мере облегчало разрешение вопроса о помещениях, которыми Казань была особенно бедна. Тем не менее, оставалось немало других крупных и мелких срочных забот, которые отнимали много времени и требовали специальных знаний. Поэтому, прежде всего, пришлось подумать, в какой отдел губернской управы передать все дело и кому вручить ближайшее заведование им. Первый вопрос естественно разрешался в том смысле, что все дело должно быть сосредоточено в Отделе общественного призрения, в ведении которого были все лечебные и благотворительные учреждения губернского земства. Значительно труднее было разрешить второй персональный вопрос. Заведовал Отделом общественного призрения член управы В.В. Молоствов. Я посвятил ему несколько строк, когда в первой части воспоминаний говорил об общем составе губернского земского собрания. В дополнение к этому здесь уместно отметить, что, будучи в высшей степени хорошим и симпатичным человеком, В<ладимир> В<ладимирович> не имел способностей организатора и администратора и не был пригоден для дела, которое не укладывалось в рамки текущей, давно налаженной и сравнительно спокойной работы. После некоторых колебаний, губернская управа решила привлечь в качестве организатора и ближайшего руководителя всего дела проф<ессора> Н.А.Засецкого, главного врача губернской земской больницы, с тем, чтобы на В<ладимире> В<ладимировиче> оставалось лишь общее

наблюдение за мероприятием. В<ладимир> В<ладимирович> и сам сознавал, что такая постановка дела наиболее целесообразна, и горячо отстаивал кандидатуру Н.А.Засецкого, который помимо специальных знаний обладал большими административными способностями, был энергичен, хорошо разбирался в людях и всегда быстро находил выход из самых сложных и запутанных положений. К сожалению, он был не только властным, но подчас и деспотичным человеком и, как большинство этого типа активных людей, не пользовался общими симпатиями и имел немало врагов. Укажу на главные затруднения, которые предвидел Н.А.Засецкий.

1. Сильный недостаток медицинского персонала: огромное количество врачей было призвано на военную службу.

2. Отсутствие готового белья и одежды для больных, а также кроватей и другого госпитального имущества.

3. Почти полная невозможность найти достаточное количество помещений.

Первое затруднение ослаблялось по плану Н.А.Засецкого тем, что каждого приглашенного врача надо было использовать полностью, требуя, чтобы он отдавал госпиталям все свое время и соответственно сему нагружая его работой. Это экономизировало медицинские силы, но, конечно, вызывало необходимость довольно высоко оплачивать труд врачей. Впрочем, оплату труда Н<иколай> А<лександрович> находил необходимым и в административных целях: от того, кто, так сказать, нанимался, можно было требовать беспрекословного исполнения издаваемых правил и распоряжений, что обеспечивало порядок в деле. Наоборот, при бесплатном труде, предложения которого возможно было ожидать из рядов многочисленной Казанской профессуры, приходилось бы просить или уговаривать, встречая возражения и протесты. Помимо того, некоторые «благотворители» могли использовать занятое в госпитале положение для сведения каких-либо личных счетов, иными словами, создать интриги, которые бы стали губительно отзываться на деле и вызывать беспорядок.

Исходя из этих соображений, Н.А.Засецкий, лично отказавшийся от какого бы то ни было дополнительного вознаграждения за излишний труд, поставил условием *sine qua non*, чтобы все обслуживающие госпиталь лица, начиная с врача и кончая уборщицей, непременно получали установленное содержание и обязывались в точности исполнять все издаваемые правила и распоряжения.

Н.А.Засецкий хорошо знал свой медицинский мир и накопил немало опыта за время своей службы главным врачом губернской земской больницы. Поэтому его требование диктовало жизнь, а не фантазия увлекающегося бюрократа. И, как бы в подтверждение этого, вслед за постепенным открытием госпиталей начали появляться предвиденные им случаи нарушения дисциплины и борьбы с установленным порядком. Чаще всего он справлялся с этим один, не прибегая к авторитету губернской управы. Но был один такой случай, который вырос в целую «историю» и отнял немало времени у губернского земского собрания. Я помню его достаточно ясно и считаю не лишним подробно рассказать о нем.

Незадолго перед войной в Казани появился новый профессор: медик, так же, как и Н.А. Засецкий специалист по внутренним болезням. Он читал в университете параллельный с Н<иколаем> А<лександровичем> курс и открыл прием больных, сделавшись, таким образом, его конкурентом. Фамилию этого профессора не могу припомнить и буду называть его господином Х.

Н.А.Засецкий давно занимал кафедру в университете, давно практиковал, имел много пациентов не только в Казани, но и в соседних губерниях, нажил недурное состояние, достаточно устал, и конкуренция в материальном отношении не имела для него особенного значения. Однако будучи самолюбивым и властным, он, конечно, не был склонен уступать занятой им общественной позиции или разделять влияние и власть.

Господин Х. был, если не ошибаюсь, моложе Н<иколая> А<лександровича> и, во всяком случае, благодаря недавнему появлению в Казани, нуждался в качестве практикующего врача в том, чтобы составить себе имя. Весьма вероятно, что он был хороший врач, так как о нем уже многие говорили. Как-то, чуть ли не на второй год войны, он подал в губернскую управу письменное заявление, что, побуждаемый патриотическими чувствами, желал бы совершенно бесплатно занять место врача в одном из наших крупных госпиталей на Подлужной улице. Я передал это заявление «на распоряжение» Н.А.Засецкому. Он пришел ко мне и в довольно решительной форме заявил, что считает необходимым отказаться от услуг господина Х., так как было решено принимать врачей только при условии оплаты их труда. При этом Н<иколай> А<лександрович> добавил, что господин Х. отличается большой склонностью к интригам, и место в госпитале нужно ему, чтобы начать подрывную работу против него, проф. Н.А.Засецкого, как главного врача больницы и заведующего госпиталями, а не для того, чтобы питать свои патриотические чувства. В заключение Н<иколай> А<лександрович> просил меня принять к сведению, что, не будучи в состоянии отвечать за нормальный ход работы, если в созданной организации появится господин Х., он будет вынужден отказаться от порученного ему управой дела. Трудно сказать, в какой мере он был прав, характеризуя господина Х., но зато я знал хорошо, что на ветер он своих слов бросать не любил и, конечно, выполнил бы свою угрозу, если бы я, не согласившись с его мнением, ответил господину Х. в положительном смысле. А это могло поставить управу в большое затруднение и внести расстройство в налаженное дело помощи раненым: пристально наблюдая за работой госпиталей, я видел, как была там нужна опытная и твердая рука Н<иколая> А<лександровича>. Поэтому и в соответствии с принятым порядком я готов был согласиться с его мнением и ответить господину Х. отказом. Но не так взглянули на дело мои сотоварищи. Надо сказать, что господин Х., подавая свое заявление, ознакомил с его содержанием кое-кого из своих друзей и пациентов, в том числе и кн. П.Л. Ухтомского, сумев так изобразить дело, что они почти не сомневались в положительном ответе губернской Управы, приняв тем самым на себя как бы обязательство действовать ему в случае нужды. Таким образом, этому делу с самого начала было

придано известное общественное значение, а сам инициатор, как бы предугадывая осложнения, заранее собирал силы для их устранения. Весь состав управы ценит Н.А.Засецкого, но далеко не все любили его за властность и настойчивость. И вот это чувство в связи с опасением «скандала» или, по крайней мере, «неприятной истории», которую мог вызвать отрицательный ответ господина Х., отодвигало на второй план соображения о последствиях ухода Н.А.Засецкого. Больше того, у некоторых был в нескрытых мыслях и заместитель ему в лице директора фельдшерской школы, фамилию которого теперь забыл⁹⁸. Это был почтеннейший и добрейшей души человек, но он не был волевым и активным. Свое маленькое и не на большой дороге расположенное дело он вел хорошо; видный, ответственный и трудный пост с большим составом подчиненных был бы ему не по плечу. Так или иначе, но после продолжительных споров в коллегии я лишней раз остался со своим мнением один: все члены управы не находили возможным дать отрицательный ответ господину Х. и обещали лишь в случае, если я, как председатель управы, единолично отклоню его просьбу, остаться нейтральными, т. е. не подчеркивать на земском собрании своего несогласия со мной, если бы в итоге это дело туда перешло. Перед тем как принять окончательное решение, я по обычаю посоветовался с А.Н.Благодаровым. Старик заволновался. «Думаю, не выйдет хорошего, — сказал он, — все они интриганы эти ученые—то. Ох, дела, дела...» Таким образом, ничего доброго не предвещало и чутье Александра Николаевича. Однако после довольно сильной внутренней борьбы, я написал господину Х. письмо с отказом на его предложение, сейчас же распорядился перепечатать, торопливо подписал и отправил. Не прошло двух или трех дней, как ко мне пришел кн. П.Л.Ухтомский. «Что Вы наделали? — сразу накинулся он на меня. — Вы отказали господину Х.?»

«Да, отказал».

«Но ведь это больше, чем промах, это, простите меня, преступление с общественной точки зрения. Подумайте, во время войны, в разгар патриотических настроений и большой общественной работы Вы отказываете человеку, который принес Вам пожертвование. Ведь именно так надо понимать это дело, потому что место, на которое претендует Х., оплачивается, и, если он займет его бесплатно, Вы запишите освободившуюся сумму на приход. Н.А. Засецкий вовлек Вас в опасную игру, пока не поздно, измените Ваше решение».

Собрав все силы, чтоб не потерять самообладание и не наговорить резкостей, я ответил кн. П<авлу> Л<еонидовичу> приблизительно так: «Благодарю Вас, князь, за предупреждение, но прошу верить, что я долго думал, прежде чем решать. Бывают положения, когда приходится отказываться даже от жертвований. Убеждать Вас понять меня не буду, так как чувствую, что ничего из этого не выйдет. Скажу лишь, что поступил так, как подсказало мне чувство долга. Ну, а Вам, как и другим гласным, остается исполнить свой долг и по совести меня судить, если это дело дойдет до земского собрания. Оставляю за собой право защищаться. Вот все, что могу Вам сказать сейчас».

Кн. П<авел> Л<еонидович> ушел с видом, не обещающим доброго. Заехав по разным делам к С.С. Толстому, я подробно рассказал ему и об этом деле. «Я хорошо Вас понимаю, — сказал он, — но не скрою, что жду больших осложнений».

А.Н.Боратынский сказал мне, что «не будет прокурором, если дело будет рассматриваться в земском собрании», но пока «не видит достаточных мотивов, чтобы выступить в роли защитника».

«Неприятная история», по-видимому, начиналась.

Незадолго до земского собрания я получил от господина Х. письмо с приложением жалобы собранию на мои действия. Этот довольно пространственный документ был написан очень хорошо. Автор в ярких красках описывал свои личные и гражданские переживания, вызванные моим отказом на его предложение. Когда в земском собрании жалоба была заслушана, С.С. Толстой, при общем сосредоточенном молчании, предложил передать ее на предварительное заключение Ревизионной комиссии, на что возражений не последовало.

Чуть не три вечерних заседания Ревизионная комиссия потратила на споры. Вызывали и выслушивали Н.А. Засецкого, замучались сами, и замучили и замочали меня, а в итоге пришли к какому-то смутному компромиссному решению, которое было бы трудно поставить на голосование в собрании — настолько расплывчато и неясно все было формулировано. Сейчас не могу даже и приблизительно вспомнить редакцию этого документа. Заключение Ревизионной комиссии не удовлетворило земского собрания, и кн. П.Л.Ухтомский первым открыл поток страстных речей, изображая мой поступок в весьма мрачных красках. Газетные корреспонденты повыскочили из-за колонн, торопливо записывая заметки в свои книжки, служащие управы ходили на цыпочках, А.Н.Благодаров бледный, как полотно, не переставая тер свою лысину, члены управы неподвижно сидели с опущенными глазами, С.С. Толстой — с озабоченным и сердитым лицом. Если не ошибаюсь, никто не встал на мою защиту. Я попросил слова и, всеми силами сдерживая волнение, сказал приблизительно следующее:

«В Ревизионной комиссии я дал объяснения по существу дела, не скрыв и того, почему их даю. Собранию, конечно, все это уже известно и потому, оберегая понятные переживания некоторых лиц — я имел в виду Н.А.Засецкого и господина Х., — не буду повторять сказанного. Позволю себе поставить только один вопрос, а именно, не надлежит ли Земскому собранию по чисто формальным основаниям оставить названную жалобу без рассмотрения? Я думаю, что такое решение было бы единственно правильным, так как, отвечая за исполнение порученных земским собранием дел, председатель управы вправе самостоятельно и окончательно решать вопросы о приеме и увольнении служащих. Так до сих пор и было, и отступление от этого обычая ничего, кроме беспорядка, создать не может, так как спутает функции распорядительного и исполнительного органов. Итак, я прошу господина председателя собрания прежде всего поставить на голосование этот принципиальный вопрос и заявляю, что то или иное его решение повлечет и с моей

Супруги Н.А. и М.А.Мельниковы с внуками Юрой и Димой, детьми дочери Ксении и Б.Ф.Шлиппе. Ле Ман (Le Mans), Франция, 1934.

стороны соответствующее решение о возможности или невозможности оставаться на вверенном мне посту». Таким образом, говоря парламентским языком, я поставил вопрос о доверии, в необходимости чего убедился, слушая обвинительные речи. Для состава управы и С.С. Толстого, для всех гласных и, наконец, для меня самого это было неожиданностью. Помню, какие удивленные и вопросительные взоры большинства гласных я увидел, закончив свою речь. С.С.Толстой, бросив в полголоса «ах, так», немедленно заявил, что постановка поднятого мной принципиального вопроса действительно должна предшествовать рассмотрению дела по существу. Я ужасно боялся, что произойдет новая оттяжка в виде передачи дела на заключение юридической комиссии, но, по счастью, этого не случилось: собрание увлеклось «министерским вопросом», отодвинув в сторону все остальное. Именно этим я объясняю то, что на заявление С.С.Толстого никто не поторопился отозваться и, выждав минуту, он приступил к голосованию.

«Согласных с мнением председателя управы прошу остаться на местах, не согласных — встать», — особенно, как мне показалось, четко и громко произнес он. Большинство, хотя и незначительное, а в том числе и вся губернская управа, осталось сидеть, меньшинство, и довольно значительное по числу, встало.

«Собрание согласилось с мнением председателя управы, — поторопился заявить С.С.Толстой, — объявляю перерыв на 10 минут».

Я сейчас же встал и пошел в столовую, на ходу отделяваясь от сыпавшихся со всех сторон вопросов, просьб о разъяснениях, поздравлениях и т. д. Да и в столовой, потребовав чаю, отказался что бы то ни было говорить на только что пройденную тему, ссылаясь на усталость, которая и вправду охватила меня.

Поясню, почему счел нужным так долго задержаться на этом эпизоде, припоминая все подробности. Во-первых, я считаю его весьма показательным для нашей бывшей земской жизни, а потому и интересным для желающих все-сторонне ознакомиться с ней; а во-вторых, он имеет и некоторое особенное автобиографическое значение. Переживая случившееся, я впервые задумался над тем, не пора ли мне кончать свое общественное поприще. Я всегда считал, что, в отличие от чиновника, всякий общественный деятель должен через известный срок уступать свое место другому. Это, как мне казалось, освежающе действует на земское дело, вносит в него новые, живительные соки. Оно по самому существу требует непрерывно-напряженной работы, нервной, и регулярной, особенно утомляющей. А утомленный общественный деятель поневоле становится малоинициативным и сильно теряет в цене. Помимо того, всякая активная деятельность не только создает оппозицию, но и способствует ее росту. Я одержал в свое время большую победу по вопросу о кассе мелкого кредита, затем по довольственному вопросу и, наконец, теперь по личному, неприятному, связанному с какими-то интригами. Но нельзя же всегда побеждать. Наоборот, по теории вероятности каждая новая победа увеличивает шансы для последующего поражения. А я всегда предпочитал не доводить до этого и отодвигаться заблаговременно. Это всегда было, да и останется моим неизменным правилом. В чем тут дело, не берусь судить. Не то какой-то подсознательный, инстинктивный расчет, не то простое самолюбие. Помню, как благодарно пожал мне руку Н.А. Засецкий; помню, как окреп мой авторитет у сотоварищей и сотрудников и как радовался любивший меня А.Н.Благодаров. Но все это казалось мне заключительным торжеством, после которого начнется спуск, а не дальнейший подъем. «Не следует, не нужно этого допускать, — часто думалось мне. — Это вредно и для меня самого, и для дела: оно всегда страдает, если тот, кто его ведет, начинает колебаться на своем посту».

Однако пора вернуться к госпиталю.

Второе затруднение, которое преодолел Н.А.Засецкий — заготовка разного инвентаря — было устранено сравнительно легко, благодаря его же энергии, находчивости и хозяйливости. Были добросовестно перерыты все шкафы, чердаки, подвалы и т. д., собрано и основательно починено всякое старье, организована в спешном порядке пошивка новых вещей.

Выделка недостающего количества кроватей была поручена Чебаксинской учебно-ремесленной мастерской, которая быстро приспособилась к этой работе и хорошо выполняла ее. В итоге госпитали не испытывали недостатка в инвентаре.

Вопрос о помещениях разрешался гораздо труднее. Само земство почти не имело их; городское управление, отдавшее все, что могло, под постройкой воинских частей, также; военные и краснокрестные больницы были переполнены. Оставалось использовать свободные квартиры в частных домах. Это и было сделано, но оказалось, что таких помещений далеко недостаточно. Тогда на помощь пришло Казанское общество. Нашлись добрые люди, которые «потеснились» и безвозмездно отдали для помещения раненых части своих квартир и домов. Благодаря этому, появилось много мелких госпиталей в 25, 20 и даже 15 кроватей и, таким образом, увеличились накладные расходы. Но зато, как-то сам собой, образовался институт госпитальных попечителей или, точнее, попечительниц, так как дамский элемент преобладал в нем очень сильно. Хозяйка семьи, в доме которой помещался госпиталь, по собственной инициативе начинала хлопотать о чистоте помещений и белья, об улучшении пищи раненых, об их развлечениях или работах, когда они начинали выздоравливать и скучали без дела и т. д.

Эти заботы увлекали дам, и многие из них отдали госпиталям немало времени, сил, а часто и личных средств. Скоро почти каждый госпиталь стал иметь свою патронессу и даже называться ее именем, как, например, госпиталь Родионовой, Боротынской, Берстель, Колбецкой и т.д. Теперь многое как-то слилось и стерлось в моей памяти, и я не могу припомнить, где именно был устроен тот или иной госпиталь и кто его патронировал. Помню большой на 120-150 человек госпиталь в загородном архиерейском доме, который Владыко полностью нам уступил. Помню также довольно большой госпиталь на Подлужной улице — тот самый, в который стремился попасть господин Х. — и госпитали О.В.Родионовой и Ю.Е.Берстель, жены моего сотоварища по Управе, К.П.Берстель. Ее госпиталь по справедливости можно было назвать самым лучшим. Помимо примерной чистоты, прекрасного питания и самого внимательного ухода, в нем была организована целая школа плетения разных корзин и других вещей. Кажется, среди пленных австрийцев Ю.Е. Берстель разыскала мастера по плетению и, пополняя его практические знания своим умением создать красивую и оригинальную вещь, достигла заметных результатов.

Я не помню даже приблизительно, какое количество кроватей насчитывалось во всех госпиталях в момент наибольшего развития дела. Несомненно, что прошли через них многие тысячи лиц.

В качестве участника Всероссийского земского союза и по его поручению, губернское земство занималось также заготовкой и поделкой разных вещей для военного ведомства.

Мне пришлось взять на себя непосредственное руководство этим делом, а в качестве ближайшего сотрудника я пригласил нашего инженера И.П.Калинкина, о котором выше не раз упоминал. Какие количества тех или иных вещей были заготовлены, я не помню, но то обстоятельство, что пришлось образовать особый, хотя и небольшой отдел управы для дела заготовок, указывает на серьезные размеры работы. Всего больше, если не ошибаюсь, было заготовлено полушубков

для солдат, а также повозок и зарядных ящиков. К заготовке полушубков были привлечены и уездные земства, которые широко использовали труд кустарей-шубников; повозки и зарядные ящики отдел изготовлял непосредственно. Для выделки этих вещей были приспособлены учебно-ремесленные мастерские губернского земства, а также мебельная фабрика М.Н.Курбатова при станции Урмары Московско-Казанской железной дороги.хлопот с этим делом было немало, так как конструкция повозок была довольно сложна и невозможно было достать сухого леса. По счастью, на фабрике М<ихаила> Н<иколаевича> технической частью заведовал опытный, энергичный и находчивый механик, родом чех. Он быстро приспособил разные станки и машины для новых требований, сконструировал несколько добавочных станков, и в самый короткий срок фабрика стала пригодной для изготовления значительного количества зарядных ящиков и колес для повозок. Кузова для последних делали в учебно-ремесленных мастерских, а сборка производилась в Казани. Самое живое участие принимал в этом деле и сам М.Н. Курбатов, опыт и технические познания которого сыграли заметную роль при организации дела. Заботами и изобретательностью М<ихаила> Н<иколаевича> и его механика налаживалось уже в 1916 г. и еще одно весьма важное и полезное дело: выделка мочальных кулей и рогож. В кули у нас обычно насыпали предназначенный для транспорта овес, а рогожами во многих случаях удачно заменялись брезенты. Во время войны, когда потребность в мешках и брезентах сразу увеличилась в несколько раз, и, за недостатком их, соответственно выросла и цена, дешевые, легкие и практичные мочальные изделия приобрели особенное значение. Но, так как выделка их велась исключительно кустарным путем, то за массовым призывом кустарей, производство их также упало, качество заметно ухудшилось, а цены быстро и сильно росли. В одно из посещений фабрики М<ихаила> Н<иколаевича> я заговорил с ним о том, нельзя ли и в этом деле перейти на фабричное производство. Он заинтересовался, привлек к разрешению новой задачи своего чеха, и через некоторое время главные технические затруднения удалось преодолеть: мочальные ленты для челноков в связанном виде и несколько видоизмененный ткацкий станок давали очень хорошую, плотную и ровную мочальную ткань. Тщательно проверенные расчеты показали, что выделка рогож и кулей из мочальной ткани, сделанной на станках, значительно дешевле, чем ручная кустарная. В Петербурге я подробно ознакомил с этим делом товарища министра земледелия Г.В.Глинку, который ведал хлебными заготовками для армии. Он сразу оценил большое значение нашего начинания и обещал оказать необходимую помощь для устройства фабрики и обеспечения ее сырьем. Скоро в селе Козловке на Волге было найдено помещение, начали спешно изготовлять станки, но, к сожалению, было уже поздно: началась революция, и люди решили, что самое главное состоит в том, чтобы говорить речи и слушать их, а вместо созидания разрушать. М.Н. Курбатову пришлось покинуть свою фабрику, а от начатого нового дела остались только разбитые мечты.

Кроме перечисленных вещей в последний перед революцией год отдел начал готовить какие-то снарядные части, к выделке которых была приспособлена ювелирная художественно-ремесленная мастерская губернского земства в селе Рыбной слободе, Лапшевского уезда. В это время я уже перешел на службу в Министерство земледелия.

С последним, как сказано выше, губернское земство было связано по делу заготовки хлеба для армии. Началось это дело тем, что я получил от Министра земледелия, А.В. Кривошеина, телеграмму с просьбой принять на себя труд по закупке в Казанской губернии хлеба для армии в качестве уполномоченного Министерства земледелия, которое только что взяло на себя заготовку всех продуктов для армии. Это было в самом начале войны. Мне как раз надо было ехать в Петербург, и, прежде чем ответить А.В.Кривошеину, я решил переговорить с ним: я боялся взяться за это сложное и трудное дело во время войны, когда обстановка могла заставить то и дело рисковать, подвергаясь всем последствиям неудачных рисков, а неудачи казались неизбежными, так как рынок не был организован и приспособлен для массовых заготовок, а железные дороги до отказа забиты эшелонами войск и грузами по снабжению армии, которые, естественно, считались важнее продовольственных. Ограничиваюсь простой ссылкой на эти два крупных факта, так как объяснение их причин потребовало бы специального труда и знаний, которыми я не обладаю. Добавлю лишь, в виде личного мнения, что здесь, как и в других областях, Россия не была готова к продолжительной войне.

А.В.Кривошеин внимательно выслушал мои соображения и опасения. Его ответ я запомнил хорошо.

«Я понимаю Вас, — сказал А<лександр> В<асильевич>, — и думаю даже, что затруднения, которые Вы предвидите, только небольшая часть предстоящих затруднений. Кроме того, обязываюсь Вам сказать, что дело, к которому я Вас призываю, грозит Вам не только служебными неприятностями и часто невозможностью добиваться необходимых результатов, но и тем, что Вы рискуете потерять доброе имя. Вас, может быть, будут называть казнокрадом, мошенником, злодеем, который строит свое благополучие на несчастьи Родины; на Вас будут подавать доносы, Вас будут травить в газетах; клевета будет всюду окружать и сопровождать Вас. И, тем не менее, скажу Вам так: Вы не имеете морального права отказать мне в сотрудничестве, которое нужно для помощи русским людям, отдающим Родине свою жизнь. Интендантство по многим причинам не в силах сладить с этим делом. Я убежден, что Министерство земледелия, при сотрудничестве представителей общественных учреждений, сумеет с ним сладить, хотя бы на поле этой битвы кое-кому и пришлось сложить голову».

Что можно было ответить на такие слова. Я встал, крепко пожал руку А<лександру> В<асильевичу> и благодаря охватившему меня волнению ничего ему не сказал. Но он, конечно, понял этот молчаливый ответ.

«Ну, поезжайте с Богом, — сказал он ласково-ободряющим тоном, — желаю Вам полного успеха и не сомневаюсь в нем».

Так началось мое участие в заготовительных операциях Министерства земледелия. В качестве ближайшего сотрудника я вновь призвал С.В. Демидова: он был незаменим по своей выносливости, подвижности, изобретательности и честному отношению к делу. И вот вновь, как раньше в большие продовольственные кампании и при заготовках для интендантства, усиленно заработал мой телефонный аппарат, то и дело соединяя меня с уездными городами, пристанями и железнодорожными станциями. И вновь непрерывно приносили мне сотрудники телеграммы и телефонограммы, на которые надо было сейчас же отвечать, особенно внимательно разрабатывая редакцию ответов, чтобы адресаты безошибочно поняли мои намерения и распоряжения. Приходилось и много разъезжать по губернии, т.к. личные, непосредственные сношения с купцами-хлебниками, осмотры складов, проверка качества заготовленных партий и т. д. хорошо отзывается на общем ходе дела.

Припоминаю, что некоторые мои сотоварищи, уполномоченные в других губерниях, роптали на представителей Государственного контроля, которые, гоняясь за разными формальностями, тормозили дело. Мне удалось избежать этого: помогли старый опыт и испытанные приемы. Во время поставок для интендантства, о которых я рассказывал выше, я добился от председателя Контрольной палаты, чтобы командированный ко мне представитель последней не ограничивался «постфактум» проверкой правильности произведенных расходов, а присутствовал при разрешении каждого вопроса, чтобы иметь возможность вникать в суть и требования дела, оценивая необходимость тех или иных действий с точки зрения действительных, а не только официальных, не всегда совпадающих с действительными, интересов казны. На практике это привело к тому, что я не позволяя себе выпустить без ведома контролера ни одной бумаги или телеграммы, давая ему на просмотр и все входящие. Все свои деловые беседы я вел в его присутствии, при поездках брал его с собой. Он состоял при мне, как Мефистофель при Фаусте. В губернскую управу он приходил ежедневно, как на службу, и я сразу заваливал его всякими бумагами и телеграммами. Пока он в них рылся, я занимался другими делами и приемом, а затем мы сообща решали, как поступить в том или ином вопросе, что отвечать, выжидать или нет и т. п. Очень часто при этих деловых беседах присутствовал и С.В. Демидов, посвящавший контролера в разные тонкости коммерческого дела. Бывали между нами споры, но если — что было очень редко и то в начале — согласия не достигалось, я просил контролера тут же, не откладывая, письменно изложить свое мнение, чтобы потом можно было без пререканий увидеть, кто из нас был прав.

Постепенно дело захватило его, он увлекся и очень обрадовался, обратившись из мумии в живого человека. Он сделался как бы моим сотрудником и докладчиком, и я привлек его даже к составлению бумаг и телеграмм. Непосредственное участие в работе сильно облегчило для него и выполнение своих чисто контрольных функций. Он ставил какой-то знак на документах в самый момент их возникновения, и, когда приходил срок составлять справки для начальства или

еще для каких-то своих контрольных целей, ему уже не было нужды заниматься проверками, собиранием сведений и объяснений и т. п.

Михаил Сергеевич Баженов — так его звали — был сыном С.М. Баженова, начальника Казанского акцизного управления. С <ергей>М<ихайлович> был весьма почтенный и уважаемый человек, хорошо принятый в обществе, где мне случалось его встречать. Это, конечно, тоже до некоторой степени помогло установлению добрых отношений с его сыном. Как только я вступил в исполнение обязанностей уполномоченного, его вновь командировали ко мне. На этот раз нам не потребовалось уже никакого срока, чтобы сообща и дружно вести дело. Михаил Сергеевич пришел ко мне, как свой человек, уверенно и с привычными приемами приступил к делу, а я только благодарил судьбу, что есть около меня официальное и ответственное лицо, являющееся свидетелем всех моих действий и тем самым ограждающее меня от того, возможность чего подчеркнуто предсказывал А.В.Кривошеин. В итоге мы привыкли настолько доверять друг другу, что я, и не дожидаясь Михаила Сергеевича, принимал разные решения, сообщая ему о них при первом удобном случае. Бывало часто и так, что мне некогда, а дело не ждет.

«Михаил Сергеевич, дорогой, — говорю ему, — вызовете, пожалуйста, С.В.Демидова, переговорите с ним и сделайте, что нужно». Он с удвоенной аккуратностью исполнял поручение, и при его последующем докладе мне приходилось только одобрительно поддакивать. Я сохранил наилучшие воспоминания об этом сотрудничестве.

Не буду останавливаться на разных технических подробностях дела, касающихся способов закупок, хранения, наема баржей и пароходов и т. п., тем более, что эти подробности не были часто сходны и менялись в зависимости от обстоятельств. Общее же задание определялось тремя словами: больше, скорее, дешевле. Именно эти слова звучали, как лейтмотив в беседах с товарищем министра земледелия Г.В.Глинкой, который ведал хлебными заготовками, когда приходилось в Петербурге заходить в его служебный кабинет. Пользуюсь случаем, чтобы рассказать о своих впечатлениях об этом милейшем и симпатичнейшем человеке. Благодаря недюжинному уму и большому служебному стажу Г.В. <Глинка> умел судить и действовать в государственном масштабе. Это сразу бросалось в глаза при общении с ним. Он, далее, совершенно не был похож на типичных петербургских чиновников, беседуя с которыми мы, провинциалы, держались часто настороже и на почтительном расстоянии: не то они не подпускали нас близко к себе, не то мы опасались приблизиться к ним. У Г.В. <Глинки> была своя манера встречать приходящих к нему и беседовать с ними. Он напоминал мне средней руки помещика, доброго хозяина, безвыездно живущего в своем родовом гнезде, всем в округе давно известного, всеми уважаемого, всех знающего, хлебосольного, приветливого, по-русски громко говорящего, пересыпающего свою красочную речь остротами и шутками. Не успеешь, бывало, переступить порог его кабинета, где уже непременно сидит три-четыре других посетителя, а он сейчас же: «Ну, вот и Казань

приехала, Волга-матушка широкая река.... Ну, что ж Вы там, батенька, застряли с овсом-то. Ведь надо же, поймите, надо его гнать скорее: давят на меня из Ставки.... А? Кулей не хватает? Ну, так на то же Вы и «местный», всякую собаку у себя знаете, нажмите как-нибудь на Ваших чуваш.... Вот и К.Н. тоже, у него там мельницы идут неполным ходом», — забывая на время меня, бросает он в сторону одного из сидящих. В это время другой начинает что-то спрашивать, а третий отвечать на ранее поставленный вопрос. А Г.В. <Глинка> вдруг улыбнется хорошей, искренней улыбкой и, как бы забыв на время и о кулях, и о слабомелящей мельнице, расскажет со своим хохлацким юмором о забавном происшествии в Государственной Думе, в какой-нибудь междуведомственной комиссии и т. п. Я редко уходил из его кабинета вполне удовлетворенным. Для того, чтобы выяснить все необходимое до конца, надо было непременно зайти к его ближайшему сотруднику Н.А.Гаврилову. Это был большой умница, чиновник, отлично знающий свое дело и вполне овладевший его техникой. Но зато каждое посещение Г.В. <Глинки> необычайно ободряло и вдохновляло. Сказал бы так: все необходимое внешнее, все формы, все, так сказать, телесное в деле создавал Н.А.Гаврилов, Г.В.Глинка вкладывал в это тело душу. У него вообще, как я и потом не раз убеждался, душевность и духовность преобладала везде и во всем. Горячо и преданно любя Россию и русский народ, он всегда особенно оттенял именно те черты русской природы и русского человека, которые согревают душу, заставляют подниматься над землей. Будучи глубоко религиозным и верующим, Г.В. <Глинка> был в то же время и глубоко православным. Он «нутром» понимал красоту православия, которую, ведь, только так и можно понять, так как ни показать, ни описать ее нельзя: она неописуема. Здесь он и черпал силы, чтобы достойно переносить большую нужду и немалые физические страдания, которыми сопровождалась последние, парижские дни его жизни. Честь его памяти, мир его душе.

Какие количества разного хлеба удалось заготовить и отправить на фронт за то время, что я состоял уполномоченным, не помню и приблизительно. Это были какие-то миллионы пудов, так как все годы войны были урожайными. Разных затруднений и осложнений было при заготовках, конечно, немало, но, как и другие уполномоченные Министерства земледелия, я, по счастью, закончил дело, не будучи оклеветанным и запачканным. Лишь вдогонку, когда я уже начал работать в Петербурге, один из мелких служащих отдела заготовок, принятый мною незадолго перед отъездом по просьбе А.Н.Боратынского, нашел зачем-то нужным послать Министру земледелия донос о злоупотреблениях, будто бы допущенных мною при закупках мочала. Донос был так необоснован и так типичен для обычной дурной кляузы, что по нему, как помню, мне не пришлось давать и объяснений.

На второй год войны я был назначен окружным уполномоченным и, кроме обязанности вести заготовки в Казанской губернии должен был следить за общим ходом дела в Самарской, Уфимской и Вятской губернии. Однажды, остановившись в Уфе, я имел удовольствие познакомиться с губернским земским агрономом,

ближайшим сотрудником председателя управы П.Ф.Каропачинского по заготовке хлеба. Это был господин Цурюпа, по-видимому, тот самый Цурюпа, который потом при Ленине был народным комиссаром по продовольствию. Не знаю, за какие заслуги возвеличил его Ленин, но в деле заготовок им было допущено столько ненужной путаницы, что пришлось просить П.Ф.Каропачинского поближе за ним наблюдать.

Расскажу об одном мелком, но показательном эпизоде, когда единственный раз за все годы моей общественной и государственной службы у меня попросили взятку, и я ее дал.

В затоне у станции Зеленый дол стояла баржа с овсом, который надо было перегружать на железную дорогу для дальнейшей отправки на фронт. Наряды на отправку были получены, но необходимых составов дорога не подавала, ссылаясь, как тогда это часто бывало, на отсутствие свободных вагонов. Вдруг получаю срочную «по Высочайшему повелению» телеграмму с требованием немедленно грузить и отправлять овес в какой-то определенно указанный пункт на фронте. Конечно, заволновался и забил тревогу: а вдруг там подготавливается какая-то серьезная операция, и мой овес совершенно необходим для ее выполнения. Срочно, ссылаясь на Высочайшее повеление, требую составы для погрузки овса. В ответ получаю короткое: «Вагонов нет». Телеграфирую Г.В.Глинке, Н.К.Мекку и получаю тотчас же ответы, что все необходимые распоряжения сделаны. На другой день, захватив С.В.Демидова, еду в Зеленый дол и показываю начальнику станции все телеграммы.

«К сожалению, ничего сделать нельзя, вагонов нет», — отвечает он.

Расстроенный и озабоченный, иду в затон на баржу, чтобы осмотреть овес и хоть чем-нибудь отвлечься от неприятных переживаний. Вечерело, но, тем не менее, переходя запасные пути, я увидел большое количество пустых товарных вагонов. «В чем дело, — подумал я, — может быть, все они больные или для чего-нибудь предназначены». В разговоре с приказчиком баржи я, разумеется, не скрыл недоумения. «Да вагоны-то есть, — смущенно заметил он, — и собрать составы можно».

«Почему же их не подают?»

«Помощник начальника станции, — полушепотом проговорил приказчик, — просит за подачу по три рубля за вагон».

Я остолбенел. Минутное колебание.

«Степан Васильевич, — обратился я к Демидову, — есть деньги?»

А у него всегда во всех карманах были насованы кредитки.

«Есть».

«Пойдемте сейчас же на станцию вместе с приказчиком. Вместе зайдите к помощнику начальника станции, заплатите по расчету и постарайтесь взять расписку».

Деньги были уплачены и, чего я до сих пор не могу понять, расписка получена. Редакция ее была такова: «На покрытие расходов, связанных с подачей к барже ... вагонов, собранных с разных запасных путей, получено столько-то».

На следующее утро первый состав был подан, и погрузка овса началась. В течение трех или четырех дней все было отправлено.

Этим рассказом я не хочу и не имею права бросать тень на кого бы то ни было дальше помощника начальника станции, тем более, что за время войны наши железные дороги проделали такую работу, на которую трудно было рассчитывать. Но, так или иначе, описанный случай дал мне повод подумать, что в деле эксплуатации вагонного парка у нас не все благополучно, что была какая-то лазейка, которая позволяла мелкой агентуре совершать преступные действия. Впрочем, в данном случае я также совершил преступное действие: виноват не только берущий, но и дающий взятку.

В заключение хотел бы в назидание потомству сказать, что Уполномоченные Министерства земледелия ни прямо, ни косвенным образом не получали никакого вознаграждения за свой труд.

VI

Представительство

Намереваясь упомянуть и о представительстве, которое выпадало на долю председателей губернских земских управ, я должен сказать, что имею в виду не неизбежность бывать в обществе, принимать у себя или даже устраивать по временам большие завтраки, обеды и вечера. Может быть, такое представительство было бы полезным и желательным, так как общественному деятелю нельзя отрываться от общества и ослаблять с ним связь, тем самым лишая себя возможности улавливать меняющиеся общественные настроения и стремления. При частых поездках в уезды я имел возможность, непосредственно общаясь с сельскими жителями, близко и вовремя знакомиться с нараставшими нуждами деревни и ее отношением к земским мероприятиям. Здесь была постоянная и достаточная связь. Не то было в городе. Значительная часть так называемой интеллигенции была заражена радикализмом. Выслушивать незатейливые трафаретки, передергивания и сплетни провинциальных радикалов было, прежде всего, невероятно скучно. Раздражало и отношение многих представителей этого круга к крестьянам. На словах эти господа были демократами, проповедниками святости воли народа, необходимости непосредственного и ближайшего участия его свободно избранных представителей в общественных и государственных делах. В действительности все это было сплошной ложью. Радикалы считали народом только себя. От деревни им нужны были не люди, а голоса, и хороша была только та выборная система, которая обеспечивала за ними эти голоса. Они не знали, не понимали крестьян, не видели в крестьянской среде ее положительных и ценных качеств. С действительной, а не оглашаемой в речах и в печати точки зрения многих

из них, крестьяне были только «мужичьем», темной, пьяной, грязной и грубой массой, вечно стремящейся кого-нибудь обмануть и обобрать. Поэтому я просто избегал встреч и бесед с людьми этого круга.

Что же касается дворянского и высшего чиновничьего кругов, то здесь установлению желательной связи мешало другое. Будучи общительным и склонным искать собеседников, я в то же время никогда не был «светским» человеком, стеснялся, терялся в большом обществе. Я любил, например, бывать у А.Н.Боратынского и С.С.Толстого не только для специального обсуждения очередных вопросов государственной или земской жизни, но и просто так, чтобы повидаться и поболтать. Но достаточно было застать там пять-шесть лиц, хотя бы и знакомых, но не принадлежащих к привычной земской среде, как я сейчас же забирался в угол, не слышал, о чем говорят, не находил слов, чтобы вступить в общую беседу и искал предлога откланяться и уйти. Постоянный недостаток средств мешал устраивать приемы у себя. И вот, в итоге выходило так, что, увлекаясь общественной работой, с головой утопая в земских делах и отдавая им все время и все мысли, я в известной мере как бы терял из поля зрения наиболее образованную и активную часть того общества, представителем которого был по своему положению. Это имело последствия: моя работа носила иногда индивидуальный отпечаток в большей мере, чем это было естественно и нужно, а вокруг меня накопились не всегда заслуженные упреки, обвинения в самовластии, в незнакомстве с чужими взглядами или нежелании считаться с ними.

Итак, в этой части представительства я обладал большими недостатками. Лучше дело обстояло с представительством официальным, когда «по должности» приходилось принимать участие в работе большинства местных, а иногда и некоторых центральных учреждений. Здесь я не прятался, не стеснялся и стремился посильно и по совести защищать как общие земские интересы, так и интересы отдельных представителей земщины. Расскажу вкратце о своем участии в работе некоторых из этих учреждений, вспомнив, как всегда, и главных деятелей.

Губернское по крестьянским делам присутствие⁹⁹ было кассационной инстанцией по судебным и административным делам уездных съездов. Текущей перепиской и подготовительной работой в этом учреждении ведали соответственно роду дел два чиновника, которые назывались непременными членами присутствия. Решались дела по их докладам в коллегиальных заседаниях присутствия, где председательствовал губернатор, а членами состояли представители Окружного суда, Казенной палаты, Государственного контроля, земства и города. В обязанности непрямого члена по административным делам входило и заведование продовольственным делом в губернии, благодаря чему, как я уже упоминал в своем месте, работа губернского присутствия была тесно связана с работой земства, принимавшего в годы недородов деятельное участие в продовольственной помощи населению. Особенно интересно было участвовать в заседаниях губернского присутствия потому, что в делах, которые там рассматривались и решались, хорошо отражался весь сельский быт, а также и то, как воспринимала деревня касающиеся

ее законодательные акты. Я всегда старался не пропускать заседаний губернского присутствия, а с некоторыми делами, кроме того, знакомился заблаговременно в кабинетах непреходящих членов. Естественно, что при этом не были безразличны личные отношения и с ними, и с губернаторами. Поэтому расскажу теперь все, что сохранилось в памяти об этих отношениях. Непреходящими членами губернского присутствия были в мое время А.Н. Рыбушкин, которого сменил А.С. Сунгуров и Ф.Н. Казин, которого сменил Н.В. Смирнов¹⁰⁰. А.Н. Рыбушкин был тихим, спокойным и не склонным к каким бы то ни было личным несогласиям человеком. А.С. Сунгуров был дельным, умным и работающим чиновником, но обладал большим самолюбием и имел несколько заносчивый характер. С ним можно было хорошо дружить, но нетрудно было и враждовать. Я дружил, мы были товарищами по службе, когда и он и я занимали должности земских начальников в Чебоксарском уезде и работали в полном согласии и единомыслии. Эта дружба сохранилась до того времени, как мы снова встретились в губернном присутствии. С Ф.Н. Казиним мы были через Лихачевых и Андреевых в дальнем родстве или, вернее, свойстве, и добрые отношения всегда существовали между нашими семьями. Наибольшие деловые сношения были у меня с Н.В. Смирновым, который ведал административными и продовольственными делами. В качестве гласного губернского земского собрания он был моим единомышленником и принадлежал к той группе, которая всегда поддерживала меня. На живой, практической земской работе мы хорошо с ним спелись и с двух слов понимали друг друга. Поэтому и мои выступления в губернном присутствии обычно встречали с его стороны сочувственный отклик, тем более, что по важным делам мы часто успевали сговариваться заранее. Однако положение чиновника, всецело подчиненного губернатору, все-таки, конечно, обязывало его руководствоваться взглядами последнего. Поэтому не безразличны были и отношения с губернаторами, к которым, замечу кстати, приходилось то и дело обращаться и по делам, не касающимся губернского присутствия.

Надо сказать, что стычки и препирательства с губернаторами были одной из черт нашей провинциальной жизни. Далеко не всегда правы были при этом губернаторы, и, к сожалению, далеко не всегда представители общественности прибегали к выпадам против губернаторов по серьезным основаниям. Достаточно было появиться не слишком умному и не слишком тактичному губернатору — не так легко было и набрать очень умных и очень тактичных, — как его начинали при всяком удобном случае травить. Около него плели паутины сплетен; пользовались всяким случаем, чтобы представить в смешном виде каждое его распоряжение, каждый шаг; случалось, что в земских собраниях выносили постановления, заранее обреченные на протесты и отмену — и с единственной целью создать процесс, в котором можно было бы наделать губернатору неприятностей. Сохрани Бог, если какой-нибудь незадачливый губернатор соблазнялся в ответ на такое озорство позволить себе недостаточно достойные выпады. Тогда в губернии создавалась невыносимая атмосфера, от которой, конечно, больше всего

страдало дело, а, следовательно, и ни в чем неповинное население. Одна ли оппозиция позволяла себе такое мальчишество? К несчастью, нет: грешны в этом бывали и умеренные и даже правые круги, где Петербург, а, стало быть, и присланные из него особенным почетом не пользовались. Однако отметив все это, справедливо было бы не замолчать и того, что многие губернаторы относились к общественным учреждениям и, в особенности, к земствам с некоторым предубеждением, видели в них вражеский стан, встречали земских деятелей не особенно дружелюбно или с неискренней, деланной любезностью. Это было тем же «мы и вы», о котором я говорил где-то выше, но только провинциальным. Меня с самого начала службы все это огорчало и отвращало, и я всячески стремился избегать каких бы то ни было конфликтов, конечно, не за счет ущерба для порученного мне дела и не за счет достоинства того учреждения, представителем которого я был. Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что мне это удалось, и что такая удача отзывалась на деле самым благотворным образом.

В качестве председателя губернской земской управы мне пришлось иметь дело с двумя губернаторами: Михаилом Васильевичем Стрижевским и Петром Михайловичем Боярским¹⁰¹. Первый был милейшим и добродушнейшим созданием, звезд с неба не хватал и, будучи страстным охотником, в действительности гораздо больше интересовался этим делом, чем своими губернаторскими обязанностями. Перед Петербургом он прямо-таки трепетал и не только старался по возможности не тревожить его никакими вопросами, но был бы, кажется, счастлив, если бы и Петербург о нем позабыл. Разумеется, поэтому он прямо-таки ликовал, когда дела разрешались единодушно и мирно, да еще «соответственно видам правительства». Не обладая большой осведомленностью в делах, он должен был доверять своим ближайшим сотрудникам и, к чести его сказать, вполне им доверял. Ближайшим из них, через которого проходили самые сложные, а также и секретные дела, был начальник его канцелярии Николай Михайлович Данилов. По губернскому присутствию таковым был Н.В.Смирнов. И тот и другой заслуживали доверия, так как работали усердно, отчетливо, толково и с полным знанием дела. Если добавить к этому, что оба они обладали спокойным, уравновешенным характером, безграничной работоспособностью и свойством доброжелательно, терпеливо и вдумчиво относиться ко всякой просьбе, от кого бы она ни исходила, то М.В. Стрижевскому представлялась полная возможность не задерживать их на докладах подолгу и подписывать бумаги, не опасаясь последующих осложнений. Так он и делал. А я со своими земскими делами, которые требовали губернаторской санкции, никогда Михаила Васильевича не тревожил, прежде чем предварительно не переговорю и окончательно не договорюсь либо с Н.М.Даниловым, либо с Н.В.Смирновым. В виде исключения, когда их влияния было недостаточно, я просил вмешаться в дело С.С.Толстого. Михаил Васильевич не только его уважал, но и побаивался и очень слушался. Такая тактика давала хорошие результаты, и даже в годы продовольственных кампаний, когда причин для всяко-

го рода трений было более чем достаточно, дело шло так, как хотела губернская Земская управа и как думал, что хотел М.В.Стрижевский.

Сменивший Михаила Васильевича Петр Михайлович Боярский был человеком новой, столыпинской, школы. Обладая хорошим умом и будучи идейным, энергичным и знающим дело работником, Петр Михайлович быстро создал новую атмосферу в губернаторском дворце. Он держался строго и достойно, но в то же время просто и деловито, поощряя каждого собеседника к искреннему изложению своих мыслей. В нем совершенно не было той напыщенности, с помощью которой губернаторы старой школы прикрывали иногда свое недостаточное понимание дел и обстановки. Он при надобности шел на собеседника лобовой атакой, принимая таковую же и на себя. С ним можно было горячо спорить, не опасаясь, что это будет истолковано, как проявление оппозиции. Он, может быть, вообще слишком мало обращал на нее внимания и меньше, чем нужно, придавал ей значения: прежде всего и полностью его захватывало дело и желание направить его к общей пользе. К сожалению, все эти ценные свойства Петра Михайловича омрачались его повышенной нервностью, которая мешала ему привлечь к себе, кроме уважения, еще и всеобщие симпатии. Не все до конца его понимали, не все видели в нем того человека, которым он был в действительности. Нервность же его, а по временам и некоторая мрачность объяснялись личными несчастьями. Он был совершенно исключительным семьянином и безумно любил своих детей: а они не жили. И вот потеря ребенка всегда налагала на него исчезающий след жестокого удара судьбы. Его горе бывало так велико и овладевало им так упорно, что колебались даже его обычно глубокие религиозные чувства. У меня сложились с ним наилучшие, дружеские отношения. Однажды он предложил мне выпить брудершафт, и это, конечно, еще более скрепило нашу дружбу. Надо ли говорить, насколько благоприятно все это отозвалось на делах: мы как будто вели с ним земское дело совместно, да и не одно земское, так как случилось, что Петр Михайлович посвящал меня и в свои чисто губернаторские дела, интересуясь моим мнением и ожидая совета. Я храню о нем наилучшие воспоминания и очень сожалею, что связь с ним как-то оборвалась, хотя, насколько я знаю, он здравствует и работает в Сербии на скромной роли уполномоченного Красного Креста.

Губернское по земским и городским делам присутствие было учреждением, при помощи которого губернатор осуществлял полагающийся по закону надзор за деятельностью местного самоуправления. Здесь тоже был непрременный член, который следил за постановлениями земских собраний и городских дум, осведомляя о них губернатора и, в случае надобности, заготавливал проект протестов. В качестве представителя земства я должен был защищать там интересы последнего.

История земства изобилует губернаторскими протестами. Сколько горячих речей было по поводу них сказано в земских собраниях, сколько написано газетных заметок и статей в разных сборниках и специальных изданиях. Протесты нередко бывали не только болезненными эпизодами в земской жизни, но и целыми

событиями, которые нарушали ее спокойное течение: по ним в известной мере можно было судить о подоплеке той невязки, которая существовала между администрацией и органами самоуправления.

Я всегда считал и остаюсь при том мнении, что все это, главным образом, было следствием недостатка закона, которым регулировалась земская работа. В самом деле, губернаторы были вправе оценивать постановления органов самоуправления не только с точки зрения их законности, но и целесообразности (Положение о земских учреждениях 1864 г.) или соответствия интересам населения (Положение о земских учреждениях 1890 г.). Иными словами, закон предоставлял губернатору исправлять по своему усмотрению то, что, по его мнению, плохо сделали представители населения, призванного к самоуправлению и, следовательно, признанного способным судить о его хозяйственных нуждах. Можно представить себе, в какие дебри заходило иногда это усмотрение, в особенности, если отношения между губернатором и местными самоуправлениями оставляли желать лучшего, и как, в конечном итоге, оно насыщало и питало оппозицию, давая ей в руки немало ценного оружия. Будущим русским законодателям, которым выпадет на долю счастливая и ответственная задача восстанавливать и обновлять разрушенную и запачканную большевиками Россию, надо будет не забывать, что в современной сложной государственной жизни управление должно быть основано исключительно на правовых началах и что методы, основанные на началах самовластия и отеческой опеки — роковым образом ведут к разрушению того строя, который им пользуется. Именно с этой точки зрения я оценивал в губернском присутствии поступающие туда проекты протестов. Если последние возникали благодаря прямому нарушению закона, я молчал; если же губернатор предполагал выступить судьей по существу того или иного постановления, которым, как ему казалось, нарушались интересы населения, я горячо отстаивал решение, к которому пришло то или иное земство или город. По счастью, неосновательных или продиктованных усмотрением протестов за мое время было очень мало; точнее сказать, они были, насколько я помню, единичны. Казанское земство не считалось и не было оппозиционным, и губернаторы не прибегали к протестам, как к средству борьбы с оппозицией. Кроме того, и здесь, как всегда и везде, помогали отношения. Непременным членом губернского по земским и городским делам присутствия был в мое время старик В.И. Образцов, мой предшественник по председательству в Козьмодемьянской земской управе, о котором я вспоминал в первой части записок. Он всегда доверчиво относился ко мне и прислушивался к моим мнениям, а губернаторы имели основание доверять ему, как опытному и справедливому арбитру, и, в силу этого доверия, всегда шли на его примирительные предложения. Таким образом, по моим воспоминаниям спокойное течение земской жизни в Казанском земстве за мое время не нарушалось губернаторскими протестами.

Арбитражная комиссия при окружном интендантском управлении. Это учреждение было создано во время войны 1914—1918 гг. по инициативе главного

интенданта, а затем военного министра генерала Шуваева, честного, энергичного и живого человека. При заготовках для армии интенданты должны были строго руководствоваться подробными, Высочайше утвержденными, описаниями качеств заготавливаемых вещей, материалов или продуктов, причем указаны были и технические приемы для определения этих качеств. Так, например, сукно исследовалось в специальных аппаратах на просвет (ровность ткани), на разрыв отдельных ниток (крепость), на их количестве в дюйме материи (плотность), на процент мертвой шерсти (общая добротность и носкость) и т. д. Отступать при приемках от этих правил и описаний интендантские приемщики не были вправе, это считалось преступным действием со всеми последствиями, сопровождающими должностное преступление. Для изменения правил и описаний требовались, разумеется, новые законодательные акты, что очень осложняло и удлиняло процесс этих изменений. В мирное время этот порядок был целесообразен и не вызывал особых затруднений. Иные результаты стали получаться во время большой войны, которая потребовала призыва в войска такого количества людей, что страна скоро ощутила целый ряд серьезных препятствий к тому, чтобы всех их одевать без задержек и по установленным нормам. Обнаружилась и устарелость существующих правил. Они, как и всякий закон, были так сказать, неподвижны, а техника производств прогрессировала ускоренными темпами, создавая фабрики, хотя и не отвечающие требованиям интендантских описаний, но настолько добротные, что браковать их, особенно при общем недостатке всего, было бы неразумно. Что было делать? Изменять описания — трудный и длительный процесс; дать право приемщикам отступать от них — рискованно. Генерал Шуваев остановился на мысли создать особые арбитражные комиссии с представителями общественности, промышленности, торговли и с экспертами специалистами. Комиссии получили право окончательно решать вопросы о признании годности для армии тех вещей и материалов, которые были забракованы приемщиками на точном основании правил и описаний. Таким образом, сразу открывалась возможность быстрее, шире и глубже использовать рынок, не рискуя в то же время соскользнуть в полную дурных соблазнов область хозяйственных действий, предпринимаемых по единоличному усмотрению ведомственных чиновников. Результаты этой меры были необычайно благотворны. Все дело заготовок и приемок приобрело живой и жизненный характер. А работа в комиссиях так захватывала участников, настолько затрагивала их патриотические чувства и, как следствие этого, вызывала столь горячее желание вести дело с напряженной добросовестностью и быстротой, что участие в этой работе давало большое моральное удовлетворение. В короткий срок в армию направлены были большие количества ранее забракованных и наполнявших склады разных вещей; целые вороха сукон, полотен, кож и т.д. были переданы на выделку таковых, а последующая процедура новых приемок приобрела совершенно иной вид и небывалую ранее быстроту. Естественно, что и я, призванный в комиссию в качестве представителя общественности, стал работать в ней с захватывающим интересом. Помимо сознания

полезности дела и ободряющего действия видимости быстро появляющихся результатов работы, передо мной открывался новый, доселе незнакомый мне мир промышленности, о котором я знал лишь поверхностно, понаслышке. Это повышало мою общую грамотность как практического деятеля, расширяло кругозор и пополняло опыт.

В русском обществе существовало мнение, что интенданты чуть ли не профессиональные взяточники. Естественно, что соприкоснувшись с ними почти вплотную и, во всяком случае, в большей мере, чем раньше при земских поставках, я присматривался к ним с некоторым предубеждением и отыскивал тех, у которых было или могло быть «рыльце в пушку». Вместе с тем я старался разгадать и причины печального явления. Припоминаю попутно рассказы Н.А.Казем-Бека, который в качестве крупного поставщика хлеба и прессованного сена имел дела и с рядовыми, и с важными чиновниками не только русского, но и английского интендантства. Н<иколай> А<лександрович> утверждал, что англичане берут и проще, и крупнее, чем русские. Так, с каждого пуда принятого сена ему приходилось будто бы платить приемщикам какую-то незначительную долю копейки, английским — больше копейки. Я не имею оснований не доверять Н.А.Казем-Беку, по его счетам такие суммы, очевидно, проходили, но, ведь, лично он никому ничего не давал, расходы производили доверенные. Всегда ли и все ли доходило до интендантов? Не приставало ли многого к рукам доверенных, на что имеются некоторые косвенные улики. Я знаю, например, что кое-кто из них составил состояние, которое не могло быть накоплено из отчислений от жалования путем обычной экономии. Да и жизнь они вели далеко неэкономную. Поэтому надо прежде всего что-то такое сбавить из обвинений, которые бросались по адресу интендантства. Нельзя, далее, не коснуться вопроса о том, почему давали взятки, нельзя ли было при добром желании обойтись без них. Иными словами, не была ли в существовании взяточничества виновата та часть общества, которая вступала в деловые отношения с интендантами. Я склонен утвердительно ответить на этот вопрос. Работая в арбитражной комиссии, я постепенно накопил знакомства и с интендантами, и с поставщиками. Случалось подчас вести с ними и довольно откровенные беседы. Из них явствовало, что несчастные приемщики прямо-таки жили в атмосфере чередующихся соблазнов, которые неизменно сыпались со стороны поставщиков. Действовали: недостаточная моральная дисциплинированность, привычка ловчиться, обходить очереди, добиваться натяжек в применении закона и т. п. И вот, создавалась такая картина. С одной стороны, более чем скромно обеспеченные казенным содержанием чиновники под вечной угрозой подвергнуться строгой каре закона не только за действительно преступное действие, но и за простую оплошность, с другой — поставщики, которые непременно добиваются каких-нибудь поблажек и неизменно соблазняют хорошо их оплатить. Три-четыре «хороших дела», и у бедного чиновника к будущей полунищенской пенсии прибавляется «капиталец», который позволит коротать старость без особой нужды. Кого по совести можно считать более виновным

или, может быть, точнее сказать, к кому можно быть более снисходительным: к берущему или к соблазняющему дающему. Если не ошибаюсь, закон одинаково карал обоих, но общество склонно было сильнее, если не всецело, обвинять берущих. Больше того: если кто-нибудь не «сумел» дать и из-за этого неудачно провел свое дело, над ним смеялись, подтрунивали, упрекали его в отсутствии деловых качеств. Таким образом, взяточничество было гораздо более общественным, чем персональным злом. Надо сказать и то, что при разных толках, пересудах и сплетнях, размеры этого зла сильно преувеличивались. Десятки, если не сотни разного рода чиновников прошли перед моими глазами. Большинство из них производили впечатление запуганных, вечно дрожащих за свою карьеру и существование людей, совершенно неспособных на рискованные шаги. Лишь у очень немногих единичных представителей во взгляде и в манерах было нечто неуловимое и не поддающееся определению, но повелительно побуждающее подумать: «Вот это — бестия». Однако ведь, и здесь возможны ошибки, и здесь надо отсеять зло действительное от воображаемого. Итак, различные слухи, относящиеся к этому большому вопросу, а также личные впечатления и наблюдения приводят меня к таким выводам:

Зло взяточничества в интендантском ведомстве существовало, но это не было явлением общего характера. Наоборот, вернее было бы предположить, что не удерживались от соблазна только немногие, отдельные лица.

Взяточничество не было специально ведомственным, а, скорее всего, общественным злом. Неправда, что поставщикам нельзя было обойтись без того, чтобы не давать взятки: Казанское земство поставило интендантству несколько миллионов пудов хлеба и ни одной копейки не истратило на взятки, не услышало ни одного намека на желательность их получения. Если бы сами поставщики не стремились добиваться незаконных и неправильных поблажек и преимуществ и не раскрывали бумажников для подкрепления своих домогательств, то не было бы и взяточничества.

Чиновников нередко обвиняли во взяточничестве напрасно: действительными стяжателями бывали разные доверенные, управляющие и др. представители поставщиков, которые ловко сваливали грех на интендантов, оставляя в своих карманах предназначенные для последних даяния.

Взяточничество не было одним из специальных явлений русской жизни. И носившиеся в дореволюционной России слухи и наблюдения, которыми богато снабжала всех нас, эмигрантов, жизнь в невольном рассеянии по всем странам света, убеждают, что это зло существует везде, где есть люди. От него не спасает никакое самое модное или, казалось бы, самое примерное государственное устройство, а также и никакое так называемое просвещение, если его строят не на строгих и твердых моральных основах, а, главным образом, с практическими целями наплодить техников и специалистов, удачно и умело создающих ослепляющие блестящие жизни и столь же умело лишающих ее настоящего, ровного, тихого и благостного света.

Расскажу теперь о впечатлениях, полученных мною в качестве участника в подготовительных работах некоторых центральных правительственных учреждений. Здесь, прежде всего, считаю важным вспомнить о Совете по делам местного хозяйства¹⁰², устроенном при Министерстве внутренних дел П.А.Столыпиным. В задачи этого учреждения входило рассматривать законодательные предположения Министерства внутренних дел, которые прямо и близко касались местной жизни. Эта работа носила, разумеется, предварительный характер и предпринималась с целью всестороннего освещения и мотивировки законопроекта для последующего представления Государственной Думе. В состав членов Совета, кроме небольшого числа высших чиновников Министерства внутренних дел были призваны представители губернских земств и городов¹⁰³. Помимо чисто деловых соображений, учреждение Совета было, по—видимому, лишней попыткой П.А.Столыпина зачеркнуть в кривошеинской формуле «мы и вы» два последних слова. Может быть, также, что мнения входящих в состав Совета представителей земщины были нужны Петру Аркадьевичу для некоторой проверки того, что он мог услышать в Государственной Думе. Члены Совета не были, конечно, политическими единомышленниками, но их деловые соображения все-таки гораздо меньше были настояны на политических пряностях и не вытекали из руководящих велений партийных лидеров. А что, может быть, еще важнее, не имели подоплеки «тактического» свойства.

Председательствовал в Совете начальник главного управления по делам местного хозяйства Сергей Николаевич Гербель¹⁰⁴, в начале своей карьеры работавший в качестве выборного земского деятеля в одном из южных земств, чуть ли не в Херсонском. Непременным членом Совета, то есть лицом, под непосредственным руководством которого велась вся текущая подготовительная работа в учреждении, состоял ныне здравствующий Михаил Владимирович Иславин, который потом был Новгородским губернатором. Не все, по-моему, правильно оценивали покойного С.Н.Гербеля и не все питали к нему расположение. На первый взгляд он производил впечатление сухого, малодоступного петербургского чиновника того, к сожалению, довольно распространенного типа, представители которого неплохо исполняли свои обязанности с формальной стороны, но были совершенно равнодушны к тому, что выйдет из всех их действий на местах и очень не равнодушны к карьеристическим последствиям своей работы. Мне довелось близко, вплотную подойти в деловом отношении к Сергею Николаевичу, а во время войны, кроме того, неоднократно беседовать с ним в домашней обстановке, в его скромной петербургской квартире на Лиговке. Из глубокого уважения к его памяти я обязываюсь утверждать, что отмеченные впечатления были ошибочны. В действительности его мнимая сухость была просто сдержанностью, внешняя неприступность — нежеланием «популярничать», кажущееся равнодушие к делу — скромностью. Он плохо переваривал деятелей, слишком много себя рекламирующих, довольно резко осуждал тех, кто только порхал по делам, а не отдавался им, и был иногда не слишком учтив с теми, кто казался ему

неискренним, кто путал, ловчился и скрывал истинные намерения и цели. Равнодушия к результатам своей работы на местах у него не было. Наоборот. Сидя в своем служебном кабинете, он всегда смотрел из него на Россию. Земщина была той средой, которой он придавал исключительную ценность. Дать ее элементам наибольшую возможность проявить положительные и полезные для страны свойства он почитал своей главной задачей. Он не горел Родиной так пламенно, как его прямой и ближайший начальник, П.А.Столыпин; он вообще, не то благодаря своеобразной стыдливости, не то по каким-то другим свойствам своей натуры, старался как будто не давать разгораться огонькам, которые вспыхивали в нем, но, несомненно, — и я убеждался в этом неоднократно — Россия была для него первоосновой всех действий, стремлений и надежд. А как умно, четко и смело умел он работать. Я особенно любовался этим, когда во время войны он почему-то оказался особоуполномоченным по заготовке продуктов для армии в районе Одессы и, в качестве одного из моих сотрудников, помогал мне, как главноуполномоченному. Я свято чту его память и считаю, что он был одним из видных и лучших представителей столыпинского окружения.

Гораздо меньше я знал Михаила Владимировича Иславина, встречи с которым носили случайный и мимолетный характер. Однако его происхождение из хорошей русской семьи, его воспитанность, деликатность, бросающаяся в глаза деловая честность и беззаветная верность и преданность монархии быстро располагали к нему и способствовали установлению простых, ненапряженных и доверчивых отношений. Он обладал, кроме того, еще двумя хорошими русскими свойствами: гостеприимностью и хлебосольством.

Занятия в Совете были организованы так, что нас пускали домой только ночевать, а завтраки и обеды нам предлагали в том же здании, где происходили заседания. Заботящимся о нас хозяином был М.В.Иславин. И как умело и мило он хлопотал о том, чтобы все было вкусно приготовлено, хорошо и вовремя подано; чтобы разместить нас по столикам такими группами, в которых беседы примут наиболее живой и непринужденный характер. Большое ему спасибо.

Из других представителей центрального ведомства в Совете мне вспоминается Николай Николаевич Анцыферов, бывший в то время помощником и ближайшим сотрудником С.Н.Гербель. Большая умница и знаток своего дела, — вот все, что могу сказать о нем, — так как не наблюдал его так близко, как Сергея Николаевича. Теперь о местных деятелях в Совете, т. е. о губернаторах и представителях губернских земств и городов.

Забавная подробность: все губернаторы размещались во время заседаний отдельно от нас, земцев, и, если не ошибаюсь, по правую сторону от председателя. Не помню, было ли это устроено нарочно или вышло само собой, но, так или иначе, в учреждении, как будто созданном для ликвидации «мы и вы», места для заседающих оказались распределенными в соответствии с этой формулой. Такова сила навыков: они изживаются не сразу и с большими усилиями. Я старался внимательно всмотреться в общий состав губернаторов. Хотелось без всякого

предубеждения и независимо от посторонних отзывов оценить каждого их них. Однако времени для этого не хватило, и впечатления, сохранившиеся в моей памяти, отрывочны и поверхностны. Припоминаю лишь, что только один из губернаторов резко выделялся по манере держать себя совершенно независимо и горячо защищал свои мнения, не оглядываясь на то, соответствуют ли они взглядам министерства. Это был Саратовский губернатор граф С.С. Татищев. Он производил впечатление необыкновенно живого, энергичного и, сказал бы, блестящего деятеля. Его чеканные речи были кратки, но исключительно содержательны. Чувствовалось также, что он горел тем делом, о котором говорил, что нужды и интересы населения были ему дороги и близки, и что с точки зрения этих нужд он только и рассматривал каждый вопрос. Когда на обсуждение Совета был поставлен проект нового продовольственного устава, С<ергей>С<ергеевич> выступил ярким противником тех начал, которые были положены в основу старого закона и резко отступить от которых Министерство внутренних дел не решалось. Удачно проведенный и законченный под его руководством опыт с общественными работами в Саратовской губернии дал ему богатый материал для мотивировки защищаемых положений. Так как у нас в Казанской губернии подобный опыт также удался (см. выше стр.206-213), и не только лично я, но и большинство губернского земского собрания стояло за коренной пересмотр продовольственного устава с тем, чтобы общественным работам там было отведено первое место, граф С<ергей>С<ергеевич> оказался моим единомышленником, и мы совместно обсуждали, на каких изменениях и дополнениях необходимо настаивать при рассмотрении министерского проекта. Это, конечно, в известной мере сблизило нас, и в последующих частных беседах мы стали затрагивать и другие вопросы, касающиеся местного управления. Бывало, что С<ергей>С<ергеевич> уходил во время заседаний со своего места и подсаживался ко мне, точно земщина притягивала его, была ему и понятной, и близкой. От многих саратовцев я слышал самые лестные отзывы о С<ергей>С<ергеевич>, и это подтверждало мое впечатление. Он скончался в расцвете сил и способностей от несчастного случая: разился смертельным ядом в парикмахерской.

Всех своих сотоварищей по земской работе в других губерниях я помню совершенно ясно, вижу их лица, слышу голоса, но по капризу памяти забыл многие имена и фамилии. Отчасти благодаря этому, а отчасти и потому, что не со всеми я успел сойтись достаточно близко, я вспомню здесь лишь о тех, с деятельностью которых удалось познакомиться более обстоятельно и с которыми установились наиболее близкие отношения.

Хорошо помню председателя Бессарабской губернской земской управы Алейникова¹⁰⁵. Тихий, застенчивый, молчаливый, он почти никогда не выступал на наших совместных совещаниях. Но в частных беседах вдвоем он охотно делился и своими общими взглядами и планами, относящимися к земской работе. Как и всех других, она захватывала его целиком, без остатка. Поэтому он внимательно знакомился со всяким чужим опытом, хватаясь за каждую подробность,

добросовестно исследуя каждый процесс. Ко мне он относился с большим доверием, всегда считался с моими мнениями по земским вопросам, а, кроме того, разделял и мои политические воззрения. Все это, конечно, сблизило нас. Не знаю, уцелел ли он во время революционных вихрей, никаких сведений о его судьбе у меня нет.

Не только хорошо помню, но в минувшем году имел радость увидеть в Женеве бывшего Симбирского председателя губернской управы Н.Ф.Белякова¹⁰⁶. Он сильно постарел, ослеп, немного опустился, но все еще, как и прежде, быстро вспыхивает и разгорается. Мы вспомнили прошлое, мечтали о будущем. Надо было видеть, как забегали его побелевшие, полумертвые глаза, как хватал он меня за руки, подскакивал на стуле, когда, задыхаясь от волнения, торопился поделиться своими мыслями о будущем устройстве земского самоуправления. Я не могу причислить <Николая> Ф<едоровича> к людям большого ума; не все стороны его характера симпатичны; вечно увлекающийся, он не удерживается иногда от предвзятых мнений и поспешных заключений. Однако все это искупалось в свое время его кипучей энергией и неисчерпаемой инициативой. Симбирская губерния обязана ему очень многим, и из этого многого кое-что, вероятно, переживет даже и большевиков.

Ясно вижу тяжеловатую фигуру Саратовского председателя губернской управы К.Н.Гримма. Человек хорошего, практической складки, ума, энергичный и волевой, он хозяйственно и четко вел земское дело. Но Саратовская губерния была довольно сильно заражена «революционным духом», и значительную часть своей энергии К.Н. принужден был отдавать на борьбу с этим злом. Думаю, что многое удалось ему и здесь: он умел крепко держать в руках то, что в них попадало, и был лишен нашего почти общего и не всегда полезного свойства: прекраснодушия.

Этим свойством в немалой мере обладал милейший и симпатичнейший П.Ф.Коропачинский, Председатель Уфимской губернской земской управы. Он не был чужд и либерализма и притом в таких дозах, что был недалеко от радикалов. Однако обладая большой моральной чистотой и будучи мягким, добрым и чутким человеком, он не переступил границ, за которыми начиналась радикальная свистопляска. земское дело он знал хорошо, любил беззаветно и, благодаря накопленному многолетнему опыту, мог по праву считаться одним из выдающихся деятелей.

Пензенский председатель губернской земской управы кн. Кугушев, особенно привлекал к себе исключительной деликатностью и воспитанностью, хотя «не хватал с неба звезд» и не отличался большой энергией и инициативой. Поэтому, может быть, очень часто его заменял ближайший сотрудник, член губернской управы В.В.Вырубов. Способный, подвижный, обладавший представительной наружностью, хорошими манерами и умением убеждать, В.В. Вырубов был, по-видимому, первой скрипкой в Пензенском оркестре. К сожалению, соображения личного свойства, вопросы материального устройства и карьеры нередко

преобладали у него над общественными интересами. Он всегда, кроме того, казался мне чрезвычайно эластичным, слишком склонным прислушиваться «откуда ветер дует», может быть, даже беспринципным. Поэтому, установив самые дружелюбные отношения с кн. Кугушевым, я не очень приближался к В.В. Вырубовым. Когда образовался Всероссийский земский союз, В.В. Вырубов уверенно повернул руль налево и вошел в ближайшее окружение кн. Г.Е. Львова. Сделавшись уполномоченным Всероссийского земского союза на фронте, он как раз, если не ошибаюсь, возглавлял и одухотворял недоброй памяти «земгусаров». Сейчас он в Париже, куда в свое время он приехал, как почти все, без всяких личных средств и, в виде исключения, не только хорошо «устроился», но, как говорят, и разбогател. Не зная, какими путями пришло к нему богатство, воздержусь на этот счет от каких бы то ни было выводов.

Человеком недюжинного ума, пропитанного хохлацкой хитрецей и упорством, был Полтавский председатель губернской Управы, Ф.А. Лизогуб¹⁰⁷. Он отлично знал земское дело не только практически, но и с точки зрения идейного содержания и обладал широким, выходящим за пределы губернских границ кругозором. Сдержанный, рассудительный, неторопливый, он всегда молчал, когда споры шли о мелочах. Но ни один большой вопрос не получал разрешения без авторитетного голоса Ф<едора> А<ндреевича> Я относился к нему с большим уважением и испытывал искренние симпатии, тем более, что и в политическом отношении мы были единомышленниками. Думаю, что он платил мне тем же.

Орловский председатель губернской управы С.Н. Маслов также по справедливости, должен быть отнесен к выдающимся земским работникам. Врожденная мягкость и типичная для него плавность движений не мешали ему быть очень энергичным, настойчивым и обладающим большой инициативой. Он был одним из самых влиятельных членов наших совещаний. Политически С<ергей> Н<иколаевич> был левее меня. Всего скорее, его можно было отнести к либералам типа Д.Н. Шипова и, может быть, к их левому сектору. У нас установились с ним самые добрые отношения, тем более, что С<ергей> Н<иколаевич> умел не смешивать земского дела с политикой. Размолвка при выборах главноуполномоченного Всероссийского земского союза, о которой я упоминал выше, оладила эти отношения. Несколько лет тому назад С<ергей> Н<иколаевич> скончался в Египте, будучи одиноким и испытывая, как кажется, большую нужду.

Часто вспоминаю еще двух Председателей губернской управы: Минского — Самойленко и Таврического — Я.Т. Харченко.

Самойленко был, если не ошибаюсь, самым молодым среди нас, да и Земство его было тоже молодое, только что созданное столыпинским законом. Воспитанный, скромный, внимательно прислушивающийся к речам старших и обладавший привлекательной наружностью, он сделался нашим общим любимцем. В частности, и у меня начали складываться с ним наилучшие отношения, обещавшие перейти в дружбу. После разметавшей нас по всему свету революции я вновь увидел его в Париже. Оказалось, что он несколько лет прожил в Америке, женился там

на какой-то татарке из семьи бывших бакинских нефтепромышленников и, естественно, прицепился к остаткам бывшего богатства этой семьи. Мы встретились тепло и сердечно, но при последующих беседах я почувствовал, что это не прежний Самойленко, а какое-то сильно американизированное второе его издание. Мне стало тяжело бывать у него, и я оборвал свои посещения.

Я.Т.Харченко был милым, прямодушным, всегда одинаково бодрым и веселым человеком и отличным практическим земским работником. Мы ближе сошлись с ним в период поставок хлеба для армии во время войны, когда довольно часто приходилось встречаться в Петербурге. Он шел одним из первых номеров по количеству заготавливаемого хлеба и видно было, что это всецело зависело от его энергии, деловой сноровки и знания всех местных условий и особенностей. Политически он, без сомнения, был в правом секторе и оппозицией не занимался, но, по-видимому, политика мало привлекала его, он скучал при политических беседах и уклонялся от них. Все это не мешало ему держаться очень независимо и добродушным тоном, с хохлацким юмором, но совершенно искренне и ставя точки над «i» говорить министрам и их ближайшим сотрудникам не всегда приятные вещи. Я очень ценил и любил Я.Т., и мне казалось, что и он, в свою очередь, питает ко мне добрые чувства. К моему огорчению я не знаю его судьбы.

Участие в Совете по делам местного хозяйства дало мне возможность познакомиться с Николаем Ивановичем Гучковым, который в то время занимал видный пост Московского городского головы. Не берусь оценивать его как руководителя огромного и сложного хозяйства г. Москвы: для этого у меня нет достаточных данных. Скажу лишь, что по многочисленным отзывам, которые мне приходилось слышать, он был недюжинным практическим деятелем. Указывали, что его работа была чрезвычайно продуктивна, что энергия, деловитость и вдумчивость были его основными чертами, а любовь к своему делу и родной ему Москве не имела пределов. Прислушиваясь к его речам и репликам на заседаниях Совета, я скоро почувствовал в нем крупного человека. Однако то обстоятельство, что он был родным братом Александра Ивановича, к которому я привык относиться весьма осторожно, побудило меня неторопливо подходить и к Николаю Ивановичу. Последующие встречи и беседы показали, что в этом нет нужды. Весь его облик был совершенно иной, чем у Александра Ивановича. Начать с внешних черт. Александр Иванович ходил вяловатой, усталой походкой, немного сутулясь. Он либо добродушно улыбался, либо смотрел “каменными глазами” и говорил тихо, раздельно, с легкими ударениями на отдельных словах, но всегда, как казалось, что-то не договаривая. Некоторая деланность неизменно сопутствовала ему. Она виделась и в походке, и в улыбке, слышалась в искусственно сдержанном тоне речей, сквозила во всех манерах, в обращении к людям разных рангов. У Николая Ивановича все было как-то по-другому и все естественно. Он бодро и быстро ходил, прямо держался, громко и внятно говорил, причем, слушая его, не чувствовалось, что остается какая-то недоговоренность, что-то затаенное, не предназначенное для общего употребления. Он был, как говорится,

“весь на ладонке” и при этом всегда и со всеми одинаковый: ранг собеседника был для него безразличен. Александр Иванович утопал в политике и интересовался исключительно различными политическими комбинациями. Николай Иванович был поглощен хозяйственными и экономическими задачами и по политическим вопросам высказывался редко, как-то вскользь. Александр Иванович почти всегда говорил только о людях, часто подразделяя их на друзей и врагов, причем с последними он лелеял мечты “сосчитаться” — угрожающее понятие, которое он часто употреблял. Борьба вообще была его стихией, он точно скучал без нее, и чем больше было врагов, чем значительнее они были по рангу и положению, по силе и влиянию, тем сильнее зрела в нем потребность бороться с ними. Он был, так сказать, политическим спортсменом и, как мне казалось, несомненным авантюристом. Николай Иванович очень редко говорил о людях и, во всяком случае, гораздо реже, чем о трамвайных вагонах, метрополитене, больницах, школах, водопроводе. А если и говорил, то подразделял их не на друзей и врагов, а на толковых и бестолковых, на знающих свое дело или болтунов. Исключительно с деловой точки зрения интересовали его и министры. Если тот или иной из них хорошо усваивал его хозяйственные планы и, при надобности, быстро и действительно помогал их осуществлению, он был хорош. Тот, кто обещал и не делал, слушал, а потом путал, был плох, каковы бы ни были его политические шаги или отношения к тем или иным политическим группировкам. Оба брата были монархистами. Но монарх Александра Ивановича, помимо своей мистической миссии, как будто должен был беспрекословно выполнять его советы. Николай Иванович не предъявлял к монарху таких требований. Он просто и чистосердечно радовался, если верховная власть мудро и удачно действовала и горевал по поводу ошибочных и неудачных шагов. Москву Николай Иванович любил пылкой, неостывающей, беззаветной любовью. Но она все-таки была для него только сердцем России, а не самодовлеющей ценностью. Россия, Родина была все, Москва — частью всего. И как хорошо знал он и свою Москву, и всю Россию, знал коренные, лучшие, глубинные, русские народные свойства и черты, все то, на чем выросла и окрепла великая славянская держава.

В Париже я довольно часто его навещал. Год от года он дряхлел и внешне несколько опускался. Но физически больное сердце не переставало биться Родиной. Каждую свободную копейку он тратил на покупку книг и гравюр, относящихся к Москве и России. Он обыскивал всех парижских букинистов и часто находил редкий и глубоко интересный материал. Годы и недуг взяли свое: сердце постепенно слабело, отказывалось нести свою службу. И вот, лежа пластом и поражая доктора силою духа, с которой он расставался с землей, твердо и внятно произнес Николай Иванович свои последние слова: “Царица Небесная, спаси нас и Родину нашу”. Мир и покой его душе!

Я смутно помню других городских представителей в Совете и закончу свой рассказ об этом учреждении общей и краткой справкой о том, какое значение имела его работа и что прибавило к моему опыту участие в ней.

Некоторые деятели Государственной Думы ревниво относились к Совету. Они считали, что при посредстве этого учреждения П.А.Столыпин обращается к русской общественности через голову народного представительства и тем как бы опорочивает или умаляет его значение, делит земщину надвое. Мне не были известны тайные мысли П.А.Столыпина, но я всегда считал, что подозрительность и ревность — плохие советники. Поэтому лично смотрел на Совет с иной точки зрения. Кроме лишнего и серьезного случая сгладить “мы и вы” и проверить свои думские впечатления прямым общением с наиболее ответственными практически-деловыми земскими кругами, П.А.Столыпин, как мне казалось, преследовал и еще одну цель: найти людей. Он искал их повсюду, присматривался ко всем, кто соприкасался с ним, и в достаточной мере все-таки не находил того, что ему было нужно. Совет по его расчетам также мог представить известный выбор.

Выстрел Багрова не только унес П.А.Столыпина. Этим выстрелом была ранена Россия: исполнительный чиновник и честный казначей граф В.Н.Коковцев не мог быть заменой П.А.Столыпину, как не могли заменить его и все многочисленные преемники графа В.Н.Коковцева. И если со смертью своего вдохновителя столыпинское дело не умерло совершенно, то оно все-таки замерло. Замерла, конечно, и деятельность Совета по делам местного хозяйства. А затем война, «бескровная», анархический период керенщины и, наконец, Ленин.

Лично для меня участие в работах Совета дало возможность узнать главных местных деятелей всей России, а, что особенно важно, стало дополнительным уроком государственного мышления, так как все проекты, которые вносились в Совет, были, разумеется, составлены в государственном масштабе.

Другим центральным учреждением, в одной из работ которого мне пришлось принять участие, был так называемый Тарифный комитет, который состоял при Министерстве финансов и на предварительное рассмотрение которого передавались проекты установления или изменения железнодорожных тарифов. Вопросом, для обсуждения которого были приглашены представители общественных учреждений, был так называемый «Челябинский перелом». Предполагалось для сибирского хлеба, который направлялся к западным границам на предмет экспорта, установить после Челябинска, т. е. по железным дорогам Европейской России, особо льготный, пониженный тариф. Этой мерой достигалось повышение рыночных цен на хлеб в Сибири, что, конечно, было очень выгодно для сибирских земледельцев. Но в то же время сибирский хлеб становился более сильным конкурентом на экспортном рынке для хлебов Европейской России и давил на местные цены последних. Иными словами, за счет сельских хозяев Европейской России улучшалось положение сибирских. Здесь я впервые получил возможность увидеть то, над чем раньше не приходилось задумываться: простым изменением тарифных ставок Правительство могло оказать огромное влияние на всю экономическую жизнь и благосостояние страны или отдельных ее частей. Поэтому с захватывающим интересом я знакомился с богатым статистическим материалом, касающимся развития железнодорожного движения и грузооборотов. Этот

Прасковья Николаевна Мельникова

материал был сгруппирован в хорошо изданной толстой книге и состоял, конечно, из сплошных цифр. Но сколько горделивых и бодрящих ощущений пробуждали эти заполненные цифрами столбцы! Оказалось, что по развитию многих частей железнодорожного дела, а, в частности, по развитию грузооборота Россия идет впереди и многих Западно-Европейских стран, и, отчасти, С.Ш.С.А. Это было блестящим свидетельством пышного экономического расцвета страны, на этом можно было строить немало соблазнительных расчетов и предположений. Таким образом, и здесь удалось получить хороший урок, который до некоторой степени рассеивал мое провинциальное обывательское невежество.

Упомяну об участии в заседаниях еще одного центрального учреждения, также состоявшего при Министерстве финансов. Его названия я не помню. Здесь рассматривался вопрос о железнодорожной магистрали Казань-Екатеринбург, о которой мы, казанцы, в то время хлопотали, а также одновременно и о других конкурирующих проектах. Были горячие споры, Н.К. Мекк потребовал, чтобы я выступил, что, конечно, сильно меня взволновало, но не о существе и подробностях этих споров хотелось бы мне сказать несколько слов, а о том, что этот случай дал мне возможность впервые увидеть кое-кого из финансовых дельцов того стиля, который появился в России в результате финансово-экономической политики одного из крупнейших государственных деятелей последних двух царствований,

графа С.Ю.Витте, долго бывшего Министром финансов, а затем и председателем Совета министров. Какая же это была политика и какого же именно стиля появились, как ее следствие, финансовые дельцы? Я поступил бы более чем самонадеянно, если бы, поставив эти вопросы, рискнул подробно и определенно ответить на них. Не с моей подготовкой и осведомленностью братья за всестороннее освещение деятельности государственных людей такой величины, как граф С.Ю.Витте. Но сказать об общих впечатлениях, оставшихся от некоторых наблюдений и отзывов людей, более меня осведомленных, считаю все-таки возможным.

Граф С.Ю.Витте, задавшись целью обогатить Россию, направил главные усилия на оживление промышленности. Со свойственными ему энергией, дерзновением и размахом он в короткий срок многого достиг на этом пути. Только что приведенная справка о блестящем развитии железнодорожного дела — один из показателей этих достижений. Но моральный багаж этого деятеля весил значительно менее делового, и это отражалось на его делах. Вызывая целым рядом крупных мер на арену обогащения всех, кто этим обольщался, граф С.Ю.Витте не придавал должного значения тому, какие руки потянулись за богатством. В итоге, наряду с солидными и серьезными промышленниками и финансистами, которые или расширяли существовавшие предприятия, или создавали новые, появился целый ряд рвачей разных рангов, которых здоровое развитие промышленности совершенно не интересовало. Они расхватывали концессии в целях спекуляции, создавали дутые акционерные и разные другие финансовые общества, добивались субсидий, не брезговали сомнительными биржевыми операциями и т. п. Шальные деньги, которыми они в избытке располагали, шли часто на кутежи, разврат и предательство, так как бывало, что к ним примазывались и завлекали их в свою паутину более крупные и более опытные международные пауки. Множились они в изобилии и в короткий срок успели забрызгать грязью истовый облик старого русского финансового и промышленного мира. Это был не только особый вид государственного паразитизма, но и один из ядов, которыми отравлена была Россия: на них кивала оппозиция, ими подтверждала свою пропаганду и нередко от них же путем шантажа получала на нее деньги. Элегантно одетые, с холеной наружностью, с подчеркнуто-учтивыми манерами, они, тем не менее, отталкивали зверски жадными, хищными огоньками, которые пробегали в их бездушных глазах и скрыть которые им при всем лукавстве не удавалось. Как и многое недоброе — Ленин с Марксом и Ко. в том числе, — этот отвратительный тип дельцов был, по-видимому, принесен западными ветрами. Западник до мозга костей, материалист и циник, граф С.Ю. Витте и с этим жадным стадом мирился, как с неизбежным, но неопасным спутником разных западных устройств. А вот сейчас, на всех морях, на берегах Рейна и в сугробах Финляндии как раз, может быть, и идет трагическая развязка узлов, завязанных главными мастерами этого цеха.

В качестве члена Государственной Думы и участника земских deputаций, я, кроме тех случаев, о которых сказано выше, еще три раза удостоился быть представленным Государю Императору. Об одном из этих представлений, оставившем

у меня особенно неизгладимые воспоминания, я хочу рассказать теперь, заканчивая главу о представительстве.

1 января 1914 г. минуло 50 лет со дня утверждения Положения о земских учреждениях. Вся земская Россия решила дружно отпраздновать этот знаменательный полувековой юбилей. После местных губернских торжественных заседаний, председатели губернских земских управ и другие представители губернских земств, специально избранные из состава рядовых гласных, съехались в начале 1914 г. в городе Петербурге, где их сердечно и тепло встречала и, по русскому обычаю, обильно и вкусно угощала в своих уютно устроенных помещениях Петербургская губернская земская управа во главе со своим председателем, Ильей Ивановичем Яковлевым. Государю Императору угодно было ознаменовать земский юбилей обнародованием особого Указа, в котором выразительно и ярко было сказано о крупном значении земства и его заслугах¹⁰⁸. К моему огорчению, у меня не сохранилось этого исторического документа, а передача его своими словами связана с риском искажения. Поэтому, ограничиваясь отмеченным, перейду к описанию Высочайшего приема всех земских представителей, устроенного в залах Петербургского дворянского собрания¹⁰⁹. Каждая губерния прислала 4-5 представителей, и я считаю, что всех нас собралось около двухсот человек. Нас расставили полукругом по губерниям в алфавитном порядке последних в большом колонном зале. Государь прибыл в сопровождении некоторых Великих Князей и Министра Двора графа Фредерикса, и был в форме Лейб-Гвардии гусарского полка. Медленно, почти неслышными шагами, обходил он всех собравшихся, останавливаясь около представителей каждой губернии, вслушиваясь в фамилии каждого из них и обращаясь к некоторым с вопросами. Сдержанная, но приветливая улыбка не покидала его лица, а его лучистые глаза пристально и как бы проникновенно всматривались в каждого. Трудно было бороться с волнением и смущением, ощущая на себе этот взгляд. Не в первый ли раз видел он в таком числе представителей земской России и не искал ли он среди них своим вдумчивым и чарующим взором тех, кого он всю жизнь искал так настойчиво, но часто неудачно: до конца правдивых, ничего не ищущих, никуда не стремящихся, никого не оговаривающих, не втиснутых в партийные рамки и преданных России и ему, как ее символу и помазаннику Божию, бескорыстно, беззаветно и беспредельно? Он обращался с вопросами, главным образом, к крестьянам, которых было довольно много среди нас. Как раз слева от меня стоял крестьянин, один из представителей Екатеринбургского земства. Хорошего роста, пожилой красивый брюнет, с сильно засеребрившимися волосами, стройный, с живыми и выразительными глазами, одетый в серовато-бежевую поддевку хорошего, домашней выделки, сукна, он резко, а, может быть, и выгодно выделялся среди наших мундиров и очкастых, бритых физиономий. Государь остановился около него и спросил, в каком полку он отбывал воинскую повинность. Оказалось, что Государю была знакома фамилия командира полка, и было известно, где этот полк стоял. И вот мне довелось быть близким свидетелем того, как Русский Император в течение 5-6

минут беседовал с крестьянином, гласным уездным Екатеринославского земства. Старик несколько мгновений сильно волновался, но затем, под влиянием близких ему тем и свойственной Государю обворожительной манере говорить и держаться, быстро овладел собой и стал отвечать не отрывочными и деловыми фразами, а естественно и просто, как обычно говорят с уважаемыми и почтенными знакомыми людьми. Ласковая улыбка, легкий, еле уловимый кивок головой, и Государь передвинулся к нашей казанской группе. Он задержался около нас недолго и, получив ответ на вопрос, обращенный к Ю.В. Трубникову, стал обходить следующие группы. Я оглянулся на своего екатеринославского соседа. Крупные слезы несчастными каплями падали из его глаз. В опущенной руке он держал платок, но эта рука не поднималась и только тихо вздрагивала. Я не выдержал, и по моим щекам также потекли теплые струйки, немые вестницы чистого счастья, которым переполнилось сердце. Отчего мы заплакали, откуда слетело это счастье? Да, вероятно, оттого, что в минуты близости к Государю мы ощутили себя не казанцами, не екатеринославцами, а неизмеримо больше: русскими, перед духовным взором которых в ослепительном блеске встала на мгновение вся любимая, великая, могучая и прекрасная страна.

Прием продолжался около двух часов, зал был сильно натоплен, и Государь так разогрелся, что меховая опушка у воротника его мундира стала совершенно влажной от капель пота, выступивших на шее и падавших с лица. В соседней комнате был приготовлен чай на случай, если бы Государь пожелал выпить чашку освежающего и бодрящего напитка. Быстро было отобрано несколько человек, что-то около 40-45, которым надлежало быть как бы хозяевами и угощать Высочайшего гостя. Я попал в их число. Тотчас по окончании приема И.И. Яковлев, Ф.В. Шлиппе и кто-то еще предложили Государю проследовать в приготовленную комнату, чтобы отдохнуть. А как только он вошел туда, спросили, не пожелает ли он выпить чашку чая.

«С удовольствием», — сказал Государь и, опустившись на предложенное кресло, вынул портсигар.

«Разрешите закурить?» — обратился он к И.И. Яковлеву и, угостив папиросами всех, близко его окруживших, с видимым наслаждением стал затягиваться дымом. А затем большими и несколько торопливыми глотками выпил поданный чай. Завязалась беседа без всякой натянутости, с задушевными нотами. Мои некрепкие нервы вновь не выдержали и, вместо того, чтобы прислушиваться к словам Государя, а, может быть, и принять участие в беседе, я вынужден был отойти в глубину большой комнаты. Прошло 10-12 минут. Государь встал и, с приветливой улыбкой пожав присутствующим руки, довольно быстрыми шагами направился через тот же приемный зал к выходу. Мы кинулись за ним, окружая его, чуть не отталкивая барона Фредерикса и Великих Князей. Спустившись по лестнице до первой площадки, Государь остановился, обвел взглядом всех нас и спросил:

«А где Илья Иванович? Мне хотелось бы еще раз с ним проститься».

Мы быстро переглянулись. О, ужас! Яковлева между нами не было. Бросились в зал, а бедный Илья Иванович из-за своей тучности и отдышки, оказывается, отстал от нас и был еще довольно далеко от лестницы. Но Государь терпеливо дождался его, сказал ему несколько приветливых слов, пожал руку и только после этого стал спускаться дальше, чтобы выйти и сесть в экипаж. С оглушительными возгласами «ура» мы проводили его и вернулись, чтобы еще выпить чая и обменяться свежими впечатлениями.

VI Заключение

В июне 1916 г., в разгар войны, мы с С.С. Толстым поехали в Петербург «подталкивать» наши земские ходатайства о «Заволжской» железной дороге. Пришлось, конечно, как всегда, посетить разных лиц из правящего класса, а также увидеть кое-кого из знакомых и, между прочим, некоторых членов Государственной Думы и Государственного Совета. Неприятно было в Петербурге. Вести о военных неудачах и всевозможные сплетни мы слушали, конечно, и дома, но здесь они имели какой-то особенный и, сказал бы, грязноватый оттенок. Нам казалось, кроме того, что зложелатели сильно преувеличивают, сильно сгущают краски. Все искали виноватых, многие оговаривали друг друга, но, несмотря на большие противоречия в определении причин и следствий, все без исключения считали себя правыми, все претендовали на обладание истиной и бесспорным знанием того, что надо делать. Выходило так, что виноватым во всех неудачах и недочетах был, в сущности, один Государь. Те, кто ему не все до конца договаривал или даже просто его обманывал, обвиняли его в излишней подозрительности; те, кого не удовлетворял существующий строй, и кто уже давно носился с мечтами о весьма смутных, неясно определяемых, но зато полных свободах, упрекали его в излишней мягкости, недостатке воли и решительности; те, кто считал себя единственно компетентным во всех больших и важных вопросах и заслуживающим исключительного и полного доверия, находили, что он плохо выбирает людей; те, кто далеко не всегда совершали чистые поступки и кому вообще чужда была порядочность, нашептывали на него и на Государыню разные гадости, на которые ни он, ни она просто не были способны по своим нравственным качествам. Укоряли Распутиным, забывая, что сами протащили его ко Двору, что часто сами наперебой стремились использовать его преувеличенное влияние, играя на его отвратительных свойствах, которые либо не были известны Государю и Государыне, либо отвергались ими, как ложные наговоры, и отвергались потому, что наговоров повсюду было немало и отсеять из них правду было почти неисполнимой задачей. Роптали на командование и одновременно разлагали армию, завлекая генералов в партийную политическую игру, в область, где почти никто из них ничего не понимал, и где им предстояло быть простыми и бессознательными исполнителями предначертаний партийных вожakov. Трудно было

разобраться в этой паутине сложных интриг, где правда мешалась с ложью, справедливые упреки с клеветой, личные происки с наговорами. В довершение всего С.С. Толстой принес откуда-то весть — откуда, он не сказал, — что возникает проект устроить дворцовый переворот и что, будто бы, в это дело вовлечены весьма значительные лица. Однако несмотря на все это, далеко не все мрачно смотрели на положение. Указывали, что в общем в армии недурное настроение; что необходимые меры к улучшению дела снабжения приняты и что на фронте в недалеком будущем можно ждать заметного поворота к лучшему. Все дело лишь в том, чтобы удержать от разложения тыл и дружной работой внушить уверенность армии, что она не покинута. Хотелось верить таким ободряющим утверждениям и хотелось, поскорее покончив дела, покинуть Петербург и вернуться домой: там все-таки было гораздо лучше.

Как-то утром я пришел в номер к С.С. Толстому, чтобы вместе за кофе обсудить, как распределить дневную работу. Стук в дверь и на предложение войти появился Александр Николаевич Наумов, бывший Самарский губернский предводитель дворянства, недавно назначенный Министром земледелия. Его посещение было совершенно неожиданным, и нам с С<ергеем> С<ергеевичем> пришлось быстро овладеть собой, чтобы не обнаружить слишком явного удивления. С<ергей> С<ергеевич> знал А.Н. Наумова хорошо: оба были губернскими предводителями в смежных губерниях. Я встречал его реже, но впечатления от встреч были выгодные: он был очень представительен, держал себя по-барски, но без снобизма, выказывал большой интерес к земским делам и обладал очень живым умом. В Самаре он был популярен, об его гостеприимном доме и хлебосольстве много говорили. Поэтому увидеть его было мне приятно, а в то же время и любопытно, так как в такие тревожные дни министр не стал бы делать утренние визиты знакомым, чтобы просто «поболтать». Он не заставил себя ждать и, обращаясь к С<ергею> С<ергеевичу> в добродушно-полушутливом тоне, столь обычном в наших земских кругах, заявил, что пришел с целью «похитить» меня у Казанского земства и привлечь к работе в Министерстве земледелия по заготовкам продуктов для армии. В то время ближайшими сотрудниками его в этом деле были: по заготовкам хлеба, соли, сахара и яиц — товарищ министра Г.В. Глинка; по заготовке мяса, сена, жиров, овощей, фруктов и вина — член Совета министра земледелия С.Н. Ленин¹⁰. А.Н. Наумов пояснил, что работа С.Н. Ленина его не удовлетворяет, что он категорически решил освободить его от этих обязанностей и пришел просить меня помочь ему, взяв на себя руководство отделом заготовок. Я был совершенно ошеломлен. Ни разу, никому и ни одним хотя бы самым тонким намеком я не высказал желания переключиться из своего земского кабинета в какой бы то ни было кабинет петербургского бюрократа. Я недолго любил и побаивался Петербурга, и если, как выше я отметил, у меня начали по временам бродить мысли о перемене службы, то никаких определенных планов и расчетов не было. Только раз как-то я размышлял получить место управляющего Государственными имуществами в какой-нибудь отдаленной скромной

губернии, но дальше этой мимолетней мечты дело не пошло. Один раз дошел до меня слух, что Н.И. Гучков на случай ухода С.Н. Гербеля прочит меня на его место и даже говорил об этом с Министром внутренних дел¹¹¹. Видный пост начальника управления по делам местного хозяйства, который занимал С.Н. Гербель, был значительно выше должности управляющего Государственными имуществами и с точки зрения карьеры был, конечно, соблазнительнее. Однако я только усмехнулся по поводу этого слуха. Лишь совершенно безвыходное положение могло заставить меня согласиться занять какой-либо пост по Министерству внутренних дел: ни склонности, ни, по-моему, способностей к административной деятельности у меня не было. Я всегда был хозяйственником и лишь постольку администратором, поскольку требовала этого роль хозяйственника. О месте управляющего Государственными имуществами я и мечтал потому, что там было хозяйство, да еще лесное, которое я так любил. Естественно, что я затруднился сразу ответить что-либо А.Н. Наумову, тем более, что, кроме болезненного для меня вопроса об уходе с земской службы, возникал целый ряд других, связанных с устройством в Петербурге. Я бросал умоляющие взгляды на С<ергея> С<ергеевича>: «Выручайте!» Но он тоже растерялся и скромно опускал глаза, как бы предоставляя мне выкручиваться одному. А.Н. Наумов увидал, что нахрапом кончить дело нельзя и, пригласив меня позавтракать с ним в Европейской гостинице, удалился. Оставшееся до завтрака время ушло у нас с С<ергеем> С<ергеевичем> на подробное обсуждение неожиданно свалившегося вопроса. Вот примерно то, что я от него услышал. С моральной точки зрения нельзя во время тяжелой войны отказываться от дела, к которому призывают, если, конечно, не чувствуешь своей полной непригодности к этому делу. С точки зрения неожиданного ухода с Земской службы плохо, по его мнению, то, что сейчас трудно меня заменить. Наконец, с точки зрения моего личного устройства, С<ергей> С<ергеевич> пришел к выводу, что упускать выпавший случай было бы неблагоприятно: у меня большая семья, трое детей уже учатся в Петербурге, двое — на очереди. Этого нельзя забывать. А если, не дай Бог, случится революция, в результате растущего недовольства и военных неудач, то все пойдет вверх дном, и в Казани будет не лучше, чем в Петербурге. С.С. явно склонялся к тому, чтобы предложение А.Н. Наумова было принято. За завтраком в Европейской гостинице выяснилось следующее. Александр Николаевич сказал, что я буду назначен членом совета Министра земледелия с правами товарища министра. Это обеспечит мне самостоятельность действий и возможность нести ответственность. Заведование отделом заготовок в качестве главноуполномоченного будет на меня возложено по Высочайшему повелению. Содержание я буду получать только по должности члена Совета, но могут быть и единовременные награды за труды по заготовкам. Он соглашался, чтобы я дал ответ через несколько дней, но очень просил поторопиться.

Вечером я поехал к нашему губернскому гласному А.А. Шульцу. Этот почтенный, всеми уважаемый, старый и опытный чиновник Министерства земледелия, уже давно занимавший должность члена Совета и исполнявший обязанности

товарища министра, мог дать хороший совет, тем более, что я пользовался его симпатиями и неизменной поддержкой в земском собрании. «Конечно, соглашайтесь, — сказал мне А.А. — Будем товарищами по службе. Война, Бог даст, пройдет, Вы останетесь только членом Совета, т. е. будете иметь прочное и спокойное место. Если обратите на себя внимание Вашей работой, поднимитесь выше, если нет, никто Вас не тронет. Учтите важный для Вас вопрос о пенсии. Земство в лучшем случае даст Вам гроши, да и то их будут ежегодно баллотировать. Здесь Вам зачтут всю прежнюю Вашу службу, и пенсия будет прочной и нормальной. А.Н. Наумов энергично взялся за дело и полон добрых намерений, но он не петербургский человек, новичок в придворных кругах, чужак в высших чиновничьих кругах. А вместе с тем он очень нервен и часто неосторожно обнаруживает свое волнение. Все это — плохие показатели, и я боюсь, что долго он не удержится. Впрочем, для Вас я не вижу в этом опасности: Ваше основное место — член Совета — не боевое; министры будут меняться, но Вас это не коснется».

На другой день я рассчитывал закончить все дела и выехать в Казань. Решил ехать на Рыбинск, чтобы подольше пробыть на Волге, и вызвал туда жену: хотелось посоветоваться с ней неторопливо, в спокойной и приятной обстановке, любясь волжскими берегами. Мы встретились, подробно обо всем переговорили и пришли к выводу, что надо соглашаться на предложение А.Н. Наумова. Решили, что пока я поеду в Петербург один, а там будет видно: если благополучно окончится война и никаких потрясений не произойдет, жена с детьми сейчас же переберется. Никогда не забуду дня, в который был решен этот вопрос: я чувствовал себя совершенно несчастным, впервые ощутив, как трудно оторваться от дорогой мне земской работы. Грустно было расставаться с Сергеевкой и с Волгой, которую все волгари любили, да, наверное, и сейчас любят сердечно, как живое существо! «Волга Матушка». Жалко было оставлять семью, друзей, лишаться привычных поездок по губернии и бесед с крестьянами, что всегда давало так много ценного материала, так питало работу. Петербург представлялся жутким, мрачным, чужим, где все будут смотреть на меня искоса, кто с завистью, кто с подозрением, кто с ледяным холодом, кто с деланной, неискренней почтительностью. Но, так или иначе, решение было принято, а у меня всегда была привычка немедленно выполнять решения, а не перерешать и не передумывать. Поэтому не то из Костромы, не то из Нижнего я отправил А.Н. Наумову телеграмму о согласии. Сразу стало легче; отрезано, не так болит.

Припоминаю, с каким волнением входил я в управу и сообщал ближайшим сотрудникам неожиданную для них новость. К вечеру она уже облетела весь город, и многие по телефону поздравляли меня и настойчиво расспрашивали о подробностях. По-разному отнеслась Казань к этому событию в моей жизни. Служащие почему-то заметно подтянулись и стали обращаться ко мне с повышенной почтительностью; сотоварищи по управе сердечно поздравляли, но видно было, что они несколько растеряны и встревожены: они привыкли на меня опираться. Несомненно, искренние поздравления услышал я от П.М. Боярского, Чернявского,

отца и сына Баженовых, от членов губернского присутствия и от представителей военного ведомства. В земских кругах впечатления были различны. Оппозиция и ликовала, и досадовала: я ушел от нее, а не «она ушла меня». Эта досада усиливала шепоты о том, что наконец-то я обнаружил себя и свои давнишние карьеристические стремления. Значит, правы были те, кто всегда мне не доверял, значит, что службу в земстве я хитро использовал, как ступень на карьеристической лестнице. Радикалы из шахматного и других клубов удовлетворенно потирали руки, предполагая, что теперь им будет гораздо легче установить протекторат над губернским земством. В чрезвычайном земском собрании, на котором я огласил свой отказ, все прошло гладко и чинно: я услышал немало искренних и теплых слов, меня благодарили за всю прошлую деятельность, перечисляли заслуги и высказывали пожелания успеха на новом посту. Губернская управа и правление кассы мелкого кредита благословили меня складнем с иконами Божией Матери, Ангела Хранителя и Николая Чудотворца; служащие преподнесли хороший бювар и адрес. Все это было утешительно, но все же не избавляло от тяжелого сознания, что я лишаюсь привычной, любимой ежедневной работы. Я постарался уехать из Казани как можно тише и как можно скорее. Гласным губернского земского собрания я, конечно, остался, и, таким образом, моя земская деятельность не оборвалась¹¹². Но что такое участие в земских собраниях сравнительно с работой председателя управы? А мне-то и побывать на них удалось лишь мельком, на 3-4 дня, так как на больший срок нельзя было вырваться из Петербурга. Я вырвался из него окончательно в апреле 1917 г., а летом этого года участвовал в последнем губернском земском собрании. Не помню, какие именно вопросы были поставлены на повестку. Открывал земское собрание А.Н. Плотников, избранный после моего ухода заступающим место председателя управы и по известной телеграмме князя Г.Е.Львова автоматически сделавшийся начальником губернии вместо уволенного губернатора¹¹³. Мы были предупреждены, что на заседание явятся делегаты местного «совдепа», чтобы «пополнить состав земского собрания демократическими элементами». Они не заставили себя ждать и, ввалившись в зал через несколько минут после отъезда А.Н. Плотникова, развязно, одной кучей, уселись за стол земского собрания. В моем мозгу запечатлелись лишь обрывки того, что произошло после этого позорища. Помню, как тряслись руки и дрожал голос у С.С. Толстого. Помню, как некоторые гласные, а в том числе и я, горячо протестовали против «беззаконного вмешательства посторонних в занятия земского собрания» и предлагали послать жалобу Временному Правительству; помню, как злобно, с перекошенными ненавистью физиономиями, смотрело на нас все это грязное, косматое и вонючее стадо; помню и краткую речь одного из них...» Товарищи, — заорал он полупьяным, сильным голосом, — мы пришли сюда не болтать. Это помещики да буржуи занимались здесь болтовней 50 лет, а нам некогда! Предлагаю ассигновать 500 тысяч из страхового капитала на революционную пропаганду».

«Правильно, согласны», — неистово замычало стадо.

Как будто именно после этого дебюта одной из первых ласточек «бескровной» С.С. Толстой заявил, что не находит возможным продолжать заседания земского собрания и по уполномочию начальника губернии объявляет его закрытым. Стадо с некоторым недоумением вытаращило глаза, а мы дружно встали и через столовую, чтобы не смешиваться с «товарищами», направились к выходу. «Вот судьба, — подумалось мне, когда я спускался с широкой выходной лестницы нашего Дворянского дома. — Мой дед 53 года тому назад поднимался сюда на торжество рождения русского земства, я спускаюсь сегодня после его похорон». Это были действительно похороны: Временное Правительство князя Г.Е. Львова взмахом пера отменило существовавший закон о земских выборах, призвав к участию в земских собраниях «всех, всех, всех»¹¹⁴. Иными словами, в условиях того времени Временное Правительство отдавало местную жизнь не заботам земщины, а на растерзание отребьев населения и политических проходимцев. Если не ошибаюсь, нигде в Европейской России земские собрания по новым правилам либо не успели сформироваться, либо не приступили к работе: Ленин предпочел организовать дело иначе. Он снизу доверху покрыл всю «Россию» Советами, которые на бумаге должны были изображать органы самоуправления, но были построены так, что на деле никто не самоуправлялся, а просто становился рабом диктатора. В Сибири слетевшиеся со всех концов «эсеры» устроили земство по рецепту князя Г.Е. Львова. Органы этого земства, хронически выхлопатывая у правительства адмирала Колчака многомиллионные ссуды и субсидии, повели на эти средства бешеную агитацию против него. И небезуспешно.

Заканчивая этим свой рассказ, хотел бы в качестве заключительного слова сказать о значении партийной борьбы, в которой всегда протекает работа каждого общественного деятеля. Приемы и средства борьбы бывают не одинаковыми, так как наряду с самыми добрыми побуждениями и намерениями люди по своему несовершенству неизбежно проявляют и дурные. Однако это не опорочивает самой идеи борьбы, которая безостановочно происходит везде, где есть деловое общение. Борьба необходима не только потому, что «от столкновения разных мнений рождается истина», но и потому, что она оживляет деятелей, питает их энергию и находчивость, побуждает тщательно проверять свои предположения, способствует сознанию ответственности, обдуманности и осторожности решений и действий, приучает считаться с чужими мнениями и находить в них ценные поправки к своим. Без борьбы вообще не могло бы быть общественной жизни, а было бы стоячее, гниющее болото, одинаково заражающее и мертвящее своим зловонием всех, кто приближается к нему. Поэтому и та борьба, о разных проявлениях которой упоминается то там, то здесь в моем рассказе, не мешала, а помогала моей работе, не затемняла, а освещала мой путь. И если вспоминая прошлое, я вновь переживаю радость общения с друзьями, которые ценили меня и доверяли мне, то я не нахожу никаких враждебных ощущений по отношению к тем, кто часто сомневался в правильности моих мнений и с недоверием оценивал мои стремления. Мнения от этого только выправлялись, а стремления очищались.

ПРИМЕЧАНИЯ

При составлении примечаний были использованы: *Абрамов В.* Земские гласные Царевкокшайского уезда // *Марий Эл.* 1993. № 2-3; *Айнутдинова Л.М.* Либеральное движение в Казанской губернии (1900 — 1917 гг.). Казань, 2003; *Акишков А.Г.* Земские врачи Марийского края. Йошкар-Ола, 2006; *Брод А.* К пятидесятилетию земских учреждений. 1864-1914. Казань, 1914; *Бушмакин М. В.В.* Перцов <Некролог> // *Казанский музейный вестник.* 1921. № 3-6; *Вопросы истории.* 2005. №. 10; *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания, 1849 — 1911 гг. М., 1991; *Высшие и центральные государственные учреждения России 1801 — 1917 гг.: в 4-х т. Т. 2.* СПб., 2001; *ГАРМЭ.* Ф. 18. Оп. 1. Д. 485.; Ф. 49. Оп. 1. ДД. 1174, 1176. 1201; *Достойны памяти потомков (Городские головы Казани 1767—1917 гг.). Сборник документов и материалов.* Казань, 2002; *Журналы очередных земских собраний Козьмодемьянского уезда за 1900—1902, 1907, 1910, 1913 и чрезвычайных, состоявшихся 4 марта 1902, 12 февраля 1903, 17 ноября 1907 года, 19 февраля, 10 мая и 7 августа 1910, 23 января, 30 мая и 25 июля 1913 года.* Козьмодемьянск, 1901—1914; *Звениговский район: Сборник документальных очерков.* Йошкар-Ола, 2004; *Земская неделя.* 1916. № 42 (16 октября); 1917. 9 апреля. № 14; *Казанская газета.* 1907. № 10, № 47; *Казанские губернские ведомости.* 1904. № 89. 19 августа); *Казанский телеграф.* 1905. 20 января, 10 февраля, 6 июля, 8 ноября, 17 ноября, 14 15, 21 декабря 1905; *Казанский университет (1804 — 2004): Библиографический словарь.* 1804—1904. Казань, 2002; *Казанское дворянство 1785 — 1917 гг. Генеалогический словарь.* Казань, 2001; *Книга Памяти жертв политических репрессий. Том 2. «Б».* Казань, 2003; *Либеральное движение в России.* 1902 — 1905 гг. М., 2001; *Марийская биографическая энциклопедия.* Йошкар-Ола, 2007; *Народное образование в Казанской губернии. Попечители и учащие сельских школ.* Казань, 1907; *НАРТ.* Ф. 160. Оп. 1. Д. 884; Ф. 2. Оп. 5. Д. 434. Л. 3-4; *Обзор главнейших результатов деятельности Козьмодемьянских земских учреждений с 1865 года по настоящее время.* Козьмодемьянск, 1900; *Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. М.: Большая Российская энциклопедия,* 1994; *Отчеты Козьмодемьянской уездной земской управы о деятельности ее по управлению делами, подлежащими ведению земства, о состоянии уездного земского хозяйства и об исполнении сметы доходов и расходов за 1900—1905 гг.* Козьмодемьянск, 1901—1906; *Отчет о деятельности Казанской соединенной железнодорожной комиссии за 1911—1912 гг.* Казань, 1912; *Протоколы общего собрания земских гласных Казанской губернии 12—15 декабря 1905 года.* Казань, 1906; *Татарская энциклопедия: в 5 т. Т. 2.* Казань, 2005; *Тихонов П.Т.* История опытных работ в опытном лесхозе // *Вестник опытного лесхоза.* Вып. 1. Чебоксары. 1999; *Удачин А.И.* Русский лесничий Б.И. Гузовский и его культуры в Среднем Поволжье. Чебоксары, 1965; *Усманова Д.М.* Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России, 1906—1917. Казань, 2002; *Энциклопедия земли Вятской. Том 6.* Киров, 1996; *Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат.* Т. 17. М., б.г.

¹ Мельникова (в замуж. Шлиппе) Ксения Николаевна (Ася), дочь Н.А. Мельникова; Шлиппе Борис Федорович (Боря), ее муж.

² 1 десятина — 1,09 га — 10 900 м². (Прим. Н.А.Мельникова).

³ Меша — приток Камы, впадает в последнюю ниже г. Лаишева. Красивая, извилистая река, описанная С.Аксаковым («Детские годы Багрова внука»).(Прим. Н.А.Мельникова).

⁴ Мельников Михаил Иванович (1807—1885), математик, земский деятель. Окончил физико-математическое отделение Казанского университета (1826 г.). С 1829 г. преподавал в этом же университете алгебру, аналитическую и начертательную геометрию, теорию высших уравнений, теорию чисел. Защитив магистерскую диссертацию, был избран адъюнктом чистой математики (1841 г.). В 1854 г. оставил службу в университете. С учреждением земств в Казанской губернии, активно занимался земской деятельностью. Избирался председателем уездной земской управы Лаишевского уезда. В своем имении за свой счет открыл ремесленное училище для крестьян.

⁵ Юшков Константин Александрович (11.09.1831, г. Пенза — 26.04.1905, г. Казань). В 1854 г. окончил разряд камеральных наук Казанского университета. Служил два года в Главном военном аудиториате. Подал в отставку и уехал в родовое имение в Малмыжском уезде Вятской губернии. Открыл винный и стекольный заводы, бумажно-соломенную фабрику по изготовлению картона, хвойно-масляный и цементный заводы. Владел пристанью на р. Вятка. Был первым председателем Малмыжского уездного земского собрания. Избирался почетным мировым судьей. В начале 1870-х гг. обосновался в Казани, где имел недвижимость. Входил в состав комитетов: лесоохранительного, губернского экономического, губернского комитета попечительства о народной трезвости и других. Не раз избирался гласным Казанского губернского земского собрания, Казанской городской думы. В 1899 г. баллотировался на должность городского головы Казани. Был членом губернского присутствия по земским и городским делам, по промысловому налогу.

⁶ Сазонов Николай Дмитриевич (1858—?). Образование среднее. Спасский уездный предводитель дворянства (1897—1898, 1908—1913). Казанский губернский предводитель дворянства (1899—1904). Гофмейстер Императорского Двора.

⁷ Геркен Петр Иванович (10.08.1868—?). Окончил Николаевское кавалерийское училище; корнет запаса; почетный мировой судья по Свияжскому уезду (1896); председатель Свияжской уездной земской управы; гласный Казанского

губернского земского собрания; председатель Казанской губернской земской управы (1904—1908). Участвовал в общеземских съездах в ноябре 1904 г. (г. Санкт-Петербург), в апреле 1905 г. (г. Москва), Общероссийском съезде земско-городских деятелей в июле 1905 г. (Москва).

⁸ Дьяченко Сергей Викторович (1846—1907). Окончил юридический факультет Харьковского университета (1868). Служил в Харьковской судебной палате (1868—1869), Петербургском окружном суде (1869—1870); секретарь Казанской судебной палаты (1870—1873), член, затем товарищ председателя Казанского окружного суда (1873—1888), член Казанской судебной палаты (1899—1903), председатель Казанского окружного суда (1903—1907). Гласный Казанского уездного и губернского земского собрания (1877—1892, 1898). С 1888 г. гласный Казанской городской думы. Казанский городской голова (1888—1899). Активно содействовал благоустройству Казани: проведены телефон и электричество, учреждена художественная школа, училище для слепых, открыты городской музей (1895), Дом трудолюбия (1896) и т. п. Был членом и председателем различных попечительных комитетов и советов.

⁹ Васильев Александр Васильевич (1853—1929), математик. Окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (1874). Преподавал в Казанском университете; доктор чистой математики (1884), ординарный (1885), заслуженный ординарный профессор (1899) Казанского университета. Активно занимался земской деятельностью; гласный Свияжского уездного и Казанского губернского земских собраний, депутат I Государственной думы (1906); кадет. В 1907 избран в Государственный совет. С этого же года преподавал в Санкт-Петербургском университете. С 1923 профессор Московского университета.

¹⁰ Филипсон Николай Николаевич (1854—?). Предводитель дворянства Свияжского уезда (1887—1904). Был гласным Казанского губернского земского собрания.

¹¹ Аристов Иван Николаевич (1846—?). Окончил разряд математических наук физико-математического факультета Казанского университета (1868). Был гласным Спасского уездного и Казанского губернского земских собраний,

председателем Спасской уездной земской управы, членом и председателем (1886—1887) Казанской губернской земской управы.

¹² Якоби Аркадий Николаевич (1827—1907), ученый-гигиенист, этнограф. Окончил физико-математический факультет Казанского университета (1847). Поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию (1857), продолжил образование в Вюрцбургском университете. Вернувшись в академию, получил степень доктора медицины (1863). С 1864 преподавал в Казанском университете (1864—1872), ординарный профессор (1866). Организовал в Казанском университете кафедру социальной гигиены. Профессор Харьковского университета (1872—1885). Затем вновь профессор Казанского университета. Заслуженный ординарный профессор (1890). Изучал народы российского Севера и степей Северного Кавказа. Избирался гласным Казанского уездного и губернского земских собраний.

¹³ Останков Петр Матвеевич (1843—1911). Окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета (1865). Гласный Лаишевского уездного и Казанского губернского земского собраний, председатель Лаишевской уездной (1874—1876, 1881—1887) и Казанской губернской земских управ (1888—1900).

¹⁴ Демидов Порфирий Александрович (1851—?), юрист. Окончил юридический факультет Казанского университета (1873). Служил в различных учреждениях ведомства Министерства юстиции. Предводитель дворянства Спасского уезда, гласный Спасского уездного и Казанского губернского земских собраний.

¹⁵ Лебедев Александр Александрович (1843—1910). Окончил Казанский университет (1863). Городской голова Казани (1883—1888, 1899—1903). Не раз избирался Казанским уездным земским собранием участковым и почетным мировым судьей.

¹⁶ Арцыбашев Д<митрий> П<етрович> был близким родственником всех Казанских Арцыбашевых, но почему-то настойчиво называл себя Арцыбашевым. (Прим. Н.А.Мельникова). Берстель Константин Петрович (1864—?). Окончил Казанское (?) юнкерское училище. Состоял на военной службе. В 1889 по решению Главного военного суда заключен в тюрьму,

разжалован в рядовые. Вышел в отставку. Был земским начальником Мамадышского уезда. Член Казанской губернской земской управы. Боратынский Александр Николаевич (1867—1918). Окончил Училище правоведения в Санкт-Петербурге (1889). Служил в различных судебных учреждениях Казанской и Симбирской губерний. Предводитель дворянства Казанского и Царевококшайского уездов (1899—1917); гласный Казанского губернского земского собрания; член «Казанской партии Манифеста 17 октября». Депутат III Государственной думы; состоял во фракции октябристов. В 1918 арестован ВЧК по обвинению в антисоветской деятельности и расстрелян. Реабилитирован в 1991.

А<лександр> Н<иколаевич> писал свою фамилию Боратынский, а не Баратынский. Припоминаю его слова, что по новейшим и чуть-ли не по его личным исследованиям это было правильнее. (прим. Н.А.Мельникова)

¹⁷ Марковников Владимир Владимирович (1866—1917). Окончил физико-математический факультет Московского университета (1891). С 1891 земский начальник в Чистопольском уезде; гласный Казанского губернского земского собрания от Чистопольского уезда; председатель Казанской губернской земской управы с 1900. Член «Казанской партии Манифеста 17 октября». Депутат IV Государственной думы (1912—1917). Его отец Владимир Васильевич Марковников (1838—1904), химик-органик. Окончил Казанский университет. С 1860 в Казанском университете: вначале лаборант химической лаборатории, в 1869 защитил докторскую диссертацию, с 1870 ординарный профессор. Заведовал химической лабораторией университета; профессор и заведующий лабораторией Новороссийского университета (1871—1873). Затем работал в Московском университете.

Трубников Юрий (Георгий) Владимирович (25.11.1857—?). Спасский уездный предводитель дворянства. Член Государственного Совета с 1906 г. от дворянства г. Казани. Окончил Александровский лицей. Бывший земский начальник. Член ЦК «Союза 17 октября». Эннатский Леонид Васильевич (1864—?). Образование домашнее. Гласный Царевококшайского (1892—1903), Чебоксарского уездных и Казанского губернского земских собраний;

предводитель дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов (1900—1917).

¹⁸ Их изготавливали в д. Кукмор Мамадышского уезда Казанской губернии.

¹⁹ Мельников Николай Михайлович (1840—1900), зоолог. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета (1861). С 1865 преподавал в этом же университете. Защитил докторскую диссертацию (1869). С 1873 ординарный профессор кафедры зоологии. Один из организаторов кафедры физиологии на физико-математическом факультете и кабинета при ней. Заведовал зоологическим музеем университета. В то же время с 1882 возглавлял кафедру зоологии в Казанском ветеринарном институте. Автор более 20 работ. Был женат на Александре Александровне Евсевьевой (1855—?). Ее сестра Ольга Александровна (1845—?) вышла замуж за Петра Ивановича Берстель (1834—?).

²⁰ Боратынская Надежда Дмитриевна, скончалась в расцвете лет от скарлатины, заразившись ею при уходе за сыном, болевшим этой болезнью. (Прим. Н.А.Мельникова).

²¹ По данным на 1895 г. мать Л.В. Эннатского София Федоровна Добронравова владела в Царевкокшайском уезде лесной дачей в размере 876 десятин, находившейся близ с. Кокшайска. По доверенности матери Леонид Васильевич избирался гласным Царевкокшайского уездного земского собрания. Здесь находилось имение матери сельцо Добронравово (хутор Приволье). Чуваши переселились сюда в 1904 г. из Цивильского уезда.

²² Догель Михаил Иванович (1865—1936), юрист. Окончил физико-математический факультет Казанского университета (1888). В 1890 в этом же университете выдержал испытание в юридической испытательной комиссии. Преподавал в Харьковском университете (1895—1896), с 1896 — в Казанском университете. Доктор международного права (1900). С 1903 ординарный профессор кафедры международного права. Гласный Казанского губернского земского собрания. В 1911 переехал в Петербург, член совета Главного управления по делам печати. Одновременно ординарный профессор кафедры полицейского права Юрьевского университета

(1914—1917). После Октябрьской революции 1917 эмигрировал. Жил в Париже, преподавал в Парижском университете.

²³ У Н.Д.Сазонова, Губ<ернского> предводителя дворянства и председателя земского собрания был большой, горбатый нос. (Прим. Н.А.Мельникова).

²⁴ Лев Алек<сандрович> Казем-бек человек очень небольшого роста. (Прим. Н.А.Мельникова).

²⁵ Намек на кн<язя> П.Л.Ухтомского. (Прим. Н.А.Мельникова)

²⁶ Колбецкий Владимир Дмитриевич (1850—?). Предводитель дворянства Спасского уезда (1884—1886, 1899—1900). Избирался гласным Спасского уездного и Казанского губернского земских собраний.

²⁷ Ухтомский Павел Леонидович (1861—1916), князь. Выпускник Санкт-Петербургского университета. Свияжский уездный предводитель дворянства (1905—1914); гласный Казанского губернского земского собрания от Свияжского уезда.

²⁸ Бекетов Сергей Андреевич (1863—?). Окончил юридический факультет Казанского университета. Гласный Казанского уездного и губернского земских собраний; председатель Казанской уездной земской управы (1895—1899); член Казанской губернской земской управы одно трехлетие с 1901; гласный Казанской городской думы; Казанский городской голова (1909—1913).

²⁹ Демерт Николай Александрович (1870—?). Окончил Казанский ветеринарный институт. Земский начальник в Чистопольском уезде; гласный Казанского губернского земского собрания.

³⁰ Захарьевский Алексей Иванович (1855—1921), врач-гинеколог. Из духовенства. Окончил медицинский факультет Казанского университета (1882). Служил уездным, земским врачом в Цивильском уезде. С 1889 работал в Казанском университете. Защитил диссертацию на степень доктора медицины (1892); профессор (1918). Гласный Казанского губернского земского собрания.

³¹ К.-Д. — конституционно-демократическая партия, впоследствии назвавшаяся партией Народной свободы. Главный лидер П.Н.Милюков. (Прим. Н.А.Мельникова).

³² Толстой-Милославский Сергей Сергеевич (25.09.1849, Ахтырка Харьковского уезда — 20.01.1925, Дубровник, Югославия), действительный статский советник (1905), камергер (1903), церемониймейстер. Лаишевский предводитель дворянства (с 1894), Казанский губ. предводитель дворянства (1904—1917), орден: Св. Станислава 2-й ст. (1895), Св. Анны 2-й ст. (1897), Св. Владимира 3-й ст. (1908), Св. Станислава и Св. Анны 1-й ст.; Жена: с 8 января 1854 г. Любовь Алексеевна Степанова (8 октября 1854 — 29 июля 1919, Омск), дочь Алексея Дмитриевича Степанова и Софьи Алексеевны Константиновой, в 1-м браке бывшая за князем Павлом Николаевичем Чегодаевым-Законским.

³³ Образцов Валериан Иллариевич (1834—?), врач. Окончил медицинский факультет Казанского университета (1856). С 1861 оператор врачебной управы (помощник медицинского инспектора) в Перми, потом в Симбирске. В середине 1860-х вернулся в Казанскую губернию. Гласный Козьмодемьянского и Казанского губернских земских собраний с 1865; председатель Казанской губернской земской управы (1866—1870); председатель Козьмодемьянской уездной земской управы (1870—1901); неперемный член губернского по земским и городским делам присутствия (1901—1910).

В.И. Образцов оставил должность председателя управы в январе 1901 г. и до сентября эту должность временно исполнял член управы, И.А. Буторов. В сентябре 1901 г. на XXXVII очередном собрании к избранию на должность председателя была единогласно выдвинута кандидатура В.В. Образцова, сына Валериана Иллариевича. Так как он отказался от избрания, то собрание предложило баллотироваться на эту должность Н.А. Мельникову, на что он согласился. Собрание единогласно избрало его председателем управы на очередное трехлетие.

³⁴ Гузовский Бронислав Ильич (1860—1914). Окончил Петровскую земледельческую и лесную академию (1885). Служил помощником лесничего в Костромской губернии, работал в Ильинском лесничестве Козьмодемьянского уезда Казанской губернии; старший лесной ревизор Казанской губернии (1913—1914). Разработал метод восстановления нагорных дубрав

среднего Поволжья. Автор 11 опубликованных трудов, в том числе книги «Хозяйство в нагорных дубравах Ильинского лесничества Казанской губернии» (Козьмодемьянск, 1909). Представитель ведомства государственных имуществ в Козьмодемьянском уездном земском собрании (1889—1892, с 1908). В 1901—1904 гг. представителем ведомства государственных имуществ в Козьмодемьянском уездном земском собрании был старший лесной ревизор А.Х. Буш, назначенный в собрание с 1895 г.

Ковалевский Николай Викентьевич (1853—1927), врач. Окончил медицинский факультет Казанского университета (1876). Мамадышский уездный врач Казанской губернии (1880—1883). С 1883 земский врач Козьмодемьянского уезда. В марте 1887 находился в командировке в Одессе, где осваивал практику и методы бактериологических исследований под руководством профессора И.И. Мечникова. В апреле 1887 в Козьмодемьянске при земской больнице была организована небольшая бактериологическая лаборатория, заведующим которой он был назначен. Смотритель клиник Казанского университета (1900—1901), затем земским врачом Елабужского уезда Вятской губернии. С 1 октября 1901 по 1917 вновь на земской службе в Козьмодемьянском уезде.

³⁵ Зиновьев Иван Климович (1830?—?). Крестьянин. Окончил уездное училище. Проживал в с. Большой Сундырь (Шешкар Сундырь) Татаркасинской волости Козьмодемьянского уезда. Владел недвижимостью в Козьмодемьянском уезде на сумму 3000 рублей; арендовал мельницу. С 1877 г. гласный Козьмодемьянского уездного земского собрания; член Козьмодемьянской уездной земской управы (1889—1907). Избирался заступающим место председателя Козьмодемьянской уездной земской управы.

Смирнов Иван Анисимович (1854—1910). Крестьянин. Образование домашнее. Проживал в пос. Харакасы Акрамовской волости Козьмодемьянского уезда. Владел домом стоимостью в 1000 рублей. Арендовал мельницу. Гласный Козьмодемьянского уездного земского собрания с 1886 г., Казанского губернского земского собрания (1886—1889); член Козьмодемьянской уездной земской управы с 30 марта 1901 г.

Шумилов Иван Христофорович (1863—1913). Секретарь Козьмодемьянской уездной земской управы с 1 августа 1894 г.; агент добровольного земского страхования, казначей ссудосберегательной кассы.

³⁶ Согласно отчетам Козьмодемьянской уездной земской управы Мельников совершил поездку в Москву и Московскую губернию в ноябре 1902 г. В Московской губернии он пробыл с 16 по 28 ноября, в Москве же пробыл 4 дня. Мельников посетил Клинский, Дмитровский и Звенигородский уезды, побывал в земских управах. Осмотрел кустарную мастерскую на станции Голицино Московско-Брестской железной дороги, кустарный музей в Москве, ознакомился с деятельностью Вяземского потребительского товарищества, посетил некоторые плодовые питомники, познакомился с некоторыми торговцами семян.

³⁷ «Русские ведомости», московская газета либерального направления. Выходила с 1863 по 1918 гг.

³⁸ К 1 июля 1901 г. в Козьмодемьянском уезде насчитывалось 43 земских училища вместе с городским женским начальным училищем, 46 церковно-приходских школ и 21 школа грамоты. К 1 января 1901 г. в земских училищах училось 2292 учеников (1587 мальчиков и 705 девочек); в церковно-приходских школах и школах грамоты — 2500 учеников (1955 мальчиков и 545 девочек). Из 43 земских училищ в собственных зданиях располагались 18 училищ, остальные в наемных помещениях. В земских училищах числилось 87 преподавателей: законоучителей — 34, учителей — 13, учительниц — 32, помощников — 4, помощниц — 4. Из 53 педагогов (исключая законоучителей) специальное педагогическое образование имели 17 человек (6 мужчин и 11 женщин), среднее образование — 17 женщин, низшее и домашнее — 19 человек (11 мужчин и 8 женщин). В 1901 г. учителя в год получали: 2 — 180 рублей, 9 — от 200 до 272 рублей и 2 — 300 рублей; учительницы в год: 1 — 180 рублей, 25 — от 200 до 272 рублей, 3 — 300 рублей и 3 — 308 рублей; помощники и помощницы в год — от 144 до 180 рублей. Сады имелись при 6 училищах.

Из 46 церковно-приходских школ в собственных зданиях располагались 5 школ, 13 зданий

принадлежали церкви, 4 здания — членам причта и 24 здания — частным лицам. Из 21 школы грамоты 2 — в собственных помещениях, 3 — в зданиях, принадлежавших церкви, 1 — членам причта, 15 — частным лицам.

³⁹ В 1901 г. Козьмодемьянский уезд был разделен на четыре медицинских участка, каждым из которых заведовал земский врач. В г. Козьмодемьянске была земская больница, а в уезде две лечебницы (в с. Большой Сундырь и в д. Рутка). Кроме того, было 9 фельдшерских пунктов, один — в с. Пихтулино, или, как его называет Н.А. Мельников, с. Покровское (другое название Ишлей-Покровское). В отчетах управы и журналах уездного земского собрания фигурирует название Пихтулино. В настоящее время населенный пункт называется Ишлей (Чебоксарский район Чувашской республики). В 1901 г. на службе Козьмодемьянского земства, кроме ветеринарного врача, состояло три ветеринарных фельдшера.

⁴⁰ Жеребцов Алексей Сергеевич (1857?—?). С 1899 инспектор народных училищ Козьмодемьянского, Цивильского и Ядринского уездов.

⁴¹ Им был протоиерей Николай Павлович Боголюбов.

⁴² Виктор Валерьянович Образцов, сын покинувшего Земскую службу В.И. Образцова, гласный Уездного Земства от крупных землевладельцев с 1901 г. (Прим. Н.А. Мельникова).

⁴³ За предложение управы проголосовало 17 человек, против — 1.

⁴⁴ Постановление об уменьшении пособия церковно-приходским школам с 6230 рублей до 1200 рублей было опротестовано казанским губернатором и передано на рассмотрение Губернского по земским и городским делам присутствия, которое его отменило. Чрезвычайное Козьмодемьянское уездное земское собрание, состоявшееся 12 февраля 1903 г., обжаловало определение Губернского присутствия в Сенате. В трехлетие, в течение которого председателем уездной управы был Н.А. Мельников, Сенат так и не вынес никакого решения по апелляции земского собрания. Ожидая решения Сената, земство продолжало выделять пособие церковно-приходским школам в том же самом размере, что и прежде.

⁴⁵ Зубков Константин Петрович. Прапорщик запаса. Купец. Занимался торговлей лесом.

В 1897 открыл в Козьмодемьянске типографию. Был гласным Козьмодемьянского уездного земского собрания. Избирался городским головой г. Козьмодемьянска.

⁴⁶ Чернышев Андрей Иванович (1854?–1911). Работал в Казани в вольной аптеке Рейнфельда (1877–1879); помощник аптекаря (1879–1886), затем провизор в Тетюшской земской аптеке; состоял на службе Козьмодемьянского уездного земства управляющим Козьмодемьянской земской аптекой (1890–1903), затем работал в частной аптеке г. Самары.

⁴⁷ Протопопов Виктор Александрович (1868–1920), земский врач. Сын чиновника. Окончил медицинский факультет Казанского университета (1893). В 1894 поступил на службу земским врачом Козьмодемьянского уезда в д. Рутку. С 1914 на той же должности в Козьмодемьянске. С 1918 член Отдела здравоохранения при Исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Козьмодемьянского уезда, возглавлял лечебный подотдел.

⁴⁸ Интересная подробность. По предложению М<инистерства> в <внутренних> д<ел> и с некоторой субсидией от казны все земства в описываемый период были заняты оценочными работами с целью вместо устаревших и произведенных примитивными способами оценок выработать новые, основанные на подробном, научно поставленном, изучении дела. Заведовавший статистическим бюро Казанского губ<ернского> земства, Владимир Владимирович Перцов, один из самых выдающихся земских служащих, возглавлял и так называемое оценочное бюро. Когда по некоторым уездам обнаружили результаты оценок, В<ладимир> В<ладимирович> в одной из бесед сообщил мне, что наша 12-членная комиссия, работавшая около полувека тому назад и производившая свои выводы «по чутью», не сделала ни одной существенной ошибки. Ее выводы подтверждаются данными произведенных оценочных работ. Такова сила опыта и знания местных хозяйственных условий. (Прим. Н.А.Мельникова).

⁴⁹ К 1 сентября 1904 г. в Козьмодемьянском уезде было 47 земских училищ, выстроено 16 новых зданий, строились новые школы. На 1 сентября 1905 г. земских училищ было 51. За 1904/1905

учебный год 12 земских училищ разместились во вновь выстроенных зданиях. 23 училища имели хорошие помещения, 20 — удовлетворительные, 5 — малоудовлетворительные и 3 — «вовсе» неудовлетворительные. По данным на 1904 г. земские учителя Козьмодемьянского уезда получали от 240 до 420 рублей. Помощники учителей — от 180 до 300 рублей.

⁵⁰ Оклады врачам Козьмодемьянского уезда были увеличены в 1900 г. на 36 земском собрании еще при В.И.Образцове. Тогда же было утверждено «Положение о медицинских чинах Козьмодемьянского земства», в котором говорилось: «Каждому врачу предоставляется право воспользоваться отпуском для научного усовершенствования от 2 до 3 месяцев 1 раз в 5-ть лет, с сохранением своего содержания и получением прогонов до места научного центра и обратно...»

⁵¹ Склад открыт в Козьмодемьянске 15 марта 1903 г. по постановлению 38-го очередного земского собрания, состоявшегося в сентябре 1902 г. Кроме того, были открыты дополнительно два отделения: одно в с. Большой Сундырь, а другое в с. Ишлей Покровское. Тогда же утверждены мероприятия по очистке посевных семян от сора и его сортировке. Собрание ходатайствовало перед Министерством земледелия и государственных имуществ о бесплатном предоставлении земству зерноочистительных машин. Министерство предоставило две машины: куколеотборник Моро № 2 и сортировка Робера «Триумф» № 2 с добавочными решетками для очистки травяных семян. За свой счет земство приобрело два куколеотборника Майера № 2, которые в начале 1903 г. были снаряжены для разъездов по уезду и крестьяне получили возможность бесплатно очищать посевное зерно от сора. Кроме того, в Козьмодемьянске на Тихвинской площади был открыт постоянный зерноочистительный пункт, оборудованный машинами, предоставленными Министерством.

⁵² До 1894 г. Петровская земледельческая и лесная академия.

⁵³ Вероятно, речь идет о «Журнале 40 очередного Козьмодемьянского уездного земского собрания. Сентября 13 дня. 1904 года». Вот его текст:

«Ст. 108. 40-е Козьмодемьянское уездное земское собрание, согласно доклада Ревизионной комиссии,

поддержанного председателем собрания, признало, что деятельность Козьмодемьянского земства за последние 3 года, — со времени вступления в должность председателя управы Николая Александровича Мельникова, весьма заметно усилилась в самом благоприятном для населения уезда смысле. Между прочим, в этот короткий промежуток времени открыто и получает дальнейшее развитие совершенно новая для Козьмодемьянского уезда отрасль земского хозяйства — агрономия с земским плодовым питомником; многие земские школы получили новые, соответствующие требованиям школьной гигиены помещения; число училищ увеличилось; учителя и учительницы стали получать увеличенное содержание и потому кадры учительского персонала заметно пополнились более развитыми и знающими преподавателями; в Пихтулине земская лечебница оборудована новыми, устроенными весьма капитально зданиями, в Козьмодемьянске, Большом Сундыре и Рутке больничные здания основательно отремонтированы и наконец в селе Еласах с будущего года открывается лечебный пункт с хорошим каменным зданием.

Собрание убедилось, что такое благоприятное положение земского хозяйства обязано главным образом правильно поставленной организации и непосредственному участию председателя управы Н.А. Мельникова, которым было потрачено на это много труда и энергии, всегда сопровождавших его служебную деятельность. Все это свидетельствует, что деятельность Н.А. Мельникова, как председателя уездной управы, была в высшей степени для земства полезна и благотворна.

По сему собрание единогласно ПОСТАНОВИЛО: выразить Н.А. Мельникову от имени собрания самую искреннюю благодарность за его весьма деятельную и полезную службу Козьмодемьянскому земству и, отпечатав настоящий журнал особым изящным оттиском, просить Н.А. Мельникова один экземпляр принять как наглядное выражение ему признательности Козьмодемьянского земства».

⁵⁴ В ноябре 1904 г. В.В. Марковников не был председателем Казанской губернской земской управы. Эту должность с мая 1904 г. занимал заступающий место председателя управы П.И. Геркен, а в феврале 1905 г. на чрезвычайном

земском собрании его избрали председателем управы.

⁵⁵ Общеземский съезд, проходивший в Петербурге с 6 по 9 ноября 1904 г. От Казанской губернии в нем принимали участие П.И. Геркен, и. д. председателя губернской управы, В.В. Марковников, бывший председатель губернской управы, А.Н. Боратынский — предводитель дворянства Казанского уезда, А.В. Васильев, губернский гласный.

⁵⁶ Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности действовало с 22 января 1902 по 30 марта 1905 г. Председателем совещания назначен С.Ю. Витте. На местах были созданы губернские (под председательством губернаторов) и уездные (под председательством уездных предводителей дворянства) комитеты.

Так как правительством решено было формировать комитеты на местах из лиц, служащих в местных государственных исполнительных органах, без привлечения к работе представителей земств, то это вызвало недовольство в среде земских деятелей. Председатель Московской губернской земской управы Д.Н. Шипов созвал по этому поводу первый общеземский съезд, который состоялся в Москве 23 — 25 мая 1902 г. Участники съезда не только выразили протест против решения правительства, но и признали необходимым включить выборных представителей от губернских земств в Особое совещание и в состав Сельскохозяйственного совета при Министерстве земледелия. Кроме того, на съезде была выработана программа действий для удовлетворения нужд сельскохозяйственной промышленности. По окончании съезда его участники приняли решение собирать такие собрания ежегодно, с этой целью было избрано организационное бюро во главе с Д.Н. Шиповым.

⁵⁷ Несколько выше, упоминая об этом Бюро, я назвал его самозванным. Полагаю, что теперь будет ясно, почему я это себе позволил. (Прим. Н.А. Мельникова).

⁵⁸ «Союз освобождения» создан в 1903 г. земцами, представлявшими левое крыло российского либерализма, и выступал за более радикальные меры в решении социально-экономических вопросов и за создание в России народного представительства с законодательными функциями,

использовал нелегальные методы борьбы, требовал созыва учредительного собрания для выработки «русской конституции». Союз освобождения был предтечей Конституционно-демократической партии (кадеты), которая организационно оформилась на своем первом съезде в Москве в октябре 1905 г.

⁵⁹ Хомутов Павел Федорович (1847—?), чиновник. Окончил Нижегородскую военную гимназию и Павловское военное училище. Участник Русско-турецкой войны (1877—1878). С 1892 председатель Кинешемской уездной земской управы; с 1900 вице-губернатор Енисейской губернии; Вятский губернатор (1902—1904); в 1905 губернатор Казанской губернии.

⁶⁰ «Казанская газета» писала о деятельности добровольного земского страхования в Казанской губернии за 1904—1906 годы:

«С 1904 г. дело добровольного земского страхования изъято из ведения волостных правлений и поручено страховым агентам за комиссионное вознаграждение; земский тариф понижен против тарифа частных обществ на 10%; открыт прием на страх строений в городах, с июля 1904 г. Казанское земство вступило в перестраховочный союз с земствами — Вологодским, Курским, Московским, Нижегородским, Пермским, Рязанским, Симбирским, Смоленским, Самарским, Саратовским, Тамбовским, Тульским, Ярославским и Уфимским, что дало возможность принимать более значительные страхования. В следующем 1905 году введены вновь изданные правила и тарифы, по которым понижены премии на 10% на постройки в селениях и усадьбах и на 25% на церковные и училищные имущества и введено страхование движимых имуществ в усадьбах, а от казенных и общественных учреждений — везде.

Все перечисленные изменения настолько способствовали развитию добровольного земского страхования, что к концу 1905 г. мы видим, что на риске Казанского земства состояло имущество уже на сумму 6486 721 руб., причем премии собрано 53 369 руб. 24 к. и затем за уплатою всех убытков и расходов получено прибыли всего 26 079 р. 70 к., считая, в том числе, % на капитал 3487 р. 86 к. Кроме того, расширение добровольного земского страхования заставило в 1905 году акционерные общества понизить

тариф в общем на 20% на строения в уездных городах и на 10% на хлебные продукты и на большинство усадебных построек <...>

<...> Несмотря на то, что Казанское земство по собственным операциям за 1905 г. получило чистой прибылью 26 075 р. 89 к., все-таки, вследствие больших страховых убытков у союзных земств, происшедших главным образом на почве аграрных волнений, которые сопровождались поджогами владельческих усадеб, получено убытку 3 160 р. 79 к. Это обстоятельство заставило губернскую управу <...> увеличить тарифные ставки на частновладельческие усадебные имущества на 20% и предписать агентам с крайней осторожностью относиться к усадебным страхованиям». В декабре 1906 г., согласно постановления 42 очередного губернского земского собрания, «на частновладельческие усадебные постройки тариф повышен не на 20%, как было до 1907 года, а на 40%». Впрочем, этот тариф был ниже тарифа частных обществ на 20%.

⁶¹ Общее собрание земских гласных Казанской губернии или, как его называет Н.А. Мельников, «частное совещание» проходило 12—15 декабря 1905 г. В собрании принимали участие только гласные казанских земств. В зал, где заседало собрание, посторонних пропускали лишь по именованным билетам.

⁶² Председателем собрания был избран председатель Казанской губернской земской управы П.И. Геркен, его товарищами — гласные В.И. Якубович и Н.А. Мельников.

⁶³ Согласно протоколам общего собрания, после избрания председателя съезда выступил Н.А. Мельников с докладом «о современном внутреннем политическом положении в России». Его речь встретила возражения некоторых участников съезда, в том числе и В.П. Куприянова, который, говоря о значении Манифеста 17 октября 1905 г., сказал, что «многие партии находят, что Манифест недостаточен и неспособен внести успокоение, он только обещает свободы, но не дает их; затем правительство своими действиями противоречит Манифесту <...> Обществу остается один путь — открытая борьба с правительством; может быть при этом прольется много крови; но только этим путем народ может добиться своих прав и только учредительное

собрание может внести успокоение в страну». При этом Куприянов ничего не говорил о «бесцельном и позорном кровопролитии на полях Манчжурии», так как русско-японская война уже закончилась заключением Портсмутского мирного договора с Японией 23 августа 1905 г. На эту речь с возражениями выступил гласный А.Н. Боратынский. <...> Куприянов, отвечая на речь Боратынского, сказал, «что современное правительство не в состоянии что-либо сделать, а потому следует взять у него свободу силой. Крайние партии ведут народ к победе путем организации, в доказательство чего гласный прочитал выдержку из постановления крестьянского съезда в Москве, в которой говорится, что Крестьянский союз берет на себя руководство крестьянским делом, для чего вступает в соглашение с фабричными рабочими, предлагает не покупать частновладельческие земли и не брать их в аренду; в случае же преследования союза со стороны правительства рекомендует не платить податей, потребовав вклады из Государственного банка и проч.». Со стороны гласных последовали вопросы: кем был созван съезд, кто на нем присутствовал, были ли на съезде представители от крестьян. Некоторые гласные из крестьян заявили, что они ничего не знают о крестьянском съезде. Здесь неожиданно попросил слово крестьянин с. Каинок Свияжского уезда С.С. Макаров, заявивший, что он участвовал в крестьянском съезде. Однако председатель собрания отказал ему на том основании, что он не является участником Съезда земских гласных. Направляясь к выходу, Макаров сказал: «Волки в овечьей шкуре и черносотенцы». Участники съезда и публика покинули свои места и окружили его. Из образовавшейся толпы послышался голос Макарова: «Господа, меня бьют. Здесь насилие...» Оказалось, что на него напал Н.А. Казем-Бек, не являвшийся участником съезда. Инцидент произошел уже за дверями зала заседаний. <...> В собрании было решено «передать это дело забвению». Казем-Бек принес свои извинения съезду за свой несдержанный поступок. С таким решением не согласился Куприянов и письменно представил свое особое мнение: «Глубоко возмущенный тем актом грубого насилия, который позволил себе, по заявлению очевидцев, никем в собрании не опровергнутому,

в зале дворянского собрания местный дворянин Н.А. Казем-Бек над лицом из публики, пытавшимся сделать заявление в собрании, я никоим образом не могу согласиться с постановлением собрания об оставлении этого инцидента без последствий, так как собрание, не приняв предложенный гласного В.А. Хлебникова о выражении порицания лицу, позволившему себе употребить насилие, — предложение, поддержанное в собрании мною и некоторыми другими гласными, косвенным образом своим постановлением одобрило образ действий г-на Казем-Бека. Не считая возможным после этого постановления принимать участие в подобном собрании, я уйду и от дальнейшего участия в нем отказываюсь». (См.: Протоколы общего собрания земских гласных Казанской губернии 12 — 15 декабря 1905 года. Казань, 1906. С. 4 — 7, 35;

⁶⁴ Н.А. Мельникову было поручено заведование страховым отделом губернского земства вместо К.П. Берстела, которому был предоставлен отпуск на время его пребывания на Дальнем Востоке в качестве уполномоченного от земства в медико-санитарном отряде, снаряженном за счет Казанского земства.

⁶⁵ Присяжный поверенный А.Е. Михайлов-Двинский был растерзан толпой 21 октября 1905 г. на одной из улиц, прилегающих к Городской Думе. По версии газеты «Казанский телеграф» он был случайной жертвой.

⁶⁶ В 1905 г. проходило два Общероссийских съезда земских и городских деятелей, один — 6—8 июля, а другой — 6—13 ноября. На первом съезде обсуждался проект закона министра внутренних дел А.Г. Булыгина о народном представительстве, второй съезд собрался в связи с обнародованием Манифеста 17 октября. Большая часть воспоминаний Н.А. Мельникова о съезде относится к первому съезду. П.А. Гейден председательствовал на первом съезде, на втором председателя избирали на каждое заседание отдельно. Князь С.Н. Трубецкой, участвовавший в первом съезде, умер 29 сентября 1905 г. Инцидент с полицией имел место в июльском собрании. И, наконец, Касаткин-Ростовский дал «горячую отповедь» Петрункевичу именно на первом съезде. Эпизод с тульскими земцами был на втором съезде. В письме Н.А. Мельникова в газету «Казанский телеграф» он упоминает

земцев-туляков, которые сообщили ему, «что теперь в Москве часто не удается напечатать что-нибудь, что противоречит взгляду наборщиков или редакции».

На июльском съезде Казанское земство представляли: Н.А. Мельников, П.И. Геркен, А.Н. Боратынский, В.Н. Белькович и Ю.В. Трубников. В ноябре же членами съезда от Казанской губернии были Н.А. Мельников, Д.П. Арцыбашев и Ю.В. Трубников

⁶⁷ 9 июля 1906 г. в Выборге собрались депутаты (члены партии кадетов, Трудовой группы, Российской социал-демократической рабочей партии, Партии демократических реформ, а также беспартийные) в знак протеста против роспуска Думы. Был выработан текст воззвания, призывавший саботировать призыв в армию, не платить податей, не признавать займов правительства. Его подписали 180 депутатов. Позднее воззвания поддержали еще 52 человека. Текст отпечатали в Финляндии в виде листовки на финском и русском языках. Против подписавших возбуждали уголовное дело. В декабре 1907 г. 167 депутатов были приговорены к трехмесячному заключению и лишены избирательных прав.

Брестский мир — мирный договор между Советской Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой. Заключен в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. Согласно договору Россия прекращала войну со странами Четверного союза. От Советской республики отторгались значительные территории: Литва, Курляндия, Лифляндия, Эстляндия и часть Белоруссии. На Кавказе к Турции отходили Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. От Советской России требовалось демобилизовать армию и флот. Договор был аннулирован 13 ноября 1918 г. после произошедшей в Германии революции.

⁶⁸ Капустин Михаил Яковлевич (1847—1920), профессор гигиены, общественный и политический деятель. Окончил Петербургскую медико-хирургическую академию (1870). Работал земским врачом. Во время Русско-турецкой войны (1877—1878) заведовал одним из военных госпиталей на Кавказе. Доктор медицины (1879). Преподавал в Военно-медицинской академии (с 1884), экстраординарный профессор кафедры

гигиены и медицинской полиции Варшавского университета (с 1885), ординарный профессор той же кафедры Казанского университета (1887—1907). Член «Казанской партии Манифеста 17 октября» (с 1905 г.), депутат II и III Государственных дум. Во II Думе возглавлял фракцию октябристов. Товарищ председателя III Думы (1910—1912). Во время Первой мировой войны член Медицинского совета Министерства внутренних дел.

Разумовский Василий Иванович (1857—1935), хирург. Сын священника. Окончил медицинский факультет Казанского университета (1880). Остался при университете: ординатор госпитальной хирургической клиники. С 1883 в Петербурге: работал в патологоанатомическом кабинете Военно-медицинской академии. Доктор медицины (1884). С 1885 вновь в Казанском университете. Экстраординарный (1887), ординарный (1894) профессор кафедры оперативной хирургии. С 1901 редактор журнала «Русский хирургический архив». С 1905 декан медицинского факультета Казанского университета. Ректор Саратовского университета (1909—1912). Главный хирург Кавказской армии (1917), организовал в Тифлисе травматологический научно-исследовательский институт; принимал участие в организации Закавказского русского университета в Тбилиси (1918), Бакинского университета (1919). Заведующий кафедрой общей хирургии Саратовского медицинского института (1920—1930). Заслуженный деятель науки РСФСР (1934).

Варнеке Борис Васильевич (1874 или 1878—1944), филолог. Окончил Петербургский историко-филологический институт (1898). Профессор классической филологии Казанского университета (1904—1910). Доктор римской словесности (1906). Член «Казанской партии Манифеста 17 октября», редактор газеты «Обновление» (1906). Работал в Новороссийском университете (с 1910 г.).

Богородский Алексей Яковлевич (1870—1943), химик. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета (1894). Оставлен при университете: приват-доцент (1898), экстраординарный профессор (1912), декан физико-математического факультета (1914), заведующий

кафедрой неорганической химии (1917). С 1930 заведующий одноименной кафедрой Казанского химико-технологического института. Состоял членом «Казанской партии Манифеста 17 октября».

Щербаков Александр Николаевич (1872—1922), химик. Сын потомственного почетного гражданина. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета (1897). С 1897 работал в Казанском университете: приват-доцент (1900), профессор (1918). Член «Казанской партии Манифеста 17 октября».

Остряков Александр Николаевич (1871—?), почвовед. Из крестьян. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета (1894), Московский сельскохозяйственный институт со званием агронома 1 разряда (1898). С 1901 в Казанском университете: приват-доцент, экстраординарный профессор кафедры агрономии (1906), ординарный профессор (занял должность в 1911, утвержден в 1916). С 1922 профессор Казанского института сельского хозяйства и лесоводства, где в 1925 возглавил кафедру почвоведения.

Карякин Василий Александрович (1851—1913). Из мещан, впоследствии купец 1-й гильдии. Окончил Рыбинское уездное училище. С 1877 г. жил в Казани. Гласный Казанской городской думы (1896—1913). Осенью 1905 г. избран председателем «Казанского комитета защиты правового порядка», преобразованного в декабре в «Казанскую партию Манифеста 17 октября». Участвовал во 2-м Всероссийском съезде партии октябристов. Депутат III-й Государственной думы от Казанской губернии (1907—1912). Был членом финансовой, по исполнению государственной росписи о мерах борьбы с пьянством и продовольственной комиссий (был избран председателем).

⁶⁹ Газета «Обновление» выходила с января по май 1906 г.?

⁷⁰ От Казанской губернии в III Государственную думу было избрано 10 депутатов.

⁷¹ Прогрессивный блок образован в августе 1915 г. В него вошли депутаты Государственной думы (кадеты, октябристы, земцы-октябристы, прогрессисты, «прогрессивные националисты», «группа центра») и члены Государственного

совета (группы: академическая, центр и внепартийные). Блок выступил с требованиями создания правительства из лиц, пользующихся доверием страны, частичной амнистии за религиозные и политические преступления, отмены ограничений в правах национальных меньшинств, разрешение деятельности профсоюзов и др.

⁷² «Думским революционным комитетом» Н.А. Мельников называет Временный комитет Государственной думы, созданный частным совещанием членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. после получения указа императора от 26 февраля о приостановке деятельности Думы. Возглавил Комитет М.В. Родзянко. С созданием Временного правительства 2 марта 1917 г. роль Государственной думы свелась к деятельности Комитета и частным совещаниям депутатов. 6 октября 1917 г. Дума была распущена Временным правительством в связи с началом выборов в Учредительное собрание.

⁷³ Император Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила 2 марта 1917 г.

⁷⁴ Созданное 2 марта 1917 г. Временное правительство возглавил князь Г. Е. Львов. П.Н. Милоков стал министром иностранных дел, А.И. Шингарев возглавил Министерство земледелия, А.И. Гучков — военный и морской министр.

⁷⁵ На западе Российской империи в ходе ее развала образовались государства: Финляндия (1918), Эстония (1918), Латвия (1918), Литва (1918) и Польша (1918). Китайско-Восточная железная дорога в 1935 г. была продана за 140 миллионов йен. На территории Маньчжурии было образовано государство Маньчжоу-Го (1931).

⁷⁶ Эта фракция состояла всего из нескольких человек и заметного влияния не имела. В нее, между прочим, входил превосходный оратор и хороший человек, Н.Н. Львов, известный Саратовский земец. (Прим. Н.А. Мельникова). Мирнообновленцы, члены либеральной партии «Мирного обновления». Фракция возникла в 1906 (I Государственная дума). Позиционировала себя как центристское крыло либерального движения, стремившееся объединить сторонников реформ, противостоя при этом реакционерам и крайне левым. пытались обеспечить России мирное эволюционное развитие, что отразилось в названии партии. Лидеры партии: П.А. Гейден, И.Н. Ефремов, Н.Н. Львов, М.А. Стахович,

Д.Н. Шипов и др. В ноябре 1912 г. ряд видных мирнообновленцев вошли в Прогрессивную партию.

⁷⁷ Фразу «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» П.А. Столыпин произнес 10 мая 1907 г. в конце своей речи, зачитанной во II-й Государственной думе.

⁷⁸ Эту речь Ф.И. Родичев произнес 17 ноября 1907 г.

⁷⁹ Перцов Владимир Владимирович (1875–1921), статистик. Среднее образование получил в Казанском реальном училище. Затем учился в Петербургском лесном институте, который окончил в 1897 г. со званием ученого лесовода 1-го разряда. Поступил сотрудником в Статистическое бюро Казанского губернского земства; работал во вновь организованном Оценочно-статистическом бюро в должности руководителя лесного отдела (с 1900); заведовал этим бюро (1902–1919), которое с установлением советской власти было преобразовано в Статуправление. Продолжал службу уже в качестве консультанта при Статуправлении. При его участии и под его руководством было издано немало статистических работ, посвященных Казанскому краю. В течение ряда лет преподавал естествознание в женской гимназии Л.П. Шумковой. Коллекционировал художественные снимки с произведений западноевропейской классической живописи, кактусы, а также иконы старинного письма и старинные медные иконы и кресты, которые в 1919 г. он продал Казанскому археологическому институту. С самого начала открытия в Казани Отдела по охране памятников старины и искусства был одним из деятельных его членов.

⁸⁰ Засецкий Николай Александрович (1855–1917), терапевт. Окончил Медико-хирургическую академию в Петербурге (1880). В 1883 удостоен степени доктор медицины. С 1886 работал в Казанском университете. Заведовал кафедрой частной патологии и терапии, затем кафедрой госпитальной терапии (1903–1912). Одновременно был старшим врачом Казанской губернской земской больницы, а также директором Казанской земской фельдшерской школы.

⁸¹ Издание называлось «Казанская газета» (1902–1914). С 1915 г. газета стала журналом и получила название «Земская неделя». Издание было прекращено в марте 1918 г.

⁸² Москва была особенно важна для притока частных пожертвований, без которых собрать достаточно средств было невозможно. Эта нелегкая задача кн. Г.Е. Львову удалась: в распоряжение общественной организации поступали крупные пожертвования, что дало возможность развить дело помощи очень широко. (Прим. Н.А. Мельникова).

⁸³ Правильно — Казанская земская фельдшерская и фельдшерско-акушерская школа и Казанская земская школа для образования народных учительниц.

⁸⁴ П.А. Столыпин был в то время уже убит, и Министром Внутренних Дел был кн. Николай Борисович Щербаков. (Прим. Н.А. Мельникова) После смерти П.А. Столыпина министром внутренних дел был назначен А.А. Макаров (1911–1912). Н.Б. Щербаков возглавлял Министерство внутренних дел в качестве управляющего с июня по сентябрь 1915 г.

⁸⁵ Оба проекта (Казань—Сарапул—Екатеринбург или Нижний Новгород—Малмыж—Екатеринбург) прошли обсуждение в трех инстанциях: Междудементальной комиссии, Совете министров и втором департаменте Государственного совета. В первой инстанции 14 июня 1911 г. проект железной дороги Казань—Сарапул—Екатеринбург получил большинство голосов. За проект проголосовали представители пяти министерств: внутренних дел, финансов, императорского двора и уделов, торговли и промышленности и Главного управления землеустройства и земледелия. «Против» — представители трех министерств: путей сообщения, военного и государственного контроля. Заседание Совета министров состоялось 27 апреля 1912 г. На нем единогласно было решено принять проект Московско-Казанского железнодорожного общества Казань—Сарапул—Екатеринбург. Второй департамент Государственного совета также одобрил этот проект.

⁸⁶ Всероссийская Октябрьская политическая стачка началась 7 октября 1905 с забастовки железнодорожников Москвы. Число участников стачки достигло 2 миллионов человек. Осенью же этого года по стране прокатилась волна крестьянских выступлений. Половину уездов Европейской России охватило крестьянское движение. Выступления крестьян сопровождалась

разгромом помещичьих усадеб и захватом помещичьей земли. Восстания подавлялись карательными войсками. Московское восстание началось со всеобщей рабочей стачки 7 декабря 1905 г., затем переросло в вооруженное восстание, которое правительственным войском удалось подавить лишь 19 декабря.

⁸⁷ Всероссийский земский союз был сформирован 30 июля 1914 г. на съезде уполномоченных губернских земств в Москве. Избран главный комитет во главе с князем Г.Е. Львовым. Высшим органом являлся Всероссийский съезд представителей губернских земских управ и земских собраний. На местах создавались губернские и уездные, а также фронтовые комитеты.

⁸⁸ Если память мне не изменяет, несколько земств избрали членами этого Союза не председателей управ, а рядовых гласных. Однако, значительное большинство было за первыми, почему я и называю этот орган Съездом председателей губернских управ. (Прим. Н.А.Мельникова).

⁸⁹ Московский губернский предводитель дворянства. Он в качестве представителя Красного Креста заведовал эвакуацией раненых. (Прим. Н.А.Мельникова).

⁹⁰ Письмо Ф.В. Шлиппе от 16 января 1938 г. (Прим. Н.А.Мельникова).

⁹¹ Московское губернское земство ассигновало в основной фонд Союза 500 тысяч рублей. Прочие земства значительно меньше, в среднем, вероятно, 50—60 тысяч рублей каждое. Таким образом, общая сумма земских ассигнований равнялась примерно 2—2,5 миллионам рублей. (Прим. Н.А.Мельникова).

⁹² Наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга 14 июня 1914 г. были убиты сербским террористом Гаврилой Принципом. Этим инцидентом, как поводом к войне, воспользовалась Австро-Венгрия и после объявления ультиматума Сербии, один из пунктов которого она отказалась выполнить, объявила ей войну 15 июля. Сербия обратилась за поддержкой к России. 18 июля Россия объявила всеобщую мобилизацию, 19 июля Германия, а 24 июля Австро-Венгрия объявили войну России. Российская империя вступила в Первую мировую войну.

⁹³ Передаю его по личному рассказу С.В. Демидова. (Прим. Н.А.Мельникова).

⁹⁴ По установившимся обычаям, слово «подтверждаю» имело тот юридический смысл, что сделка состоялась и обязательна для обеих сторон. (Прим. Н.А.Мельникова).

⁹⁵ О качестве леса нетрудно было судить по размерам бревен и зная, откуда он сплавлен. (Прим. Н.А.Мельникова).

⁹⁵ Место остановки трамвая между устьем Казанки и Адмиралтейской слободой. (Прим. Н.А.Мельникова).

⁹⁶ Место постройки было 1—1,5 верстах от наших лесных складов, где шла разработка леса. (Прим. Н.А.Мельникова).

⁹⁷ По данным на 1916 г. директором земской фельдшерской школой был сам Н.А. Засецкий. Инспектором — врач Б.Н. Агафонов.

(Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год. Казань, 1916. С. 137).

⁹⁹ Губернские по крестьянским делам присутствия являлись местными органам власти, где коллегиально решались вопросы по проведению крестьянской реформы 1861 г. В 1889 г. они были преобразованы в губернские присутствия в связи с учреждением должности земских начальников. Губернское присутствие состояло из губернатора, являвшегося председателем, губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружного суда или его товарища, двух непременных членов. Для разрешения некоторых дел с правом голоса приглашались: для решения судебных дел — председатель или член окружного суда; административных — управляющий Казенной палатой, начальник управления земледелия и государственных имуществ, председатель губернской земской управы; продовольтственных — все члены губернской земской управы.

¹⁰⁰ Весьма возможно, что в этом перечне я кое-что путаю. Существенного значения это не имеет. (Прим. Н.А.Мельникова).

¹⁰¹ Боярский Петр Михайлович (1870—1944), чиновник. Окончил Петербургский университет (1893). Служил в различных учреждениях ведомства юстиции. Земский начальник Лубенского уезда (1900—1904), член Полтавского губернского присутствия по земельным и переселенческим делам (1904—1906); вице-губернатор Саратовской (1906—1912), Гродненской (1912—1913)

губерний; губернатор Казанской губернии (1913—1917). В 1920 эмигрировал.

¹⁰² Совет по делам местного хозяйства образован в 1904 г. для руководства, согласования и направления на высшем уровне деятельности местных учреждений по делам, связанным с удовлетворением хозяйственных нужд населения, то есть до вступления П.А. Столыпина на пост министра внутренних дел. Председателями Совета были Н.Л. Пшерадский (1904—1909) и Н.Н. Андиферов (1910—1911). Совет разделялся на присутствия. Председателем общего присутствия являлся министр внутренних дел, и собиралось оно в следующем составе: начальник Главного управления по делам местного хозяйства или его помощник, управляющие отделами, непреременный член Совета главного врачебного инспектора; члены от Министерства финансов, Министерства земледелия и государственных имуществ, губернаторы (по назначению министра внутренних дел), члены от местных деятелей (12—15 человек); председатель Медицинского совета и два члена из медиков, избранных Медицинским советом (по делам, касавшимся врачебной и санитарной части

¹⁰³ Не могу припомнить, входили ли председатели губернских земских управ в состав Совета «по должности» или выбор представителей земства всецело зависел от губернского земского собрания. Во всяком случае, если не ошибаюсь, в Совете появились все председатели Губернских земских управ. (Прим. Н.А.Мельникова).

¹⁰⁴ Гербель Сергей Николаевич (1856—?). Председатель Херсонской губернской земской управы (1900—1902); вице-губернатор, исполняющий должность губернатора в Харькове (1902—1904); начальник главного управления по делам местного хозяйства МВД (1904—1912). С 1912 член Государственного совета по назначению. Главноуправляющий по заготовкам для Юго-Западного фронта (1915—1917). Кадет. Приглашен П.П. Скоропадским на официальные посты в правительстве (министр продовольствия, после 14 XI 1918 возглавлял последний кабинет гетманата). При Директории (с декабря 1918) был арестован, но при содействии Германии освобожден и выехал в эмиграцию.

¹⁰⁵ Алейников Александр Фёдорович. Председатель Бессарабской губернской земской управы (1910—1913).

¹⁰⁶ Беляков Николай Фёдорович (1861—?). Окончил Павловское военное училище, гвардии поручик запаса. Председатель Симбирской губернской управы (1906—1915). Октябрьист. Член Госсовета от Симбирского губернского земства (1915—1917).

¹⁰⁷ Лизогуб Федор Андреевич (1851—1928). Земский, политический деятель. Председатель Полтавской губернской земской управы (1901—1915). Октябрьист. В мае—ноябре 1918 — министр внутренних дел, затем премьер кабинета министров гетманата. В эмиграции в Югославии, занимал пост начальника канцелярии великого князя Николая Николаевича.

¹⁰⁸ Речь идет о Высочайшем рескрипте на имя министра внутренних дел.

¹⁰⁹ Высочайший прием состоялся 8 января 1914 г. в Зимнем дворце. Здесь речь идет о рауте, устроенном земством, 10 января в здании Петербургского дворянского собрания.

¹¹⁰ Я не убежден, что ставлю правильно инициалы его имени и отчества. (Прим. Н.А.Мельникова).

¹¹¹ Уже здесь, в Париже, Н.И. Гучков подтвердил мне правильность этого слуха. (Прим. Н.А.Мельникова).

¹¹² Об оставлении должности председателя Казанской губернской земской управы в связи с назначением его на пост члена Совета министра земледелия, Н.А. Мельников объявил на 97-м чрезвычайном Казанском губернском земском собрании 27 мая 1916 г. (См.: Постановления 94-го чрезвычайного Казанского губернского земского собрания 27 мая 1916 года. Казань, 1916. С. 3—7.)

¹¹³ Г.Е. Львов, первый председатель Совета министров Временного правительства в первые же дни после мартовского переворота, телеграммой уволил всех губернаторов и назначил начальниками губерний председателей губернских управ. (Прим. Н.А.Мельникова).

¹¹⁴ Выборы предположено было произвести по «четырёххвостке», т.е. фактически призвать всех. (Прим. Н.А.Мельникова).

ДОКЛАД Н.А. МЕЛЬНИКОВА 1939 ГОДА Предложения об устройстве местного самоуправления в христианско-национальной РОССИИ

Женева

ГЛАВА I.

По докладу об устройстве местного самоуправления в России, который я имел честь представить вниманию Женевского Совецания в начале декабря 1937 г., возникли оживленные прения. Некоторые члены совещания возражали против проекта набора земских гласных в первую земскую ячейку из состава членов приходских общин. Возражения сводились к тому, что у церкви свои специальные цели и задачи; что приходы призваны ведать религиозной жизнью и не должны обременять себя светскими заботами, связанными с ответственностью за хозяйственные неудачи; что предоставленные приходам права привлекут в их состав сомнительные элементы, симулянтов и карьеристов; что выборы по религиозным признакам могут вызвать и обострить религиозную рознь и что в итоге может создаться атмосфера опасная и для церкви и для отечества.

Из последующей переписки с А.И. Лодыженским и некоторыми старыми земскими деятелями выяснилось, что помимо приведенных соображений существующая обстановка исключает возможность повсеместного одновременного возникновения приходских общин вслед за падением Советской власти, почему проект нельзя считать достаточно жизненным и практически осуществимым.

Все это естественно вызвало необходимость внимательно пересмотреть сделанную работу и начертать схему, которая была бы результатом нового освещения спорных положений и более подробной разработки той части доклада, в который лишь вскользь упомянуто об устройстве самоуправления в первый переходный период, т.е. тотчас за падением советской власти.

Настоящий доклад есть попытка посылить выполнить это задание. Чтобы полнее обосновать выводы и не упустить важных подробностей, я, решил запросить мнения некоторых бывших земских и государственных деятелей о будущем устройстве местного самоуправления. Был составлен и разослан 49-ти лицам особый опросный лист о просьбой дать ответы не позже конца августа с.г. (см. приложение): на анкету отозвалось 26 лиц, причем все ответы носили отпечаток строгой обдуманности.

Многие ответы начинались оговорками о несвоевременности работ, причем некоторые корреспонденты отказывались говорить по существу вопроса, хотя вслед за сим не выдерживали и говорили, обогащая собираемый материал ценными замечаниями. Вот несколько таких ответов:

«Вообще ни в какой мере не сочувствую мысли о возможности теперь, после 20 лет полной оторванности от России, разрабатывать вопросы об устройстве ее. Если вообще Господь Бог даст нам радость возвратиться в Россию, мы должны приехать туда, оглядеться очень внимательно, ознакомиться с новыми людьми, могущими строить новую Россию, и тогда принести остаток наших сил и знаний на алтарь отечества. Все же то, что мы выдумаем отсюда, будет совершенно книжно и, во всяком случае, не применимо к жизни. Хочу еще раз сказать Вам, что я ни в какой мере не умаляю роли эмиграции в деле восстановления России. Обратного тому, убежден, что эмигранты будут давать главный тон русской жизни в будущем, так как отсюда придут люди, не сломанные жизнью и более или менее культурные, но роль эту эмиграция должна завоевать своими знаниями и культурой, а не тем, что принесет в портфеле готовые реформы и планы!» (опр. л. № 2)

«Вы мне задали неразрешимую задачу. То, чем Вы предполагаете заняться, тема когда-то мне дорогая и близкая. Теперь все это так темно, так далеко и малопонятно. Я просто вынужден признаться, что не знаю новой России, не понимаю ее чаяний и степени пригодности к правовому устройству жизни. Мир вообще в периоде одичания, а наша Родина в особенности» (опр. л. № 39)

«Я совершенно не вижу возможности в условиях зарубежья разрабатывать подробности будущего самоуправления, а тем более вне зависимости от какого-либо определенно намеченного общего государственного устройства» (опр. л. № 27)

А вот отзывы, в которых слышатся иные взгляды.

«Очень Вам признателен за привлечение к Вашей столь ценной и своевременной работе. Прошу не отказать в мере возможности держать и впредь в курсе ее, за что заранее благодарю» (опр. л. № 13)

«Рад констатировать, что Вы интересуетесь столь животрепещущим вопросом накануне по-моему. Вы правы, что готовитесь к одному из вопросов, который тогда станет на очередь». (опр. л. № 26)

«Задуманная Вами анкета по поводу будущего русского местного самоуправления очень интересна, полезна и своевременна. Поздравляю Вас о этой идее». (опр. л. № 29)

Вопрос о «своевременности» ставится не в первый раз и теперь придется лишь развить и дополнить доводы, которые раньше были приведены в ее защиту.

Прежде всего, начатая работа не имеет в виду создавать «готовые реформы». Ея цель скромнее и ограничивается политикой наметить посылно разработанную, но все же общую схему, которая бы могла в известной мере стать материалом для последующих работ. Возможно, ли предполагать, что этот материал будет не бесполезен? Думается, что все-таки возможно. В России почти не осталось старых деятелей, а люди 35-40 летнего возраста вполне сознательно не видели своей Родины в довоенное время. Их кругозор поневоле ограничивается тем, что в исковерканном и в извращенном виде преподносит населению Советская власть. Они не могут правдиво оценить прошлое и достаточно учесть его значение для будущего. Поэтому для них не будет лишним прислушаться к мнениям тех, кто работал в старой

России и помнит ее, а кроме того имеет некоторый запас поучительных наблюдений, накопленных за время пребывания в странах Западной Европы. Не лучше ли, однако, все эти перечисленные ценности в сыром виде и персонально донести до России, чтобы только там, «оглядевшись», в новой обстановке и «познакомившись с новыми людьми», приступить к их использованию? На это напрашивается ответ, что «сроки» могут запоздать и большинству деятелей зарубежья не будет суждено увидеть родные пределы. Отовсюду возникает мысль о передаче наследства прежде всего той смене, которая находится в самом зарубежье, и часть которой готовится к действительному участию в предстоящей работе по восстановлению России. Правда, пока эта смена чаще увлекается вопросами идеологического свойства, а также современными модными течениями в области основ государственного устройства. Здесь возникает и разгорается борьба, на которую идет немало времени, внимания и усилий. Но приближение сроков может вызвать и другие интересы, напомнив о необходимости заняться и той работой, которая потребует применения усвоенной идеологии. Тогда понадобятся и материалы иного рода, и с какой бы предвзятостью не относилась новая смена к уходящим, самая сложность работы может побудить заглянуть в то, что оставят последние. Не следует далее упускать из вида и то, что от каких бы толчков не свалилась Советская власть, населению России придется, вероятно, пережить период крупных неурядиц. Сведения счетов нередко могут быть и кровавые, массовые перемещения населения; осложнения в земельном вопросе; продовольственные затруднения, финансовые проблемы; борьба с центробежными стремлениями окраин; вмешательства иностранцев — да, всего и не перечислить, что будет обременять и нервировать власть и мешать ей спокойно и беспристрастно разбираться в столкновениях вырвавшейся из цепей правды с непобежденной до конца ложью и подлостью. Усвоенная даже лучшими элементами населения привычка не действовать открыто и прямо, а хитрить и «ловчиться», слушать и не верить, говорить о ненужном и замалчивать важное, будет создавать неисчислимые трудности на каждом шагу. Найдутся и прожектеры, к центру потянутся вороха наскоро сфабрикованных проектов разных устройств, разбираться в которых в атмосфере всевозможных интриг и борьбы самолюбий будет очень нелегко, в особенности для властей плохо осведомленных в гражданских делах. Местные представители центра в увлечении идеей осуществления «сильной власти» не будут останавливаться перед самовластием, в ответ на которое появятся небезопасные взрывы самоуправления. Сомнительно, чтобы в такой обстановке возможно было деловито и спокойно «оглядываться» и «знакомиться с новыми людьми». Да нельзя будет и ждать результатов такой подготовки, так как на страшных развалинах рухнувшего строя придется спешно возводить новые постройки. И как знать? Схематические проекты, заранее подготовленные в зарубежье, могут сказаться и наиболее жизненными, и наиболее отвечающими потребностям страны и действительным чаяниям лучших слоев населения. Возможно, конечно, что в них будет немало ошибок, но ведь всегда как-то легче обнаружить и исправить ошибки в готовой работе, чем избежать в подготавливаемой.

Перехожу к вопросу об осведомленности.

Мы, конечно, не имеем в руках полных и внушающих доверие статистических данных, так как Советская статистика даже и не стремится к тому, чтобы точно отразить действительность. «Там» преследуется иная и единственная цель: доказать «гениальность» вождя. Тем не менее, признать советскую статистику совершенно не пригодной, все-таки нельзя: при тщательной проверке и умелом использовании она помогает с достаточной точностью оценивать «достижения» и может служить одним из пособий для предположений общего характера. Так, например, можно указать на ценный труд Н.А.Базили «Россия под Советской властью», а также на работы некоторых общественных организаций и отдельных специалистов. Что касается общего стиля русской жизни, настроений и чаяний различных слоев и групп населения, то и здесь наша осведомленность теперь уже не столь ничтожна тем более, что она постоянно освежается и пополняется притоком новых сведений и свидетельств.

Здесь уместно, может быть, отметить и характерную черту нашей эпохи. Происходящие на наших глазах решительные действия некоторых государственных людей, вызывающие неожиданные и крупные политические последствия, основываются как будто гораздо больше на учете настроений и охватывающих умы и чувства идей, чем на статистике. Среди различных групп населения России также начинают зреть положительные идеи настолько крупного значения, что вся дальнейшая судьба народа может определиться в зависимости от развития этих идей. Однако, здесь я уже забегаю вперед. Поэтому, оставляя пока эту тему, перейду к выводу из всего сказанного по вопросу о «своевременности», а именно: если наша осведомленность и недостаточна, то во всяком случае не настолько, чтобы препятствовать разработке различных предположений общего характера и тем выполнять наш долг перед Родиной.

Должен сейчас же оговориться. Будущую Россию я мыслю только христианско-национальной и православной, так как православие легло в основу всех русских исторических традиций, и только им строилась русская земля, преодолевая все непосланные испытания и выходя из них очищенной и окрепшей. Носителем высшей власти в России должен быть православный Монарх, осуществляющий эту власть с действительной помощью свободной православной церкви, возглавляемой Патриархом. Христианская идея должна лечь в основу всего законодательства, устройства всех учреждений, образования и воспитания юношества. Во имя христианской идеи власть должна усвоить и проявлять не только терпимое, но и уважительное отношение ко всем другим не изуверским исповеданиям и честно охранять их свободу.

Первый вопрос анкеты составлен в такой редакции:

«Возможно ли при будущем, немедленном после свержения коммунистической власти, устройстве гражданского управления в России обойтись, хотя бы на короткий срок, без самоуправления, т.е. без создания особых выбираемых населением органов для самостоятельного заведывания делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам».

Только пять корреспондентов ответили на этот пункт в том смысле, что устройство самоуправления желательно немедленно после падения советской власти.

Значительное же большинство, предвидя более или менее длительный «переходный период», находит, что в течение его заведовало местными делами должно быть возложено на чиновников.

Позволю себе остановиться на двух мотивированных мнениях, которыми в главных чертах охватываются все остальные. Сущность одного из них в том, что «действительно полезным местным деятелем может быть только хозяин, прикрепленный к данной местности, как ответственный собственник навсегда». Поэтому, пока не восстановлена собственность, на что потребуются большая работа и время, бывшую земскую работу государство должно будет обслуживать своим аппаратом». (опр. л. № 47) Не подлежит сомнению, что собственники могут дать наилучший состав земских деятелей, и с принципиальной точки зрения спорить с таким взглядом не приходится. Но не надо забывать, что земельных собственников в полном смысле этого понятия в России всегда было сравнительно немного: подавляющее большинство крестьян до несладкого времени владело, но не обладало, землей; поместное дворянство стало обладать ею только в последние два века.

А между тем самоуправление существовало всегда, сделало много полезного, и в составе земских деятелей было немало выдающихся работников. Такие результаты получились потому, что строго соблюдались другие требования к избирателям: они должны были жить оседло в данной местности и участвовать в оплате расходов на местные потребности. Поэтому по Положению о земских учреждениях 1864 г. избирательные права были предоставлены при известных условиях арендаторам земельных участков, а также и временно обязанным крестьянам, которые, не будучи собственниками, оседло жили в данной местности, были тесно связаны с ее интересами и платили земские сборы.

Сходные с только что приведенным мнением мысли (корреспондента опр. листа № 47), подкрепляемые соображениями о современном экономическом и моральном состоянии населения, находим в подробном ответе второго корреспондента. (опр. л. № 30)

«В настоящее время», — пишет он — «в России нет элементов, которые могут быть привлечены к организации самоуправления. Помимо того, сейчас вообще нет дифференцировавшихся общественных слоев и установившихся классов. Поголовный вывод большевиками всего населения из целого ряда областей (пограничный район, казачьи области и т.д.) и замена его новыми людьми; наконец, ликвидация «кулачества», как класса, и массовая коллективизация совершенно перемешала население и нарушила все прежние связи экономические, моральные, кровные и т.д. Новая власть, которая придет на смену большевикам, на первых порах останется лицом к лицу не с народом, объединенным вековыми моральными и экономическими связями, а с человеческой пылью. В моральном отношении эта человеческая пыль совершенно не обладает данными, необходимыми для существования самоуправления. Во-первых, она отвыкла от какой бы то

ни было самостоятельности. А, во-вторых, вся эта человеческая масса ненавидит друг друга. При падении большевиков все выехавшие и высланные бросятся на прежние места, где столкнутся с теперешними поселенцами и, если в этот момент не будет независимой от населения власти, то вся Россия погрузится в кровавую анархию. Поэтому полагал бы, что в течение ближайших лет, а может быть и десятилетий после падения советской власти, все управление, как центральное, так и местное должно быть осуществляемо чиновниками, назначенными центральной властью и абсолютно независимыми от населения». Предполагая далее известную постепенность в конструкции органов самоуправления и их компетенции, автор приведенного мнения полагает, что «право самому избирать органы самоуправления можно будет предоставлять населению лишь тогда, когда «успеют перемереть все поколения, видевшие советскую власть, хотя бы в детстве».

Не подлежит сомнению, что какой-то переходный период неизбежен, но едва ли правильны попытки определять его предполагаемую длительность и конечные пределы известными сроками — месяцами или годами, по мнению одних, или даже сменой нескольких поколений по только что приведенному взгляду. Несколько смутны, условны и понятия успокоения или наступления порядка, которым также хотят иногда определить конец переходного периода. Огромные русские пространства, разнообразие климатических, экономических, этнических и бытовых особенностей неодинаково, и, надо думать, отразятся на длительности переходного периода в разных частях страны. Неодинаково и не одновременно наступит повсюду и «успокоение». Поэтому, может быть, более удачна мысль определить конец переходного периода завершением устройства «нормального гражданского управления» (опр. л. № 13). Следовало бы только развить и уточнить это положение в том смысле, что переходный период окончится лишь при установлении в России наилучшего для нее государственного строя. Ни неизбежная вслед за переворотом военная диктатура, ни модные в наше время «вожди», ни, так называемый, демократический строй, кстати сказать, почти агонизирующий в Западной Европе, не дадут русской земле ни прочного порядка, ни полного успокоения. Все это наступит только тогда, когда высшая власть окажется в руках БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ православного русского ИМПЕРАТОРА. Поэтому в дальнейшем изложении я буду избегать термина «переходный период», называя тот промежуток времени, когда по общей обстановке возможность устройства какого бы то ни было самоуправления оспорима — первым периодом, а тот, когда общая обстановка сложится благоприятна — вторым.

Разберем, какие препятствия видимы для устройства самоуправления в первый период. О значении наличия собственников только что сказано выше, и остается проверить, можно ли считать препятствием незаконченность его гражданского управления и неподготовленность населения. Не следует забывать, что самоуправление есть одна из составных частей общего управления и занимает в последнем определенное место. Поэтому при общем устройстве либо это место и должно быть оставлено за ним, либо его займут чиновники. Таким образом, не может,

как будто, и быть вопроса о прямой зависимости устройства самоуправления от общего гражданского устройства, и можно говорить лишь о степени подготовленности населения. Много правды слышится по этому поводу в только что приведенном мнении автора (опр. л. № 30).

Большевикам действительно удалось блестяще поставить дело разврата и порабощения населения, и это их единственное бесспорное «достижение» дало много печальных последствий. Удалось им путем жестоких мер и полного пренебрежения к интересам и нуждам населения довести последнее до пределов нищеты. Но, если верны такие предпосылки, то при выводах автор все-таки сгустил краски. В самом деле. С 1928 г. началась, как известно, коллективизация единоличных крестьянских хозяйств и создание так называемых колхозов. В 1930 г. это дело шло уже «бурными темпами» и «добровольные» передачи в колхозы земель и сельскохозяйственного инвентаря приняли вид настоящего «жертвенного подвига». Так изображала дело Советская власть. «Действительные факты», — говорит Н.А.Базили — «свидетельствуют, однако, с полной неопровержимостью, что коллективизация крестьянских хозяйств могла совершиться только путем величайшего насилия над многомиллионной крестьянской массой».

«За эти «жертвенные подвиги» и «успехи», достигнутые с помощью целой армии добровольцев из городов и воинских частей и сопровождаемые массовыми расстрелами и ссылками на каторжные работы, крестьянство помимо лишения свободы и перехода на принудительный труд, заплатило тем, что в годы успешного построения «социализма в одной стране» свыше 22.000.000. крестьян обоего пола навсегда исчезли из деревни»¹. При этом «с 1932 года убыль крестьянского населения в деревне начинает далеко оставлять за собой прирост городского населения... Только за один 1932-1935 годы убыль крестьянского населения превышает 15.000.000.человек... Именно в эти страшные годы крестьяне вымирают от голода на Украине и на северном Кавказе и сотни тысяч «кулацких» семейств были сосланы в концентрационные лагеря на север и в Сибирь...

«По подотчету Молотова в 1928 году крестьянских «кулаков» насчитывалось всего 5.618.000 душ. К 1 января 1934 г. от этого населения в раскулаченном виде осталось всего 149.000.человек. Остальные 5.469.000 навсегда оказались вынужденными покинуть деревню. При чем часть этих крестьян, будучи поставлена «вне закона» была просто истреблена или вынуждена погибнуть»².

«В период 1928-1934 г. истреблено, погибло, исчезло из основного капитала сельского хозяйства 149,4 миллионов скота... Ценность погибшего скота и погибшей продукции на много превышает ценность выстроенных заводов-гигантов».³

Закончу приведенные справки следующей заключительной фразой Н.А.Базили: «Подобного грандиозного социального переворота, перед которым

¹ Н.А. Базили. Россия под советской властью. Париж. 1937. С. 217

² Там же. С. 215

³ Там же. С. 219-222

конечно меркнет проведенная в СССР национализация индустрии и транспорта, в истории еще не бывало».

Некоторые подсчеты Ив. Солоневича подтверждают описанную мрачную картину. «Я не думаю, — пишет он — чтобы общее число всех заключенных в этих лагерях было меньше 5.000.000.человек... Здесь идет речь о лагерниках в строгом смысле этого слова. Помимо них существуют другие более или менее заключенные слои населения... Думаю, что не менее 1/10 части взрослого мужского населения находится в лагерях или где-то около них».¹

В то время, когда писал Ив. Солоневич, население России равнялось примерно 170.000.000 человек. Отсчитывая на мужское население половину, т.е. 85.000.000 и на взрослое 2/3 этого количества, т.е. около 60.000.000 человек, получим, что определяемая Ив. Солоневичем 1/10 часть равна 6.000.000 человек.

Один из корреспондентов, внимательно следящий за тем, что происходит в России, пишет, что во многих местах изменяется и состав населения. «Так в станицы Северного Кавказа и Дона вселено за 16 лет много северных великороссов; вдоль Бессарабской границы по Днестру населены какие-то высланные инородцы; русские и финские крестьяне Петербургской губернии высланы в Сибирь; во многих местностях густота населения не прежняя» (опр. л. № 6)

Какой же общий облик приняла сельская Россия после того, как весь этот кратко и торопливо описанный ужас до известной степени ослаб и разоренное, пришибленное, закованное в цепи своеобразного, но невиданного рабства крестьянство, вынуждено было как-то приспособиться к тяжким условиям и как-то налаживать свое существование?

По данным, которые приводит Н.А.Базили, население России на 1 января 1936 г., исчислялось в 170.000.000 душ, а ежегодный прирост определялся несколько ниже 2 %. Таким образом, сейчас исчислять население надо примерно в 180.000.000 душ.

По подсчету советских статистиков городское население составляет около 25 %. В интересах Советской власти иметь доказательство «пышного роста» индустриализации. Поэтому указанная цифра вероятно не преуменьшена. Таким образом, сельское население в настоящее время можно примерно исчислять в 135 миллионов. Так как полного завершения «постройки социализма» все-таки еще нет и «жертвенные подвиги» не вполне прекратились, то на какую-то неподдающуюся учету цифру надо это число убавить. Из опасения ошибиться сделаем крупную сбавку и скажем, что население сельской России надо исчислить в 120.000.000 душ. Как уже сказано выше, почти все единоличные хозяйства отобраны в колхозы, а крестьяне получают за свой труд по весьма сложной системе «трудодней» более, чем скромную плату. По Советской конституции 5.XII.1936 г. (ст. 7) каждый колхозный двор имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли (1/2 - 1 гектара) и в личной собственности подсобное хозяйство на этом участке: жилой дом, продуктивный

¹ Ив.Солоневич. Россия в концлагере. С. 7-8.

скот, птица и мелкий хозяйственный инвентарь. Весной 1935 года на этих участках было засеяно 3.000.000 гектаров, весной 1936 г. — 4.000.000 га. По новому колхозному уставу разрешается каждому колхозному двору иметь в личном владении одну корову, две головы молодого рогатого скота, свинью с поросятами и 10 овец. Эти нормы в некоторых не чисто сельскохозяйственных районах несколько выше, а в чисто скотоводческих, устав разрешает иметь 8-10 коров и около 100-150 овец.

В 1936 году было в миллионах голов:

	в колхозах	у индивидуальных колхозников	у единоличников
коров:	4.010	12.032	1.094
свиней:	7.350	16.960	0.989.4 ¹

Таким образом, в приусадебных хозяйствах было втрое больше коров и вдесятеро больше свиней, чем в колхозах.

Я взял как пример несколько показаний, относящихся к животноводству, состояние которого обыкновенно всего лучше отражает общее положение хозяйства. Но по сведениям, который время от времени проникают в печать, видно, что в противовес колхозам, карликовые приусадебные хозяйства начинают развиваться и удовлетворять не только многие нужды своих владельцев, но и выбрасывать на рынок некоторое количество продуктов.

Итак, несмотря на длительные моральные испытания и огромный материальные потери, многотерпеливое русское крестьянство не обратилось в «человеческую пыль», а продолжает, как и прежде, составлять определенный сельскохозяйственный класс, который дает нормальный прирост, хозяйничает и даже ухитряется улучшать свои хозяйства. Крестьянство не впало в отчаяние и не потеряло самостоятельности. Далее. Оно без перерыва ведет неослабную борьбу с насильниками и нередко побуждает их прибегать к вынужденным уступкам. Далеко не склонный к оптимизму Ив. Солоневич пишет, что «акты протестов с кровавыми последствиями не прекращаются. Партийцам и всякому бесчисленному сельскому и колхозному начальству нельзя убрать с письменного стола револьвер или приотворить на стук дверь своей комнаты, не протягивая поставленного на выстрел нагана»².

Значит, ни массовые расстрелы, ни концлагеря, ни ссылки, ни другие устрашающие меры, ужас которых всем нам, живущим здесь на свободе и в безопасности, трудно представить, не искоренили до конца ни чувства достоинства, ни воли к самозащите и самопожертвованию. Что касается других сторон морального облика сельских жителей, то и здесь, конечно, «достижения» советской власти значительны. Пропаганда безбожия, поощрение доноительства, ослабление семейных начал — все это даром не прошло. Однако, и на этом печальном фоне немало светлых и ярких пятен. В описаниях того же Ив. Солоневича находим ряд морально положительных типов. Вот, например, коммунист Сеня, б. председатель колхоза, умирающий в больнице от полученных ран. Он знает своего врага, но не на-

¹ Н.А. Базили. Россия под советской властью. Париж. 1937. С. 243-244, 300.

² Ив. Солоневич. В деревне. Современные записки. № 58.

зывает властям его имени, считая, что убийца был прав. Сеня трогательно делится принесенным ему шоколадом с соседом, тоже подстреленным, но только с другой стороны, а, прощаясь с посетившим его Солоневичем, просит принести что-нибудь почитать о «настоящей жизни, как люди живут... может Гончарова или заграничное что-нибудь». Вот семья Вавиловых, за которой охотятся и которую как будто и побаиваются местные чекисты; а вот и колхозный конюх Касьяныч, который, стиснув зубы и затаив накипевший гнев против мучителей, из кожи лезет, чтобы спасти от гибели переданных на его заботу колхозных лошадей. Глубокий патриот, он красочно характеризует и мудро оценивает положение: «пропала наша Рассеюшка,.. пропал мужик — пропала и Рассея. Разве-ш можно так мужика зорить?» Это — как из коня хребет вынуть — одна конина и останется».

Интересные и ценные сведения дал в своем докладе Собору православной русской зарубежной церкви 7/20 авг. 1938 г. протоиерей М.Польский, покинувший Россию в 1930 г. Трудно делать выписки из этого правдивого, кратко, но содержательного доклада и приведу лишь некоторые выводы. Упомянув о «днях коллективизации» и отмечая, что делалось под влиянием антирелигиозной пропаганды, соблазнов мира, а также трудности и малодушия перед террором, «который очень трудно осудить», он свидетельствует и о том, что приходилось наблюдать настроения «полного христианского самопожертвования».

«Крестьяне надеялись видеть в большевиках свою власть», — говорит он в другом месте — «и только во дни коллективизации, наконец, распознали, что это их заклятые враги». Очевидно, что против этих «заклятых врагов» накоплено немало и затаенной ненависти, о чем мы имеем единодушные свидетельства многих видевших и испытывавших советскую действительность. Но прот. М. Польский утверждает, что «народ в массе своей не ищет своих врагов и не поминает их, не живет чувством ненависти, но успевает переживать только свое глубокое несчастье, тяжесть большого горя, упавшего на его плечи».

Как далеко такое утверждение от взгляда, что «вся эта человеческая масса горячо ненавидит друг друга». Заслуживают внимания указания прот. М. Польского на примеры малодушия и заблуждений. Нам, зарубежным русским людям эти явления знакомы, так как и среди нас тяготы повседневщины и трудности добывать хлеб насущный смущают многие наиболее слабые души и содействуют тому, что количество «заблудших овец» становится значительным. Мы привыкли хорошо понимать этих людей и, скорбя о них, не осуждать. Но если естественно такое отношение здесь, где нет ни террора, ни жестокого произвола и где сердечное отношение к людям не считают предрассудком, то как же относиться к тем, кто живет в таких материальных и моральных условиях, для полной оценки которых у нас не хватает воображения. Поэтому было бы ошибочным считать, что моральный уровень сельской народной массы останется после падения безбожной власти таким, каким он представляется нам сейчас. Все, кто теперь находится на самых последних ступенях падения, для кого не только не существует ничего святого, но до конца вытравлена потребность его искать, такими, надо думать,

и останутся. С ними придется считаться и оберегаться от них. Но те бесчисленные, кого советские условия лишь согнули, но не изломали, выпрямятся.

Все сказанное приводит к выводу, что сельская Россия жива, что под слоем грязи, накопленной большевиками, в русскую почву осталось немало здоровых корней, способных дать свежие и крепкие побеги, и что нет оснований опасаться полной неспособности сельского населения встать на ноги и начать собственными силами устраивать свою местную жизнь.

О состоянии различных слоев городского населения написано в настоящее время, может быть, еще больше, чем о деревне, и во всех описаниях существенных противоречий нет. Населенность городов растет чрезвычайно интенсивно. В 1923 г. городское население исчислялось в 21,9 миллионов душ, в 1936 г. — в 43,4 миллиона. Такая прибавка произошла главным образом за счет убыли сельского населения, массами покидавшего деревню в дни наибольших «успехов» коллективизации. Эти пришельцы перешли на положение рабочих в разрастающейся индустриализации, заменив остатки старых рабочих-профессионалов, которые в немалом числе соблазнились уйти в «актив» и сделать чиновничью карьеру. Рабочие со своими семьями составляют значительную часть населения некоторых городов. Их труд оплачивается значительно ниже, чем в дореволюционное время. Безработные во Франции получают больше, чем рабочие в России. «В Европе много безработных, но у всех есть еда. В России все работают, но и все голодают»¹.

Вторым значительным слоем является бесконечное советское чиновничество и получиновничество в лице крупных и мелких служащих в разных трестах, кооперативах и т.п. Далее идет интеллигенция и, наконец, обыватели, не принадлежащие к каким-либо определенным слоям, часто «бывшие люди», промышленяющие либо разным ремеслом, либо мелкой торговлей. Большинство этих людей также испытывают сильную нужду, и, может быть, еще более загнано и пришиблено, чем крестьянство. «Серая по одежде и по душе скучная масса глубоко несчастных русских людей», — так характеризует их прот. М.Польский. «В мире ли эта чисто советская масса со своей советской системой?» — спрашивает он и отвечает: «Нет, не в мире». Таким образом, и здесь, очевидно, накопилось немало недовольства и злобы, но опять таки не к друг к другу, а к власти.

Очень живо описывает городскую среду некто Цилига, итальянский подданный, хорват по происхождению, коммунист, человек с высшим образованием. Он, как и многие заграничные коммунисты, соблазнился побывать в «раю» и не так давно после тюрьмы и ссылки кое-как выбрался оттуда. Вот, например, что случилось ему слышать от рабочих:

«Мы живем теперь хуже, чем при капиталистах. Если бы такой голод, такие ставки были при старых хозяевах, мы бы уж тысячу раз бастовали. Но что будешь делать? Мы сами хотели Советскую власть, как теперь будешь против нее бастовать?»

¹ Н.А. Базили. Россия под Советской властью. Париж. 1937. С. 292-293

«Слишком много несправедливости, не коллективизм идет там, а грабеж».

«Шли в комнату, а попали в другую».

«Что нам эта политика принесла? Голод, больше ничего».

«Где же тут союз с крестьянством, когда у крестьян все отнимают».

Мы видим, что здесь не только разочарование и, может быть, даже, про- блески раскаяния, но и осуждение режима по мотивам морального свойства.

По свидетельству Цилиги ГПУ иногда продает осужденных инженеров... различным трестам и фабрикам по всей России. Половину или две трети причитающегося такому инженеру жалованья, получает ГПУ, а остаток идет в пользу сданного в наем инженера. «Самое удивительное во всем этом — добавляет автор — было, пожалуй, то, что люди мирились с этим без заметного возмущения, словно говорили: ну что же и это выдержим, как-нибудь вывернемся и из этой передраги, без нас ведь не обойдутся»¹.

Однако, как мы знаем, в советской России не все «серы» и испытывают нужду. Там народилась своя буржуазия и аристократия. Так называемые «стахановцы», а так же верхние слои «актива» и интеллигенции в материальном отношении устроены отлично.

Очевидно, что из этой среды, к сожалению, может быть наиболее способных и образованных людей, трудно будет отсеять что-нибудь пригодное для будущей России, хотя часть их вероятно усвоит тактику «перелетов» смутного времени. Всего больше нас должен интересовать моральный уровень советской молодежи, постепенно вливающейся в ряды активных деятелей. Естественно, что на ее со- вращения Советская власть, уделяет наибольшее внимание. Результаты этого на- столько разительны, что сами советчики забили в набат и в советских газетах последнего времени немало указания на необходимость борьбы с распущенностью и развращенностью детей и юношей. Цилига оценивает молодежь с точки зрения правоверного коммуниста, но, тем не менее, его наблюдения весьма интересны.

«Больше всего интересовали меня студенты», — пишет он. «Студенты коммунистического университета представляли своего рода цвет ленинградского про- летариата. Молодые, здоровые, энергичные люди 25-30 лет, почти поголовно в прошлом ленинградские рабочие со значительным стажем общественной рабо- ты, с отчетливой общественной шлифовкой, культурные, образованные, умные, «джентльмены от пролетариата». Из их среды, казалось мне, должны выйти люди, которые возглавят новую борьбу рабочих против бюрократии, их социальное про- исхождение и связи с рабочим классом... их молодая энергия — все говорило за это. Но преподавательская работа показала мне, что к вопросам истории, соци- ологии... они подходят совершенно механически, казенно. Они прекрасно заучи- вали все то, что им предписывалось и как предписывалось, но ни их запросы, ни их пылкость не шли дальше учебника. Какой яркий образчик духовной маши- низации. Когда я пытался толкнуть их мысль дальше казенных рамок, сделать ее

¹ Цилига. В Ленинграде. Современные записки. № 66. С. 330-336.

более чуткой, критической, они оставались глухими. В этом было уже что-то от притупления социального чутья.»¹

Описываемая здесь студенческая среда очень хорошо обеспечена и находит естественным и не смущается, видя, что «рабочие нуждаются во всем необходимом». Цилига называет их «юнкерами бюрократии». По-видимому это и есть подготавливаемая смена «актива», из которой вырабатываются потом «твердой души прохвосты». Но в дальнейшем Цилига противопоставляет им других учащих из комсомольской учебной группы. В качестве примера он вспоминает девочку, которая на все происходящее смотрела тревожно, почти мрачно... Она была очень затронута противоречием между реальной жизнью рабочих и тем, что об их жизни писалось в газетах и книгах, почему существует этот разлад, почему он не исчезает, когда и как он может исчезнуть, да и исчезнет ли он вообще.

Есть, наконец, и некоторые косвенные указания, свидетельствующие, что у советской молодежи, как у всякой другой, появляются различные запросы, стремления найти правду, желание познакомиться с прошлым своей Родины, узнать о жизни и делах великих людей, растут и зреют чувства национальной гордости и привязанности к родной земле. Недаром советчики заговорили о патриотизме, переиздают Ключевского, поют гимны крупным деятелям прошлого. Они, конечно, и здесь прибегают к излюбленным и испытанным средствам — лжи и подлогу и, сознавая свое бессилие остановить молодые порывы, стремятся направить их по выгодному для себя пути, представив молодежи русскую историю в советском издании (Тарле, А. Толстой и т.д.). Напрасный труд: правда пробьет себе дорогу.

Итак, не закрывая глаз на теневые стороны русской жизни, не надо пренебрегать и показателями положительного свойства. В городских жителях так же, как и в сельских, не все убито, не все запачкано настолько, чтобы многое нельзя было отмыть, очистить и, что важнее всего, к такому очищению люди часто стремятся сами, находя в этом не только утешение, но и помощь для развивающейся борьбы.

Многочисленные, хотя пока и отдельные, проявления «высоты духа» мы видим. Таким образом, не «человеческая пыль» стелется сейчас серой пеленой по русской земле, а в грязной мути, созданной большевиками, началась и идет кристаллизация сохранившихся и нарождающихся духовных сил. И вот, на этих носителей «высоты духа» на этот, по словам Г.Федотова, «чудесный остаток»², который живет в России и завтра начнет «актуализироваться в ее культуре», нам и следует ставить ставку.

Необходимо разобраться теперь, что предпочесть, т.е. передать ли в первый период управление местными делами в руки чиновников или строить самоуправление.

¹ Цилига. В Ленинграде. Современные записки. № 66. С. 301

² Г.Федотов. Завтрашний день. Современные записки. № 66. С. 368

Кн. А. Васильчиков определяет понятие «самоуправление» так: «самоуправлением называется такой порядок внутреннего управления, при коем местные дела и должности заведываются и замещаются местными жителями — земскими обывателями». В отличие от сего, бюрократическим строем он называет «такое устройство, когда все дела и должности поручаются сторонним лицам не вследствие принадлежности к той местности, которой они управляют, а по произвольному выбору и определению начальства, правительства». Поэтому в одном из самых развитых самоуправлений — английском — наравне с выборными управами существуют назначаемые короной мировые судьи. Но назначаются они непременно из местных людей и в пределах закона действуют совершенно самостоятельно, возможно, что отмеченное упущение отразилось на ответах корреспондентов. Большинство из них, как мы видим, отрицательно отнеслось к устройству самоуправления в переходный период, но, может быть, некоторая часть этого большинства взглянула бы на дело иначе, если бы необязательность выборного начала была подчеркнута.

Впрочем, это не имеет пока особенного значения, так как в разбираемом мнении совершенно определенно указывается на необходимость передать заведывание местными делами в переходный период чиновникам, абсолютно независимым от населения, иными словами признается неизбежность установления приказного строя. Здесь так же придется усомниться в правильности взгляда уважаемого корреспондента. Непонятно, почему при предполагаемой им едва ли не всеобщей непригодности людей в момент падения Советской власти, проще и легче найдутся хорошие чиновники, чем деятели самоуправления. Автор видит преимущество чиновников в «абсолютной» независимости. Но ведь кроме этого нужны и другие важные качества, которыми бы определялась пригодность. Выяснить сравнительные преимущества надо, впрочем, до конца. Не надо забывать, что существуют части управления, которые нельзя поручать органам самоуправления, но существуют и такие дела, которые не могут вести достаточно удовлетворительно чиновники, если бы в русских условиях населению предоставлено было выбирать губернаторов или председателей контрольных палат, результаты могли бы оказаться плачевными. Но столь же плачевны были в свое время результаты опыта, при котором чиновники строили больницы, намечали и прокладывали местные дороги и чинили мосты.

Интересны взгляды, которые выказывали по разбираемому вопросу старые русские исследователи. «В нашей русской натуре, — пишет кн. А. Васильчиков — все те черты народных нравов и обычаев, которые делают людей способными к самоуправлению и, напротив, делают их негодными для администрации»¹. Позволю себя привести еще несколько заключительного характера выписок из собранного им богатого материала.

Во всех странах и у всех народов кроме высших государственных... интересов, есть еще и много других скромных нужд и польз, которые должны быть удовлет-

¹ Кн. А. Васильчиков. О самоуправлении. Т I. С. 7.

ворены на местах по местным соображениям и местным сведениям и совершенно независимо от политических целей и видов.

Самоуправление в том смысле, как разумеют это в Англии и Америке, имеет то преимущество, что выделяет внутреннее управление из сферы политики и потому оно и стоит в сознании этих народов выше всех временных, случайных односторонних взглядов партий и в стороне от их шумных и смутных словопрений...

И что, наконец, оно охраняет с равным уважением монархическое и республиканское правления... Самоуправление применимо к различнейшим условиям народного быта. ... То учение, что для введения самоуправления надо предварительно воспитывать народ, ожидать его зрелости и совершеннолетия, руководить его и опекать, представляет дело в совершенно превратном виде... Мировое земское самоуправление есть единственная и лучшая икона для народа. Эта школа ведет все сословия самым прямым путем к политической зрелости. Откладывать введение земских учреждений до полного возраста народных масс значит откладывать дело до неопределенного срока, который никогда не наступит; ожидать такого развития, какое не может проявиться пока народ не вступит в заведование своими делами. Из этого порочного круга нет выхода»¹.

Не мешает вспомнить и мнение другого русского ученого проф. Градовского. Вот некоторые из его заключений. «Без самостоятельности общества самостоятельность администрации не может повести ни к каким удовлетворительным результатам. Общество должно входить в организм провинции для того, чтобы организм этот явился одним живым целым».

«Мнение, что участие общества в местном управлении требует таких условий, при которых только немногие страны и то не в одинаковой степени способны его принять» проф. Градовский относит к разряду «политических софизмов», ибо централизация так же требует известных условий и может вместо пользы принести вред и из орудия прогресса превратиться в орудие застоя или даже разрешения».

... «Государство, подчиняя себя всю совокупность общественных организаций, не может дойти без ущерба для общества и самого правительства до полного уничтожения их самобытности и забвения их интересов. Полная диктатура государства... может быть временным, переходным фактом, но не может сделаться постоянным явлением»².

«Правительство, управляющее посредством одних официальных органов, привыкает смотреть на страну, как на простую совокупность неделимых. Оно нигде, ни в чем не видит преград своим распоряжениям; под именем преград, мы разумеем здесь, не совокупность провинциальных вольностей, на основании которых провинциальное население могло бы противиться законным требованиям правительства; здесь имеются в виду те исторические условия и экономические

¹ Там же. С. 3-5 (Здесь и далее подчеркнуто Н.Мельниковым)

² Проф. Градовский. История местного управления в России. Доклад. С. 21, 26, 35, 83, 84.

начала, которыми должна определяться деятельность каждого правительства, которые делают его политику истинно-национальной».

«Без этих условий правительство легко превращается в отвлеченного мыслителя, «а priori» устанавливающего разные законы... Благодаря им правительство движется вместе с обществом; историческая жизнь и ее постепенное развитие делается мотивом и критерием правительственной деятельности и государство становится глубоко историческим».

«С одной стороны государство, служащее лишь материальным целям общества и нередко превращающееся в орудие партии, с другой — государство вовсе не признающее общественных целей — вот два возможных исхода централизации. Или индивидуальные стремления разрознят общественный строй, «понесут землю розно», или установится единство, убийственное для жизни общества.

Первый случай есть путь к анархии; второе открывает дорогу деспотизму; и тот, и другой результат убивает национальное чувство в корне.

Самоуправление является именно тем средством, с помощью которого индивидуальная жизнь легче всего связывается с государственной».

Усиливая значение закона для общественной жизни, самоуправление в то же время дает большую силу государственной власти в том смысле, что с помощью его разные общественные элементы, стоявшие прежде вне государственной жизни «получают организацию и поступают под контроль правительства. Государство, которое думает ограничиться одними официальными органами, может быть уверено, что всегда найдутся известные стороны экономической, умственной и общественной жизни, которые развиваются помимо него. Нарастание их сначала незаметное, впоследствии образует силу, стоящую вне государственной деятельности и нередко враждебно относящуюся к правительству»¹.

Остается ответить на опасения, что с уничтожением крупно-землевладельческого класса в общем составе будущих земских деятелей, будет сильно ощущаться недостаток культурных сил. (опр. л. № 2 и др.)

В приведенном замечании кн. А.Васильчикова о «порочном круге» слышится ответ и на этот вопрос, но важность его требует более полного освещения. При введении земских учреждений крупно землевладельческий класс, особенно в лице дворянства, был по образованности и культурности, конечно, неизмеримо выше крестьян, в подавляющем большинстве даже и неграмотных. Что же касается до подготовленности к земской общественной деятельности и к ведению общественного хозяйства, то ею, естественно, не обладал никто. И если внимательно ознакомиться с разнообразными общественно-хозяйственными приемами первых земцев, то видно будет, что многие земские мероприятия того времени, особенно в экономической области, отмечались, если можно так выразиться, некоторой кустарностью...

¹ Там же. С. 97-98, 104, 105, 108.

Кн. А.Васильчиков указывает, что слишком широкая компетенция, выраженная часто в неясных и довольно расплывчатых нормах, была Положением 1864 г. предоставлена с тем, чтобы «степень хозяйственной пригодности будущих местных деятелей определилась самой жизнью и чтобы путем последующих наблюдений выяснить, что составляет лишний балласт и чего не хватает». Гораздо более серьезной была политическая роль крупно-землевладельческого класса. Создавая земские учреждения при полном незнании, какие политические последствия вызовет эта реформа в загадочной аморфной, только что вышедшей из векового полурабства среде, власть смотрела на крупно-землевладельческий класс, как на опору, в расчете, что он будет сдерживать и смягчать возможные колебания политическая свойства и что его стремления и заявления помогут разбираться в общественных чаяниях и настроениях. В значительной мере эти расчеты оправдались, а там, где они не оправдались, вина была в бюрократических ошибках одной стороны и в недостаточной политической зрелости другой. Когда в счастливое Столыпинское время ошибки стали сознавать, политическая зрелость повысилась, земство и пошло уверенными и быстрыми шагами по тому пути, который предвидел и предназначал великий Царственный Реформатор. Сейчас иное, несравнимое с прежним положение. Значительно повысился не только образовательный уровень крестьянства и средних классов, что особенно важно, населению суждено было стать участником и ответчиком в таких политических, социальных и экономических пертурбациях и пережить такие испытания, которые не могут пройти бесследно и заметно отзовутся на подъеме хозяйственной деловитости, практичности и политической сознательности. Жесткая Советская школа или губит людей до конца, или очищает, развивает и закаливает. Отсюда черпается и уверенность, что в новой России не будет резкого недостатка в достаточно культурных элементах. Необходимо лишь умело их собрать, угадать силу, которая направит их по благостному пути и, установив сразу без колебания и опасений правовой строй, с необходимой осторожностью и постепенностью, но в то же время, и с доверием и [станет] искать опору в местных людях, [а] не только в людях приказных. Выше указывалось, насколько тревожны и трудны могут быть первые дни свободы. Можно ли это считать препятствием к устройству самоуправления? Думается, что наоборот. Большой и, может быть, роковой ошибкой было бы не дать населению в первые же дни освобождения такую агентуру для местных дел, которая бы хорошо их понимала, была бы заинтересована в них материально и морально, ответственна и перед законом, и перед своими односельчанами. Это больше всего будет содействовать не только успокоению, но что еще важнее, умиротворению.

Бесконечно прав прот. М. Польский, когда, отметив, насколько обесценена, пренебрежена и унижена сейчас в России человеческая жизнь и человеческая личность, он говорит, что «русской эмиграции», добавим от себя, и вообще всем русским людям, «нужно считать своим призванием и готовиться к тому, чтобы явиться в Россию с лечением этих ран... прекратить потоки крови, заглушить месть, принести мир, прощение, любовь и свободу, подлинную радость».

Взглянем правде в глаза. Из кого, самой доброжелательной и заботливой власти, удастся набрать местную агентуру, если местные силы будут для этого забракованы? Из штабс-капитанов Ив. Солоневича и им подобным? При полном уважении к этим почтенным людям и при искреннем признании их полезности в сфере их специальности, не представится ли нам ясно тот ужас, когда они начнут осуществлять на местах «сильную власть»? Это будет эпоха нового и горчайшего самовластия: самовластия освободителей.

Перехожу к прямому ответу на 1-ый пункт опросного листа: устройство самоуправления не только возможно, но и необходимо немедленно после падения советской власти.

Однако, установив такое положение, надо сказать, каким должно быть это самоуправление, иными словами ответить на дальнейшие вопросы анкеты. Второй пункт читается так: «Не будет ли неизбежным и целесообразным использовать для устройства самоуправления местные «советы» и «исполнительные комитеты», т.е. те учреждения, которые ведали местными делами при советской власти, с тем, однако, чтобы тотчас же обновить их состав, точно определить их компетенцию и организовать надлежащий надзор за их деятельностью».

На этот вопрос получены прямые ответы от 17-ти корреспондентов, из которых 8 находят возможным при известных условиях приспособить существующие советские учреждения, хотя бы и «вынужденно», и с большой осторожностью». Остальные 9 держатся обратного мнения. Приведу из них те, которые подробнее мотивированы.

«Головку придется целиком сменить всюду и с первых же дней. Сохранять при этих условиях имя советов считаю вредным: надо показать, что новая власть не имеет ничего общего с советской даже по имени» (опр. л. № 5)

«Местное население к этим большевистским учреждениям, служащим лишь для выколачивания налогов и вящего его применения, относится не только с полным недоверием, но и с ненавистью настолько укоренившейся, что всякое напоминание о них будет для него неприемлемым» (опр. л. № 25)

«Ни в коем разе. Все учреждения, пропитанные ядом сатанинской власти, должны быть сметены без остатка» (опр. л. № 26)

Если сопоставить эти мнения с единодушными указаниями всех, кто переживал советскую действительность и наблюдал отношение населения к советской власти, и если принять во внимание мотивы принципиального свойства, то надо признать, что право большинство корреспондентов, и, как бы ни были соблазнительны некоторые практические соображения, необходимо, отбросив всякие компромиссы, отречься от советов и их создателей во всем и до конца.

Благодаря такому ответу п.3 и первая часть п.4, анкеты падают, и надо сейчас же сказать о формах и конструкции местных учреждений, которые должны быть созданы взамен советских.

Следуя справедливым указаниям многих корреспондентов, надо, прежде всего, признать, что сразу строить самоуправление на широких основаниях, включая

в сферу его компетенции не только хозяйственную, но и административную и судебную части, было бы все-таки неосторожно и что известная постепенность в нагрузке самоуправляющихся органов неизбежна.

В дореволюционных учреждениях, возникавших иногда в порядке пристроек к главному зданию, не было в последнее время достаточной стройности простоты. Требовались реформы, подготовка к которым шла и осуществлению которых помешала революция. Поэтому теперь надо говорить уже не о реформах, а о новой постройке. Ее фундаментом должны быть: строго выдержанный правовой строй, общее равенство перед законом, близость власти к населению и удобства сношения с ней. Исходя из этого, необходимо первую ячейку для всех частей местного управления поместить в волости. В отдельных селениях будет действовать простая и всецело подчиненная волостным учреждениям и властям агентура в составе 2-3 лиц, в зависимости от величины селения и при условии, что самые мелкие, с числом дворов ниже известного минимума, будут в хозяйственно-административном отношении соединены. Отсюда общая схема устройства рисуется в таком виде: в каждом селении или известной группе селений будет помещаться «земская изба» с земским старостой, как агентом по хозяйственным делам и с 2-3 стражниками, как агентами административной полицейской власти. Оговариваюсь, что разумею здесь полицию благочиния, а не политическую, для устройства которой должен быть установлен особый порядок. В центральном селении волости должно помещаться волостное управление с волостным начальником для административно-полицейской части, волостным судьей, в компетенцию которого должна входить, кроме судебной и нотариальная часть, и волостная земская управа для части хозяйственной. Соответственно этому в центре уезда — уездном городе должно поместиться уездное управление с уездным начальником, уездным судьей для дел, не подсудных волостным судьям, и уездной земской управой. Наконец, в губернском городе поместиться губернское управление со всякими высшими губернскими учреждениями, в числе которых будет и губернская земская управа, как орган, заведующий хозяйственными мероприятиями губернского масштаба.

Замыкаюсь теперь снова в рамки доклада и делаю из только что сказанного вывод, что все хозяйственные дела губернии в зависимости от их свойства и значения должны распределяться между волостными, уездными и губернскими земствами. По этому поводу два корреспондента отметили, что было бы достаточно волостных и уездных земств (опр л. № 20 и 25), как в целях экономии, так и по другим практическим соображениям, подробно развитым в ответе одного из них (опр л. № 25). Отмечая неудачу некоторых мероприятий губернских земств, произошедших, замечу от себя, не в полной мере по их вине, — и возможность без вреда для дела передать другие либо в ведение центральных правительственных органов, либо в уездные земства, автор на этом и строит свой вывод. К сожалению, исчерпывающий ответ на это мнение потребовал бы такого исследования, которое чрезмерно увеличило бы размеры доклада и, поэтому поневоле придется ограничиваться лишь некоторыми замечаниями общего характера.

В докладе Женевскому совещанию 1937 г. было указано на возможность обойтись без уездных земств, если первые земские ячейки возникнут на приходских территориях, а вторые — в округах, включающих примерно 3-4 волости. Отступая теперь от этого взгляда по соображениям, которые будут приведены ниже, и давая в предложенной схеме место волостным и уездным земствам, я решительным образом выступаю на защиту губернских земств, необходимость и важность которых подтверждает мне многолетний опыт. Отмечу, сперва, что понятное стремление к экономии не должно переходить известных границ: «дорого, да мило; дешево, да гнило». ...Нельзя, например, чрезмерно скупиться на полицию, что, к сожалению, допускали раньше; на устройство суда и т.п. Дорогие учреждения, в конечном итоге, могут стать выгоднее дешевых, так как вытекающие из-за дешевизны недостатки последних влекут к неучитываемым, но весьма ощутительным скрытым расходам, которые ложатся на плечи населения. Внимательное изучение губернских и уездных хозяйств нередко указывает на сравнительно большую дороговизну уездных мероприятий при больших технических недостатках последних. Это и понятно, так как в уездах труднее составить технический аппарат, доставить многие необходимые материалы и т.п. Увлекаясь соображениями о материальных выгодах, автор разбираемого мнения упускает из вида, что к губернскому земскому столу естественно притекают отборные силы, что там кругозор становится шире и глубже, что одним из существенных земских прав является право ходатайств перед центральной властью по крупным и часто государственного характера вопросам, которые могут быть недостаточно понятными для уездов и неподдающимися надлежащей оценке с некоторых уездных высот. Центральная власть бывает иногда вынуждена требовать заключения земств по различным законодательным предположениям и ей легче разобраться в 50-ти мнениях, чем в 600-х.

Кто же с большим авторитетом и с лучшими результатами будет защищать общественные интересы? Без поддержки губернского земства уездные учреждения силою вещей, утратят самостоятельность, т. е. один из самых ценных элементов самоуправляющихся органов, и обратятся в коллегии мелких, безответственных и плохих чиновников. Поэтому на вопрос, что лучше: уничтожение губернского земства или уничтожение самоуправления вообще, можно без колебаний предпочесть последнее.

После покушения на существование губернского земства, автор предполагает все же сохранить губернское земское собрание в виде совещательного учреждения по нуждам всей губернии и отдельных уездов при начальниках губерний. Примерно ту же мысль бросает еще один корреспондент, предполагая подобные «совещания при представителях военной диктатуры: военных губернаторах и военных уездных начальниках» (опр. л. № 29)

Каждый представитель власти может советоваться с местными или вообще с полезными, по его мнению, людьми и вероятно «такая манера работать нередко ведет к добрым последствиям. Другое дело по закону создавать при местной власти совещательные учреждения, со взглядами которых ей поневоле придется

считаться, оставляя ответственность за собой. В лучшем случае такие учреждения вырождаются в отнимающие время и создающие всякую путаницу говорильни, а в худшем, но все же возможном, будут обессиливать власть.

Перехожу теперь к вопросу конструктивного характера. Первый из них, создавать ли сразу выборные земские собрания и управы, или на первое время назначенные.

Один из корреспондентов (опр. л. № 34) отмечает, что «население может оказаться на 1/2 года и больше неспособным ни к какому избирательному акту». Это мнение разделяется подавляющим большинством и надо признать его основательность.

Поэтому, на первое время от каких бы то ни было выборов придется отказаться и строить учреждения путем назначения ответственных должностных лиц представителями центральной власти.

Так, право назначения земских старост можно было бы вверить волостным начальникам; волостные управы могли бы по представлению волостного начальника назначаться уездными начальниками; уездные управы — начальниками губернии и наконец губернские — либо наместниками, либо министрами внутренних дел по представлению начальника губернии.

Такой порядок, как уже было сказано, не колеблет принципа самоуправления, но только при двух условиях, которые и необходимо соблюдать, а именно: все должностные лица должны обязательно назначаться из местных людей, а отстранять их от должности в течении указанного законом срока их службы административная власть может лишь либо за установленные с соответствующей судебной властью незаконные действия, либо в случае, когда будет обнаружено и так же подтверждено судебной властью неправильное и не согласное с законом назначение.

Теперь необходимо точно объяснить понятие «местные люди» и установить, кто из их состава может быть призван к земской работе, иными словами коснуться вопроса о цензах.

«Местными» жителем может считаться только тот, кто, во-первых, оседло живет в данной местности не менее известного срока, например, трехлетнего; кто, во-вторых, тесно связан по своим занятиям, с местными интересами; кто, в-третьих, платит за свое имущество земские сборы. Мы видим, что очень многие местные жители были в порядке преследования насильственно оторваны от своих хозяйств и либо сосланы на жительство в другие местности, либо на каторжные работы в концентрационные лагеря. Немало местных жителей, спасая свою жизнь и не желая прекращать борьбу с насильниками, ушло в эмиграцию. Справедливо было бы признать и тех, и других, не потерявшими оседлости, если, вернувшись в родные места, они мирно займутся тем или иным делом, которое вновь свяжет их со своей местностью.

В соответствии со взглядами большинства корреспондентов необходимо было бы считать пригодными к работе в органах местного самоуправления лишь тех местных жителей, которые обладают цензам имущественным, возрастным

и образовательным. К первым должны быть отнесены в сельских местностях все единоличники и колхозники, обладающие приусадебными участками, а также лица, являющиеся собственниками хотя бы жилых помещений и одновременно занятые каким-либо постоянным промыслом, ремеслом или службой.

В городах имущественным цензом будут обладать домовладельцы и владельцы различных промышленных и торговых предприятий. По сведениям одного из корреспондентов (опр. л. № 29), относящимся к 1928 году, в городах, особенно мелких во владении прежних собственников находилось еще 4/5 строений.

Так как по понятным причинам советская власть отбирала лишь крупные городские имущества, то нет основания сомневаться, что указанное положение заметно изменилось. Однако обладателями имущественного ценза могут считаться лишь те, кто владеет имуществом не ниже определенного размера, так как чрезмерно мелкие владения не обеспечивают необходимой связанности владельцев с местностью. Определить эти минимумы сейчас не представляется возможным за неимением необходимых данных. Надо думать, что не только в разных частях страны, но даже и в пределах одной губернии придется установить несколько рядов владений, дающих владельцам земскую правомочность.

По вопросу о возрастном цензе мнения корреспондентов расходятся довольно сильно: одни считают достаточным гражданское совершеннолетие, т. е. 21 год, другие указывают на желательность более зрелого возраста, а именно 25, 30 и даже 40 лет (опр. л. № 24).

Может быть, всего лучше было бы остановиться на возрастном цензе 25 лет, как это было по Положению 1864 г., так как более ранний возраст дает заметное количество неустановившихся и не пользующихся авторитетом людей, более поздний сильно повлияет на сокращение круга лиц, из которых придется черпать составы.

Единодушно указывают корреспонденты на необходимость образовательного ценза, особенно для лиц, избираемых на должности. В соответствии с такими указаниями желательно было бы для земских старост, а также для состава волостных управ и членов уездных считать как минимум обязательным окончание низшей школы, а для председателей уездных управ и всего состава губернских — среднее образование.

Особенное значение при современной обстановке приобретает вопрос о моральном цензе. В известном виде он требовался и раньше: к службе допускались лица с установленной «политической благонадежностью». Теперь иное положение. К службе нельзя призывать не только раскаявшихся коммунистов или других социалистов, но и безбожников, и состоящих в каких-либо тайных обществах, и тех, кто ведет предосудительный образ жизни. В местностях, где находятся или возникнут приходские организации, в обязанность назначающей составы земских должностных лиц администрации должно быть поставлено запрашивать их мнение о намеченных кандидатах и, в случае отрицательных отзывов, воздерживаться от назначений.

Вопрос об участии в земском самоуправлении женщин было бы для первого периода целесообразнее отложить. Нельзя допускать для назначаемых на земские должности никакого совместительства: они должны отдавать весь свой труд только земской работе. К лицам, которые не могут быть назначаемы, надо отнести и указанных в статье 17 Положения 1864 г., т.е. находящихся под уголовными следствиями или судом, а также иностранцев, не присягнувших на подданство России, некоторые корреспонденты указывают на необходимость дополнить этот перечень евреями. Но степень гражданской правомочности евреев — вопрос государственный, а не местный и в сфере местного самоуправления автоматически появятся лишь впоследствии его разрешения в государственном масштабе.

Нужны ли для первого периода земские собрания и, в утвердительном случае, как их организовать. Думается, что земские собрания необходимы земской работе, хотя бы исполняли ее и назначенные лица, надо все-таки с самого начала придать общественный характер, приблизить ее к населению. Поэтому нужны будут и назначенные гласные. В качестве таковых полезно было бы привлечь также и должностных лиц, о которых только что сказано выше.

Так как в пределах каждой губернии будет очевидно немало казенных недвижимых имуществ, подлежащих обложению земскими сборами, то в уездных и губернских земских собраниях, как и раньше, должны участвовать на правах гласных представители казны, число которых должно быть определено законом, но не должно превышать числа рядовых гласных, не считая управ.

Председательство в земских собраниях, возможно, было бы возложить на председателей земских управ. В этом отношении есть благоприятные указания опыта. Председательствовали в земских собраниях предводители дворянства. По Положению 1890 г. должности уездных предводителей дворянства и председателей уездных управ были совместимы.

Институт предводителей дворянства, которые в свое время блестяще оправдали оказанное им доверие, восстановить нельзя, но использовать в будущем указанный удачный опыт прошлого возможно.

Несколько подробнее необходимо остановиться на вопросе о компетенции и надзоре. «Чем более простора и развития дастся местному самоуправлению, тем определительнее следует очертить круг» действий местных учреждений и властей», — говорит кн.А. Васильчиков. Такой «определительности» как раз и не было в обоих Положениях о земских учреждениях. Беру примеры. Ст. 66 Положения 1864 г. давала право губернским земствам издавать разные обязательные постановления, с тем, чтобы они «не были противны существующим им общин указаниям». Кто же был судьей в суждении о соответствии издаваемых постановлений с общими указаниями». Либо само же земство, либо администрация, на утверждение которой отсылались проекты постановлений, т.е. те учреждения, которым право толкования закона не предоставлено.

По п. VII. ст. 2 того же Положения земства в школьном деле принимали участие преимущественно в хозяйственном отношении. Это «преимущественно»

породило в свое время немало недоразумений, что, между прочим, и вызвало, может быть, вместе с другими соображениями дружный отзыв всех корреспондентов, что в деле народного образования земствам и должно быть предоставлена забота только о хозяйственных нуждах учебных заведений.

По п. VI-ой той же статьи земствам предоставлялось «попечение о развитии местной, торговли к промышленности». По поводу этого кн. А. Васильчиков справедливо замечает, что вмешательство в дело развития торговли (в общих выражениях) может обратиться в «орудие» покровительства некоторых мелких губернских или уездных интересов в ущерб общего народного хозяйства».

По пункту VII ст. 68 в компетенцию губернского земского собрания входило «установление новых сборов на губернские земские потребности» право установления податей и повинностей прерогатива верховной власти, и земству могло быть предоставлено лишь право составлять сметы и раскладки в пределах установленных сборов, что, например, строго соблюдается в Германии и Англии.

Наши губернские земства могли, как сказано выше, издавать обязательные постановления с тем, чтобы «они не были противны общим узаконениям», а в Англии — с тем, чтобы они отвечали общим узаконениям. Таким образом, в последнем случае право опирается «не на молчание или пропуск закона, а на его положительное предписание: где закон умолкает, там и прекращается самодеятельность местных учреждений». «Эта неопределенность закона, эта шаткость в отношении пределов власти — заключает кн. А. Васильчиков — более опасна, чем полезна для самостоятельности земских учреждений, так как именно здесь готовая почва для столкновений с администрацией и конечная победа последней»¹.

Все это приводит к выводу, что при определении компетенции будущих земских учреждений, надо, как это и указывают некоторые корреспонденты, базироваться на Положении 1864 г., но с тем, чтобы была тщательно выдержана точность и определенность редакции соответствующих статей и устранено все то, что по существу относится к компетенции законодательной власти.

В том же Положении 1864 г. мы найдем и базу для определения компетенции органов разных рангов, хотя учреждение волостного земства, а так же создание института земских старост потребуют дополнительных правил. Думается, что в обязанности волостных земств должно входить выполнение различных хозяйственных поручений уездных земств, а так же дела и мероприятия, которые, не будучи сложными, требуют близкого знакомства с хозяйственными нуждами каждого селения и постоянных бдительных забот и присмотра. Так, например, ведению волостных земств надлежало бы передать:

а/ заботы о призрении престарелых и потерявших работоспособность.

б/ содержание школьных помещений, включая сюда и мелкий ремонт последних.

¹ Кн. А. Васильчиков. О самоуправлении. Т I. С. 12

в/ наблюдение за должным содержанием дорожных сооружений и дорожного полотна на мелких проселочных дорогах.

г/ устройство и содержание пожарных обозов в селениях.

д/ устройство складов сельхозмашин и орудий, семян и удобрений.

е/ раскладку по селениям земских и других сборов и т.п.

Впрочем, в разных местностях, благодаря различию условий и местных особенностей, должны не одинаково сложиться и обязанности волостных земств.

Что касается земских старост, то их роль должна ограничиваться раскладкой и сбором повинностей по отдельным хозяйствам селения и использованием хозяйственных поручений волостных земств. Последним надлежит нести и расходы по содержанию земских старост.

Надзор за деятельностью местных органов был раньше довольно слабым местом в общем устройстве земского самоуправления. Он был недостаточно близким и бдительным, и был гораздо больше основан на усмотрении, чем на праве. Он осуществлялся тем, что губернаторы или министры внутренних дел утверждали некоторые постановления земских собраний; что любое постановление могло быть опротестовано; что губернаторы имели право ревизовать земские управы.

В новых условиях целесообразнее было бы поставить дело иначе, учредив и в губерниях, и в уездах самостоятельные и независимые органы административной юстиции с председателями из лиц судебного ведомства. Этим учреждениям и надлежало бы вверить права утверждения постановлений, протестов и ревизий.

Остается сказать о сроках службы назначаемых в органы самоуправления должностных лиц.

Вне зависимости от того, выбираются или назначаются эти лица, они все-таки являются представителями местного общества. Поэтому, если последнему по известным причинам не дается право непосредственно влиять на их состав, то сама назначающая их власть должна предварительно убедиться, отвечают ли они требованиям, которая могут быть предъявлены к общественным деятелям. При такой оценке возможны ошибки. В таких случаях срочность службы позволяет произвести замены безболезненно и на законном основании. Кроме того, срочность службы может стать побудительным средством к тому, чтобы должностные лица не только строго соблюдали законы, но и не отделяли себя от местного общества, внимательно присматриваясь к его нуждам и охраняя его хозяйственные интересы.

Продолжительность срока службы может быть оставлена такая же, какая раньше была принята в земствах, а именно трехлетняя. Это кстати будет служить подготовкой к следующему этапу развития самоуправления, когда возможно будет организовать выборы должностных лиц на сроки в среде, уже привыкшей к срочности службы.

Заканчивая сказанным предположения об устройстве самоуправления в первый период, перехожу к вопросу о том, на каких наиболее желательных основах оно могло бы быть устроено во второй, при допущении выборной службы и при расширении его компетенции и сферы влияния.

ГЛАВА II

Вопрос об устройстве самоуправления во втором периоде поставлен в п.п. IV — VIII анкеты. При составлении их было принято во внимание, что неодинаковые условия, в которых могут оказаться та или иная местность освобожденной России, позволят частично приступить к скорому устройству наиболее развитого самоуправления, а в некоторых случаях даже и одновременно, с введением самоуправления в других частях страны на только что изложенных в главе первой основаниях. В известной мере эти предположения подкрепляются сведениями, которыми делится один из корреспондентов (опр. л. № 6). «Различные советские мероприятия — пишет он — весьма разнотразились на жизни и строе деревни разных местностей. Так например, «зажиточное прежде население плодородных губерний и казачьих областей во всех отношениях пострадали неизмеримо больше жителей лесного севера, где не было крестьянских восстаний, нет совхозов и больших колхозов, где весь строй деревенской жизни сравнительно мало изменился». Посмотрим, как представляют себе устройство самоуправления во второй период некоторые из тех корреспондентов, которые нашли возможным говорить об этом.

Почти все они базируются на Положении 1864 г., находя, что эта реформа дала наилучшие результаты. Но так как без существенных изменений это Положение в новых условиях неприменимо за отсутствием некоторых разрядов недвижимого имущества, то естественно возникли различные предположения. Часть их сводится к простой формуле: нет класса крупных земельных собственников, значит, не может быть и самоуправления. Материал для возражения против такого взгляда посильно собран в первой главе доклада. Поэтому позволяю себе перейти к другим предположениям, авторы которых пытаются найти выход и не жертвовать самоуправлением в новых условиях. Так один из них (опр. л. № 20) предполагает возможность выбора гласных в волостное земское собрание предоставить сельским и колхозным сходам с тем, чтобы к выборам привлекались лишь владельцы или арендаторы недвижимых имуществ за исключением «недееспособных по состоянию здоровья», а также уголовных и политических преступников.

По мнению другого корреспондента (опр. л. № 27) «местное самоуправление необходимо будет строить на основе полного единоправия и корпоративной солидарности всех входящих в него элементов, что, однако, отнюдь не должно препятствовать введению пропорциональности при применении имущественного ценза по принципу: кто больше несет обязанностей, тот соответственно имеет и больше прав распоряжения.

Принцип пропорциональности выдвигает и другой корреспондент (опр. л. № 34). Отметив необходимость предоставить избирательные права «всем владельцам земель», он предполагает, «разбить избирателей на курии с тем, что в первую курию войдут все плательщики первой 1/3 сборов, во вторую — вто-

рой и т.д. Первая курия выбирает непосредственно $1/3$ гласных, вторая и третья путем двухстепенных выборов».

Корреспондент опр. л. № 7 находит, что «средой для набора местных деятелей является все местное население, кроме евреев активистов». Пассивное избирательное право лучше всего предоставить по его мнению «только представителям профессиональных группировок с применением принципа пропорциональности».

Выделяется мнение, по которому (опр. л. № 25) «новый государственный строй России должен по примеру Германии, Португалии и национальной Испании покоиться на корпоративных началах, правда, «с Монархом», как высшим носителем власти во главе, так как единственной формой правления в России мыслится монархическая». Соответственно сему должно быть устроено и представительство в местных органах самоуправления. Поэтому «все граждане, занимающиеся земледелием, вне зависимости от размера их владений землей должны быть объединены в земельную корпорацию для защиты своих интересов, как перед государством, так и равно для своих местных нужд. Аналогичным образом в корпорациях должны быть объединены представители фабрично-заводской промышленности и торговли, ремесленники, собственники городских имуществ и т.п. «Кроме того, «интересы разных корпораций должны соответствовать размеру платимого налога в кассу».

Отмечу мнение еще одного корреспондента (опр. л. № 4). Он находит необходимым привлечь к выборам все слои населения и указывает только на 2 ценза: «жительство в местности более продолжительное время (примерно 3 года) и совершеннолетие».

Начну ответы отзывом на последнее мнение. Им, по-видимому, устанавливается всеобщее избирательное право, принятое в странах с наиболее развитым так называемым демократическим строем. Пример — Франция. Едва ли желательно переносить на нашу Родину то, что уже довольно болезненно переживается в Западной Европе и притом в обстановке, которая создается после падения советской власти. Поэтому трудно признать и целесообразность указанного мнения. По сходным причинам нельзя иначе ответить и корреспонденту опр. л. № 7, хотя он и делает существенные ограничения в сфере пассивных избирательных прав. Общим в остальных мнениях является то, что выборную систему основывают на принципе владения недвижимым имуществом и на оседлости, что соответствует принципам, выдвигаемым в докладе. Что касается куриальной и пропорциональной систем, то здесь, прежде всего, слышится отзыв довольно сильного в доброе старое время немецкого влияния, о чем придется говорить в последней части доклада, когда речь пойдет о городском самоуправлении. Сейчас же приведу другие соображения, которые мешают признать эти системы желательными. Они основаны на числах, на арифметике. Говорят, что интересы плательщиков, прямо пропорциональны вносимым сборам, и тот, кто вносит в земскую кассу большие суммы, больше заинтересован в успехе земского хозяйства. Не говоря уже о том, что этот принцип

совершенно отсутствовал в обоих Положениях о земских учреждениях, надо сказать и то, что он далеко не всегда оправдывается жизнью: активным земским деятелям хорошо известно, что крупные плательщики земских сборов в естественном стремлении понизить их для себя, нередко имели склонность переходить за пределы разумной экономии в земском хозяйстве. К этим стремлениям присоединялись иногда и другие: приблизить важнейшие мероприятия к своим имуществам, хотя бы и в некоторый ущерб общим интересам. Были конечно и обратные явления: когда крупный плательщик был бессилён защищаться, более мелкие находили способы наложить на него большие тяготы. Все это — понятные проявления человеческого несовершенства, но не следует их культивировать и создавать для них наиболее благоприятные условия. Надо помнить и то, что будущее земство будет преимущественно крестьянским. В этой среде с исстари установились и сохранились взгляды на представительство, по которым отрицались преимущественные права, вытекающие из факта большей обложенности податными тяготами. Куриальная и пропорциональная системы будут так же чужды и непонятны крестьянам.

Теперь о корпоративных началах в представительстве. Их защитники указывают на хорошие результаты, достигнутые странами, где действует корпоративное устройство — Италию и Португалию. Германия указана автором опр. л. № 26, по-видимому, по ошибке, так как там тоталитарный, но не корпоративный строй. В национальной Испании пока еще военное положение и гражданское устройство нельзя считать определившимися. Поэтому остановимся подробнее на Италии, где, кстати сказать, корпоративное устройство наиболее выдержано. В Италии властвует пока фашистская партия во главе со своим вождем Муссолини. Надо отдать должное этому энергичному и волевому деятелю. Он задавил нарождавшийся в его стране коммунизм и в короткий срок обратил сравнительно слабое государство в сильную державу.

Фашизм привел его создателя к тоталитаризму и объявил значение государства абсолютным. Вот некоторые формулы Муссолини:

«Для фашиста все в государстве и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства».

«Для фашиста государство представляется абсолютным, по сравнению с которым индивиды и группы только относительное».

Религию Муссолини считает только средством, покровительствуя ей в утилитарных целях.

«Фашистское государство — говорит он — не стремится тщетно, подобно большевизму, искоренить религию из народных душ. Фашизм чтит аскетов, святых, героев, а так же Бога, как Его созерцает и к Нему взывает наивное и примитивное сердце народа».¹

¹ Бенито Муссолини. Доктрина фашизма. Перевод с итал. В.Н.Новикова. Париж, 1938. С. 12,13,31,35.

Вникая в эти формулы и наблюдая, как она применяются в жизни, приходится признать справедливым следующий вывод профессора А.В.Карташова.

«Тоталитаризм, как он и сам честно себя определяет, есть абсолютная, всецельная, не допускающая никакого изъятия, власть государства над телом, душой и духом людей. Это значит — отдача Божия кесарю, сотворение кумира наряду с единым Абсолютным, иными словами — чистое язычество»¹.

Итак, не лучше ли подождать подписываться под фашизмом или другими тоталитарными устройствами и в поиска наилучших путей не забывать заветов Того, Кто имел право сказать: Я есмь путь и истина и жизнь!»

Приведенные справки кроме того напоминают нам, что представительство групповых эгоизмов, чем по существу являются корпоративные палаты, могут иметь значение там, где создаются законы, т. е. около источников власти, т.к. их согласованные интересы требуют законодательных мер. В местных же хозяйственных органах, где законы только исполняются, им как таковым нечего как будто бы и делать.

Итак, для устройства самоуправления во второй период при тех новых условиях, которые обозначаются в России, рассмотренные предположения едва ли пригодны. Не применимо без существенных изменений и Положение 1864 г., которым можно воспользоваться только, как пособием.

Все это побуждает вернуться к проекту, должному Женевскому Советанию 1937 г. с тем, чтобы тщательно проверить все накопившиеся возражения и внести необходимые изменения.

Обходя некоторый подробности, напомним, что в главных чертах проект 1937 г. сводился к следующему.

Мелкой земской единицей (первой ячейкой) являются приходы разных исповеданий, которые и выбирают гласных приходских земских собраний. Последние выбирают приходскую земскую управу и гласных окружных земских собраний, в свою очередь выбирающих окружные земские управы, и гласных губернских земских собраний, где после выбора губернских земских управ и заканчивается вся конструкция.

Участники анкеты очень живо откликнулись на предположения привлечь к земским выборам приходы и на п. VI анкеты, где говорится об этом, ответы последовали от 21 корреспондентов. Из них 5 высказались в защиту проекта, 2 в частичную защиту и 14 — против. Вот мотивированные мнения защитников проекта.

«Церковно-приходская община» пишет корреспондент опр. листа № 46 — по закону, выработанному Поместным Собором 1918 года в Москве, является некоторой организационной единицей, которая может быть окажется пригодной средой для избрания гласных в местные органы самоуправления».

¹ Проф. А. В. Карташов. Устройство взаимоотношений церкви и государства. С. 7.

«Вы встали на правильный путь, направив Ваши испытующие взоры на приходы и приходские организации. В будущем они могут сыграть значительную и благотворную роль в деле организации и проведении выборов (опр. л. № 29)». Это мнение автор подтверждает ссылкой на выборы в Учредительное собрание в Петербурге, когда «союз приходов», возглавляемый митрополитом Вениамином, вскоре замученном большевиками, оказал большое влияние, хотя и не провел своего кандидата. В Харькове на городских выборах опыт был повторен, и приходы, вступив в соглашение с некоторыми другими группами, провели свои списки. «Если», — заключает автор, — во время полной политико-социальной разрухи... мы все-таки могли сказывать влияние, то в национальной России приходы смогут быть серьезной силой».

«Первой заботой государства (опр. л. № 25) должно быть, конечно, восстановление разрушенной церкви и около церквей легче соберется население. Это можно сказать как относительно православного населения, так и других вероисповеданий, не исключая магометан. Собрания по делам земского управления должны быть, конечно, различны от собраний по делам церковным, но на территории прихода легче восстанавливать существующую связь лиц его составляющих и скорее объединятся представители разных классов населения».

«Приходские общины (опр. л. № 5) не следует обременять этим делом, которое способно внести рознь в их среду, но полезно было бы активное право участия в выборах поставить в зависимость от пребывания в составе прихода. Другими словами, кроме ценза имущественного или торгово-промышленного требовать сверх того и причастность к приходу, хотя бы инославному».

По поводу этого мнения считаю долгом отметить, что приходскую общину, как таковую, проект не предполагал обременять земскими делами. Прихожан предлагалось призвать лишь к выборам гласных, т.е. как раз к тому, на что указывает автор, говоря о предоставлении им активного избирательного права.

Опр. л. № 13. Здесь оговорка весьма существенная. Указав, как и некоторые другие, на опасность внедрения дурных элементов в церковно-приходские общины, автор говорит: «Как центры духовной жизни по преимуществу приходы призваны будут, кроме ведения имущественных дел общины, ведать делами благотворительными и социальной помощи. Успехами их в этой области определится общественный вес приходов, которым желательнее предоставить право отвода, чем набора местных деятелей».

Я позволили себе причислить автора этого мнения к частичным защитникам проекта, который полностью им не отрицается. Но должен сказать следующее: осуществление права отвода, т.е. безапелляционная браковка избранных лиц, доверие к которым оглашено избранием, может вызвать не только недовольство, но и негодование.

Таким образом, для розни среди населения, которой, многие опасаются, здесь действительно готовая и благодарная почва. Относительно внедрения дурных эле-

ментов будет сказано ниже одновременно с ответами возражающим против проекта корреспондента, к разбору и оценке мнений, которых теперь и перехожу.

Однако, прежде всего мне хотелось бы отметить, что общая значимость возражений в сильной степени зависит от того, как представлять себе сущность и силу настроений, которое будет господствующим в русском обществе после падения советской власти. А для того, чтобы наше предвидение было посылно обосновано, надо тщательно оценить и учесть проявления того главного, что теперь питает и ободряет народную душу. И вот, если мысленно переберем все, на что, как на врага, набрасывается советская власть и в чем видит она помеху полной победе или угрозу поражения, то ясно будет, что самым главным и страшным ее врагом является религиозное движение. Не так давно нам здесь можно было еще сомневаться в его значении. Скептики указывали, что церкви посещаются только «старушками» и что отсутствие протестов на кощунства большевиков является лучшим показателем растрепанности народной души. Отсюда нетрудно бросать обвинения тем, кто «там», и не с их тамошней, а со здешней нашей точки зрения оценивает их бездействия или действия. Мы забываем при этом, как сами были малодушны и не находили сил к должному сопротивлению даже в первые дни большевизма, когда его главари еще не были уверены в своих силах и наседали порывами.

Поэтому на последнее замечание может быть один ответ: «вынь прежде бревно из твоего глаза». Что же касается «старушек», то достаточно внимательно просмотреть треть вышедших за последний год номера «Безбожника» и некоторые другие советские издания, чтобы убедиться, как изменилось теперь положение. Не говоря о крестьянстве, где результаты безбожной пропаганды очень тревожат товарища Ярославского и где, по его свидетельству, «религиозников сохранилось много миллионов», безбожной агентуре то и дело приходится наталкиваться на проявление религиозных чувств среди рабочих, комсомола, учащейся молодежи, школьников. Ярославский мечется, изощряясь в отыскании мер, которыми бы можно было задавить религиозное движение, а навстречу ему поднимается сила, которой его оружие не страшно. Прот. М. Польский, на которого я уже ссылался и выше, приходит к тому же выводу. «Из нашего доклада», — пишет он — кажется ясно, что единственной силой фактически противостоящей с успехом большевизму в России является христианство, и только оно одно жизненно и удовлетворяет запросы человека»¹.

Однако, мало того, что эта сила обозначилась, что она единственная и становится действенной: она кроме того — исторически русская сила, и в этом залог ее прочности и неотделимости от русского народа. Просыпается Святая Русь, которая в свое время с честью выполнила свою историческую миссию, веками загораживая своим телом Европу от напора азиатских хищников и, сумела, отбива-

¹ Прот. М. Польский О духовном состоянии русского народа под властью большевиков. С. 17

ясь от нашествия западных врагов, сохранить свою народность, веру и культуру и, притянув к себе многие соседние племена и народы, создать величайшую империю мира. Не в этом ли сущность последнего акта страшной русской трагедии? И не надо быть «неисправимым мечтателем», чтобы предчувствовать, каким бурным и широким потоком разольется по русской земле религиозно-национальное движение в первые дни освобождения.

Все добытые анкетные возражения с прибавлением прежних, перечисленных в начале доклада, можно распределить по двум группам:

1) Внешние препятствия к осуществлению проекта привлечь приходы к земским выборам.

2) Препятствия, вытекающие из соображений морального и принципиального свойства.

Затруднения внешние видят в том, что ощущается большой недостаток священников; что приходы в разных губерниях, а иногда и в разных частях одной и той же, могут быть слишком различны по территории, по количеству прихожан и средствам; что населению, живущему на территории малых и бедных приходов, не под силу будет нести расходы даже на содержание приходских земских управ. Отсюда несходство между мелкими земскими ячейками в отношении их хозяйственной мощности будет чрезмерно, и это вредно отразится на земском деле. Поэтому и земство второго периода лучше строить в волостях, а не на территории приходов с тем, что последние будут выбирать гласных волостных земств. Преимущество такого устройства и в том, что каждому приходу придется выбирать 1-3 лиц, а не 10-12, как это вытекало из прежних предположений. Это значительно облегчит выборы и хорошо отразится на качественном составе избранных. В соответствии с таким изменением следующей земской единицей будет уже не округ, а уезд. Сельская агентура в лице земских старост, разумеется, так же должна быть набрана путем избрания из приходов. Остальные препятствия внешнего характера не являются непреодолимыми.

Теперь о препятствиях морального и принципиального свойства. Все относящиеся к этому замечания корреспондентов охватываются мнением одного из них (опр. л. № 24), изложенным по пунктам:

1) «Светские заботы, сопряженные с ответственностью за все хозяйственный неудачи, могут направить приходы на путь, который приведет к разложению и гибели церкви».

Если такая опасность действительно велика, то, казалось бы, прежде всего надо лишить приходы права заниматься у себя, около церкви, какими бы то ни было делами, сопряженными с заботами светского характера. А между тем это не только не возможно, так как в самом захудалом приходе есть какое-то хозяйство, а, следовательно, и заботы, и неудачи, но и противоречит взглядам возражающих, которые находят, что делами благотворения и народного просвещения могут ведать и приходы. И вот приход устраивает, например, богадельню

или начальную школу. Естественно, что сейчас же появятся разные затруднения, осложнения и неудачи...

Однако Церковь, как таковую, как духовное объединяющее начало, как то, чему и «адовы врата» не страшны, все это не разлагает и не губит. Почему же разложит и погубит в том случае, если где-то в другом месте — волости или уезде — между избранными приходами гласными так же возникнут споры и ссоры на деловой или даже личной почве? Потому, может быть, что в первом случае осложнения возникнут дома, внутри прихода, где и «сор из избы не выносятся», а во втором — на глазах всего общества, часть которого может и не входить в приходы. Но ведь это неверные расчеты: «шила в мешке не утаишь». Вести о приходских неудачах быстро, да еще в искаженном виде, дойдут до тех, кому выгодно будет опорочить приходы и, конечно, будут использованы. Даже больше того: злые элементы всегда предпочтут непосредственно нападать на приходы, так как в этом случае они могут опорочивать не только прихожан, но и непосредственного руководителя приходской жизни — священника, чего нельзя сделать при нападениях на земство, где действуют лишь мирские представители приходов. С чисто практической точки зрения для того, чтобы деловитее, стройнее, экономнее и согласованнее вести местный хозяйственные дела, надо сосредоточить их в руках, которые бы не были принципиально враждебны между собой и не стремились во чтобы то ни стало вносить раздоры в общее дело. И если нельзя поручать все земское хозяйство приходам, то нельзя отодвигать приходы от окружающей жизни и замыкать в узкие рамки забот о содержании причта и церковного инвентаря.

2) «В земстве не следует культивировать религиозную и вероисповедную дифференциацию населения».

Непонятно, почему произойдет дифференциация, если православный будет выбирать православного или, в известных случаях и при желании, католика или магометанина, а последний или своего единоверца или православного? Все-го вернее как раз наоборот: подчеркнутое стремление видеть в земском собрании представителей всех религиозных течений и не менее подчеркнутое желание ничем не связывать свободу выборов будет способствовать взаимной религиозной терпимости и взаимному уважению.

В свое время в газетах промелькнуло известие, что при выборах в Верховный Совет объединились и выступали едиными группами представители всех религиозных течений. Нет ли здесь некоторого указания, что население правильно поймет значение организации представительства от религиозных общин?

3) «Земскую (т.е. публичную) правоспособность отнюдь не следует обусловливать исповедно-религиозным состоянием, иначе население начнет симулировать исповедование, чтобы получить публичные права».

Весьма вероятно, что симулянты появятся, так как в жизни вообще зло сопутствует добру и всегда стремится перегородить ему дорогу. Но ведь симулянтам из активных безбожников важнее будет проникать в приходы, как таковые,

с целью взрывать их изнутри, чем приходиться в земские собрания, где их главный враг будет уже в нейтральной обстановке. Что же касается до симулянтов карьеристов, которым по честолюбию или материальным соображениям важно же сесть на кресло члена или председателя управы, то это мелкие и малоопасные «вредители», подавляющее большинство которых и вредить-то не будут, из-за простого страха упасть с занятого кресла.

4) «Маловерие есть несчастье, его нельзя наказывать умалением публичной (земской) правоспособности».

Маловерие, конечно, несчастье, но ведь и «бедность не порок», и бродячая жизнь часто бывает несчастьем, и безграмотный не виноват, что его родители не дали ему образование. А между тем система цензов лишает публичных прав всех этих невинных, так как государство стремится привлечь к делу пригодных людей и не считает наказанием, когда отказывается от услуг непригодных. К тому же отодвигать от избирательных урн предполагается совсем не маловерных: мы все маловерны, даже самые искренние радители церковные, самые прилежные прихожане. Путь к выборам закрывается не маловерию, а безверию, т.е. действенному богоборчеству, так как всякий безбожник поневоле становится более или менее действенным богоборцем. И если закон позволяет себе лишать публичных прав неимущих, безграмотных, неоседлых, деятельность которых была бы не столько вредна, сколько бесполезна, то можно ли считать предосудительным, когда этих прав будут лишены безбожники?

В дальнейшем автор указывает, что в приходской жизни обычен % участников из злых честолюбцев, ханжей и интриганов и что в приходах собираются не только лучшие, но и худшие. Однако и сам он, и его единомышленники утверждают, что в новой России приходы будут играть огромную роль что они должны перевоспитать все общество, влиять на науку, искусство, литературу, указывать прямые и верные пути власти. А это значительно сложнее починки мостов, наблюдения за пожарными обозами и т.п. Почему же здесь не мешают честолюбцы, ханжи и интриганы или, точнее, их помеха не так опасна?

5) «Вера есть основа жизни, но это не значит, что приходы есть основа земского самоуправления».

А может быть и будет значить, если несколько видоизменить эту формулу и сказать так: вера есть основа жизни, значит и приходы, и земство надо устраивать на этой основе.

Остановившись на принципиальной стороне вопроса и, отмечая, как велика и ответственна будет роль церкви в будущей полужыческой России в деле воспитания молодежи, корреспондент опр. л. № 39 мотивирует свое мнение о невозможности предоставлять право выборов приходам тем, что надо оставить Божие Богу, а кесарево кесарю. У тех слоев населения, которые чуждаются Церкви, будет обостряться раздражение против нее и при известных обстоятельствах могут «возникнуть столкновения церковных органов с центральным светским управлением, что грозит опять подчинить Церковь гражданской власти».

Попытаюсь, сперва, ответить на высказанные опасения.

Неужели в самом деле и в новой возрожденной России, заплатившей за свой отход от истинных жизненных основ столь страшными и длительными испытаниями, мы как и прежде будем больше всего заботиться не о том, чтобы руководили государственной и общественной жизнью те, кто нашел в себе силы сознать свои заблуждения и сердечно раскаяться в них, а о том, чтобы не обидеть и не раздражить безбожников, которые подготавливали крушение Родины, добились его и, удержавшись на поверхности в дни восторжествовавшей правды, вновь требуют всяких прав, чтобы снова начать свою черную работу по разложению человеческих душ? Церковные врата открыты для всех, но тот, кто не хочет войти в них и мешает сделать это другим, заслуживает того, чтобы ему было сказано: «отойди от Меня, сатана». Боятся их «раздражения» нет основания. Разве оставят свои нападки на Церковь и верующих, если получают всякие права? Наоборот, они используют их, чтобы нападать, будучи лучше вооруженными: ведь Церковь и верующие — единственная сила, которая перегораживает их путь. Глубоко прав Б.Гершельман, утверждая, что «христианское государство стремится облегчить своим гражданам исполнение их долга, а не пользование правами: права важны лишь постольку, поскольку они нужны для исполнения долга.

Долг, а не право, есть главное во всякой деятельности и во всяком положении в государстве... христианское государство имеет в виду долг перед Богом, т.е. вечным и Абсолютным»¹.

Итак, было бы ошибкой и противоречило бы христианскому миропониманию преследовать безбожников и язычников, но было бы не нужной, не достойной и опасной слабостью, не только бояться их, но как будто и заигрывать с ними, возводя чуть ли не в принцип необходимость их присутствия на руководящих постах.

Теперь об отдаче: «кесарева кесарю, Божие Богу».

Эти слова Спасителя, которыми Он обезоружил лукавых искусителей, мы часто применяем и толкуем, следуя печальным традициям, которые создались в два предшествующих века и влиянию которых было подвержено несколько поколений. Сущность этих традиций подметил и прекрасно сформулировал проф И.А.Ильин: «Растет и ширится мирозозерцание без Богосозерцания, — говорит он — Человек нового европейского «уклада души» все более отчуждается от вечных истин христианства, разучается созерцать их, привыкает «обходиться без них», религиозное мертвеет, умственно и нравственно вырождается и идет навстречу невиданному еще в истории человечества культурному кризису»².

Сходные мысли находим у корреспондента опр. л. № 1. Рассказывая о своей беседе с председателем одной национальной организации, он сообщает, что на

¹ Борис Гершельман. Наше понимание христианского государства. Православная Русь. № 20.

² Проф. И.А.Ильин. Основы христианской культуры. Изд. бюро конф. Р.Т.Х.Д. Женева. 1937. С. 5.

вопрос, «почему ни в ее программе, ни в докладах не фигурирует Церковь и христианская религия», этот деятель «посмотрел на меня с сожалением и ответил, что политика оперирует совсем другими силами, иногда нечистыми». «Оказывается, — заключает корреспондент — Бог мешает не только большевикам».

Вот куда приводит усвоенное очень многими понимание слов: «отдавайте кесарева кесарю, Божие Богу» — понимание, по которому между кесаревым и Божиим должна, будто бы, существовать непроницаемая перегородка. Не так толковали эти слова древние христианские писатели. «Обязанность платить дань кесарю, — пишет Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский — нисколько не препятствует вам в деле Богопочитания, ибо можете и кесарю отдавать, что следует, и Богу воздавать должное. Но у каждого из нас есть своего рода кесарь: это неизбежная потребность телесная. Итак, Господь заповедует давать и телу свойственную ему пищу, и потребную одежду и «Божие Богови», т.е. посильное бдение, молитву и прочее»¹.

Поэтому едва ли правильно искать в разбираемых словах резкое противоположение божеского и мирского, т.е. тот пока еще неизжитый принцип, который выдвигается проповедниками отделения Церкви от Государства. Как бы в подтверждение этого было бы не лишним сослаться на указания Спасителя, как надо поступать, если «согрешит против тебя брат твой» (Мф. XVIII.14-17). Эти указания сводятся к тому, что в случае неудачи примирения путем личных переговоров, надо обратиться к двум или трем «свидетелям», чтобы их устами «подтвердилось всякое слово». «Если же не послушает их, скажи Церкви, а если и церковь не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь». Итак, церковь не только не отделяет себя от людских, человеческих дел, а является высшей инстанцией при их разрешении, приходит на помощь людям в их опорных делах. Как далеко все это от принципа «отделения».

Не ясно ли отсюда, что следует не отделять кесарево от Божия, а делать его, всегда памятуя о том, что нельзя позволять себе и обходиться без Бога и думать, что где-то и в чем-то Бог может помешать. Так, по-видимому, понимали в старину слова Спасителя и наши русские церковные и государственные деятели.

В рассказе проф. В.О.Ключевского об Уставе св. Владимира читаем следующее. «Церковь на Руси ведала тогда не только спасением душ: на нее возложено было много что-то земных забот, близко подходящих к задачам государства. Она является сотрудницей и нередко руководительницей мирской государственной власти в устройении общества и поддержании государственного порядка».

В Уставе Ярослава, где положения Устава св. Владимира были развиты подробнее, «дела греховно-преступные... как нарушающие и государственный закон, разбирались княжеским судьей с участием судьи церковного». В дальней-

¹ Благовестник «Толкование блаж. Феофилакта арх. Болгарского на Св. Евангелие, часть II, Евангелие от Марка. Казань 1897. С. 119-120.

шем на церковную иерархию стали возлагаться и законодательные работы. «Так нечувствительно судебная власть церкви превращалась в законодательную».

Весьма показательно то, как использовала Церковь свое положение судьи и законодателя. «Церковь не пыталась перестроить ни форм, ни оснований государственного порядка». «Церковная иерархия старалась только устранить или ослабить некоторые тяжелые следствия туземного характера»¹.

Вот когда началась свойственная православию «симфония», на которую часто ссылается проф. А.В. Карташев. Это «симфония» стала одной из русских традиций и продолжалась до тех пор, пока церковь была свободна. Мы знаем, например, что в древнем Новгороде выборный владыка, архиепископ, был одним из руководителей политической жизни края. Ему принадлежало первое место в Новгородском правительственном совете. Он следил за деятельностью «вече»; всякое решение Вече требовало его благословения. «В сношениях с иностранцами владыка часто является на первом месте. Он своею печатью скрепляет договорные грамоты»².

Нам хорошо известны также роль и значение представителей церкви в Московской Руси с момента возникновения Московского княжества до образования Российской Империи.

Они не сторонились мирских государственных и местных дел и часто, благодаря именно их вмешательству и воздействию, страна преодолевала тяжкие испытания. Князья и Цари Московские всегда прибегали к их помощи и с их «благословения» решали важнейшие государственные дела. В Земских Соборах XVII века принимал участие весь «освященный собор». Характеризуя отношение северного русского населения в XVII веке к Московскому князю, Ключевский приходит к выводу, что «в Московском князе Русь видит старшего сына Русской Церкви, ближайшего друга и сотрудника главного русского иерарха»³.

Находились, конечно, и в этот период русской истории люди, которым в их политических и эгоистических расчетах Бог начинал «мешать». Тогда они же старались отгораживать «цесарево от Божьего». Когда, например, в Смутное время возник вопрос разрешения польскому войску войти в Москву, патриарх Гермоген энергично воспротивился этому. «Тогда один из бояр сказал ему: Твое дело, святейший отче, смотреть за церковными делами, а в мирские тебе не следует вмешиваться»⁴. Патриарх не послушался этого боярина.

В тесное соприкосновение с мирскими местными делами вступали в Московский период Русской истории церковно-общественные организации — приходы и братства. Наконец, и в новейшие времена, когда очень многие привыкли смотреть на православную церковь, как на «ведомство православного исповедания», ког-

¹ В.О.Ключевский. Курс русской истории. Ч. 1. С. 309, 311, 320, 327

² Проф. С.Ф.Платонов. Учебник русской истории. С. 69

³ В.О.Ключевский. Курс русской истории. Ч. 2. С. 31.

⁴ Н.И.Костомаров. Спасители России в XVII веке. Берлин. 1921. С. 14

да «симфония» была нарушена и светские деятели предпочитали обходиться без «вечных истин», на окраинах России, среди инородческого населения, наше русское законодательство устраивало местное самоуправление так, что оно было теснейшим образом связано с церковными приходами. Так, по закону 6 февр. 1865 г. «сельскую общину в Финляндии составляет каждый приход или несколько приходов. От этих общин-приходов и выбирались представители для рассмотрения разных земских дел. Они в качестве исполнительного органа выбирали из своего состава управления старшин, где по некоторым земским делам участвовал с правом голоса приходский пастор, а с 1883 г. и настоятели православных сельских приходов. И те и другие могли быть избираемы в состав управления старшин».

В прибалтийских губерниях согласно немецких традиций самоуправление было сословным, но тем не менее приходские собрания являлись «основой всех других установлений». В Курляндии ландтаг имел представительный характер и «составлялся из депутатов, избираемых на приходских собраниях». По окончании так называемого «приготовительного съезда» депутаты, возвращаясь в свои приходы, представляли надлежащая донесения прихожанам и получали от них инструкции. Каждое приходское собрание имело право объявить своему депутату удовольствие или неудовольствие»¹.

О возрождении православных приходов и их устройстве имел суждение Поместный Собор 1918 г. в Москве, которым и был утвержден «приходской устав православной церкви». В этом уставе подробно разработан вопрос о правах и деятельности приходских собраний. По п. 3. ст. 56 их обсуждению и решению подлежат, между прочим, дела по заведыванию состоящими в приходах учреждениями: лечебными, благотворительными, просветительными и др. Какие это «другие» несколько подробнее перечисляется в п. 2. той же статьи. Мы узнаем здесь о праве приходов организовать уже чисто земские мероприятия: пожарный дружины, кооперативы, приходские насеки и другие. Это вновь употребленное слово «другие» указывает, какой широкой инициативы ждал Поместный Собор от приходов в их земской деятельности. По пп. П и I ст. 56 приходы могут заниматься не только чисто местными хозяйственными делами: они дают заключения по вопросам, предложенным на их обсуждение епархиальным начальством и правительством, они могут возбуждать ходатайства перед епархиальным архиереем и гражданской властью. Это весьма важное право, которым по Положению 1890 г. обладали только губернские земства, свидетельствует вместе со всем только что сказанным, сколь разнообразна и обширна компетенция приходов. Устав заботливо ограждает и самостоятельность их. По ст. 65 епархиальный архиерей утверждает только те постановления приходов, который касаются выбора церковных старост, займов, приобретения, отделения или залога недвижимого имущества, а так же «выдающихся» мероприятий по приходу. По ст. 64 все постановления приходских собраний сообщаются в недельный срок Благочинно-

¹ Н.М.Коркунов. Русское государственное право. Том II. С. 474-476, 483, С.485-486

му, но если он или настоятель церкви или известное количество прихожан в тот же срок не заявят протеста, постановления приводятся в исполнение.

Добавим к этим справкам еще хоть несколько выписок из Церковного Права.

«Если религия, как общение или связь христианина с Христом, или человека с Богом, не имеет юридического характера, то напротив соединение людей с людьми, как общество... как внешнее учреждение для распространения и насаждения этой религии, не может встать вне области права».

«Церковь в смысле обособленной единицы не может стоять вне отношений к другим человеческим союзам политическим и религиозным, каковые отношения требуют юридического нормирования».

«В Византии церковная иерархия видела в слиянии Церкви с государством наилучший путь к торжеству истинной религии над остатками языческого культа».

«Система, заложенная Константином Великим, скрепленная Феодосием и развитая Юстинианом:

1/ Слияние Церкви с Государством

2/ Широкое участие епископов в делах государственного управления. Во всех этих и подобных выражениях проглядывала одна и та же мысль, что Император не только печется о делах церковных наравне с государственными, но и направляет государственную жизнь всеми средствами принадлежащей ему государственной власти сообразно с воззрениями Церкви».

«Единство церковно-государственного организма составляло на Руси такой же идеал правительственной политики, как и в Византии: Церковь мыслилась, как религиозная сторона, Государство как политическая сторона одного и того же общения... отсюда вывод: политическая и гражданская бесправность лиц, не принадлежащих к церкви».

Позволю себе привести ссылку из того же источника на мнение блаженного Августина — мнение, которое при наблюдении совершающихся в наше время событий представляется истинно пророческим. «Блаженный Августин говорит, что государство желающее опираться только на себя самого, отпадает от Бога. Предпочитает ложных богов, демонов и при этом не может достигнуть даже и земной своей цели: вместо благополучия и мира, господствуют лишь бедствия и войны: государство становится большой разбойничьей шайкой¹».

В заключение мне хотелось бы привлечь внимание тех, кто интересуется разбираемыми вопросами, еще и к следующему. Теперь мода на так называемые демократические устройства. Все, что, по мнению современных активных деятелей не демократично, бракуется и откидывается как ненужный и вредный сор. Здесь не место для проверки правильности этих увлечений и доказательств, что название не всегда соответствует содержанию. Но указать на то, что приходы являются и с идейной точки зрения, и по существу истинно-демократическими учреждениями

¹ Суворов. Учебник Церковного права. С. 6, 467-469, 473, 501

ями, считаю все-таки не лишним. В них нет ни сословия, ни классов, ни капиталистов, ни пролетариев, ни буржуазии. Все, входящие в них и по идее и фактически совершенно равноправны. Это — настоящее братство, в котором известная разнородность членов не отражается на равноправии и имеет место лишь постольку, поскольку и «звезда от звезды разнится по славе». Отсюда истинно демократичным надо считать и всякое представительство приходов.

Итак, перед нами два пути: или скопировать знакомую нам печальную картину первых революционных дней, а так же и то, что мы видим теперь здесь в Западной Европе, или дать возможность Церкви и церковному народу исполнить долг и использовать возвращенную свободу для Божьего и государственного дела. Не лучше ли выбрать этот последний путь — путь, который, не нарушая принципов истинно-христианской культуры, соответствует веками освященным обычаям православной церкви, не противоречит духу приходского устава и не может вызвать последствий, которые бы создавали угрозу спокойному течению общественной и приходской жизни.

Закончу замечанием, что для второго периода, определяющим признаком которого будет повсеместное на территории той или иной губернии или области восстановление Церквей в нормальной приходской жизни, основные положения доклада 1937 г. должны быть сохранены с теми изменениями, о которых сказано выше.

Отсюда общая схема устройства местного самоуправления во второй период останется тождественной положениям первого о той разнице, что все земские должности будут замещаться не путем назначения административной власти, а путем выборов.

Вот эта схема.

I. Каждая церковно-приходская община, к какому бы допущенными общими указаниями исповеданию она не принадлежала, избирает из своего состава.

а/ земских старост для селений, приписанных к ее территории,

б/ гласных волостного земского собрания.

II. Земские старосты выбираются из лиц, удовлетворяющих требованиям, установленным для выбора волостных гласных.

III. Волостные земские собрания избирают из своего состава волостные земские управы и гласных уездного земского собрания.

IV. Уездные земские собрания выбирают из своего состава уездные земские управы и гласных губернских или областных земских собраний, которые из своего состава выбирают губернские земские управы.

V. Состоят по должности: земские старосты гласными волостных земств; председатели волостных земских управ — гласными уездных земских собраний; председатели уездных земских управ — гласными губернских земских собраний.

VI. Все должности в исполнительных земских органах не совместимы с какими бы то ни было другими должностями по государственной или общественной

службе, за исключением должностей почетных и не требующих занятий, отрывающих от занятий земскими делами.

VII. Председательствуют в земских собраниях председатели земских управ по принадлежности.

Некоторые пункты этой схемы требуют дополнительных пояснений. Существование «свободы совести» не исключает права государства признавать недопустимыми религиозные группировки, которыми нарушаются основные нравственные правила.

При образовании приходов в их состав будут, вероятно, входить иногда не только жители какого-нибудь одного селения, но и нескольких. Поэтому придется, как это было и раньше, связывать приходы с известной территорией, приписывая те или иные селения к определенному приходу. Если жители данного селения принадлежат какому-либо одному религиозному исповеданию, то это селение и приписывается к соответствующему приходу православному, протестантскому, магометанскому и т.д. В этих случаях земские старосты будут избираться для православных селений православными приходами, для протестантских — протестантскими и т.д. Но могут быть случаи, когда жители одного и того же селения будут принадлежать к разным исповеданиям. Тогда приписка селения к тому или иному приходу будет зависеть от того, к какому исповеданию принадлежит большинство жителей, и выборы земского старосты произведет тот приход, к которому селение приписется. Однако согласно положений доклада 1937 г. это не лишит представителей меньшинства избирательных прав или в другом приходе своей волости или уезда, к которому они будут принадлежать, или в том приходе, к которому их селение приписано.

Срок полномочий для всех избираемых на земские должности можно оставить тот же, который существовал и раньше, т.е. трехлетний.

Утверждению администрации избранные лица могут и не подлежать, но право отвода в известный, примерно, двухнедельный срок за администрацией должно быть оставлено.

Количество гласных для волостных, уездных и губернских земств должно быть определено особым расписанием. Однако вводить такое расписание в закон не следовало бы, и составление его могло бы быть поручено высшей администрации в губернии или области. В законе необходимо лишь указать крайние пределы — минимум-максимум количества гласных для земских собраний разных рангов.

Надзор за действиями органов самоуправления второго периода должен быть установлен на тех же основаниях, какие были указаны для самоуправления первого периода, но компетенция их могла бы быть расширена предоставлением уездным земствам права избрания волостных судей, а губернским — права избрания уездных судей.

По мотивам, изложенным в докладе 1937 г., и в соответствии с мнениями многих корреспондентов в самоуправлениях второго периода активные избирательные права могли бы быть предоставлены и лицам женского пола.

Если, базируясь на Положении о земских учреждениях 1864 г., принять во внимание все замечания и выводы принципиального характера, к которым привел подробный разбор соображений участников анкеты, так же и то, что было высказано в докладе 1937 г., то надлежащее развитие приведенной общей схемы и даст возможность выработать наиболее пригодное Положение о земских учреждениях для новой христианско-национальной России со всеми необходимыми уставами и инструкциями.

В анкете было помещено два вопроса, по существу не относящихся прямо к общей схеме устройства самоуправления. Мотив — их исключительная важность. Поэтому и здесь я позволю себе остановиться на них.

Первый из них — финансирование земств.

Очень немногие корреспонденты откликнулись на него, при чем ответы сводились к тому, что как и раньше, земства будут получать необходимые средства от обложения недвижимых имуществ. Это право и раньше не удовлетворяло многие насущные земские потребности, и земствам приходилось или прибегать к займам, или просить помощи у казны.

Что касается казенных пособий или, как их называли, дотаций, то, содействуя развитию земских мероприятий, они иногда вели к нежелательным последствиям: инициатива начинала переходить к тем, кто давал пособия, т.е. к разным центральным ведомствам, а земства превращались лишь в исполнителей, при чем, не будучи непосредственно заинтересованными в разумно экономном расходовании пособий, они иногда и исполнять то начинали по-чиновничьи, т.е. больше обращали внимание на то, чтобы составить хорошие отчеты, а не на то, чтобы добиваться наилучших результатов при наибольшей экономии. Надо думать, что земская деятельность в новой России будет особенно напряженной: разрушено, испорчено или неразумно сделано очень многое, а между тем сильно облагать разоренное население не представляется возможным. Поэтому, допуская в известных случаях необходимость дотаций было бы, может быть, не лишним бросить хотя бы и в сыром виде мысль об устройстве Имперского земского банка, в задачи которого и входила бы финансовая помощь земствам.

Вопрос второй — школы.

На него ответили многие корреспонденты, при чем, по их единодушному мнению на земства надлежит возложить исключительно хозяйственную часть школьного дела. Не отвергая этого взгляда, я все-таки хотел бы отметить, что после полученного от большевиков наследства вопросы просвещения встанут особенно остро и на них необходимо будет сосредоточить наибольшее внимание. Путь к истинному просвещению один: учение Христа. Поэтому огромное и сложное дело народного образования и просвещения должно быть построено на этом основании. Мы должны решительно и твердо сказать себе, что такое составление школьных

программ и порядка занятий, при которых стремятся дать наибольшие знания по различным предметам в ущерб усвоению религиозно-нравственных начал не позволительно и не допустимо. Нам следует навсегда искоренить в себе привычку при перечислении различных предметов арифметики, географии, физики и т.д. называть «предметом» — «Закон Божий», включая его преподавание в программу, как малую часть последней. Закон Божий не должен быть частью, а общей основой всех частей: он неизмеримо выше и важнее всех предметов и программ. Отсюда во всех учебных заведениях от начальных до высших один из часов каждого учебного дня должен быть оставлен священнику, для его бесед с учащимися. Если это вызовет необходимость сжать программы, их надо будет сжать; если потребуется удлинить на лишний год школьные курсы, пусть они будут удлиненны. Никакие соображения не должны опорочивать такое решение и такое направление дела, так как при нем все остальное «приложится», а без него вновь разложится. Одно из возражений на это конечно готово: недостаток хороших достойных священников, которые бы могли увлекать учащихся, делая для них час Закона Божия любимым часом дня. Но все это — дело доброй, непоколебимой воли и государственной техники. Если в переживаемые нами дни государственные власти находят возможным быстро и в огромных числах готовить механиков и пилотов для военных самолетов и шоферов для танков, то и дело подготовки необходимого числа священников или вообще преподавателей Закона Божия могло бы быть развито сообразно потребностям, кроме того даже самый заурядный священник, придя в школу все-таки будет учить добру, тогда как самый блестящий профессор умелыми намеками, сравнениями и выводами может увлечь свою аудиторию соблазнами ложных и гибельных путей.

ГЛАВА III

В докладе Женевскому совещанию 1937 года я только вскользь коснулся вопроса о городском самоуправлении, указав, что в интересах общего дела оно должно быть устроено на тех же основаниях, как и в земствах.

Не будучи компетентным в вопросах техники городского хозяйства, с которым я знаком лишь поверхностно, решаюсь, тем не менее вновь и более подробно, остановиться на теме об устройстве городского самоуправления, так как с точки зрения общих земских интересов считаю важным разобрать ее более внимательно. В некоторых кругах городских деятелей существует взгляд, по которому необходимость особого Положения о городском самоуправлении оправдывается особенностями городского хозяйства, существенно отличающегося от земского.

Об известных различиях городского и земского хозяйства спорить не приходится: городам нужны освещение, канализация, трамваи, метро, театры, общественные сады, бани и т.п., чего земствам пока не надо, а не нужны опытные поля, склады сельскохозяйственных орудий, земская почта или улучшенные породы свиней. Однако все эти различия в хозяйственных делах, которые, кстати сказать, время

и культура постепенно сглаживают, вызывают, в крайнем случае, необходимость каких-то лишних параграфов Положения о земских учреждениях, которые бы облегчили распорядительным и исполнительным органам городского самоуправления технику городского хозяйства. Но этим все и кончается, так как для лишних параграфов нет нужды изобретать особую выборную систему для городов и, исключив их из общей земской семьи, ставить по отношению к земствам в положение дальних родственников и создавать условия, при которых эти родственники начинают смотреть друг на друга как на соперников, а часто и действовать, как соперники.

Вспомним существовавшее положение.

Все города и крупные губернские и мелкие уездные были расположены на территориях уездных земств... Исключение, насколько помню, составляла Москва, где земские сборы с городских недвижимых имуществ поступали в кассу губернского земства. Поэтому уездные земства на общем основании облагали и недвижимые имущества горожан земскими сборами. Вместе с тем горожане платили за свои имущества и городские сборы, которыми городские управления, так называемые Городские думы, должны были покрывать крупные расходы по своим городским хозяйственным мероприятиям. Такое положение было последствием того, что города не входили в состав земств, не были членами единого земского организма. Их связь с земствами ограничивалась тем, что они посылали в уездные земские собрания своих представителей, которые имели все права уездных земских гласных и как таковые должны были защищать городские интересы. Эти интересы заключались, по их мнению, в том, чтобы, во-первых, земские сборы, как можно меньше увеличивались, а, во-вторых, чтобы уездные земства проводили различные мероприятия не только в сельских местностях, но и в пределах городов. Уездные земства далеко не всегда разделяли такой взгляд, стараясь получить с городских имуществ возможно больше, а различные мероприятия предпринимать только для сельских местностей. Справедливость таких действий они объясняли тем, что интересы городов находятся в прямой зависимости от хорошего хозяйственного оборудования сельских местностей и благосостояния деревни. По-разному понимаемые интересы вели, конечно, к столкновениям, и городские представители нередко чувствовали себя в уездных земских собраниях как бы во вражеском стане.

Иная картина была в губернских земских собраниях. Сюда городские представители в качестве избранных уездными собраниями губернских гласных и вместе с другими губернскими гласными своего уезда вступали уже не как соперники, а как союзники. Такой союз возникал потому, что представители уезда, сознавая свою вину по отношению к горожанам и желая задобрить их, настойчиво требовали от губернских земств таких мероприятий, которые бы вне зависимости от того, имеют ли они общегубернское значение или нет, обслуживали чисто городские нужды. Иными словами, на средства губернского земства, т.е. в значительной мере за чужой счет, уездные охотно благодетельствовали своих городских

плательщиков. Естественно, что представители других уездов начинали в таких случаях протестовать и «военные действия» из-за городских «притязаний» открывались и за губернскими столами. Все это было хронической земской болезнью, поглощало немало времени, вызывало затяжные прения, а иногда и смены управ и поддерживало между городами и земствами «состояние войны», что конечно не оставалось без вредных последствий для обеих сторон. А между тем очень многие горожане принадлежали к земщине и, таким образом, по существу эти «войны» не были «внешними», а настоящими и, конечно, печальными междоусобицами.

Обратимся теперь к некоторым литературным источникам по этому вопросу с целью уяснить, были ли действительно достаточные причины устраивать городские самоуправления на совершенно иных, чем земства, основаниях. Немало строк посвятил этому вопросу кн. А. Васильчиков. Сгруппировав различные сравнительные статические данные о городском и сельском населении, о росте городов, о земельных владениях их жителей и т.п. он приходит к выводу, что в России между бытом городских и сельских обывателей нельзя провести резкой черты. Переходя к исследованию вопроса, откуда и на каком основании появились у нас основные различия в устройстве городских и сельских самоуправлений, кн. А. Васильчиков пишет:

«Обыкновенно уподобление городского общественного управления сельскому не допускается. Этот взгляд, усвоившийся в большей части государств Западной Европы не может быть, однако, безусловно принят в России и в этом отношении наш общественный быт столь же резко отличается от быта континентальной Европы, сколь близко подходит к английскому».

«Это объясняется историей основания и развития городских обществ и ходом событий, создавших эти особенности. В Германии, Голландии, Франции, Италии городские общества были крепко сплоченные союзы, возникшие в средние века, для обороны против феодальных владык и удержавшиеся до новейших времен для противодействия самовластию в новой, современной его форме правительственной централизации».

«От примера этих могущественных в городах муниципий с их партиями, цехами, ремесленными управами и магистратами перешло и к нам общее понятие о том, что город, какой бы он ни был, не может управляться такими же порядками, как село... На этом предположении и основано то резкое различие, которое проведено через все наше законодательство между городским и сельским обществами. Мы не дали себе труда справиться о причинах, породивших это различие в других странах, не ходили далеко за образцами и, найдя готовые уставы городских Положений в Голландии и Германии, так прямо без разбора и применили устав Магдебурга или Антверпена к Яму-Зимогорью, переименованному в город Валдай. Если бы мы заглянули дальше и глубже, то нашли бы в Англии совершенно другие указания. В Англии, как и в России, вся земля признавалась Государевой, а между селом и городом не было различия».

«Города возникали для торговых и промышленных оборотов в местностях наиболее для таких оборотов пригодных, но вовсе не для политических целей, как Германские города, потому что цель эта не достигалась перепиской из сельских сословий в городские: повинности и права оставались те же, власть Государя и закона распространялась на всех».

«Города за некоторыми немногими исключениями (Лондон и др.) входили в общий состав графства и в общее распределение доходов». «Все общественное земское их управление... было основано на общих узаконениях, коими руководствовались и сельское, и городское население на одних и тех же правах». «Иное было в Германии, где «в основание городского быта легло начало корпоративной замкнутости и наследственного родового гражданства»... «От сельского населения городское отличалось глубоко»... «Следы векового антагонизма между городом и селением врезались глубоко во все конституции Германии и привели новейшие законодательства в крайнюю необходимость принять совершенно различные основания для их общественной организации. Этого не было ни в России, ни в Англии».

... «В Англии и России общественная организация была искони земская, в Германии и прочей Европе — сословная» ... «За городской чертой, в фабриках и заводах, устроенных вне ее, в исправности путей сообщения, в быстроте и удобстве подвоза, в облегчении судоходства и т. лежат главные интересы городского торгового населения и, когда оно от этих общих земских дел отделяется и замыкается в своих заставах, то оно теряет окончательно сознание своих польз и нужд и предается под видом общественного управления игре в политические партии или в личные интриги».

«Все это указывает, что для устройства городского управления мы должны обратиться за примерами не к народам, где города возникли в противодействие феодальному праву... а к тем, где сельское население составляло искони главную народную силу, где земля и земство были представителями гражданских прав и обязанностей, а не города, не городские промыслы и корпорации».

В Англии «города имеют свое отдельное хозяйственное управление, приметами коего считаются совершенно специальные части: освещение, мостовые, строительный уставы «но в общем земском управлении они участвуют наравне с прочими классами жителей и по всем главным земским повинностям» подлежат раскладке по тем же самым нормам обложения, как и сельские сословия».

В Англии законодательство, проникнутое духом народных польз и нужд, соображалось постоянно началом солидарности городов и селений во всех делах общественного управления. В России разные великие и мелкие преобразователи несколько раз пытались нарушить это единство Русской земли, разрознить города от села, посеять между ними семена раздора в виде особых Уставов и Положений». «Достойно замечания, что когда мы в России (1835 г.) вводили у себя учреждения немецких магистратов, между прочим почетных граждан, англичане

отменяли вкравшиеся к ним с континента средневековые классификации жителей и, между прочим, тех же самых почетных граждан».

«Чем меньше будет дано особенности нашему городскому и общественному быту — заключает кн. А. Васильчиков — чем теснее оно будет слито с земством и сельскими обществами, тем более и будет сделано для оживления этого быта, погрязшего в мелочные личные интересы замкнутого своего положения»¹.

Немало поучительных сведений об устройстве городского самоуправления находим у проф. Н.М.Коркунова.

В царствование Императрицы Екатерины II-ой в городах была установлена чисто сословная организация, которая за немногими исключениями сохранилась до реформы 1870 г., когда от сословных начал отказались. Положение 1870 г. установило податной ценз и группировку избирателей на три разряда с тем, чтобы избиратели каждого разряда вместе уплачивали по 1/3 общей суммы налогов. Число избирателей в каждом разряде оказывалось при этом неодинаковым, но, несмотря на это, все разряды избирали одинаковое количество гласных. Таким образом, число представителей сообразовалось не с числом избирателей, а с количеством платимых ими налогов.

«Эта заимствованная из Пруссии, так называемая «трехклассная система» — заключает Н.М.Коркунов — не имеет у нас никаких исторических корней»².

Любопытно проследить, как прошла эта реформа. В собранных Министерством внутренних дел отзывах с мест можно было найти много разных систем, но ни в одной из них не было даже косвенных указаний на что-либо подобное прусской трехклассной системе. Несмотря на это, МИД все-таки составил проект по этой системе. Однако в других ведомствах он встретил серьезные возражения и, между прочим, кодификационное учреждение находило, что при трехклассной системе «состав каждого отдела избирателей будет нередко изменяться от причин совершенно случайных. От случайных же причин зависеть и доля влияния и значения каждого отдельного избирателя. В результате этот проект был дружно забракован, и вместо него появился другой, довольно сложный, который предусматривалось деление избирателей на три собрания. Однако в комиссии 1870 г., этот проект в свою очередь встретил серьезные возражения. МВД, в частности, указывал на неполноту и неточность имеющихся статистических данных, благодаря чему на практике могут получиться совершенно непредвиденные результаты. В заключении директор хозяйственного департамента Шумахер предложил вернуться к проекту трехклассной системы, что и было признано единогласно». «При этом — замечает Н.М. Коркунов — странным образом совершенно упустили из внимания, что при ненадежности имеющихся статистических данных результаты применения трехклассной системы представляются еще более гадательными».

¹ Кн. А.Васильчиков. О самоуправлении. Т. I. С. 179-200

² Проф. Н.М.Коркунов. Русское государственное право. Т. II. С. 456-474.

Трехклассная система просуществовала более двадцати лет и практические результаты ее применения были, по общему признанию, неудовлетворительными. В 1892 г. вышло новое городское Положение, которое и действовало до последнего времени. В нем была принята за основание территориальная группировка избирателей, и нормальным порядком считалось избрание всех гласных городской думы всеми избирателями совместно, хотя по особым ходатайствам в многолюдных городах разрешалось при выборах делить город на участки и вместо одного избирательного собрания устраивать несколько, в каждом участке свое. При этом, однако, было установлено правило, по которому каждым избирательным собранием могут быть избираемы в гласные только лица, принадлежащие к этому самому собранию (ст. 43).

Крупные недостатки этого нового Положения ясны. Избрание гласных всеми избирателями совместно в одном собрании ведет в больших городах, помимо разных технических неудобств, еще и к тому, что такое собрание фактически даже и не может сознательно избрать достойных представителей. В Петербурге, например, надо было выбрать 160 гласных. Едва ли было много таких избирателей, которые хорошо знали, кого они избирают. Что же касается выборов по участкам, то при существовании указанного правила совершенно искусственно и случайно ограничивался круг лиц, подлежащих избранию. Дело в том, что «отдельные части города не образуют из себя обособленные местности с различными местными интересами», а «жители одного и того же участка не образуют из себя чего-нибудь цельного, сплоченного». Поэтому легко могут найтись лица, вообще пользующиеся большим уважением городского населения, но не находящие себе поддержки именно среди своих ближайших соседей. Случайность жительства в данной части города может, таким образом, лишить их возможности попасть в гласные».

Итак, для городов было, как видно, труднее, чем для земств, выбрать такую систему представительства, которая бы не страдала досадными и чувствительными недостатками. Причину этого надо искать в сильной раздробленности городского населения, в крайней разнородности и частой изменчивости его состава в том состоянии, которое в свое время было названо «рассыпанной храминой» и которое осталось до последнего времени, как исторически сложившийся и поэтому неподдающийся заметным изменениям признак нашей городской жизни.

Благодаря «достижениям» советской власти, облик современных и в особенности крупных русских городов сравнительно с прежним сильно изменился, исчез или растворился мощный ранее слой промышленников и торговцев, появились новые, несметного количества чиновного люда, а неестественно разбухшая казенная индустрия привлекла из разоряемых деревень громадные толпы крестьян, обратившихся в фабричных рабочих и обеспечившие своим приливом с гордостью отмечаемый большевиками быстрый рост городского населения. Останется ли все это так после падения советской власти и не наступит ли эпоха отлива населения городов в деревню, что вызовет новые существенные изменения в составе

городского населения? Трудно строить на этот счет какие либо предположения, но то, что города надолго еще останутся «рассыпанной храминой» можно, пожалуй, и утверждать. Значит ли это однако, что в виду такой обстановки лучше было бы отрицательно отнестись к вопросу об устройстве городских самоуправлений? Думается, что не значит и не значит по тем же причинам, о которых оказано выше, когда шла речь о земском самоуправлении. Но устраивать самоуправление в «рассыпанной храмине» по каким бы то ни было системам, требующим хорошей статистики и «устоявшихся общественных классов и сословий», конечно нельзя. Здесь выход один, а именно тот же, который был усмотрен и для земств: организация мелких ячеек, назначение должностных лиц в первый период и выборы гласных через приходские организации — во второй. Связь с приходами, иными словами, моральный ценз еще важнее для городов, чем для деревни. В новой России раньше всего и больше всего люди будут нуждаться в том, чтобы залечить духовные раны. В этом будет главный, интерес общества и, так как все другие групповые интересы чисто материального свойства будут трудно уловимыми, не поддающимися ни точному учету, ни правильному освещению, то на нем, на этом главном и общем интересе и должна быть возведена вся постройка.

Вторым положением должно быть то, что городам необходимо войти в земства в качества частей единого земского организма, и городское самоуправление должно быть построено на тех же началах, что и земское, с несущественными изменениями в подробностях соответственно техническим особенностям городского хозяйства.

В одном из писем, касающихся земского вопроса, корреспондент опр. л. № 6 делится весьма интересными соображениями о постепенном и повсюду замечаемом закабалении деревни городами. Автор письма приводит целый ряд убедительных цифр, а так же и свидетельств серьезных наблюдателей, доказывающих и объясняющих это явление, которое становится угрозой политическому и хозяйственному развитию, как в странах Западной Европы, так и в Америке. Деревня «чахнет», а города «пухнут». Политическое значение крестьянства «близко» к нулю. Образовались «ножницы». Сельское население приносится в «жертву рабочему классу» и принуждено постепенно перекачивать в города. «Приходится административными мерами препятствовать бегству молодежи от земли». Переносясь мыслью к будущей России, автор приводит веские доводы к опасениям, что в русской деревне не осталось «ни мозгов, ни капитала», которые бы могли «противостоять напору и ростовщичеству как физических, так и юридических лиц» и вести борьбу с «многочисленным организованным рабочим классом».

Я привел эти ценные соображения, чтобы и в них почерпнуть некоторые доказательства целесообразности приведенных мною положений. Не изолированные, не исключенные искусственно из состава земств города в общей совместной работе с земствами с меньшим трудом усвоят простую, но до сих пор как будто неясную для них истину, состоящую в том, что быстрый рост и обогащение городов не может почитаться доказательством законности и прочности этого явления

и что гибель деревни роковым образом повлечет за собой и гибель городов. Усвоение же этой истины будет иметь последствием то, что земские заботы о благосостоянии деревни будут поняты и разделены городами. В свою очередь и земствам, лишенным основания и права облагать горожан, как таковых, и увидевшим города в своем составе, останется только приветствовать их, как членов общей земской семьи, и усилия, которые раньше тратились на борьбу, направить во имя общей пользы на дружную совместную работу¹.

Приложение к докладу 1939 г.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

Доверительно.

Приступив к разработке вопроса об общих основаниях устройства местного самоуправления в будущей освобожденной России, я пришел к убеждению в необходимости ознакомиться с мнениями компетентных и интересующихся этим вопросом лиц.

К сожалению, собрать такие мнения путем личной беседы, что было бы лучше всего, не представляется пока возможным.

Поэтому я решился попытаться составить опросный лист и представить его вниманию некоторых старых государственных и общественных деятелей.

Позволяю себе обратиться и к Вам с усерднейшей просьбой не отказаться дать на прилагаемом опросном листе ответы, в размерах и формах по Вашему усмотрению.

Весьма возможно, что поставленные вопросы не исчерпывают всего существенного и главного, что многое не предусмотрено и не додумано. Может случиться, что и весь опросный лист непригоден для того, чтобы в должной мере отразить Ваши взгляды и соображения.

Льщу себя надеждой, что в этих случаях я найду ответы против XI-го заключительная пункта, а также на не заполненных, чистых страницах опросного листа.

Для меня крайне важно получить ответы не позже конца августа с. г., и я буду чрезвычайно признателен Вам, если к этому сроку Вы найдете возможным вернуть мне заполненный опросный лист.

Пишу «доверительно» по причинам, которые, вероятно, не требуют объяснений.

Принося заранее искреннюю благодарность за посильное наполнение моей просьбы, прошу Вас принять уверение в совершенном уважении и таковой же преданности.

¹ Настоящий доклад принят единодушно и заслужил полное одобрение Владыки Митрополита Анастасия.

* * *

I.

Возможно ли при будущем, немедленном после свержения коммунистической власти, устройстве гражданского управления в России обойтись хотя бы на короткий срок без самоуправления, т.е. без создания особых, выбираемых населением, органов для самостоятельного заведования делами, относящимся к местным хозяйственным пользам и нуждам.

II.

Не будет ли неизбежным и целесообразным использовать для устройства самоуправления местные «советы» и «исполнительные комитеты», т.е. те учреждения, который ведали местными делами при советской власти, с тем, однако, чтобы тотчас же обновить их состав, точно определить их компетенцию и организовать надлежащий надзор за их деятельностью.

III.

В утвердительном случае

1. Какие слои населения предпочтительно привлечь к работе в местных учреждениях.

2. На каких общих основаниях построить выборы в советы.

3. Нужны ли для избирателей и избираемых какие либо цензы, как например, имущественный, налоговой, образовательный и другие (и какие именно).

4. Целесообразно ли предоставить избирательные права (и какие именно) лицам женского пола

5. Какой возрастной ценз необходимо установить для избирателей и избираемых.

6. Должны ли избираемые на разные должности лица утверждаться представителями государственной власти.

7. На кого не должно распространяться избирательное право.

8. Какие ведомства, и на каких основаниях должны иметь представителей в советах.

9. Каковы в общих чертах должны быть пределы компетенции внешних, средних и низших органов.

10. Возможно ли, оставить за советами и исполнительными комитетами функции местных административных органов центральной государственной власти.

11. Возможно ли, и в какой мере привлечь Советы к организации местного суда.

12. Возможно ли, предоставить исполнительным комитетам не только распорядительные, но и исполнительные функции, которыми Земства не обладали.

13. Каковы должны быть взаимоотношения между органами различных рангов, т.е.:

а) надо ли, чтобы высшие органы имели право утверждения или отмены постановления низших (и по каким вопросам).

б) надо ли, чтобы высшие органы имели право давать низшим поручения делового характера и требовать от них различных сведений.

14. На выборных или назначенных государственной властью лиц должно быть возложено председательство в Советах.

15. Права, обязанности и ответственность этих председателей (в общих чертах).

16. На выборных или назначенных государственной властью лиц должно быть возложено председательство в Исполнительных Комитетах.

17. Права, обязанности и ответственность этих председателей (в общих чертах).

18. В каких формах должен быть организован надзор за деятельностью Советов и Исполнительных Комитетов, т.е.

а) (должны ли подлежать утверждению со стороны представителей государственной власти все постановления Советов или только главнейшие и наиболее ответственные.

б) возможно ли ограничить надзор наблюдением за законностью действий Советов, предоставив местным органам государственной власти право протеста и отмены постановлений, в коих будет обнаружено нарушение закона.

в) надлежит ли предоставить Советам право обжалования таких протестов и какие Государственные учреждения должны в этих случаях выносить окончательные решения.

19. Государственным административным или судебным органам (прокуратуре(?)) должен быть поручен надзор за законностью действий Советов и Исполнительных Комитетов и право ревизии деятельности последних.

20. Права, обязанности и ответственность Исполнительных Комитетов (в общих чертах).

21. Общие основания финансирования местных хозяйственных органов.

22. Пределы их участия в деле народного образования и просвещения.

IV.

Возможно ли, несмотря на меры к обновлению состава местных органов и к установлению строгого надзора за ними, оставить их действовать на длительный период или наоборот, это допустимо лишь временно и с тем, чтобы при первой возможности была произведена и, в зависимости от создавшейся обстановки, постепенно и одновременно проведена коренная реформа местного самоуправления, отвечающая историческим русским традициям и способная содействовать развитию и укреплению христианской культуры.

V.

В последнем случае, на каких общих основаниях должна быть произведена такая коренная реформа, если принять в расчет глубокие изменения, происшедшие после революции и долголетнего коммунистического ига.

VI.

Не будет ли наиболее подходящей средой для набора местных деятелей церковно-приходская община христианских и иноверческих исповеданий, в состав которых, как можно предполагать, входят и будут входить лучшие представители всех слоев населения и которых возможно было бы привлечь к выбору из своего состава гласных в местные органы самоуправления низшего ранга, примерно, волостные или окружная земские собрания — с тем, что последние, в свою очередь дадут состав для земского собрания следующего высшего ранга.

VII.

Какие, хотя бы кратко мотивированные соображения принципиального или практического свойства могут быть приведены при отрицательном отношении к изложенному в п. VI Положения.

VIII.

Какая иная среда, или какие именно слои населения могли бы дать необходимые кадры для квотных органов самоуправления, имеющих быть построенными с возможным сохранением исторических традиций, если считать церковно-приходские общины неподходящими для этой цели.

IX.

В какой мере (в общих чертах) могла бы быть расширена компетенция и обеспечена большая самостоятельность коренным образом реформированных органов самоуправления.

X.

Какие наиболее существенные недостатки были присущи Положению о земских учреждениях 1864 и 1890 г.г.

XI.

Заключение.

**Из редакционного
портфеля журнала
«Русский Архив»**

ПИСЬМА В.А. ЖУКОВСКОГО А.Я. БУЛГАКОВУ (1836–1852)

В настоящем выпуске альманаха “Российский архив” публикуется 86 писем Василия Андреевича Жуковского своему другу, московскому почт-директору Александру Яковлевичу Булгакову (1781–1863), в течение последних 17 лет своей жизни, с 1836 по 1852 г. Из трех других писем, входящих в эту публикацию: одно адресовано Жуковским брату автора “Дома сумасшедших” И.Ф. Воейкову (№ 53); в другом (И. Давыдова А.Я. Булгакову) устанавливается точная дата первого появления в печати стихотворения Жуковского (№ 27); третье было написано Н.В. Гоголем А.Я. Булгакову (№ 77) по поводу одного из писем Жуковского. Основная часть писем относится к периоду жизни поэта за границей; последнее письмо Жуковский послал Булгакову за 6 недель до своей смерти, 21 февраля/10 марта 1852 г.

Александр Яковлевич Булгаков, сын известного дипломата екатерининской эпохи Я.И. Булгакова, начинал свою карьеру при русских дипломатических миссиях в Неаполе и Вене. В 1832 г. действительный статский советник и камергер А.Я. Булгаков был назначен на важную должность Московского почт-директора, которую занимал до 1856 г. Человек чрезвычайно общительный и доброжелательный, Булгаков и сам вел активную переписку; сохранилось 883 его письма к одному только П.А. Вяземскому¹. Будучи близким приятелем В.А. Жуковского, П.А. Вяземского и А.И. Тургенева, А.Я. Булгаков не только сам состоял с ними в переписке, но и активно поддерживал их переписку между собой. Вяземский называл его “членом-корреспондентом нашего кружка”. И хотя Булгаков не имел шуточного звания “Арзамасского Гуся”, т.е. не входил в литературное общество “Арзамас”, Жуковский писал ему (5 июля 1846 г.): “...ты рожден Гусем, то есть все твое существо утыкано гусиными перьями, из которых каждое готово без усталы писать с утра до вечера очень любезныя письма”. О приверженности самого Булгакова к литературно-мемуарному творчеству свидетельствует полтора десятка наименований его статей в журналах того времени. После отставки он был назначен сенатором в одном из московских департаментов Сената. Умер Булгаков на руках у жившего в Дрездене своего младшего сына Павла.

¹ Н.В. Снытко. Литературные корреспонденты П.А. Вяземского. // Встречи с прошлым. Вып. 3. М. 1986. С. 318.

Прекрасно сознавая историческую ценность имевшихся у него писем Жуковского, Булгаков намеревался издать их в полном объеме. Для начала, в 1858 г., он опубликовал одно письмо (от 11/13 апреля 1843 г.) в популярном среди московской интеллигенции журнале “Библиографические Записки”. В предисловии к этой публикации Булгаков писал: “Я был в постоянной переписке с Жуковским со дня его отъезда в чужие края (1836) по день его кончины, последовавшей в Бадене в 1852 году. Таким образом накопилось у меня до ста писем от него. Жуковский принадлежал к немногочисленному разряду людей, могущих думать вслух, потому что у них всегда правда на душе, и что не бывает у них никогда мысли, которой могли бы они иметь причину устыдиться. Вот почему я, не колеблясь, решаюсь предать тиснению все его письма ко мне, исключая касающиеся до его денежных дел или разных даваемых мне им поручений, что не может представлять особенного интереса для публики. Живя теперь (хотя и кратковременно) в деревне и имея довольно свободного времени, я занимаюсь приведением в хронологический порядок корреспонденции Жуковского, что довольно трудно, ибо он очень нерадиво выставлял в своих письмах числа, местопребывание свое редко, а год почти никогда. На первый раз высылаю издателям Библиографических Записок одно из этих писем, а по приведении прочих в возможный порядок, не премину поделиться с публикою и всею корреспонденциею. Ал. Булгаков. Село Шереметево. 10 августа 1858”¹.

Однако опубликовать все письма Булгакову не удалось. Это намерение пытался осуществить его сын, Павел Александрович Булгаков, который передал П.И. Бартеневу сделанные им копии писем Жуковского к его отцу для публикации в “Русском архиве”. Надо заметить, что копии десяти из них были написаны рукой А.Я. Булгакова, снабдившего письма своими комментариями. Бартнев напечатал в 1868 г. всего треть из общего числа этих писем (29 из 89)². Эта публикация охватывала всего 8 лет переписки, с 1843 по 1850 г., тогда как она длилась вдвое дольше; из текста писем нередко изымались части, казавшиеся тогда лишними: начальные и конечные фразы, просьбы переслать письма другим лицам, постскриптумы и др. С учетом этих изъятий в “Русском архиве” была помещена лишь четверть всего объема писем, имевшихся в редакции журнала. П.А. Вяземский, который активно участвовал в издании “Русского архива”, предварил публикацию писем Жуковского А.Я. Булгакову своей статьей “Воспоминание о Булгаковых”³ Об участии Вяземского в этой публикации говорят и сделанные его рукой пометы на полях подготовленной к печати рукописи.

Следует отметить, что большое место в последних письмах Жуковского Булгакову занимает тема о возможности П.И. Бартевым занять место домашнего учителя детей Жуковского. Из этих писем видно, что поэт был весьма в этом заинтересован. Бартнев в 1852 г. жил в Петербурге, где обучал внуков Д.Н. Блудова. В письмах своему другу П.А. Бессонову он упоминал о возможной перспективе работы у Жуковского⁴. Однако смерть помешала осуществлению их взаимных надежд. Последние письма Жуковского позволяют внести некоторые коррективы в сообщения биографов Жуковского и Бартенева о том, что предполагалось назначение Бартенева на должность секретаря

¹ “Библиографические Записки”. М. 1858. № 18. С. 547–548.

² “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1446–1483.

³ Там же С. 1436–1445.

⁴ См. “Российский Архив”. 2005. С. 268–270, 274),

Василий Андреевич Жуковский

Жуковского и что инициатором этого был А.Я. Булгаков. Из писем явствует, что речь шла не о секретарской, а об учительской должности Бартенева, и что инициатива этого исходила от его приятеля, К.А. Коссовича.

Как уже отмечалось, сын А.Я. Булгакова передал П.И. Бартеневу для публикации не автографы писем В.А. Жуковского, а сделанные им и его отцом списки с них. О точности этих списков можно судить по двум сохранившимся в ОПИ ГИМ подлинникам писем Жуковского Булгакову (№№ 88, 89), а также по имеющейся полной публикации автографа одного из них (№ 76). При сопоставлении их с текстами рукописи, сохранившейся в редакционном портфеле журнала “Русский архив” выявилась их полная идентичность.

Рукопись с текстами писем Жуковского Булгакову занимает все страницы листов плотной белой и желтоватой писчей бумаги со штемпелями: “Фабрики Аристархова” и “Фабрики Аристархова 3”. Нумерация листов рукописи крайне сложная: кроме основной архивной (проставленной чернильным нумератором, в Историческом музее) имеются три зачеркнутые — чернильная постраничная (первоначальная), а также поставленные красным и синим карандашами. Копии самих писем имеют также тройную нумерацию: чернилами, простым карандашом и коричневым карандашом.

Настоящая публикация охватывает все без исключения сохранившиеся в редакции журнала “Русский архив” письма В.А. Жуковского А.Я. Булгакову, без каких-либо изъятий из их текста. Таким образом, количество писем, по сравнению с публикацией

Бартенева 1868 г., увеличилось втрое, а объем их текста — вчетверо. Значительную сложность при подготовке писем к публикации представило то обстоятельство, что каким-то образом письма были распределены между двумя толстыми конволютами, на кожаных корешках которых золотом выдавлены надписи: “Рукописи Русского Архива. 1865—1869” и “Рукописи Русского Архива. 1869”, составляя их части¹. При этом листы рукописи были перепутаны так, что фрагменты некоторых писем оказались вшитыми в один конволют, а их недостающие части — в другой.

В ходе подготовки настоящей публикации пришлось дополнительно определять отсутствующие во многих письмах полные даты или их элементы (число, месяц, год), и места их отсылки. Даты и города, указанные в ломаных скобках, установлены на основе данных, имеющихся в наше время в литературе о жизни и творчестве В.А. Жуковского. В публикации сохранены все орфографические, синтаксические и стилистические особенности текста писем Жуковского.

№ 1

1836. <Июль. Дерпт>

Податель этого письма мой приятель Александр Дмитриевич Хрипков¹, едет из Дерпта отыскивать нашего Мойера², по просьбе его родственников, которые чрезвычайно об нем беспокоятся. Похлопочи об нем и дай ему все нужное для скорого отправления на станциях. Нельзя ли дать подорожной по казенной надобности.

Между тем жду и от тебя уведомления. Надеюсь на дружбу твою; ты верно не оставил просьбы моей без внимания.

Жуковский

№ 2

7 Октября 1836. <Царское Село>

Вот тебе, душа моя, письма, кои прошу передать два, а третье отправить с почтою. За то что ты не содрал с меня денег за эстафет¹ получишь от меня скоро прекрасную поэму, мною состряпанную; теперь ее печатают², а скоро и отпечатают, тогда будет и у тебя.

Обнимаю. Присылай к нам Тургенева³.

Жуковский.

В письме моем к Тургеневу есть просьба до тебя. Прошу тебя, убедительно прошу исполнить ее поскорее. Это будет мне благодеяние. Если паче чаяния Тургенева нет в Москве, то распечатай письмо и прочти.

№ 3

29 октября 1836. <Царское Село>

Мой милый Александр, благодарю за хлопоты обо мне и надеюсь, что ты по дружбе своей, окончишь начатое. Жду с нетерпением известий, собранных

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 136–194 об.; Ед. 99. Л. 257–273 об.

по трактам¹. Блудов² отправил через тебя эстафету к Орловскому Губернатору³; надеюсь, что она скоро доставит желаемыя вести. Как скоро получишь из Орла отзыв, доставь прошу тебя наискорейшим образом. Приложенное письмо прошу передать Тургеневу.

Обнимаю тебя дружески.

Жуковский.

№ 4

12 Ноября 1836. <С. Петербург>

Благодарю, милый Александр, за твои хлопоты и за уведомление о Мойере. Но оно нимало не удовлетворило меня; это одно боковое известие о том что Мойер живет в Орловском уезде и что он не Статский, а Действительный Статский Советник. Письма же прямо от него в ответ на мое все еще нет. И я остался бы в том же жестоком беспокойстве о нем, когда бы не получил письма от Елагина¹, который прислал мне его записку, писанную к нему Елагину 28 Октября. Вот все верное, что об нем имею; но для меня довольно, ибо теперь знаю, что с ним никакой беды не случилось. Непонятный человек Кочубей. Как можно было так оставить без внимания такое пребывание.

Обнимаю теперь. Доставь приложенное письмо Тургеневу.

Жуковский.

№ 5

<15 февраля 1837. С. Петербург>

Вот тебе мой милый Александр письмо, которое передай от меня Сергею Львовичу¹. Можешь его после вытребовать и прочитать. В нем подробное описание последних минут Пушкина². Обнимаю тебя.

Жуковский.

№ 6

26 Марта. 1837. <С. Петербург>

На сих днях отправится к тебе с транспортом целый воз моих сочинений, с поручением взять принадлежащий тебе экземпляр, а остальные раздать в Москве и разослать за Москву по адресам. Способен ли ты на такую пакость?

Вот самая убедительная просьба. Вчера, 25 Марта в 11 часов утра мои родные отправились отсюда с дилижансом, коего хозяин Салатников и с ними проводник Ротов. Дай приказание в конторе сего дилижанса, чтобы тотчас тебе дали знать об их приезде; и сделай мне братское одолжение уведомить немедленно живы ли все и здоровы. Спросишь кто едет. Действительный Статский Советник Иван Филиппович Мойер, которого мы так с тобою отыскивали с тещею Протасовою¹. Меня страх берет; поехали они в тяжелом дилижансе. Дорога должна быть дурна. Боюсь да и только. Побалуи меня и тотчас об них

уведомь. За то тебе отслужит моя Унди́на². Делай с нею что хочешь. Передай письмо Тургеневу.

Жуковский.

№ 7

7 Апреля. <1837. С. Петербург>

Благодарствуй милый за дружеския хлопоты¹. Вы оба очень любезные люди, ты и Тургенев. Теперь надобно сделать так, чтобы мои могли по добру по здорову дотащиться до места. Боюсь этой половины путешествия. Здесь дилижансов нет, шоссе не бывало, реки теперь дурачатся. Что бы не нажить хлопот.

Уведомь об них. Книги скоро к тебе отправятся. Обнимаю. О чем поручил я Тургеневу просить тебя, о том прошу и лично. При свидании поцелую.

Жуковский.

№ 8

19 Апреля. <1837. С. Петербург>

На сих днях отправлены к тебе экземпляры Ундины; а с дилижансом отправятся или уже отправлены экземпляры полных сочинений¹.

Вот пакет, который поручаю твоему материнскому попечению. Тут важные документы; душа моя отправь в Орел к Губернскому почтмейстеру, дабы немедленно, с нарочным переслал к Мойеру. Одолжи этим Жуковского да он тебе за это Христос воскресет! Да еще и до свидания в Москве.

№ 9

4 Октября 1837. <Лубны>

Вот тебе, Сашинька, письмецо. Доставь. Да что же ты хотел содрать с меня деньги за эстафету и ни слова об них. Уведомь, что я тебе должен. Впрочем не знаю еще дошло ли посланное письмо.

У нас слава Богу все хорошо. Наш Царь Государь поправляется¹. Осталась только слабость. Все прочее в порядке. Обнимаю тебя.

Жуковский.

№ 10

1-го Сентября. <1839. Москва>

Письмо твое и процессию¹ твою получил; и по желанию твоему исполнил. Государь взял эту штучку и подарил ее Великому Князю в день Его именин². Надобно теперь знать кто автор этой штучки? В письме твоем стоит что то похожее на Линдрота или Ландрота³. Что ему дать, перстень ли? Денег ли? Прошу объясниться, да и назвать его по отчеству, фамилии и званию. Не знаю, можно ли однако будет выхлопотать перстень; напиши чем он будет доволен? Или не будет ли недоволен естли получит часы. Часы по настоящему лучше перстня, ибо они

напоминают о жизни, смерти и бессмертии, тут и физика и мораль. Всего лучше в этой процессии ты, в шитом кафтане и во славе. Я не мог смотреть на твою вызолоченную фигуру⁴ без нежности и симпатического колыхания.

Обнимаю тебя. Помню и люблю по старому.

Жуковский.

№ 11

5/17 Марта. Дюссельдорф. <1842>

Любезнейший друг прошу тебя переслать приложенное письмо немедленно. Пишу в Одессу через Москву оттого, что полагаю, что письмо дойдет если медленнее то вернее. Прошу тебя об нем позаботиться ибо оно весьма нужное.

Что у вас делается? А у нас весна, ревматизмы, зубная боль и нервныя горячки. Последняя пока миновала меня. А с первыми велел Бог встретиться.

Пишу к тебе с опухолью на щеке; но от этого письмо мое не будет пухлее, ибо писать нельзя; спешу отправлять на почту и еще много писать осталось.

Но любить тебя всегда есть время. Аминь.

Жуковский.

№ 12

26 Марта/7 Апреля. 1842. Дюссельдорф.

Я получил твое письмо душа моя и как следует не разобрал двух третей (это случается и с моими письмами).

Причина этому 1-я в твоём лицемерном почерке, который с виду хорош, а как начнешь читать ничего не разберешь¹; 2-я в моих глазах, которые худо начинают видеть. Но все таки благодарю тебя за письмо; но прочитал его, и прошу не лениться, иногда написать из Москвы. Я же теперь пишу к тебе только для того чтобы поручить пересылку вложенного письма. Не знаю как отсюда прямо послать в Одессу и для того решаюсь прибегнуть к твоей милости; а к тебе буду еще писать скоро и тогда поговорим поболее.

Обнимаю Жуковский.

№ 13

4/16 Генваря <1843>. Дюссельдорф.

Поздравляю тебя с Новым Годом, любезнейший друг и желаю всего добраго тебе и твоим, как желал в старом году.

Всем сердцем благодарю за доставление мне писем и за разныя новости. Если не поленишься, то доставь дополнение к последней статье. Скажи Тургеневу, что как скоро соберусь, буду ему отвечать на его не многия строки, наскоро написанныя между завтраком, проповедью, Филаретом и обедом. Теперь ему не до меня; он в чаду московских общественных радостей. Я же ни тебе ни ему никаких новостей сообщить не могу. Ты мои теперешния новости все знаешь давно наизусть, вытвердив их в детской горнице, которая у тебя была довольно

многолюдна. В моей пока одна колыбелка и в этой колыбелке колышется милая девочка¹, которая в два месяца успела сделаться прелестным ребенком с умными быстрыми глазками, с курчавыми густыми волосами на голове с (пропущено слово) рученками и ноженками, и с большим пузом, в которое много входит благо и из которого много исходит желтого, что иногда совершается в такие минуты в моем кабинете, когда со мной беседует Гомер и надо мною летает муза, которая впрочем весьма снисходительна, даже не морщится и всегда сравнивает (чтобы вывести меня из замешательства) это желтое с золотыми кудрями Феба. Благодарю Бога, жена² выдержала свой родильный карантин благополучно; она давно на ногах; уже и дама наша не раз выходила дышать свежим зимним воздухом, который здесь похож на весенний: у нас до сих пор не было 6-ти градусов мороза и снег выпал только два дня тому назад; вероятно надолго. Вот тебе главные пассажи из моей теперешней биографии. О новостях здешнего большого света мне тебе нечего рассказывать; он для тебя не интересен, а я его не знаю. О политике читай в Северной пчеле и Московских газетах.

Получил милое письмо от Вяземского³. Наконец и Прянишников⁴ откликнулся; не только написал ко мне, но и прислал целый пуд залежавшихся у него моих писем. Я очень рад его письму, ибо начинал уже думать, что меня ктонибудь с ним поссорил.

Прости милый, приложенные письма отошли по адресам.

Твой Жуковский.

№ 14

20 Января 1843.

Дюссельдорф.

По толстоте прилагаемого здесь пакета можешь судить, что у меня пальцы устали держать перо и что я могу только сказать тебе несколько слов, прося тебя передать мое письмо по адресу. Благодарю за твое последнее и за сообщенные известия. От Вьельгорскаго¹ я имел письмо, но он в нем еще не уведомлял меня о помолвке Аполины². Дай Бог ей счастья! Она стоит самого отборного счастья. Думаю, что Веневитинов³ будет уметь ценить ее: он имеет характер благородный и нравственность чистую.

От Вяземского наконец имею два письма; он наградил меня вполне за долгое молчание: письма его большое лакомство. Смотри и ты продолжай меня баловать и лакомить. Прошу не замедлить уведомить меня о здоровье твоей милой княгини⁴: надеюсь, что твои тревоги теперь совершенно кончились. Тургеневу скажи, что я к нему напишу как скоро соберусь, но советую ему написать ко мне не дожидаясь письма моего, и уведомить меня о своих планах. Теперь по обыкновенному порядку вещей, он уже верно охает о Париже и верно скоро пустится в путь. В таком случае надеюсь, что он не проедет инкогнито мимо Дюссельдорфа.

О себе сказать нового нечего. У меня благодаря Бога все здоровы дома и жена и дочка и я сам. Зима у нас похожа на теплую весну, и иногда на мокрую

так же теплую осень. Морозов нет в помине. Бывают только сильные бури так же при теплом ветре. Зима отправилась в Италию и у вас кажется она не очень сердита.

Сидя между женою и дочерью я мало занимаюсь произшествиями света. Уведомь пожалуйста из Москвы о том что делается в Европе.

Прости твой

Жуковский.

№ 15

10/22 февраля 1843. <Дюссельдорф>.

Благодарю моя душа, коротеньким письмом за твое милое длинное. Воля твоя пишешь хорошим почерком, а иногда очень не разборчиво и как нарочно в самых любопытных местах письма твоего являются самые шершавые каракульку. Благодаря этим каракулькам судьба Радзивила покрыта для меня непроницаемою завесою: утонул ли он или выплыл на берег не знаю. Жаль, если утонул. Уведомь что узнаешь о нем. А Демьянова уха меня очень позабавила: этот длинный минарет опростался смешным каламбуром. Я рад за Полетику¹ — ему теперь на старости лет покойно с хорошим пенсионом, котораго конечно будет ему достаточно.

Присылай свою статью. А мне тебе прислать нечего. У меня на руках старуха Одиссея²; она идет хорошим но еще весьма медленным шагом, не разкачалась еще. До сих пор моя муза в пеленках моей дочки и я только что люблюсь теми виньетками, которая эта крошка рисует сепиею для будущих моих стихотворений. Чудный талант! К прежнему могу прибавить здесь то, что она имеет искусство необыкновенное брать серебром а платить золотом. Если же иногда случается ей замедлить уплатою, то стоит только прибегнуть к мыльцу, и капитал возвращается с процентами. Что если бы такая метода употреблена была на Руа для всех неоплатных должников, ее населяющих, как бы вздорожало мыло! И ты бы конечно первый построил мыльный завод.

Довольно ли с тебя этой галиматии?

Отошли приложенныя письма. Обними Тургенева Иваныча³. Скоро буду писать к нему.

Ж.

№ 16

11/23 Апреля 1843. Дюссельдорф.

Христос воскрес, любезнейший Александр.

Похристосуйся за меня с Тургеневым, если удастся его где нибудь встретить. Чтобы это вернее сделать можешь на мой счет нанять извозчика и съездить на Воробьевы горы. Благодарю за доставление писем. Не знаю благодарил ли я тебя за твой приятный литературный подарок, кажется нет¹. Я получил его в двух видах: в обрезанном прямо из Москвы от тебя самого, давно; и в необрезанном из Вены, весьма недавно. Прочитал с большим удовольствием: этот отрывок

напомнил живо о великом для России времени. Особенно в нем запечатлен Карамзин², который с такою верностию, накануне падения Москвы, предсказывает падение Наполеона и с таким вдохновением верит славному спасению Отечества тогда как все вокруг него кажется погибающим. Ты прилежно записывал все что видел и слышал в течение своей жизни; верно у тебя запас порядочный записок. Хорошо бы ты сделал, когда бы сам сделал из них выбор и выдал в свет то, что годится для выдачи. Тогда бы я шепнул и Тургеневу; у него богатый архива записок и выписок. Что он праздно шатается по Москве! Какое бы славное занятие для него, усевшись и угревшись на гнезде нашей молодости одушевить себя воспоминанием прошлого давнишнего и недавнего. Или я бы на его месте отправился к Князю Александру Николаевичу Голицыну³ в Крым, прожил бы с ним полгода и записал бы все его рассказы о веке Екатерины Александра и прочее. Умрет он, от кого что нибудь услышишь³ Отправь его в Крым. Он же еще не видел Крыма. Грех будет дать умереть Князю Голицыну, не застраховав его преданий. Сколько уже людей мы таким образом потеряли! Иван Владимирович Лопухин⁴ рассказывал удивительно хорошо и был богат преданиями старины; но он описывал необыкновенно дурно то, что умел хорошо передать на словах: его богатство с ним исчезло.

Пушкин начал было по моему совету записывать росказни Загряжской⁵ — и она умерла, и сам он пропал. Князь Голицын последний представитель старины. Эй, Тургенев, поезжай в Крым! Твое присутствие порадует старика; а ты с него сберешь дань, за которую мы все тебе будем благодарны. Выпроводи его туда хоть насильно. На южном берегу найдет он за кем и поволочиться. Для этого может заглянуть и в Одессу. Но я говорю об этом не на шутку.

Прости милый. Передай и перешли приложенныя письма.

Пометы А.Я. Булгакова на полях рукописи: Слова сии требуют маленькое объяснение. Воробьева гора была сборным местом всех преступников приговоренных к ссылке на каторжные работы. Их привозила туда Полиция всякое воскресенье для отправления в Сибирь иных пешком а других в тележках. Между особами всякое воскресенье приходившими на Воробьевы горы встречались неминуемо Ал. Ив. Тургенев и прославившийся в Москве благотворительностью своею Доктор Гааз⁶. Оба они привозили всегда с собою щедрые денежные подаяния и разные необходимые в дороге вещи, для раздачи оных между колодниками. Сколько было осушаемых Гаазом и Тургеневым слез! Сколько доставляемо было ими вспомоществования и утешения несчастным ссыльным! Я говорю об этом с полным убеждением потому что несколько раз ездил с Тургеневым на Воробьевы горы и был там свидетелем сцен весьма трогательных и назидательных.

Это относится к отрывку из воспоминаний моих о 1812 годе, напечатанному в Москвитяине 1843 года, с которого послал я тотчас копию к Жуковскому в Дюссельдорф.

Александр Николаевич Голицын

И без намеков Жуковского я столько раз уговаривал Тургенева ехать разделить уединение князя Ал. Ник Голицына которого любил он и уважал как благодетеля и второго отца, но Тургенев был нрава нерешительного (почти ветреного) и Воробьевы горы были гораздо ближе к нему нежели Крым. В письмах Князя А.Н. и сестры его Е.М. Кологривовой ко мне часто говорено о Тургеневе, и когда перечитывал я ему письма сии, то он всегда говаривал сам: “ах, мне бы надобно съездить в Крым и пожить с Князем!” ...Но все оказывалось одними предположениями и словами. Он был душевно предан Князю Голицыну, но к сердцу его еще ближе лежал изгнанный из Отечества и проживавший в Париже брат его Николай⁷.

Наталья Кирилловна Загряжская, урожденная Графиня Разумовская известная умом своим, любезностию и оригинальностью!

№ 17

10/22 Октября 1843. <С припиской от 9/21 ноября>

Дюссельдорф.

Я так давно к тебе не писал моя рожица, что уж и не знаю как писать, а мне надобно бы было еще и поблагодарить тебя за присылку твоей панегирической диссертации о Гуслисте Листе¹. Слово Гуслист весьма ему прилично, ибо всякий,

слушая его, должен говорить экой Гусь! А ты это восклицание весьма хорошо перифразировал в своей статье, которую я прочитал с большим удовольствием, за которую тебя благодарю, хоть и должен признаться, что еще не слышал Листа, а это тем не постижимее, что я мог его слышать, ибо он проездом через Дюссельдорф, давал здесь концерт, а я варвар не полез из кожи, чтобы услышать его. Я только раз имел счастье встретиться на пароходе с его собакою из знаменитой фамилии Шпицов, которую подарила ему Великая княжна Ольга Николаевна² по словам молодого француза, ехавшего на пароходе с этим Шпицом к Листу, который тогда находился в Кобленце и который этому французу поручил воспитание своей собаки. И подлинно я имел случай полюбоваться нежности этого воспитателя к своему четвероногому питомцу; он безпрестанно кликал его, перед ним коверкался, пощелкивал пальцами, посвистывал и уже и пренебрегал остальным миром пароходным. А когда я спросил у него: что за собака, то он гордо поднял голову и ответил мне с героической декламациею: *ce est le chien de List* (это собака Листа — фр.). Но это эпизод давнишняго путешествия — а в нынешнем году я был в безпрестанных разъездах и только 26 Сентября н<ового> с<тиля> уселся на месте. Возил жену в Эмс, где мы пробыли 5 недель; потом в Швальбах, где прожили 3 недели. Проводив жену в Дюссельдорф, я должен был съездить в Штутгард, где говел и на проезде через Баден, возвращаясь к себе, узнал о прибытии в Берлин Государя от Великаго Князя Михаила Павловича³; это заставило меня по приезде в Дюссельдорф отправиться в Берлин, где я остался до Государева отъезда; наконец я кончил свою Одиссею и остаюсь на месте и принялся за Одиссею Гомерову, с которым мне так же трудно ладить как самому Одиссею с сердитым Нептуном; но надеюсь на Минерву⁴ — поможет и мне как своему греческому герою. Других вестей у меня про тебя нет. О рождении Царскаго внука⁵ я узнал скоро и самым приятным образом; от Великаго Князя Михаила Павловича, к которому дошло из Берлина телеграфическое известие в Майнц, где он сел на пароход для переезда в Англию. Он остановился в Дюссельдорфе и прислал за мною Фельдъегеря, чтобы сказать мне радостную новость. Жду его теперь на возвратном пути из Англии.

Вот уже Бог знает сколько времени как я не получаю писем ни от кого из своих. Я знаю что ко мне должны быть письма; а писем нет. Это проказы почты. Жалуюсь тебе, как Почт-Директору. У нас, это известно, письма распечатываются и много незваных читателей заглядывают в страницы, писанные не для них, от чего конечно великой пользы нет никому — но пусть читают; да вот что худо: прочитанные письма бросают и не доходят к тем, кому они адресованы. А часто бывает в них большая нужда.

А прогос. Читал ли ты Собаку Кюстина⁶? Верно читал. Я не хочу знать, что ты думаешь о его похвальном слове Русскому народу в 4-х томах в 8°. Но вот что желаю знать, видел ли ты его самого, когда он был в Москве. Я сам был в Москве в его время, ибо это было в эпоху Бородинской годовщины; но я об нем не слышал. Кого описывает он под именем *Lovelace du Kremlin*?

Я видел Князя Дмитрия Владимировича Голицына⁷. Нарочно для меня приехали они из Кельна в Дюссельдорф. Я был ему Сисероне в здешних Ateliers; потом он пил у меня чай и ужинал и на другой день на пароходе отправился обратно в Кельн, чтобы по железной дороге промчаться чрез Альпы и Бельгию и потом на несколько месяцев в Париж. Я очень был рад его видеть и очень тронут его лестным обо мне воспоминанием. Он, кажется, довольно здоров.

Прощай, моя душа. Приложенные письма прошу разослать по адресам. Да напиши мне поболее вестей русских. В Allgemeine Zeitung стоит о поездке Императорской Фамилии в Москву. Я не имею никаких известий об этом. Правда ли, и что еще у вас делается?

Еще вопрос: я давно, давно уже слышал, что Боде⁸ выиграл свой процесс в Англии и что им следует получить большие суммы. Правда ли это? и в чем состоит выигрыш?

9/21 Ноября.

Видишь ли какая я собака. Письмо написал, да и отложил послать; и надобно было к нему прибавить другия письма. А как на это решиться? Не свинья ли этакой человек? Право, свинья. Перешли приложенное письмо. А от своих все еще не имею ни строки.

Помета рукой П.А. Вяземского: Покойнаго Великаго Князя Николая Александровича.

№ 18

7 Марта из Дюссельдорфа. <1844>.

Мой милый Александр, я не отвечал на последнее длинное и по обыкновению милое письмо твое. Благодарю за него теперь; а писать к тебе много пока не могу, ибо мне множество надобно написать писем и повод к этим письмам печальный, от чего и нет охоты с тобою много разговаривать — для этого надобно иметь более свободы духа. Меня было напугали здесь известием о Тургеневе, о его смертельной болезни; я написал к его брату и получил ответ, что он болен, но только мучительно а не опасно. И что ему надобно будет вероятно поехать летом в Карлсбат. И сам Александр пишет; между прочим вот что: “Князь Дмитрий Владимирович Голицын страдает и опасно; вероятно уже в Москву не возвратится. Очень, очень жаль”.

Перешли приложенное письмо к Елагиной¹. Она кажется переменяла квартиру. Я не знаю ее адреса. Обнимаю тебя. Завтра еще получишь письмо.

Жуковский.

№ 19

8 Марта — из Дюссельдорфа. <1844>.

Вчера послал тебе одно письмо; нынче посылаю другое поручая его твоей заботливости. Оно для меня очень важное; надобно. Чтобы дошло по адресу верно и скоро.

Напиши о себе и Москве. Я скоро еду в Дармштат к Великому Князю¹, который туда прибудет в конце шестой недели поста. Оттуда напишу.

Ж.

№ 20

11/23 Июля 1844.

Франкфурт на Майне.

С последнего письма моего, милый Александр, много воды утекло в реке Рейн и во всех реках сего мира. А с рейнской водою и я утек из Дюссельдорфа в во Франкфурт на Майне, где и поселился, где и пробуду до моего переселения к вам на берега Москвы, что конечно не замедлил, если Богу угодно будет чтобы жена моя благополучно подарила своей дочке или брата или сестру и чтобы после этого подарка ее здоровье устроилось.

Но теперь пишу к тебе не для того чтобы рассказывать о себе и о своих, до этого дойдет после. Во все последнее время от бездны разных хлопот и от переездов, я не писал никому и был похож на размыканную тряпку; теперь начинаю быть похожим если еще не на человека, то хоть на обезьяну, а скоро дойду до человеческого образа; тогда заговорю порядком и с тобою. Теперь же другое дело до тебя и очень важное: прошу тебя позаботиться о немедленном и верном доставлении приложенного письма. Если Викулина¹ нет ни в Задонске ни в его деревне, то нельзя ли через Почтамт за деньги узнать где он дабы ему переслать письмо. В доставлении его состоит кровная нужда и ты обяжешь меня много-много, если примешь к сердцу это дело.

Уведомь немедленно что сделаешь. Тургенев был у меня, теперь в Киссингене, оттуда в Вильдбад и может быть в Гас-Гейн. Он теперь охилел и много страдает от болезни и от мыслей. После леченья поживет у меня.

Дай верных вестей о том что у вас делается.

Твой Жуковский.

Мой адрес: a Francfort a/m, a Sachsenhausen, maison Salzwedel.

Может быть и еще будут письма на имя Викулина, они пойдут через тебя; не откажись переслать их: дело не только нужное, но и благодетельное со стороны твоей.

№ 21

6/18 Августа. <1844. Франкфурт на Майне>.

Мой милый, благодарю тебя за любезное твое письмо; я нынче же его отправляю к Тургеневу. Пускай он посмеется; и это быть может будет ему лекарством, ибо он должен будет смеяться и над самим собою. Он теперь в Вильдбаде; я еще оттуда не получал от него писем; но ему однако плохо.

Я теперь не пишу тебе много от того что не здоровится; на днях более буду писать о своем житье бытье. Теперь пока прошу переслать приложенное письмо и мысленно тебя обнимаю.

Ж.

№ 22

11/23 Августа 1844. Франкфурт н/М.

Прошу тебя, мой милый Булгаков, описать все подробности, какие ты знаешь, кончины нашей несравненной Великой Княгини². Хотя ты и не в Петербурге, но верно знаешь; да в Москве многое можешь собрать. Я желал бы иметь все, что о ней говорят, желал бы знать все мельчайшие обстоятельства. Я знаю, что ты не поленишься мне написать — ибо тебе будет усладительно говорить об ней и можешь быть уверен, что сделаешь мне сердечное добро. Итак буду от тебя ожидать большого письма; и конечно ты мне будешь отвечать немедленно. Я только что узнал об этом общем несчастье; но подробностей нет никаких, а из Петербурга никто ко мне не пишет. И Вяземский на беду заленился.

Сам я к тебе пишу мало, ибо надобно написать несколько писем немедленно. Обнимаю тебя от всего сердца.

Жуковский.

№ 23

<декабрь 1844. Франкфурт на Майне>.

Опять ты попрекаешь мне, что я употребляю тебя как разнощика писем — что очень мило сказано с твоей стороны; а нечего делать; нет ни минуты времени писать к тебе и отвечать на премилыя последние твои письма. Пощупай! Вложенное письмо; по весу узнаешь, сколько я расписался в стихах и прозе; сильно выдал ума в расход; ничего в голове не осталось, коме какого-то шума. В сердце же про тебя много — это знаешь ты и без писем. Но спешу отправлять письмо. Оно непременно должно притти в Москву по крайней мере за неделю до Нового Года, с которым тебя поздравляю.

В наш Новый год вероятно будет у меня уже на руках сын или дочь; тотчас уведомлю. Обнимаю всем сердцем.

P.S. Письмо к Киреевым¹ прошу доставить наискорейшим образом. Если нет его адреса, которого я не знаю, то через Профессора Шевырева². Только прошу тотчас послать; а меня строчкой о получении письма уведомь. Я еще скоро буду писать к тебе.

Ж.

№ 24

11/23 Генваря 1845. <Франкфурт на Майне>.

Мой милый Александр, поздравляю тебя с Новым Годом; а ты поздравь меня с сыном¹, который в самый Новый год родился и теперь уже провел первые девять дней земной жизни своей весьма благополучно.

И мать и ребенок здоровы и все идет, благодаря милосердному Богу так хорошо как только желать можно. Сынишкам мой начинает уже несколько белеть, благодаря здоровому питью, которое черпает из груди своей матери; до сих пор

он был красен как рак и имел все приемы рака; теперь начинает поглядывать вокруг себя веселыми черными глазами, которые очень светлы и милы; думаю, что он более будет похож на свою мать нежели на меня: тем лучше; только едва ли будет как она белокурый. Он уже имеет и ту добродетель сестры своей о которой я когда то тебя уведомлял: то есть весьма хороший и щедрый плательщик долгов (не смотря на свою райскую породу) принимает серебром, а платит чистым золотом. Благодарю тебя за скорое доставление моего последнего письма и за уведомление о том. Но напрасно ты гневаешься на мой дурной почерк; он все конечно лучше твоего. Ты же для разбора моих писем имеешь подле себя некоторую Ольгу², с которою иногда до десяти минут за одним словом просиживаешь — если бы у меня была такая помощница для разбора твоих писем, то я бы благословил твои каракульки; но жена по Русски не понимает; Ольга твоя далеко; а я должен биться один как рыба в сетях твоего неизглаголянного марания. И так мы друг другу ничем не должны. Но ты во всяком случае в выгоде. Не ворчи же.

Из присланной мне росписки Шевырева я вижу, что ты написал этак о кончине К<нзя> А.Н. Голицына. Я хотел просить тебя, чтобы ты мне сообщил ее подробности: но в твоей статье вероятно заключается все главное. Пришли мне ее или в списке или печатную, и дополни то чего будет не доставать и чего может быть ты не хотел сказать публике. И для меня сердечная потеря кончина нашего добраго Князя. Он основатель моего благосостояния³; он всегда мне делал добро по сердцу и через него всегда можно было делать добро другим. Во многих отношениях редкий человек. С ним исчез век Екатерины; он был оставленный боярин, царедворец в хорошем смысле и приятный собеседник. Таких экземпляров в нынешнем нашем большом свете немного осталось; да осталось ли? Кто бы? Если знаешь, назови.

Я забыл тебе сказать, что мой сын будет назван Павлом. Крестить его будет Великий Князь Наследник. Крестины совершены будут в день моего рождения 29 Генваря с<тарого> с<тиля>. В этот день обо мне вспомни.

Прошу переслать приложенные письма. Елагина в Москве, но я не знаю ее адреса. Другое письмо в Орел. Пожалуйста повернее. Эти письма извещают о рождении моего сына моих родных, которые конечно уже беспокоятся неизвестностью.

Мое сердечное почтение твоим Долгоруким⁴.

Обнимаю

Жуковский.

№ 25

<Январь 1845. Франкфурт на Майне>

Милый! Вот письмо, которое прошу передать немедленно. Оно от жены, а не от меня. Тебе я должен за два милые письма. И напишу за них славное тучное письмо. Теперь пока обнимаю.

Жуковский.

№ 26

<Январь 1845. Франкфурт на Майне>

Первое напечатанное мое сочинение была статья прозой кажется под заглавием Мысли на кладбище¹. Эта статья напечатана в Приятном и полезном препровождении времени, листах издававшихся при Московских Ведомостях. Напечатана еще в 1797 или в 1798 году. Мне надобно знать наверно, в котором из этих двух годов. Тогда моя печатная жизнь должна будет начинаться или с 97 или 98. И в 1847 или 48 совершится ея пятидесятилетие, не можешь ли узнать об этом справясь с Приятным и полезным препровождением времени? А узнав дай мне знать.

№ 27

Письмо И. Давыдова А.Я. Булгакову <Москва>

28 Января 1845.

Милостивый Государь Александр Яковлевич!

Исполняя приятное поручение Вашего Превосходительства, я спешаю представить Вам ту книжку “Приятного и полезного препровождения времени”, в которой напечатано первое произведение В.А. Жуковского. На 106-й стран<ице> этой книжки, относящейся к 1797 году, Вы изволите найти статью: “Мысли при гробнице”, а не на кладбище, именно первые строки поэта-отрока, будущего поэта-гения. Тогда впервые прочли имя, которым мы теперь гордимся. По прочтении этой статьи, Ваше Превосходительство соблаговолите возвратить мне книжку, как часть целого издания, ныне очень редкаго.

С глубочайшим уважением и душевною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь,
Покорнейшим слугою

Иван Давыдов¹.

№ 28

10/22 Февраля. <1845 г. Франкфурт на Майне>

Я к тебе давным давно писал, любезнейший Александр, о рождении моего сына Павла, которому теперь уже исполнилось шесть недель. Но видно что ты этому известию не рад, ибо от тебя нет ответа; но видно и родные мои не рады, ибо ни на одно из писем, вложенных в твой пакет, я так же не получил ответа; и никто из Петербургских друзей моих мне не отвечает. Что за онемение такое пришло на вас. Один только крестный отец сына, мой милый Великий Князь, за всех ко мне пишет; вчера получил третье письмо Его после рождения сына.

За то, что в таком случае ты мог со мною играть в молчанку, более писать не буду; а только возлагаю на тебя обязанность переслать приложенные письма по адресам. И в них только весьма коротко сказанная побранка. Впрочем все мы

Русские люди — то есть беспечные ленивцы; между ними ты еще лучший; ты человек аккуратный и в переписке часто восхитительный! А пишешь, не прогневайся, хотя и прекрасным почерком, а менее четко нежели я; я не бесился бы на твои каракульки если бы твоя милая Княгиня Ольга мне помогала их разгадывать; но в одиночку это горячка с пятнами. Жена же на беду еще полная Немка и Русскому языку не горазда.

Прощай! Уведомь что у вас делается.

Жуковский.

№ 29

11/23 апреля. <1845. Франкфурт на Майне>

Христос Воскресе, мой милый Александр. И это письмо не сеть еще ответ на твои милыя, дружеские, длинные и совершенно не разборчивыя. Теперь хочу только послать тебе братское, христианское приветствие в день великаго праздника, который нигде так не празднуется, ни где так не говорит сердцу, ни где так не согревает в душе семейнаго чувства и божественнаго и человеческого как в нашей Москве, где столько раз в моей молодости слышал я голос нашего громаднаго колокола Ивановскаго, котораго гул в великую полность Воскресения как будто сливал в один гимн и небо и землю.

Приведет Бог, авось, и на старости с моими молодыми детьми и с милыми старыми друзьями услышать опять этот голос столь выразительный, столько прошедшаго воскрешающий, столько будущаго высказывающий.

Еще и с тобою надеюсь не раз поцеловаться в Успенском соборе и услышать от тебя на мое Христос воскресе, твое ответственное воистину воскресе. Прощай пока. Передай одно приложенное письмо и перешли другое. И то и другое короче этого. Во всех них только Христос воскресе! Но разве этого мало?

Вчера я получил письмо от нашего старого Полетики¹. Он едет за границу в Мае и обещает навестить меня на берегу Майна. Рад буду сердечно увидеть его.

Вяземский пугает меня своими глазами; он же потерял один теперь и другой слабеет: уведомляй прошу тебя о нем.

Тургенев в начале Мая н<ового> с<тиля> приедет во Франкфурт и проживет у меня недели три. В конце Сентября, вероятно вы увидите его в Москве.

Прости душа моя.

Ж.

№ 30

Из Франкфурта на М<айне>. <Начало июня> 1845.

Мой милый Александр — следственно не Александр Великий, а Александр милый — твое письмо писанное к другому Александру, а адресованное ко мне, я получил во время когда у меня сидел Кн. Оболенский, сын Кн. Александра Петровича¹, и мы с ним вместе выбились из сил, стараясь разобрать твои

каракульки. И так есть теперь у меня живой свидетель, что хотя и красиво пишешь, но так четко, что ровно в одном только сне магнетическом, с закрытыми глазами и положив твое письмо на голое брюхо, можно разобрать твою грамоту. А что же ты еще написал в этом письме? Ровно ничего. Изпестрил четыре страницы и только бранился на разный лад. Это непохвально. А тебе было бы о чем порасписаться: ты пишешь из Москвы во Франкфурт. Есть тебе что порассказать о Родине Русскому человеку, который живет отшельником в предместьи Франкфурта, никого не видит, ничего не слышит и слышать не хочет, живет у себя и про себя. А мне что писать к тебе? Не описывать же мне самого себя — ты знаешь мою фигуру; правда что у меня поприбавилось брюшка и поубавилось волос, но что тебе до этого. О подвигах моей любезнейшей дочери Александры Васильевны я давно тебе рассказал. Эти подвиги миновались. Она свое искусство передала своему братцу Павлу Васильевичу, который впрочем совершенно похож на меня, что мне служит доказательством, что и я в его лета имел его теперешние таланты. Если же ему суждено иметь со временем те мои таланты, по которым знает меня Русь, то он в мои лета будет вероятно также мараить как я марал в его цветущем возрасте. В какое время я оказал более успехов, тогда или после, не ведаю. Но если будущие творения Павла Васильевича будут иметь полноту и значительность теперешних его произведений, то он конечно угодит вкусу грядущаго поколения и останется en vogue в потомстве.

Вот все, что могу теперь тебе сообщить самого замечательнаго из начинающейся биографии Павла Васильевича. Рекомендую тебе этого мальчишку: право хоть куда молодец, хотя ему еще едва шесть месяцев. Он родился в самый новый год и с тех пор все весел: не плачет никогда и спит геройски, что значит что он здоров телом; всегда смеется и тем, что займет его, занимается долго, это значит что он здоров душой и готовится быть добрым и умным. Сохрани его нам Бог! Вот единственная моя об нем молитва. Сестрица его также миленькое творенье. И мать у них существо добрейшее. Но обо всем этом я к тебе уже писал, и в будущем письме моем мне нечего будет сказать тебе другого; и бай Бог чтобы было нечего другого сказать: что теперь есть, то всего лучше. И так прощай. Жена тебе кланяется. А ты будь здоров, да пиши впредь разборчивее: да напиши подробно что у вас в Москве делается. Можешь угостить меня и вашими Московскими сплетнями, которых у вас довольно отличных. Тургенев был в Карлсбаде, оттуда в Теплиц потом через Париж в Москву.

№ 31

Ниренберг 4/16 Сентября 1845.

Ты опять, почтеннейший Александр Яковлевич, начнешь ругать меня за то, что я из тебя делаю почтовую суму, в которую только бросаю свои письма, не говоря ей ни здравствуй, ни благодарствуй. Воля твоя, бранись как хочешь, а вот тебе еще кипа писем в одном пакете, которые перешли немедленно; да прикажи, чтобы тебе из Орла прислали росписку в получении этих писем: мне оттуда пишут,

что во весь нынешний год получено только одно письмо мое; а я писал три раза, что обозначено у меня в моем регистре. Как это делается не знаю, но уже конечно не твоя вина; ты воплощенная аккуратность и точность, и я могу только благодарить тебя. Прошу тебя однако особенно позаботиться о доставлении приложенного пакета; в нем весьма нужные письма.

Теперь скажу тебе несколько слов о себе. На письме стоит Ниренберг. Как очутился я в Ниренберге? Вот как; по возвращении моем из Швальбаха, где я купался и пил Weinbunn, я получил письмо из Петербурга уведомляющее меня об отъезде Императрицы¹ из Петербурга и ея проезде через Берлин, без всякого обозначения маршрута и чисел. Желая ей представить жену и дочь, я решился ехать на перерез дороги ея в Ниренберг. Но здесь узнал от Северина², что Государыня поехала не морем, а сухим путем и приехала в Берлин не 6 Сентября н<ового>с<тиля> а 12-го и что пробудет там до 21; что она не в Ниренберге остановится ночевать, а в Гофе. Вот я и решился ехать в Гоф, где оставлю жену и дочь; а сам по железной дороге отправлюсь в Берлин, где еще застану день Императрицы. С нею доеду до Гофа по той же железной дороге, и потом уже обратив оглобли через Богемию и Бамберг пушусь во Франкфурт. Из всего этого видишь, что мне тебе много писать нельзя: готовлюсь к отъезду. Скажи обо всем этом Тургеневу, к которому мне также писать теперь некогда, но прошу его написать ко мне подробно во Франкфурт, откуда я к нему писать буду. Письма его Коппу³ я не показывал, ибо это совсем не нужно. Копп за глаза ничего бы не стал отвечать ему; он уже один раз навсегда от этого отказался.

Прости.

Твой Жуковский.

№ 32

1/13 Октября 1845. Франкфурт на Майне.

Видишь ты какой — не пишешь да и только; а я писал к тебе из Ниренберга и пакет тебе огромный послал и не знаю получил ли ты эти письма; и сказал ли Тургеневу, что ему стыдно, пригласивши в Москву, забыть меня и не уведомить по крайней мере жену мою о том что с ним делается, как его здоровье, что он делает, что будет делать, где останется на зиму и что потом. Скажи ему опять, что я о болезни его и о разных его похождениях с Коппом не говорил, ибо это только бы разсердило Коппа: он за глаза никого лечить не хочет и раз мне это уже объявил. Попроси его покорнейше уведомить меня письмом и подробным письмом таким, какие он пишет из Парижа к друзьям для Современника и Москвитянина. Вот уже две недели как я возвратился из Ниренберга, где прожил более двух недель, ожидая Императрицы (не считая поездки до Гофа и обратно, что произошло от сумятицы маршруте) и наконец ее дождался и очень рад, что не поехал для свидания с нею в Берлин; иначе мне и особенно жене моей не было бы никакого способа быть с нею. Напротив в Ниренберге это было как нельзя лучше. Она для отдыха целый день провела в Ниренберге. В самый день Ея туда приезда

Александр Яковлевич Булгаков

я выехал на встречу к Ней по железной дороге в Гамбург, там с Нею обедал, с Нею приехал по железной дороге в Ниренберг и в тот же вечер Она пригласила к себе жену; на другой день в 10 часов утра жена привела к Ней дочь и осталась у Нее более часа; потом мы у Нее обедали; после обеда в пять часов Она велела жене опять притти к Ней с дочерью, которой надавала игрушек; потом опять мы у Нее ужинали. А на другой день и я и жена, пришедши рано поутру в трактир, где Она ночевала, чтобы с Нею проститься, нашли Ее одну с Великим Князем и Она нас пригласила с собою завтракать. Таким образом в двадцать четыре часа жена видела Ее на просторе шесть раз, чего в другом месте в целый год не могло бы случиться и из этих 6-ти свиданий два были такие, которых душа никогда не забудет. Императрицу надобно видеть вблизи; нет ничего прелестно-добрее этой высокой, светлой души; в Ниренберге, после пяти лет разлуки, я встретил Ее там точно какую знал в лучшие минуты Ея жизни. А я знаю Императрицу конечно лучше всех Ея приближенных: то есть знаю сокровище Ея сердца. На счет здоровья Ея я теперь совершенно успокоился: это не аневризм, а просто разстройство нерв, которые покоем, климатом и путешествием придут в порядок и Она возвратится в нам совсем изцеленною.

Я здесь видел Похвиснева¹; он мне говорил о доме Вяземскаго в Москве и советовал его нанять. Есть ли дом у Вяземскаго? Нельзя ли мне прислать его

план? Я буду о нем писать к Вяземскому. Видишь что я не на шутку к вам собираюсь. Прощай. Приложенное перешли.

Ж.

№ 33

12/30 Октября. Франкфурт. 1845.

Что с тобою сделалось, Александр Яковлевич? Что с тобою сделалось Александр Иванович? Ты первый Александр не отвечаешь мне на два письма (одно писанное из Ниренберга, а другое по возвращении оттуда из Франкфурта) и ни слова не скажешь мне о втором Александре, хотя я и убедительно просил тебя об этом. А ты, второй Александр, непонятным для меня образом сделался молчалив и с самого отъезда из Карлсбада не написал ко мне ни строки. Обоим вам грех и стыд. Пишу это только для того, чтобы вас посрамить, пристыдить и заставить мне откликнуться. Больше писать не хочу. Напишите скорее. Обнимаю.

Жуковский.

№ 34

30 Октября. 1845.

<Франкфурт на Майне>.

Вот какая оказия, Александр Яковлевич! Вздумалось мне подражать — хорошо, хорошо! Радуюсь и поздравляю¹. Одиночество плохой товарищ под старость; ты вздумал самое лучшее средство прогнать от себя этого надоедалу; и поступаешь, вижу, весьма осторожно; не на счастье вынимаешь билет из лотерейной кубышки ибо в таком случае мог бы вынуть и пустой, а подсмотрев выигрышный, хватаешься за него наверное. В добрый час; дай Бог тебе долго, долго тешиться самоизбранным счастьем; а когда придет пора, желаю, чтобы с тобою и с женою случилось то же что с покойным Филемоном и его сожительницею Беавкидою²; оба разом в одну минуту стали тенистыми деревьями. И если в самом деле, по прошествии многих лет, вздумается вам опять превратиться в деревья, то обещаю тебе, что мои дети с моими внуками будут приходить под вашу тень и будут поминать вас добром, и меня вместе с вами. Но пока еще мы на этом свете, дай Бог тебе надолго такое счастье, какое Он мне дал — лучшего желания тебе не свадьбу подарить не могу; пусть будет оно от меня приданым жене твоей. А когда ваша свадьба? Прошу уведомить об этом и все описать с обыкновенным твоим любезным многоречием.

В будущем году сам приеду освидетельствовать вполне ли получено посылаемое мною приданое, что впрочем и несомненно. Ибо такого рода посылка дойдет до тебя верно: ты же сам Почт-Директор. Прошу меня представить будущей любящей жене твоей; а я заочно рекомендую ей свою.

Что это делается с Тургеневым? Бывало из Парижа и из Карлсбада пишет. А теперь давным давно ни слова. Я этого понять не умею. Попроси его разгадать мне эту загадку. Сердиться ему на меня кажется не за что. А не писать писем

противно его натуре. Тут есть какаянибудь закорючка. Но я, скажи ему, до тех пор не напишу к нему пока не увижу пред собою письма его.

Прощай. Жена тебе кланяется дружески.

Жуковский.

Если А.П. Елагина в Москве, то передай ей это письмо. Если же нет ее в Москве вели запечатать его в особый пакет с надписью:

Е.В.б. <Ее Высокоблагородию>

Еатерине Афанасьевне Протасовой в Орле

И отправь в Орел немедленно.

№ 35

20 Декабря 1845/ 1 Генваря <1846. Франкфурт на Майне>

Милый друг, душевно благодарю тебя за то, что ты обо мне вспомнил в такую горькую для обоих нас минуту. Вот и еще один дорогой товарищ жизни меня оставил; и он из всех был самый давнишний. По старшинству лет надлежало бы мне пойти вперед¹, но Бог милостив со мною; так недавно окружив меня моим собственным миром, в котором жизнь моя может быть и мила и нужна, не мне, а моим, он благоволил отложить мое отбытие, он выбрал из нашего круга одного из самых усталых, и послал ему смерть как награду, быструю, без страданий, и даже христиански приготовленную: какого приготовления к смерти можно желать лучше этих часов проведенных под зимнею выюгою посреди бедных ссыльных, для раздачи им помощи, предварительно собранной Христа ради.

Смерть удивительно и быстро знакомит с истинным бывшим человеком: теперь, когда думаю об нем, вижу одну младенческую душу без пятна, в которую никакое злое намерение не заходило. Все мелочное осыпалось как пыль, одно доброе, истинно прекрасное сияет перед умиленным сердцем. Это мелочное принадлежало жизни, это прекрасное с ним на всю вечность. Я считаю великим для себя счастьем, что он, в последнее время (ведя так давно кочевую жизнь по Европе), отдохнул (и два раза) под моей семейной кровлей, где было ему очень привольно: таким образом будет у меня не одно одинокое, мое об нем воспоминание, но и воспоминание семейное: жена с ним тотчас сдружилась и поняла очень скоро все, что было в нем так особенно прекрасно; смерть его была для нас общим родственным горем. Вчера я послал к его брату письмо предупредительное дабы не вдруг ударить по сердцу его страшным известием. Из этого письма он увидит, что ему надобно ожидать всего худшаго и приготовиться к последнему слову: а это последнее слово пошлю к нему нынче. Помогите ему Бог сладить с новою бедою. Правда, около него есть семья², но в брате имел он все остальное, что на земле дорого: друга, отца, благотворителя.

Прошу тебя уведомить меня в каком положении имущественныя дела их? Все ли утверждено за братом? Так же я бы желал, чтобы бумаги, оставшиеся в Москве после А<лександра> не были тронуты. Думаю, что они все находятся у Ал<ександры> Ил<ьиничны> Нефедьевой³. Нельзя ли попросить ее от

меня, чтобы до моего прибытия в Москву они были оставлены под ее печатью: надобно их сохранить и привести в порядок. Это дело друзей его. Уведомь обо всем, что было после твоего посланного письма.

Поручаю тебе сказать мое душевное почтение Александре Ильиничне: Бог послал ей великое утешение, даровав возможность закрыть глаза нашему другу. Думаю, что я вполне понимаю ее теперешнее чувство; и я всем сердцем делю его; оно более умиленное нежели тяжелое и горькое.

Прощай милый, рекомендуй меня и жену твоей любезной жене. Будьте здоровы и сохрани Бог ваше семейное счастье. В Москве ли Вяземский? В Москве ли Е.А. Карамзина⁴? Как проводил его?

Под текстом рукописи пометы простым карандашом: Кончина Ал. Ив. Тургенева в Москве 3 Декабря 1845 года.

Никол. Ив. Тургеневу в Париж

№ 36

31 Декабря 1845/12 Января 1846.

<Франкфурт на Майне>

Благодарю тебя, мой милый, за доставление статьи Погодина¹. В ней есть хорошее, потому что она написана доброжелательством и с убеждением. Но она, как все что пишет Погодин, аляповата; в нем, т.е. в Погодине нет никакого такту. Я бы желал, чтобы Вяземский написал о нашем добром отошедшем. В смерти есть что-то логическое. Сорвав с души тело и бросив его в гроб, она вдруг, как будто снова но совершенно знакомит с душою, от которой все что не она вдруг отделилось и отпало. Так и здесь. Мне так ясно, так вполне видится его прекрасная, добрая, высокая душа, не омраченная никаким дурным помыслом, всегда готовая на добро, всегда полная участия, до конца сохранившая свою чистоту и свое благородство. По всем качествам, составляющим прямо добраго человека, он был конечно между нами лучший. Самые недостатки его имели источник добрый, и кого, когданибудь оскорбляли его недостатки? Они не имели корня внутри души; они были какой-то вешний нарост, который как шелуха с зерна, осыпался с души в минуту ее освобождения. Погодин не умел описать ума его: на это у него нет чутья. Никто кроме Вяземскаго не может его выразить верно и сходно. Я бы желал, чтобы он посвятил памяти друга перо свое; я бы желал чтобы он написал о нем без приготовления как скажет сердце, что придет в ум в первую минуту. Пускай напишет он об нем ко мне. Я уверен, что он скажет все и скажет как никто; и что неуловимая физиогномия ума Тургенева и весь чистый фимиам его души сбережется вполне для его любивших, для современников и то была бы почти слава. Перешли эти строки к Вяземскому. А тебя прошу передать приложенное письмо Князю Щербатову¹ Я

¹ На нижнем поле страницы карандашом приписано: "Московский Градоначальник Князь Алексей Григорьевич".

прошу у него доставить мне свидетельство о смерти Тургенева по всей надлежащей форме. Оно мне нужно для пересылки в Париж. И понеже оно должно быть документом для правительства французского, то оно должно быть скреплено или свидетельством французской миссии или Французским консулом, если таковой имеется в Москве.

Если есть в Москве консул, заставь его скрепить свидетельство; если же нет консула, пошли свидетельство к Вяземскому, дабы он, выхлопотовав скрепу от миссии, немедленно доставил мне бумагу. Ты меня весьма, весьма одолжишь естли это дело уладишь как можно скорее. Пришпорь Цербатова².

Прости, обнимаю тебя. Жена и твоей жене кланяется дружески.

Жуковский.

Дай Бог тебе всякого добра на Новый Год. Тебе и всем.

Перешли это письмо т.е. письмо мое к тебе к Вяземскому.

№ 37

3/15 Генваря 1846.

<Франкфурт на Майне>

Мой милый, писать мне к тебе много некогда; ибо много других писем на руках. А вот тебе письмо для исполнения Мельгунову¹: Он не прислал мне своего адреса, да и имени и отчества его я не знаю, хотя мы с ним и приятели. Тебе все это должно быть известно. По адресу отошли письмо; а имя и отчество пришли мне в своем письме. Теперь тебе уже будет конечно нужнее писать ко мне: уж теперь я за двух. Не забудь о просьбе моей изложенной в моем последнем письме. Исполни не откладывая.

Будь здоров мой милый; сохрани Бог и тебя и твое новое семейное счастье.

Обнимаю дружески.

Жуковский.

P.S. А меня вы в нынешнем году в Москве не ждите. Остаюсь здесь т. е. во Франкфурте до Мая 1847, на что есть мне уже и Высочайшее повеление. Надобно хорошенько вылечить и себя и жену. Я почти весь нынешний год хворал.

№ 38

11/23 Генваря 1846.

<Франкфурт на Майне>

Видишь какой огромный пакет. Увидя его ты конечно подумаешь, что я, написавши так много писем, устал, и что пора отправлять письма на почту. Ты не ошибся. И потому ограничиваюсь одним дружеским, не письменным а мысленным объятием, прошу тебя немедленно отослать приложенный пакет по адресу и рекомендовать чтобы он был доставлен повернее.

№ 39

1846. 3 Марта. Н<овый> с<тиль>.

<Франкфурт на Майне>.

Получил я от тебя письмецо и очень милое письмецо; на четырех страницах и даже очень четко написанное; и я прочитал его с удовольствием, и поблагодарил тебя за него; а отвечаю только для того, что бы тебя пожурить.

В последнем моем к тебе письме было вложено письмо к Князю Щербатову и я просил тебя, передав его, похлопотать, чтобы мне выслано было свидетельство о смерти Тургенева, скрепленное свидетельством французского консула в Москве. Это как в воду кануло. Ты не уведомляешь меня, получено ли письмо и отдано ли Щербатову. Если письмо отдано, то весьма худо, что Князь Щербатов на учтливое письмо от меня отвечает весьма не учтливим молчанием. Это обычай не Европейский. Но впрочем, может быть, что однако неправдоподобно, что мое письмо затерялось — если подлинно так, то уже не нужно хлопотать о свидетельстве, ибо оно будет мне доставлено Мельгуновым. А тебя только прошу дать мне знать, получено ли письмо мое.

О себе скажу, что мое здоровье довольно поправилось: надеюсь что Швальбах, которым я должен воспользоваться в конце нынешнего лета довершит доброе действие лекарств. Хотя я и устарел, но все хотелось бы подольше пожить на свете, ибо теперь есть для кого. Но воля Божия. Прости мой милый. Перешли приложенное письмо по адресу. Но я думаю, что есть какой то заговор Судьбы против моих писем в Орел и из Орла. Мне давным давно надобно получить оттуда письма весьма для меня важные; и нет их. Что за колдовство такое? А я знаю, что мое письмо до тебя дошло и в Орел направлено.

Жена вам кланяется. А в нынешнем году нас не ждите.

№ 40

16/28 Марта 1846.

<Франкфурт на Майне>.

Благодарствую голубчик ты мой за доставление письма от Елагиной, которое получил тому уже две недели. Успокойся на счет посылаемых писем: они все доходят точно. В последнее же время я от моих родных не имел так долго писем по особенной причине, которая достойна того, чтобы ее записать в летописи Всемирной истории: у них в доме не было чернил. Этого и во сне не придумаешь. Винават однако, ошибся: не все доходят. Я получил от Лужина¹ свидетельство о смерти Тургенева. Лужин в письме своем говорит, что было послано прежде свидетельство Князем Алексеем Григорьевичем Щербатовым. Я его не получил; как оно могло пропасть на почте понять не умею.

Уведомь, душа моя, что делается с Вяземским, где он и пишет ли к тебе? Ко мне он совсем не пишет. Правда и я к нему не пишу. Но он и о смерти Тургенева не сказал мне ни слова. Без тебя я бы узнал об ней из газет. Ты редкий

корреспондент. Ты создан был Почтдиректором дружбы и великой Русской Империи. В сем отношении возлагаю на тебя легкую обязанность переслать приложенное письмо в Одессу. А я должен кончить, не для того чтобы положить перо; а для того увь! чтобы написать еще более пятнадцати писем.

Все откладывал, все откладывал; наконец накопилось так много неотвеченных писем, что они окружают меня как мучительные привидения, которыхья день и ночь воют мне в уши: пиши, пиши окаянный!

И так прости, мой милый эпистолярный праведник. Если у вас есть какая нибудь значительная новость сообщи ее мне. Обнимаю тебя всем сердцем.

Жуковский.

№ 41

12/24 апреля 1846. <Франкфурт на Майне>.

Благодарствую душа моя за предоставление свидетельства¹. Оно пришло уже поздно и было так сказать после ужина французская горчица; но ты свое дело сделал как добрый приятель и я тебя сердечно благодарю. В то же время благодарю и за Московския весты. Царь явился в Москве на минуту, как доброе видение и вы познакомились с младшими царевичами²: оба умны и милы; вот уже пять лет как я их не видал; они конечно весьма много переменялись и к лучшему, и верно уж понравились Москве, которая всегда по Русской старине любила и любит Царя и Его Семейство. Дай Бог, чтобы этот дух любви — историческое наследство Русскаго народа особенно Москвы от старых за-Петровских времен — навсегда сохранился неприкосновенным. Он палладиум нашего Отечества, которому определено развиваться под властью Патриархальнаго Самодержавия. Но я не намерен входить в дальнейшия разсуждения о сем предмете по той законной причине, что мне писать более к тебе некогда. Хотел к тебе сказать только два слова, поблагодарить тебя да и только. В заключение скажу тебе и всем твоим: Христос воскрес! Нигде в целом свете этот Светлый Праздник Воскресения так не празднуется как в Москве; и ничто так не напоминает о ней, как заутреня на Светлое Воскресенье. Я встретил его в Висбадене, где провел неделю один говея. Там очень хороший священник. Но прощай! Жена тебе кланяется.

Жуковский.

№ 42

8/20 Мая. <1846>. <Франкфурт на Майне>.

Благодарствуй за твои письма, благодарствуй за письмо из Орла, благодарствуй за то, что ты Кавалер Св. Владимира 2-й степени, благодарствуй за весты Московския, благодарствуй за милое письмо Вяземскаго, которого он не написал бы если бы ты его не подтолкнул, благодарствуй за все и прочее. А писать буду после, теперь некогда, право некогда, а послать прилагаемыя письма надобно. Ты это сделай немедленно, как скоро их получишь.

Весьма скоро буду писать к тебе.

№ 43

21 Мая/2 Июня 1846. <Франкфурт на Майне>.

В этот день за пять лет перед сим¹ поднимались на гору (называемую Ротенберг, возвышающуюся над маленьким городком Капштатом) две кареты. В одной из них сидел одорукий инвалид² с двуруким поэтом. А в другой пожилая дама³ с двумя прекрасными дочерьми⁴; инвалид был муж этой дамы и отец обеих дочерей; а двурукий поэт был жених старшей дочери. Было три часа по полудни. На Ротенберге была Русская церковь, над прахом Винтербергской Королевы Русской Екатерины⁵. День был прекрасный! В Церкви свершилось венчание тихо и благоговейно. Этот обряд повторили у подошвы горы в церкви Лютеранской, где была сказана обвенчанным простая трогательная проповедь.

И теперь ровно пять лет прошло с этой минуты; она имела благословенные последствия; и Жуковский (ибо двурукий поэт был Жуковский) может сказать своему доброму Булгакову, что он в эти пять лет познакомился с настоящею жизнью, которой тайна хранится под замком во святилище семейном. Довольно ли с тебя. Более писать мне некогда.

Приложенные письма доставь немедленно. Если Свербеевой⁶ уже нет в Москве, то прошу тебя, и всеми святыми умоляю, доставь письмо куда следует. Оно для меня весьма, весьма важное. А я тебе желаю продолжения того что ты уже имеешь, то есть продолжения того добра, которое похоже на то, какое досталось мне в 1841 года.

Жуковский.

№ 44

23 Мая/4 Июня 1846

Ф<ранкфурт> н<a>/М<айне>

Вот тебе еще письмо, душа моя, Александр. Об нем прошу тебя особенно; чтобы оно какнибудь не пропало; вели отдать его под расписку; и пришли мне на него ответ.

Что тебе скажу о себе? Хотя я и в центре Европы, но Европа обо мне не думает, и я не думаю о Европе и спокойно сижу дома, не слишком думая и о черных облаках, которья бродят по горизонту политического неба. В следствие сих причин не могу угостить тебя никакою Европейскою новостию. Хотел отправиться на встречу к Императрице; но Ея маршрут принял такое восточное направление, что мне было бы невозможно за Нею гнаться: я конечно бы догнал Ее только в Кенигсберге. Северин с которым я по сему предмету был в сношении, вдруг был позван к Ней в Зальцбург, и описывает удовлетворительным образом Ея здоровье. Дай Бог, чтобы действие Юга не было испорчено противодействием Севера — этого я боюсь и для меня и для детей моих. Но, воля Божия. Прости душа моя. Уведомь немедленно о судьбе письма сего.

Твой Жуковский.

№ 45

1846. 5 Июля н<ового> с<тиля>. <Франкфурт на Майне>.

Это письмо, которое пишу к тебе в эту минуту, есть ровно тринадцатое, написанное в эти последние двадцать четыре часа. Я мог бы, по щучьему велению и по моему прошению, просто запечатать в пакете на твое имя письмо мое к Свербеевой; но не хотел брать греха на совесть, не хотел давать тебе повода браниться, не хотел и себя лишиться удовольствия сказать тебе здравствуй, что имеет особенное достоинство, когда к сему словцу здравствуй, столь легко произносимому словесно, надобно приклеить целый письменный хвост, да еще этот хвост запечатать в пакет и проч. и проч. Вот тебе письмо к Свербеевой. Доставь его. А я страшно устал от этих 12 писем в числе которых три таких, которых нельзя писать начерно, а надобно переписать и переписать четко, три поздравительных письма: к Государыне, к Великой Княгине и к Великому Князю.

Все это должно возбудить великое уважение, что я пишу стоя, что для написания 12 писем надобно отстоять себе ноги, что мои ноги стары, и что теперь жара несносная. Итак ты должен поцеловать письмо мое. А что я тебе скажу в этом письме? Ровно ничего. Вот уж конец второй страницы, а ты узнал от меня только то, о чем и говорить бы не следовало, именно то, что я пишу к тебе письмо. Да что же мне впрочем и сказать тебе в эту минуту? Ровно нет ничего. Жарко; еду через два дни в Швальбах. Убриль¹ слава Богу здоров; ныне понедельник; завтра вторник.

Ну, доволен ли ты? Что бы еще? Да! Вот мои Петербургские корреспонденты все глухонемые и у всех руки в параличе: ни один не пишет ко мне. Ты не такой: ты рожден Гусем, то есть все твое существо утыкано гусиными перьями, из которых каждое готово без усталости писать с утра до вечера очень любезные письма. В следствие сей гусиной добродетели, поручаю тебе уведомить меня обо всем что случится на свадебном торжестве Царя Русскаго². Какая будут пиры, какая будут милости? Напиши подробно. Только смотри не так как написал в последнем письме, где назвал много свадеб, а я почти ни одного имени разобрать не мог.

№ 46

1/13 Октября 1846.

Франкфурт.

Я давно не писал к тебе, Александр Яковлевич Милостивый Государь и Почтдиректор. А ты такой человек, что пишешь только ответы, а от себя никогда просто, по одному сердечному позыву, не напишешь. Да правда этого от тебя и требовать было бы совестно; хлопот у тебя много, и эти хлопоты тебе однако не мешают быть точным на ответы. Мое же давнишнее молчание имело грустную причину; сперва я ездил с женою в Швальбах, мы пили

воду, мылись в ванне, и совершенное бездействие всякого рода было предписано доктором, что было по сердцу нашей лени, да от несносных жаров было не до писем; всякая возможность что либо делать выходила из тела пролившимся потом. Наконец эта Африканская жара перед самым отъездом нашим из Швальбаха кончилась землетрясением, а это землетрясение сильно испугало мою жену; а в следствие этого испуга через неделю по возвращении своем во Франкфурт она слегла в постель и пролежала в ней пять недель. Болезнь была серьезная, хотя благодаря Богу не доходила до опасности; но она много вытерпела и я вместе с нею. Теперь болезнь миновалась; около недели тому как моя бедная страдальца встала с постели и начинает долечиваться свежим воздухом. Время еще все стоит хорошее, хотя уже началась осенняя холодноватость.

Вот тебе мои вести. Можешь сам теперь понять, почему я так долго к тебе не писал. Болезнь жены помешала мне выехать навстречу Великой Княгине Ольге Николаевне в Веймар; теперь собираюсь в Штутгард, куда наверное через неделю отправлюсь.

Прощай дружище. Напиши о том что у вас в Москве происходит. Обнимаю тебя.

Жуковский.

Приложенное письмо отправь.

№ 47

5/17 Декабря 1846.

<Франкфурт на Майне>.

Посылаю тебе мой милый статью, напечатанную в *Семенг* о смерти нашего Александра¹. Прошу тебя передать ее Свербеевой от Николая Тургенева, который мне прислал ее для доставления С<вербеевой>. Она сочинена Гр<афом> Сиркуром², которого ты вероятно знаешь лично. Прости, писать некогда. Слава Богу, я начинаю весьма поправляться. Чуть было совсем не сбился с пути. Обнимаю тебя.

Жуковский.

№ 48

3/15 Генваря 1847. <Франкфурт на Майне>.

Мой милый Александр, поздравляю тебя с Новым Годом; надеюсь, что ты его лучше начал нежели я и проведешь лучше нежели я провел прошлые два года, особливо последний, 1846, который у меня замечен черною полоскою. В 1845 я сам хворал, а в прошлом 1846 была больна жена (впрочем 1845 был для нее не совсем здоровый год: после родин и задолго перед родами она была много времени в постеле). Теперь же после той болезни, которая заставила ее

Александр Иванович Тургенев

пролежать более пяти недель, осталась у нее нервическая раздражительность, которая несказанно ее мучит. Она так же точно больна, как наша бедная Смирнова¹. Можешь из этого заключить, каково мне и какую физиономию теперь имеет мое семейное счастье, до сих пор столь светлое и мирное. Коппе уверяет, что опасности нет никакой и что все к весне без следа исчезнет. Помоги Бог исполниться его предсказанию. Но пока оно не исполнилось, тяжело и грустно. Вот тебе все мои новости. Повесели меня своими добрыми. Между тем прошу тебя переслать приложенныя письма. В письме к Екатерине А. Протасовой находятся волосы моих детей и портрет сына, писанный матерью во время болезни. Ей необходимо рассеяние, но ее ничто не может занимать, не вредя ей; чтение слишком тревожит; вслух также не всегда можно читать; а мысли должны быть отвлечены от главного, от ея болезни: этому помогает рисованье. Слава Богу, что она умеет и любит рисовать; это ей служит вместо лекарства.

Прости мой милый. Прошу тебя отослать письмо и к Шереметевой⁴: на эту бедную голову сыплются несчастья как град.

Обнимаю тебя всем сердцем.

Твой Жуковский.

NB. Волосы из пакета я вынул: слишком толст вышел пакет.

№ 49

20 Января 1847.

<Франкфурт на Майне>.

Благодарю тебя, любезнейший друг, за твое письмо, в котором по своему обыкновению ты бранишь меня за мою лень и которое верно написано за два дня перед тем, как ты получил письмо мое.

Из этого письма ты мог увидеть, что я теперь не на розах, а если и на розах, то на осыпавшихся розах и чувствую одни их шипы. До сих пор это положение не переменилось и моя больная больна по прежнему. Дети слава Богу здоровы; в эту минуту слышу, как они поют за три горницы от моего кабинета дуо, в котором голос Павла Васильевича гудит как колокол.

Между известиями твоими из Москвы одно для меня весьма печальное: известие о смерти Гр<афа> Толстаго¹. В нем было много хороших качеств; мне лично были известны только эти хорошие качества; все остальное было ведомо только по преданию; и у меня всегда к нему лежало сердце; и он всегда был добрым приятелем своих приятелей. Но здесь пронесся слух о другой смерти в Москве и этот слух меня тревожит — неужели Языков², поэт Языков умер. Прошу тебя, уведомя правда или нет. Молчание твое дает мне надежду, что это известие басня. Будет жестокая потеря и для друзей Языкова и для Отечества.

Также известие об Авроре³ для меня весьма, весьма печально. Уведомя о ней.

Прошу тебя переслать приложенное письмо. И обнимая тебя мысленно всем сердцем желаю, чтобы семейное твое счастье никакою тревогою не нарушалось. Прости, любезнейший Александр.

Твой Жуковский.

№ 50

19 Февр./3 Март. <1847.

<Франкфурт на Майне>.

Милый, благодарю тебя за твое последнее письмо и за доставление мне писем.

Перешли два вложенных. Писать мне к тебе много право нельзя. К болезни жены присоединилась печаль глубокая; она потеряла милую сестру¹. Обнимаю тебя душевно.

Твой Жуковский

№ 51

2/14 Мая 1847.

<Франкфурт на Майне>.

Любезнейший Александр прилагаю при сем бумаги, которые прошу тебя вручить Ивану Федоровичу Воейкову¹ по его востребованию. Я об этом ему писал.

Он сам должен будет явиться к тебе, а ты потребуй от него росписку в получении бумаг; в этой росписке должно быть выставлено какие билеты, за какими номерами и на какую сумму выданы Воейкову и получены им. Прошу тебя не отказаться исполнить эту просьбу мою с надлежащей точностью; росписку Воейкова доставь ко мне; если найдешь что надобно для большей точности ея засвидетельствования в присутственном месте, то и это сделай. Я буду писать к тебе на днях более тогда поговорю о себе.

Теперь пока только обнимаю.

Жуковский.

Уведомь в двух словах о получении бумаг. При сем официальное письмо. Р.С. Воейков должен быть в Москве. Тебе легко будет отыскать его жилище. Мне оно не известно; он забыл мне прислать адрес. Во всяком случае постарайся отыскать его.

Билеты посланы мой милый через Департамент Иностранных Дел. А эти письма посылаю тебе особенно.

7/19 мая.

№ 52

1847 Мая 2/14. Франкфурт н<a>/М<айне>.

Милостивый Государь Александр Яковлевич.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство взять на себя труд прилагаемых здесь бумаги: 1. Билет Коммерческого банка на сумму 1930 серебром и одиннадцать билетов Государственной Комиссии погашения долгов на сумму 5500 рублей серебром, принадлежавшие девице, покойной дочери Статского Советника Воейкова Екатерине Александровне Воейковой¹, передать родному дяде покойницы, Ивану Федоровичу Воейкову, как скоро он к вам обратится с требованием оных; в то же время благоволите взять от Господина Воейкова росписку в получении сих бумаг и доставьте ее мне в настоящее место моего пребывания.

С совершенным почтением честь имею быть

Вашего Превосходительства

Покорным слугою

В. Жуковский.

№ 53

Письмо В.А. Жуковского И.Ф. Воейкову

Милостивый Государь Иван Федорович.

По желанию вашему, изъявленному в письме Вашем от 31 Марта, которое мною получено 29 Апреля/10 мая во Франкфурте на Майне, спешу доставить Вам: 1-е. Один билет Государственного Коммерческого Банка на 1930 рублей серебром и 2-е одиннадцать билетов Государственной Комиссии погашения долгов н 5500 рублей серебром, принадлежавшие покойной племяннице Вашей

Екатерине Александровне Воейковой, а ныне, по праву наследства, состоящему под Вашею опекою брату ея Андрею Воейкову¹. Сии билеты будут доставлены Вам Его Превосходительством Господином Московским Почт-Директором Александром Яковлевичем Булгаковым, которому прошу Вас дать в получении их росписку.

С совершенным почтением честь имею быть
Милостивый Государь
Вашим Покорным слугою

В. Жуковский

2/14 Мая 1847. Франкфурт на Майне.
Его Высокоблагородию Ивану Федоровичу Воейкову.

№ 54

13/25 Мая 1847. <Франкфурт на Майне>.

Мой милый Александр, вот тебе еще несколько писем для передачи и при них дружеское объятие, которое скоро обратится из эпистолярного объятия в самоличное, ибо в первых числах Августа (н.с.) я надеюсь быть проездом в Москве. Разумеется, что оставшись там только день или два, увижу только тебя. Знай это наперед и смотри сделай так чтобы я тебя непременно нашел в это время в Москве. План мой нынешним годом возвратиться на житье в Россию должен был перемениться; доктор мой, признавая путешествие весьма полезным и целительным для жены моей, никак не позволяет ей провести нынешнюю зиму в нашем климате, предсказывает наверное возобновление болезни и не иначе соглашается на совершенный ея переезд в Россию, как в следующем 1848 году. Хотя я и имею от Государя милостивое позволение остаться за границею до совершенного выздоровления жены, но не могу не приехать нынешним летом; вот уже теперь ровно шесть лет, как я за границею; надобно всех вас наконец увидеть и все точно приготовить к моему переселению. Надеюсь что в будущем году ничто не помешает его совершить.

Состояние здоровья жены теперь стало сночнее; она не безпрестанно страдает, но припадки от времени до времени возобновляются, они приходят как мародеры Армии, которая сама удалась, произведя великое опустошение; но мародеры по своей натуре бывают свирепее, хотя с ними и легче сладить.

Теперь мы ждем нашего милаго, добраго, благодушнаго Великаго Князя Наследника¹; на днях я получил от него письмо, в котором Он уведомляет меня, что в начальных днях Июня (с <тарого> с <тиля>) будет на Рейне. Повидавшись с Ним я отправлюсь в путь свой. Благослови меня Бог добрым путешествием, т.е. радостью увидеть всех своих ближних (теперешних; в числе их уже много умерло) и радостью возвратясь найти всех своих на лицо. Все это в руке Божией; по слабости сердца мы можем просить, чтобы было все по нашему; но твердость сердца состоит в том, чтобы все принималось из дающей руки, как свое, как лучшее для нас. Не всякому дана такая твердость.

Теперь Франкфурт оживился и опять начинают являться Русские люди на Немецкой почве и Русский дух в очах совершается. Недавно явился большой барон Ливен², который для лечения своего поселился в Гамбурге; третьяго дня я видел возвратившегося из Италии Кавелина³, который теперь купается в Шлангенбаде, потом поедет в Гельголанд для морских ванн, а потом в Петербург; но дорого заплатит за эту поправку. Думаю, что скоро увижу Владимира Карамзина⁴, который теперь в Париже и собирается возвратиться в Россию.

Я на многия письма твои не отвечал; право было во все это время не до того. Теперь поотлегло на сердце; и если бы не надобно было готовиться к отъезду, опять бы усердно принялся за Одиссею; но эта служба еще впереди.

В ответ на письма твои пишу, что мне весьма, сердечно глубоко жаль, что и ты безпокоишься о жене своей: знаю каково это и делу твое горе; надеюсь, что ей теперь лучше. Я слышал ей большие похвалы от нашего общаго друга Полетики⁵, который с месяц тому был во Франкфурте, у меня обедал. Провел вечер, и весьма подружился с женою моею. Устарел Петрик, но все тот же добрый, милый чудак и Квакер. Благодарствую за Балладу и Антибалладу. Первая написана прекрасно; у Ростопчиной⁶ истинный талант; но она взбалмошное творение, и ея поэзия принадлежит к чудовищной породе поэзии нашего века, разрушающей всякую святыню.

Но ты видишь, что четвертой странице конец, а пятой начинать не хочу, чтобы не попасть на обмере. Ты скажешь: не такой де ты человек, чтобы написать восемь страниц! Врешь, такой! А теперь нельзя потому, что надобно еще три письма писать, и не короткия. Прощай, до свидания.

Жуковский.

№ 55

3/15 Июня. <1847. Франкфурт на Майне>.

Мы строим по своему, а Бог по своему. Вот я совсем был на мази ехать в Россию на свидание (правда на весьма короткое) со всеми вами; не тут то было — Копп посылает жену в Швейцарию, дышать горным воздухом в Интерликене и я должен ее туда вести. Ей стало было лучше; но вот опять возвращается то же, что так ужасно ее мучило во всю зиму.

Поможет ли Интерликен не знаю; как велит Бог — но видеть страдания бедной жены моей несносно. Я уверен, что ты поймешь мое положение и примешь живое в нем участие.

Нынче Великий Князь Наследник должен ночевать в Касселе, а завтра я надеюсь его увидеть во Франкфурте. На все время его здесь пребывания я переселюсь в Дармштадт. Он, говорят, пробудет здесь до 7 Июля н. с. потом ответит Великою Княгиню¹ в Киссинген и сам возвратится в Петербург.

Прости, мой милый, перешли приложенныя письма. Обнимаю тебя всем сердцем.

Жуковский.

№ 56

10/22. <июня 1847. Франкфурт на Майне>

Великий Князь приехал сюда 17 числа н. с. Сам он здоров; и Великая Княгиня здорова; но я нахожу, что она весьма похудела. 18 числа Великий Князь отправился в Штудгард для свидания с Великою Княгинею Ольгою Николаевною. Нынче в вечеру возвратится и пробудет в Дармштате до конца месяца. По отъезде его и я подымусь со всем моим домом в Швейцарию. Оттуда получишь ты описание утесов и <...>. А ты уведошь меня получил ли ты мое письмо с письмом к Воейкову и у тебя ли билеты Комиссии погашения долгов. Вышли из этого путешествия по милости здешней миссии.

№ 57

Эмс. 1847. 7 Августа н<овый> с<тиль>

Ехал в Москву а попал в Эмс — вот история некоторого Русскаго Дворянина Василья Андреевича Жуковского. Впрочем это участь всех человеков дворян и не дворян. Живи не так как хочется а так как Бог велит. Вот почему я и живу теперь в Эмсе а не в Москве и не в Швейцарии. Доктор Копп гворит жене: поезжай в Эмс и утопи там свою болезнь. Я и привез жену в Эмс. И стараемся мы утопить врага своего в теплом крейхене; а утопим ли, это знает Бог. Вот уже третья неделя пошла с тех пор, как мы работаем из всех сил; еще остается нам здесь прожить недели две. Жена пьет воду и купается — авось Бог поможет ей! Я что-то хромаю; какой то враг поселился в пятку; уж не падагра ли? Чего добраго, а кажется я вел себя добропорядочно, в чем и ты, старый шалун, можешь дать свидетельство. Падагра говорят есть грамота на долгую жизнь. Хороша грамота! Впрочем, если она не более будет меня теревить, как теперь, то в час добрый.

В Эмсе я нашел некоторых Русских, вообще мне не знакомых, кроме Несельрода¹, который здесь с своею круглоличкою женкою (Закревскою)². Один только был здесь милый Русской знакомец Хомяков³, но он уехал. Нынешний день должен приехать обратно из Кенингена в Дармштат наш милый Наследник с Цесаревною, которой, как сказывают, воды весьма помогли. Скоро я сам его увижу, ибо он, слышно, пробудет целый месяц в Дармштате; и нам уже Швейцария не дорога; в Сентябре там для житья холодно; жене же нужен свежий а не холодный горный воздух. В будущем году надеюсь непременно быть на родине; с женою ли, один ли, но буду. Я был бы и нынче, когда бы Копп не похерил моего счета Strich durch die Rechnung. На свете все Strich durch die Rechnung.

Через несколько времени буду писать тебе о важном деле, в котором ты весьма можешь помочь мне, если только будет у тебя на то средство. Теперь скажу в двух словах: хочу издавать полныя моя сочинения и может быть решусь выдать на подписку. Все будет напечатано здесь; когда напечатается все, то отправлю экземпляр в Петербург. Иногородные то есть не Петербургские и не Московские будут посылать требования и деньги в Почтамты Петербургский и Московский.

Можно ли будет это так устроить, что бы у тебя в Почтамте мог заведовать от-
правлением экземпляров и принятием денег и доставлением денег куда следует
особый надежный чиновник? Например это сделать бы так, чтобы получив тре-
бование и деньги, пересылать их в Петербургский Почтамт, а оттуда уже экзем-
пляры высылались бы по адресам, ибо все экземпляры будут храниться в Пе-
тербурге, кроме тех экземпляров, которые будут розданы Книгопродавцам для
Московских и Петербургских подписчиков. Скажи мне об этом свое мнение.

Прости милый друг; прошу тебя переслать приложенныя письма по адре-
сам.

Твой вечный Жуковский.

№ 58

12/24 Августа. <1847. Дармштат>.

На последнее письмецо твое или не письмецо, а надпись на конверте отве-
чаю тебе в немногих строках; я писал тебе при отъезде моем в Эмсе; ты знаешь
что со мною делается. Теперь жена живет на высотах Таунуса для воздуха. Ей
кажется Эмс помог а я переселяюсь в Дармштат к Наследнику¹. Пиши ко мне
адресуя по прежнему во Франкфурт.

А теперь одна только просьба: перешли приложенное письмо по адресу. Об-
нимаю тебя дружески.

Жуковский.

№ 59

Дармштат. 13/25 Сентября 1847.

Любезный Александр, сердечно горюю о твоих, благодаря Бога, прошед-
ших тревогах¹; сам испытал подобные, знаю каково переносить их. Желая, что
бы это письмо нашло тебя успокоенным. Пишу его наскоро только для того, что-
бы попросить тебя переслать вложенное по адресу, а в особенности чтобы по-
благодарить тебя за дружескую твою готовность помочь мне в важном для меня
деле; о том как и что сделать буду писать обстоятельно из Франкфурта: теперь
я в Дармштате, провожаю Великаго Князя, который ныне отъезжает. Он прямо
едет в Варшаву, оттуда вместе с Государем отправится в Винницу на смотр вос-
ка и на маневры. Великая Княгиня еще дней десять пробудет здесь; потом пое-
дет также в Варшаву откуда с Государем и Великим князем возвратятся в Петер-
бург. Вот мои официальные вестн.

А домашняя глаголют следующее: жене, кажется, Эмс помог; увидим, что
скажет зима. В Швейцарию мы не ездили, надобно было Интерликен промене-
нять на Эмс. После пребывания в Эмсе было уже поздно думать о Швейцарии
и это вышло к лучшему: тогда как у нас было теплое, светлое лето, в Швейца-
рии, особенно в то время когда бы мы там очутились был холод и дожди. Како-
во у вас? Что холера²?

Прости милый, уведоь в двух словах о получении этого письма. Более напишешь, когда будешь отвечать на мое подробное письмо.

Твой Жуковский.

№ 60

15/27 октября Фр<анкфурт> н<а> /М<айне>. 1847

Что могу сказать тебе, мой милой друг, в ответ на письмо твое, которое поразило меня такою горестною вестью¹. Тяжелей твоей печали ничего вообразить не умею и ничего не могу сказать тебе такого, что могло бы тебя утешить. Вполне понимаю твое страшное одиночество и всю безотрадность твоего будущего. В таком положении как твое, жизнь уже не представляет никакой замены: в наши лета здешнее будущее не имеет ничего привлекательного, и если то что радовало нас в настоящем, исчезнет, то уже не найдешь и не захочешь искать ничего такого, что бы заняло место опустелое, покинутое нашим земным счастьем; извне к нам уже ничто не придет. Ты, правда, имеешь мирное убежище: в семье твоих добрых детей; но и туда придешь ты сиротою; там будешь не чужой; но все своего собственного нет и в душе будет глубоко сидеть одиночество — печальный товарищ на старости лет. В такое то время становятся вполне утешительны и понятны слова: придите ко мне все нуждающиеся и Аз успокою вы. Тут узнаешь другого рода семейную жизнь, в которой нет ни потерь, ни похорон, ни одиночества. В этом то кругу семейном услышишь то, чему нельзя не верить когда радостно обладаешь земным счастьем, то, что наши земные страдания, ясно понимаются не только не зло но благо. Как чистая человеческая Философия, это есть галиматья; как учение Христианское это есть высочайшая, утешительная истина. Но человеческое слово не выразит этой истины; поди в школу к тому, кто не только учит, но и делом доказывает истину своего учения. При наших человеческих безотрадных, часто эгоистических умствованиях — раненное сердце все остается неизлеченным; все перед нами гроб, все вокруг нас пустота и молчание. Но когда обратишься к живому и животворящему учителю, то вдруг все изменяется, на сердце пластырь, над гробом веет жизнь, а себя чувствуешь согретым на груди отца, который уже одним своим присутствием за все вознаграждает. И так мой милый, примись простым и верующим сердцем за Евангелие; так и себя оживишь и жена твоя там воскреснет. Помоги тебе Бог.

Прошу немедленно передать приложенное письмо по адресу. Обнимаю тебя всем сердцем.

Жуковский.

№ 61

7/19 Декабря 1847.

<Франкфурт на Майне>.

Благодарствую мой милый за доставление письма и за твои строки, которые тем приятнее было мне получить, что оне уведомляют меня о твоём физическом

здоровье. О моральном ни слова; после того что с тобою случилось не скоро выздоровеешь душою; хорошо еще что у нее есть дом неразрушимый. Но она теперь в этом доме живет как больной в хороше построенной больнице.

За вести из Москвы благодарю. Хотя мне и не был коротким приятелем М.М. Солнцев¹, но мне его жаль, он, как вывеска, напоминал мне прошлые дни Москвы, когда еще мы все составляли круг Карамзина и Дмитриева²; тут и наш добрый смешной Вас. Львович³, и Тургенев, и Вяземский.

Не много, не много из этого круга уцелело. Прошлого года я видел М.М. у себя во Франкфурте. Если бы его супруга скончалась после него, то какойнибудь из приятелей вероятно такую же бы речь сказал ему какая была сказана его вдове, может быть и он дал бы такой же ответ, как она. Лучшая твоя весть та, что холера у вас мало пакостила. И другая весть мне по сердцу: что А.П. Ермолов⁴ едет за границу и что я с ним могу встретиться. То худо однако что вместо того чтобы сказать ему, что он меня непременно найдет во Франкфурте, ты ему сказал: обнять меня, если гденибудь со мною встретится. Если он еще не уехал, то скажи ему, что меня он найдет непременно во Франкфурте и что мне будет весьма радостно если он захочет найти меня.

А ты не ленись уведомлять о себе
Прости. Сердечно обнимаю.

Твой Жуковский.

У меня дома получше. Жене Эмс кажется помог. Если выздоровеет буду-щею весною приеду с нею в Россию. Если же нет, не буду у вас.

№ 62

16/28 Декабря 1847.

<Франкфурт на Майне>.

Любезнейший Александр, на сих днях я к тебе писал — с тех пор нет ничего нового, все по старому. Новое только то, что приближение Нового Года, с которым я тебя и поздравляю. Старый ни тебе ни мне не был благосклонен.

Прошу тебя переслать и передать приложенные письма, с которыми честь имею быть

Старый преданный тебе

Жуковский.

№ 63

7 Март. 1848. Н<овый>с<тиль>. <Франкфурт на Майне>.

Мой милый Булгаков, прошу тебя приложенное письмо отправить немедленно по адресу; пожалуйста повернее. Авдотья Петровна Елагина в Москве; кажется она теперь живет в собственном доме у Красных Ворот. Ты узнаешь.

Что скажешь о скачке по железной дороге политического мира? Что случилось в последние двенадцать дней²! Бывало такие события происходили в течение веков. Нынче хронология переменялась. Дни стали веками. Это значит, что скоро

наступит вечность. Я не буду ничего тебе описывать и на это теперь у меня нет довольно досуга. В то время когда будет в твоих руках это письмо ты будешь знать все из Газет. Со мною лично ничего не случилось и наш Франкфурт столько спокоен и безопасен сколько можно быть в соседстве землетрясения и вулкана льющего свою лаву по окрестности. Он конечно теперь самое безопасное место в Германии. На него из первых подействовало влияние революции; были и здесь на ряду с Баденом, Дармштадом и Висбаденом движения, но они кончились ничем и теперь все пришло в свою колеину — на долго ли? Это ведаёт Бог; в эту минуту покинуть Франкфурт с женою и с детьми было бы не благоразумно. Если бы я был один, я давно был бы на пути в Россию, которая есть теперь убежище покоя. Сохрани Бог Царя и укрепи в руке Его самодержавие: посмотрев в глаза этой свободе, убеждаешься в том, какое твердое народное благо может быть устроено на фундаменте Самодержавия; этот фундамент у нас есть: наш самодержавный Строитель может еще спокойно и самобытно строить Русское здание великаго Царства по плану Божией правды. Что бы это здание, столь богатое будущим, могло быть доведено до кровли, все Русския теперь крепче, нежели когда нибудь должны слиться в одну силу с Царем своим. Каждый пой теперь и в слух и про себя то, что было пропето над могилами бородинских воинов воинами нашего времени:

*Память вечная вам, Братья
Рать младая к вам в объятья
Простирает в глубь земли!
Нашу Русь вы нам спасли:
В свой черед мы грудью станем;
В свой черед мы вас помянем,
Если Царь велит отдать
Жизнь за общую нам Мать³.*

Прощай! Напиши обо мне Вяземскому. Самому писать некогда.

Ж.

Если не разберешь письма моего, слишком поспешно писаннаго, пошли его к Авдотье Петровне Елагиной. Она тебе разберет его.

№ 64

Франкфурт на М<айне>. 19 Апреля / 1 Мая 1848 г.

Глазная болезнь мешает мне самому писать к тебе, любезный Булгаков. Я должен диктовать; но однако не могу отвечать на твои письма: та же глазная болезнь, которая продолжается уже месяц, мешает мне прочитать их; а мой писарь, хотя и хорошо пишет, никак не может разобрать твоих каракулик.

Буду писать к тебе из Эмса, куда на шесть недель еду с женой. Теперь же нет времени и диктовать: спешу отсылать письмо с курьером, который через час уезжает. А тебя прошу переслать и передать приложенные письма. Прости, всем сердцем тебя обнимаю.

Твой Жуковский.

№ 65

Без даты <11 мая 1848 г. Франкфурт на Майне>.

Любезный друг, отдай это письмо А.П. Елагиной. Я не могу писать тебе много: в глазах воспаление.

У нас через неделю будет во Франкфурте шумно — чем-то кончится¹. Через несколько времени напишу. Теперь не могу.

Твой Ж.

№ 66

14/26 Мая 1848.

<Франкфурт на Майне>.

За что же бранишься? Получил от меня письмо и жалуется на мою лень. Что за фантазия! Да разве ты прилежнее меня на письма?

Ну полно ссориться — благодарствую за твои дружеския строки и за пересылку моего писания по адресу. Вот уж и я на пути в Россию. На пути? Да то есть я уже отправил жену в Эмс; а сам еще сижу во Франкфурте, чтобы уложить свои пожитки и предать их на волю извозчика и судьбы. Потом сам в Эмс, где и жена и я будем лечиться. Она там уже более двух недель и останется еще шесть. Да и я должен буду пить воду и купаться недели четыре. Занемог было не на шутку. Между тем гроза становится все грознее; тучи подходят все ближе и ближе. Того и гляди что вспыхнет война во всей Германии внешняя и внутренняя. В таких обстоятельствах быть принужденным отложить еще на полные два месяца отъезд свой весьма неприятно — никак нельзя быть уверенным будет ли какая свободная дорога — может легко случиться, что надобно будет ехать в Россию через Англию. А что все это стоит карману, сказать невозможно. Я перевезу жену (если Бог позволит) сперва в Лифляндию, где у ней родные, дабы не вдруг передать ее во власть нашего злого климата; она там проведет осень и зиму. А сам я буду в Петербурге, буду и у вас в Москве. Где опущу свой якорь, это еще для меня не совсем ясно; но возможнее всего: в Дерпте, ибо вместе с нами приедут туда и вся семья жены; и таким образом моя жизнь будет выражать стих Дмитриева:

*С нежной ветки на другую
Перепархивает он¹.*

То есть я буду перепархивать из Дерпта в Москву из Москвы в Петербург, из Петербурга в Дерпт.

И так, дружище, моли за нас Бога, моли, чтобы Он открыл для нас свободный, безопасный путь на нашу родину, в Россию, в Россию, где есть так еще много того святого, которого и следов не осталось в этой Германии, раздавленной грузом своей цивилизации.

До свидания.

Твой Жуковский

№ 67

9/21 Августа. Без года <1848. Франкфурт на Майне>.

Вместо длинного письма посылаю тебе, душа моя коротенькую брошюрку, мною здесь напечатанную для многих Русских, здешних и домашних¹. Два экземпляра; пошли из них один Вяземскому, другой оставь себе. Но прошу тебя никому не давай в руки печатного; если тебе захочется, чтоб другие читали, то вели сделать список и пускай ходит по рукам манускрипт. Иначе могут подумать, что я печатаю за границею для раздачи экземпляров на Руси. Я всего навсего напечатал 40 экземпляров, из которых не более десятка пойдет на родину. Напиши об этом и Вяземскому; а от него получишь известия подробныя обо мне. В двух словах: холера остановила меня на самом отъезде; еду на зиму в Баден, а на будущий год с первым путем, если Немецкая революция не сожрет меня, отправлюсь к вам. Досадно, грустно, разорительно — а делать нечего! Приложенныя письма раздай и разошли.

Обнимаю тебя

Жуковский.

P.S. Адресуй письма по старому: a Francfort s|m. Saxenhausen, Schaumainthor. До дальнейшего назначения.

Я посылаю через тебя такія тучныя письма в том предположении, что ты как Почт Директор ничего за письма не платишь. Однако лучше будет, если ты мне скажешь так ли это, или нет.

№ 68

9 Октября н<овый>с<тиль> 1848. <Баден-Баден>

По адресу проложеннаго здесь письма ты вероятно заключишь, что я не имел намерения писать к тебе, и ты не ошибешься. Но стало совестно, и я решился прибавить несколько строк на твое лице, ибо все таки ты можешь обо мне хоть минуту побеспокоиться, читая в газетах, что Штрुве¹ бунтует и грозит возмутиться весь юг Германии, где аз нижеименованный избрал свое местопребывание на всю зиму в прекрасном Бадене; но в тех же газетах ты прочтешь, что Штруве взят и что мятеж успокоен; это однако не означает что бы все бы в порядке — напротив все в беспорядке и этот беспорядок час от часу увеличивается. До чего суждено мне дожить в Бадене я не знаю; добра не предвидится; но делать нечего: я не произвел но выбрал, а только покорился обстоятельствам остальное во власти Божией!

Что это от Вяземскаго нет мне никакого ответа? Я к нему пишу редко да метко. Скажи ему, что я совсем не благодарен ему за ту поправку, которую он (вероятно он) сделал в моих стихах напечатанных в С<анкт> П<етербургских> Ведомостях и перепечатанных в Северной пчеле². И это не от авторскаго самолюбия, а просто от того, что из смысла сделалась бессмыслица. Вот мои стихи:

Петр Андреевич Вяземский

*Волн ругательные визги
Ветр, озливший их, умчит
Их (волны) гранит твой разразит,
На тебя напавших, в брызги.
Вместо последних двух стихов стоит
И летучие их брызги
О гранит твой разразит.*

Первое, жаль что энергичное слово брызги не осталось на конце; оно живописно оканчивает картину. После разразит ждешь чего-то; кажется нет конца. Но главное то что нет смысла. Если перевести в прозу мои стихи, — будет: ругательный визг волн разнесет ветер, а если оне нападут на тебя, твой гранит разразит их в брызги.

Вместо того, поправка говорит: ветер умчит визги волн и разразит их брызги об гранит.

Если брызги, то зачем разбивать их снова? И какая в этом нужда? Хорошо когда разобьешь в брызги волны — тут несть чем похвалиться! Тут есть сила. А сражаться с брызгами, бить битаго — мало чести.

Прошу это послать Вяземскому, а приложенное письмо по адресу. Обнимаю тебя.

Мой адрес: a Bade-Bade. Maison Kleinmann.

*Не тревожься, великан;
Мирно стой, утес наш твердый
Отшибая грудью гордой
Вкруг ревущий океан.
Вихрей бунт встревожил воды;
Воем дикой непогоды
От поверхности до дна
Вся пучина их полна;
На тебя их буря злится;
На тебя их вой и рев;
Повалить тебя грозитя
Обезумевший их гнев.
Но с главы твоей подзвездной
Твой Орел, пространства Князь,
Над бунтующей смеясь
У твоей подошвы бездной,
Сжавши молнии в когтях,
В высоте своей воздушной
Наблюдает равнодушно,
Как раздор кипит в волнах,
Как они горами пены
Многоглавы встают
И толпою всей бегут
На твои ударить стены.
Ты же, бездны господин,
Мощный первенец творенья,
Стой среди всевозмущенья
Недоступен, тих, один;
Волн ругательные визги
Ветр, озливший их, умчит;
Их гранит твой разразит
На тебя напавших в брызги.*

№ 69

1849. 7/19 Марта. Баден.

Благодарствую, мой милый Александр. За твои письма, за доставление писем ко мне, за отсылку моих, за описание печатное праздника и за разные конфеты, которыми ты потчуеть меня в твоих письмах. Чтобы дать тебе еще более право на сердечную мою благодарность прилагаю толстый пакет, который прошу доставить по адресу. При этом пакете просьба покорная: уведомить меня получил ли следующих ему экземпляр Антонский¹ и получил ли при экземпляре письмо? Его молчание меня тревожит. Прошу тебя не поленишься и меня об нем уведомить.

Хороши мои все приятели, которых я вспомнил посылкою к ним Одиссеи и прочего. Ни один не откликнулся, ни один не сказал спасибо за подарок. Где Гоголь? Ты ведь с ним знаком? Видишь его? Если выдаешь, скажи ему, что я всем сердцем пеняю ему за молчание. Не пишу сам потому что теперь на целый месяц наложил на себя эпитимью молчания. Целый месяц не примусь за перо потому что все время хочу посвятить Одиссее, которую надеюсь с Божиею помощью кончить к половине Апреля н<ового> с<тиля>. Это будет чисто к 1 Апреля нашего стиля. Тогда Россия скажет мне, получив Одиссею, это де Poisson de Avril (апрельская рыба — фр.) Василий Андреевич изволит кормить нас рыбкою³.

Но дело не об том. Праздник у вас, нечего сказать, был прекрасный⁴. Мысль его мне чрезвычайно понравилась и почти жаль, что праздник был дан: его непременно бы надобно было бы отложить до первого посещения Москвы Императором. По крайней мере ограничиться бы одним Кенильвортом⁵, а Россию сберечь про Русского Царя. Но это была службишка а служба впереди. Можно повторить будет Россию при первом появлении Царя в ея древнюю столицу; но чтобы не было просто повторения можно прибавить к представлению Материальной России в ея народах, быстрый обзор ея Истории; можно не в многих живых картинах представить все главные эпохи ея Истории. Надобно только, чтобы выбраны были сюжеты живописные а эскизы и после разстановки, костюмы и освещение были поручены Живописцу и чтобы он в этом деле был полным господином. Для избрания сюжетов составить комитет из наших ученых профессоров, которых особенный предмет есть История Российская, не забыть пригласить в этот комитет Хомякова и Гоголя. Все это должно составить одно целое: быстрый живописный обзор той дороги, которую Судьба провела Россию до нашего времени. Надобно, чтобы этим обозрением начался праздник; чтобы в зале были рамы для всех картин; чтобы каждая сперва хронологически показывалась по одиночке, потом разом показать все. Представив таким образом Русскому Царю все славное прошедшее, покажите Ему могучее настоящее, то есть теперешнюю Россию в ея народах. Сообщи эту мысль Графу Закревскому⁶: она, я уверен, ему понравится; тогда для Гостя будет достойное его угощение; и бывшим прекрасным праздником можно будет воспользоваться как не бывшим. Вот еще идея: когда приеду к вам в Москву я, ты должен дать мне праздник из живых картин; а картины взять из всех моих славных творений. Это будет тебе честь а мне удовольствие. Прощай на целый месяц. Я писал скоро; не знаю, разберешь ли, но поделом тебе. В последних твоих письмах я сам мог разобрать только половину.

№ 70

Базель 17/29 Мая. <1849>

Пишу к тебе два слова только для того, чтобы тебя вывести из недоумения обо мне. До вас уже дошли вести о том, что творится в Бадене. Анархия во всей зверской красоте своей. Я не дождался ея Сатурналий¹ и во время

перевез жену в Стразбург, где она, то есть жена, не анархия, пролежала неделю в постеле. Теперь я в Базеле. Завтра еду в Берн. О дальнейшем буду писать с места. А ты перешли приложенное письмо, и с тем я только пишу о себе две строки, чтобы родные не вздумали за нас чегонибудь болтать. Страшен сон да милостив Бог.

Прощай. Обнимаю тебя.

Жуковский.

P.S. Мой адрес пока: а` Verne poste restante. Прошу тебя не полениться написать ко мне туда. Ты создан быть утешителем странствующих вдали от Отечества; никто из моих приятелей так не был ко мне жалостлив как ты; благодаря тебя многое до меня доходило — и доброе и худое; я не был изгнанником. Благодарю за последние уведомления о пребывании Царя в Москве: славно! Дай Бог теперь другой славы с мечом в руках против бунта и анархии. Прощай мой милый ты получишь в свое время из Петербурга экземпляр первых томов издания моих сочинений². Раздай их по прежнему образцу.

Если увидишь Гоголя скажи ему, что я получил коротенькую записочку, которая доказала мне только то, что ему ко мне писать не хочется; вследствие сего и я не пишу к нему, а ты уведоь его, что Одиссея кончена и отпечатана, и едет на долгих в Россию. Доедет ли, Бог знает.

№ 71

9 Июля н<ового> с<тиля>. <1849>. Берн.

Благодарствую моя умница за милую твою писульку и за доставление письма от Киреевскаго¹, которому прошу переслать немедленно приложенное. Я получил твою эпистолю в Берне. Завтра переселяюсь с своей семьей в Тун где мы дождемся Гутерта² и где жене можно будет продолжать свое начатое лечение. Пробыв вместе с своими весь Июнь, в начале Июля отправлюсь один в Петербург — какою дорогою еще не знаю. Если Государь будет еще в Варшаве, то через Варшаву. Во всяком случае имею верную надежду увидеть тебя, милого друга, нынешним летом. Известие о Вяземском грустно для меня; мне вероятно суждено с ним разъезжаться. Но оно меня радует за него ибо эта поездка разбудит его страждущую душу, обхваченную параличем горя³. От него самого я не имею отъезжа, на мое письмо он не отвечал мне. Напиши мне о нем подробно тотчас после свиданья с ним. Этим ты меня много обяжешь. Письма адресуй: а` Verne poste restante.

В Бадене льется кровь; она падает на главу тех бешеных, которые все взбунтовали своими нелепыми теориями. Наше путешествие или бегство из Бадена в Стразбург было довольно тревожное. Оно случилось в самый день вспышки бунта в Карлсруе. Поехав из Бадена по железной дороге уже на первой станции нашли мы главную квартиру Штрुве (в тот самый день освобожденного бунтовщиками)⁵. Перед нашим вагоном и позади его около тридцати вагонов; все на-

полнены солдатами и пьяною чернью с заряженными ружьями, косами, дубинами и прочими конфетами; крик, шум, топот, стрельба из ружей; и на каждой станции надобно было ждать; одни выходили из вагонов, другие в них лезли с криком, песнями, воем, лаем, стрельбою; наконец до десяти героев село на кровле нашего вагона. Такое приятное путешествие продолжалось три часа.... Но меня прерывают: надобно печатать письмо; прости друг. Обнимаю тебя всем сердцем. Пиши.

Жуковский.

№ 72

1 Сентября 1849. Варшава.

Мой милый Булгаков пишу тебе из Варшавы за два часа до моего отъезда. Но не радуйся ни за меня ни за себя: еду обратно в Баден, где оставил жену больную; нет никакой возможности перевести ее на зиму в наш климат.

И так опять мой возврат отложен до будущего лета. Горько мне это; горько мне бивакировать на чужой земле, где нет теперь ни покоя ни приюта, еще более горько от причины, которая меня к тому принуждает; а ты мне все пишешь: абсурманился, зажился, бросил Россию; это меня печалит и сердит. Государь понял мое положение и отпустил меня весьма милостиво: доказательством этой милости служит то, что Он, уезжая из Варшавы в самый день кончины нашего доброго Ангела Михаила Павловича¹, дал мне Белого Орла² с прекрасным рескриптом. Я бы мог много тебе рассказать о здешнем быте, но физически это мне не возможно; еду через два часа, укладываюсь и у меня люди.

Прости. Пиши по прежнему в Баден-Баден au Grälen, maison Kleinmann.

Из Бадена напишу.

Твой Жуковский.

№ 73

12/24 Декабря 1849. <Баден-Баден>.

Не могу сказать тебе, душа моя как я благодарен тебе за твое письмо. Ты более всех помнишь обо мне и содержишь между мною и родиною постоянное сношение. И у меня письма твои все до одного сохраняются; но по смерти моей ты их не получишь; они и домашним моим пригодятся.

Теперь пишу к тебе наскоро, что бы переслать тебе письмо, которое ты доставь по адресу. Сам же хлопочу о важном деле. Устанавливаю все для вечернего Христова Праздника¹. Который имеет быть ныне в моей семье совокупно с семьею моего тестя. Значительная эпоха в детской жизни. Теперь дети как в лихорадке: Саша на весь дом поет; а Пашка² прыгает, брыкается и пляшет.

Поздравляю тебя с Праздником и Новым Годом и всем сердцем обнимаю.

Жуковский.

№ 74

<декабрь 1849. Баден-Баден>.

Вот тебе моя душа мое немецкое стряпанье. Самого меня может быть увидишь скоро а может быть не прежде Мая будущего года.

Буду еще более писать. Теперь только прошу раздать приложенные экземпляры себе и другим. Ростопчиной скажи что я буду письменно благодарить за ея прекрасный поэтический подарок.

Твой Жуковский

№ 75

<декабрь 1849. Баден-Баден>.

Вот, милый посредник, обещанное письмо к нашей Звезде слишком далекой; предоставляю конец на долю красноречия Звезды Восточной, недавно нам вновь блеснувшей. Вашему сиянию желаю, как и всем нам, радостно дожидаться возврата этаго вышереченнаго светила¹, всем так любезнаго, прося покуда не оставить своею дружбою

Всепокорную Искорку.

№ 76

3/15 Марта 1850. Баден-Баден.

Возвратился ли ты наконец из Петербурга, мой добрый Александр? И твои письма и приложенныя к ним письма от моих я получил, и благодарю тебя сердечно. Но не благодарю за то, что ты все время величаешь меня ленивцем, тогда как я довольно часто пишу к тебе. Правда многие мои письма весьма не длинны — но ведь для длинных писем у меня совсем нет материалов. Я веду жизнь уединенную о том, что у меня дома делается сказано один раз навсегда: мир домашний. Об болезни жены говорить не хочется — тяжело и грустно. И тем более тяжело, что эта болезнь, несчастье само по себе, приковывает меня уже несколько лет к заграничному противному мне житью, а вы все попрекаете мне, что я забыл Русь, и все бредите (чтобы только что-нибудь сказать) что я совсем решил-ся покинуть отечество. На такие бредни и рука не поднимается отвечать. Писать о политике?.... Что бы чорт побрал эту Собаку политику с Архисобакою Пальмерстоном¹ и со всеми комунистами, красными, черными и оранжевыми и канительными (как говорил во время оно наш домашний дурак Варламка)! Меня всякий раз тошнит когда приносят мне газеты. Покойный Франкфуртский парламент² сделал однако одно доброе дело: я подписался на стенографические протоколы его заседаний и вот уже более года как подтираю ежедневно жопу этими протоколами: бумага мягкая, немецкия речи длинны, скопилась ужасная кипа очистительных подтирок, и, так как все эти немецкия речи имеют сродство с тем, что у меня каждое утро выходит противоположным полюсом тому, из котораго в начале своем все эти речи исходили, то вышло, что с тех пор как началась эта

операция в нижних регионах телесного моего состава, т. е. с тех пор как я немецким парламентом подтираю свою Русскую жопу, мои запоры прекратились и никогда не производил я таких огромных кренделей моим задом, какие произвожу теперь во славу Германского союза. Ты видишь однако, что и эта ежедневная операция может служить материалом только для одного письма.

Остальное время мое посвящено такому делу, которое со временем дойдет до тебя печатное³, следственно оно еще менее годится для писем.

Хорош и Вяземский; он пишет из Константинополя в Петербург длинные письма о том, что я не пишу к нему из Бадена; а сам ко мне не пишет. Пошли ему это письмо для прочтения. А чтобы вы знали обо мне чтонибудь не политическое, скажу, что я остаюсь в Бадене до конца Июня, потом на 6 недель в Остенду или Скевенинген⁴, оттуда на зиму в Ревель. Следовательно, если Бог велит и если опять болезнь жены не привинтит меня к какомунибудь углу в Германии. Мы увидимся будущей зимою, это значит что я побываю в Петербурге и в Москве пока один без жены — а потом? Бог скажет что. Прости.

Обнимаю тебя Жуковский.

№ 77

Письмо Н.В. Гоголя А.Я. Булгакову

Марта 24. <1850>

Несказанно обязан за письмо Жуковского, которое при сем возвращаю с чувствительнейшею благодарностию¹. Что общий друг наш разгневался на Немцев в том нет ничего удивительного. Но я очень рад, что немецкие стенографические протоколы франкфуртских заседаний подействовали, как он выражается, благотельно на низшие регионы его телесного состава и на печенье кренделей. От этого у него голова становится обыкновенно светлей и мы можем ожидать из нея выхода еще многого добра.

Ваш весь

Н. Гоголь.

№ 78

1/13 Июля. 1850. <Баден-Баден>.

Я совсем на мази, чтобы к вам ехать; но весьма вероятно, что не поеду — это зависит от того, что мне напишет Великий Князь Цесаревич. Я решил ехать непременно нынешним летом особенно потому что в нынешнем Ноябре буду праздновать 25 лет царствования нашего Великого Царя. Но услышав вовремя что это праздник должен повториться в Москве в день коронации, я сделал запрос моему милому Высочеству точно ли будет повторение? Жду его ответа. Если не будет повторения и если праздник будет только в нынешнем Ноябре — поеду; если же будет повторение праздника в Москве — остаюсь еще на зиму. Это будет спасительно и для моего и для жениного здоровья, и весьма, весьма

выгодно для многих моих работ, которые разом и надолго останутся если теперь отправлюсь в Россию.

Ты (я вижу отсюда) хмуришь лоб, нос и брови, и конечно запоешь свою старую, бессмысленную песню: ты де отказался от России. Петь легко, а терпеть трудно, особливо так как мне пришлось терпеть, и особливо в последние четыре года. И как я ни радовался в мыслях своим возвращением в Отечество, но благоразумие требует чтобы я воспользовался возможностью еще остаться здесь. Весьма не забавно ехать с мыслию, что скоро придется подняться опять всем домом для возобновления бивачной заграничной жизни. И так, вместо того чтобы судить меня своими неосновательными обвинениями, на которые ты никакого права не имеешь, ибо не видишь что со мною делается, войди дружески в мои обстоятельства, прими в них участие, пойми тягость моего положения и не ври на меня вздор. Я не на одних розах; дав мне милостиво розы семейной жизни, Бог не уничтожил их колючек — и на это я не ропщу, напротив знаю что в этих колючках много, много Его благи. Только мои приятели не должны прибавлять к этим колючкам своих собственных. Вот тебе мое наставление. Ты же ничего не потеряешь и не выиграешь, если я нынешним летом останусь или поеду. Во всяком случае я не буду в Москве прежде будущей весны. Мне надобно будет сидеть покойно дома и крепко беречься зимних переездов и зимней возни. Я отвык от нашего климата, мне 67 лет, а болезнь которая дважды у меня начиналась (водная в груди) и устранена сперва Коппелем а потом Гугертом, требует от меня большой осторожности: в мои лета выздоравливать трудно, надобно всеми силами стараться не занемогать. Если бы еще лет десяток Господь Бог позволил пожить на земле, это могло бы быть хорошо для семьи моей; но Он знает лучше меня что мне надобно. Мое же дело состоит только в том чтобы исполнять то чего требует Его воля в настоящем.

Прости мой милый; прошу тебя переслать приложенное письмо по адресу. Извини что я налагаю на тебя эти пересылки. Я писал недавно письмо к Зонтаг³, прямо на ея имя — она его не получила. Что посылается через тебя, то верно доходит: но скажи не вводит ли тебя это в издержки, что пишу через тебя, и что ко мне пишут через тебя? Я почитал что ты как Почтдиректор ты имеешь привилегию посылать свои письма без платы. Так ли? Прости. Обнимаю.

Твой Жуковский.

№ 79

9/21 августа 1850. Баден-Баден.

Вместо ответа на твое письмо, вот тебе письмецо печатное¹, которое позволяю тебе адресовать на твое имя.

А писать более к тебе некогда. Буду писать когда Бог велит; теперь бездна разнаго рода работ, которые надобно тотчас кончить. Обнимаю тебя.

Твой Жуковский.

№ 80

1/13 Октября 1850. Баден.

Начато не помню которого числа¹.

Звезда первой величины² обнимает тебя и благодарит за добрые твои письма и доставление ей писем. Она докладывает тебе следующее: действительно ей уже нанимали дом в Ливонских Афинах³, но звезда принуждена остаться на темном Немецком фирманте. Понеже и она сама и ее созвездие находятся в болезненном состоянии. Теперь звезда первой величины кашляет; но она однако собирается посетить небо Варшавы, чтобы там полюбоваться Царицею Русскаго фирманта солнечным сиянием подруги Русскаго Царя⁴...

Это письмо начато тому дней десять. Оно служит новым доказательством что на сем свете планов никаких делать не должно. В начале сего письма звезда первой величины собиралась в Варшаву; а прежде нежели письмо перешло на другую страницу, у звезды сделался геморой и доктор Гутерт приговорил звезду сидеть в Бадене, из уважения к органу его сидения, который в сем случае одержал верх над ея головою, органом ея разума и поэтического Гения, так расхвалимаго Скверною или Северною Пчелою. И так любезный мой Александр я еще на зиму остаюсь в Бадене.

Вот и еще несколько дней прошло с тех пор, как звезда первой величины начала писать это письмо. Она докладывает тебе, блистательный Московский Орион, что при всей своей тебе известной глупости, она поступила весьма умно, что не устремила течения своего в Варшаву. Вот уже третий месяц, как у нас безпрестанный холодный дождь, погода премерская и Октябрь обещает кажется быть весь холодным, сырым и грязным. Прогуливайся тут по железной дороге. А между тем Государыня в Скерновичах, в двух часах езды по железной дороге от Варшавы. И так приехав туда на неделю, я бы каждый день должен был проводить по четыре часа на железной дороге чтобы увидеть Императрицу на минуту; большое счастье, что геморой во время испугал Гутерта. Что если бы я слег в Варшаве?

И так, дружище, не хмурься на меня. Вам хорошо там судить и на ветер вторить: забыл отечество, отказался от России. Поглядел бы на то, что у меня дома делается и каково бывает мне в иныя минуты. Наконец однако решительно лучше — увидим что скажет зима и революция, которая благодаря презрительному Курфирстру⁵ выросла на сто процентов.

Прости. Пиши по прежнему. Ты один держишь меня в связи с Отечеством своими добрыми письмами.

Твой Жуковский.

№ 81

<Баден-Баден>.

Мой милый Александр, вот уже более трех писем твоих передо мною и каких добрых, интересных писем: а я все не отвечал еще тебе. Не отвечал и Вяземскому.

И теперь уже это право не от лени. У меня работы по горло; хочу ее кончить до отъезда отсюда, и верно не кончу, хотя еще целые пять месяцев передо мною, ибо не всем временем могу пользоваться. Глаза и ноги и руки не так служат как прежде: надобно беречь. По сим причинам и откладываю всякую переписку. А письма к друзьям обращаю в коротенькия записки, из коих единую теперь ты, мой добрый друг, получаешь. Но прошу тебя не быть от этого слишком лаконическим; твои письма мое утешение и единственный свежий голос с родины. И так обнимаю тебя и прошу переслать приложенное последнее длинное письмо мое по Адресу. А Вяземскаго поздравь от меня с возвращением в Россию¹; он получит скоро и сам от меня записку. Теперь я написал их ровно три. Принимаюсь за свою работу. Прости и пиши.

Твой Жуковский.

Помета: На конверте выставлено

Число 24 Декабря н<ового> с<тиля>. 1850.

№ 82.

1/13 Генваря. <1851 г. Дюссельдорф>.

Из вышеозначеннаго числа <...> милый Александр, что я тебя вспомнил и <...> день года. Поздравляю всем сер <...> чтобы этот год был для тебя <...> и чтобы порадовал меня счастьем <...> твоих милых, сохранил их <...> лицо и предав их своему н <...> на долгую, подобную передачу. Я встретил его в своем Дюссельдорфском уединении; что он мне принес с собою, то знает Бог. Теперь же около меня много счастья, ничего не желаю, кроме сохранения того, что имею. Благодарю тебя за письмо, то есть за труд, который ты взял на себя его написать. Но я почти ничего не разобрал, и ты только подразнил мое любопытство. Почерк твой хорош, но это просто attrape¹. У меня же на беду и глаза плохо видят. Нельзя ли любезный друг, написать мне такую грамотку, которую бы я мог прочитать; ты мастер сообщать вести, а мне она будучи от тебя, по сердцу: из <...> еще милее. Напиши, да так, чтобы я мог прочитать: что у вас в Москве делается и что в Петербурге? Ты обо всем знаешь и не ленишься писать, как я например и большая часть моих приятелей. Буду ждать твоего дружескаго отзыва на эти строки с нетерпением.

Приложенные письма прошу разослать по адресам.

Прости мой милый Александр. Жена себя тебе рекомендует. Со временем покажу тебе ее и ты увидишь что оригинал лутче того портрета, который так тебе понравился. Обнимаю сердечно.

Твой Жуковский.

Пометы А.Я. Булгакова: Письмо это получено было мною вечером. Я очень обрадовался увидя подпись руки Жуковского. Мы сидели в то время в семействе за чаем, но нетерпение узнать скорее что происходит с больными глазами

¹ ловушка (фр.)

Жуковского, взяло верх надо всем. Приблизив слишком письмо к свечке, оно вдруг вспыхнуло и пока я торопился поправить беду, частица письма выгорела.

У Жуковского так было заведено подшучивать часто над почерком моей руки. Не стану себя оправдывать. По словам не помню которого то из моих приятелей, мне как будто присуждено писать много, скоро и дурно. Скажу однако же мимоходом что в Училище Св. Петра при Лютеранской церкви в Петербурге, где я обучался первоначально, главные награды за чистописание, были всегда мною заслуживаемы.

№ 83

Баден 28 Апреля 1851¹.

В этот день совершается чудо. Пишу к тебе во второй раз. Написал почти десяток разных писем. Это подвиг Геркулесовский. А пишу к тебе для того чтобы переслать приложенное письмецо немедленно в Херсон. Ко мне от туда пишет один чудак, неприложив никакого адреса. Он в трудных обстоятельствах, и ему нужен мой ответ. Постарайся чтобы ответ дошел верно. А я ему поручил написать к тебе в Сентябре чтобы осведомить где я, и чтобы дать знать, что с ним. Позволь ему это и сбереги его письмо до моего приезда. Обнимаю тебя еще раз.

Жуковский.

№ 84

1851. 5 Авг<уста> н<ового> с<тиля> <Баден-Баден>¹.

ЗДРАВСТВУЙ ДУША МОЯ, я все еще слеп писать не могу много, но все таки ехать собираюсь. Отошли приложенное письмо. Обнимаю тебя.

Ж.

Помета А.Я. Булгакова: Писано крупными буквами карандашом по двойным линейкам в том виде как начата копия сия.

№ 85

1851. 10/22 Августа. <Баден-Баден>.

Милый Александр, вот два письма, которые прошу тебя доставить по адресам: эти адреса конечно тебе известны. Если хочешь одолжить то немедленно отвечай в Баден. Если твое письмо не найдет там меня, тем лутче. Это будет значить что оно найдет меня в России; если же нет, то это значит что я еще на зиму прикован к Бадену. Ты видишь по письму моему что я еще слепой. Глаз весьма медленно подвигается к выздоровлению. Особенно напиши мне о Вяземском. Ты меня живишь своими известиями. Пиши ясно, четко и подробно. Прости. Я более писать не могу. Боюсь.

Жуковский.

№ 86

<25 августа 1851 г. Баден-Баден>.

Вот тебе друг еще карандашная записка. Глаз мой все упрямится, но я постараюсь его переупрямить. Надеюсь выехать 1-го Сентября. Нынче 25 Августа. Прости! Более не пишется.

Твой Ж.

№ 87

7 Сент<ября> н<ового> с<тиля> 1851.

Вот и Сентябрь, а я (уж началась с тех пор осьмая неделя) все сижу в Заперти и наконец Хемус и Гутерт решили что мне с моим невыздоровевшим глазом в дальний путь нельзя пускаться, и так прости до будущей весны. Вот тебе весть о Вяземском, справедлива или нет? Не знаю: он, сказывали мне, проехал через Франкфурт в Гагу; это значит, что он будет жить с сыном — это весть утешительная². Разсеяние, удаление от Петербурга и семейная жизнь его вылечат. Благослови Бог! Прощай.

Твой Жуковский.

Приложенное письмо отдай, но уведомясь не в Москве ли Елагина.

№ 88

Баден 4/16 Января 1852.

Поздравляю тебя с Новым Годом любезный мой, и дай Бог тебе нового здоровья. В этом желании заключается всякого рода счастье. Благодаря тебе за доставление писем, одни пришли прямо из Москвы, другие из Дрездена и теперь все отыскалось. Я уже в Дрезден не попал, а просидел все это время в Бадене с моим больным глазом, который все еще не угомонился. Надеюсь однако что в Июне будущем возвращусь в Россию; но планов никаких себе не позволяю делать; я разучился им верить; что Бог велит. Это вернее.

Вчера я получил письмо от Вяземскаго из Парижа; оно весьма мрачно и грустно, но в нем ни слова того, что по слухам меня так пугало. Все тот же Вяземский скорбящий душою и с прежним остроумием, хотя без прежней веселости выражающей владеющее им чувство, с которым ему весьма трудно ладить. Я весьма надеюсь что все переменится к лучшему.

Полторацкий¹ весьма кстати поручил тебе сделать мне запрос о Бартене²; я сам послал о нем запрос к Кошелеву³ от которого не имею еще ответа. По тому что мне говорил о Бартене, Коссович⁴, навесивший меня в Бадене, я имею причину полагать, что могу найти в Бартене хорошаго помощника мне для обучения моего сына. Конечно из далека и заочно я ничего не могу устроить с Бартеновым, но снюхаться с ним заблаговременно было бы полезно; и потому я желал бы, чтобы Полторацкий, который его знает коротко, сказал мне

Ольга Александровна Долгорукова

о нем подробно свое мнение, и чтобы на всякий случай спросил у него считает ли он для себя возможным взять на свою ответственность заведывание полным курсом домашнего обучения которое приуготовило бы воспитанника дома для перехода в высшую инстанцию науки. Я бы желал, чтобы все это было сообщено Бартеневу и чтобы он мне искренно сказал все то, что по моему запросу придет ему в голову. Это заставило бы меня с ним списаться и мы бы ознакомились. Сообщи Полторацкому, то что пишу тебе об этом предмете, и в то же время пожми ему за меня дружески руку. Сам же смотри будь здоров, да также перестань писать такими каракульками; с виду почерк кажется и хорош, а как начнешь разбирать так и посылай за Полицию; это мне слепому весьма невыгодно здесь в Немечине где некому помочь мне разбирать руку Московскаго Почтдиректора.

Прости, присылай мне все Московския весты, какия есть у тебя в запасе; приложенное письмо отошли, но сперва наведайся не в Москве ли Елагина.

Обнимаю тебя.

Твой Жуковский.

Помета А.Я. Булгакова карандашом на полях: "Диктовано и Жуковским только подписано".

№ 89

Баден 27 Февраля/10 Марта 1852.

Посылаю тебе вместо письма стихи¹ и письмо, которое прошу доставить Елагиной; она вероятно теперь в Москве, где живет не знаю, можешь о том узнать в доме Кошелева. Если же ее нет в Москве, то отправить письмо по адресу.

Прими к сердцу мою прозбу о Бартеневе. Я писал об нем к Кошелеву, который мне не отвечал. Ты весьма одолжишь меня если чрез Шевырева сообщишь Бартеневу то, что я тебе писал об нем. Прошу тебя не оставить без внимания этой прозбы моей, для меня весьма важной.

Вигель² должен быть в Петербурге, прошу тебя переслать к нему экземпляр моих сочинений чрез Блудова, котораго попросить о доставлении книг моим именем. Мой глаз по прежнему шалберит. От Вяземскаго имею письмо довольно утешительное. Надеюсь что весна его поправит.

Обнимаю тебя Жуковский.

ПРИМЕЧАНИЯ

№1. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 257.

Публикуется впервые.

¹ В тексте фамилия “Хрипков” переправлена из “Хренков”. Возможно, речь идет о переводчике с французского языка Александре Хрипкове.

² Мойер Иван Филиппович (1786—1858), доктор медицины, профессор Дерптского университета. В январе 1817 г. женился на племяннице В.А. Жуковского Марии Андреевне Протасовой (1790—1823), в которую поэт был влюблен. Подробнее см.: Л.Г. Сахарова «Воспоминания Е.И. Елагиной и М.В. Беэр» Российский Архив. Вып. 14. С. 269—424.

№ 2. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 257

об.—258. Публикуется впервые.

¹ Эстафет (эстафета) — нарочная почта, посылаемая с курьером или специальным посыльным (нарочным). Посылавший письмо по эстафете должен был оплачивать прогонные нарочному до места посылки.

² Поэма “Ундина”, начатая Жуковским в 1831 г. и законченная в конце июля 1836 г.

³ Тургенев Александр Иванович (1784—1845), ближайший друг Жуковского, государственный и общественный деятель, камергер. В литературном обществе “Арзамас” имел прозвище “Золова Арфа”.

№ 3. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 258.

Публикуется впервые.

¹ По-видимому, речь идет о поисках И.Ф. Мойера.

² Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф, друг Жуковского, дипломат и видный государственный деятель; с 1832 по 1836 г. министр внутренних дел, впоследствии председатель Государственного Совета и Комитета министров; литератор, “арзамасец” по прозвищу “Кассандра”.

³ Гражданским губернатором Орловской губернии с 1830 по 1837 гг. был Кочубей Аркадий Васильевич (1790—1878), впоследствии — действительный тайный советник, сенатор.

№ 4. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л.

257—257 об. Публикуется впервые.

¹ Елагин Алексей Андреевич (1790—1846), тульский помещик, муж А.П. Елагиной и дальний родственник Жуковского и Мойера. Его сын Василий (историк и публицист, единоутробный брат И.В. и П.В. Киреевских) в начале 1846 г. женился на дочери И.Ф. Мойера Екатерине.

№ 5. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 258

об. Публикуется впервые.

¹ Пушкин Сергей Львович (1767—1840), отец поэта.

² Речь идет о письме В.А. Жуковского С.Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г. с подробным описанием последних дней жизни А.С. Пушкина и его смерти.

№ 6. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 258 об.—259. Публикуется впервые.

¹ Протасова (урожд. Бунина) Екатерина Афанасьевна (1770—1848), сводная единокровная сестра В.А. Жуковского, мать Марии Андреевны Протасовой, жены И.Ф. Мойера, и Александры Андреевны Воейковой. В 1837 г. Мойер с дочерью Екатериной и Е.А. Протасовой переехали из Дерпта в Орловскую губернию, где он купил с. Бунино.

² Экземпляр роскошно изданной поэмы “Унди́на”, вышедшей из печати в марте 1837 г. отдельной книгой под заголовком “Унди́на, старинная повесть, рассказанная ... в прозе бароном Ламотт Фуке — на рус. яз. в стихах, В. Жуковским” с 20 гравюрами Г. Майделя.

№ 7. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 259—259 об. Публикуется впервые.

¹ Речь идет о хлопотах А.Я. Булгакова по обеспечению беспрепятственного проследования семьи И.Ф. Мойера через Москву.

№ 8. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 259 об. Публикуется впервые.

¹ По-видимому, речь идет о вышедших томах 4-го издания Сочинений В.А. Жуковского в 9 томах, издававшихся в Петербурге А.Ф. Смирдиным с 1835 по 1844 г.

№ 9. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 260. Публикуется впервые.

¹ В начале октября 1837 г. император Николай I находился на Кавказе. Жуковский в это время был в свите путешествовавшего по России цесаревича Александра Николаевича и приближался к Киеву, куда прибыл 5 октября. 4 октября, судя по записям в дневнике, он находился в г. Лубны.

№ 10. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 273. Весь текст написан рукой А.Я. Булгакова. Публикуется впервые. На полях рукописи пометы, сделанные простым карандашом:

“вписать где следует”, “в год Хозрева” и “в Москве”.

¹ Речь идет, по-видимому, об одной из цветных гравюр (“Принц Хозрев-Мирза со своим посольством”, или “Церемониал въезда в Москву персидского чрезвычайного посла принца Хозрева Мирзы”), выполненных в 1839 г., к 10-летней годовщине посольства сына персидского шаха в Россию с извинениями за убийство А.С. Грибоедова и членов русской миссии в Тегеране. Жуковский 1 сентября 1839 г. был вместе с царской семьей в Москве, на юбилейных торжествах по случаю 25-летия окончания войны 1812—14 гг. и второй закладки Храма Христа Спасителя по проекту К.А. Тона.

² Великий князь, цесаревич Александр Николаевич (1818—1881), старший сын Николая I, наследник русского престола, будущий император Александр II. Его тезоименитство отмечалось 30 августа. В.А. Жуковский долгие годы был наставником наследника.

³ В Москве имелась литография, содержательницей которой в 1837 г. стала вдова учителя немецкого языка Московского кадетского корпуса А.Ф. Линдрот.

⁴ А.Я. Булгаков был среди высокопоставленных москвичей, встречавших посольство Хозрев-Мирзы. Здесь говорится о камергерском кафтане, богато украшенном золотым шитьем.

№ 11. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 264 об. Публикуется впервые.

№ 12. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 261 об.—262. Публикуется впервые.

¹ Жуковский неоднократно пенял Булгакову за его почерк и просил его писать четче.

№ 13. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 260—261 об. Впервые опубликован (фрагмент): Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. СПб. 1878. С. 553.

¹ Жуковская (в замуж. баронесса Верман) Александра Васильевна (1842—1899) родилась 30 окт. 1842 г.

² Жуковская Елизавета Евграфовна (1821—1856), дочь немецкого художника Герхарда Рейтерна, с 1841 г. жена В.А. Жуковского

³ Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), князь, поэт, писатель, журналист, общественный и государственный деятель, член “Арзамаса” (прозвище “Асмодей”), близкий друг Жуковского.

⁴ Прянишников Федор Иванович (1793–1867), с 1835 г. С. Петербургский почт-директор; с 1841 одновременно занимал пост директора Почтового Департамента, впоследствии действительный тайный советник, член Государственного Совета.

№ 14. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 262–263. Публикуется впервые.

¹ Виельгорский Михаил Юрьевич (1788–1856), граф, композитор и музыкальный деятель. Вместе с братом Матвеем — одним из основателей Русского музыкального общества — содержал музыкально-литературный салон в Петербурге. Оба были приятелями Пушкина и Жуковского. Михаил Юрьевич присутствовал при кончине Пушкина.

² Виельгорская (в замуж. Веневитонова) Аполлинария (Аполлония) Михайловна (1818–1884), гр, фрейлина.

³ Веневитинов Алексей Владимирович (1806–1872), муж А. М. Виельгорской, дальний родственник А.С. Пушкина, бывший “архивный юноша”, затем чиновник Министерства внутренних дел, впоследствии сенатор.

⁴ Булгакова Ольга Александровна (1814–1865), младшая дочь А.Я. Булгакова. в 1831 г. вышла замуж за князя Александра Сергеевича Долгорукова.

№ 15. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 263–264. Впервые опубликован (фрагмент): Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. Спб. 1878. С. 553.

¹ Полетика Петр Иванович (1778–1849), дипломат, в 1817 г. посланник России в Филадельфии (США), литератор, член общества “Арзамас” (прозвище “Очарованный Челнок”).

² “Одиссея” Гомера, перевод которой стал главным трудом Жуковского в 1842–1849 гг.

³ Тургенев Александр Иванович.

№ 16. ОПИ ГИМ. Ф. 445.: ед. 99. Л. 265–265 об. (начало письма); ед. 93. Л.

136. (окончание письма). Впервые опубликовано: “Библиографические Записки”. 1858 г. № 18. С. 547–550.

¹ Речь идет о напечатанной в № 2 журнала “Москвитянин за 1843 г. статье А.Я. Булгакова “Разговор Неаполитанского короля с графом Милорадовичем на аванпостах армии 14 окт. 1812 г.”. В 1844 г. эта статья была перепечатана в журнале “Сын Отечества”.

² Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), писатель и историк, друг Жуковского.

³ Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь, обер-прокурор Синода, министр просвещения в 1816–1824 гг. Выйдя в 1842 г. в отставку, поселился в своем Крымском имении Гаспра около Ялты, где и умер 22 ноября 1844 г.

⁴ Лопухин Иван Владимирович (1756–1816), князь, государственный деятель, публицист, мемуарист, масон, автор религиозно-философских трудов. Особую известность приобрели его неоднократно издававшиеся “Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим”. П.И. Бартенева опубликовал их в № 1 “Русского архива” за 1884 г. по списку Жуковского, сообщенному Бартеневу В.А. Елагиным.

⁵ Загряжская (урожд. Разумовская) Наталья Кирилловна (1747–1837) была дальней родственницей жены А.С. Пушкина, который, по словам П.А. Вяземского, “заслушивался рассказов Натальи Кирилловны”. По признанию самого Пушкина, в образе графини в “Пиковой даме” было много сходства с Н.К. Загряжской.

⁶ Гааз Федор (Фридрих-Иосиф) Петрович (1780–1853), известный в Москве врач-филантроп и благотворитель. В 1909 г. ему был поставлен памятник во дворе Александровской больницы в Москве.

⁷ Тургенев Николай Иванович (1789–1871), младший брат А.И. Тургенева, государственный и общественный деятель, публицист и мемуарист, член “Арзамаса” (прозвище “Варвик”), декабрист. Во время восстания декабристов находился за границей и после его разгрома был заочно приговорен к смертной казни и вынужден был стать политическим эмигрантом в Париже. Приближенные ко двору В.А. Жуковский

и А.И. Тургенев неоднократно пытались оправдать Н.И. Тургенева в глазах императора, но безуспешно.

№ 17 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 136—139. Впервые опубликован (без приписки 9/21 ноября): “Русский архив”. 1868. № 9. С. 1445—1448.

¹ Лист Ференц (1811—1886), венгерский композитор, пианист-виртуоз, капельмейстер, педагог, музыковед. Речь идет о статье А.Я. Булгакова, “Лист (композитор) в Москве”, напечатанной в № 5 журнала “Москвитянин” за 1843 г.

² Ольга Николаевна (1822—1892), великая княжна, дочь Николая I, с 1846 г. жена Юртембергского наследного принца Фридриха Карла Александра.

³ Михаил Павлович (1798—1849), великий князь, сын Павла I, младший брат Николая I, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий гвардией.

⁴ Минерва в древнеримской мифологии соответствовала Афине-Палладе — воинственной богине мудрости, которая сопровождала гомеровского Одиссея и оберегала его от опасностей.

⁵ Николай Александрович (1843—1865), вел. кн., внук Николая I, старший сын цесаревича Александра Николаевича. наставником последнего долгие годы являлся Жуковский.

⁶ Кюстин Адольф, де (1790—1857) маркиз, французский путешественник и литератор. В 1839 г. он посетил Россию и свои впечатления о ней описал в вышедшей в 1843 г. в Париже книге “La Russie en 1839”, вызвавшей гнев и возмущение русского общества, оскорбленного описанием неприглядных сторон жизни в России и едкими характеристиками ряда русских деятелей.

⁷ Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844), князь, герой Отечественной войны 1812 г., с 1814 генерал от кавалерии, генерал-адъютант, московский генерал-губернатор (1820—1843). За восстановление Москвы ему пожалован орден Андрея Первозванного и титул светлейшего князя. В 1843 г. по болезни вышел в отставку и уехал лечиться во Францию, где и умер.

⁸ Боде (Боде-Колычев) Лев Карлович (1787—1859), барон, гофмаршал, вице-президент Московской дворянской конторы. Его мать

происходила из старинной английской фамилии Киннерслей. Л.К. Боде пытался отсудить у английского правительства полученные у Франции суммы, предназначавшиеся для выдачи баронам Боде.

№ 18 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 139—139 об. Впервые опубликован (фрагмент): Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. Спб. 1878. С. 557.

¹ Елагина (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) Авдотья Петровна (1789—1877), племянница В.А. Жуковского, мать известных славянофилов И.В. и П.В. Киреевских, писательница, хозяйка литературного салона в Москве.

№ 19 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 139 об.—140. Публикуется впервые.

¹ Жуковский ездил в Дармштадт 16—20 марта 1844 г. вместе с Н.В. Гоголем для встречи с великим князем Александром Николаевичем.

№ 20 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 140—141. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1448—1449.

¹ Викулин Сергей Александрович (1800—1848), гвардейский офицер, с 1841 г. отставной полковник, литератор, знакомый Жуковского, Пушкина, Вяземского, Гоголя. В марте 1844 г. Викулин приезжал к Жуковскому и от него отправился в Англию к своей невесте.

№ 21 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 141. Публикуется впервые.

№ 22 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 141 об. Впервые опубликовано (без двух последних фраз): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1449—1450.

¹ Александра Николаевна (1825—1844), великая княгиня, младшая дочь Николая I, в 1843 г. вышла замуж за Фридриха принца Гессен-Кассельского.

№ 23 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 142—142 об. Публикуется впервые.

¹ Вероятно, имеется в виду семья Киреева Александра Дмитриевича (1796—1857), отставного

поручика, управляющего конторой императорских театров, переводчика и литератора. В 1840 г. Киреев выразил желание пожертвовать большую сумму на издание всех произведений А.С. Пушкина, с которым был знаком.

² Шевырев Степан Петрович (1806—1864), журналист, поэт, историк русской литературы, с 1834 г. профессор Московского университета, впоследствии академик.

№ 24 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 142 об.—144. Впервые опубликовано (с пропусками): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1450—1451.

¹ Жуковский Павел Васильевич (1845—1912), сын В.А. Жуковского, впоследствии художник. В литературе считается годом его рождения 1845, хотя он родился 31 декабря 1844 г.

² Ольга, дочь А.Я. Булгакова

³ Очевидно, имеется в виду конец 1816 г., когда А.Н. Голицын поднес императору только что изданный экземпляр сочинений В.А. Жуковского, после чего Александр I назначил Жуковскому пожизненный пансион в 4000 рублей ассигнациями.

⁴ Имеются в виду дочь А.Я. Булгакова Ольга, ее муж, кн. С.А. Долгоруков и его семья.

№ 25 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 144—144 об. Публикуется впервые.

№ 26 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 144 об. Публикуется впервые.

¹ “Мысли при гробнице” опубликованы в 1797 г..

№ 27 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 145—145 об. Копия. Публикуется впервые. В рукописи зачеркнута фраза: “Оригинальное письмо Давыдова было выслано Булгаковым к Жуковскому 30 Генваря 1845 в Франкфурт на Майне”.

¹ Вероятно, Давыдов Иван Иванович (1794—1863), профессор словесности Московского университета, академик.

№ 28 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 145 об.—146. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1451—1452.

¹ Наследник цесаревич Александр Николаевич был крестным отцом Павла Васильевича Жуковского.

№ 29 11/23 апреля <1845. Франкфурт на Майне>. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 146—147. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1452—1453 с пропусками зачеркнутых в рукописи двух последних абзацев (о Вяземском и Тургеневе).

¹ Полетика П.И.

№ 30 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Первая половина письма: ед. 99. Л. 273 об. Вторая половина письма: ед. 93. Л. 194. Копия рукой А.Я. Булгакова. Публикуется впервые.

¹ Оболенский Михаил Александрович (1821—1886), князь, в 1843 г. чиновник российского посольства в Берлине, впоследствии тайный советник, статс-секретарь и сенатор.

Оболенский Александр Петрович (1780—1855), князь, участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов 1813—14 гг., впоследствии действительный тайный советник, сенатор, попечитель Московского учебного округа, мемуарист.

№ 31 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 147—148 об. Впервые опубликовано: Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. Спб. 1878. С. 561—562.

¹ Александра Федоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина) (1798—1860), дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, с 1817 г. жена великого князя Николая Павловича, с 1825 г. императрица.

² Северин Дмитрий Петрович (1792—1865), дипломат, с 1837 г. посланник в Баварии, приятель Жуковского, бывший “арзамасец” (прозвище “Резвый Кот”).

³ Копп (Коппе, Коппель) Иоганн Генрих (1777—1858), врач, практиковавший в Ганау, автор ряда работ по медицине, член-корреспондент Петербургской медико-хирургической академии. Лечил жену В.А. Жуковского.

№ 32 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 148 об.—150 об. Впервые опубликовано:

“Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1453—1455.

¹ Похвиснев Михаил Николаевич (1811—1882), общественный деятель, с 1841 по 1847 помощник управляющего Владимирской удельной конторой, впоследствии тайный советник, сенатор.

№ 33 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 150 об.—151. Публикуется впервые. Дата в рукописи проставлена ошибочно.

¹ Тургенев А.И.

№ 34 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 151—152 об. Впервые опубликовано (с пропуском текста, написанного после даты): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1455—1456.

¹ А.Я. Булгаков в это время вторично женился на вдове Мацневой.

² Филемон и Бавкида — персонажи из “Метаморфоз” Овидия: чета старых супругов, радушно принявших Зевса и Гермеса в облике утомленных путников. В награду за это, по желанию супругов, боги ниспослали им одновременную смерть, превратив их в деревья — дуб и липу.

№ 35 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 152 об.—154 об. Впервые опубликовано (с пропуском последнего абзаца): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1456—1458.

¹ В.А. Жуковский был на год старше А.И. Тургенева.

² Н.И. Тургенев в 1833 г. женился на Кларе Гастоновне де Виарис. К 1846 г. у них было двое детей: дочь Фанни и сын Альберт (Александр); второй сын — Петр, ставший впоследствии известным скульптором, родился в 1853 г.

³ Нефедьева Александра Ильинична (1782—1857), двоюродная сестра братьев А.И. и Н.И. Тургеневых; во время своих приездов в Москву А.И. Тургенев останавливался в ее доме, там он и скончался.

⁴ Карамзина (урожд. Кольванова) Екатерина Андреевна (1780—1851), с 1807 г. жена Н.М. Карамзина, сводная единокровная сестра П.А. Вяземского.

№ 36 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 155 об.—157. Впервые опубликовано (с

пропуском характеристики творчества М.П. Погодина и приписки после даты): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1458—1459.

¹ Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, журналист, писатель. статья Погодина об А.И. Тургеневе напечатана в № 148 газеты “Московские Ведомости” за 11 декабря 1845 г.

² Щербатов Александр Григорьевич (1776—1848), князь, родственник П.А. Вяземского, герой Отечественной войны 1812 г., генерал от инфантерии, член Государственного Совета. В 1844 г., после смерти своего друга Д.В. Голицына, был назначен на пост Московского генерал-губернатора, который занимал до конца жизни.

№ 37 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 154 об.—155. Публикуется впервые

¹ Мельгунов Николай Александрович (1804—1867), композитор-любитель, журналист и литератор, приятель А.С. Пушкина и П.А. Вяземского, сотрудничал в московских газетах и журналах.

№ 38 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 155—155 об. Публикуется впервые

№ 39 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 157—158. Впервые опубликован (фрагмент): Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. Спб. 1878. С. 567.

№ 40 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 158 об.—159 об. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1460.

¹ Вероятно, Лужин Иван Дмитриевич (1804—1868), полковник, с 1843 по 1846 московский обер-полицмейстер, впоследствии курский, затем харьковский губернатор, генерал-лейтенант.

№ 41 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 161—161 об. Впервые опубликовано: Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. Спб. 1878. С. 568—569.

¹ Речь идет о доставлении Жуковскому свидетельства о смерти А.И. Тургенева.

² Вел. кн. Николай Николаевич (1831—1891) и вел. кн. Михаил Николаевич (1832—1909).

№ 42 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 160 об. Публикуется впервые.

№ 43 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 159 об.—160 об. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1460—1461.

¹ 21 мая 1841 г. В.А. Жуковский женился на Елизавете Евграфовне Рейтерн (1821—1856).

² Рейтерн Герхард Вильгельм (1794—1865), фон, художник, тесть Жуковского.

³ Рейтерн Шарлотта фон (1797—1854), урожд. фон Шверцель, теща Жуковского.

⁴ Елизавета (жена Жуковского) и ее младшая сестра Мария (Миа) фон (1822—1847).

⁵ Екатерина Павловна (1788—1819), четвертая дочь императора Павла I, с 1816 г. королева Вюртембергская.

⁶ Свербеева (урожд. княжна Щербатова) Екатерина Александровна (1808—1892), жена дипломата Д.Н. Свербеева, приятельница А.С. Пушкина и В.А. Жуковского, друг П.Я. Чадаева.

№ 44 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 162—162 об. Публикуется впервые.

№ 45 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 162 об.—164. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1462—1464.

¹ Убри (Убриль) Петр Яковлевич (1774—1847), дипломат, действительный статский советник, управляющий Коллегией иностранных дел; в 1827—1847 гг. полномочный министр (посол) в Мадриде и Франкфурте

² Вероятно свадьба второй дочери Николая I Ольги Николаевны, которая 1 июля 1846 г. сочеталась браком с Вюртембергским наследным принцем Фридрихом Карлом Александром и стала впоследствии королевой Вюртембергской.

№ 46 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 164—165 об. Публикуется впервые.

№ 47 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 165 об. Впервые опубликован: Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. Спб. 1878. С. 570—571.

¹ Тургенев А.И.

² Сиркур Адольф Мария Пьер (1801—1879), граф, французский историк и публицист.

№ 48 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Начало письма (две первые строки): Ед. 93. Л. 165 об.; окончание: Ед. 99. Л. 266—266 об. Впервые опубликовано: Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. Спб. 1878. С. 571.

¹ Смирнова (урожд. Россет) Александра Осиповна, (1809—1882), фрейлина, с 1832 г. жена дипломата Н.М. Смирнова, писательница, меценатка, приятельница Пушкина, Жуковского, Вяземского, Гоголя, Лермонтова.

² Копп (Коппе) И.Г.

⁴ Шереметева (урожд. Тютчева) Надежда Николаевна, (1774—1885), теща декабриста И.Д. Якушкина, тетка Ф.И. Тютчева.

№ 49 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 166—167. Впервые опубликовано (без последней фразы): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1464.

¹ По-видимому, Толстой Федор Иванович (1782—1846), граф, участник Отечественной войны 1812 г., отставной гвардейский офицер, игрок и авантюрист. Во время кругосветного путешествия вместе с И.Ф. Крузенштерном (1803—1806) был за свои подвиги высажен на Алеутских островах, за что получил прозвище “Американец”. Послужил прототипом А.С. Грибоедову (“Горе от ума”) и Л.Н. Толстому (“Два гусара”). Друг П.А. Вяземского, Д.В. Давыдова и К.Н. Батюшкова, был посредником в сватовстве А.С. Пушкина к Н.Н. Гончаровой. Умер 24 октября 1846 г.

² Языков Николай Михайлович (1803—1846), известный поэт, приятель Пушкина, Гоголя и Жуковского; умер 26 декабря 1846 г. в Москве.

³ Вероятно, Шерваль фон Валлен Аврора Карловна (1808—1902), баронесса, известная красавица, фрейлина, приятельница Пушкина, Вяземского, Боратынского; с 1836 жена богача П.Н.

Демидова, с 1846 замужем за сыном историка, Андреем Николаевичем Карамзиным.

№ 50 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 167. Публикуется впервые.

¹ Рейтерн, фон, Мария (Мия), младшая сестра жены Жуковского Елизаветы, умерла 12 февраля 1847 г. на 25 году жизни.

№ 51 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Начало (2/14 мая): :Ед. 93. Л. 167—167 об. Окончание (приписка от 7/19 мая): Ед. 99. Л. 267. Публикуется впервые.

¹ Воейков Иван Федорович (1785 (?)—?), участник Отечественной войны 1812 г., брат А.Ф. Воейкова (1778—1839), профессора русской словесности Дерптского университета, литератора, автора известной сатиры “Дом сумасшедших”.

№ 52 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 267—267 об. Впервые опубликован (фрагмент): Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. Спб. 1878. С. 572.

¹ Воейкова Екатерина Александровна (1815—1844), старшая дочь племянницы Жуковского А.А. Воейковой (урожд. Протасовой) и А.Ф. Воейкова.

№ 53. Письмо И.Ф. Воейкову. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Начало: Ед. 99. Л. 267 об. Окончание: Ед. 93. Л. 168. Публикуется впервые.

¹ Воейков Андрей Александрович (1822—1866), сын А.Ф. и А.А. Воейковых.

№ 54 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 168 об.—170 об. Впервые опубликовано (без характеристики Е.П. Ростопчиной и ее поэзии): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1465—1467.

¹ Великий князь Александр Николаевич

² Вероятно, Ливен Василий (Вильгельм) Карлович (1800—1880), барон, сын бывшего министра народного просвещения К.А. Ливена, в 1847 г. генерал-майор и генерал-адъютант, впоследствии генерал от инфантерии, член Государственного Совета.

³ По-видимому, Кавелин Александр Александрович (1793—1850), воспитатель цесаревича Александра Николаевича, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, с 1842 по 1846 Петербургский генерал-губернатор.

⁴ Карамзин Владимир Николаевич (1819—1879), сын историка Н.М. Карамзина, чиновник Министерства юстиции, впоследствии сенатор.

⁵ Полетика П.И. (См. № 15, примеч.1), здесь же Жуковский ласково называет его “Петрик”.

⁶ Ростопчина (Растопчина) (урожд. Сушкова) Евдокия Петровна (1811—1858), графиня, поэтесса, писательница. стихотворение “Насильный брак” (1845), осуждающее власть России над Польшей, Жуковский называет “Балладой”, а резкие, полемические отклики на нее — “Антибалладой”.

№ 55 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 171—171 об. Публикуется впервые.

¹ Мария Александровна (1824—1880), вел. кн., жена цесаревича Александра Николаевича (с 1841), урожденная Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, принцесса Гессен-Дармштадтская, впоследствии (с 1855) — императрица.

№ 56 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 171 об.—172. Публикуется впервые.

№ 57 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 172—173 об. Впервые опубликовано (без характеристики Д.К. Нессельроде и его жены): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1467—1468.

¹ Нессельроде Дмитрий Карлович (1816—1891), граф, сын министра иностранных дел Нессельроде К.В., статский советник, чиновник Министерства иностранных дел.

² Нессельроде (урожд. Закревская) Лидия Арсеньевна (1826—1884), графиня, дочь Московского генерал-губернатора А.А. Закревского, переводчица.

³ Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), писатель, славянофил.

№ 58 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 174. Публикуется впервые.

¹ В Дармштадте Жуковский провел у цесаревича Александра Николаевича целый месяц, до 13 августа 1847 г.

№ 59 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 174—175. Публикуется впервые.

¹ По-видимому, речь идет о болезни жены А.Я. Булгакова.

² Все лето и осень 1847 г. в Петербурге свирепствовала эпидемия холеры; отмечались случаи заболевания и в Москве, где пик холеры пришелся на лето 1848 г.

№ 60 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 175—176 об. Публикуется впервые.

¹ Известие о смерти второй жены А.Я. Булгакова.

№ 61 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Начало: Ед. 99. Л. 268—268 об. Окончание: Ед. 93. Л. 177. Впервые опубликован: Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. СПб. 1878. С. 577.

¹ Солнцев (Сонцов) Матвей Михайлович (1777—1847), камергер, чиновник особых поручений при Министерстве юстиции, был женат на тетке А.С. Пушкина — Елизавете Львовне, урожд. Пушкиной.

² Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт, баснописец, министр юстиции с 1810 по 1814 г.

³ Пушкин Василий Львович (1766—1830), поэт, дядя А.С. Пушкина.

⁴ Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), герой Отечественной войны 1812 г., военный деятель, генерал от инфантерии.

№ 62 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 177—177 об. Публикуется впервые.

№ 63 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 178 об.—179. Впервые опубликовано (без первого и последнего абзацев): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1470—1471.

¹ Речь идет о февральской революции в Париже и падении французской монархии, а также о политическом кризисе в Германских княжествах.

² Фрагмент из оды Жуковского “Певец на Кремле”, написанной в конце 1814 г. по случаю победы России в войне с Францией.

№ 64 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 179-179 об. Публикуется впервые.

№ 65 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 181. Публикуется впервые.

¹ Через неделю, 18 мая 1848 г., во Франкфурте на Майне открылось Германское Национальное собрание, которое 27 мая было провозглашено Учредительным собранием.

№ 66 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 179 об.—181. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1471—1472.

¹ Два стиха из песни И.И. Дмитриева “Стонет сизый голубочек”.

№ 67 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 181 об.—182. Впервые опубликовано (без двух предложений в постскрипуме): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1470—1471.

¹ Вероятно, имеется в виду статья В.А. Жуковского по поводу стихотворения П.А. Вяземского “Святая Русь” (1848 г.), связанного с революциями в европейских странах.

№ 68 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 182—184 об. Впервые опубликовано (в значительно сокращенном виде, без упоминания Вяземского и без стихотворения, помещенного в рукописи после адреса): “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1473—1474.

¹ Струве (Штруве) Густав (1805—1870), немецкий политический деятель, юрист, публицист, журналист, один из руководителей революции в Германии в 1848—1849 гг. В апреле 1848 г. возглавлял вооруженное восстание в Бадене, был членом франкфуртского предпарламента.. 21 сентября 1848 г. в Бадене было провозглашено Временное правительство во главе с Г. Струве. 24 сентября баденские повстанцы были разгромлены в сражении при Штауфене. Струве был осужден на 5 лет тюремного заключения, которое отбывал в Брухзале. В мае 1849 г. был освобожден в результате народного восстания, принял участие в новой баденской

революции и после ее неудачи бежал в Швейцарию, а затем в Америку.

² Речь идет о стихотворении Жуковского “К русскому великану”, написанному в первой половине 1848 г.

№ 69 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 184 об. — 186 об. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1474-1476.

¹ Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762—1848), бывший директор Московского университетского Благородного Пансиона, в котором учился Жуковский, впоследствии профессор и ректор Московского университета. Жуковский не знал, что Прокопович-Антонский умер от холеры в Москве 6 июля 1848 г.

² Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), великий русский писатель, приятель Жуковского.

³ Жуковский закончил работу над переводом “Одиссеи” Гомера 17 апреля 1849 г.

⁴ Помета в публикации этого письма П.И. Бартеневым: “Праздник в масках, у Московского генерал-губернатора графа Закревского, устроенный по мысли и заботами С.П. Шевырева”. (“Русский архив”. 1868 г. № 9. Стр. 1475).

⁵ Возможно, имеется в виду знаменитый замок Кенильворт в английском графстве Варвик, построенный в нач. XII в., который мог быть использован в качестве одного из аллегорических образов на московском празднике в масках.

⁶ Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), военный и государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 г., генерал-адъютант, министр внутренних дел (1828—1831), Московский генерал-губернатор (1848—1859).

№ 70 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 186 об.-187 об. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1476—1477.

¹ Сатурналия — древнеримский праздник в честь бога земледелия Сатурна, праздник всеобщего равенства: в этот день рабы уравнивались в правах с господами.

² Речь идет о первых томах 5-го издания Сочинений Василия Жуковского в 9 томах, приуроченного к 50-летию его писательской деятельности. Издание было завершено в конце 1849 г.

№ 71 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 187 об.-189. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1477-1478.

¹ Вероятно, Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), часть писем которого Жуковскому была опубликована в “Русском архиве” и о котором Жуковский в 1849 г. писал принцу П.Г. Ольденбургскому.

³ Гугерт, немецкий врач, услугами которого пользовались Жуковские в 1840-е годы.

⁴ Смерть 25 февраля 1849 г. дочери П.А. Вяземского Марии, которая была замужем за П.А. Валуевым (впоследствии министр внутренних дел, статс-секретарь, член Государственного Совета). В мае этого же года Вяземский получил известие о серьезной болезни сына Павла, сотрудника русской дипломатической миссии в Турции, и выехал вместе с женой в Константинополь. После выздоровления сына, в августе 1849 г. супруги Вяземские совершили путешествие в Трою и Египет, а в 1850 г. — паломничество в Палестину, ко Гробу Господню.

⁵ Густав Струве (Штруве) был освобожден 24 мая 1849 г. Вскоре после этого — 10 июня — состоялось открытие Баденского революционного учредительного собрания в Карлсруэ и провозглашение республики.

№ 72 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 189-189 об. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1479.

¹ Михаил Павлович, умер 28 августа 1849 г. в Варшаве.

² Орденом Белого Орла (один из высших орденов империи, которым награждались лица, имевшие чин не ниже тайного советника) В.А. Жуковский был награжден 30 августа 1849 г.

№ 73 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 189 об.-190. Впервые опубликовано: “Русский архив”. 1868 г. № 9. С. 1479-1480.

¹ До 1 февраля 1918 г. (реформа календаря в Советской России) в Европе и в России празднование Рождества Христова происходило одновременно — 25 декабря.

² Дети Жуковского, дочь Александра и сын Павел.

№ 74 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 190 об. Публикуется впервые.

№ 75 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Начало: Ед. 93. Л. 190 об. Окончание: Ед. 99 Л. 269. Публикуется впервые.

¹ Имеется в виду П.А. Вяземский, находившийся в конце 1849 и в 1850 г. в Египте и Малой Азии.

№ 76. ОПИ ГИМ. Ф. 445 Ед. 99. Л. 269-270 об. Впервые опубликовано (со значительными изъятиями): Жуковский В.А. Сочинения. 7-е изд. Т. 6. СПб. 1878. С. 585-586. Первая полная публикация (по автографу из коллекции Ю.Г. Оксманна. РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. 282.): Альманах "Российский Архив". Вып. 1. М. 1991. С. 44.

¹ Пальмерстон Генри-Джон-Темпль (1784—1865), лорд, крупный английский государственный деятель, министр иностранных дел (1830—1851), возглавлял правительство Велиитании (1855—1865). Поддерживал либеральные течения в европейских странах и приветствовал революцию конца 1840-х гг. Последовательно проводил жесткую антироссийскую политику, что особенно проявилось во время Крымской войны 1853—1856 гг.

² С 31 марта по 3 апреля 1848 г. проходили заседания предпарламента во Франкфурте на Майне; 18 мая там же открылось Германское Национальное собрание; которое было распущено после подавления восстания республиканцев прусскими и австрийскими войсками 18-19 сентября 1848 г.

³ Возможно, имеется в виду работа Жуковского над переводом "Илиады" Гомера, которая осталась незаконченной (переведены первые 600 стихов).

⁴ Остенде и Схевенинген (Шевенинген) — знаменитые морские купания на Северном море, в Южной Голландии.

№ 77 Письмо Н.В. Гоголя А.Я. Булгакову. 24 марта <1850>. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 191. Публикуется впервые.

¹ Речь идет о письме Жуковского Булгакову от 3/15 марта 1850 г.

№ 78 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 194-194 об. Впервые опубликовано (без последнего абзаца): "Русский архив". 1868 г. № 9. С. 1480-1481.

¹ Цесаревич Александр Николаевич, воспитанник Жуковского. (См. № 10, примеч. 2).

² Зонтаг (урожд. Юшкова) Анна Петровна (1785—1864), племянница Жуковского, детская писательница.

№ 79 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 191—191 об. Публикуется впервые.

¹ Вероятно, вышедшая в июне 1850 г. брошюра Жуковского "Йосиф Радовиц", посвященная реформаторской деятельности прусского государственного деятеля и публициста Йозефа фон Радовица (1793—1853).

№ 80 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 93. Л. 191 об.-193. Впервые опубликовано: "Русский архив". 1868 г. № 9. С. 1481—1483.

¹ Жуковский, вероятно, обыгрывает начало одной из последних записей героя "Записок сумасшедшего" Гоголя: "Числа не помню. Месяца тоже не было. Было чорт знает что такое".

² Помета в публикации П.И. Бартенева: "Булгарин назвал Жуковского в своей Сев. Пчеле звездой первой величины. Говорят, что однажды кто-то пробрался в типографию, где печаталась Северная Пчела и в заголовке газеты вместо буквы ять поставил к. Номер так и вышел в свет". (Т.е. с названием "Скверная Пчела" — А.А.). ("Русский архив". 1868 г. № 9. С. 481).

³ Ливонские Афины — так Жуковский назвал университетский город Дерпт (ныне эстонский город Тарту, который с 1030 до 1224 и с 1893 по 1919 г. назывался Юрьевым). Летом семья Жуковского решила переехать на жительство в Дерпт, но из-за болезни это намерение осталось неосуществленным.

⁴ Императрица Александра Федоровна.

⁵ Фридрих-Вильгельм I (1802—1875), с 1847 г. курфюрст Гессен-Касельский. В 1850 г. отправил в отставку либеральное правительство Эбергарда, что послужило причиной политического кризиса и вызвало народное движение,

которое было подавлено лишь при помощи прусских войск.

№ 81 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Начало: Ед. 93. Л. 193-193 об. Окончание: Ед. 99. Л. 271. Публикуется впервые.

¹ П.А. и В.А. Вяземские возвратились в Россию из путешествия в сентябре 1850 г. 21 октября в Москве был дан литературный обед в честь П.А. Вяземского.

№ 82 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 271-271 об. Копия рукой А.Я. Булгакова. Публикуется впервые.

№ 83 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 273. Копия рукой А.Я. Булгакова. Публикуется впервые.

¹ Дата приписана простым карандашом. На полях помета: "поместить после сожженного письма".

№ 84 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 271 об. Копия рукой А.Я. Булгакова. Публикуется впервые.

¹ Число и месяц (5 Авг.) приписано А.Я. Булгаковым.

№ 85 10/22 августа 1851. <Баден-Баден>. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 271 об. 272. Копия рукой А.Я. Булгакова. Публикуется впервые.

¹ Приписка А.Я. Булгакова: "Писано карандашом как и предыдущее".

№ 86 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 272. Копия рукой А.Я. Булгакова. Публикуется впервые.

¹ Приписка А.Я. Булгакова: "Писано карандашом".

№ 87 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 272. Копия рукой А.Я. Булгакова. Впервые опубликовано: Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 7-е. т. 6. Спб. 1878. С. 590.

¹ Приписка А.Я. Булгакова: "Писано также карандашом".

² В августе 1851 г., после резкого обострения нервной болезни, П.А. Вяземский выехал за границу для лечения (Берлин, Гаага, Париж).

№ 88 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 272-272 об. Копия рукой А.Я. Булгакова. Подлинник этого письма сохранился в Чертковском собрании ОПИ ГИМ (Ф.445. Ед. 228. Л. 90-91 об.). Публикуется впервые.

¹ Полторацкий Сергей Дмитриевич (1803—1884), известный библиофил и библиограф.

² Бартенов Петр Иванович (1829—1912), филолог, историк, первый пушкинист, издатель журнала "Русский архив". С конца 1851 до сер. 1852 г. жил в Петербурге в качестве учителя внуков Д.Н. Блудова. В это время обсуждался вопрос о возможности занятия Бартеновым места секретаря В.А. Жуковского или учителя его детей. Об этом говорится и в письмах Бартенева своему другу П.А. Бессонову за январь-апрель 1852 г., опубликованных в альманахе "Российский Архив". Вып. ММV. М. 2007. С. 268-274.

³ Кошелев Александр Иванович (1806—1883), общественный деятель, славянофил, публицист, один из учредителей журнала "Русская беседа".

⁴ Коссович Каэтан Андреевич (1815—1883), филолог, приятель П.И. Бартенева, в нач. 1850-х научный редактор при Петербургской Публичной библиотеке, впоследствии профессор Петербургского университета.

№ 89 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 99. Л. 273. Копия рукой А.Я. Булгакова. Подлинник этого письма (с подписью Жуковского) сохранился в Чертковском собрании ОПИ ГИМ (Ф.445. Ед. 228. Л. 92 об.-93). Публикуется впервые.

¹ Вероятно, одно из последних стихотворений Жуковского, завершённое в декабре 1851 г., "Царскоесельский лебедь".

² Вигель Филипп Филиппович (1786—1868), мемуарист, приятель Пушкина и Жуковского, член общества "Арзамас" (прозвище "Ивиков Журавль").

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аксаков С.Т. 417
Абрамов В. 417
Абрикосов 185—187
Абрикосова (урожд. Оболенская) М.Л. 185
Абросимов В.В. 306, 307, 318
Август II, король Польский 17
Авинов Н.Н. 128
Авинова (урожд. Новосильцова) М.Ю. 128
Авчинников Н.Н. 127
Агафонов Б.Н. 430
Адельгейм 173
Аджемов М.С. 297
Айнутдинова Л.М. 417
Акоронко И.И. 91, 101
Аксакова-Сиверс Т.А. 158
Акшиков А.Г. 417
Алейников А.Ф. 401, 403
Александр I 20, 161, 496, 546
Александр II 110, 113, 116, 123—125, 162, 492, 500, 502, 503, 507, 513, 515, 520—523, 535, 543, 545, 546, 549, 550, 552
Александр III 96, 124
Александр Николаевич, вел. кн. см. Александр II
Александра Николаевна, вел. кн. 501, 515, 545
Александра Федоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина), имп. 506, 507, 514, 515, 537, 546, 547, 552
Александра Федоровна, имп. 68, 70, 122, 135, 139, 157, 166, 169, 302, 411
Алексеев Г.А. 15, 133
Алексей Николаевич, вел. кн., цесаревич 125, 126, 128, 139, 142, 163, 167, 302
Анастасий (в миру Александр Алексеевич Грибановский), митр. 22, 24, 128, 164, 165, 481
Андре А. 149
Андре А.Ф. см. Шлиппе А.Ф. 17
Андре (урожд. Зенфт фон Пильзах) М. 17, 158
Андре (урожд. Лангер) И. 149
Андре Фр. А. 17, 158
Андреев Н. М. 60, 79, 83
Андреевский 109
Анна Иоанновна, имп. 32
Анциферов Н.Н. 400, 431
Аристов И.Н. 209, 210, 418
Арсеньев В.С. 169, 195
Арцыбашев А.М. 210, 211
Арцыбашев Д.П. 213—216, 224, 230, 252, 281, 306, 307, 319, 321, 323, 325, 331, 332, 336, 341, 373, 374, 376, 419, 427
Арцыбашев П.Н. 213
Аухаген О. 93, 161
Афанасенко 49, 108, 172
Афанасьев А.К. 553
Бадмаев П.А. 144, 166, 167
Баженов М.С. и С.М. 387, 415
Базилевский П.А. 111
Базили Н.А. 435, 438—440, 442
Балаклиец 38, 40, 49, 50
Балмашев С.В. 156
Бантыш 70
Бапст И.Н. 107
Баранцевич 146
Бартенев П.И. 488—490, 540—542, 544, 551—553
Бартрам Н.Д. 125, 128, 166
Барятинская (в замуж. Шувалова) Ел.Вл. 35
Батюшков К.Н. 548
Бахметев 62
Бекетов С.А. 226, 350, 420
Белоголовов А. Н.

- Белькович В.Н. 227, 230, 324, 336, 337, 427
Белькович Н.Н. 227, 230
Белькович П.Н. 213, 218, 230
Беляев Н.Ф. 95
Беляков Н.Ф. 402, 431
Берг А.П. *см.* Шванебах А.П.
Берг В.Г. 178
Берг Г.В. 101, 146, 176, 197
Берг Е.П. 170, 178
Берг С.П. 160
Бергман (урожд. Шлиппе) С.А. 31, 55, 144, 150, 167, 176, 194
Бергман Г.А. 35, 69, 132
Бергман Е.Эм. 144, 150, 167, 176
Беренс (урожд. Рабенек) Э.И. 154
Беренс Е.А. 66
Беренс М. Э. *см.* Шлиппе М.Э
Беренс Э А. 55, 101, 154, 162, 170
Берстель (урожд. Евсевьева) О.А. 216, 235, 420
Берстель К.П. 213, 215, 216, 235, 273, 278, 312, 314, 315, 321, 323, 332, 372, 383, 419, 426
Берстель П.И. 235
Берстель Ю.Е. 383
Бессонов П.А. 553
Безр М.В. 542
Бир А.Ф. 92, 127
Бисмарк О. 53
Бисмарк, помещик 79, 159
Благодаров А.Н. 303–307, 324, 332, 368, 372, 373, 379, 380, 382
Бландовы В.И. и Н.И 85, 160
Блудов Д.Н. 491, 542, 553
Боборыкин П.Д. 49
Бобринский В.А. 297, 302
Боголепов Н.П. 37, 39, 152
Боголюбов Н.П. 422
Богородский А.Я. 288, 427
Богров (Багров) 406
Боде (Боде-Колычев) Л.К. 499, 545
Бойцов П.С. 87, 101, 146, 160
Боратынская (урожд. Шипова) Н.Д. 383, 420
Боратынский 548
Боратынский А.Н. 213, 217, 218, 224, 230, 248, 266–268, 270–273, 277–279, 286–288, 291, 317, 334, 335, 340, 347, 348, 350, 380, 388, 391, 419, 424, 426, 427
Боратынский Е.А. 216
Боткин С.Д. 9, 10
Боярский П.М. 393, 394, 414, 430
Брентано проф. 68, 70
Брод А. 417
Брэндстрем Э. 166
Брянский В.Д. 134
Будберг А.А. 118, 163
Булгаков А.Я. 487–553
Булгаков П.А. 487, 488, 489
Булгаков Я.И. 487
Булгакова (в замуж. Долгорукова) О.А. 502, 504, 544, 546
Булгарин Ф.В. 552
Булич П.К. 223
Бульгин А.Г. 426
Бульго 192, 193
Бурсиан В.Г. *см.* Шлиппе В.Г.
Бурсиан В.О. 69, 178, 194, 197
Бурсиан Н. 11
Буткевич Е.А. 168
Бутлеров А.М. 342
Буторов И.А. 421
Буш А.Х. 421
Бушмакин М. 417
Бэк Мармарчев 187

Вавиловы 441
Вазем, лесничий 59
Валицкий 32
Валуев П.А. 551
Вальтер И. 43, 153
Ванлярская Н.Ф. 155
Варнеке Б.В. 288, 427
Варун-Секрет С.Т. 172
Васильев А.В. 208, 265, 275–277, 418, 424
Васильчиков А. 445, 447, 448, 454, 455, 476, 478
Васильчиков Б.А. 81, 159
Вебер А.Е. 181
Ведищев В. 190, 191, 193
Веневитинов А.В. 494, 544
Вера Константиновна, книж.имп. крови 12
Верещагин В.В. 68, 164
Вернандер К.Р. 32
Вернер, проф. 47
Виарис, де (в замуж. Тургенева) К.Г. 547
Вигель Ф.Ф. 542, 553
Виельгорская (в замуж. Веневитонова) А.М. 494, 544
Виельгорский М.Ю. 544

- Виельгорский Мих.Ю. 494, 544
 Викулин С.А. 500, 545
 Вильгельм, имп. Германии 68, 172, 196
 Вильзар К.К. 30,
 Вильямс В.Р. 46, 48, 65, 120, 154
 Витте Г.Г. 335
 Витте С.Ю. 54, 73, 76, 84, 85, 115, 154, 155, 158, 160, 263, 268, 408, 417, 424
 Владимир Александрович, вел. кн. 157
 Власов А.А. 14
 Вогау (в замуж. Шлиппе) А.Г. 63, 150, 166
 Вогау Г.М. 59, 142, 143, 155, 171
 Вогау М. 59, 155, 166
 Воейков А.А. 520, 549
 Воейков А.Ф. 549
 Воейков И.Ф. 487, 518—520, 522, 549
 Воейкова (урожд. Протасова) А.А. 543, 549
 Воейкова Е.А. 519, 520, 549
 Волконская, кн. 58
 Волконские 68
 Волконский В.М. 86, 126, 296
 Волконский Н.С. 290, 297
 Вологодский П. 163
 Воронов, полк. 79,
 Воронова (урожд. Потемкина) А.В. 79
 Воронцова-Дашкова Ел.А. 137, 138
 Воронцов-Дашков Илл.И. 103, 104, 137, 138, 162
 Врангель П.Н. 160, 196
 Врубель М.А. 87
 Вульферт (Шереметевская) Н.С. 167
 Выборни В.А. 80, 116, 130, 139, 341
 Вырубный 38
 Вырубов В.В. 133, 139, 402, 403
 Вяземская (в замуж. Валуева) М.П. 551.
 Вяземский П.А. 487, 488, 494, 501, 507, 508, 510—513, 525, 526, 528, 529, 532, 535, 537—540, 542, 544, 547, 548, 550—553
 Вяземский П.П. 551

 Гааз Ф.П. 496, 544
 Гаврилов Н.А. 388
 Галяшкин А.Н. 149
 Галяшкин К.А. 175
 Галяшкина (ур. Шлиппе) Е.К. 25, 41, 149, 156
 Гантерт А. 174
 Гартъе Н. Ф. 150
 Гасман А.Г. 161
 Геббельс Й. 11
 Гегечкори 297
 Гейден П.А. 281, 283, 426, 428
 Геловани, кн. 138
 Гельерблом, пастор 68
 Гельциг Р.В. 26—28, 50
 Георг Август, герцог Мекленбург-Стрелицкий 154
 Георгий Александрович, вел.кн. 167
 Гербель С.Н. 399, 400, 413, 431
 Геркен П.И. 207, 213, 218, 220, 221, 230, 265, 266, 273, 275, 277, 278, 281, 287, 288, 303, 319, 320, 323, 341, 355, 418, 424, 425, 427
 Геркен Ю.С. 308, 309
 Гермоген, патриарх 468
 Гершельман Б. 466
 Гиацингов Н.Е. 350—352
 Гизи К. 196
 Гитлер А.11—14
 Глебов 297
 Глинка Г.В. 140, 141, 301, 384, 387—389
 Глоба Н.В. 337
 Гнедич Г.П. 127
 Гоголь Н.В. 32, 33, 487, 531, 532, 535, 545, 548, 551, 552
 Годнев И.В. 288, 289, 297, 300
 Голицын А.Д. 290, 297
 Голицын А.Н. 496, 497, 502, 544, 546
 Голицын Д.В. 100, 162, 499, 545, 547
 Головин Ф.А. 80, 115, 159, 264, 348—351, 355
 Голубниченко П.А. 92, 127, 161
 Гончаров Д.Д. (мл.), 40, 153
 Гончаров Д.Д. (ст.) 153
 Гончаров Н.И. 161
 Гончарова (ур. Бергман) В.К. 153
 Гончарова (урожд. Шлиппе) О.К. 153
 Гончарова Н.Н. 548
 Гончарова О.Б. см. Мещерская О.Б.
 Горбатов К.И. 169, 195
 Горбовы, семья 185
 Горемыкин И.Л. 158
 Горталов А.П. 210, 212, 287, 342
 Горталов И.П. 210, 212
 Горький А.М. 195
 Грабский Вл. 110, 120, 162
 Градовский 446
 Грибоедов А.С. 543, 548
 Гримм К.Н. 315, 316, 355, 402
 Гриневицкий И. 162

- Грузинов А.Е. 80, 111, 116, 120, 121, 125, 130, 142, 163, 341, 355
Гутерт 532, 536, 537, 540, 551
Гузовский Б.И. 236, 237, 245, 253, 417, 421
Гумбольдт А. 16
Гурко В.И. 165, 319
Гутерц А.В. 24
Гучков А.И. 281, 283, 290, 292, 293, 295, 296, 404, 405, 428
Гучков Н.И. 112, 136, 159, 163, 281, 404, 405, 413, 431
- Давыдов Д.В. 548
Давыдов И.И. 503, 546
Данилов Н.М. 393
Дарвин Ч. 152
Дейбнер 103
Дельвиг А.С. 266
Делянов И.Д. 37
Демерт Н.А. 227, 340, 420
Демидов А.А. 211
Демидов П.А. 211, 419
Демидов П.Н. 549
Демидов С.В. 322, 368, 369–372, 386–389, 430
Демидов Э.П., кн. Сан-Дonato 195
Демчинский Н.А. 108, 162
Деникин А.И. 172, 184, 196
Джунковский В.Ф. 77, 80, 84–86, 88, 91, 97–99, 107, 111, 116, 123, 126, 137, 159, 161, 186
Джунковский Н.Ф. 137
Дзержинский Ф.Э. 154
Дмитриев 48, 183
Дмитриев И.И. 525, 527, 550
Дмитрюков 297
Добронравова С.Ф. 420
Догель И.М. 224
Догель М.И. 224, 225, 230, 420
Докучаев В.В. 16
Долгоруков А.С. 502, 544, 546
Долгоруков В.А. 134, 165
Долгоруков П.Д. 172, 173, 196, 281
Долгорукова, кн. 87
Долгоруковы 68
Домашевич 310
Дояренко А.Г. 38, 48, 154
Дубовской Н.Н. 195
Дурново (в замуж. Скоропадская) А.П. 174
Дурново П.П. 124, 164, 174
- Дымша 295
Дьяченко С.В. 207, 208, 210, 224, 334, 418
- Евреинов В.В. 124
Евсеев И.А. 227, 340
Евсеева (в замуж. Мельникова) А.А. 216, 420
Евсеева (в замуж. Образцова) Э.А. 235
Екатерина II 20, 132, 478, 496, 502
Екатерина Михайловна, вел. кн. 54, 154
Екатерина Павловна, королева Вюртембергская 514, 548
Елагин А.А. 491, 542
Елагин В.А. 542
Елагина (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) А.П. 542, 499, 502, 509, 512, 525–527, 540–542, 545
Елена Павловна, вел.кн. 154, 155
Еленев П.Ф. 55
Елизавета Федоровна, вел. кн. 38, 52, 71, 135, 142, 157
Ермолов А.П. 525, 550
Ермолов А.С. 49, 67, 73, 120, 154
Ермолова М.Н. 38
Ефремов И.Н. 428
- Жеребцов А.С. 248, 422
Жеребцова-Еврейнова А.Г. 55
Жуковская (в замуж. Верман) А.В. 494, 505–507, 533, 543, 551
Жуковская (урожд. Рейтерн) Е.Е. 494, 505–507, 516, 518, 521–523, 525–527, 532, 534, 535, 543, 548, 549
Жуковский В.А. 487–553
Жуковский П.В. 502, 503, 505, 518, 533, 546, 551
- Заговалло (в замуж. Фальц-Фейн) С.Ст. 151
Загряжская (урожд. Рауумовская) Н.К. 496, 497, 544
Закревский А.А. 531, 549, 551
Закс 36
Засецкий Н.А. 308, 376–380, 382, 430
Зауэр 310
Захарьевский А.И. 227, 288, 420
Звегинцев Н.А. 290, 297
Зворыкин П.П. 65
Зелинский Н.Д. 36
Зеринг М. 93, 161

- Зернов Д.Н. 36
 Зиновьев И.Кл. 236, 237, 259, 421
 Зноско-Боровский А.А. 92, 172
 Зонтаг (урожд. Юшкова) А.П. 536, 552
 Зубков К.П. 251, 253, 422
- Ивашкин 55**
 Иверонов И.А. 161
 Игнатъев 190
 Игнатъев П.Н. 10, 101, 103, 106, 108, 110–112, 118, 148, 162, 173, 195, 301, 330
 Иксуль В.И. 318
 Ильин Б.П. 227, 228, 331
 Ильин И.А. 466
 Ильинский Н.В. 53
 Иоанн Грозный 142
 Искрицкий М.А. 290, 297
 Иславин М.В. 399, 400
 Истомин 122
- Каблуков И.А. 36**
 Кавелин А.А. 521, 549
 Казанцев А.С. 13
 Казем-Бек Л.А. 213, 220, 224, 230, 420
 Казем-Бек Н.А. 213, 220, 230, 277, 319, 397, 426
 Казем-Бек Над. Ген. 224
 Казин Ф.Н. 392
 Кайзер, проф. 43
 Калантар 53
 Калинин И.П. 308, 374, 375, 383
 Каляев Н.П. 71, 152
 Каменский П.В. 282
 Каншин 77
 Капнист И.И. 290, 297
 Капустин М.Я. 288, 289, 292, 293, 297, 427
 Карамзин А.Н. 549
 Карамзин В.Н. 521, 549
 Карамзин Н.М. 496, 525, 544, 547, 549
 Карамзина (урожд. Кольванова) Е.А. 510, 547
 Карахан Л.М. 176
 Карл V 16
 Карнацы В.Ф., Р.Ф. 177, 197
 Карпинский А.П. 41
 Карпов Г.Г. 125, 295
 Карпов М.С. 90, 101, 190
 Карпович П.В. 152
 Карташев А.В. 460, 468
 Карякин В.А. 288, 289, 345, 346, 428
- Касаткин-Ростовский 281, 282, 426
 Каульбарс А.В. 70, 157
 Каульбарс Н.В. 157
 Квакин А.В. 18
 Келлер, пастор 194
 Кёниг И.Г. 181, 197
 Кёниг Л. (мл.) 197
 Керенский А.Ф. 294, 295, 297
 Киннерслей 545
 Киреев А.Д. 501, 545
 Киреевский И.В. 532, 542, 545, 551
 Киреевский П.В. 542, 545
 Кирилл Владимирович, вел. кн. 68, 157
 Киселев А.А. 195
 Киселев гр. 66
 Кистяковский И.А. 172
 Клиngen И.Н. 148, 167
 Ключевский В.О. 37, 444, 467, 468
 Ключников 309
 Ковалевский В.И. 321–323, 326
 Ковалевский Е.П. 297
 Ковалевский Н.В. 236, 237, 421
 Козаков А.В. 21
 Козаков М.А. 23
 Козлов П.К. 151
 Коковцов В.Н. 298, 343, 351, 352, 406
 Колбецкая 383
 Колбецкий В.Д. 225, 420
 Кологривова (урожд. Голицына) Е.М. 497
 Колокольцов 172
 Колчак А.В. 8, 18, 229, 230, 308, 414
 Колюбакин Б.М. 281, 286, 287
 Кони А.Ф. 93, 151
 Констан Б. 152
 Константинова С.А. 421
 Коншин С.Н. 142
 Копп (Коппе, Коппель) И.Г. 506, 517, 521, 522, 536, 546, 548
 Копылов Б.Ф. 127
 Коркунов Н.М. 469, 478
 Коровин К.А. 152
 Коропачинский (Каропачинский) П.Ф. 356, 389, 402
 Корчинский С.В. 161
 Косов Н.Ф. 190
 Косов Ф.М. 69, 70, 72, 93, 190, 191
 Коссович К.А. 489, 540, 553
 Костомаров Н.И. 468
 Котляревский С.А. 38

- Кофод А.А. 85, 86, 88, 127, 160, 161
Кох, инспектор 32
Кочубей А.В. 491, 542
Кошелев А.И. 540, 542, 553
Крапоткин А.А. 213, 220, 221, 230, 287
Краснов А.Н. 44, 153
Краснов П.Н. 14, 44, 153, 172, 196
Красовский 55
Крегер 190, 191
Кржижановский Г.М. 121, 122, 164
Кривошеин А.В. 77, 82, 88, 92, 93, 99, 104, 106, 108, 110–112, 127, 141, 143, 160, 161, 170, 232, 247, 299, 301, 302, 330, 351, 367, 385, 387
Крузенштерн И.Ф. 548
Крупенский П.Н. 297
Крылов И.А. 365
Крымов В.П. 48, 49, 154
Крюденер-Струве А.А. 177, 197
Крюков 81, 86, 101
Кутушев, кн. 402
Кузьмин-Караваев В.Д. 281
Кукол-Яснопольская Нат. 156
Куприянов В.П. 209, 265, 277, 316, 425
Куприянов П.Х. 209
Куприянова Н.П. 316, 317
Куракин И.А. 297
Курбатов М.Н. 228, 229, 384
Курбатов Н.П. 228
Куурлов П.Г. 167
Куропаткин А.П. 70, 71, 157
Кюстин Адольф, де 498, 545
- Лазарева (урожд. Бестужева) Н. В. 22
Лампе А.А., фон 9, 12, 197
Ланге И. В.
Лебедев А.А. 212, 310, 419
Левицкий А.П. 116, 163, 183
Ледницкий 295
Леман К.Р. 184
Леман Л.Г. см. Шлиппе Л.Г.
Леман Р.А. 95, 96
Ленин В.И. 287, 294, 297, 389, 406, 408
Ленин С.Н. 412
Леонтьев 133
Лермонтов М.Ю. 548
Лессинг (в замуж. Гизи) И. 196
Лессинг Г. (мл.) 196
Лессинг Г. 175, 194, 196
Лессинг Левинсон 44
- Ливен В.К. 521, 549
Ливен К.А. 549
Ливен, кн. 197
Лизогуб Ф.А. 124, 125, 172, 403, 431
Линдрот А.Ф. 492, 498, 545
Линевич Н.П. 71, 157
Липская Л.В. 173, 174
Лисицын П.А. 28
Лист Ф. 497, 498, 545
Лобачевский Н.И. 21
Лодыженский А.И. 432
Лопухин И.В. 496, 544
Лоранс Ж.-П. 152
Лощенков И.С. 77, 107, 161
Луганин, полк. 52
Лужин И.Д. 512, 547
Лукашевич П. 153
Лыкошин А.И. 161
Львов Г.Е. 8, 114, 130–134, 163, 165, 282, 293, 315–317, 360–366, 403, 414, 416, 428–431
Львов Н.Н. 311, 428
Львовы 68
Людендорф Э.Ф. 196
Людовик II, король Баварии 50
Людоговский М.М. 80, 116
Лютц (Люц) Л.Б. 174, 290
Ляпунов В.В. 211, 212, 265
Ляшковская Е.К. 38
- Майдель Г. 543
Макаров А.А. 429
Макаров С.О. 68, 157
Макаров С.С. 426
Маклаков В.А. 130, 287, 297
Маклаков Н.А. 123, 129, 130, 164, 185, 355
Макс, принц Баденский 196
Малама В. 36
Малинин В.Ф. 135
Мальдзиневич С.О. 25
Манташев Г.А. 167
Мария Александровна, вел. кн. 521–523, 549
Мария Павловна (ст.), вел. кн. 68, 157
Марков Н.Е., 2-ой 297
Марковников Вл.Вас. 419
Марковников Вл.Вл. 213, 221, 222, 230, 262–266, 270, 288, 347, 348, 353, 355, 419, 424
Маркс К. 154, 408
Марченко А.П. 69–71
Маслов С.Н. 109, 123, 185, С.Н. 364, 403

- Маттерн 86
 Матюнин 297
 Мащнева 508, 510, 524, 547
 Мекк (Давыдова) А.Л. 166
 Мекк К.Ф. 166
 Мекк Н.К. 136, 166, 333, 345, 347—353, 389, 407
 Мекк Н.Ф. 166
 Мекленбург-Стрелицкая Е.Г. 54, 155
 Мекленбург-Стрелицкий Г.Г. 54, 55, 155
 Мекленбург-Стрелицкий М.Г. 54, 155
 Меленевский А.Т. 16
 Мельгунов Н.А. 511, 512, 547
 Мельников А.М. 21
 Мельников Г.Н. 19, 283, 305
 Мельников Д.Н. 19, 283
 Мельников И. М. 20
 Мельников М.И. 20, 21, 199, 203, 213, 418
 Мельников Н.А. 7, 13, 15, 18—24, 123, 124, 164, 198—484
 Мельников Н.М. 21, 216, 420
 Мельникова (в замуж. Шлиппе) К.Н. 198, 283, 381, 417
 Мельникова (урожд. Козакова) М.А. 19—21, 23, 234, 261, 381
 Мельникова (урожд. Скрыпина) М.А. 21
 Мельникова В.Н. 283
 Мельниковы Н.Н. и П.Н. 19, 20, 283
 Мензбир М.А. 36
 Меншуткин 50
 Мечников И.И. 421
 Мещерская (в замуж. Татищева) Е.Б. 95
 Мещерская (в замуж. Гончарова) О.Б. 95, 161
 Мещерский С.Б. 94
 Миклухо-Маклай Н.Н. 150
 Милюков П.Н. 142, 166, 172, 283, 286, 287, 291, 293—297, 300, 362, 420, 428
 Минин 119
 Минор Л.С. 143
 Митчерлих 16
 Михаил Александрович, вел. кн. 148, 167
 Михаил Николаевич, вел. кн. 513, 548
 Михаил Павлович, вел. кн. 154, 155, 498, 533, 545, 551
 Михаил Федорович, царь. 112, 122
 Михайлов 134
 Михайлов-Двинский А.Е. 279, 426
 Михалевский П.Н. 155
 Мойер (в замуж. Елагина) Е.И. 542
 Мойер И.Ф. 490—492, 542, 543
 Молоствов А.В. 225, 230
 Молоствов В.В. 225, 334, 376, 377
 Молотов В.М. 438
 Морозов С.Т. 87, 132, 134, 165, 239, 302, 366
 Морозовы 68
 Морозовский И.И. 140, 163, 166
 Музиль А.А. 38
 Мунтян М. 127
 Муравьев Н.Л. 116, 140, 141, 163, 175
 Мусина-Пушкина Е.В. 172, 173, 180
 Мусин-Пушкин В.В. 91, 148, 167
 Мусоргский М.П. 150
 Муссолини Б. 459
 Мятлев И.П. 141

 Набоков В.Д. 10, 286
 Набокова (урожд. Фальц-Фейн) Л. 171
 Нансен Ф. 10
 Нарожницкий М.А. 80, 116
 Нарышкин А.Ф. 70, 92
 Нарядчиков Н. 59
 Наумов А.Н. 412—414
 Наумов Д.А. 115
 Неверов А.Н. 161
 Неклюдов, П.А. 290, 300
 Некрасов Я.И. 135, 143, 144
 Нератов А.А. 229, 230, 342
 Нессельроде (урожд. Закревская) Л.А. 522, 549
 Нессельроде Д.К. 522, 549
 Нессельроде К.В. 549
 Нефедьева А.И. 509, 510, 547
 Нечаев-Мальцов Ю. С. 148, 167, 170, 172, 173, 195
 Николай I 7, 305, 492, 498, 513, 515, 520, 523, 531, 535, 543, 545, 546, 548
 Николай II 34, 68, 73, 74, 93, 96, 102, 116, 122—128, 131, 132, 134, 139, 148, 157, 158, 166, 167, 195, 196, 270, 282, 296, 301, 302, 345, 346, 408—411, 428
 Николай Александрович, вел. кн. 498, 499, 545
 Николай Николаевич, вел. кн. 157, 166, 431, 513, 548
 Новиков В.Н. 459
 Новорусский М.В. 152

 Оболенские А.П. и М.А. 504, 546
 Оболенские, княжны 86

- Образцов В.В. 249, 259, 421, 422
Образцов В.И. 235, 236, 258, 395, 421—423
Оксман Ю.Г. 552
Олсуфьев Д.А. 174, 360
Ольга Николаевна, вел. кн. 498, 516, 522, 545, 548
Ольденбургский А.П. 135, 165, 166
Ольденбургский П.Г. 551
Орловы 21
Останков П.М. 211, 212, 220, 419
Остроумов В.Н. 169, 195
Остряков А.Н. 288, 428
Остряков Н.А. 288, 309, 310, 339, 340
Отъе Л. 26, 28
- Павел I 20, 545, 548
Павлов А.П. 36, 37, 41, 45
Пак, инспектор 32
Пален К.И. 153
Пальмерстон Г. 534, 552
Панфилов П.Б. 308
Патрикеев, гласный 111
Пенинский Д.В. 288
Пергамент О.Я. 297
Перцов В.В. 307, 337, 347, 348, 353, 417, 423, 429
Петерс 68
Петкевич В.И. 347
Петлюра С.В. 172, 174, 196
Петр I 32, 96, 233
Петрункевич И.И. 281, 282, 426
Платонов С.Ф. 468
Плеве В.К. 67, 153, 156
Плотников А.Н. 229, 230, 334, 415
Погодин М.П. 510, 547
Покровский Н.Н. 161
Полетика П.И. 495, 504, 521, 544, 546, 549
Поливанов А.А. 343
Полнер Т.И. 360
Полторацкий С.Д. 540, 541, 553
Польский М. 441, 442, 448, 462
Потемкины 79
Похвиснев М.Н. 507, 547
Правдин 38
Принцип Г. 165, 430
Прокопович-Антонский А.А. 530, 551
Протасова (в замуж. Мойер) М.А. 542, 543
Протасова (урожд. Бунина) Е.А. 491, 509, 517, 543
- Протопопов В.А. 253, 254, 423
Прянишников Д.Н. 46, 153, 154
Прянишников Ф.И. 494, 543
Пуришкевич В.М. 297
Пушкин А.А. 128
Пушкин А.С. 128, 149, 266, 309, 491, 496, 543—548, 550, 553
Пушкин В.Л. 525, 550
Пушкин С. Л. 491, 542, 543
Пущин Л.И. 92, 109
Пфалер Т. 156
Пшерадский Н.Л. 431
- Радзивилл** 495
Радовиц Й. 552
Разумовский В.И. 288, 427
Распутин Г.Е. 110, 111, 163, 411
Расторов 70
Рау (урожд. Галяшкина) Н.А. 150
Рау Ф.А. 150
Рацис 180—182
Рачинский К.А. 46
Редлих А.Т. 19
Рейтерн (урожд. фон Шверцель) Ш. 548
Рейтерн Г.В. 514, 543, 548
Рейтерн Мария (Миа) 518, 548, 549
Рекке, фон дер, барон 179
Рекстинг, учитель 28
Римский-Корсаков А.А. 10, 77
Риттих А.А. 84—87, 92, 93, 103, 104, 127, 159, 160, 170, 301
Рихтгофен, проф. 43
Рихтер Н.Ф. 80, 83, 91, 111—117, 159, 355, 356
Родзянко М.В. 15, 110, 111, 114, 163, 287, 293, 294, 428
Родионов П.В. 369
Родионов С.К. 80, 116
Родионова О.В. 383
Родичев Ф.И. 281, 286, 297, 300, 429
Роднин Т.Е. 203
Рождественский Э.П. 72, 158
Ромер Ф.Э. 57
Росси К. 150
Ростопчина (Растопчина) (урожд. Сушкова) Е.П. 521, 534, 549
Ротов 491
Рошер В.Г.Ф. 54, 154
Рудин Н.П. 87—89, 91, 96
Рудин С.Д. 161

- Румянцев А. 66
Рухлов С.В. 350, 352
Рыбушкин А.Н. 392
Рюхардт 75, 158, 190
Рябушинский С.П. 87
- Саблер В.К. 60, 61, 156
Савельев 59
Савинков А.В. 40, 153
Савинков Б.В. 40, 153, 170
Савицкий Н.П. 355
Савич Н.В. 290, 295, 297
Сазонов Н.Д. 206, 231, 345, 418, 420
Салатников 491
Салтыков 282
Самарин А.Д. 87, 90, 104, 111, 125, 130, 134, 135, 139, 144, 145, 147, 159, 161, 182, 190
Самойленко 403, 404
Самокиш-Судковская Е.П. 122, 164
Самсонов А.В. 165
Сандецкий А.Г. 373
Сафонов В.Ф. 127
Сахарова Л.Г. 542
Свербеев Д.Н. 548
Свербеева (урожд. княжна Щербатова) Е.А. 514–516, 548
Свечин 281, 286, 333
Свечины 24
Святополк-Мирский П.Д. 270
Северин Д.П. 506, 514, 546
Северцев 52
Сергей Александрович, вел.кн. 38, 52, 71, 80, 97, 152, 153, 159
Серов В.А. 152
Синельников 38, 40, 49, 50
Сипягин Д.С. 67, 156, 160
Сиркур А.М. 516, 548
Скадовская (урожд. Шлиппе) М.А. 31, 32, 104, 109, 150, 151
Скадовская С.Б. 34
Скадовские Б.Б., Б.С., Я.Я. 151
Скадовский А.С. (Шура) 32, 151
Скадовский С.Б. 31, 32, 34, 68, 70, 71, 104, 109, 150, 151
Скобелев 297
Скоропадская А.П. *см.* Дурново А.П.
Скропадский П.П. 171, 172, 174, 175, 195, 431
Скрыпин А.А. 21
Слободчиков 106–109, 112
- Смирдин А.Ф. 543
Смирнов И.А. 236, 237, 259, 421
Смирнов Н.В. 229, 323, 324, 392, 393
Смирнов Н.М. 548
Смирнова (урожд. Россет) А.О. 517, 548
Снытко Н.В. 487
Соболев 295
Созонов Е.С. 156
Солнцев (Сонцов) М.М. 525, 550
Солнцева (урожд. Пушкина) Е.Л. 550
Соловьев 340
Солоневич Ив. 439–441, 449
Солюс (урожд. Галышкина) Е.А. 156
Солюс М.С. 24
Солюс П.А. 66, 156
Сонин 245
Соничев 61
Средин А.В. 38, 146, 152
Сталин И.В. 13
Станиславский К.С. 38
Станке А.Ю. 190
Стахович М.А. 68, 70, 71, 241, 281–283, 429
Стебут И.А. 182, 197
Степанов А.Д. 421
Степанов, учитель 260
Столетов А.Г. 37
Стальпин П.А. 7, 76, 77, 88, 92, 93, 99, 102, 158, 161, 232, 233, 247, 287, 295, 299–302, 304, 314, 322, 330, 334, 341, 343, 346, 354, 399, 400, 406, 429, 431
Страховский 110
Стрепихеев 84
Стрижевский М.В. 322, 323, 326, 393, 394
Струве (Штруве) Г. 528, 532, 550, 551
Струве В.В. 151
Суворин А.С. 154
Суворов А.В. 470
Сукин И.И. 18
Суковкин М.Д. 124, 356
Сунгуров А.С. 392
Сухомлинов В.А. 351
Сюзор, граф 135
- Тарарыкин С.П. 86
Тарасов 87
Тарле Е.В. 444
Татищев 95
Татищев Б.А. 36
Татищев Н.А. 36, 55

- Татищев С.С. 326, 327, 401
Татьяна Николаевна, вел.кн. 195
Тейтель 109
Телешко 146
Теренин Н.С. 230, 336
Тесленко 63
Тимирязев К.А. 36, 152, 154, 197
Тихомиров В.М. 36
Тихонов П.Т. 417
Того Х. 158
Тоде Бр. 157
Толстая-Милославская (урожд. Степанова) Л.А. 421
Толстой А.А. 161
Толстой А.К. 333
Толстой А.Н. 444
Толстой Л.Н. 32, 185, 197, 548
Толстой М.Л. 52
Толстой Ф.И. 518, 548
Толстой-Милославский С.С. 231—234, 325, 340, 344—353, 380, 381, 391, 393, 411, 412, 415, 416, 421
Тон К.А. 150, 543
Трейман Л.А. 28, 31, 52, 53, 62
Третьяковы 68, 134
Трипольский М. 36
Троцкая Н.И. 152
Трубецкой В.П. 136
Трубецкой П.Н. 68, 73, 93, 136
Трубецкой С.Н. 281, 286, 426
Трубников Ю.В. 213, 222, 230, 281, 282, 288, 347, 348, 410, 419, 427
Тургенев А.И. 487, 490—493, 495—497, 499, 500, 504—506, 508—512, 516, 542, 547
Тургенев И.С. 32, 188, 189
Тургенев Н.И. 497, 499, 509, 510, 516, 525, 544, 545, 547
Тургенева Фанни Н. 547
Тургеневы А.Н. и П.Н. 547
Турский М.К. 46—48
Тучков П.А. 82, 139
Тхоржевский Н.И. 295, 301
Тюрмер, лесовод 94
Тютчев Ф.И. 548
- Убри (Убриль) П.Я. 515, 548
Уваров А.С. 156
Уваров Ф.А. 66, 79, 94, 111, 131, 156, 363
Уварова (урожд. Щербатова) П.С. 156
Уварова(урожд. Гудович) 94
Угримов А.И. 100, 162
Удачин А.И. 417
Ульямс Р. 10
Уланова Г.С. 151
Ульман Э.Р. 121
Ульянов А.И. 152
Унру В.Г. 133, 165
Усманова Д.М. 417
Ухтомский П.Л. 225, 226, 340, 341, 345, 346, 376, 378—380, 420
- Фальк Р.Р. 195
Фальц (урожд. Фейн) Е.Ф. 151
Фальц И.Г. 151
Фальц-Фейн (урожденная Кнауф) С.Б. 34, 151
Фальц-Фейн А.И. 34, 151, 152
Фальц-Фейн Ада 171
Фальц-Фейн Г.И. 34, 35, 151
Фальц-Фейн Ф.Э. 34, 151, 174
Фальц-Фейн Э.И. 34, 151
Федотов Г. 444
Федотова Гл.Н. 38
Фейн Фр.И. 151, 152
Фелькерзам 290
Феофилакт, арх. Болгарский 467
Фердинанд Максимилиан, австр. эрцгерцог 151
Фидлер 31
Филипсон Н.Н. 209, 265, 418
Флиге Н.Н. 55
Форштеттер 170
Франц Фердинанд, эрцгерцог 129, 165, 430
Фредерикс (мин. двора) 93, 409, 410
Фридрих Вильгельм III, прусский король 546
Фридрих Карл Александр, принц Вюртембергский 545, 548
Фридрих, принц Гессен-Кассельский 537, 545, 552
Фриш В.Э. 323, 325, 326
- Халютин П. 38, 40, 49, 50, 72
Харитоненко П.Г. 181
Хармс Д. 150
Харченко Я.Т. 124, 403, 404
Хатисов А.И. 137, 138
Хемус, врач 540
Хилков М.И. 63
Хлебников В.А. 122, 426
Хмелев Н.Н. 133, 264

- Хозрев-Мирза, принц 543
 Хомутов П.Ф. 273, 279, 425
 Хомутова (в замуж. Шипова) Л.В. 158
 Хомяков А.С. 522, 549
 Хомяков Н.А. 230, 241, 281, 282, 290, 291, 294
 Хрипков А.Д. 490, 542
- Ц**
 Цилига 442–444
 Цюрупа 389
- Ч**
 Чаадаев П.Я. 548
 Чайковский П.И. 166
 Чаплин Н.Д. 161
 Чегодаев-Законский П.Н. 421
 Челноков М.В. 136–138, 264
 Чернов 116
 Чернышев А.И. 252, 253, 423
 Чернышев Ф.Н. 41–43, 153
 Чернявский 372, 414
 Четвериковы Д. И. и С.И. 88, 160
 Чупров А.И. 37
 Чхеддзе Н.С. 295, 297
- Ш**
 Шаляпин Ф.И. 38
 Шарко Ж.М. 223
 Шаховские, князья 86
 Шаховской Д.И. 281, 286, 287
 Шашковский К.И. 92, 127
 Шванебах (в замуж. Берг) А.П. 55, 101, 197
 Шванебах (в замуж. Лессинг) Т.Н. 196
 Шванебах (урожд. Беренс) М.А. 10, 11, 54, 55, 66, 68, 101, 146, 154, 171, 176
 Шванебах Борис 67
 Шванебах Е.П. см. Шлиппе Е.П.
 Шванебах П.Х. 51, 54, 55, 67, 68, 73, 93, 101, 154
 Шевырёв П.Я. 152, 153
 Шевырев С.П. 501, 502, 542, 546, 551
 Шеншин 260, 264, 265
 Шеншины 187, 188
 Шереметев Б.С. 147, 148, 167
 Шереметев П.С. 80, 111, 136, 138, 159
 Шереметев С.Д. 54, 80, 96, 147, 148, 155, 167, 187, 190
 Шереметева (урожд. Тютчева) Н.Н. 517, 548
 Шернваль фон Валлен А.К. 518, 548
 Шефер 308
 Шехтель О.И. 150
- Шехтель Ф.О. 160
 Шидловский С.И. 290, 297
 Шиман 68, 70, 75, 158, 190
 Шингарев А.И. 293, 428
 Шипов Д.Н. 77, 114–116, 158, 163, 230, 238, 240, 241, 263, 264, 268–272, 348, 354, 355, 364, 403, 424, 429
 Шипов И.П. 160
 Шипов Н.П. 158
 Шипов Ф.Н. 76, 77, 79, 80, 158
 Шлеммер Ф.И. 176
 Шлиппе (урожд. Андре) А.Ф. 17, 74, 149, 158
 Шлиппе А.Ф. 9, 145, 146, 167, 169, 176, 178, 187, 194–196
 Шлиппе Ал.-др.А. 31, 63, 143, 149
 Шлиппе Ал.-др.Б. 19, 169, 195
 Шлиппе Ал.-др.К. 31–33, 53, 55, 63, 76, 79, 150, 155
 Шлиппе Алиса В. 27, 31, 55, 149, 182, 183, 190
 Шлиппе Альб. В. 8, 10, 31, 150, 171, 176, 178
 Шлиппе Б.В. 10, 31, 69, 76, 149, 171, 176, 178, 194
 Шлиппе Б.Ф. 8, 11, 14, 15, 19, 20, 28, 55, 62, 66, 69, 72, 80, 101, 102, 146, 156, 169, 171, 176, 178, 194, 198, 381, 417
 Шлиппе (в замуж. Бурсиан) В.Г. 69, 178, 194, 197
 Шлиппе В.Г. 11, 69, 171, 174–176, 194
 Шлиппе В.К. 25, 33, 55, 149
 Шлиппе Вера, Дагмара 55
 Шлиппе Вл.Б. 16, 19, 24
 Шлиппе Вл.Г. 69, 184
 Шлиппе Вл.К. 17, 25, 26, 28–30, 33, 36, 39, 45, 47, 49, 51–55, 58–61, 66, 72, 74, 76, 80, 82, 92, 93, 96, 100, 103, 104, 109, 112, 115, 124–126, 129, 137, 143, 149, 152, 155, 161, 169, 171, 175, 176, 178, 195, 196
 Шлиппе Ганс 16
 Шлиппе Г.К. 33, 69, 150, 157, 171, 177, 184
 Шлиппе Гуннар 150
 Шлиппе (урожд. фон Трота) Г.О. 149
 Шлиппе (в замуж. Шолле) Е.А. 31, 150
 Шлиппе (урожд. Фальц-Фейн) Е.И. 31, 55, 150, 155
 Шлиппе (в замуж. Михалевская) Е.К. 55, 155
 Шлиппе Е.К. см. Галяшкина Е.К.
 Шлиппе (урожд. Шванебах) Е.П. 8, 10, 14, 15, 18, 45, 51–53, 55–57, 59, 60, 63–66, 69, 72,

- 75, 80, 93, 101–104, 109, 112, 126, 135, 143, 146,
154, 169, 176, 178–181, 194–196
Шлиппе (урожд. Леман) Е.Р. 150
Шлиппе Инг. 69
Шлиппе Й.А. 16
Шлиппе К.Вл. 26–28, 30, 31, 35, 50, 52, 53, 55,
101, 149, 154, 155, 169, 182, 183, 190
Шлиппе К.И. 8, 16, 17, 27, 33, 100, 158
Шлиппе Конст Г. 55, 69
Шлиппе Кс.Э. 24
Шлиппе (урожд. Мельникова) К.Н. 8, 19, 20,
156
Шлиппе (в замуж. Леман) Л.Г. 69, 184
Шлиппе М.А. см. Скадовская М.А.
Шлиппе М.Вл. 8, 10, 31, 55, 135, 143, 149, 171,
176, 178
Шлиппе (урожд. Беренс) М.Э. 50, 52, 55, 149,
154, 155, 169, 182, 183
Шлиппе (урожд. Пфалер) Н. 156
Шлиппе Н.Г. 69, 73, 157, 184
Шлиппе (урожд. Андре) О.А. 25, 53, 55, 66, 80,
103, 105, 112, 137, 149, 169, 175, 176, 178, 180
Шлиппе (в замуж. Гартье) О.А. 31, 150
Шлиппе П.А. 187
Шлиппе П.Ф. 66, 69, 72, 80, 101, 102, 146, 156,
169, 171, 178, 179
Шлиппе (урожд. Фальц-Фейн) Р.И. 69, 157
Шлиппе С.А. см. Бергман С.А.
Шлиппе Серг. А. 31, 50, 70, 150, 152
Шлиппе Ф.В. 7–18, 25–197, 301, 330, 355–
358, 361–365, 410, 430
Шлиппе Ю.Б. 18, 19, 24
Шлитте 142
Шолле Г.Г. 150
Штейн В.Н. 45, 49, 65, 110, 170
Шуваев, ген. 396
Шувалов П.П. 35
Шульгин В.В. 293, 297
Шульц А.А. 301, 351, 413, 414
Шумахер 478
Шумилов И.Хр. 236, 237, 255, 256, 260, 422
Шумкова Л.П. 429
Щепкин Д.М. 133
Щепкин М.М. 100
Щербаков А.Н. 288, 428
Щербатов А.Г. 100, 162, 510–512, 547
Щербатов Н.Б. 141, 166, 401, 429
Эберт Ф. 196, 197
Эннатский Л.В. 213, 222, 223, 230, 248–250,
256, 266, 287, 419, 420
Эрнст, герцог Гессен-Дармштадтский 157
Южин А.И. 38
Юматов В.Д. 161, 355
Юргенсон Ф.Ф. 308, 374
Юсупов Ф.Ф. 141, 142
Юшков К.А. 206–210, 224, 242, 327, 334,
418
Языков Г.Г. 96
Языков Н.М. 518, 548
Якимов М.К. 124, 170, 190
Якоби А.Н. 211, 212, 419
Яковлев И.И. 123–125, 409–411
Якубович В.И. 425
Якунчикова М.Ф. 239
Якушкин И.Д. 548
Ярославский Е. 462

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ДОКУМЕНТЫ

Воспоминания Ф.В. Шлиппе и Н.А. Мельникова (Вместо предисловия)

7

Федор Владимирович Шлиппе. Автобиографические записки. 1941—1946 гг.

Глава I; Глава II. Быкасово; Глава III. Японская война и первая революция;

Глава IV. Опять дома, предводительство и земство; Глава V. Землеустройство.

Глава VI. Путешествие за границу, назначение в министерство.

Глава VII. Петербургский период (после отпуска). Глава VIII. Московское Губернское

земство. Глава IX. Война. Глава X. Возврат к частной жизни.

Неожиданные финансовые успехи

25

От революции до эмиграции 1918—1920

I Первое бегство из Москвы на Украину (лето и осень 1918). II Рига (20 декабря 1918 по 15 апреля 1919 г.) III Одиссея от 15.IV.1919—15.IV.1920

168

Николай Александрович Мельников. 19 лет на земской службе
(автобиографический очерк и воспоминания)

198

Доклад Н.А. Мельникова 1939 г.
Предложения об устройстве местного самоуправления
в христианско-национальной России
432

Опросный лист
481

ИЗ РЕДАКЦИОННОГО ПОРТФЕЛЯ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ
АРХИВ»

Письма В.А. Жуковского А.Я. Булгакову
(1836–1852)
487

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
554

Р76 «Российский Архив»: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Вып. 17:[альманах] — М.: «Рос. Фонд Культуры», Студия ТРИТЭ Н. Михалкова, «Российский Архив». 2008. — (Новая серия). — 568 с.: ил.

ISBN 5-86566-059-4

ISSN 0869—2009

В томе публикуются уникальные материалы по истории земства в России — воспоминания Ф.В. Шлиппе и Н.А. Мельникова. Служить в земстве оба начали в молодые годы: Шлиппе в Верейском уезде Московской губернии; Мельников в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии. Впоследствии, каждый в «своей» губернии, возглавляя губернские земские управы. Оба применяли свои силы и знания и на государственной службе: Шлиппе инспектор сельского хозяйства Московской губернии и непременный член Землеустроительной комиссии, позже вице-директор департамента земледелия в Министерстве земледелия. В том же Министерстве во время Первой мировой войны служил и Мельников, назначенный в 1916 году членом совета министров и главноуполномоченным по заготовкам продуктов для действующей армии. Оба были убежденными сторонниками аграрных реформ П.А. Столыпина. Воспоминания охватывают полувековой период от детства (начало 1870-х гг.) до первых лет эмиграции (начало 1920-х).

В рубрике «Из редакционного портфеля «Русского Архива» П.И. Бартенева» публикуются все 86 писем В.А. Жуковского А.Я. Булгакову (1836—1852), сохранившихся в редакции журнала. Кроме того три письма: Жуковского — И.Ф. Воейкову; И. Давыдова — А.Я. Булгакову; Н.В. Гоголя — А.Я. Булгакову.

Альманах снабжен научно-справочным аппаратом.

Для историков, филологов и всех интересующихся историей.

УДК 94(47).05/.084(93.3)

ББК 63.3(2)52ю14+63.3(2)53ю14+63.3(2)6ю14

РОССИЙСКИЙ АРХИВЪ

**История Отечества
в свидетельствах и документах
XVIII—XX вв**
Новая серия

Редактор Т.В. Померанская

Издат. лицензия ЛР №071963 от 10. 09. 1999г.

Подписано к печати 10. 08. 2008 г. Формат 70х100 1/16

Гарнитура «Academia». Печать офсетная. Усл. печ. л.

Тираж 2000 экз. Изд. № Заказ № 1360

РФК — «Российский Архив»

121019, г. Москва, Гоголевский бульвар, 6/7; тел.7392065

ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

ОПЕЧАТКИ-1¹⁾		
<i>Стр-ца/абз./строка:²⁾</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Надо:</i>
[ВОСПОМИНАНИЯ Ф.В. ШЛИППЕ И Н.А. МЕЛЬНИКОВА (Вместо предисловия)]		
19 Подпись под фото	Справа налево:	Слева:
11/3/3 снизу	Борис (сын Ф.В.)	Борис (брат Ф.В.)
•22/-/8 сверху	и обстоятельной была работы	и обстоятельной работы
[Ф.В.Ш., АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ]		
25 [также и 198]: Заголовок	Автобиографические записки 1941-1946	Автобиографические записки
46/-/ 4 снизу	Дело были	дело
49/4/3-4	об- ладая	об- ладал
59/5/1	Ташировыма	Ташировым
67/2/3	крутым, на	крутым оврагом, на
86 /-/1 снизу	у уютом	уютом
111/2/7	заместителя	преемника
113/3/8	самооблажения Облагались	саморобложения. Облагались
123/3/4	Стояла	стояло
140/2/9	посаде, а	посаде, на

¹⁾ Дополненный и исправленный список, относящийся к воспоминаниям Ф.В.Шлиппе (по сост. август 2008 г.) В левом столбце, точкой <•> выделены поправки, которые содержались уже в первоначальном, одностороннем вкладыше. (По Н.А. Мельникову см. значительно больший список «Опечатки-2»)

²⁾ Знак минус <-> означает, что абзац не указан; в таком случае отсчет строки ведется от начала (или конца) страницы, напр.: 443/-/2 сверху ; 450/-/2 снизу.

ОПЕЧАТКИ-2 ^{Списки 1+2}

[Н.А. Мельников: Доклад 1939 года:]

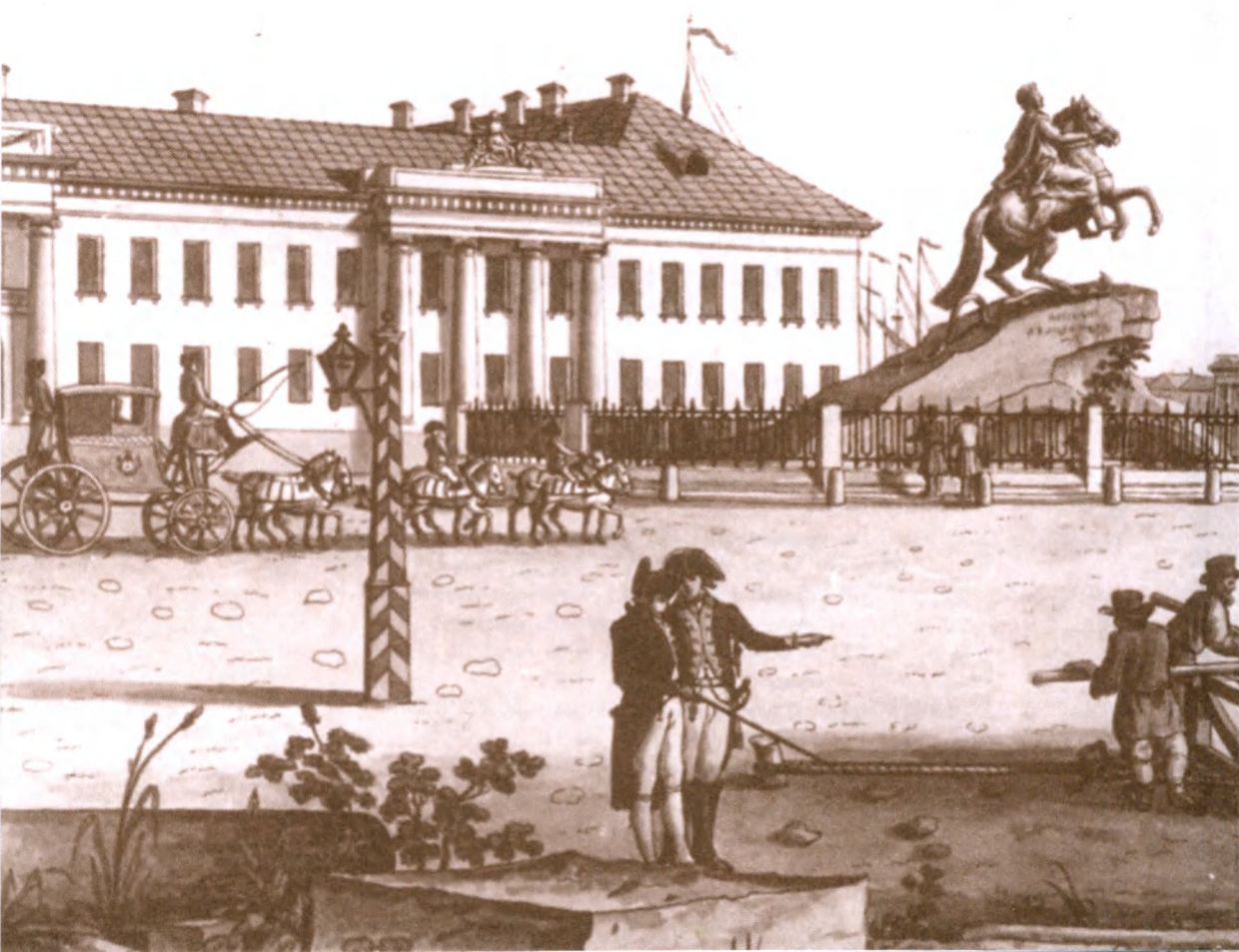
Страница/Абз./Строка	Напечатано:	Надо:
432/4/2	я, решил	я решил
•432/4/5	о просьбой	с просьбой
432/4/6	приложение).: на	приложение); на
•433/5/2	накануне, по-моему.	накануне, по-моему, приближающихся сроков коренных перемен на нашей родине.
•433/8/2	политикой	попыткой
433/8/4	возможно, ли	возможно ли
436/2/2	заведовало	заведование
436/3/2 снизу	несладкого	недавнего
443/-/2 сверху	«Шли в комнату	«Шли в [одну] комнату
445/2/13	чиновники, если бы	чиновники. Если бы
446/3/6	<u>икона</u>	<u>школа</u>
•446/6/1	подчиняя себя	подчиняя себе
446/7/4	здесь, не	здесь не
447/5/7	Нарастание их сначала	Нарастание их, сначала
448, 1/8	загадочной аморфной,	загадочной, аморфной,
•448/1/10	политическая	политического
448/1/19	классов, что особенно	классов, [но,] что ~
448/1/28	и с доверием и [станет]	и с доверием [станет]
•450/-/2 снизу	доклады	доклада
452/8/3	занятиям, с местными	занятиям с местными
453/2/4	мелких во владении	мелких, во владении
454/2/4	придать общественный	придать ей ~
454/4/1	возможно, было бы	возможно было бы
•454/6/3	крут»	круг
•454/6/8	указаниями».	указаниями?
454/-/2 снизу	положения земства	положения, земства
455/2/2	местной, торговли	местной торговли
455/3/2	потребности» право	потребности. Право
•456/-/13 сверху	Он были	Он был

¹ Дополненный и исправленный список. **NB:** В левом столбце, точкой <•> выделены поправки, которые содержались и в первоначальном варианте (одностраничный вкладыш).

² В нем редакция, извиняясь за изобилие опечаток, объяснила их тем, что «документ печатался с полуслепой машинописной копии... и к моменту издания был не доступен для сверки». Однако, все исправления могли быть сделаны, если бы компьютерный текст книги был послан мне элпочтой до его отправки в вёрстку. – Примеч. ЮБШ.

•456/-/15 снизу	которая	Которые
457/-/5 сверху	одновременно,	одновременно
457/10 сверху	местностей.	местностей».
458/3/2 снизу	«Кроме того, интересы	Кроме того, «интересы
458/-/3 снизу	плательщиков, прямо	плательщиков прямо
459/1/3	сборов в естественном	сборов, в естественном
459/1/4 снизу	с исстари	исстари
•460/3/2	в поиска	в поисках
•460/7/1	некоторый	некоторые
460/9/2	приходы и на	приходы, и на
•461/1/10	сказывать	оказывать
461/5/3	жизни по преимуществу	жизни, по преимуществу
•461/6/1	позволили	позволил
461/6/5 ³		[См. Сноску ³]
461/7/1	населения, которой,	населения, как
462/-/5 сверху	которое будет господствующим	которые будут господствующими
462/4/последняя	хищников и, сумела	хищников и сумела
465/4/4	роль что они	роль, что они
465/-/8 снизу	вопроса и, отмечая	вопроса и отмечая
467/2/2 снизу	пищу, и потребную	пищу и потребную
469/3/7	«другие» несколько	«другие», несколько
469/-/12 снизу	пп. П	пп. !!
•469/-/4 снизу	приходов, который	приходов, которые
473/-/2 сверху	корреспондентов в	корреспондентов, в
473/-/12 снизу	дотаций было бы	дотаций, было бы
477/-/10 снизу	уставы «но	уставы, «но
•478/-/13 снизу	зависеть	зависела
•478/-/10 снизу	предусматривалось	предусматривал
•478/-/5 снизу	признало	признано
480/-/5 сверху	оказано	сказано
•481/-/21 снизу	возможные.	возможным.
•481/-/3 снизу	наполнение	исполнение
•482/2/3	который	которые
483/пункт 18.в)	протестов и какие	протестов, и какие
•483/2/2	различный	различные

³ В оригинале абзац заканчивается предложением, которого в данном издании нет: «Избиратели не без основания могут указать, что если их законные права и вытекающие отсюда действия становятся ничтожными благодаря немотивированному «ВЕТО» некоторой группы лиц, то незачем было и привлекать их к выборам.» (Примеч. ЮБШ)

**СТУДИЯ
« ТРИТЭ »
НИКИТЫ МИХАЛКОВА**